

**ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И СПЕЦИАЛИСТОВ**
в Российском государственном архиве социально-политической истории
3–4 апреля 2019 года

Организаторы конференции
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

При участии
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ГЕРМАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В МОСКВЕ
ЦЕНТРА ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ

Оргкомитет конференции
Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники,
к.и.н. А. К. Сорокин (РГАСПИ) (председатель);
д.и.н., проф. А. Б. Безбородов (РГГУ); С. Дальке (ГИИМ);
к.и.н. А. В. Лукашин (РГАСПИ) (ответственный секретарь); П.-Л. Сикс (ЦФРИ);
д.и.н., проф. Ю. А. Шутов (МГУ им. М. В. Ломоносова); к.и.н. Д. В. Фомин-Нилов (ГАУГН)

Почетный председатель конференции
академик Российской академии наук
В. С. Мясников

Программный комитет конференции
д.и.н., проф. А. В. Репников (РГАСПИ) (председатель);
д.полит.н., проф. А. А. Ширинянц (МГУ им. М. В. Ломоносова);
к.и.н. К. М. Андерсон (МГУ им. М. В. Ломоносова);
к.и.н. О. А. Шашкова (РГАСПИ)

Информационная поддержка:
Журнал «Исторический архив»
Журнал «Российская история»
Электронный научно-образовательный журнал «История»
Группа РГАСПИ в социальной сети «ВКонтакте»
Страница РГАСПИ в социальной сети «Facebook»

Место проведения
г. Москва, улица Большая Дмитровка, 15,
РГАСПИ

ЛЕВЫЕ ИДЕОЛОГИИ,
ДВИЖЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ

*Сборник
материалов
Девятой
международной
конференции
молодых ученых
и специалистов*

ЛЕВЫЕ ИДЕОЛОГИИ,
ДВИЖЕНИЯ И
ОРГАНИЗАЦИИ
В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
РОССИЙСКОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

ЛЕВЫЕ ИДЕОЛОГИИ, ДВИЖЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
РОССИЙСКОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

*Сборник материалов
Девятой международной конференции
молодых ученых и специалистов*

Оlic 2019

Организаторы
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

При участии
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ГЕРМАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В МОСКВЕ
ЦЕНТРА ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ

ЛЕВЫЕ ИДЕОЛОГИИ,
ДВИЖЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ
В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
РОССИЙСКОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

*Сборник материалов
Девятой международной конференции
молодых ученых и специалистов*

Оlic 2019

РОССПЭН

Москва

2019

УДК 930
ББК 63
ЛЗ8

Издание осуществлено при поддержке
Фонда «История Отечества»

Редакционная коллегия:

Н. М. Волхонская, Е. М. Григорьев,
А. В. Лукашин (отв. секретарь), Н. А. Лысенков,
А. К. Сорокин (отв. редактор), М. А. Тимофеева

ЛЗ8 **Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени** : Сборник материалов Девятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2019» / [отв. редактор А. К. Сорокин]. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. – 487 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2313-9

В сборник включены тезисы докладов участников Девятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио», которая ежегодно начиная с 2011 года проводится в Российском государственном архиве социально-политической истории. Доклады посвящены актуальным историко-архивным проблемам, важным сюжетам археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. В 2019 году исполняется 100 лет с момента создания Коминтерна, в связи с этим центральной темой конференции стала история левых идеологий, движений и организаций. На конференции состоялось обсуждение не только содержательных проблем истории левой альтернативы, но и вопросов выявления, хранения, использования и репрезентации в публичном пространстве соответствующих архивных комплексов.

В работе конференции приняли участие более 120 молодых ученых из России, Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Колумбии, Франции и Швейцарии.

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-5-8243-2313-9

© Российский государственный архив
социально-политической истории, 2019
© Политическая энциклопедия, 2019

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКИРИИ ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА 1921–1923 гг.

*Абдрахманов Радмил Рамилевич
(Национальный литературный музей Республики
Башкортостан)*

Одной из наиболее трагических страниц в новейшей истории Башкортостана является голод начала 1920-х гг. Это бедствие оказало разрушительное действие не только на хозяйственную и политическую стороны жизни республики, но и отрицательно сказалось на демографических показателях населения региона. До 14 июня 1922 г. Башкирия делилась на Автономную Башкирскую Советскую Республику (Малая Башкирия) и Уфимскую губернию.

1920 г. для региона в продовольственном отношении был неудачным – случился недород, а в 1921 г. разразилась сильная засуха, вследствие чего начался страшный голод, продолжавшийся вплоть до 1923–1924 гг. В результате засушливой погоды в Уфимской губернии погибло 58 % посеянных хлебов, урожайность остальных еле достигла 42 %¹. От голода наиболее пострадало население горно-лесных и горно-степных районов, где преобладали башкиры. Известно, что только в одном Тамьян-Катайском кантоне АБСР от последствий голода вымерло около 60 % местного башкирского населения². Высокую смертность жителей этой части региона можно отчасти объяснить тем, что 80 % хозяйств этих районов практически не занимались разведением огородов³.

В определенной мере усугублению положения способствовали последствия продовольственной политики советского государства в 1918–1920 гг. К началу февраля 1921 г. в Уфимской губернии продотрядами было изъято у населения 13 млн пудов зерна и фуража, 12 тыс. пудов сливочного масла, 12 млн штук яиц; в Башреспублике – 2,2 млн пудов зерна, 6,2 тыс. пудов сливочного масла, 39 тыс. голов крупного рогатого и 82 тыс. голов мелкого рогатого скота, 2,2 тыс. пудов меда. Судя по размерам, эти экспроприации сыграли не последнюю роль в предстоящем

¹ *Надеждина В.А.* «...Все к социализму иду и никак не могу дойти»: рабочие и крестьяне Южного Урала и социальная политика Советского государства в годы НЭПа. Уфа, 2005. С. 175.

² Там же. С. 176.

³ *Гумеров Г.Х.* Борьба за восстановление народного хозяйства Башкирии (1920–1928 годы). Уфа, 1957. С. 112.

ухудшении ситуации с продовольствием в Башкирии. Можно предположить, что смертность от последствий голода была бы гораздо ниже, если бы население региона не было ослаблено гражданской войной, эпидемиями. Положение усугубилось плачевным состоянием экономики, неразвитостью инфраструктуры Башкирии, отсутствием финансов и т. д.

Если в 1921 г. в Башкирии на 1000 человек населения родилось 40 младенцев, то в 1922 г. этот показатель снижается почти в три раза, составив 13. Так, по неполным данным, в Белебеевском уезде Уфимской губернии в феврале 1921 г. родилось 4459 человек, в ноябре – 1251, в декабре – 1229, в то время как до Первой мировой войны здесь ежемесячно рождалось от 2300 до 2900 детей (примерно 50–51 на 1000 населения в год)⁴. По данным ЗАГСа, в Уфимской губернии в первом полугодии 1921 г. родилось 45 880 детей, умерло 26 747 чел., во втором – появилось на свет 35 281 младенец, скончалось 75 955 чел. По итогам года естественная убыль населения составила цифру 21 541 чел.⁵ После преодоления тяжелейших последствий голода ситуация в республике постепенно начинает меняться в сторону улучшения: в 1923 г. – 35,2; в 1924 г. – 49,0; в 1925 г. – 50,5; в 1926 г. – 51,3; в 1927 г. – 45,3⁶.

Согласно статистическим данным, приводимым республиканским ЗАГСом, с 1 октября 1923 г. по 1 ноября 1924 г. в БАССР родилось 131 978 младенцев, из которых 68 282 были мужского пола, 63 696 – женского⁷. Было зарегистрировано 64 971 случаев смерти (33 088 мужчин, 31 483 женщин)⁸. В данном случае следует принять во внимание тот факт, что вышеуказанные сведения ЗАГСа не могут считаться абсолютно верными и точными, в них могут быть статистические погрешности. В силу ряда причин (далекие расстояния, проблемы с транспортом, кадровые проблемы и т. д.) местные подотделы службы не всегда вовремя представляли свои отчеты.

В общей сложности в Башкирии в период времени с 1920 по 1922 г. в результате последствий голода, эпидемий, холода, репрессий население сократилось на 653 тыс. чел. (22 %). Жителей было 3 млн 26 тыс., осталось в живых 2 млн 378 тыс. чел.⁹ По сведениям Уфимского губернского отдела здравоохранения (губздрави), до 1 января 1922 г. заболело от последствий голода 112,8 тыс. чел., летальные исходы составили 16,9 тыс. случаев. Только за январь 1922 г. заболело 49,9 тыс. и умерло 2,7 тыс. чел. Если в первом полугодии 1921 г. смертность населения губер-

⁴ Власть труда. 1922. 18 февраля.

⁵ Вестник Башнаркомздрави, 1923. № 2–3. С. 28.

⁶ Абдрахманов Р.Р., Гниятуллина Г.Г., Сулейманова Р.Н. Демографическое развитие народа в 1919–1930-х гг. // Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. Вып. III. Башкиры в Башкортостане в XX столетии: Исторические очерки. Уфа, 2009. С. 271.

⁷ НА РБ. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 332. Л. 35.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 109. Об. л. 93.

нии составляла 25,8 тыс. чел., то во втором она уже выросла до 71,5 тыс. чел., превысив потери первого более чем на 45 тыс. чел. Из числа этих 45 тыс. жертв 9 тыс. скончались от холеры, остальные 36 тыс. – от различных последствий голода.

Летом 1922 г. в Башкирии уровень ежемесячной смертности от голода колебался между такими показателями: 5 и 6 тыс. чел.¹⁰ Всего от эпидемических заболеваний по Уфимской губернии страдало с ноября 1921 г. по март 1922 г. 27 тыс. чел., из них больше всего болело различными видами тифа около 23 тыс. чел. За этот же период в самой Уфе от эпидемии пострадало более 5 тыс. чел., в том числе от тифа – 4,2 тыс.¹¹

По данным И.В. Нарского, в Уфимской губернии в январе 1921 г. родилось 7451 чел., умерло 4567, в феврале соответственно 8822 и 4900, в марте – 8665 и 5272, в апреле – 7281 и 4061, в мае – 6794 и 3563, в июне – 6867 и 4384, в июле – 6782 и 20 067, в августе – 5530 и 16 680, в сентябре – 5773 и 16 816, в октябре – 5808 и 7730, в ноябре – 5207 и 5871, в декабре – 6181 и 8791, в январе 1922 г. на свет появилось 5624 младенца, ушло из жизни 8399 человек, в феврале – 5225 и 12 369, в марте – 4431 и 17 357¹². По приведенным цифрам можно заметить, что до июля 1921 г. в губернии наблюдался прирост населения, а затем с августа началась его убыль.

Детское население в Уфимской губернии в 1921 г. насчитывало 435 852 чел.¹³ По некоторым сведениям, за весь 1921 г. указанное количество детей от голода сократилось на 75 955 чел., а за первые шесть месяцев 1922 г. – еще на 88 369 чел.¹⁴ По данным Уфимской губкомиссии Помгол, в июне 1922 г. в Уфимской губернии от голода в городах страдало около 47 тыс. взрослых и примерно 53 тыс. детей, а в сельской местности – более 600 тыс. взрослых (по некоторым системам учета дети старше 15–16 лет считались взрослыми) и 586 тыс. детей¹⁵. По другим данным, в регионе общее количество детей составило 803 784 чел., из них голодающими были признаны 570 тыс.¹⁶

В Малой Башкирии в этот период ситуация по сравнению с Уфимской губернией была гораздо сложнее. В связи с голодом развитие эпидемий приняло широкие размеры – хотя рост заболеваемости холерой благодаря принятым энергичным мерам к октябрю 1921 г. прекратился и пошел на спад, распространение получили возвратный и сыпной тифы, цинга

¹⁰ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 107.

¹¹ Чишкова А. Темпы урбанизации населения Башкортостана в первой трети XX века (1897–1939 гг.) // Ватандаш. № 7. 2005. С. 42.

¹² Нарский И.В. Указ. соч. С. 129.

¹³ Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. (Социально-правовые очерки). М., 1923. С. 45.

¹⁴ Уразгулов Р. Голод. Жертвы. Урок // Ватандаш. № 12. 2004. С. 98.

¹⁵ НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 516. Л. 50.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 204. Л. 74.

и другие болезни. Общее количество смертей от голода с 1 августа 1921 г. по 1 апреля 1922 г. составило по республике примерно 83,5 тыс. чел.¹⁷ Во время голода 1921–1923 гг. в республике в общей сложности от голода страдало свыше 648 тыс. взрослых и 639 тыс. детей, что в сумме составляло 1 млн 288 тыс. чел.¹⁸

В июне 1922 г. общее число голодающих в Малой Башкирии составило 1 175 305 человек (из них 751 987 взрослых, 423 318 детей). По данным Деткомиссии ВЦИК, в республике насчитывалось 578 тыс. детей, из них 500 тыс. голодали¹⁹. В процентном же соотношении от голода страдало на местах: в Стерлитамакском кантоне – 90 % населения, в Табынском – 90 %, в Аргаяшском – 97 %, Бурзян-Тунгаурском – 98 %, Дуван-Кушинском – 94 %, Кипчак-Джетировском – 96 %, Кудейском – 92 %, Тамьян-Катайском – 94 %, Токчуранском – 97 %, Усерганском – 96 %, Юрматынском – 96 %, Яланском – 90 %²⁰. 14 июня 1922 г. декретом ВЦИК «О расширении границ Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики» Уфимская губерния была упразднена. Уфимский, Бирский, Белебеевский и Златоустовский уезды Уфимской губернии были включены в состав Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики.

И.В. Нарский в своем исследовании отмечает, что к лету 1922 г. от последствий голода в Малой Башкирии из голодавших 1 099 630 чел., в том числе и 500 тыс. детей, скончалось в общей сложности около 460 тыс. чел.²¹ В Табынском кантоне к 12 июля 1922 г. умерло от голода 12 527 чел. взрослых и 8988 детей²².

Голод 1921–1923 гг. остался в памяти народа, особенно башкирского, как страшное масштабное бедствие, унесшее десятки тысяч жизней. Самые большие потери в это время понесло детское население республики, которое находилось в тяжелейших социально-экономических условиях. Смертность детей была очень высокой. По некоторым данным, комиссии помощи голодающим и столовые АРА смогли помочь лишь 55 % из общего количества детей Башкирии, нуждавшихся в помощи. Судьба остальных неизвестна: многие умерли от голода, эпидемий, пропали без вести.

¹⁷ Чишкова А. Указ. соч. С. 43.

¹⁸ НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 516. Л. 50.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 204. Л. 74.

²⁰ Вечерняя Уфа (на башкирском языке). 2008. 6–12 сентября.

²¹ Нарский И.В. Указ. соч. С. 107.

²² НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 553. Л. 154.

ИНОСТРАННАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ: СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА ПУТЕМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

*Алексеевко Елена Вячеславовна
(Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева)*

Переход советской страны от гражданской войны к мирному хозяйственному строительству совершался в сложной международной и внутренней обстановке¹. Переход от войны к миру потребовал от партии сконцентрировать главные усилия на быстрейшем восстановлении разрушенного хозяйства. В 1920-е гг. принимался ряд мер по укреплению материально-технической базы Наркомата внешней торговли в связи с тем, что в период гражданской войны торговля велась в ничтожных количествах². В этой связи изменился и характер солидарных действий международного пролетариата по отношению к Стране Советов. В феврале–марте 1922 г. секретарь ЦК Межрабпома В. Мюнценберг неоднократно обращался к В.И. Ленину по вопросам технической помощи. Кроме оказания помощи голодающим, возникла идея о производственно-технической помощи СССР, которая была поддержана Коминтерном. Оказание помощи осуществлялось посредством сбора, закупки и отправки в Советскую Россию инструмента, промышленного и сельскохозяйственного оборудования. Особенно успешно эта кампания прошла в США, Англии и Германии, по результатам было собрано и отправлено около 1000 тонн машин, различного оборудования и инструмента³. Немецкий коммунист Б. Кеннан, вспоминая об этой кампании пролетарской солидарности, особо отмечал тот высокий энтузиазм, с каким рабочие Германии «собирали гвозди, болты, напильники, щипцы, металлолом, резцы, измерительные и другие инструменты, запаковывали их в ящики и отправляли через организацию Международной рабочей помощи (Межрабпом) нашим братьям в молодом Советском государстве, которые с непреклонной решимостью и революционным подъемом бук-

¹ Озеров Л.С. Дело трудящихся всех стран. Международная солидарность трудящихся СССР и зарубежных стран в период строительства социализма в СССР. М., 1978. С. 12.

² РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 218.

³ Озеров Л.С. Указ. соч. С. 12–16.

вально из ничего начали строить новый, социалистический мир»⁴. После 1922 г. деятельность Межрабпома была направлена исключительно на содействие быстрейшему восстановлению промышленности и сельского хозяйства. Состоявшаяся в июле 1922 г. III Международная конференция Межрабпома приняла социальную резолюцию «К вопросу о производственной помощи», в которой определила основные направления и формы содействия Советской России в восстановлении ее хозяйства. Кроме закупки и отправки инструмента, промышленного оборудования и сельскохозяйственных машин по решению конференции предусматривалась посылка в Страну Советов квалифицированных рабочих и специалистов, при этом Межрабпомом неоднократно подчеркивалось, что направлять в Россию следует лишь тех, кто по своей специальности крайне необходим для восстановления работ.

Практическим осуществлением этих задач занялось созданное в июле–августе в 1922 г. Берлине «Торгово-промышленное акционерное общество международной рабочей помощи Советской России» с отделением в Москве. В ноябре–декабре 1922 г. в резолюции «Пролетарская помощь Советской России» IV конгресс Коминтерна призывал рабочих всех стран оказывать помощь Советской России «путем поставленной кампании хозяйственной помощи немедленную и реальную поддержку в деле восстановления ее хозяйства»⁵.

Широкомасштабное привлечение западных технологий посредством государственной политики началось в России после Октябрьской революции 1917 г. Молодая советская республика прилагала колоссальные усилия по восстановлению дипломатических и экономических отношений с Соединенными Штатами. После окончания нэпа в СССР, по отечественным данным, действовало 114 концессий (61 национального значения и 53 республиканского значения), но в этот список вошли и соглашения с американскими, германскими, британскими и другими компаниями или гражданами о техническом содействии⁶.

Факт остается фактом, что «сотрудничество коммунистов с капиталистами» все же состоялось, и ряду инофирм удалось внести крупный и даже решающий вклад в создание промышленного потенциала СССР.

В связи с принятием первого пятилетнего плана на смену концессиям пришли так называемые договоры о технической помощи, или о техническом содействии. Капитал и рабочая сила были советскими, а иностранная фирма выполняла следующее:

1. Разрабатывала детальный строительный и технологический проект с указанием всего необходимого оборудования;
2. Передавала советскому заказчику свой производственный опыт в виде патентов, производственных секретов, приемов и т. д.;

⁴ О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М., 1966. С. 425–426.

⁵ Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933. С. 327.

⁶ Индустриализация Советского Союза: Новые документы, новые факты, новые подходы. Ч. II. М., 1999. С. 134–137.

3. Присылала своих лучших специалистов для непосредственного руководства строительством предприятия и монтажом оборудования;
4. Предоставляла советским специалистам, инженерам и рабочим изучить на своих заводах организацию и процессы производства.

Советская сторона возмещала фирме расходы по выполнению проекта и выплачивала вознаграждения, а фирма не рисковала своим капиталом.

Все это вместе взятое считалось наиболее быстрым способом перенесения в СССР иностранного опыта. Но, как утверждали юристы Всесоюзного объединения автотракторной промышленности (ВАТО), приходилось идти на большие уступки инофирмам из-за различий в методах проектирования и создания новых предприятий в СССР и за рубежом, где не знали советских условий строительства и производства. Считалось, что проектирующая инофирма может скрыть часть своих секретов, командировать в СССР не лучших своих работников, рекомендовать оборудование того поставщика, который ей за эту услугу заплатит. Поэтому советская сторона стремилась уже на начальном этапе изготовления проекта получить все данные по оборудованию, чтобы самостоятельно приобрести его. В целях контроля работы американских фирм над советскими проектами советские рабочие командировались в США⁷. У зарубежных проектировщиков это требование нередко вызывало возражения. По мнению юристов ВАТО, лучше направлять на зарубежные заводы советских стажеров и проектировать своими силами, а услуги инофирм использовать лишь в крайних случаях. Советских чиновников смущали, конечно, и большие расходы на приглашение иностранных специалистов, особенно американских, так что результатам инопомощи уделялось особое внимание.

Советским организациям приходилось содержать за границей свои технические бюро, изучавшие конкретные фирмы и заводившие с ними контакты. В США при отсутствии дипломатических отношений с Советским Союзом оформление всех сделок контролировал Амторг – созданная в 1924 г. коммерческая компания с главными офисами в Нью-Йорке и Москве⁸. Амторг был торгово-финансовым представителем СССР и выполняла целый ряд функций, в том числе и пропагандистские и разведывательные, кроме того, в его функции входила реклама проектов американского оборудования, которое могло бы понадобиться в СССР⁹. Через него велись расчеты с американскими фирмами, и с ним они должны были согласовывать все свои действия. Кроме Амторга, советско-американская торговля в 1924–1929 гг. велась Всероссийским текстильным синдикатом (ВТС), Всероссийским союзом потребительских обществ (Центросоюзом) и Всероссийским союзом сельскохозяйственной кооперации.

⁷ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 220. Л. 52.

⁸ *Шпотов Б.М.* Американские участники индустриализации СССР: некоторые оценки и впечатления 1930-х гг. // Американский ежегодник. М., 2012. С. 227–245.

⁹ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 720.

перации (Сельскохозяйственным)¹⁰. Контора Сельскохозяйственного союза знакомила деловые круги США с развитием сельскохозяйственной кооперации в СССР, методами ее работы, с постановкой снабжения сельскохозяйственных кооперативов и их техническими нуждами, а также осуществляла посреднические функции по продаже пушнины, масла, льна в США. Одновременно контора информировала организации Сельскохозяйственного союза о новинках в области механизации сельского хозяйства США, закупала и отправляла в СССР тракторы, сельскохозяйственные машины и семена. В США направлялись опытные советские инструкторы для изучения на практике особенностей тракторов¹¹.

Таким образом, на важном этапе форсированного восстановления разрушенного хозяйства, а также на этапе создания новых капиталоемких отраслей промышленности концессии и техническая помощь стран Западной Европы и Америки играли важную роль в создании промышленного потенциала СССР. Концессионная политика, быстро изжившая себя, была вытеснена другой формой отношений с западными фирмами – краткосрочными и оплачиваемыми из государственного бюджета договорами технической помощи. Сделки на новой основе привлекли внимание западных предпринимателей, а экономический кризис усилил желание сотрудничать с громадной страной, нуждавшейся в передовых технологиях. Обучающая сторона договоров о технической помощи ставила советского человека на совершенно новые позиции. Советские рабочие работали в тесном контакте с иностранцами, формулировали задания, вносили поправки и изменения в проекты, выбирали оборудование и т. д. Новая система взаимодействий Страны Советов с иностранными государствами создала целый ряд практик, тактик, стратегий, с помощью которых происходило усвоение технических достижений Запада.

¹⁰ *Фураев В.К.* О торговых и экономических отношениях между СССР и США в 1924–1929 гг. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 92.

¹¹ Там же. С. 93.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ТАТНЕФТЬ» В 1950-х – 1980-х гг.: ОТ ПРОБЛЕМ К ИХ РЕШЕНИЯМ

*Алёткина Екатерина Юрьевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

«Нет улиц, воды, электричества,
все сделано, как в лагерях МВД».

*Из письма рабочих и служащих
г. Бугульмы Н.С. Хрущеву, 1955 г.*

Нефтяная отрасль на протяжении ряда десятилетий играет важную роль в экономике страны. Развитие социальной инфраструктуры этой отрасли было сложным процессом, проблемы которого рассматриваются в данном исследовании на примере производственного объединения «Татнефть», сформированного в 1950 г. после открытия в Татарии крупных нефтяных месторождений. С конца 1950-х гг. и до открытия крупных залежей нефти в Западной Сибири «Татнефть» была главным производителем нефти. Развитие социальной инфраструктуры объединения до сих пор не было предметом специального исследования.

Сведения о социальной политике «Татнефти» отражены, прежде всего, в архивных документах, находящихся на хранении в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) и в Национальном Архиве Республики Татарстан (НА РТ). Эта документация представлена в виде сводных годовых отчетов и прилагающихся к ним объяснительных записок. Особый интерес в таких отчетах представляют документы планового отдела и отдела организации труда. В опубликованных источниках также имеются некоторые данные об условиях труда, развитии социальной инфраструктуры Объединения, однако они являются достаточно общими. Мы используем также воспоминания самих нефтяников об их трудовых буднях.

Создание крупного нефтедобывающего комплекса на юго-востоке Татарии было сопряжено с многочисленными трудностями не только производственного, но и социального характера. Массовый приток рабочей силы на территорию юго-востока Татарстана и быстрый рост нефтяных предприятий требовал создания необходимых условий труда для работников. Осложняли ситуацию жесткие сроки выполнения плановых мероприятий. В таких условиях труд и быт нефтяников на начальном этапе – в первом десятилетии не получали должного внимания со стороны руководства.

Для начала мы постараемся разобраться, в каких условиях труда и быта достигались высокие производственные результаты, а затем началось падение темпов производства, как изменилась социальная политика Объединения в рассматриваемый хронологический период. Персонал Объединения был занят в разнообразных секторах деятельности, однако в центре нашего внимания находятся люди рабочих профессий – буровики и нефтяники, так как их условия труда являются наиболее тяжелыми.

Важным вопросом в данном исследовании является также социальная инфраструктура производственного объединения «Татнефть». Под термином «социальная инфраструктура» мы подразумеваем совокупность учреждений и объектов непроизводственного характера, связанных с жильем, образованием, здравоохранением, культурой и бытом работников.

Форсированные темпы включения в народнохозяйственный оборот разведанных запасов нефти сопровождалась необходимостью решения проблем, препятствующих раскрытию производственного и социального потенциала нефтедобывающего комплекса Татарии. Высокая концентрация большого числа рабочих и специалистов обусловила важность создания для них соответствующей социальной инфраструктуры. Прежде всего в данном районе Татарии создавались города и рабочие поселки, в которых размещались нефтяники для того, чтобы быть в непосредственной близости от рабочих мест. Кроме того, развивались уже существовавшие населенные пункты, которые к началу 1950-х гг. не обладали сколь-нибудь развитой инфраструктурой. По воспоминаниям ветеранов «Татнефти», крыши домов были крыты соломой, качество шоссежных дорог оставляло желать лучшего. В контору управления ездили на лошадях¹.

Л.Д. Чурилов, последний министр нефтяной и газовой промышленности СССР (июнь–ноябрь 1991 г.), с августа 1958 г. по апрель 1964 г. работавший в «Татнефти», в своих воспоминаниях так описывает условия жизни в этих краях: «...в те годы юго-восток Татарии, где были открыты богатейшие залежи нефти, был преимущественно сельскохозяйственным и довольно бедным регионом. Я помню своей первый поход на рынок, еще во время студенческой практики. На прилавках – сало, морковь, капуста и ... лапти, которые я купил и привез в качестве экзотического сувенира в наш индустриальный город. Эти лапти являлись действительным символом той Татарии, которая оставалась в прошлом, поскольку, конечно, освоение крупнейшего месторождения превратило этот регион в богатый и промышленно развитый, каковым он остается по сей день»².

Характерная оценка уровня жизни в нефтяном городе Татарии середины 1950-х гг., данная в письме рабочих и служащих нефтяного производства г. Бугульмы Н.С. Хрущеву, является резко отрицательной. Так, авторы письма отмечают, что «[...] Татария стала крупным районом

¹ Ромашкинские зори // Очерки, рассказы и стихи ветеранов НГДУ «Лениногорскнефть». М., 2000. С. 174.

² Чурилов Л.Д. Моя история советской нефти (записки последнего министра). М., 2016. С. 28.

нефти [...] Но почему с Татарией не считаются [...] Здесь строятся города и поселки, похожие на арестантский лагерь. Кроме бараков, ничего нет. Нет улиц, воды, электричества, все сделано, как в лагерях МВД. В школах дети занимаются в 2–3 смены, капитальных больниц нет. Нет кино, театров, дворцов культуры.

Если татарская нефть оказалась бы на Украине или в Узбекистане, Грузии, то, наверное, там давно бы было сделано. Но с татарским народом никто не считается, наоборот, похоже, что кто-то издевается [...]»³.

Важным аспектом развития социальной инфраструктуры является объем соответствующих капвложений. Большая их часть в рассматриваемый период направлялась на жилищное строительство; остальные средства распределялись на строительство коммунальных объектов, учреждений здравоохранения, социального обеспечения, просвещения, культуры, бытового обслуживания.

Затем ситуация с развитием социальной сферы стабилизировалась, и таких негативных оценок в отношении социальной политики «Татнефти» нами не было обнаружено.

В данной работе рассмотрены четыре сюжета, связанных с развитием производственного объединения «Татнефть» в 1950-х – 1980-х гг.: 1) жилищная сфера и коммунальное хозяйство, 2) образовательная сфера, 3) сфера здравоохранения и 4) условия труда.

Основные выводы, полученные в результате исследования выявленных источников, основаны как на статистических данных, так и на других материалах, включая источники личного происхождения. Вкратце эти выводы можно сформулировать следующим образом.

Жилищная сфера «Татнефти» развивалась наиболее стабильно, капвложения также были стабильными с конца 1960-х гг. В 1981 году удалось решить проблему «барачного жилья», однако очереди на получение квартир были очень большими. Еще одним достижением Объединения можно считать улучшение качества вводимого жилья.

В сфере образования и здравоохранения также произошел ряд изменений: за рассматриваемое время улучшилось качество помещений, в которых располагались данные учреждения, и поэтому фокус внимания переместился с этих проблем на развитие для сферы образования – различных мероприятий для детей разных возрастов, а для медицинской сферы – санаториев-профилакториев. Характер этих процессов можно проиллюстрировать графиками, представленными на рис. 1 и рис. 2.

³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 36. Д. 28. Л. 26–27; Цит. по: История Татарстана. XX век. К., 1998. С. 313.

Рис. 1. Основные источники финансирования и капвложений 1950–1985 гг.
 Источник: Гишатуллин М.К. Развитие «Татнефти» // Статистика и комментарии. М., 2000. С. 91–94

Рис. 2. Объемы государственных капитальных вложений непроизводственного назначения (тыс. руб.).
 Источник: Гишатуллин М.К. Развитие «Татнефти» // Статистика и комментарии. М., 2000. С. 113.

Таким образом, социальная сфера создавалась не только за счет государственных капиталовложений; на протяжении всего рассматриваемого периода вклад собственных средств Объединения в непроизводственную сферу был небольшим. Это подтверждается корреляцией между динамикой капвложений и процессом ввода социальных объектов.

«ГРАЖДАНСКИЙ СОВЕТ» ПРИ МОСКОВСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЕ В ПЕРИОД ДЕКАБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1905 г.: СОСТАВ, ФУНКЦИИ, ЗНАЧЕНИЕ

*Алмазов Михаил Григорьевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Настоящий доклад посвящен истории «Гражданского Совета» – консультативного органа, созданного московским генерал-губернатором вице-адмиралом Ф.В. Дубасовым в процессе борьбы с Декабрьским вооруженным восстанием 1905 г. Данная тема практически не изучалась в историографии: ученые, писавшие о трагических днях декабрьской «революции», лишь упоминали о его создании и совсем кратко – о конкретной деятельности¹. Между тем история создания и функционирования этого органа значима в контексте взаимодействия власти и общественности в периоды катаклизмов начала XX века и оценки его эффективности.

В рамках данного доклада будут рассмотрены история создания «Совета», состав его участников, повестка заседаний, принятые решения и их результаты. Для изучения этих сюжетов были привлечены делопроизводственные документы (стенографические отчеты о собраниях городской думы, протокол заседания «Совета» от 22 декабря, списки его участников, деловая переписка генерал-губернатора), материалы прессы (номера газет «Русский Листок» от 17 декабря и «Право» от 16 декабря), источники личного происхождения (дневники Ф.В. Дубасова и помощника командующего войсками Московского военного округа генерал-лейтенанта В.Г. Глазова, воспоминания исполнявшего должность московского губернатора В.Ф. Джунковского).

Историки (А.С. Вальдин, С.В. Тютюкин) приписывали инициативу образования «Гражданского Совета» думским кругам². Действительно, гласные вынашивали данный план с середины ноября, и 12 декабря городской голова Н.И. Гучков при встрече с Дубасовым поставил вопрос о создании «Совета» с участием думских представителей³. Однако гене-

¹ *Шатина Н.В.* Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой русской революцией (На примере Москвы). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 132; *Вальдин А.С.* Социально-политическая борьба накануне и во время Декабрьского (1905 г.) восстания в Москве. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 191; *Воробьева Ю.С.* Федор Дубасов в декабре 1905 года // Вестник архивиста. 2001. № 4–5. С. 364; Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 375.

² *Вальдин А.С.* Указ. соч. С. 191; Первая революция в России. С. 375.

³ Стенографические отчеты о заседаниях московской городской Думы за ноябрь–декабрь 1905 г. М., 1907 г. С. 1013; ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 55.

рал-губернатор еще раньше стал задумываться об образовании консультативного органа. Эту идею ему внушил Витте, сам воспринявший ее от делегации московских думцев, посетившей его в ноябре 1905 г.⁴ Еще 9 декабря Дубасов созвал совещание для обсуждения мер против восстания, в числе участников которого были представители общественности и администрации⁵.

Но вице-адмирал вынашивал более масштабные замыслы. 10 декабря у него состоялось совещание по выработке проекта создания Совета из представителей различных ведомств и общественности⁶. Острая фаза восстания заставила генерал-губернатора временно отложить свои планы, но он вернулся к ним 12–13 декабря, одоббив предложение городского головы⁷. Таким образом, инициатива образования этого органа принадлежала не только думцам, но и Дубасову.

Ю.С. Воробьева считала, что данные собрания проходили ежедневно⁸. Согласно материалам канцелярии генерал-губернатора, точно состоялись заседания 15, 21 и 22 декабря⁹. Участие в них принимали представители гражданской, военной, духовной власти, судебной сферы, финансовых кругов, системы просвещения, органов самоуправления, сословий, а также известные общественные деятели (А.И. Гучков, М.И. Приклонский, Д.Н. Шипов, Н.А. Хомяков, Н.К. фон Мекк)¹⁰. Таким образом, Дубасов создал масштабный форум для диалога власти и общественности, причем видную роль в его работе играли умеренные либералы (братья Гучковы, глава московского дворянства П.Н. Трубецкой, Шипов, Хомяков, гласные А.И. Геннерт и Н. М., Перепелкин). Это вполне соответствовало политическому курсу на соглашение с «благомыслящей» частью общества, которого старался придерживаться Витте¹¹.

Какова была повестка дня заседаний? 15 декабря Дубасов запрашивал у участников мнения («указания») о желательных шагах для нормализации обстановки в городе (одоббив предложение думцев отнестись снисходительно к рабочим, желавшим добровольно окончить стачку), разъяснял смысл изданных обязательных постановлений, рассказывал о планируемых мерах (найме 2000 новых сторожей, увеличении чинов полиции на 1000 человек)¹². 21 числа приглашенным, по всей видимости, сообщалось об экспедиции отряда полковника Г.А. Мина против последнего оплота «мятежа» – Пресни, и обсуждались «условия учреждения» Комитета по оказанию помощи пострадавшим, начавшего свою работу

⁴ Стенографические отчеты. С. 1007.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 1–5; *Джуиковский В.Ф.* Воспоминания (1905–1915 гг.). М., 1997. Т. 1. С. 121; Высший подъем революции 1905–1907 гг. // Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. М., 1955. Ч. 1. С. 692.

⁶ *Джуиковский В.Ф.* Указ. соч. С. 110.

⁷ Стенографические отчеты. С. 1007, 1016.

⁸ *Воробьева Ю.С.* Указ. соч. С. 364.

⁹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 458–463 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Революция 1905 года и самодержавие. М.; Л., 1928. С. 41.

¹² Высший подъем. С. 689–690, 706.

на следующий день¹³. 22 декабря приняты решения о привлечении комиссии для изучения нужд арестованных для контроля над положением многочисленных заключенных, создании справочных бюро при губернаторе и градоначальнике для сообщения сведений об арестованных и об образовании комиссии для борьбы с наводнившими город безработными и хулиганами¹⁴. Таким образом, «Совет» выполнял две основные функции: информирование общественности Первопрестольной о сути принятых властью мер для подавления «мятежа» и обсуждение конкретных действий для преодоления негативных последствий восстания.

Ю.С. Воробьева на основании мемуаров Джунковского отмечала, что Дубасов сразу же избавил членов этого совещания от ответственности за шаги власти по подавлению «смуты»¹⁵. Однако генерал-губернатор подразумевал в этом случае и ограждение подчиненных ему сил от критики общественности, отказываясь посвящать участников совещания в подробности экспедиции Мина¹⁶. К обсуждению стратегических проблем подавления «мятежа» Дубасов членов «Совета» также не привлекал (для этого существовали военно-административные совещания)¹⁷. В то же время члены информационного и консультативного органа могли свободно дискутировать по специальным вопросам¹⁸.

Результаты же деятельности «Совета» выразились в некотором успокоении московской общественности, прежде всего думской¹⁹, и в налаживании работы учреждений, занявшихся преодолением негативных последствий Декабрьского восстания в социальном плане: сбором и доставкой сведений об арестованных, разработкой плана «очистки» Москвы от люмпенов, раздачей денег пострадавшим²⁰.

Таким образом, совещательный «Гражданский Совет», созданный на изломе Декабрьского восстания по инициативе генерал-губернатора и думских кругов, являлся площадкой для объединения усилий администрации и «цензовой» общественности в деле распространения информации о мерах власти и разработки акций для преодоления негативных последствий восстания, в чем его членам удалось добиться заметных успехов.

¹³ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 376; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. II. Л. 3, 10 об.; Ф. 380. Оп. 4. Д. 474. Л. 15.

¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 457.

¹⁵ Воробьева Ю.С. Указ. соч. С. 364.

¹⁶ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 376.

¹⁷ Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооруженном восстании в Москве // Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг. М., 2017. С. 54.

¹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 457.

¹⁹ Стенографические отчеты. С. 1070–1072.

²⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 550. Л. 3, 4–4 об.; Оп. 139. Д. 174. Т. II. Л. 44; Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 132–134.

«ПРОГУЛЬЩИКИ ПОНЕВОЛЕ»: ДИСЦИПЛИНА ТРУДА И СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1970-х – НАЧАЛЕ 1980-х гг.

*Анисимов Кирилл Геннадьевич
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)*

«Брежневский период» в советской истории имеет неоднозначные (порой диаметрально противоположные) оценки в историографии¹: историки расходятся в том, было ли это время «застоем» или «золотым веком» в СССР. Необходимо учитывать всю многогранность происходивших в то время процессов в стране, чтобы дать взвешенную оценку этому периоду.

Данный доклад посвящен анализу социально-политической подоплеку причин нарушений трудовой дисциплины в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Общее состояние дел в стране и регионе отражалось на дисциплине труда, поэтому ее можно рассматривать как лакмусовую бумажку, отражающую реакцию населения на ненормальности в сфере управления, хозяйственной и социальной жизни.

В 1970-е гг. перемены в социальной жизни оказывали влияние на сознание, образ мышления советских граждан. В обществе формировались новые потребительские приоритеты, культурные запросы, ожидания, идеалы и нормы. «Советский образ жизни» претерпевал трансформацию. Население приспособлялось к изменяющимся социальным условиям.

Партийное и государственное руководство, заверяя население в успехах советского государства, признавало и многие «ненормальности», среди которых нарушение трудовой дисциплины стало одним из самых насущных вопросов того времени. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. проблема дисциплины труда активно обсуждалась в советской прессе: публиковались не только «отвлеченные формулировки», облеченные в идеологическую оболочку, но и отклики трудящихся на проблему, где часто поднимался вопрос «вынужденных» прогулов.

Одной из основных причин частых прогулов во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. в регионе являлись бытовые проблемы, пло-

¹ См.: *Семанов С.Н.* Брежнев: Правитель «золотого века». М., 2006; *Чураков Д.О.* СССР при Брежневе. Правда великой эпохи. М., 2014.; *Ванюков Д.А.* Эпоха застоя. М., 2008; *Шубин А.В.* «Золотая осень», или период застоя. СССР в 1975–1985 гг. М., 2008 и др.

хое бытовое обслуживание населения. Решение многих повседневных проблем представлялось возможным исключительно в рабочее время. «Обивание порогов» различных учреждений стало рутинным занятием населения и часто безрезультатным: администрация на местах была просто не в состоянии решить насущные вопросы трудящихся. «Районное управление может только заявки принимать»², – такую оценку жители области давали местному руководству.

Вторая немаловажная причина – организация торговли. Большое недовольство как сельского, так и городского населения вызывала проблема снабжения продуктами и промышленными товарами. В отдельных случаях состояние дел было настолько удручающим, что хлеб в сельские магазины привозили только от случая к случаю, а продавцы автолавок не могли обеспечить спрос сельского населения на резиновые сапоги, фуфайки или рукавицы³. Поэтому жители отдаленных населенных пунктов были вынуждены совершать длительные поездки за товарами в районные центры. В городах велась активная «охота» за товарами. В письмах, адресованных кировскому обкому, трудящиеся с недоумением интересовались: «Почему мы не можем купить то, что сами производим?»

Насущной проблемой населения, главным образом сельского, являлся вопрос доступности медицины. Социально-демографические процессы обусловили централизацию медицинского обслуживания в области: сельские участковые больницы были заброшены, трудящееся население было вынуждено брать отгул и ехать в райцентр. Проблема обозначилась так остро, что в одной из газет было хлестко подмечено: жители села в райбольницу отправляются как в командировку⁴.

На трудовой дисциплине в значительной степени сказывалась и оперативность решения хозяйственных вопросов. Но инфраструктурная неразвитость региона затрудняла связь районов с областным центром. Осенью из-за плохого состояния дорог в районах области прекращалось автобусное сообщение, был затруднен вывоз урожая. Сложившееся положение дел вызывало у населения раздражение и озлобленность. Кроме того, организацию труда подтачивали бесконечные совещания начальников цехов, проведение собраний и слетов рабочих и т. д.

Конечно же, дисциплина труда серьезным образом подрывалась и употреблением алкоголя: в разгаре рабочего дня, например, случались коллективные попойки, организаторами которых были руководители предприятий⁵. Анализ проблемы алкоголизма (в том числе и как формы девиантного поведения трудящихся) позволяет шире взглянуть на социальные проблемы в советском государстве. В Кировской области в начале 1980-х гг. ситуация в социально-бытовой сфере была настолько патовой, что руководители областных организаций «оправдывали» рост уровня

² ЦГАКО Ф. П-1290. Оп. 92. Д. 99. Л. 16.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Оп. 71. Д. 140. Л. 4.

алкоголизма в регионе безысходностью: населению ничего не оставалось, «как искать какое-то забвение от всей этой жизни»⁶. Социологические исследования (1979 и 1982 гг.) показали, что сильное влияние на «алкоголизацию» населения оказывали такие факторы, как условия и организация труда (25,3 %) и жилищные условия (25,5 %), уровень и условия организации досуга (40,2 %)⁷.

Таким образом, в конце 1970 – начале 1980-х гг. участившиеся опоздания, отлучки и прогулы можно считать формой пассивного протеста трудящихся. В Кировской области мы можем наблюдать возрастающую неудовлетворенность населения положением дел в регионе. В обществе вызревало недоверие к власти и неприятие политического курса. Власти, используя метод кнута и пряника, пытались укрепить дисциплину. Но ужесточение трудового законодательства было малодейственным без комплексного решения социальных проблем, когда население чувствовало крайнее раздражение в повседневной жизни. Складывалась противоречивая ситуация: «закручивание гаек» часто вызывало проявление еще большей «расхлябанности».

⁶ ЦГАКО Ф. П-1290. Оп. 99. Д. 121. Л. 35.

⁷ Там же. Оп. 96. Д. 169. Л. 59.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЗАВОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ МОСКВЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Анисимова Наталья Эдуардовна
(Институт Российской истории РАН)

Военная повседневность, в том числе повседневная жизнь детей и подростков в годы войны, относится к одному из активно развивающихся направлений современной историографии¹. Вместе с тем повседневная жизнь подростков, занятых на предприятиях Москвы, пока изучалась лишь фрагментарно.

«Столичная локализация» данной проблемы представляет интерес с разных точек зрения. Во-первых, Москва по традиции являлась крупным промышленным центром, и поэтому нуждалась в дополнительной, в том числе «детской» рабочей силе. Во-вторых, столичный фактор играл важную роль в распределении инвестиций и ресурсов, в том числе ресурсов продовольственных, бытовых (питание, жилье и т. д.). Насколько жизнь молодых рабочих в Москве отличалась от положения их сверстников в других регионах? Как менялась жизнь подростков, вынужденно переехавших в столицу? Эти и другие вопросы нуждаются в специальном исследовании.

С началом войны столичные заводы не могли функционировать без постоянного притока кадров из регионов. Эта проблема была решена с помощью системы трудовых резервов, созданной в октябре 1940 г.

Посредством оргнабора в сеть ремесленных училищ (РУ) и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) поступали подростки в возрасте 13–18 лет, чтобы по окончании этих учебных заведений стать квалифицированными рабочими. В условиях войны их набирали как в самой Москве, так и в отдаленных поселках и городах. Чаще всего один или несколько членов семей этих ребят находились на фронте, что влекло за собой проблемы материального (нехватка денежных средств) и морального (разлука или потеря близкого человека) характера. В некоторых случаях

¹ *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945), Новосибирск, 2012; *Kucherenko O.* State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labor during World War II // *Russian Review*, 71, July 2012. P. 400; *Goldman W.* Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II. Bloomington (IN), 2015; *Filtzer D.* Starvation Mortality in Soviet Home-Front Industrial Regions during World War II // *Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II.* Bloomington (IN), 2015.

подросток, подлежащий призыву, оставался фактически единственным кормильцем в семье. Кроме того, направленные на работу в незнакомые города юноши и девушки вынуждены были адаптироваться к новым условиям, а в прифронтовой полосе и вовсе столкнуться с угрозой своей жизни и здоровью. Подобные жизненные обстоятельства являются серьезным испытанием для взрослого человека, в то время как учащиеся РУ и ФЗО переживали наиболее стрессовый период своей жизни – подростковый.

Таким образом, в 1941–1945 гг. в СССР сформировался новый тип рабочего. Попытка изучения этого социального феномена на примере юных заводчан Москвы составляет научную новизну данного исследования.

В качестве источниковой базы использованы документы Государственного архива РФ, РГАСПИ, Центрального архива Москвы (фонды 9507, 1, П-433, П-635 и др.). Особо следует выделить источники личного происхождения – стенограммы и записи бесед с молодыми рабочими московских предприятий, представленные материалами Комиссии И.И. Минца (Научный архив ИРИ РАН).

В условиях постоянного притока новых кадров остро встал вопрос материально-бытового и продовольственного обеспечения рабочих. С точки зрения продовольственного снабжения Москва находилась на особом положении. Цель данной работы – выделить общие черты и различия в жилищно-бытовом и продовольственном обеспечении столичных и провинциальных рабочих, а также показать, насколько качество питания и бытовые условия молодых производственников непосредственно влияли на результаты их труда.

Подростки составляли весьма значительную часть кадрового потенциала страны в военный период, по подсчетам О. Кучеренко от 10,5 до 18,7 %². На ряде предприятий Москвы (завод имени Сталина, «Красный пролетарий», Станкозавод им. Орджоникидзе, завод № 41 и др.) от 50 до 70 %³. Следовательно, удовлетворение бытовых нужд этой категории рабочих было важным фактором, влияющим на производственные показатели.

Важность бытового снабжения рабочей молодежи, помимо вышеуказанного, определялась также рядом особенностей, выделявших подростков в отдельный контингент. Благодаря материалам Комиссии И.И. Минца можно выделить несколько параметров, определявших коллективный портрет молодого рабочего Москвы:

- происхождение: юноша или девушка из рабочей семьи,
- возраст 15–16 лет,
- семейное положение: находились в отрыве от семьи, большинство отцов находились на фронте, многие столкнулись с потерей близких,
- часть молодых рабочих из регионов пережили травму, столкнувшись непосредственно с угрозой жизни и здоровью (в первый период войны).

² *Kucherenko O.* Указ. соч.

³ ЦГАМ. Ф. П-433. Оп. 1. Д. 161. Л. 123; ЦГАМ. Ф. П-635. Оп. 1. Д. 459. Л. 1 и др.

Хотя в официальных документах⁴ не раз говорилось о важности удовлетворения нужд молодых рабочих, руководство столичных предприятий редко могло предоставить заводской молодежи бытовые условия, соответствующие «букве» постановлений. В обстоятельствах экстремальной нехватки ресурсов и все возрастающих нужд военного производства бытовые потребности подростков не были и не могли быть первостепенной задачей.

Д. Фильцер и В. Голдман в своих работах затрагивали жилищно-бытовые условия и организацию питания рабочей молодежи СССР в 1941–1945 гг. Данное исследование, проведенное на материалах Москвы, в основном подтверждает выводы этих историков.

В своей монографии о санитарно-гигиенических условиях рабочего класса СССР⁵ Д. Фильцер показал, что нехватка спальных мест, мебели, скученность, общая загрязненность, отсутствие (зачастую полное) постельных принадлежностей, воды и мыла были постоянной проблемой юных заводчан и представляли собой реальную угрозу развития эпидемий. Ряд источников о жилищно-бытовом обеспечении молодых рабочих Москвы свидетельствуют, что не только директора региональных заводов, но и руководители предприятий столицы испытывали большие трудности в оборудовании общежитий для новых кадров: «В общежитии (завода № 70. – Н. А.) грязно, неудобно. Постельные принадлежности у всех донельзя грязные. [...] Многие учащиеся не умываются – говорят, нет мыла, а без мыла они не хотят умываться, все ужасно загрязнено»⁶.

Крайне тяжело обстояло дело с питанием. Ряд документов, повествующих о состоянии столовых на предприятиях регионов и Москвы, демонстрируют, что антисанитария, низкое качество пищи, обвешивания и различного рода хищения и воровство были обычным и повсеместным явлением. Эти данные подтверждаются выводами В. Голдман, исследовавшей продовольственное обеспечение гражданского населения СССР в годы войны⁷.

Как утверждают указанные исследователи (автор с ними солидарен), результатом такого положения вещей становилась большая текучесть новых кадров, а в ряде случаев и вовсе массовое бегство⁸ молодежи с предприятий. В свою очередь, это влияло на производственные показатели.

⁴ Приказ Народного комиссара угольной промышленности СССР № 43 от 19 февраля 1943 г. // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 154. Л. 45–46; Приказ Народного Комиссара Торговли, июль 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 107. Л. 18; Записка на имя секретаря МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакова и секретаря МГК ВКП(б) Г.М. Попова «О некоторых фактах неудовлетворительного положения молодых рабочих на предприятиях г. Москвы». ЦГАМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 458. Л. 11 и др.

⁵ *Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953. Cambridge, 2010.*

⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 59. Л. 110–112.

⁷ *Goldman W. Указ. соч.*

⁸ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 56. Л. 4–24.

Должностные лица и комсомольские организации зачастую старались улучшить ситуацию, однако изменения чаще всего происходили постепенно и неравномерно. Эта проблема требует дальнейшего изучения.

Подводя итоги вышеизложенному, следует сказать, что плохое питание и жилищные трудности, влияя на неокрепшую подростковую психику, наряду с перечисленными особенностями юных производственников, делали эту существенную часть кадрового потенциала СССР особенно уязвимой. Тяготы военного периода, следовательно, сказывались на молодых рабочих более остро.

Несмотря на привилегированное положение столицы, юные производственники Москвы в своей повседневности сталкивались с теми же трудностями, что и их сверстники в регионах.

КОМПАРАТИВНАЯ БУКВАРИСТИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (НАЦИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ – СОВЕТСКАЯ РОССИЯ)

Артёмова Софья Владимировна
(Российский государственный гуманитарный университет)

Любой школьный учебник представляет собой набор определенных взглядов, предлагаемых ребенку его составителями, сознательно закладываемых догм и неосознанной трансляции стереотипных представлений, но именно в букваре наиболее доступно и просто объясняются базовые принципы мироустройства, бинарная оппозиция «добро и зло», приемлемые модели поведения. В странах с тоталитарными режимами первая книга, предлагаемая школой ребенку, становится квинтэссенцией задач, стоящих перед будущими строителями нового мира. В этих книгах наибольший интерес представляет прямая пропаганда и формирование новой «картины мира» для интериоризации ребенка не только учеником, но и гражданином.

Актуальность проведения компаративных исследований эволюции и современного состояния букваря определяется, с одной стороны, необходимостью дифференцирования символических значений общемировых и государственных (или национальных) сюжетов. С другой стороны, одной из задач сравнительной педагогики остается формирование целостного взгляда на букварь «как инвариант, применяемый педагогами всех стран, так и его вариативность, опирающуюся на педагогические и общекультурные идеи, характерные для конкретной страны и педагогического направления»¹. Однако при проведении компаративного исследования возникает ряд методологических вопросов, касающихся как сопоставления букварей: выбора временных рамок, учета исторического и педагогического контекста, сопоставления символического значения текстов и иллюстраций, так и связанных с эволюцией букваря каждой анализируемой страны.

Автор ставит целью работы освещение методологических сложностей компаративного исследования и предпринимает попытку определить способы преодоления части из них. Для этого выявляются общие вопросы, связанные с методикой анализа пропагандистских сюжетов, которые возникали у исследователей двух стран, а также специфика компаратив-

¹ Баранникова Н.Б., Безрогов В.Г. Компаративная букваристика: контуры исследования // Учебники детства: Из истории школьных книг VII–XXI в. [Сб. ст. Т. 3]. Тр. семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 13. М., 2013. С. 319.

ного исследования при работе с данным типом источника, сопоставления выводов на основе имеющейся историографии. Исследование было проведено на учебном материале «Третьего рейха» и советской России довоенного периода. Хронологию определил взгляд на детство двух режимов, построенный на отказе от принципов не-воспитания и идеи свободного развития ребенка², характерной для «Новой школы»³.

Остановимся подробнее на выборе хронологических рамок как одной из сложностей, с которой сталкивается исследователь. С одной стороны, ввиду быстро менявшейся международной ситуации и внутри-режимных преобразований, логичным было бы сравнение пропаганды в букварях одного периода. С другой стороны, процесс становления пропаганды и изменения ее характера неизбежно сопряжен с укреплением власти в стране. К 1933 году, моменту прихода к власти в Германии национал-социалистов и формирования нового руководства министерства образования, преследующего новые цели, советская книга для первоклассников прошла уже большой трансформационный процесс. Подчеркивая также чрезвычайную важность оценки заимствований из до-режимных букварей, в своем исследовании мы остановились на анализе учебника в динамике в весь довоенный период. Однако возникает вопрос о допустимости сравнения букварей после 1945 года, учитывая сохранение режима в одной стране, и смены в другой.

Карстен Хайнце, анализируя исследовательские работы в области букваристики «Третьего рейха», включая собственные, указывает на появление ошибочных выводов в результате акцентуации текста учебников при игнорировании многочисленных контекстных факторов⁴. При обособленном изучении текстов букварей СССР также появляется риск столкнуться с данной проблемой. Определим три возможных «контекста»,

² *Berenice Pardo Santana*. La Escuela Nueva como corriente pedagógica: principios que necesita la educación actual [Электронный ресурс] // Correo del maestro. URL: https://www.correodelmaestro.com/publico/html5112015/capitulo3/La_Escuela_Nueva_como_corriente_pedagogica.html (дата обращения: 25.02.2019).

³ Имеются в виду программы «Escuela Nueva» в Испании, New Schools в Великобритании, *éducation nouvelle* во Франции, а также *Reformpädagogik* Веймарской республики. Первые «новые школы» появились с 1880 г. как частные учебные заведения в Англии, Франции, Швейцарии, Польше и Венгрии, где были проведены первые экспериментальные работы по обучению. В 1911 г. в Женеве был открыт Институт Дж. Руссо, посвященный экспериментальным педагогическим исследованиям. Тех же взглядов на ребенка придерживались основанная в 1919 г. в США Ассоциация прогрессивного образования и всемирная группа «Новое образование», а также Международная лига нового образования, созданная во Франции в 1921 г.

⁴ *Heinze Carsten*. The discursive construction and (ab)uses of a “German childhood” in primers during the time of national socialism 1933–1945. *Paedagogica Historica* Vol. 48, No. 1, February 2012, p. 171, со ссылкой на Franz Pöggeler, “Politische Inhalte in Fibeln und Lesebüchern des ‘Dritten Reiches,’” in *Erster Weltkrieg und nationalsozialistische ‘Bewegung’ im deutschen Lesebuch 1933–1945*. Frankfurt, 1988. S. 80.

которым стоит, на наш взгляд, уделять внимание при анализе: педагогический, исторический и грамматический.

Как правило, изменение педагогических взглядов на природу ребенка, его возможности, характер воспитательного процесса, влияет на изменения содержания или формы учебника, что определяет стадии эволюции книги. В советской России одной из таких вех стал запрет педологии (1936), после которого детская книга значительно трансформировалась. Исследователи учебников «Третьего рейха», однако, предлагают встраивать букварь не в поле педагогических идей, а в учебный план, для того, чтоб увидеть целостную картину демонстрации того или иного сюжета. В основе подхода лежит понимание, что значение учебного материала может рассматриваться только в контексте отдельных структурных элементов школьной грамматики⁵. Это положение означает анализ текстов букваря как части совокупности всех учебных текстов, например, первого семестра или года обучения. В свою очередь, при анализе советских книг мы пришли к выводу, что сюжеты и иллюстрации целесообразно изучать в сравнении с происходившими событиями и повседневной историей для четкого разграничения пропаганды и отражения реальных фактов (например, фраза, что в школе в 1924, «все учителя плакали»⁶ из-за смерти Ленина, очевидно, не соответствует действительной ситуации). На наш взгляд, более объективную картину можно получить, включая выбранную книгу во все описанные области.

Обозначим и другие вопросы методики анализа, как имеющие устоявшиеся ответы, так и только поднимаемые историками детства. Большинство крупных исследований букварей сегодня анализируют эволюционный процесс педагогики букваря начиная с дореволюционных книг (для советской России) или учебников Веймарской республики (для нацистской Германии). В исследованиях, рассматривавших определенный букварь (или книги определенного периода) обособленно, возникло неверное ассоциирование текстов о модернизации, или сюжета «фабрика» с советской пропагандой строительства «индустриального» общества, хотя они были представлены и в книгах до 1918 года. В этом подходе мы солидарны с коллегами, и рассматриваем возможность проведения компаративного исследования по характеру или количеству сохранившихся (заимствованных) сюжетов.

При оценивании политизированности книги исследователи немецкого учебника опираются на контент-анализ страниц с пропагандистскими сюжетами. При этом, как правило, не учитываются такие факторы, как своеобразие гигиенических процедур, выходы строем на прогулку или принятие пищи исключительно в столовой, которые пусть и не являются прямой пропагандой строительства «светлого будущего», но демонстрируют ребенку в новый тип социальных отношений, иногда даже

⁵ *Heinze Carsten*. Указ. соч. С. 170.

⁶ *Афанасьев П.О.* Читай, Пиши, Считай. Букварь с материалом для чтения письма и счета. М.; Л., 1924.

еще не ставших обиденными для данного общества⁷. В сравнительных статистических таблицах также не указывается первая книга для чтения: она бывает самостоятельной книгой или же продолжением букваря, написанного тем же автором/коллективом авторов.

В этом случае она может быть призвана заменить даже первые тексты для чтения, тем самым избавив авторов от необходимости включать их в букварь (или добавлять в букварь гораздо меньшее количество сюжетов). В результате букварь, в продолжение которого идет первая книга для чтения, может быть менее идеологизирован, что повлияет на общую статистику. Аргумент о необходимости указывать использование/неиспользование первой книги для чтения также подтверждает теорию коллег, занимающихся историей Третьего рейха, о необходимости встраивать анализ в систему образования.

Вопросы при проведении компаративного исследования касаются не только внутренних аспектов сопоставления сюжетов, но также происходят при оценке общих выводов, сделанных исследователями на основе проведенного анализа национальных учебников. Изучение учебников тоталитаристских стран, как правило, мотивируются выдвижением гипотез о высокой степени политизации, большом количестве пропагандистских текстов и иллюстраций.

Однако после ряда проведенных исследований идеологических сюжетов в национал-социалистических букварях немецкие ученые опровергают собственные тезисы, утверждая, что встречают на удивление мало свидетельств идеологизации⁸. Так, например, Тиле⁹ при содержательном анализе 124 учебников демонстрирует, что в буквари не входят центральные элементы национал-социалистической идеологии (такие как необходимость завоевания жизненного пространства (*Lebensraum*), восприятие существования как борьбы за жизнь различных рас (*Social-Darwinismus*), стереотипное видение «еврея» как врага нации). С другой стороны, проанализировав 117 букварей (включая переиздания) изданных в Советской России в период с 1924 по 1939 год, мы заметили постепенно повышающийся и, в принципе, высокий процент социалистических текстов и иллюстраций. Действительно ли советский букварь был значительно более политизирован, чем учебник «Третьего рейха», или некоторая разница в методике анализа приводит нас к противоположным выводам? Прояснить это возможно на основе сравнительного анализа текстов и иллюстраций учебных книг двух режимов, контент-анализа

⁷ См.: *Макаревич Г.В., Безрогов В.Г.* Букварная сложность: образы детей в школьном учебнике 1930-х годов. Учебники детства: Из истории школьных книг VII–XXI вв. [Сб. ст. Т. 3]. Тр. семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 13. М., 2013. С. 142–168.

⁸ *Heinze Carsten.* Указ. соч. С. 169.

⁹ *Jan Thiele.* Der Beitrag der Fibeln des Dritten Reiches zur Vermittlung der nationalsozialistischen Ideologie. Eine kritische Analyse ihrer Inhalte. URL: <http://oops.uni-oldenburg.de/volltexte/2005/183/> (дата обращения: 20.02.2019).

(при учете одинаковых позиций), оценки методологии исследования, характерной для работы над букварями в двух странах, в чем и заключается цель основной работы, методологические проблемы которой были освещены в данном тексте.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ ДЛЯ РАБОТЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ГЕРМАНИИ В 1945 ГОДУ

*Ахрамович Наталья Вадимовна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

К 1936 году число немецких политэмигрантов, бежавших в Советский Союз от преследований нацистских властей, приблизительно составляло от 4000 до 5000 человек¹. Начать строительство «новой Германии» под руководством Сталина и ЦК Компартии Германии сразу же по окончании военных действий были направлены всего 152 коммуниста. После предварительной подготовки в качестве эмисаров КПГ они вошли в состав инициативных групп, более известных как группы Вальтера Ульбрихта, Антона Аккермана и Густава Собботки. Объединенные партией и сплоченные антифашистской борьбой, умудренные жизненным опытом и испытаниями, выпавшими на их долю в СССР, эмисары обладали и необходимыми для этой работы личными качествами.

Сами группы и их деятельность неоднократно становились предметом исследований в историографии. Тем не менее изучению личностей эмисаров не было уделено достаточного внимания, в то время как подобный подход позволил бы по-новому осмыслить проблему преодоления коммунистического прошлого, связанного с диктатурой СЕПГ. Кроме того, проведенный отечественными и зарубежными учеными анализ изменения менталитета эмисаров КПГ в течение советского периода их жизни и в послевоенные годы на Родине² полностью не объяснил выбор советского руководства в их пользу.

На основании найденных в бывшем архиве Коминтерна (сегодня РГАСПИ) материалов личных дел 38 немецких эмисаров, отбывших в Германию в апреле – начале июля 1945 года, а также немногочисленных сохранившихся писем и мемуаров, можно реконструировать коллективный облик строителей новой Германии.

Среди эмисаров были представители двух поколений. Умудренные опытом функционеры, бежавшие из Германии, и их дети, выросшие и воспитанные в СССР. В процентном соотношении членов группы в возрасте от 35 до 55 лет было 70,8 %, 16,6 % на тот момент исполнилось

¹ *Tischler C.* Flucht in die Verfolgung: Deutsche Emigranten im sowjetischen Exil (1933 bis 1945). Münster, 1995. S. 26.

² См., например: *Erler P.* “Moskau-Kader” der KPD in der SBZ // Anatomie der Parteizentrale: die KPD/SED auf dem Weg zur Macht. Berlin, 1998. S. 229–291.

от 20 до 35 лет. Возраст шести человек был от 55 до 70 лет, и четверых – 21 и 22 года. В состав групп вошли 32 мужчины и 6 женщин, среди которых было пять семейных пар. Разделяя как убеждения своих мужей, так и все тяготы жизни, женщины работали наравне с мужчинами и ни в чем не уступали им.

Всех эмигрантов объединяло желание вернуться на Родину и быть полезным ей. Их сплачивали вера (или умение ее демонстрировать) в дело ВКП(б), КПГ, преданность партии и Советскому Союзу. Представители обоих поколений активно работали в Коминтерне. Старшие товарищи, в основном сотрудники ИККИ, участвовали в конгрессах Коминтерна и передавали свой политический опыт молодым.

Кроме коммунистических воззрений, партийной принадлежности, схожих условий жизни в эмиграции эмигрантов сплачивало социальное происхождение. Большинство из них выросло в рабочих семьях³. Немало вышло из семей инженеров, служащих, артистов, учителей, и совсем немногие воспитывались в мелкобуржуазной среде⁴.

Несмотря на объединявшие эмигрантов патриотизм, у каждого из них был свой взгляд на советскую действительность, на работу в Коминтерне и будущую деятельность в Германии. Строителей новой Германии можно условно разделить на «идеалистов» и «скептиков».

Полностью соответствовать предъявляемым требованиям в сталинской системе могли идеалисты. К таким можно отнести людей, искренне веривших в идеалы коммунизма и положительно оценивавших социалистическую систему, политику СССР, свою будущую работу в Германии под руководством советских товарищей. Это очевидно из воспоминаний самих участников событий и данных им отзывов. Последние характеризовали их как преданных делу, твердых в своих убеждениях, верных до конца, честных, порядочных. Сама жизнь и судьбы этих людей подтвердили это. Парадоксально, но сталинской системе удалось создавать «новых» людей». Речь идет прежде всего о М. Вольфе, Г. Грюнберге и В. Леонгарде. Идеалисты являлись энтузиастами своего дела. Идеалисты любили страну, ее людей, культуру. Они верили в положительные идеи о человеке и обществе, составлявшие основу социализма.

Возможно, причиной мировоззрения идеалистов является их относительно спокойная жизнь в Советском Союзе. Одни не знали правды и искренне верили в виновность репрессированных. Других лично и их близких репрессии не коснулись. Поэтому идеалисты не замечали недостатков системы.

Кроме идеалистов, среди эмигрантов были и те, кто со скепсисом относился к своей деятельности в Коминтерне. Свою работу, так и пребывание в Советском Союзе они рассматривали как нечто преходящее, как фон, которому не придавали большого значения в системе жизненных приоритетов. Но страх быть репрессированным заставлял их без-

³ Краткие характеристики на немецких политэмигрантов, рекомендованных для использования в стране // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 720. Л. 12, 15, 17, 18, 19, 22, 23.

⁴ Там же. Л. 15, 17, 16, 19, 24, 25.

укоризненно выполнять приказы. Например, эмиссар Оскар Штефан прибыл в Советский Союз в январе 1936 в возрасте 31 года. Несмотря на большой стаж работы и большой срок пребывания в партии⁵, энтузиастом он не был. В Кушнаренково ему не нравилось⁶. Оскар не хотел быть эмиссаром и был готов как можно скорее уйти добровольцем на фронт⁷.

Среди женщин-эмиссаров также были подобные примеры. Например, Рейх (Вальд) Кэте. Еврейка по происхождению, гражданка СССР с 1936 года, стенографистка, как и Отто Фишер. В октябре 1933 года с разрешения КПП коммунистка приехала на работу в СССР. С ноября 1933 года по июль 1937 года – делопроизводитель и статист Общего п/отдела в Службе Связи ИККИ. Как и в случае Отто Фишера, Кэте проявила себя, находясь в Киргизии в начале войны. Не желая работать в колхозе в с. Полтавка, К. Рейхе пишет письмо-стихотворение В. Ульбрихту, перечисляя все недостатки Киргизии и умоляя вернуть ее обратно в Москву⁸.

Скептиком был и эмиссар Йоханнес Бехер, известный немецкий поэт, эмигрировавший с разрешения КПП в СССР, служивший ответственным редактором немецкого издания «Интернациональная литература» и возглавлявший немецкую секцию в Союзе Советских писателей. Й. Бехер ощущал себя только немцем все 12 лет, прожитых в Советском Союзе, что отражено в его личном деле⁹. Живя в СССР, писатель не раз перешагнул через себя¹⁰. В 1942 году он даже попытался совершить самоубийство. Но, видимо, под давлением репрессивной системы Й. Бехер уже в мае 1943 года, согласно характеристике ЦК КПП, стал преданным ее членом, «который за последние годы политически быстро вырос»¹¹.

Таким образом, эмиссаров, отправлявшихся строить новую Германию, объединяла вера в коммунистические идеалы, партийный стаж, социальное происхождение и образование. Их сближали годы, прожитые в СССР. Однако эти характеристики не обуславливали одинаковое восприятие советской действительности – даже опытный коммунист-революционер мог скептически и апатично относиться к своей деятельности. Стоит отметить, скептики вполне устраивали лидеров КПП и советских руководителей. Пытавшиеся спасти свою жизнь и своих близких, умевшие приспособиться или угодить начальству, не вызывали опасения. Идеалисты же были энтузиастами своего дела, вперед их вела жажда подвига.

⁵ Справка на Штефана Оскара Вильгельмовича 7 августа 1941 года // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 10379. Л. 38.

⁶ Из письма Оскара Штефана к жене // Там же. Л. 35.

⁷ Там же. Л. 35.

⁸ Письмо К. Рейхе В. Ульбрихту // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5795. Л. 31.

⁹ Характеристика из Гослитиздата на Й. Бехера // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 29. Л. 93.

¹⁰ Оправдательная записка Й. Бехера, август 1937 года // Там же. Л. 126.

¹¹ Справка // Там же. Л. 99. Писатель вскрыл себе вены, «из-за сложностей в работе, которые он осознанно не мог преодолеть». См. подробнее: *Dimitroff G. Tagebücher 1933–1945. Bd. I. Berlin, 2000. S. 588, 597.*

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ЧИНОВНИКИ ПРОТИВ НАВОДНЕНИЯ 1824 г. И ХОЛЕРЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ 1831 г.

*Барбанова Ксения Сергеевна, к.и.н.
(Петербургский институт юдаики)*

В условиях чрезвычайной ситуации власти Российской империи в первой половине XIX века действовали по проверенному временем алгоритму. Ответом на природные катаклизмы, крупные эпидемии, восстания и военные действия было учреждение временных институтов власти. На эти чрезвычайные должности назначались временные чиновники, которые отвечали за мероприятия по выходу из чрезвычайной ситуации.

Для Санкт-Петербурга в первой половине XIX века чрезвычайные ситуации в первую очередь связаны с наводнениями и эпидемическими вспышками, в первую очередь холеры.

7 ноября 1824 г. в Санкт-Петербурге произошло самое крупное наводнение за всю историю города. Уровень воды в Неве достиг отметки 4 м 21 см. Больше всего пострадал Васильевский остров, Петербургская и Выборгская сторона. Погибло несколько сотен человек, точное число жертв установить не удалось. Утонуло много животных, чьи трупы сжигали несколько дней. В ходе наводнения были размыты мостовые, пострадали набережные рек и каналов. Из-за подъема воды были разрушены выгребные ямы, содержимое сточных канав оказалось на улицах города, что обострило и без того сложную санитарную обстановку. Последствия наводнения 1824 г. были исправлены только к концу 30-х гг. XIX в., обостряя антисанитарное состояние городских улиц.

Первой реакцией властей из алгоритма борьбы с чрезвычайной ситуацией и ее последствиями стала организация 11 ноября 1824 г. «Комитета о пособии разоренным наводнением Санкт-Петербурга».

В Комитете под руководством председателя Комитета финансов А.Б. Куракина должны были находиться председатель департамента военных дел Государственного совета генерал А.А. Аракчеев, петербургский военный генерал-губернатор М.А. Милорадович, комендант Петропавловской крепости А.Я. Сукин, министр финансов Е.Ф. Канкрин, начальник морского штаба А.В. фон Моллер, петербургский обер-полицеймейстер И.В. Гладков и петербургский митрополит Серафим. В обязанности Комитета входило оказание помощи пострадавшим от наводнения, то есть «доставление прибежища и содержания лишенным покровы и пищи, и, вообще, чтобы пособия из назначенного капита-

ла оказуемы были тем единственно, для коих по совершенной бедности они необходимы»¹. Комитету был выделен миллион руб.²

Анализируя состав Комитета, можно предположить, что его члены были подобраны по нескольким критериям. Первый из них – это те должности, которые занимали в обычное время члены Комитета. Кто лучше генерал-губернатора Петербурга мог знать о положении в столице? Главные же финансисты империи должны были обеспечить быстрое поступление необходимых средств для восстановления города и помощи пострадавшим.

В 1831 г. на Петербург впервые обрушилась эпидемия холеры. 16 июня был учрежден «Комитет для принятия мер противу распространения холеры в здешней столице». Его возглавил петербургский военный генерал-губернатор П.К. Эссен. Кроме военного губернатора, в состав Комитета вошли министр внутренних дел А.А. Закревский, военный министр А.И. Чернышев и начальник главного штаба А.С. Меншиков.

В обязанности Комитета входила организация предохранительных мер, к которым относилась организация временных наблюдательных застав, холерных кладбищ, холерных больниц и оцепление домов.

Поскольку во главе Комитета был поставлен военный генерал-губернатор П.К. Эссен, обладавший самыми широкими полномочиями, имелось мало места для возможных конфликтов между чрезвычайным органом управления городом и его постоянной администрацией. В одном и том же случае Эссен мог выступать в роли генерал-губернатора и председателя Комитета.

П.К. Эссен имел опыт действия в подобных ситуациях, поскольку руководил противоэпидемическими мероприятиями в Оренбургской губернии в 1828–1829 гг., где до 1830 г. служил в качестве военного генерал-губернатора. Самым большим опытом по разработке и внедрению противоэпидемических мероприятий по борьбе с холерой обладал министр внутренних дел А.А. Закревский. 3 сентября 1830 г. он возглавил «Центральную комиссию для пресечения эпидемической болезни холеры»³. До 9 февраля 1831 г. он работал в Саратове, а затем в Тамбове, а также посещал другие местности, где были обнаружены больные холерой⁴.

Таким образом, в начале эпидемии в состав «Комитета для принятия мер противу распространения холеры в здешней столице» вошли высокопоставленные чиновники, что позволяло оперативно координировать работу ведомств. Следует отметить, что члены Комитета имели опыт не только административной работы, но и служили в условиях чрезвычай-

¹ Об учреждении Комитета // ЦГИА СПб. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.

² Там же. Л. 3.

³ [О мерах к пресечению холеры] // РГИА. Ф. 1297. Оп. 57. Д. 95. Л. 1.

⁴ [Рескрипт Николая I на имя А.А. Закревского о принятии в непосредственное управление Главной центральной комиссии для прекращения болезни холеры] // РГИА. Ф. 1284. Оп. 15. Д. 47. Л. 4–5.

чайных ситуаций. Многие из них были участниками Отечественной войны 1812 года и других военных кампаний.

19 июня 1831 года состав Комитета был расширен приглашением еще двух групп чиновников. К первой мы можем отнести командующего войсками Санкт-Петербурга и его окрестностей И.В. Васильчикова, управляющего III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии М.Я. фон Фок и петербургского обер-полицмейстера С.А. Кокошкина. 23 июня в состав Комитета вошел статс-секретарь – управляющий учреждениями императрицы Марии Г.И. Вилламов. Во вторую группу вошли врачи: штаб-доктор гражданской части О.О. Реман, ученый секретарь медицинского совета при Министерстве полиции С.Ф. Гаевский и лейб-медик Я.В. Виллие.

Расширение состава Комитета произошло, как представляется, из-за быстрого распространения эпидемии по городу и появлению в Петербурге «неблагонамеренных» слухов, которые спровоцировали беспорядки на улицах города. В связи с этим в состав Комитета были введены люди, которые отвечали за поддержание порядка в столице Российской империи.

23 июня 1831 г. после холерных волнений в городе Николай I назначил в помощь Эсену своих приближенных генерал-адъютантов – генерала от кавалерии князя В.С. Трубецкого и генерал-лейтенанта графа А.Ф. Орлова. Их назвали временными военными губернаторами. Первому поручили Литейную, Каретную и Рождественскую части города, а второму – 3-ю Адмиралтейскую, Московскую и Нарвскую части. Император доверил им части, где больше всего проявились холерные выступления горожан. Должность временных военных губернаторов была не новой для Санкт-Петербурга. Во время наводнения 1824 г. таковым был назначен А.Х. Бенкендорф, который возглавил самую пострадавшую часть города – Васильевский остров⁵.

Временные губернаторы были людьми опытными. Орлов и Трубецкой прошли Отечественную войну 1812 г. и другие военные кампании, зарекомендовали себя с положительной стороны как командиры. Оба выполняли дипломатические поручения императора Николая I.

Следует отметить, что состав чрезвычайных комитетов в Петербурге несомненно отличался от тех, которые создавали в других городах, в том числе и Москве. Статус столицы империи и нахождение в городе правительства и императора приводил к тому, что среди чрезвычайных чиновников оказывались министры и главы различных организаций. В этом были свои положительные и отрицательные стороны. Так, решения принимались на самом верху чиновничьей вертикали и не было необходимости терять время на получения одобрения, например, у министра финансов. Но с другой стороны, столь высокие чины не всегда имели возможность (или желание) присутствовать на заседаниях чрезвычайных

⁵ Грюнберг П.Н. Предисловие // Бенкендорф А.Х. Записки Бенкендорфа. М., 2001. С. 17.

комитетов и вместо них были их заместители. Такое положение сводило эффективность работы комитетов к нулю, так как там не присутствовали люди, в чьей компетенции было принятие решений и потому что в комитеты не назначались городские чиновники, которые лучше понимали ситуацию и не могли избежать участия в борьбе с эпидемией или наводнением.

**«ХРЕСТОМАТИЯ ПО АРХЕОГРАФИИ»
СЕРЕДИНЫ 1950-х ГОДОВ:
ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ**

*Баранова Анна Витальевна
(Российский государственный гуманитарный университет)*

На сегодняшний день известна только одна хрестоматия по археографии, выпущенная Историко-архивным институтом в середине 1950-х годов¹. В историографии она упоминается не часто², специальные исследования до сих пор отсутствуют. Между тем «Хрестоматия» характеризует собой определенный этап в развитии археографии. Она учитывает опыт самых современных на тот момент изданий и тесно связана с разработками вопросов теории, истории, методики и практики подготовки публикаций. Документы в «Хрестоматии» издавались в соответствии с требованиями «Основных правил публикации документов ГАФ СССР» 1945 г., которые в ней также рассматриваются.

Составители «Хрестоматии» – сотрудники кафедры теории и практики архивного дела МГИАИ: Е.М. Тальман, Д.М. Эпштейн, Т.В. Ивницкая, И.И. Корнева, М.С. Селезнев, аспиранты Л.А. Гольденберг и В.А. Черных. Руководил работой И.Л. Маяковский³, а выпущена книга была под редакцией профессора Г.Д. Костомарова. Она включает в себя проекты правил, распорядительную документацию (декреты, резолюции, указы по истории археографии и архивного дела), предисловия к публикациям документов, отдельные статьи из разных изданий XVIII–XX вв. «Хрестоматия» состоит из введения, трех разделов и примечаний. Первый и третий разделы характеризуют археографию в период с 1905 по 1954 г., а второй – историю развития методов публикации документов в дореволюционной России с 1720 по 1912 г.

¹ Хрестоматия по археографии. Пособие для студентов Московского государственного историко-архивного института. М., 1956. Она вышла в 1956 году, но была подписана в печать 21.11.1955 г., поэтому на обложке и титульном листе стоят разные даты.

² История советской археографии: учебное пособие. М., 1966. Вып. 1; История археографии в дореволюционной России: учебное пособие. М., 1969; *Афиани В.Ю.* Т.В. Батаева и развитие отечественной археографии. URL : <http://www.tris.ru/articles/details/0/6222> (дата обращения: 26.02.2019).

³ *Эпштейн Д.М.* К истории преподавания археографии в Московском государственном историко-архивном институте // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 219–225.

В обширном историческом введении, написанном Е.М. Тальман, показано развитие археографии и влияние на нее публикаторской практики. Одной из задач введения была характеристика марксистско-ленинской методологии применительно к работе с историческими документами. При этом автором подчеркивается политический аспект археографии: «При изучении исторических источников следует строго учитывать их содержание, происхождение, давая им соответствующую оценку»⁴.

Говоря о периоде борьбы с троцкизмом, Тальман обращает внимание на то, что люди, поддерживающие теорию «перманентной революции», пытались ее оправдать документами прошлого и приводит на это ответ Сталина: «...есть документы, которые в свое время имели силу и потеряли ее потом... Есть и такие документы, которые имели и продолжают иметь руководящее значение для партии... Есть также такие документы, которые имели исключительно отрицательный характер, отрицательное значение, и с которыми партия не может мириться»⁵. Школа М.Н. Покровского характеризуется здесь с точки зрения «буржуазного объективизма»⁶.

Характеризуя второй раздел «Хрестоматии», Тальман показала, как археография стала складываться в специальную историческую науку, отметила вклад В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Н.И. Новикова, П.М. Строева, К.Ф. Калайдовича, Н.Н. Бантыша-Каменского, А.С. Лаппо-Данилевского, С.Н. Валка, представителей МГИАИ и многих других. Рассмотрена также деятельность в русской археографии Г.Ф. Миллера и А.Г. Шлецера, которые характеризуются как ученые «реакционного» направления. Несмотря на политизированность, особый интерес представляет изложение истории археографии XX века и изданий, вышедших в этот период, поскольку эта часть для своего времени отличалась новизной.

Первый раздел «Хрестоматии» охватывает вопросы издания источников в постановлениях коммунистической партии, сочинениях В.И. Ленина и И.В. Сталина. Исходя из тематики защищенных к этому времени кандидатских диссертаций, мы можем предположить, что разработкой данного раздела занимались М.С. Селезнев и Т.В. Ивницкая⁷. В раздел включены пять документов за период 1905–1938 гг., публикуемых полностью. При составлении легенды авторы ссылаются на собрание сочинений вождя, но не указывают год издания. Например, при публикации статьи В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», составители пишут, что статья была взята из собрания сочинения

⁴ Хрестоматия по археографии... С. 9.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Селезнев М.С. Документальные источники о рабочем контроле (октябрь 1917 г. – март 1918 г.) по фонду Центрального совета фабзавкомов г. Петрограда (к вопросу об отборе документов для печати; Ивницкая Т.В. Документальные публикации по истории борьбы рабочего класса СССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны.

ний В.И. Ленина (4-е изд. Т. 10. С. 26–31)⁸, но нами этот текст был найден во 2-м издании (1929 г. Т. 8. С. 386–390).

Второй раздел освещает развитие археографии в дореволюционной России (XVIII–XX вв). Исходя из тематики диссертаций, его разработкой, вероятнее всего, занимались И.И. Корнева и Д.М. Эпштейн⁹. Особенное внимание уделено деятельности Комиссии печатания государственных грамот и договоров, Археографической комиссии, МАМЮ и др. Ряд источников опубликован с характерными пропусками.

Так, из текста речи П.М. Строева на заседании ОИДР¹⁰ составители хрестоматии убрали отрывок, где говорится о Г.Ф. Миллере. Между тем в самой речи Строев приводил работу Миллера по собиранию исторических источников в качестве доказательства необходимости организации археографической экспедиции: «...без сибирской поездки мы не имели бы истории начала XVII века. Так погибла бы и история Сибири и великое множество разных исторических достопамятностей...»¹¹. Очевидно, составители решили не указывать этот отрывок, поскольку он противоречит высказанной ими оценке Миллера как реакционного историка, применявшего «ненаучный» подход к публикации документов¹².

Еще один документ, представленный в сокращении, назван: «Из протокола заседания Археографической комиссии о правилах издания летописей»¹³. Составителями было пропущено подробное описание обсуждения данного вопроса в комиссии при участии 27 человек. Вместо этого в примечании дается краткое резюме. В оригинале пропущенный текст занимает 18 страниц¹⁴. Пропущенный фрагмент протокола прекрасно отражает обстоятельства, в которых создавались правила издания «Полного собрания русских летописей» и дискуссии по вопросам передачи текста. Например, А.Е. Викторов заметил, что в разных регионах отсутствуют единые правила написания слов, И.Д. Беляев считал необходимым к заголовкам добавлять названия княжеств, где была составлена летопись и т. д. По-видимому, данное сокращение было вызвано объемом текста и не имело каких-либо конъюнктурных причин.

В третьем разделе представлены материалы по истории советской археографии с 1917 г. по 1954 г.: декреты СНК; деятельность ИМЭЛС при ЦК

⁸ Хрестоматия по археографии... С. 73–77.

⁹ Корнева И.И. Очерки деятельности Археографической комиссии по собиранию и изданию исторических источников в 30–50 годах XIX столетия; Эпштейн Д.М. Археографическая деятельность Русского исторического общества в 60–80 гг. XIX в.

¹⁰ Хрестоматия по археографии... С. 137–147.

¹¹ Строев П.М. Речь, говоренная на заседании Общества Истории и Древностей Российских, при императорском московском университете // Северный Архив. 1823. Ч. 8. № 19. С. 13.

¹² Хрестоматия по археографии... С. 24–25, 287.

¹³ Там же. С. 160–163.

¹⁴ Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1871. Вып. 5. С. 112–128.

КПСС, археографическая работа архивных органов и Института истории АН СССР. Опубликовано три декрета СНК об архивном деле и издании документов; постановление о работе Института Ленина; правила издания документов, составленные А.А. Шиловым (1935), А.А. Сергеевым (1935) и коллективом Историко-археографического института (1936); предисловия к различным публикациям. В конце третьего раздела помещены предисловия к изданиям, вышедшим в 1952–1954 гг.

Завершают «Хрестоматию» примечания, играющие также роль именного и предметного указателей, так как в них даны указания на страницы издания. Следует признать, что для своего времени примечания достаточно полны, поскольку, в том числе, упоминают деятельность «буржуазных» археографов: Миллера, Дюмона, Шлецера, Монфокона, Маттеи (Маффей) и др.

Очевидно, целью создания «Хрестоматии» является ознакомление студентов с историей развития археографии, ее правилами и принципами на базе работы с документами в дореволюционное время и в советский период. Введение и подбор материалы перекликаются с монографией С.Н. Валка «Советская археография» (М.; Л., 1948). Также можно отметить влияние работ П.Г. Софинова, одного из первых, кто еще с 1940-х годов занимался историей археографии в России.

Составителями «Хрестоматии» был взят за основу хронологический принцип, позволивший показать развитие археографической методики и историю работы с документами разных видов и эпох. Несмотря на присутствующие идеологические штампы, в своей основе «Хрестоматия» сохраняет свою актуальность до сегодняшнего дня и даже может использоваться как пособие для изучения истории археографии. Ее опыт показывает эффективность жанра хрестоматии и хочется верить, что в свое время выйдет более современное издание, включающее самые новые разработки в сфере археографии.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ БАВАРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

*Бахарев Анатолий Александрович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Баварская Советская республика являлась недолговечной, но одной из самых серьезных попыток построения революционного социалистического государства в центральной Европе. Данное государственное образование просуществовало лишь три недели с 7 апреля по 1 мая 1919 года, находясь под постоянной угрозой наступления контрреволюционных сил с севера Баварии, контролируемого местным ландтагом, и вооруженных сил центрального германского правительства. При том на первом этапе развития большинством в советах обладали представители социал-демократов, анархистов и независимые депутаты. Баварские коммунисты не только не контролировали революционное движение, но и не оказывали на его развитие существенное влияние.

Руководящие органы республики были слишком многочисленны и разрознены для претворения в жизнь последовательной политики преобразований. Ситуация осложнялась отказом руководства коммунистической партии Германии поддержать состоявшуюся революцию, которая воспринималась как путч и попытка построения системы советов «за зеленым столом» без связи с революционными массами и поддержки с их стороны¹. В данных условиях баварские коммунисты взяли курс на дискредитацию нового правительства советской республики, готовясь пропагандистскими мерами разрушить социальную поддержку республики. «Только от вас должна исходить инициатива, из вашего самопроизвольного движения все сильней, все полновластней и победоносней должно складываться советское правительство», – обращался орган мюнхенских коммунистов к рабочим, объясняя им разницу между «путчем» и «действительным революционным действием», за которое стоят коммунисты². Тем самым коммунисты Мюнхена заняли исключительно негативную позицию в отношении свершившейся революции, отказавшись от попыток сформировать собственную широкую социальную базу и форсировать построение пролетарского государства. В данном смысле необходимо заключить, что тактика баварских коммунистов не предполагала взятия инициативы в свои руки. Они ожидали неминуемого разрушения

¹ *Застенкер Н.* Баварская советская республика. М., 1934. С. 110.

² *Вернер П.* Баварская Советская Республика. М., 1924. С. 46.

Баварской Советской республики и перехода к подпольной деятельности, что привело к неразвитости организационных возможностей революции.

Ситуация радикально изменилась лишь после неудачной попытки контрреволюционного переворота 13 апреля, в поражении которого основную роль сыграла именно «инициатива снизу». Стихийно вооружившиеся рабочие отбили ключевые объекты Мюнхена и потребовали проведения более жесткого курса, наказания контрреволюционеров и соглашателей. Левые социалисты и анархисты были удалены из руководства БСР, вся власть оказалась в руках у местных лидеров КПГ, опиравшихся на собрание фабрично-заводских комитетов и солдатских советов³. Тем самым с 13 апреля коммунисты в Мюнхене оказались единственной политической силой, пользующейся поддержкой населения. Но приход коммунистов к власти не являлся результатом сознательной и продуманной установки партии⁴.

На втором этапе развития баварской революции не последовало проведение последовательных и радикальных преобразований. Самыми существенными проблемами для новых коммунистических властей стали управленческий хаос и отсутствие собственной упорядоченной организационной системы. Советское правительство опиралось на общемюнхенское собрание фабзавкомов и солдатских депутатов. Это громоздкое, насчитывавшее до 2 тыс. членов, собрание ни в коей мере не могло служить той надежной базой, на которой могла покоиться диктатура пролетариата. Избранные в другие периоды члены фабзавкомов и солдатских советов полков не отражали той степени революционной зрелости и сознательности, на которую поднялись мюнхенские рабочие к моменту победоносного захвата власти⁵. Собрание фабзавкомов и солдатских депутатов по своей структуре являлось скорее органом представительства корпораций, чем дееспособным политическим организмом. За вторую половину апреля КПГ не смогло ни реформировать структуру основного политического органа, ни провести запланированные перевыборы. Данный факт существенно подорвал жизнеспособность Баварской Советской республики.

Важной проблемой являлось также отсутствие у правительства программы социально-экономических преобразований. Не разрабатывались и не инициировались проекты социализации собственности. Быстрого перераспределения собственности в пользу революционного правительства и социальной базы большевиков не произошло. Политика в данной сфере была стихийной и соответствовала текущим целям поддержания работы правительства. Толкаемое нуждой в деньгах и «саботажем буржуазии», бросившейся изымать вклады и спекулировать деньгами и валютой, советское правительство нанесло удар по частной банковской системе. Банки были поставлены под суровый контроль пролетарской диктатуры

³ *Ватлин А.Ю.* Советская Республика в Баварии: история политических мифов // Новая и новейшая история. № 4. 2013. С. 32–49.

⁴ *Tammer, Von Eisner bis Hoflman.* Kommunismus, 1921. С. 502.

⁵ *Застенкер Н.* Указ. соч. С. 113.

и фактически национализированы. Фабзавкомы осуществляли строгий надзор над тем, чтобы ежедневно приходы сдавались в банки, а расходы совершались на действительные нужды предприятия или торговли⁶.

Таким образом, необходимо констатировать, что развитие Баварской Советской республики было сопряжено с рядом существенных проблем, в числе которых выделяются непоследовательность политики местного отделения КПГ, громоздкость и организационная неоформленность революционных органов управления, отсутствие программы социально-экономических преобразований и постоянная угроза военного вторжения с севера Баварии.

⁶ Там же. С. 118.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В АБХАЗИИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

*Бедрицкая Оксана Олеговна
(Дагестанский государственный университет)*

В советской Абхазии к началу 1990-х годов межэтнические конфликты проявлялись в основном в грузино-абхазском противостоянии. 7 февраля 1989 года в районной газете Гудаута было опубликовано письмо на абхазском языке, в котором обосновывалась идея предоставления республике статуса союзной. 18 марта в селе Лыхны состоялась демонстрация, на которой было принято обращение с теми же требованиями. Оно было подписано также и руководством АССР. Решения, принятые на встрече, вызвали осуждение грузинской части общества.

Митинги 27 и 28 марта переросли в этнические столкновения жителей г. Гагра и Гудаутского района. 1 апреля в селе Леселидзе были ранены 10 участников грузинского митинга, в том числе двое из охотничьего ружья. Взаимные претензии грузинской и абхазской сторон предъявлялись на высшем уровне и трансформировались в «войну законов».

Верховный Совет СССР принимал активное участие в борьбе с межэтническими столкновениями. Представители абхазского руководства традиционно ориентировались на деятельность высших органов союзного значения. Значительные надежды возлагались на закон СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации»¹, принятый Верховным Советом СССР в апреле 1990 года, и, в частности, на положение закона, гласившее, что автономные республики обладают всей полнотой государственной власти на своей территории.

В то же время грузинская сторона последовательно отказывалась от соблюдения правовых актов в рамках Советского Союза. Так, Верховный Совет ГССР оценил ряд актов СССР в соответствии со статьей 77 Конституции ГССР и признал, что законы СССР о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР, не соответствуют интересам Грузинской ССР.

Показательна реакция представителей грузинского общества на работу комитетов Верховного Совета СССР, прибывших в Сухуми, которые в июле 1989 года определили обстоятельства разжигания межнаци-

¹ *Маркедонов С.* Исторический фронт грузино-абхазского конфликта // *Abimperio*. 2007. № 3. С. 13.

онального конфликта. В письме в секретариат Президиума Верховного Совета СССР грузинские общественные деятели заявили, что комиссия, по существу, поддержала амбициозные националистические требования абхазских экстремистов².

Стоит обратить внимание на интенсивный характер деятельности комиссии М.И. Монго и определенные результаты этой работы. Например, в день прибытия в Сухуми членам комиссии удалось встретиться с партийным и советским руководством Абхазской АССР, а вечером посетить местную филармонию, где депутаты обратились к жителям, забастовка которых длилась почти две недели. В последующие дни комиссия встретила с депутатами Верховного Совета АССР Абхазии, работниками университетов, трудящимися, русскоязычным населением, старейшинами и др. Во встрече приняли участие более 700 человек. В ходе работы были проведены встречи в Тбилиси с первым секретарем ЦК КПСС Грузии Г.Г. Гумбаридзе и председателем Президиума Верховного Совета СССР О. Черкезия.

Несмотря на все предпринимаемые усилия, деятельность высших органов союзной власти не принесла ощутимых результатов. В постановлении Верховного Совета «О событиях в Абхазской АССР» от 17 июля 1989 года содержался призыв решать все спорные вопросы мирными средствами, руководствуясь принципами интернационализма и дружбы советских народов. Конечно, в этих условиях такая риторика не могла существенно повлиять на действия радикально настроенного населения³.

Таким образом, на последнем этапе перестройки руководство Верховного Совета СССР оказалось в крайне сложной ситуации: с одной стороны, нужно было быстро погасить прирост этнических конфликтов, с другой – любые активные действия воспринимались какой-либо из заинтересованных сторон в штыки и расценивались как переход на сторону противника. Результатом этой стагнации часто было бездействие союзных властей и, следовательно, быстрое развитие конфликта между Грузией и Абхазией, последствия которого также влияют на нынешнюю историю.

² *Акаба Н.* Трансформация грузино-абхазского конфликта: переосмысление парадигмы. Сухум, 2011.

³ *Уськин Л.* Грузино-абхазский тупик // Русский журнал. 2007. № 8. С. 6.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ РККА И КОНЦЕПЦИЯ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

*Безугольный Алексей Юрьевич, к.и.н.
(Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба ВС РФ)*

В годы Гражданской войны 1918–1922 гг. национальные воинские формирования в составе РККА, как и многочисленные партизанские отряды, укомплектованные представителями различных национальностей, сыграли важную роль в отстаивании советской власти на окраинах бывшей Российской империи. В этот период было создано более 50 национальных формирований различного формата – от рот и эскадронов до кавалерийских дивизий¹. По окончании гражданского противостояния большинство из них было расформировано в рамках общего многократного сокращения вооруженных сил. Однако вопрос о национальных формированиях вовсе не был снят с повестки дня а, напротив, вышел на качественно новый уровень, приобрел особый политический смысл, стал элементом решения национального вопроса, понимавшегося в общественно-политическом и этнокультурном обустройстве национальных окраин бывшей Российской империи. Национальным формированиям отводилась роль культуртрегерского института и двигателя социалистического строительства у «отсталых» народов. В рамках принятой Реввоенсоветом СССР в начале 1925 г. пятилетней программы национальных формирований, развернулась организация десятков подразделений, частей и соединений, численный состав которых должен был достигнуть без малого 10 процентов всего штатного состава РККА. Нацформирования создавались повсюду: на Украине и в Белоруссии, в Закавказье и на Северном Кавказе, во всех среднеазиатских республиках, в Поволжье, Калмыкии, Карелии и Якутии.

Одним из функций нацформирований, фактически не реализованных и потому редко упоминаемых в исторической литературе, стала вменяемая им руководством страны и вооруженными силами внешнеполитическая миссия. Идеи революционной вооруженной экспансии витали в воздухе со времен Гражданской войны. Например, в 1919 г. ведущий татарский большевик М.Х. Султан-Галиев так формулировал самые сме-

¹ Аманжолов К. Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917–1945): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1987. С. 33–35.

лые большевистские экспансионистские утопии относительно мусульманского востока: «Быстрее помочь встать на ноги татарам, башкирам, киргизам, мусульманам Туркестана и Кавказа... Вооружив и объединив эти народы, направить их через Иран и Афганистан... в Турцию, арабские страны, Индию для того, чтобы освободить их от западноевропейского капитала»².

Победа в Гражданской войне, укрепление большевистского режима, провозглашение Советского Союза лишь укрепили советских вождей во мнении о близости мирового революционного пожара. Национальные формирования РККА представлялись необходимым инструментом грядущей революционной войны. Так, в резолюции IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г. содержалось положение о национальных частях «как в смысле обороны со стороны Турции, Афганистана, Польши и т. п., так и в смысле возможного вынужденного выступления Союза [Советских Социалистических] Республик против соседних государств»³.

В начале 1920-х гг. позицию военного ведомства в вопросе о строительстве нацчастей в составе Красной армии в значительной мере формулировал и озвучивал М.В. Фрунзе – с марта 1924 г. – заместитель председателя РВС СССР и заместитель наркомвоенмора, а с января 1925 г. – председатель РВС СССР и нарком. Вплоть до своей смерти 31 октября 1925 г. Фрунзе был инициатором и двигателем всех коренных реформ Красной армии и большим энтузиастом вовлечения окраинных народов в военное строительство. Вопросы о национальных формированиях Фрунзе касался во многих своих выступлениях этого периода. Так, обращаясь к слушателям Военной академии РККА 20 декабря 1924 г., Фрунзе определял национальные формирования как своего рода материальное олицетворение национальной политики государства и мост между народами (не только советскими), способный «связать теснейшим образом эти бывшие колониальные народы царской империи с нами, а через них – связать судьбу колониальных народов других стран с судьбой Советского Союза»⁴.

Ввиду перспектив дальнейшего развития мировой революции, как их в первой половине 1920-х гг. оценивало большевистское руководство, Фрунзе считал необходимым «центр тяжести в деле национального военного строительства перенести на Туркестан», под которым в тот период понимались Узбекская ССР с Таджикской автономной областью, Туркменская ССР, Кара-Киргизская и Кара-Какалпакская автономные области. Туркестан, в котором много лет работал и жил Фрунзе, по его

² Цит. по: *Ланда Р.Г.* Мирсаид Султан-Галиев // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 61.

³ Тайны национальной политики ЦК РКП(б): Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г.: стеногр. отчет. М., 1992. С. 279.

⁴ *Фрунзе М.В.* Собр. соч. Т. 2. М., 1926. С. 190.

мнению, был важен как регион, лежавший на перекрестье путей между Европой, Индией и Китаем. Поэтому «Туркестан будет иметь колоссальное значение с точки зрения закрепления всех позиций: и советско-союзной и наших позиций на Востоке»⁵.

Обосновывая необходимость формирования той или иной национальной воинской части, Фрунзе исходил как из соображений дальнейшей борьбы Советского Союза за выживание в агрессивном окружении, так и из оценки перспектив новой волны советизации сопредельных Советскому Союзу стран. Например, в Армении, которая являлась приграничным регионом СССР и которой предстояло в случае войны с Турцией «выдержать первый напор врага», несмотря на относительно незначительные мобилизационные ресурсы, он предлагал содержать одну дивизию в составе двух кадровых и одного территориального полка. В Бурят-Монгольской республике, также «небольшой по своему населению», но имеющей «колоссальное значение» в связи с близостью родственной ей по языку и «полукрасной» по политическим настроениям Монголии, Фрунзе полагал необходимым содержать кавалерийскую бригаду, желательную, кадровую и т. п.

Политическая целесообразность содержания нацформирований в том или ином регионе отодвигала на второй план вопросы, связанные с возможными трудностями в их боевом применении. Допускалась возможность временного «ущерба для обороноспособности Советского Союза»⁶ в связи с более низкой боеспособностью по сравнению с «номерными», (т. е. обычными, имевшими номер) частями РККА. Их целевое предназначение в тот период виделось иным. В декабре 1924 г. в одном из выступлений М.В. Фрунзе, замечал: «Переброска... на театр военных действий национальных дивизий, расположенных на окраинах, противоречила бы... их *предназначению* (выделено мной. – Авт.)»⁷.

Характерно, что ратуя за первоочередное создание нацформирований на окраинах страны, М.В. Фрунзе в то же время не находил «той важности этой работы» для «внутренних» и политически лояльных советской власти народов, например поволжских татар⁸.

Таким образом, усилиями, прежде всего наркомвоенмора М.В. Фрунзе, национальные части были органично вплетены в концепт мировой революции. Национальным формированиям отводилась важная роль застрельщиков и проводников международного коммунистического движения, особого национального эшелона советских войск.

Справедливости ради следует сказать, что в 1920-е гг. вся армия была поставлена на алтарь считавшейся близкой мировой революции. Молодое

⁵ Фрунзе М.В. Собр. соч. Т. 2. С. 190.

⁶ ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). М., 1928. С. 320.

⁷ Материалы декабрьского 1924 г. Пленума РВС СССР // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 27 об.

⁸ Фрунзе М.В. Собр. соч. Т. 2. С. 191.

советское государство не только готовилось к обороне едва ли не по всему периметру своих границ, но и могло, если бы на то была политическая воля большевистского руководства страны, вооруженной силой поддерживать революционные выступления в зарубежных странах. Например, вполне реальным представлялось выступление советских войск в поддержку германского пролетариата осенью 1923 г. Боеспособность Красной армии учитывалась тогда в последнюю очередь. По образному выражению И.В. Сталина, «если бы бог нам не помог... и нам пришлось бы впутаться в войну, нас распушили бы в пух и прах»⁹.

В этом контексте заостренность внешнеполитической функции нацформирований в первой половине 1920-х гг. не является их уникальной чертой. К мировой революции готовилась вся РККА, а ее национальный сегмент считался удобным инструментом на тех направлениях борьбы, где этнический состав советских войск и сопредельных народов, намеченных к советизации, был бы близок.

Смерть М.В. Фрунзе, постепенное затухание надежд на скорое расширение революции за пределы Советского Союза, постепенно остудили взгляд на национальные формирования, как на особый инструмент революционной экспансии.

⁹ Вестник Архива Президента РФ. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 80.

«УТОПИЯ» Т. МОРА КАК ВЫЗОВ ЗАРОЖДАЮЩЕМУСЯ КАПИТАЛИЗМУ В АНГЛИИ

Беляков Глеб Сергеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Утопический социализм – предшествующее марксизму направление социализма, характеризующееся отсутствием реального знания о законах общественного развития и, как следствие, оторванностью учения от реальной жизни.

Создание утопического социализма связывают с именем английского философа, писателя и юриста раннего Нового времени Т. Мора. В 1516 г. Т. Мор написал работу «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (далее просто «Утопия»), в которой он критикует положение дел в Англии и в качестве альтернативного варианта развития общества описывает государство утопийцев.

Что же побудило философа создать данный труд? Какие причины экономического, социального и политического характера легли в основу недовольства сложившейся ситуацией в Англии? Ответ на данный вопрос даст возможность проанализировать основные идеи утопического социализма, которые в дальнейшем заимствовались и другими философами. Для начала более конкретно рассмотрим социальные и экономические процессы, происходящие во время деятельности Т. Мора.

XV – начало XVI в. – зарождение капитализма в Англии. К предпосылкам становления данной экономической системы в королевстве мы можем отнести следующее: активная внешняя торговля в рамках Средиземноморья, объективные климатические причины, особенности системы распределения земли в Англии. Согласно Карлу Марксу, для создания капиталистической системы требуются два условия: наличие масс неимущих юридически свободных людей и накопление первичного капитала для создания производства. Далее приведены доказательства их наличия в Англии в XV–XVI вв.

В Англии существовал следующий тип распределения земли: ее основная часть принадлежала короне, знати и церкви. Около 60 % вилланов получили свободу от вассалов в XIV–XV вв., что связано с развитием товарно-денежных отношений; происходил повсеместный переход от барщины к денежной ренте. В итоге большинство крестьян получило юридическую свободу, но осталось на земле феодалов на условии арендной платы (так называемые копигольдеры). Далее стоит отметить объективный климатический фактор – Малый ледниковый период. Понижение температуры

повлекло за собой повышение спроса на теплую одежду, которую ткали из шерсти местных овец.

Овцеводство стало выгоднее земледелия, которое приносило феодалам лишь относительно невысокие доходы, выплачиваемые им свободными крестьянами в качестве арендной платы. Для овцеводства требуется меньшее количество рабочих рук, нежели для сельского хозяйства, именно поэтому знать повсеместно сгоняла крестьян с земли, которую в дальнейшем использовала в качестве пастбищ. Крестьяне лишались возможности прокормить себя и свои семьи, пополняя юридически свободные и не имеющие средств производства массы. Мы видим факт наличия первого условия для формирования капитализма.

Также именно в XV–XVI вв. начинается накопление торгового капитала, связанного с постепенным усилением английских купцов. Конечно, это было только началом развития торговых отношений, резкий скачок случился позже, после второго этапа Великих географических открытий. На накопленные деньги создавались ремесленные мастерские и суконные мануфактуры, которые частично поглощали неимущие массы безземельных крестьян. Таким образом, в Англии в XV–XVI вв. существовали предпосылки для перехода от феодализма к капитализму.

Складывание раннего капитализма имело нелицеприятную оборотную сторону. Стремительная социальная дифференциация, произвол богатых, вынужденное бродяжничество согнанных со своих земель крестьян, большая часть которых не могла быть задействована в производстве из-за отсутствия достаточного количества цехов и мануфактур, – вот действительность, в которой создавалась «Утопия» Т. Мора¹.

По мнению философа, именно частная собственность и социальное неравенство – главные причины бедствий в стране. Мор критикует как оживающий свой век феодализм, так и начинающий активное развитие капитализм, противопоставляя им другой вариант развития государства – Утопию. Главная отличительная черта жизни в государстве утопийцев – полное равенство. Однако достигается оно лишь путем отмены частной собственности, строгой регламентации жизни граждан, создания своего рода тоталитарного государства при отсутствии личной свободы, но в рамках демократической организации власти.

Для достижения и поддержания равенства используются следующие методы. Основа общества – семейный коллектив, каждый человек обязан трудиться, освоив какое-либо ремесло, при этом абсолютно все граждане поочередно занимаются земледелием, переселяясь за город на два года. Для утверждения равенства семьи обмениваются домами и совершают совместные приемы пищи. Все необходимое граждане получают из городских складов в нужном количестве, больше никто не берет, т. к. все блага находятся в свободном доступе.

¹ Паниотова Т.С. Реальное и фантастическое в «Утопии» Т. Мора // Знание. Понимание. Умение. М., 2016. № 3. С. 117–132.

В Англии в XIV–XV вв. наблюдалась повышенная преступность, многочисленные шайки пополнялись из масс безземельных крестьян, не имеющих возможности купить подорожавший хлеб, повышение цены которого связано с повсеместным переходом от сельского хозяйства к овцеводству. С преступниками обращались крайне жестоко, даже воровство каралось повешением. Мор утверждает, что данное наказание несправедливо для тех, кто совершил простую кражу, кроме того, оно малоэффективно, ведь страх смерти не может остановить человека, не имеющего средств для пропитания, к тому же равное наказание и для убийцы, и для вора заставляет второго убить жертву, чтобы избавиться от обвинителя и скорее избежать наказания. Т. Мор предлагает восстановить фермы, урегулировать цены на жизненно важные товары, обуздать своеволие богачей, не кормить дармоедов, развивать земледелие и обработку шерсти, которыми могла бы быть занята толпа неимущих людей. Также, по мнению Т. Мора, людям дается плохое воспитание, которое не дает возможности развиваться их нравственности, что выливается в различного рода преступления; человеческая же жизнь – высшая ценность, убийство противно Богу.

Благодаря отсутствию собственности и хорошему воспитанию утопийцам не известны пороки, присущие жителям Европы: роскошь, расточительство, жадность. В обществе утопийцев нет бедности, толкающей человека на преступление, а в качестве наказания используется не смертная казнь, а рабство. Рабы, вынужденные выполнять самую тяжелую работу, покупаются (или отдаются даром) из числа преступников других стран; также в рабство могут попасть и сами граждане Утопии, причем их зависимость имеет более жесткую форму. Объясняется это тем, что жители острова, которым с детства прививали нормы морали и нравственности, тем не менее преступили закон. Смертная казнь назначается только беглым рабам.

Т. Мор – родоначальник социалистического утопизма, в рамках которого писали свои труды Кампанелла, Ж. Мелье, Морелли и Г. Мабли, создатели социализма (по Энгельсу): К.А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн. Идеи философа, ставшие реакцией на социально-экономическую действительность Англии в раннее Новое время, легли в основу многих трудов и идеологий, в том числе и коммунизма. Главная проблема «Утопии» Т. Мора состоит в том, что, критикуя капитализм и предлагая в качестве альтернативы образ «идеального» общественного устройства, автор не указывает, какими путями к нему можно прийти². «Утопия» – образ недостижимого государства, недаром название книги стало нарицательным, а в XX–XXI вв. дало начало целому жанру научной фантастики.

² Суворов Г.В. Проблема личности в контексте европейской утопии XVI–XVII вв. // Вестник Вятского государственного университета. Вятка, 2014. № 9. С. 15–25.

К ВОПРОСУ О ПОКУШЕНИЯХ НА ИНОСТРАНЦЕВ, НАХОДЯЩИХСЯ НА СЛУЖБЕ У БОЛЬШЕВИКОВ

Беспалова Ксения Андреевна

(Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина)

Ни для кого не секрет, что после Русской революции 1917 года появилось достаточно персон, разделявших устремления большевиков. По мере укрепления сил нового правительства появлялось все больше и больше как искреннее заинтересованных в новом политическом строе, так и желавших самореализоваться и даже обогатиться за счет большевиков. Среди тех и других были и иностранцы, в частности французы. Это были военные, писатели, журналисты, трудящиеся и многие другие. Одни поддерживали идеологию большевиков, но предпочитали делать это на родине через литературу и публицистику, изредка приезжая на партийные съезды или культурные мероприятия; другие же оставались в России и самоотверженно служили большевистскому правительству.

Те, кто остался и яростно помогал в упрочнении и распространении влияния новой власти, нередко довольно быстро продвигался по карьерной лестнице и даже добивался назначения на руководящие должности. Например, симпатизировали новому режиму некоторые сотрудники Французской военной миссии в России, например капитан Жак Садуль (1881–1956) и солдат Марсель Боди (1894–1984). Осенью 1918 года оба вошли в состав Французской коммунистической группы Москвы, где занимались пропагандой коммунистической идеологии. После в 1919 году Ж. Садуль занял пост главы Южного отделения Исполнительного комитета Коммунистического интернационала в Одессе, а после учреждения поста комиссара советской прессы за границей занял этот пост¹; М. Боди сначала сопровождал Садуля в Одессе, позже с 1921 года был назначен советским дипломатом в Норвегии, где работал при главе дипмиссии А.М. Коллонтай². Но, несмотря на первый взгляд хорошо складывающуюся карьеру в России, жизнь Ж. Садуля и М. Боди несколько раз подвергалась смертельной опасности.

Один из случаев нападения описывает М. Боди. После Восьмого Съезда РКП(б), который проходил в Москве с 18 по 23 марта 1919 года, вместе с Ж. Садулем они были отправлены в Киев для встречи с укра-

¹ Extraits de presse russe. Le 15 Juillet 1921 // SHD/T 7 NN 2013.

² Виане Б. Марсель Боди: типографский рабочий из Франции, ставший советским дипломатом // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 78.

инскими коммунистами. Ночью, совершив очередную и довольно продолжительную остановку на станции, на поезд с нашими героями, представителями правительства Украины, а также А.М. Коллонтай (которая ехала возглавить политический отдел 1-й Заднепровской Украинской советской дивизии, а затем наркомат агитации и пропаганды Крымской советской республики) было совершено нападение партизанских групп. Работники железнодорожной станции, узнав, что в поезде есть Народные комиссары, потребовали их выступления. На импровизированное выступление согласились несколько человек, в том числе и Нарком внутренних дел Украинской ССР А.С. Бубнов, но ораторов перебивала собравшаяся группа партизан. В какой-то момент выкрики начали сопровождаться выстрелами и выступавшие со всех ног побежали к поезду. В поезде началась паника. К счастью, удалось избежать кровопролития и вскоре состав продолжил следование³.

Некоторые случаи нападения зафиксировала в воспоминаниях супруга Жака Садуля Ивон, записанные со слов мужа. Однажды в Одессе вице-адмирал Жак-Франсуа Амет⁴ пригласил Ж. Садуля позавтракать на борту корабля «Эрнест Ренан», пошутив, что на этом судне капитан будет чувствовать себя как в семье, делая таким образом аллюзию на родство супруги капитана, Ивон, с философом⁵. Однако капитан Садуль не пришел на эту встречу, отнюдь не потому, что был расстроен напоминанием о семье, – матросы предупредили его о готовящейся там засаде. Несколько дней спустя после несостоявшейся встречи на корабле прямо на улице подозрительный военный напал с ножом на Ж. Садуля. Преступнику не удалось совершить убийство, поскольку он был тут же арестован и признался, что подкуплен французами, после чего был застрелен на месте. Супруга капитана указывает, что это был военный из белой армии⁶.

Ивон Садуль вспоминала со слов супруга, что каждый вечер он покидал Одессу в компании трех-четырех друзей (скорее всего, среди них был М. Боди, поскольку он отмечал, что приезжал к Садулю с новостями несколько раз в неделю⁷), уезжая на виллу болгарского консула, находящуюся в 15 километрах от города, на берегу моря и пустовавшую после эвакуации французских войск. Однажды неизвестные швырнули туда две гранаты. По счастливой случайности, в тот вечер Жак Садуль задержался на службе и остался ночевать в городе⁸ и недоброжелателям не удалось осуществить планируемое убийство. Есть основания полагать,

³ *Body M. Les Groupes communistes français de Russie (1918–1922). P., 2015. P. 45–46.*

⁴ Жак-Франсуа Амет (1861–1940) – французский морской офицер, во время Первой мировой войны являлся главнокомандующим Военно-морскими силами союзников в Дарданеллах.

⁵ *Sadoul Y. Tels qu'en mon souvenir. P., 1978. P. 22.*

⁶ *Ibid. P. 91.*

⁷ *Body M. Les Groupes communistes français de Russie (1918–1922). P., 2015. P. 62.*

⁸ *Sadoul Y. Tels qu'en mon souvenir. P., 1978. P. 91.*

что и в этот раз французский офицер был предупрежден о готовящемся покушении, и поэтому остался в городе.

Нападения, судя по всему, были довольно частым явлением. Ввиду продолжающейся Гражданской войны и интервенции союзников, эти французы могли быть неудобны как Антанте и русским контрреволюционерам, так и многочисленным завистникам. Нужно подчеркнуть, что большинство нападений происходило в Одессе, городе с плохой репутацией и множеством шпионов, провокаторов и торговцев людьми⁹.

Но подобные налеты случались не только на юге России. В письме супруге Ж. Садуль упоминал, что его подруга М.Ф. Малашова, помимо того, что ухаживала за ним во время болезни тифом в конце 1918 года, еще помогла избежать револьвера убийцы¹⁰, а в ту пору французский офицер находился в Москве.

Еще один опасный эпизод, имевший место уже в 1920 году, вспоминала Ивон Садуль: она приехала в Петроград на Второй конгресс Коминтерна (19 июня – 7 августа), и после его завершения в компании супруга, писателей Раймона Лефевра, Виктора Сержа, Марселя Верже и Жулю Лепти совершила путешествие на Украину. По дороге из Харькова в Одессу их поезд был атакован, и путешественникам приходилось прятаться от пулеметных очередей, лежа на полу¹¹. К счастью, никто среди путешественников не пострадал, но все были крайне напуганы происходящим.

Отсюда следует, что несмотря на столь прекрасно складывающуюся карьеру и авторитет при новой власти в России, оба вышеупомянутых француза постоянно подвергались серьезной угрозе. Опасность поджидала не только в крупных городах, но и в дороге, несмотря на перемещения в бронированных поездах или в сопровождении отрядов Красной армии. И эта опасность могла исходить от кого угодно: от завербованного русского солдата, от соотечественника-офицера морфлота, от партизанских отрядов. Россия, охваченная Гражданской войной, была крайне небезопасным местом для любого, в особенности для иностранца, пусть и принявшего сторону большевиков: каждый иностранец являлся потенциальным шпионом для всех в этой войне всех против всех.

⁹ Ibid. P. 141.

¹⁰ Письмо Жака Садуля супруге от 11 мая 1919 года // SHD/T 7 NN 2013.

¹¹ *Sadoul Y. Tels qu'en mon souvenir.* P., 1978. P. 141.

ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС КАК ГЕРОИКО-ТРАГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ СССР

*Бондаренко Владимир Игоревич, к.и.н.
(Кубанский медицинский институт)*

26 апреля 2019 г. исполняется 33 года с момента аварии на Чернобыльской атомной электростанции. По мнению британского историка Дж. Хоскинга, данная техногенная катастрофа стала «поворотным моментом» в истории перестройки и всего СССР, показав «смертельно опасные недостатки централизованной административно-экономической системы» с «ужасающими техническими возможностями», но при этом «совершенно секретной, неряшливой и абсолютно безответственной»¹.

Авария на ЧАЭС стала общенародной бедой сродни военному противостоянию. Ликвидация последствий Чернобыльской катастрофы является уникальной в своем роде операцией, масштабной героико-трагической эпопеей с многочисленными примерами мужества и сострадания, патриотизма и самопожертвования.

В результате взрыва реактора четвертого энергоблока ЧАЭС во внешнюю среду поступило огромное количество продуктов деления Урана, суммарной активностью в 50 млн Ки. Радиоактивному загрязнению с уровнями выше 1 Ки/км² подверглись территории 17 стран. Наибольшему радиоактивному загрязнению подверглись 39 районов РСФСР, Украины и Белоруссии. Повышение радиационного фона из-за аварии на ЧАЭС наблюдалось на значительной части европейской территории Советского Союза, где проживало примерно 75 млн чел. В СССР серьезному радиоактивному загрязнению подверглось около 150 тыс. км² с населением в 6 млн 845 тыс. чел. Народнохозяйственный ущерб от аварии на ЧАЭС за 1986–1991 гг. составил около 175–215 млрд руб. (в ценах 1986 г.)².

Катастрофа затронула судьбы сотни тысяч человек, которые стали говорить о своей жизни до 26 апреля 1986 г. как о жизни «до войны». В постановлении Верховного Совета СССР от 25 апреля 1990 г. «О единой программе по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС», отмечалось,

¹ Хоскинг Д. История Советского Союза: 1917–1991. Смоленск, 2011. С. 444.

² Россия в борьбе с катастрофами. Книга 2. XX век – начало XXI в. / под общ. ред. С.К. Шойгу. М., 2007. С. 120.

что авария на Чернобыльской АЭС по совокупности последствий является самой крупной катастрофой современности, общенародным бедствием, задевшим судьбы миллионов людей³.

В 1986 г. за разворачивавшейся эпопеей в районе ЧАЭС в течение многих месяцев следила практически вся планета. Ликвидация последствий Чернобыльской катастрофы потребовали беспрецедентной мобилизации сил и средств всего СССР. Впервые со времен Великой Отечественной войны в разных уголках Советского Союза был объявлен массовый призыв резервистов. В аварийно-восстановительных мероприятиях было задействовано более 40 различных министерств и ведомств⁴. В период 1986–1990 гг. в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС участвовало свыше 600 тыс. чел.⁵ В общей сложности в работах в районе ЧАЭС приняли участие представители 67 национальностей⁶.

Огромную роль в аварийных мероприятиях в зоне бедствия сыграло Министерство обороны СССР, на плечи которого выпало основное бремя работ по локализации катастрофы. Участие в ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы приняли около 340 тыс. военнослужащих советской армии, из которых только 24 тыс. чел. являлись кадровыми военными (остальные – резервисты). За 1986–1991 гг. в район ЧАЭС было направлено около 210 различных воинских частей и подразделений. В 1986 г. для ликвидации последствий аварии на ЧАЭС было одновременно задействовано 111 войсковых подразделений, в количестве свыше 70 тыс. чел. (кадровых военных и резервистов)⁷. В середине мая 1986 г. группировка войск насчитывала около 30 тыс. чел. В июне 1986 г. в аварийных работах в районе ЧАЭС участвовало 94 войсковые части с общим количеством личного состава 32 329 чел. К августу 1986 г. количество войск в Чернобыле было увеличено еще: в ликвидации последствий катастрофы задействовано 111 войсковых соединений и частей общей численностью 39 245 чел. Всего же к ноябрю 1986 г. радиационному облучению подверглось 93 816 военнослужащих. В последующие годы военная группировка, участвующая в ликвидации последствий катастрофы, была уменьшена и насчитывала около 20 тыс. чел., одновременно выполняющих аварийно-восстановительные работы в зоне бедствия.

Еще одним свидетельством важности работ по локализации аварии на ЧАЭС для страны являются массовые награждения ликвидаторов правительственными наградами. В разное время 19 чел. за свой весомый

³ Барановська Н.П. Чернобыльська трагедія. Нариси з історії. Київ, 2011. С. 5.

⁴ Журбенко В.М., Кудряшов В.И. Участие Вооруженных Сил СССР в ликвидации последствий взрыва на Чернобыльской атомной электростанции // Военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 34.

⁵ Дьяченко А.А. Опыт ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС: деятельность государственных органов СССР (1986–1991): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. С. 18.

⁶ Тараканов М. Особая зона. Киев, 1991. С. 6.

⁷ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 53. Д. 74. Л. 4.

вклад в ликвидацию последствий катастрофы были удостоены высокого звания Героя Советского Союза (Социалистического Труда, Героя России или Украины), из которых только восемь получили Золотую Звезду при жизни. По данным на 1 августа 1988 г., за участие в локализации Чернобыльской катастрофы было награждено правительственными наградами 9361 чел.⁸ Награждение ликвидаторов орденами и медалями продолжается в России, Украине и Белоруссии и в настоящее время.

Одновременно с аварийно-восстановительными работами шла и массовая эвакуация населения. К концу июля 1986 г. из населенных пунктов, прилегающих к ЧАЭС, было вывезено более 135 тыс. чел.⁹ Кроме того, согласно данным ЦРУ, сюда стоит добавить около 400 тыс. жителей Киевской, Черниговской областей Украины и 100 тыс. чел. из районов Белоруссии, направленных летом 1986 г. в здравницы других областей СССР¹⁰.

Авария на ЧАЭС среди граждан СССР вызывала разные чувства. Чернобыльская катастрофа и факт дезинформации возмутили население и спровоцировали всплеск общественной активности. Проявлением высокой гражданской сознательности и моральных качеств большинства советских людей являлось их активное желание помочь пострадавшему населению. Патриотизм советских людей в процессе ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы был массовым и искренним.

Особую известность в стране приобрел так называемый «фонд помощи Чернобылю» – счет № 904, открытый в Госбанке СССР. Отдельные граждане вносили в этот фонд часть своей зарплаты, премии, пенсии. К декабрю 1986 г. сюда поступило свыше 520 млн руб.¹¹ В фонд помощи Чернобылю также перечислялись денежные средства в иностранной валюте и драгоценных металлах, что свидетельствует о восприятии мировым сообществом с первых дней трагедии аварии на ЧАЭС как катастрофы планетарного масштаба и транснациональной беды.

Только за период 1986–1991 гг. прямые затраты на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы составили порядка 25 млрд инв. руб. (в ценах 1986 г.)¹², что в экономическом отношении сопоставимо с расходами на Афганскую войну 1979–1989 гг.¹³

Подводя итоги по вышесказанному вопросу, отметим, что Чернобыльская катастрофа стала черной страницей в истории Советского Союза, нанесла стране невосполнимый экономический, экологический ущерб, и стала одним из катализаторов распада СССР. Ликвидация

⁸ ГА РФ. Ф. Р 7523. Оп. 145. Д. 3863.

⁹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 53. Д. 12. Л. 3.

¹⁰ The Chernobyl' accident: social and political implications. URL: <http://www.foia.cia.gov/Reagan/19871201a.pdf> (дата обращения: 15.02.2012).

¹¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 53. Д. 23. Л. 10.

¹² *Миронов Е.В.* Чернобыль: необъявленная война. СПб., 2006. С. 130.

¹³ *Мендкович Н.* Финансовый аспект Афганской войны 1979–1989 гг. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1284361200> (дата обращения: 12.12.2018).

ция ее последствий является уникальной операцией, героико-трагической эпопеей с многочисленными примерами мужества и взаимопомощи, страдания и самопожертвования. Именно благодаря героизму и самоотверженности сотен тысяч граждан СССР крупнейшая техногенная авария XX в. была локализована. Этот подвиг мы должны свято помнить.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ РСДРП (1903–1916)

Борисов Дмитрий Павлович
(*Московский педагогический государственный университет*)

Национальный вопрос в России – всегда являлся неотъемлемой частью внутренней политики государства. Успешное урегулирование многочисленных этноконфессиональных проблем современной России напрямую зависит от анализа предшествующей политики государства; так как в Советском Союзе национальную политику фактически «диктовала» коммунистическая партия, то мы решили детально изучить внутрипартийную дискуссию в РСДРП, чтобы понять, были ли разработаны пути решения национального вопроса у российских социал-демократов накануне революции 1917 г.

Под национальным вопросом мы понимаем сложившуюся систему отношений между различными этносами, регулируемую теми или иными государственными институтами. В Российской империи национальный вопрос играл огромную роль, так как свыше 57 % населения не принадлежало к титульной нации. Это обстоятельство не могло не привлечь внимание российских революционеров. Российские марксисты, касаясь национального вопроса, разделяли его на два компонента: 1) «право нации на самоопределение» и 2) «будущее территориально-административное устройство России».

Первый съезд РСДРП, как известно, принял постановление о национальном вопросе в соответствии с решениями Второго Интернационала, декларируя, что «право нации на самоопределение есть одно из требований демократии, которое естественно должно быть подчинено общим интересам демократии». Однако именно это «декларируемое» положение вызвало в РСДРП ожесточенную дискуссию, предметом которой стал вопрос о целесообразности выхода той или иной развитой области из состава единого государства.

Основоположник марксизма в России Г.В. Плеханов в августе 1902 года в газете «Заря» отстаивал необходимость включения в проект программы РСДРП положения «о праве наций на самоопределение». Право на «самоопределение» было отражено в 9 пункте программы-минимум, принятой на Втором съезде РСДРП. Однако тот же Г.В. Плеханов отмечал относительность этого права лишь к периоду царизма, но никак не к периоду демократической республики.

Бунд и польские социал-демократы бойкотировали принятое решение второго съезда о «праве нации на самоопределение». Разногласия руко-

водства РСДРП с Бундом возникли уже на пятом заседании Второго съезда РСДРП, на котором социал-демократ А.М. Стопани заявил, что «пока национальный вопрос не будет отодвинут Бундом на задний план, трения неизбежны»¹. Особенно примечательно выступление Е.Я. Левина, который прямо заявил, что «...национальный элемент стоит у нас вне сферы этики. Нас не интересует, что будет с евреями, поляками и русскими... как таковыми. Вопрос о национальности возникает только у угнетенной нации...»². Абсолютное большинство российских социал-демократов отводило национальному вопросу подчиненную роль по отношению к общему вопросу об осуществлении буржуазно-демократической революции.

Польские социал-демократы, не признав пункт № 9 программы, исходили из опасения, что право нации на самоопределение будет использовано националистами в будущем при осуществлении буржуазно-демократической революции. Касаясь вопроса предоставления автономии, польские социал-демократы считали допустимым предоставить ее лишь наиболее развитым областям России.

В целом социал-демократы считали, что одно дело борьба социал-демократии за интересы пролетариата, другое – борьба нации, состоящей из различных социальных групп, за свои права. Сталин, касаясь этого аспекта, написал статью «На пути к национализму», в которой утверждал, что само право на самоопределение есть абстрактное право национальностей, рабочая партия будет отстаивать это право только тогда, когда это отвечает интересам трудящихся.

Вопрос о федерации вовсе не получил отражение в программных документах РСДРП. Профессор С.В. Тютюкин справедливо отмечает, что «русские марксисты сначала были решительными противниками построения многонационального демократического государства в России на федеративных началах...»³.

Вопросу будущего государственного устройства России социал-демократы уделяли крайне мало внимания. Третий большевистский съезд (1905 г.) не касался этого, безусловно, важного вопроса. Хотя во время выступления М.К. Владимирова по поводу связей с национальными социал-демократическими организациями, протокол фиксирует следующие выкрики из зала: «А национальный вопрос?». В связи с чем Владимирова вынужден был преждевременно закончить свое выступление.

IV «Объединительный» съезд конкретизировал резолюции Второго съезда, показав, что российские социал-демократы выступают за предоставление широкой автономии развитым областям России. При этом ни слова не было сказано, какие области России следует считать «наиболее развитыми» и по какому принципу эта автономия должна быть

¹ Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. Кн. 2: Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 64–65.

² Там же. С. 95.

³ Тютюкин С.В. Куда в начале XX века вели Россию социалисты? URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/365/679/1219/006.TYUTYUKIN.pdf> (дата обращения: 15.02.19).

организована. Меньшевик Н.Н. Жордания на одном из заседаний прямо сказал: «Национальный вопрос не стоит перед нами сейчас как практический, а как тактический: это вопрос о том, как применять тот или иной пункт нашей программы»⁴.

Позицию же фракции большевиков мы можем охарактеризовать словами С.Е. Шаумяна, который утверждал, что «национальный вопрос в нашей программе никогда не возбуждал сомнений в рядах наших товарищей на Кавказе. Никогда... не возбуждался вопрос об автономии Закавказья. Он для всех считался решенным в отрицательном смысле...»⁵.

Очередной пятый съезд в первый день своей работы утвердил «Обращение ЦК РСДРП по поводу созыва съезда», в котором говорилось, что «особое место (ред. в деятельности съезда) занимает, пожалуй, только национальный вопрос, как слишком мало разработанный в партийной прессе, и в котором поэтому партийная мысль мало ориентирована». После выпуска воззвания «К партийным организациям» и усиления реакции в российском обществе среди русских социал-демократов последовал всплеск интереса к «национальному вопросу». В этот период И.В. Сталин пишет свою первую крупную теоретическую работу «Марксизм и национальный вопрос», на которую неоднократно ссылался позднее в своих трудах В.И. Ленин.

Поронинское совещание с партийными работниками вынесло специальное решение, что оно призывает «...ЦК, партийную прессу и местные организации возможно подробнее освещать (в брошюрах, дискуссиях и т. д.) национальный вопрос». Заслуживает также особое внимание письмо В.И. Ленин к С.Е. Шаумяну, которое содержит следующие слова: «Мы против федерации... Мы в принципе против федерации – она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства...»

У нас есть все основания считать, что к 1916 г. не было выработано единого механизма реализации формы политического устройства. Российские социал-демократы планировали разрешить все возникшие противоречия на очередном съезде, который не состоялся. По данным А.Ф. Марианновой, за 1903–1923 гг. было выработано шесть резолюций касаясь национального вопроса, из них четыре в промежутке с 1903 по 1917 г. В последующие годы с 1923 по 1953 г. – ни одной резолюции принято не было⁶. Это лишний раз доказывает, что социал-демократы рассматривали национальный вопрос как составную часть общих вопросов об осуществлении буржуазно-демократической революции и о последующем устройстве российского государства.

⁴ Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. Кн. 4: Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 22.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ *Марианнова А.Ф.* Национальный вопрос в партийных документах РСДРП(б)-РКП(б)... URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/natsionalnyy-vopros-v-partiynyh-dokumentah-rsdrp-rkp-b-1903-1923-gg> (дата обращения: 23.12.18).

КУРС НА АТЕИЗМ: АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ НЭПА

Бузина Валерия Евгеньевна
(Государственный социально-гуманитарный университет)

Новая экономическая политика не принесла мира и спокойствия в советское общество: сохранялась жесткая централизация в политической сфере, усилился контроль над духовной жизнью народа, что привело к новым столкновениям церкви и государства¹.

С 1922 года борьбу с религией и церковью возглавляла Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) под руководством Е. Ярославского. Комиссия занималась разными вопросами: проводила допросы и следствия неугодных элементов, направляла комсомольцев на разграбление и осквернение храмов².

Одной из важных составляющих в антирелигиозной политике в годы нэпа являлась антирелигиозная пропаганда³. Для «научного» перевоспитания людей, а также просветительской антирелигиозной борьбы в 1923 г. началось издание журнала «Безбожник»⁴. По всей стране закрывались церкви: одни перестраивались в кинотеатры и клубы, в других организовывались сараи и склады⁵.

Самым страшным и хорошо продуманным ударом по церкви оказалась кампания по изъятию церковных ценностей.

В 1921 году на страну обрушился голод, унесший в конечном итоге жизни около 13 млн человек⁶.

В стране сразу развернулось масштабное общественное движение по оказанию помощи голодающим, в числе которого одну из центральных

¹ *Кривова Н.А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpc/maps/203mizh%20v.htm (дата обращения: 21.12.2018).

² *Цытин В. прот.* История Русской Православной Церкви 1917–1997. URL: http://www.odinblago.ru/istoriya_rpc/cipin/2.2/ (дата обращения: 15.12.2018).

³ *Сухарев А.А.* Формы и методы антирелигиозной пропаганды в годы нэпа (на материале Тюмени) // Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3 ч. Ч. III. С. 197.

⁴ *Цытин В. прот.* История Русской Православной Церкви 1917–1997. URL: http://www.odinblago.ru/istoriya_rpc/cipin/2.2/ (дата обращения: 15.12.2018).

⁵ *Регельсон Л.* Трагедия Русской церкви 1917–1953 гг. М., 2017. С. 110.

⁶ *Бычков С.* Большевики против русской церкви. Очерки по истории русской церкви. II том. М., 2006. С. 130–165.

позиций взяла на себя РПЦ⁷. Под председательством патриарха Тихона был образован «Всероссийский общественный комитет помощи голодающим» (Помгол), но уже через некоторое время ВЦИК объявило о роспуске организации и образовании правительственной «Центральной комиссии помощи голодающим»⁸.

Начало антицерковной кампании связано с декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 года, который перенес акцент с благотворительной помощи духовенства и верующих голодающим на насильственное изъятие церковных ценностей⁹.

Патриарх благословил жертвовать любые церковные ценности, не имеющие богослужебного употребления, однако в печати началась травля церкви, которую обвинили в жадности и безразличии к нуждам голодающих. После этого 23 февраля 1922 года был принят декрет об изъятии всех церковных ценностей, включая богослужебные сосуды¹⁰.

Сосредоточение внимания властей исключительно на церковных ценностях, а также расхищение собранных средств и репрессивная политика властей, – все это способствовало снижению количества пожертвований¹¹.

Несмотря на заявления об использовании церковного имущества в пользу голодающего народа, изъятие было хорошо спланированным шагом государства в области антирелигиозной политики. Считалось, что кампания по изъятию поможет дискредитировать и уничтожить церковь, а сопротивление верующих должно было стать поводом к проведению массовых репрессий¹².

Во время проведения кампании еще сильнее развернулась масштабная антирелигиозная пропаганда. В списке врагов народа, опубликованном в газете «Известия», имя патриарха Тихона стояло первым, а сам он в скором времени был посажен под домашний арест в Даниловский монастырь¹³.

Одним из главных успехов большевиков в рамках антирелигиозной политики стало «покаянное заявление» от 28 июня 1923 года, полученное в ходе допросов от патриарха Тихона. Данное письмо брало курс на ло-

⁷ *Регельсон Л.* Указ. соч. С. 103.

⁸ *Цытин В., прот.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. С. 380.

⁹ Русская православная церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между Церковью и государством. М., 1995. Кн. 1. С. 148.

¹⁰ *Иларион (Алфеев), митр.* Указ. соч. С. 281.

¹¹ *Неживых Н.А.* Религиозный НЭП. Государственно-церковные отношения в 1920-е гг. (на материалах Западной Сибири). С. 31.

¹² *Кривова Н.А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/maps/203mizh%20v.htm (дата обращения: 21.12. 2018).

¹³ *Неживых Н.А.* Указ. соч. С. 32.

яльные отношения с советской властью и вызвало в большинстве случаев протест среди верующих¹⁴.

К 1924 году характер отношений между церковью и государством резко изменился. Борьба за власть внутри партии, осуждение на XIII партконференции Л.Д. Троцкого и смерть В.И. Ленина – все эти причины определили изменение характера антирелигиозной работы. Репрессивную политику под угрозой развития международного конфликта необходимо было на время отменить¹⁵.

В партии и обществе все чаще стали говорить о начале так называемого «религиозного нэпа»¹⁶.

Наступившая временная терпимость обусловила завершение перестройки административной системы управления, отвечающей за государственно-церковные взаимоотношения. В августе 1924 года «для рассмотрения дел и жалоб по религиозным делам» при Президиуме ВЦИК под руководством Смидовича был организован секретариат по делам культов, направлявший деятельность всех советских органов¹⁷.

25 августа 1924 года высшей церковной инстанцией в решении религиозных вопросов в РСФСР стал ВЦИК и его Президиум.

В таком виде механизм регулирования государственно-церковных отношений просуществовал до конца нэпа¹⁸.

Академик Н.Н. Покровский в своих исследованиях говорит, что формальные послабления 1923–1924 годов в отношении церкви идентичны известному сталинскому ходу в политике коллективизации, когда предыдущая политика называлась «перегибами в управлении», а затем осуществлялось фактическое возвращение в иных формах к осужденной политике¹⁹.

Следует отметить, что так случилось и с «религиозным нэпом»: уже в 1925 году высшее партийное руководство было неудовлетворенно состоянием антирелигиозной работы и сохранять православную веру в Советской России стало еще труднее.

С расширением нэпа административно-силовые методы воздействия сменились юридическими и экономическими ущемлениями церкви²⁰.

¹⁴ Регельсон Л. Указ. соч. С. 113.

¹⁵ Неживых Н.А. Указ. соч. С. 89–90.

¹⁶ Курляндский И.А. Сталин и религиозный вопрос в политике большевистской власти (1917–1923 гг.) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 5 (48). С. 79.

¹⁷ Неживых Н.А. Указ. соч. С. 92–93.

¹⁸ Лещинский А.Н. Время новых подходов: О сов. гос.-церков. отношениях. М.: О-во «Знание» РСФСР, 1990. С. 159.

¹⁹ Курляндский И.А. Указ. соч. С. 83.

²⁰ Неживых Н.А. Указ. соч. С. 100.

В 1929 году после отмены нэпа даже самые малые послабления в области антирелигиозной политики были отменены. К 1929 году с новой силой начались массовые гонения и репрессии против церкви и верующих²¹.

Таким образом, масштабная антирелигиозная политика тщательно и последовательно проводилась советскими государственными органами. Под лозунгами экономической и социальной либерализации в период нэпа проводилась не менее жесткая репрессивная политика в отношении верующих, которая стала предтечей сталинских репрессий 30-х годов.

²¹ *Цытин В. прот.* История русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). С. 430.

ВОПРОСЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ПРОТОКОЛАХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ АРХИВНОЙ ОТРАСЛЬЮ (1918–1920 гг.)

Букреева Ольга Николаевна
(*Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела, Российский
государственный гуманитарный университет*)

В 2018 году вышел в свет сборник документов «Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг.»¹. Сборник включил в полном объеме хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации протоколы заседаний коллегии Главного управления архивным делом (далее – ГУАД) и заседаний совещания при заведующем Главархивом за 1918–1920 гг. (I том) и протоколы заседаний Коллегии Главного управления архивным делом – Централархива РСФСР за 1921–1928 гг. (II том). Документы содержатся в фонде Главного архивного управления при Совете Министров СССР (Главархива СССР).

Издание сразу же было высоко оценено коллегами², при этом отмечено не только значение самих публикуемых документов, но и уровень археографической работы, проделанной публикаторами. Сборник представляет огромный интерес для исследователей истории архивного дела и делопроизводства. В первые послереволюционные десятилетия на совещаниях и заседаниях органов управления архивной отраслью поднимались принципиальные вопросы, оказавшие влияние на становление и развитие архивного дела и делопроизводства в стране.

В целях изучения роли органов архивного управления в становлении делопроизводства в первые годы советской власти был проведен анализ первого тома сборника, охватывающего период с 1918 по 1920 г.

В «Декрете о централизации архивного дела»³ были сформулированы новые принципы архивного дела в стране, однако механизмы их реализации органам архивного управления еще предстояло разработать.

¹ Архивы и власть: первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг. Сб. документов. М., 2018. Т. 1: 1918–1920 гг.; Т. 2: 1921–1928 гг.

² *Дурновцев В.И.* Архивы и власть: первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг. Сб. документов // Отечественные архивы. 2018. № 5. С. 117–119.

³ Декрет СНК РСФСР от 01.06.1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела» // СУ РСФСР. 1918. № 40. Ст. 514.

Практические проблемы, возникшие в связи с введением в действие положений декрета, касающихся взаимодействия архивов и учреждений, рассматривались на заседаниях и совещаниях регулярно, причем как по инициативе ГУАД, так и в качестве ответной реакции на обращения учреждений.

В связи с запретом на уничтожение документов без разрешения ГУАД⁴, в 1918–1919 гг. на совещаниях регулярно обсуждаются запросы различных учреждений на уничтожение дел, а также просьбы губернских уполномоченных ГУАД и отдельных учреждений о разъяснении порядка отбора и уничтожения дел, о направлении им инструкций или положений по этому вопросу. В протоколах прослеживается ход разработки утвержденного в марте 1919 г. декрета СНК о хранении и уничтожении дел⁵, который установил срок хранения документов в учреждении после окончания их делопроизводства и порядок уничтожения дел.

Законченные делопроизводством документы ведомств, не утратившие значения для повседневной деятельности, могли оставаться в помещении ведомства на период, определяемый ГУАД, затем должны были передаваться в ГАФ⁶, также подлежали передаче все документы, законченные к 25 октября 1917 г. На совещаниях постоянно рассматриваются вопросы, касающиеся сроков и порядка передачи документов – протоколы отражают процесс поиска методических решений, встречаются и отдельные решения по запросам конкретных учреждений. Ряд документов, регламентирующих эти вопросы, был создан в Москве и Петрограде на протяжении 1919–1920 гг. Петроградские протоколы весьма подробно раскрывают ход их подготовки. Большой интерес представляют обсуждения правил о порядке уничтожения дел, правил о сдаче дел в единый ГАФ (далее – ЕГАФ), правил составления описей и описаний архивного материала, проекта архивной терминологии. Сохранившиеся в протоколах мнения и замечания позволяют проследить, как задача централизации архивного дела естественным образом привела архивистов к осознанию необходимости регулирования некоторых вопросов делопроизводства в ведомствах и учреждениях с целью обеспечения полноты и правильности комплектования ЕГАФ.

В Петрограде представителями комиссий, созданных для разработки перечисленных правил, обсуждался широкий круг вопросов, возникших при попытках выстроить новую модель взаимодействия архивов и учреждений. Высказывалась точка зрения на необходимость перехода от пассивного приема «оконченных производством дел» к активному собиранию материалов⁷, под которым понимался учет образования архивных

⁴ Декрет СНК РСФСР от 01.06.1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела» // СУ РСФСР. 1918. № 40. Ст. 514.

⁵ Декрет СНК РСФСР от 31.03.1919 г. «О хранении и уничтожении архивных дел» // СУ РСФСР. 1919. № 28. Ст. 313.

⁶ Декрет СНК РСФСР от 01.06.1918 г...

⁷ Там же. С. 697.

фондов, распределение их между отделениями ГАФ и обеспечение полноты поступления каждого делопроизводственного фонда⁸. Шли дискуссии вокруг появления нового типа архивов – «отделений законченных дел при ведомствах»⁹ («ведомственных архивов-регистратур»¹⁰). Подчеркивалось, что ведение делопроизводства в учреждениях должно быть организовано таким образом, чтобы заранее учитывать те условия, каким должны отвечать дела при сдаче в ГАФ¹¹.

В прениях по поводу проекта правил для составления «описей и алфавитов» затрагивался вопрос о зависимости состояния архивов от делопроизводства учреждений и от ведомственных архивов-регистратур, о «необходимости, путем их инструктирования упорядочить дело и облегчить в будущем архивам их работу»¹². Рассмотрение этого вопроса было вынесено за рамки работы над проектом правил и поручено Научно-технической комиссии. В декабре 1919 г. на основании «пожеланий» руководителя ГУАД Д.Б. Рязанова¹³ этой же комиссии поручено «приступить к разработке вопроса о правилах составления сдаточных описей для ведомственных архивов-регистратур и одновременно разработать элементарные правила – азбуку делопроизводственного дела для практических задач новых учреждений»¹⁴. Одновременная разработка сдаточных описей для ведомственных архивов и инвентарных описей для отделений ЕГАФ положила начало развитию принципов единообразия и преемственности учетных документов в делопроизводстве и архиве¹⁵.

Один из самых частых предметов обсуждения в Москве и Петрограде – организация архивных курсов. В декабре 1919 г. председатель совещаний управляющих петроградскими отделениями секций ЕГАФ А.С. Николаев сообщает, что Д.Б. Рязанов «указал на необходимость прийти на помощь новым учреждениям в смысле разработки известных правил для делопроизводства и инструкции ведомственным архивам-регистратурам. С этой целью открытые в Москве архивные курсы разделены на два отделения с самостоятельной для каждой программой – отделение канцелярско-архивное и отделение историко-архивное, задачей которых между прочим является создание особой группы инструкторов для новых учреждений»¹⁶. Аналогичные курсы решено было открыть и в Петрограде¹⁷.

⁸ Там же. С. 689.

⁹ Архивы и власть... Т. 1. С. 695.

¹⁰ Там же. С. 835.

¹¹ Там же. С. 707.

¹² Там же. С. 824.

¹³ Там же. С. 835.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 814–815.

¹⁶ Там же. С. 834.

¹⁷ Там же. С. 835.

Таким образом, в период с 1918 по 1920 г. в ходе разработки органами архивного управления нормативных и методических документов, направленных на создание ГАФ, начал формироваться принцип преемственности и единства методических подходов в работе с документами в делопроизводстве, архиве учреждения и государственном архиве. Начала формироваться также и определенная модель влияния органов архивного управления на ряд аспектов государственного делопроизводства, были созданы предпосылки к становлению механизма контроля за постановкой документальной части делопроизводства опосредовано через архив учреждения, кроме того, началась подготовка соответствующих кадров.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 гг. В ПРОВИНЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

*Ванюшина Олеся Викторовна, к.и.н.
(Тверской государственной объединенной музей)*

Противоречивость в оценках революции 1905–1907 гг. вызывает постоянный интерес исследователей к данной проблематике. Поэтому представляется важным изучение истории первой российской революции в рамках конкретного регионально исторического материала. Тверская губерния, относившаяся к числу промышленно развитых губерний Европейской России, продемонстрировала особенно острый накал стачечного движения и массовых выступлений рабочих. Кульминацией революционных событий 1905–1907 гг. стало декабрьское вооруженное восстание на Морозовской мануфактуре. В 1905 г. в Тверской губернии работало 300 фабрик и заводов, с числом рабочих на них 31 556 человек, не считая мелких предприятий, производительность которых составляла менее 1000 рублей¹. Наиболее крупные предприятия находились в Твери и Вышнем Волочке: бумагопрядильная, ткацкая и отбельно-красильно-ситценабивная фабрика Товарищества Тверской мануфактуры (Морозовская мануфактура), Товарищество Рождественской мануфактуры Берга, вагоностроительный завод верхневолжского общества в Твери, а также текстильные фабрики в Вышнем Волочке – Товарищества П.М. Рябушинского с сыновьями и две фабрики товарищества мануфактур Косьмы Прохорова с сыновьями «Волочек» и «Тоболка».

Началом первой русской революции послужили события 9 января 1905 г. в Петербурге. Поддержать рабочих других городов стачками солидарности в Твери не удалось. После 9 января тверские предприятия находились под усиленной охраной войск. С ростом революционных настроений в губернии властям становилось все сложнее контролировать ситуацию. Определенный подъем массовых выступлений рабочих приходится на август 1905 г. 11 августа забастовали рабочие стекольного завода Куровой, 12 августа остановилась фабрика Залогина, а 13 августа забастовка охватила Морозовскую фабрику. События в Твери развивались в рамках общероссийской политической динамики. Особой остроты они достигли в октябре–декабре 1905 г. в связи с началом всероссийской октябрьской политической стачки и декабрьского вооруженного восста-

¹ Обзор Тверской губернии за 1905 г. [Б.м., б.г.]

ния в Москве. 17 октября, в день издания манифеста о даровании гражданских свобод, черносотенцы устроили погром Тверской губернской земской управы, вследствие которого пострадало много людей. Революцией оказались затронуты самые разные слои населения. Так, в ноябре 1905 г. забастовали половые (служашие) трактиров и гостиниц Твери, булочники и портные, требуя улучшения своего положения². Положение в уездах также оставалось тревожным: везде крестьянские волнения, самовольные порубки крестьянами лесов и покосы лугов, не принадлежащих им, случаи поджога и нападения на помещичьи имения.

12 декабря Тверской комитет РСДРП и Тверской совет рабочих депутатов объявили всеобщую политическую забастовку в Твери. Все силы рабочих сконцентрировались в одном месте – на Тверской мануфактуре, укрепленной баррикадами. Формировались боевые дружины, раздавалось оружие. Полиции и солдат в Твери не хватало – большинство из них было направлено на подавление восстания в Москве. Местные власти полностью потеряли контроль над фабричным районом. Но их растерянность длилась недолго. 16 декабря после возвращения воинских частей из Москвы была предпринята попытка овладеть баррикадами. И лишь известие о поражении Московского восстания заставило Стачный комитет принять решение о прекращении вооруженной борьбы.

Изучение материалов Тверской губернии, показало, что рабочие выступления как в предреволюционный период, так и в период революции проходили по определенному сценарию. Причиной недовольства рабочих становилось их тяжелое материальное положение, условия труда и быта. Как правило, стачкам предшествовали «нестачечные» формы рабочего движения, к которым относились подача небольшими группами рабочих «жалоб», «прошений» и «петиций». Они (в отличие от стачек) протекали без прекращения производственного цикла и являлись во многих случаях своего рода «барометром» социальной напряженности³. Группа рабочих отправлялась к администрации предприятия с просьбами и жалобами чаще всего экономического характера – повысить расценки на выпускаемую продукцию, отменить незаконное взимание штрафов, выплачивать квартирные деньги тем рабочим, которые не проживали в казармах. Также предъявлялись претензии о сокращении рабочего дня, предоставлении бесплатных бань, увольнении наиболее грубых и жестоких представителей администрации.

В ситуации, когда администрация не шла на уступки, рабочие прекращали работу и объявляли забастовку. На этом этапе просьбы и жалобы обретали форму требований, мирные формы протеста перерастали в открытый конфликт. Следует отметить активное воздействие авангарда

² Журавлев Н.В., Паньков И.П. Хроника революционного движения в Тверской губернии (с 1904 по январь 1918 г.). Калинин, 1941. С. 25, 29.

³ Пушкарева И.М. Новые подходы в изучении конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России в ракурсе дискурсивных методов исследований // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сб. статей. М., 2001. С. 296.

и леворадикальных партий на те слои рабочих, которые обращались лишь с жалобами на свое положение. Активисты и организаторы забастовок не всегда использовали только мирные способы агитации. Было немало случаев, когда с помощью угроз и силы они заставляли несочувствующих присоединиться к движению протеста. Так, в донесении от 14 августа 1905 г. тверской полицмейстер докладывал тверскому губернатору, что рабочие Куровского завода боятся продолжать работу из-за того, что забастовщики угрожают сильно избить их за несочувствие общему движению и что многие рабочие (старики) не вышли на работу под влиянием угроз⁴. В свою очередь, бутылочный мастер Рогожин не вышел на работу «вследствие углов жены, умолявшей его бросить работу, так как забастовщики объявили ей, что рабочие, вышедшие на работу, будут убиты»⁵. Из донесения тверского полицмейстера тверскому губернатору следует, что «20 и 21 августа 1905 г. на фабрике Товарищества Тверской мануфактуры и ближайших к ней слободках были разбросаны ночью листки РСДРП и Тверской группы социалистов-революционеров, приглашающие рабочих к стачкам, восстанию. Распространялись слухи, что агитаторы, по получении 20 числа заработка, будут настаивать на прекращении работы, женщины в отдельных случаях получали угрожающие письма с предупреждениями, что, если в случае сигнала они не бросят работу, то их будут бить»⁶.

Как правило, большинство стачек сопровождалось битьем стекол в помещении фабрики, порчей имущества. Для наведения порядка администрация фабрик вызывала полицию и солдат, не затрудняя себя долгими переговорами с рабочими. В случае, если рабочие долго не шли на уступки, хозяин фабрики начинал использовать традиционные рычаги давления: закрывал фабричную лавку, выселял рабочих из казарм и объявлял о расчете и увольнении. Казармы использовались фабрикантами как удобное средство для манипулирования рабочими с борьбе с их революционным настроением. «Во время забастовки рабочих на фабрике, когда рабочие были решительно настроены добиться победы и не шли на уступки, фабричная администрация немедленно пускала в ход свой рычаг: предупреждала проживающих в казармах, что если в течение каких-то дней рабочие не приступят к работе, то все рабочие будут уволены и выселены из казармы. Сейчас же жены, матери и старики начинали нажимать на своих близких, при помощи воплей и слез, чтобы они приступили к работе, а то выселят из казарм и куда денемся с ребятишками, как моментально начинало это действовать и рабочие в силу этого часто шли на уступки»⁷.

⁴ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28685. Л. 11.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 26.

⁷ Макаровы Г.И. и А.А. Очерк о подготовке и проведении Октябрьской революции в Твери // ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 464. Л. 26.

Главными же виновниками беспорядков власти считали радикально настроенные слои населения. Существенную роль в активизации революционных событий сыграли административно высланные из столиц политически «неблагонадежные» лица. Используя уже имеющиеся знания, опыт ведения противоправительственной деятельности и конспиративной работы, связи с центральными партийными организациями, административно высланные сыграли существенную роль в местных партийных организациях.

В целом развитие революционных событий в Тверской губернии проходило в рамках общероссийской динамики. Специфика революционного движения в крае заключалась в мощном рабочем движении, что было обусловлено наличием крупных промышленных предприятий и большого числа рабочих. Но, несмотря на все усилия активистов, деятельность леворадикальных партий и административно высланных политически «неблагонадежных» лиц, определенная часть рабочих готовности к выступлениям не обнаруживала и вынуждена была покидать предприятия под угрозой физической расправы со стороны активистов. Между тем своим размахом рабочий протест в декабре 1905 г., несмотря на его неудачу, намного превзошел все те отдельные выступления рабочих, которые вызывали опасения властей в предшествующие месяцы, являясь своего рода «барометром» социальной напряженности.

**«К ДРУГОМУ ПЛАМЕНИ» (1929):
САМОКРИТИКА ТРЕХ «РЕНЕГАТОВ»
(ПАНАИТ ИСТРАТИ, ВИКТОР СЕРЖ, БОРИС СУВАРИН)**

*Виноградова Александра Сергеевна, к.ф.-м.н.
(Руанский университет, Франция)*

Если христианская церковь объявляла отступников «еретиками» и вела с ними беспощадную борьбу, то коммунистические партии нарекали своих изменников «ренегатами» и объявляли им ничуть не менее безжалостную войну. Еще в 1918 г. в своей книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин вел полемику с Карлом Каутским, одним из лидеров II Интернационала, называя его «сикофантом буржуазии»¹ и «ренегатом». Позднее именно такое клеймо получили трое франкоязычных писателей: Борис Суварин, Виктор Серж и Панаит Истрати. Как двое деятелей Коминтерна и писатель с «революционными стремлениями»² превратились в «ренегатов»?

Борис Суварин (1895–1984) родился в Киеве, но его семья эмигрировала во Францию в 1897 г. В 1920 г. он стал одним из основателей Французской коммунистической партии (ФКП), поддержав вступление в III Интернационал, и присоединился к руководству Коминтерна. В начале 1920-х гг. Суварин совершал частые поездки в Советскую Россию и в этот период жил в основном в Москве. Но уже в 1924 г. его исключают из Коминтерна и ФКП за распространение тезисов Троцкого, объявляют «ренегатом», и Суварин возвращается во Францию.

Виктор Серж (1890–1947) родился в Брюсселе в семье эмигрантов из России. В 1919 г. он отправился в Россию, где стал активным членом РКП(б) и Коминтерна. После смерти Ленина в 1924 г. Серж выразил свое несогласие со Сталиным и приблизился к Троцкому, тем самым став «ренегатом», за что в 1928 г. его исключили из партии. В 1933 г. Сержа арестовали и сослали в Оренбург. В 1936 г., благодаря крупной международной кампании в его поддержку и личному вмешательству французского писателя Ромена Роллана, Серж был лишен советского гражданства и выслан из СССР. Сначала он вернулся в Бельгию, в 1940 г. бежал во Францию, а затем – в Мексику.

Панаит Истрати (1884–1935) родился в Румынии, но в 1916 г. уехал в Швейцарию, а в 1920 г. – во Францию. В 1921 г. он попытался покончить жизнь самоубийством, оставив предсмертное письмо своему ли-

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М., 1969. С. 285.

² Суварин Б. Панаит Истрати и коммунизм // Континент. 1981. № 28. С. 221.

тературному вдохновителю, Ромену Роллану, но выжил. Роллан узнал о письме и поддержал начинающего писателя, назвав его «балканским Горьким»³ в предисловии к его первому роману «Кира Киралина». Так, благодаря покровительству Роллана, началась блестящая, но короткая литературная карьера Истрати. Этот пролетарский писатель, разделявший левые взгляды, относился к сочувствующим советскому строю слоям французского общества. В 1927 г. его пригласили в Москву на празднование десятой годовщины Октябрьской революции. В 1929 г., после долгого путешествия⁴ по СССР, Истрати возвращается разочарованным во Францию и публикует (несмотря на несогласие Роллана⁵) под своим именем трилогию «К другому пламени», которая критикует советский режим. Ответная реакция не заставила себя ждать: писатель, еще так недавно всеми любимый во Франции и в СССР, становится «рenegатом»⁶.

Что общего между этими тремя «рenegатами»? На самом деле, трилогия «К другому пламени» Истрати была написана в соавторстве⁷ с Сержем и Сувариным, что не было указано в ее издании. Лишь первый том «После шестнадцати месяцев в СССР»⁸ написал сам Истрати. В этом свидетельстве писатель рассказывает «по-своему: очень живо, взволнованно, прерывая повествование восклицаниями, размышлениями, иногда наивными, по временам очень меткими, часто противоречивыми, нередко двусмысленными – о своем шестнадцатимесячном пребывании в советской стране»⁹. В 1930-е гг. и позже увидело свет немало книг, критикующих Советскую Россию, авторы которых посетили ее и написали о своих впечатлениях. Но Истрати был первым, кто описал свой горький опыт за несколько лет до аналогичных знаменитых произведений: «Возвращения из СССР» (1936) Андре Жида и «Слепящей тьмы» (1940) Артура Кестлера.

Второй том трилогии «Советы 1929»¹⁰ написал Серж. Эта книга очерков повествует о советской бюрократии и ее повседневном произволе. Она похожа на досье, но написана от первого лица, как если бы автором был сам Истрати. В 1929 г. Серж продолжал жить в СССР, поэтому публика-

³ *Rolland R. Un Gorki balkanique // Europe. 1923. № 7. P. 257–259.*

⁴ О путешествии Истрати по СССР см., например: *Легенкова Е.А. Путешествие в Россию 1928 г. глазами Элены Самюэль-Казандзакис: в защиту Панаита Истрати // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 110–120.*

⁵ О Ромене Роллане и Истрати см., например: *Суварин Б. Панаит Истрати и коммунизм. Окончание // Континент. 1981. № 29. С. 209–222.*

⁶ *Харитонова Н.Ю. От революционера к ренегату. Трансформация образа Панаита Истрати в центральной советской печати конца двадцатых – начала тридцатых годов // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. № 10. С. 20–30.*

⁷ Об истории написания трилогии см.: *Суварин Б. Панаит Истрати и коммунизм. С. 221–245.*

⁸ *Istrati P. Vers l'autre flamme : Après seize mois dans l'U.R.S.S. Paris, 1929.*

⁹ *Суварин Б. Панаит Истрати и коммунизм. С. 225–226.*

¹⁰ *Istrati P. Vers l'autre flamme : Soviets 1929. Paris, 1929.*

ция книги под его собственным именем подвергла бы его риску дополнительных репрессий. Автор третьего тома «Нагая Россия»¹¹ – Суварин. Это безличное досье носит совершенно иной характер: оно представляет собой коллекцию фактов, собранных Сувариним из советской прессы и являющихся «замечательной документальной иллюстрацией к впечатлениям Истрати»¹². Суварин согласился на публикацию книги под именем Истрати, чтобы усилия, потраченные им на протяжении многих лет на сбор этой документации, не пропали даром.

Таким образом, «К другому пламени» представляет собой три книги (одно свидетельство и два досье), написанные на одну тему, но разными авторами и в совершенно разных стилях. Эту трилогию традиционно рассматривают как резкую и последовательную критику большевистского режима, но в данной работе предлагается обратить внимание на сами рассказы искренних коммунистов, распрощавшихся со старыми иллюзиями.

Сомнения постепенно накапливались не только у Суварина, Сержа, Истрати, но и у других французских интеллектуалов левого толка¹³, что привело не только к их разрыву с ФКП, но и к публикациям многочисленных автобиографических сочинений: мемуаров, автобиографий, дневников, очерков. Всем, кто добровольно или принудительно покидал коммунистический мир, часто приходилось признавать свои прежние ошибки и раскрывать их причины. Таким образом, развивалась литературная практика самокритики, у истоков которой стояла практика, с 1927 г.¹⁴ навязываемая компартиями своим членам или даже руководителям в форме автобиографических вопросников, очерков или выступлений. Французские экс-коммунисты адаптировали эту институционально навязываемую практику в свою пользу, извлекли из нее когнитивные и литературные ресурсы для объяснения своего идеологического пути, анализа прошлой политической приверженности и оправдания своего разрыва с коммунизмом.

В данной работе предпринята попытка ответить на вопрос: можно ли рассмотреть «К другому пламени» как самокритику? Если в случае Истрати, который очень хорошо объяснил свое прежнее отношение к псевдодиктатуре пролетариата и отказ от него, ответ напрашивается сам, то можно ли за сухими досье Сержа и Суварина проследить отличительные черты этой модели самоанализа?

¹¹ *Istrati P. Vers l'autre flamme : La Russie nue. Paris, 1929.*

¹² *Легенкова Е.А., Тайманова Т.С. Кто автор «Обнаженной России»? // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 151.*

¹³ См., например: *Виноградова А.С. Клод Руа и Режис Дебрэ: два примера французской политической автобиографии // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 1. С. 108–116.*

¹⁴ В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) с особой остротой выдвинул лозунг самокритики как одно из основных требований для улучшения работы во всех отраслях государственной жизни. В развитие этого требования 2 июня 1928 г. ЦК издал обращение «Ко всем членам партии, ко всем рабочим о развертывании самокритики».

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ «СОВЕТСКОГО ГОЛЛИВУДА»

*Волохов Анатолий Андреевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

22 мая 1935 года советская делегация во главе с руководителем Государственного управления кинофотопромышленности (ГУКФ) Б.З. Шумяцким выехала за рубеж. Сначала группа должна была изучить европейские студии, затем разделиться: часть, включая Шумяцкого, отправлялась в США.

Основной задачей поездки было изучение последних достижений зарубежной кинотехники. Советские кинороботники посещали ведущие киностудии; заводы по производству киноплёнки, съёмочного оборудования, специальных технических средств; редакции журналов; кинотеатры. Газета «Кино» шаг за шагом освещала вояж советской делегации. Визитеры были приняты с живым любопытством.

По возвращении Б.З. Шумяцкий дал распоряжение о создании специальной комиссии по изучению и обобщению собранных сведений. 15 сентября Сталин получил секретный отчет об американском турне. В нем сообщалось, что собрана вся доступная информация, разработаны несколько проектов договоров о технической помощи, составлены списки необходимой аппаратуры и тех специалистов, которых желательно было пригласить в СССР.

Сравнение принципов устройства индустрий грез США и СССР говорило не в пользу последней. В докладе комиссии Б.З. Шумяцкого по изучению техники и организации американской и европейской кинематографии подчеркивалось отставание страны от Америки «и даже Западной Европы»¹.

Панацея была найдена – строительство нового киногорода в южных широтах. Ключевой ошибкой называлось размещение основных кинофабрик в областях, где почти нет солнечного света, что влияло на качество отснятого материала. Пример Голливуда приходился как нельзя кстати – американское производство развлекательных фильмов перебазировалось на юг не сразу.

Проект был одобрен «наверху» и уже на Всесоюзном киносовещании в декабре 1935 года Шумяцкий говорил о грядущих перспективах: строительство первой очереди южной базы советской кинематографии обе-

¹ Доклад комиссии Б.З. Шумяцкого по изучению техники и организации американской и европейской кинематографии. М., 1935. С. 12.

спечивало до 200 картин в год. Проект ребром ставил множество задач, включая вопрос о квалифицированных кадрах².

Специальная комиссия, основываясь на данных метеорологов, геофизиков и климатологов, пришла к выводу, что наиболее подходящей для киногорода будет площадка Байдары – Лоспи – Форос – Фиолент в Крымской АССР³. До этого рассматривались варианты в Средней Азии и на Кавказе.

Сталин, узнав, что комиссия больше склоняется к Крыму, порекомендовал рассмотреть районы Краснодар, Азова и Таганрога, по его мнению, их хорошо было бы «культурно оживить»⁴. Он советовал торопиться, поскольку доходили сведения об аналогичном строительстве в Италии под патронажем Муссолини⁵.

В деле реализации своего проекта Б.З. Шумяцкий проявил невиданную расторопность. Было создано Управление строительства Киногорода, организовавшее проектные работы и необходимые изыскания. На утверждение Совнаркома представлялось плановое задание по строительству Южной Базы Советской Кинематографии (Киногорода). К документам в 5 томах прилагались материалы по технологии, архитектурно-строительной части и экономическому обоснованию проекта, а кроме того, несколько предварительных вариантов схемы распределения территории⁶.

Предполагалось строительство 4-х студий, которые должны были производить по 50 фильмов в год (что все же было меньше голливудских объемов, там за 1934 год было выпущено 697 полнометражных звуковых фильмов, в то время как в СССР – 59, 26 – немые)⁷.

Ориентировочная стоимость базы составила подсчетам 391,08 миллионов рублей, а максимальный бюджет на фильм – около 630 тысяч⁸.

В «Основных положениях планового задания по Южной базе советской кинематографии» до мельчайших деталей описывались инженерное оборудование территорий, жилищное строительство и благоустройство. Количество производственных предприятий возросло до 50-ти (информационно-исследовательский, сценарные отделы, а также инспекция охраны тишины и порядка, управление зеленых насаждений и натурной декорации).

Амбициозное строительство должно было изменить и окружающую среду. Обосновывалась необходимость постройки водохранилища на реке Черная; прокладка железной дороги от станции Инкерман

² На Всесоюзном киносовещании // Литература и искусство. 20 декабря 1935 г. № 70. С. 4.

³ Основные положения планового задания по Южной базе советской кинематографии (Киногород). М., 1936. С. 3.

⁴ Кремлевский кинотеатр 1928–1953. Документы. М., 2005. С. 1050.

⁵ Там же.

⁶ Основные положения планового задания... С. 4.

⁷ Доклад комиссии Б.З. Шумяцкого... С. 145.

⁸ Основные положения планового задания... С. 100.

до Байдарской долины для коммуникации при строительстве; сооружения жилья рабочих⁹.

Проект был абсолютно в духе мегаломании, присущей сталинской индустриализации. Шумяцкий оправдывал такие аппетиты американским опытом, где «громadne по масштабам» предприятия окупались¹⁰. Но не учитывалась ни логика развития американского киноцентра, ни местная специфика. Вероятно, киноначальник не хотел возиться с реконструкцией имеющейся технической базы, предпочитая выстроить индустрию с нуля.

Вплоть до 1937 года в различных изданиях будут появляться публикации, в которых Шумяцкий будет отстаивать и пропагандировать свое детище¹¹. Но идея киногорода постепенно сходилa на нет. Многие кадры, связанные со строительством, были расстреляны¹². В 1938 году Шумяцкий будет обвинен не только во вредительской политике и «убийении кинодраматургии» в советском кино¹³, но и в руководстве правотроцкистской группой, якобы покушавшейся на Сталина. В январе 1937 года в кремлевском кинозале кто-то по неосторожности разбил ртутную колбу, что стало поводом для «дела кинематографистов». 28 июля 1938 года Шумяцкий был расстрелян. Идея создания киногорода теперь называлась порочной, способной привести к «омертвлению крупнейших капиталов»¹⁴.

На протяжении 1936–1937 годов Б.З. Шумяцкий допустил ряд крупных хозяйственных и политических просчетов. Увлечшись проектом киногорода, он практически не уделял внимания реконструкции имеющихся студий. Положение советской кинематографии описывалось как плачевное. Из 100 заявленных на 1935 год картин удалось выпустить только 43¹⁵. Вдобавок неудовольствие вызвали многие близкие к главе кинематографии работники, оказавшиеся «недостойными звания членов партии»¹⁶.

В начале 1936 года было объявлено о создании Комитета по делам искусств при СНК СССР, в который должен был войти и ГУКФ. Шумяцкий стал сопротивляться, отстаивая свои номенклатурные привилегии, за что и поплатился – межведомственные конфликты были лишними,

⁹ Основные положения планового задания... С. 5–6.

¹⁰ Доклад комиссии Б.З. Шумяцкого... С. 15.

¹¹ *Симачева Т.А.* Борис Шумяцкий (библиография, документы, материалы к биографии) // Кинограф. 2017. № 18.

¹² История киноотрасли в России... С. 484.

¹³ Судьба сценария // Литература и искусство. 1 марта 1938. С. 6.

¹⁴ *Туровская М.И.* Голливуд в Москве, или советское и американское кино 30-х годов // Киноведческие записки. № 97. 2010. С. 57–58.

¹⁵ Там же. С. 306.

¹⁶ Там же. С. 308.

а старые кадры, закаленные в огне революционной борьбы, не вписывались в сталинскую модель управления¹⁷.

Можно только гадать о причинах, по которым мечта о крымском Голливуде не была реализована¹⁸, но очевидно, что проект не был до конца продуман. Не оговаривался целый ряд вопросов: откуда должна появиться новая киноаппаратура, необходимое количество работников, где взять пленку для печати картин и развитую сеть для их сбыта?¹⁹

В результате к концу 30-х годов руководство СССР отказывается от всякого рода экспериментов и берет курс на еще большее огосударствление киноотрасли.

¹⁷ Кремлевский кинотеатр. Документы... С. 42–44.

¹⁸ История киноотрасли в России... С. 483.

¹⁹ Там же. С. 485–486.

КУЛЬТУРА И РЕВОЛЮЦИЯ: В.Я. БРЮСОВ, Н.А. БЕРДЯЕВ И Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ О «ГРЯДУЩЕМ»

*Вуколов Александр Алексеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

И он дерзнул на все – вплоть до небес.
Но разрушенье – жажда созиданья,
И, разрушая, жаждал он чудес –
Божественной гармонии Созданья.

Иван Бунин

Русский символизм, зародившийся в конце XIX столетия и ознаменовавший наступление Серебряного века русской культуры, был явлением отнюдь не только художественного порядка. Это было совершенно новое мировоззрение, предполагавшее особое, преобразовательное отношение к реальности на основе новых идей и смыслов. Неудивительно, что еще современниками была подмечена нетривиальная связь этого культурного направления с первой русской революцией (1905–1907 гг.)¹. Пользуясь данной Н.А. Бердяевым классификацией возможных взглядов на революцию, символистов можно отнести к людям, «ее мучительно переживающим и возвышающимся над ее повседневной борьбой», а потому формулирующим «религиозно-апокалиптическую и историософскую» точку зрения². Однако, несмотря на стилистическую близость позиций, личные предчувствия, ожидания и надежды конкретных авторов относительно грядущих перемен совпадали не всегда, а иногда и вовсе были диаметрально противоположными. Ярчайшим примером подобной полярности мнений выступает полемика между двумя основателями русского символизма: В.Я. Брюсовым и Д.С. Мережковским³.

Первое слово о грядущих перипетиях, сказанное на метафорическом языке поэзии, было за Валерием Брюсовым. В 1904–1905 гг., предчувствуя назревающую в обществе революционную нестабильность, он пишет свое знаменитое стихотворение «Грядущие гунны». В нем поэт проводит историческую параллель между V в. н. э. и современной ситуацией:

¹ *Волженина Е.В.* Русский символизм в поисках будущего // Вестник ПСТГУ II: История. История РПЦ. 2014. Вып. 1 (56). С. 97–98.

² *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М., 1990. С. 106.

³ *Пчелина О.В.* «Культурный себялюбец двадцатого века»: Д.С. Мережковский // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 48.

тогда тотальную деструкцию старого мира осуществляли воинственные кочевники с Востока, сейчас же их «миссию» суждено повторить восставшим народным массам⁴. Историсофское размышление Брюсова выдержано в ницшеанском ключе: взяв в качестве эпиграфа строку «Топчи их рай, Аттила» из стихотворения Вячеслава Иванова «Кочевники красоты», поэт с самого начала дает понять, что, по его видению, существующий аполлонический порядок исчерпал себя в культурно-историческом плане и «опьяненная орда» гуннов XX столетия поднялась, чтобы «оживить одряхлевшее тело волной пылающей крови»⁵. Разумеется, «кровопускателям» вменяются разнообразные действия дионисийского характера: строительство шалашей у дворцов, сожжение книг с плясками у ритуального костра, откровенное святотатство, – но такова специфика исторического момента, снимающая вину с разрушителей старой культуры. Последние ее представители, «мудрецы и поэты», уйдут «в катакомбы, в пустыни, в пещеры», а их творения будут отданы на волю Случая. Поэт допускает полное уничтожение прежней культурной традиции, себя как ее неотъемлемой части и, тем не менее, встречает своих «убийц» «приветственным гимном», тем самым вновь отсылая к римской истории – к восклицанию гладиаторов, выходящих на арену: «Идущие на смерть приветствуют тебя!»⁶ Брюсов готов принять революцию со всеми ее потенциальными издержками, сколь бы фатальными они ни оказались, ведь так или иначе они будут полностью оправданы рождением из хаоса абсолютно нового, лучшего мира.

Работу над стихотворением Брюсов закончил в августе 1905 г. А уже в декабре Николай Бердяев помещает в статью «Революция и культура» строфу, посвященную гонимым «мудрецам и поэтам», с целью образно проиллюстрировать опасности нигилизма и радикализма, которые таит в себе русская революция⁷. Философ предостерегает, что из-за отсутствия к настоящему времени «истинно всенародной культуры» и задавленного «всенародного творчества» революция вовсе не обязательно откроет дорогу к становлению и полномасштабному развитию оных. Сверх того, она может оказаться «самой некультурной из всех революций мира»: тогда в самом деле «все благородные ценности» придется унести в «катакомбы», спасая их от слепого революционного вандализма и мещанства, разьедающего индивидуальное творческое начало в культуре⁸. Статью Бердяева, таким образом, можно расценивать как своеобразный мост

⁴ Колосова С.Н. Портрет эпохи и ее героев в стихотворении В.Я. Брюсова «Грядущие гунны» // Вестник МГОУ. № 5. 2010. С. 72.

⁵ Брюсов В.Я. Грядущие гунны // Собрание сочинений в 7 томах. М., 1973. Т. 1. С. 433.

⁶ Там же. С. 74.

⁷ Бердяев Н.А. Революция и культура // Полярная Звезда. 1905. № 2 (22 декабря). С. 148.

⁸ Там же. С. 147.

от Брюсовского уверенного оптимизма к контрастной позиции Дмитрия Мережковского.

Работа Мережковского «Грядущий Хам» также увидела свет в декабре 1905 г. и явилась одним из первых публицистических произведений писателя, где вкупе с религиозно-философскими прозвучали его социально-политические идеи. Как и в статье Бердяева, главное место в «Грядущем Хаме» занимает проблема всеохватывающего мещанства, которое в случае достижения своей высшей точки обернется воцарением хамства. Анализируя учение А.И. Герцена, Мережковский предполагает, что его *вера* в русскую крестьянскую общину как возможное «спасение мира» была заблуждением, однако его *любовь* к России все-таки содержала «истинное прозрение». «Крестьянскую общину» атеиста Герцена Мережковский наделяет религиозным содержанием и формулирует концепт «христианской общественности», для воплощения которого «безбожная» русская интеллигенция должна осознать, что лишь грядущее христианство способно преодолеть «мещанство и хамство грядущее»⁹. По сути, Мережковский отождествляет Грядущего Хама с Антихристом и говорит, что в России у него три лица, два из которых уже наличествуют («самодержавная и православная казенщина»), а третье лицо, «самое страшное», поднимается из социальных низов, втянутых в революционную бурю. Чтобы им противостоять, необходимо соединение трех благородных начал: народа как «живой плоти», церкви как «живой души» и интеллигенции как «живого духа России», – такое духовное возрождение приведет русскую религиозную общественность к победе над Грядущим Хамом¹⁰.

В описанных историософских концепциях двух мыслителей-символистов можно выделить следующие сходства и различия. Очевидно, их объединяет взгляд на революцию как на феномен главным образом историко-культурный. Ни В.Я. Брюсов, ни Д.С. Мережковский не выступают против революции как общественного процесса, поскольку в своих рассуждениях никто из них не концентрируется на смене политического строя как самоцели – их интуиции простираются намного дальше и между тем стремительно удаляются друг от друга. Брюсов безраздельно принимает революцию, так как признает ее могучим средством необходимого обновления исторически истощившегося мира и, вероятно, глубоко убежден, что варварская энергия «грядущих гуннов», уничтожив образцы прежней культуры, непременно воздвигнет культуру новую, более совершенную. В свою очередь, Мережковский относится к революции несколько иначе. Для него важнейшей проблемой является обостряющийся кризис мировой культуры, провоцируемый засильем мещанства в разных обличьях. Одной политической революцией явно не обойтись – Мережковский настаивает на сопряжении с ней революции религиозной:

⁹ Мережковский Д. Грядущий Хам // Собрание сочинений. Грядущий Хам. М., 2004. С. 14–15.

¹⁰ Там же. С. 25–26.

лишь слияние революционных потоков, по его мысли, позволит реализовать идеал религиозной общественности. Более того, Мережковский особо подчеркивает, что участвующие в русской революции ординарные маргиналы-мещане («грядущие гунны») представляют для культуры колоссальную опасность. Впрочем, в его концепции весьма положительная роль отводится благу «аналогу» «грядущих гуннов»: «...христианская общественность, может быть, в самом деле, будет новой верой, которую принесут юные варвары старому Риму»¹¹.

¹¹ Мережковский Д. Указ. соч. С. 15.

ФРАНЦУЗСКИЙ БАНКИР МОРИС ВЕРСТРАТ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ (1917–1918)¹

Галкина Юлия Михайловна

(Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина)

В советской историографии и исторической памяти российского общества сложилось устойчивое представление о том, что взаимоотношения большевиков и представителей стран Антанты на протяжении своего существования являлись глубоко враждебными. Бывшие союзники в Первой мировой войне превратились в интервентов, их негативный образ активно эксплуатировался в отечественной политике памяти. Единственная позитивная роль в условиях реальных сложностей в переговорном процессе между Советской Россией и Третьей Республикой отводилась французским левым, например Жаку Садулю.

Тем не менее попытку (хоть и весьма авантюрную) найти *modus vivendi* с большевиками попробовал банкир Морис Верстрат, – человек, которого едва ли можно было назвать левым. С советской стороны его активно поддерживал секретный сотрудник при Президиуме ВЧК Александр Филиппов², предлагавший опираться на сочувствующих идее большевизма иностранцев, что выражают симпатии к рабочим и трудящимся классам³, используя их в качестве экономических консультантов при СНК, задействовав их управленческий опыт, тем более что финансовый вопрос в отношениях Франции и Советской России был одним из самых острых и являлся одной из причин интервенции.

Морис Верстрат, коммерческий атташе Франции в России, вице-президент Русско-Азиатского банка в Петрограде, являлся автором двух монографий о промышленности Российской Империи («Россия индустриальная», «Урал») и прекрасно знал страну пребывания. Верстрат был

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18–18–00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

² А.Ф. Филиппов – внештатный сотрудник ВЧК, бывший издатель газеты «Деньги» и доверенное лицо Ф.Э. Дзержинского. См.: *Катчинский О.И.* Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014. С. 162–163.

³ Памятная записка народного комиссариата по военным и морским делам РСФСР в народный комиссариат по иностранным делам РСФСР о реорганизации дипломатической службы в отношениях с США и Европой (10 апреля 1918 г.) // Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. М., 2002. С. 17–18.

одним из немногих представителей Франции, обладавших несколько отличным от своих сопатриотов взглядом на происходящие события. Так, среди представителей французской военной миссии в России и кадровых дипломатов существовало стойкое мнение о том, что власть большевиков весьма непрочна и в ближайшем времени падет.

Морис Верстрат имел иную точку зрения: «Я думаю ровно наоборот, что они устоят надолго, то движение, которое они развязали, гораздо сильнее, чем можно себе представить. Оппозиция чиновников и забастовки банковских служащих имеют один результат – негодяям отдадут ключи от контор и сейфов, что еще более усугубит тяжелую обстановку. И это не значит, что большевики будут отброшены, а бастующие чему-то научатся на собственной шкуре... Большевики располагают мощной силой и жестко ее используют»⁴.

Более того, банкир был склонен рассматривать большевиков как союзника против Германии, исходя не столько из эфемерного военного потенциала, сколько из сущности левой доктрины: «Что касается наступления на капиталистическую собственность, большевики не меньшие враги немцев, чем иных наций»⁵, и предлагал «с выгодой воспользоваться теми их особенностями, что враждебны Германии»⁶.

Несмотря на то что вышеперечисленные идеи были, скорее, справедливыми, некоторые его надежды вряд ли можно назвать обоснованными. Верстрат регулярно общался с Ф.Э. Дзержинским, делился с ним своими мыслями и идеями относительно устройства советского общества и практической реализации марксистских доктрин⁷. А.Ф. Филиппов отмечал, что сразу после Октябрьской революции банкир разошелся с официальными представителями Франции – послом Ж. Нулансом и военным атташе генералом Лавернем по вопросу необходимости признания и сотрудничества с большевиками⁸. Дипломаты Третьей республики не разделяли этого оптимизма, так как французское правительство стремилось использовать банковский ресурс для поддержки антисоветских сил в России.

С другой стороны, это был конфликт «способов действия»: Верстрат был энергичным профессионалом, который не стремился «отсиживаться» и пассивно смотреть на происходящее. Надеясь на деятельность посла Нуланса, он писал: «...лучше прийти в столкновение, чем отсиживаться в Вологде»⁹. В итоге МИД Франции направил инструкцию для Верстрата о необходимости прекращения любых попыток взаимо-

⁴ *Verstraete M. Mes Cahiers Russes. Paris: Editions Georges Cres et compagnie, 1920. P. 229.*

⁵ *Ibid. P. 232.*

⁶ *Ibid. P. 233.*

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 17. Л. 1–3.

⁸ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 17. Л. 35.

⁹ Archives Nationales (AN). F7/12896. La situation financière et économique de la Russie de Soviet.

действия с большевиками. В сентябре 1918 г. Верстрат был лишен всех полномочий в Русско-азиатском банке¹⁰.

Филиппов даже считал Верстрата «большевиком по убеждениям»¹¹: в докладе Дзержинскому он отмечал, что «с самого появления большевиков и Ленина, Верстрат... всецело стал на принципиальное признание глубины и значительности, а главное психологического соответствия идей большевизма с направлением и образом мыслей масс русского народа», «[он] до сих пор всецело разделял практическую работу большевиков»¹².

Возможно, и самого Верстрата возвышал факт профессионального общения с большевистским руководством. В письме своему брату, сотруднику Сосьете Женераль Жоржу Верстрату, он сообщал: «Большевики, несомненно, заходят выбрать из числа членов Правления того, кто им наиболее удобен... Я знаю, они любят меня и находят в моем лице большое доверие»¹³.

Впрочем, «левизну» Верстрата не стоит преувеличивать, его инициативы мало соответствовали большевистскому образу мыслей: он советовал Советскому правительству сохранить частную собственность, искоренив капиталистическую, отказаться от трансляции своей доктрины в национализированные активы Русско-азиатского банка («собрав» их по всей России) с целью дальнейшей их эксплуатации уже в советском Национальном банке. В качестве уступки большевикам он планировал распустить прежнее Правление и уничтожить институт акционеров¹⁴. Николай Крестинский оставил на одном из его писем следующую резолюцию: «...считаю, что гр. Верстрат старается только защитить интересы французской буржуазии»¹⁵, в частной переписке подобную позицию Верстрат не скрывал.

Сложно сказать, руководил ли действиями Мориса Верстрата кто-то из вышестоящих политиков. Известно, что министр иностранных дел С. Пишон обещал члену совета директоров Русско-азиатского банка Гастону Рандру, что французское правительство сделает все возможное, чтобы сохранить свои финансовые ресурсы в России, в том числе и принадлежащие его банку¹⁷. Однако реализация банковских прожектов Верстрата, которая, по всей видимости, жила на идее, присущей ча-

¹⁰ *Carley M.J.* From Revolution to Dissolution: The Quai d'Orsay, the Banque Russo-Asiatique, and the Chinese Eastern Railway, 1917–1926 // *The International History Review*. 1990. № 4. P. 732.

¹¹ Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. С. 17.

¹² РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 17. Л. 35.

¹³ AN. F7/12896. La situation financiere...

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 17. Л. 1–3.

¹⁵ AN. F7/12896. La situation financiere...

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 17. Л. 18.

¹⁷ *Carley M.J.* From Revolution to Dissolution: The Quai d'Orsay, the Banque Russo-Asiatique, and the Chinese Eastern Railway, 1917–1926. P. 725.

сти французского представительства в России о том, что Ленину в любом случае придется вернуться к капиталистическим формам организации общества¹⁸, была принципиально невозможна, ввиду своей враждебности политическому курсу большевиков. Вскоре Верстрат перестал «симпатизировать» большевикам, обсуждал с командующим финскими войсками в районе Выборга возможность интервенции в Россию¹⁹ и покинул страну с огромной радостью, отмечая покой, который обрел в Финляндии²⁰.

¹⁸ SHD/T, 6 N 53. Le General Lavergne, Attache Militaire pres l'Ambassade de France en Russie, a M. Le President du Conseil, Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armee, Groupe de l'Avant, Etat-Major de l'Armee, 2eme Bureau I, Son Excellence M. l'Ambassadeur de France en Russie, a Arkangelsk.

¹⁹ Ibid.

²⁰ *Verstraete M. Mes Cahiers Russes. P. 354.*

ПРОБЛЕМА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПАКТА О НЕНАПАДЕНИИ СССР С ЯПОНИЕЙ В 1931–1932 гг.

*Герасимов Дмитрий Игоревич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

СССР как сравнительно молодое государство нуждался в международном признании, и в середине 1920-х гг. началась полоса признания СССР основными западными государствами. Уже к 1932 г. на западном направлении со странами, гранившими с СССР, были подписаны договоры о ненападении. С Францией и Чехословакией СССР пришел к выгодным соглашениям о взаимной помощи. Все эти действия позволяли СССР чувствовать себя спокойно, а для всего мира – это была гарантия международной стабильности.

Вторжение Квантунской армии в Маньчжурию в 1931 г. в корне изменило положение. СССР необходимо было укрепляться, как в военном отношении, так и в дипломатическом, так как восточное крыло страны оказалось «оголенным».

Пассивная политика мировых держав придала новый импульс взаимоотношениям СССР и Японии. СССР был поставлен перед выбором: идти на активное военное противостояние и ввязываться в войну с сильным и фанатичным соперником, либо пытаться найти компромисс, чтобы любыми способами и под любыми предложениями избежать войны. Конечно, про Китайскую Республику никто тогда и не думал, как не будут думать о Чехословакии и Польше, что впоследствии приведет к тому, что назовут величайшей трагедией XX века.

Справедливо было бы отметить, что в 1931 г. у советского руководства не было однозначного плана решения конфликтов и противоречий на Дальнем Востоке. Даже в среде внешнеполитического ведомства встречались разночтения. Так, нарком иностранных дел М.М. Литвинов, хорошо знающий положение в Европе, был склонен к решению конфликтов путем компромиссов и уступок, особенно после 1933 г., а заместители наркома иностранных дел – сначала Л.М. Карахан, а позднее Г.Я. Сокольников были сторонниками жесткой линии поведения на Дальнем Востоке.

Советский Союз уже в конце 1931 г. вел активные приготовления для переговоров по советско-японскому сближению, активно привлекая при этом прессу, которая выступала в роли «независимого мнения» советской общественности, а также лево-радикальные круги, которые в свою очередь вели пропаганду в обществе, настолько, насколько это было возможно, причем как в Японии, так и в США. И ради достижения этой цели

СССР готов был сделать уступки даже по такому столь важному в экономическом смысле вопросу, как рыболовная конвенция¹.

Большую напряженность в отношениях и препятствие на пути к подписанию соглашения создавали события, инциденты на Китайской Восточной железной дороге (КВЖД), а также вопрос о ее продаже. Согласно архивным документам, Сталин уделял большое внимание решению данного вопроса, надеясь как можно быстрее устранить источник возможного конфликта с Японией. Таким образом, советская сторона шла на большие уступки стране восходящего солнца в вопросе о цене на КВЖД, а также старалась максимально не реагировать на японские провокации в отношении работников железной дороги. Однако руководство СССР не могло позволить полностью манипулировать собой, поэтому основным рычагом давления на японцев был выбран курс на сближение с Нанкином и США. Сталин писал Кагановичу и Молотову 29 июня 1932 г. из Сочи: «Если японцы действительно пойдут на пакт, то это, возможно, потому, что они хотят расстроить наши переговоры о пакте с китайцами и тем самым заставить их поторопиться с подписанием пакта с СССР»².

События развивались в русле экспансионистских планов Японии, которая изначально была не заинтересована в выстраивании мирных отношений с СССР. На наш взгляд, советское правительство допустило большой дипломатический просчет – рассчитывая подстегнуть Японию к скорейшему заключению пакта о ненападении, СССР добился обратного результата: «Мы должны давить на Японию перспективой сближения СССР с Нанкином и Америкой, чтобы заставить их поторопиться с заключением пакта с СССР. В связи с этим нужно дать в нашу печать краткое сообщение о свидании Вана с Козловским»³.

Советские предложения о заключении с Японией пакта о ненападении в последующем выдвигались неоднократно, в том числе 24 апреля 1933 г. в ответ на японский демарш по поводу восстановления Москвой в декабре 1932 г. дипломатических отношений с Китаем. Однако эйфория по поводу успехов в деле колонизации Маньчжурии, где спешно создавалась инфраструктура для расширения экспансии в соседних провинциях Китая и создавалась военно-промышленная база агрессии против СССР и Монголии (в январе 1935 г. японо-маньчжурские войска вступили в китайскую провинцию Чахар, непосредственно граничащую с МНР) – это застило глаза японскому руководству, решившему, что договор о ненападении с Советским Союзом будет лишь мешать Японии напасть в нужный момент на него⁴.

¹ АВП РФ.Ф. 08. Оп. 14. П. 133. Д. 190. Л. 30–31.

² Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 184.

³ Там же. С. 200.

⁴ *Тобо Р.* Политика Японии в отношении Советского союза в 1931–1941 гг.: проблема японо-советского пакта о ненападении // Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография. С. 148.

Таким образом, СССР не удалось заключить пакт о ненападении с Японией по следующим причинам:

- во-первых, сам факт усиления экспансионистских настроений в военных кругах Японии не предполагал даже формального сближения с СССР – потенциальной жертвой японской агрессии;

- во-вторых, японская агрессия в Китае велась под прикрытием антикоммунистической борьбы, т. е. завоевания Японии в Маньчжурии представлялись как плацдарм для дальнейшей борьбы с «коммунистической заразой» – СССР. Это создавало определенную общность интересов Японии и международного демократического сообщества, которое в связи с этим не спешило принимать активные антияпонские меры;

- в-третьих, уже с 1920-х гг. в Японии усилилось влияние на политику милитаристских кругов, которые, во многом, задавали внешнеполитический вектор, поэтому японские дипломаты не могли принимать самостоятельные политические решения из-за оказываемого на них давления милитаристской верхушки.

Провал пакта о ненападении привел к следующим последствиям:

- во-первых, в течение искусственно затягиваемых переговоров по поводу пакта о ненападении Японии удалось заключить очень выгодные для себя договоры экономического характера. СССР шел на все большие уступки вплоть до того, что в определенный момент был готов признать суверенитет Маньчжоу-го как де-факто, так и де-юре;

- во-вторых, в то же время затягивание переговоров с Японией послужило также в определенной степени и на пользу СССР. За это время были значительно усилены дальневосточные рубежи, а кроме того, советское правительство успело окончательно сориентироваться в этой международной ситуации и выбрать наиболее трезвую и приемлемую для себя линию поведения;

- в-третьих, крах попыток мирного урегулирования советско-японских противоречий окончательно вывел СССР на путь сближения с антагонистами Японии – Китаем и Монголией, следствием чего стало возобновление дипломатических отношений с Китаем и заключение соответствующих пактов о ненападении с Монголией и правительством Гоминьдана.

Отныне внешняя политика в дальневосточном регионе замыкалась в треугольнике СССР – Китай – Монголия, а возможность образования триумвирата СССР – Япония – Маньчжоу-го навсегда ушла в прошлое.

ДВА ЮБИЛЕЯ – ДВЕ ПАРТИИ: Н.И. БУХАРИН О РОЛИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ В ПОБЕДЕ ОКТЯБРЯ В 1922 И 1927 гг.

Глазырина Тамара Александровна
(Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина)

Трудно переоценить значение партии большевиков в событиях 1917 г. В.И. Ленин писал: «Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешную борьбу невозможно»¹. Роль партии в революции была предметом постоянной рефлексии как участников событий октября 1917 г., так и сторонних наблюдателей. При этом высказываемые оценки зависели не только от различных теоретических установок, но и от политического контекста времени.

Не чужда была тема места партии большевиков в революции и Н.И. Бухарину. Трансформацию отношения главного теоретика партии к этой проблеме можно проследить на двух текстах, посвященных юбилею Октября. В них не только осуществляется подведение промежуточных итогов достижений советской власти, но и теоретически осмысливаются революционные события с высоты прошедших лет.

В статье «Железная когорта революции», опубликованной к пятилетию Октября в «Правде», Бухарин отдал дань уважения соратникам по партии. Успех революции 1917 г., по мнению Бухарина, был обусловлен не только слабостью самодержавия и буржуазии, а также жаждой крестьянства земли, но и необыкновенным характером партии. Большевики, обладающие быстрой реакцией, оказались достаточно гибкими и терпеливыми для изменяющихся реалий времени. Однако главным преимуществом являлось умение тщательно подбирать кадры. Особый акцент делался на единство партии: «Суровая дисциплина большевизма, спартанская сплоченность его рядов, его строжайшая “фракционность” даже в моменты временного сожительства с меньшевиками, крайняя однородность взглядов, централизованность всех рядов – были всегда характернейшими признаками нашей партии»².

¹ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1981. Т. 41. С. 27.

² Бухарин Н.И. Железная когорта революции // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 35.

На наш взгляд, подобный панегирический тон в отношении партии связан с политической обстановкой внутри страны, где власть большевиков крепла день ото дня: в октябре 1922 г., по сути, завершилась взятием Владивостока гражданская война. Мировая революция еще казалась осуществимой. Напоминание же об успехах большевиков, не раздираемых противоречиями и оттого сильных, было связано с живостью воспоминаний от X съезда РКП(б), принявшем резолюцию «О единстве партии». Таким образом, упор на славное прошлое имел и «профилактические», «воспитательные» цели.

Следует понимать, что Н.И. Бухарин все же был не рядовым пропагандистом, а ведущим теоретиком большевизма. Такие рассуждения о роли партии в революции имели у него соответствующее теоретическое обоснование, которое он зафиксировал в статье «Буржуазная революция и революция пролетарская», опубликованной в журнале «Под знаменем марксизма» в 1922 г. В этой работе Бухарин представил развернутую картину механизма осуществления буржуазной и пролетарской революций.

Н.И. Бухарин утверждал, что в буржуазном обществе отсутствуют условия для вызревания административной верхушки у пролетариата, которая могла бы на себя взять руководящую роль в пролетарской революции. При этом «рабочий класс не однороден по своему составу, по степени культурности, политической зрелости, технической квалификации и т. п. своих членов, своих составных частей»³. В связи с этим пролетариат первоначально делегирует управленческие функции административной верхушке, имеющей буржуазное происхождение. Вытекающей отсюда опасностью является потенциальное перерождение партии из-за сильного интеллектуального и психологического разрыва между администрацией, имеющей за плечами багаж буржуазной культуры, и пролетариатом в целом. Для образования же рабочей бюрократии необходимо время. Поэтому, как настаивал Бухарин, так важны единство партии и борьба за кадры. Тем не менее автор статьи полон оптимизма относительно будущего РКП(б), которой руководит сильный административный состав, согласный в своих взглядах.

Таким образом, мы видим, что партия на момент празднования своего пятилетнего юбилея представлялась Бухарину единым организмом. В статье «Железная когорта революции» он делал упор на нежелательности, даже невозможности неконструктивных споров внутри РКП(б). Вышедшая в том же году статья о теории революции подкрепляла мысли автора о необходимости сплочения партии. Административная прослойка, на которую была возложена ответственнейшая функция управления не только партией, но и страной, не могла позволить себе какой-либо фракционности, когда каждый кадр был на вес золота.

Совсем иной предстает партия в следующей юбилейной речи, озвученной Н.И. Бухариным на VIII Московском губернском съезде профсо-

³ *Бухарин Н.И.* Буржуазная революция и революция пролетарская // Бухарин Н.И. Атака. М., 1924. С. 221.

юзов 12 октября 1927 г. Доклад построен в виде полемики с внешними критиками большевиков и с заблуждающимися однопартийцами. В нем роль партии в деле революции будто бы отходит на второй план в сравнении с объективными причинами победы большевиков. Сходит на нет хвалебный тон, с которым автор отзывался ранее о своих соратниках по революционной борьбе. Однако на контрасте с сомневающимися товарищами по партии и перебежчиками возвышается личность В.И. Ленина, всегда непоколебимого в своих решениях и твердого в убеждениях, приведшего партию к победе⁴.

Отметим, что формирование культа вокруг личности В.И. Ленина, безусловно, имело место и при его жизни. Тем не менее полноценная кампания по возвеличиванию вождя стала разворачиваться после его смерти. Н.И. Бухарин также примкнул к ряду авторов, воспевающих Ленина. Первой его работой по данной тематике стала небольшая брошюра «Революционный теоретик», вышедшая в 1924 г. Эту тему поднял Бухарин и в докладе на торжественном заседании Коммунистической академии «Ленин как марксист» (1924), и в речи на годовщину кончины вождя под названием «Памяти Ильича» (1925). В этих текстах особый акцент делался на умения вождя революции мудростью и непреклонной волей примирять конфликтующих членов партии. Не только успеху в Октябре, но и многим другим достижениям советской власти партия была обязана В.И. Ленину.

Фигура вождя революции, олицетворявшего саму партию и объединявшую ее, становится еще более значимой в разгар споров в высших эшелонах власти. Из-за внутреннего раздора дух единения персонифицируется в одном человеке, способном сплотить вокруг себя административную верхушку и партию в целом. Таким образом, в 1927 г., когда «объединенная оппозиция» пытается нанести отчаянный решающий удар, важно не только дать ей отпор, но и попытаться пресечь образование подобных платформ в будущем. Отсюда, по аналогии с прошлым, и потребность в сильном харизматичном руководителе. Важно отметить, что речь идет именно об одном лидере, а не о группе единомышленников.

Таким образом, рассмотрев два текста Н.И. Бухарина, посвященных победе партии в Октябре, мы видим, сколь разной она предстает перед нами. В статье 1922 г. партия едина и неделима, ею совместно руководят талантливые кадры. Именно грамотная политика партии гарантирует успех революции. Аналогичная ситуация наблюдалась и в действительности – РКП(б) не была раздираема внутрипартийными противоречиями и находилась на гребне успеха. В докладе 1927 г. победа большевиков в Октябре обуславливается, в большей степени, объективными факторами, а не действиями партии. История показывает, что единства партия сохранить не сумела. Бухарин, на наш взгляд, делает акцент на том, что одной из причин победы революции стали не слаженные действия партии,

⁴ Бухарин Н.И. К десятилетию октябрьской революции. [Н. Новгород], 1927. С. 35.

а умелая политика ее вождя. Данная идея коррелируется с политической ситуацией последней трети 20-х гг. Был поднят вопрос о необходимости лидера, чья рука могла бы направить «железную когорту», как это некогда делал В.И. Ленин. Однако место это было еще вакантно.

ОБРАЗЫ «ВОЖДЕЙ» РЕВОЛЮЦИИ В ПРАЗДНОВАНИЯХ ГОДОВЩИН ОКТЯБРЯ (1918–1920 гг.)

*Годунов Константин Валерьевич, к.и.н.
(Российская национальная библиотека)*

Трудно представить современную историографию революции 1917 г. и Гражданской войны без описания особенностей репрезентаций власти. История празднований годовщин революционного Октября, в свою очередь, позволяет на конкретном материале рассмотреть приемы репрезентаций образов советских лидеров.

Автор заметки в газете «Беднота» писал о праздновании первой годовщины Октября в различных городах: «Везде портреты вождей революции, везде громадные плакаты, везде красные знамена»¹. Действительно, изображения политических лидеров были важными политическими символами, украшавшими праздничные площади и столиц, и провинциальных городов.

Корреспондент «Правды» так описал свое впечатление от праздничного фейерверка, состоявшегося вечером 6 ноября 1918 г. в Москве: «Разукрашенные флагами дома, обвитые гирляндами зелени колонны, прекрасные арки, художественные панно, портреты великих учителей и вождей коммунизма – все это освещается молниями, звездами, каскадами огней роскошного фейерверка»². Праздничная иллюминация должна была, вероятно, усилить впечатление от праздничного убранства, важной частью которого были изображения революционных лидеров. Этот же прием использовался и организаторами празднования первой годовщины Октября в Смоленске, где были зажжены красные лампочки, освещающие «портреты пророков социализма и коммунизма»³.

Организаторы торжеств использовали различные средства для демонстрации изображений «вождей» в провинции. Об одном из таких способов пишут авторы резолюции, составленной на станции Альмеж (Вологодская губерния): «Энтузиазм населения не поддается описанию, декорированный портретами Ленина, Троцкого и Маркса и плакатами поезд фронтовой секции с восторгом встречается крестьянами и рабочи-

¹ По городам // Беднота. 1918. 23 ноября.

² Накануне праздника // Правда. 1918. 9 ноября.

³ Доклад о праздновании Октябрьской годовщины по сведениям, полученным в осведомительном отделе Московского окружного комиссариата по военным делам с разных мест округа // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1235. Оп. 79. Д. 66. Л. 1.

ми на станциях пути следования Котлас, на фронт опаздывает на один день»⁴. Независимо от того, насколько распространенной и искренней была описываемая в резолюции реакция сельчан, важно, что в ходе празднования годовщины Октября модерное средство коммуникации использовалось для тиражирования традиционного элемента праздника – изображений правителей.

Важной частью празднований Октября стали переименования улиц, площадей и некоторых других объектов в честь деятелей мирового и российского революционного движения. Переименовывались и создавались различные объекты в честь «вождей» не только в столицах, но и в малых городах, деревнях. На торжественном заседании Исполнительного Комитета Пудожского Уездного Совета депутатов 7 ноября 1918 г. члены Исполкома приняли решение о том, чтобы центральные улицы города были названы в честь В.И. Ленина, К. Маркса и Г.Е. Зиновьева⁵, а делегаты VII Съезда крестьянских, рабочих красноармейских депутатов Спасопреображенской волости постановили открыть ремесленную школу «Имени т. Ленина» как живого памятника ведущего от тьмы к свету и честному труду⁶.

Одной из форм выражения лояльности вождям были праздничные телеграммы – поздравления, направляемые органам власти и политическим лидерам.

Собрание служащих Великолуцкого железнодорожного почтового отделения, «...признавая, что единственной властью республики, отвечающей чаяниям трудового народа, является власть Советов... шлет привет Совнаркому и Центральному Исполнительному Комитету как путеводной звезде всемирной социальной революции»⁷. К советским лидерам обращались как «вождям бедняков»⁸, «лучшим избранникам, передовым борцам за благо всего человечества»⁹, «неутомимым вождям первого в мире правительства мозолистых рук»¹⁰.

С идеей о том, что революционные лидеры являлись выразителями интересов пролетариата, было тесно связано представление о них как о «вождях», несущих пролетариату освобождение. Красноармейцы 1 эскадрона и артиллерии особого конного полка в праздничной теле-

⁴ [Резолюция красноармейцев 17 инженерного отряда] // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 1. Оп. 1 Д. 248. Л. 81.

⁵ Протокол № 96 Исполнительного Комитета Пудожского Уездного Совета. Заседание 7 ноября 1918 года // ЦГАИПД СПб. Ф. 142. Оп. 6. Д. 115. Л. 212.

⁶ Журнал заседания VII Съезда Спасопреображенского Волостного Совдепа 8–10 ноября 1918 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 142. Оп. 6. Д. 113. Л. 52.

⁷ Телеграмма общего собрания служащих Великолуцкого железнодорожного почтового отделения – Совнаркому // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 9. Л. 5.

⁸ Телеграмма из Брянска // Там же. Д. 10. Л. 10.

⁹ Телеграмма из Петрограда // Там же. Л. 19.

¹⁰ Телеграмма из Уржума // Там же. Л. 51.

грамме Г.Е. Зиновьеву писали: «Поздравляем вас, народных вождей и великих поборников за свободу с великим днем годовщины трудовой революции, охватывающей ныне всю Европу. Да здравствуют вожди за свободу и честь трудового народа»¹¹. Советских лидеров поздравляли как «вождей», «давших миру Советскую власть как единственную представительницу, освободительницу угнетенных всего мира»¹², как «передовых борцов свободы революции»¹³. Одна из основ субкультуры революционного подполья – культ «борцов за свободу»¹⁴ – стала важным элементом советской политической культуры.

Советские лидеры, по представлению составителей резолюций, несли освобождение не только Советской России. Авторы некоторых телеграмм приветствовали с праздником «всех вождей боевого третьего Интернационала товарищей Ленина, Либкнехта, Адлера, Троцкого и других»¹⁵, «передовых вождей мирового пролетариата, товарищей Ленина, Троцкого, Либкнехта и Фридриха Адлера»¹⁶, «непоколебимых и решительных борцов за социализм тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева, Луначарского, Либкнехта, Адлера и Маклина и других»¹⁷. В ситуации нарастания революционного движения в Германии в октябре–ноябре 1918 г. идея о скорой победе мировой революции приобрела особое звучание. Авторы праздничных телеграмм описывали советских лидеров в качестве политиков, меняющих ход мировой истории, тиражируя представление о том, что в Советской России решается судьба всего человечества.

Трудно с точностью судить о том, насколько широко были распространены подобные образы политических лидеров, но существенно, что для описания роли «вождей» разные люди в разных частях страны использовали схожую риторику.

Можно говорить о том, что пространство праздника наполнялось образами политических лидеров как визуальными, так и речевыми. При этом большинство важных элементов прославления «вождей» – от переименования улиц до упоминания в праздничных телеграммах – было унаследовано от праздничной культуры монархической эпохи и от празднований февральского этапа революции. И та, и другая традиции способствовали сакрализации образов вождей.

¹¹ Телеграмма тов. Зиновьеву // Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ СПб.). Ф. 63. Оп. 1. Л. 107. Л. 34.

¹² Телеграмма из Спасска – в Москву // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 9. Л. 21.

¹³ Телеграмма из Болтинской волости Симбирской губернии // Там же. Д. 10. Л. 38.

¹⁴ *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М., 2017. С. 102–121.

¹⁵ Телеграмма из Спасска – в Москву // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 9. Л. 21.

¹⁶ Телеграмма из Вышневолоцка // Там же. Д. 10. Л. 24.

¹⁷ Телеграмма из Кушвинского района // Там же. Л. 86.

НОВАТОРСКИЕ ИДЕИ В ФОРМАТЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ФИЛЬМОВ РЕЖИССЕРОВ ФАБРИКИ «МЕЖРАБПОМ-РУСЬ» И «МЕЖРАБПОМ-ФИЛЬМ»

*Голованова Елена Александровна
(Всероссийский Государственный институт
кинемотографии имени С.А. Герасимова)*

В советской России организация «Международная рабочая помощь» (Межрабпом) была основана 12 августа 1921 года в ответ на призыв В.И. Ленина к международному сообществу об оказании помощи населению Советской России, пострадавшему от засухи в Поволжье.

Международная рабочая помощь оказывала поддержку рабочим Германии и других стран при проведении забастовок, во время гражданских войн и природных катастроф, предоставляя одежду, продукты и деньги.

Финансовые средства Межрабпома складывались из пожертвований, часть которых расходовалась на развитие кинематографа.

В 1923 году организация стала владельцем кинокомпании М.С. Трофимова «Русь» и была переименована в «Межрабпом-Русь». Сюда же и присоединился торгово-промышленный банк, тем самым обеспечив студию не только финансовыми средствами развития, но и деловыми связями, а также здесь существовал лучший актерский состав. При создании фильмов режиссеры студии руководствовались новыми тенденциями кинематографической мысли, создав ряд лент агитационного и детского репертуара по специальным заданиям Наркомпроса: «Чем ты был», «Сон Тараса», «Новое платье короля», «Девочка со спичками» по Г.Х. Андерсену. Но и русская классика не оставалась без внимания¹.

На фоне существующих тогда школ и кинематографических групп, провозглашавших свои творческие принципы, коллектив, собравшийся вокруг киноорганизации «Межрабпом-Русь» (позднее «Межрабпом-фильм») отличался большой толерантностью к творческим идеям своих коллег. Здесь, наряду с новыми тенденциями, которые воплощали на экране Л.В. Кулешов, В.И. Пудовкин, Д. Вертов А.А. Роом, Б.В. Барнет и другие, работали и мастера дореволюционного кино, лидером которых был **Яков Александрович Протазанов** (1881–1945).

¹ Гращенкова И.Н., Фомин В.И. История Российской кинематографии. 1896–1940. М., 2016. 768 с.

В 1924 году он снял на «Межрабпом-Руси» картину «Аэлита» по мотивам фантастического романа А.Н. Толстого. В произведении, так же, как и в фильме, явно возникало противопоставление изжившей себя цивилизации Марса – дореволюционной России и зарождающейся цивилизации Земли – молодой советской Республики. И в этой, навеянной философской мыслью постановке, появились современные картины революционного быта, комические зарисовки, характерные лица и фигуры времени. Таковы, например, сцены в лазарете, в райсовете, в детдоме для сирот революции. Колоритно и свежо была снята сцена самодеятельного спектакля, разыгрываемая на эвакопункте, тонко подмеченная и осуществленная в сцене фильма, сопоставимая с существовавшим бытом.

Одной из удач фильма был образ красноармейца Гусева, демобилизованного по ранению, веселого и обаятельного парня. Это первая роль актера МХАТ **Николая Петровича Баталова** (1899–1937) и кинематографическое открытие режиссера Я.А. Протазанова. Воплощению реалистического настроения данного героя способствует образ его невесты, созданный актрисой **Верой Георгиевной Орловой** (1894–1977), игра которой отличалась простотой, искренностью и готовностью следовать за своим любимым. Дуэт с Н.П. Баталовым оказался очень органичным и трепетным. Оба актера создали живые, естественные образы новых людей, готовых понять и принять революционные народные стремления. При этом их героям свойственна достоверность, трепетность по отношению друг к другу.

Из воспоминаний В.Г. Орловой: «...а позже, во время постановки «Аэлиты», он [Протазанов] доверял мне с Н.П. Баталовым самостоятельно подготовить целые эпизоды. Ему было важно, чтобы актер сам правильно раскрывал сущность образа и точно нес авторский замысел произведения. И я была горда, когда он говорил: «Ну, я теперь могу отдохнуть, а вы сами делайте сцену». И, возвращаясь, вносил только немногие поправки. Я.А. Протазанов, конечно, был представителем реалистического искусства, хотя и его не миновали модные тогда декадентские течения...»².

О чиновниках-бюрократах, которые не видят разницы между новыми, советскими формами общения и старыми, оставшимися в наследство от прошлого, о бумажной волоките Я.А. Протазанов поставил одну из лучших своих картин «Дон Диего и Пелагея» (1927). Темпераментное, достоверное и смешное исполнение роли Пелагеи одной из ведущих актрис Малого театра М.М. Блюменталь-Тамариной явилось основой фильма. На старости лет Пелагея вместе с мужем решила записаться в комсомол, и улыбающийся ей в финале фильма гипсовый бюст будущего «Всероссийского старосты» М.И. Калинина – забавная режиссерская находка. Фильмы Я.А. Протазанова с акцентом, направленным на развитие актерской индивидуальности, пользовались большой популярностью

² Российский Государственный Архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 2952. Оп. 1. Ед. хр. 1.

стью, наряду с появлением новых форм кинематографа, к которым тяготели молодые режиссеры «Межрабпом-Руси».

Одним из новаторов-представителей гибких форм в советском кинематографе был режиссер **Всеволод Илларионович Пудовкин** (1893–1953), который одним из первых показал на экране перерождение простого человека, понявшего суть революционных событий «Мать» (1926), где монтажные приемы обеспечили и разное звучания заводского гудка, и падающих из крана капель воды, и тиканья часов, и всплеск весеннего половодья. А использование параллельного монтажа в кадрах демонстрации и ледохода противопоставляет природную стихию человеческому волнению. Попыты с монтажом были продолжены в картинах «Конец Санкт-Петербурга» (1927) и «Потомок Чингисхана» (1928). Героями фильмов В.И. Пудовкина были не «невинные жертвы роковых страстей», а деловые и активные люди. Даже лирические мизансцены режиссер строит на основе одного общего увлечения, как, например, в фильме «Шахматная горячка» (1925), где рассказывается о всеобщем увлечении шахматами.

Искусством комедийного жанра в полной мере владел режиссер **Борис Васильевич Барнет** (1902–1965), который поставил на студии «Межрабпом-Руси» фильмы: «Папиросница от Моссельпрома» (1924), «Девушка с коробкой» (1927), «Дом на Трубной» (1928). Сюжеты картин основаны на событиях 20-х годов прошлого века, происходящих в Москве. Поэтому в общем контексте событий фильмов показ старых городских улиц и памятных мест является историческим документом. А картину «Девушка с коробкой» можно определить в качестве рекламного ролика, рассказывающего о возможности выигрыша значительной суммы по облигации займа.

Первый звуковой художественный фильм «Путевка в жизнь» (1931) был сделан уже на «Межрабпом-фильме». Режиссер **Николай Владимирович Экк** (1902–1976) поставил картину о первой советской коммуне. Звуковое начало фильма подчеркивалось «Словом от автора», с которым в стихотворной форме обращался к зрителям артист В.И. Качалов. И заканчивается картина его же выступлением. Образы людей в этом фильме строились по законам звукового кино. Роль главного героя – руководителя детской коммуны в исполнении Н.П. Баталова состояла из малого количества фраз, воспринимаемых как мысленное итоговое заключение. Основная роль ложилась на визуальный образ героев: их мысли и настроение, которые можно было прочесть по выражению глаз, мимическим складкам лица, используя приемы немого кино. «Ритм трудового процесса был здесь основой монтажного ритма»³.

А для звукового фильма режиссера Б.В. Барнета «Окраина» (1933), снятого на «Межрабпом-фильме», композитором С.Н. Василенко была написана музыка, являющаяся не только закадровым сопровождением,

³ История советского кино / Абдул-Касымова Х., Гинзбург С., Долинский И. и др. М., 1973. Т. 2. С. 47.

но и действующим «лицом» фильма. В ней соединились воедино мелодии старинного вальса, военного марша, солдатской песни.

Первая музыкальная комедия «Гармонь» режиссера **Игоря Андреевича Савченко** (1906–1950), музыку к которой написал композитор С. Потоцкий, вышла на «Межрабпом-фильме» в 1934 году. Незатейливый рассказ о деревенском гармонисте Тимоше, который, «закопав» гармонь, увлекся работой над комсомольскими лозунгами, окутан многогранным звуковым рядом. Наряду с разножанровыми песнями, сама гармонь предстает здесь живым организмом. Своим звучанием одна создает и счастье, и трепет, и грусть, и злость и даже плач. А ритмический рисунок «игры на губах», чететка в танцах деревенской молодежи – раскрывают широкий колоритный диапазон музыкального контента фильма. Изобразительное решение ленты навечно показом деревенской природы с ее ромашковыми полями и полями спелой ржи, простыми избами, и проселочными дорогами, убегающими за горизонт.

Фильм «Гармонь», как и другие художественные произведения, созданные на «Межрабпом-Руси» и «Межрабпом-фильме», – разноплановые и разножанровые, что, пожалуй, может свидетельствовать о творческой организации кинопредприятия, эстетика которого строилась на гуманистических и художественных традициях русской культуры, в то время являвшейся связующим звеном между дореволюционным кинематографом и новыми советскими направлениями в нем.

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ (ОРЭО): ЗАДАЧИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Горохова Мария Евгеньевна

(Российский государственный гуманитарный университет)

В начале января 1927 г. инициативная группа созвала несколько совещаний представителей крупнейших эмигрантских организаций в ЧСР для обсуждения положения русских в связи с резким сокращением кредитов на «Русскую акцию». На совещаниях было решено обратиться к чехословацкому правительству и видным чехословацким политическим и общественным деятелям с особым меморандумом о положении русской эмиграции.

С целью координации и активизации работы различных эмигрантских организаций бывших российских граждан в июле 1927 г. Совещание представителей русских организаций в ЧСР было превращено в постоянно действующую структуру, а в 1931 г. преобразовано в Объединение русских эмигрантских организаций в Чехословацкой республике. Первоначально в работе Совещания участвовало 16 организаций. Его основными задачами были поддержка контактов между эмигрантскими учреждениями, сбор информации об их деятельности и о положении русских за рубежом, а также оказание посильной помощи эмигрантам.

Текущей работой занимался Президиум, переизбираемый каждые три месяца. В 1928 г. в его состав, например, входили князь П.Д. Долгоруков, один из лидеров партии кадетов, бывший товарищ председателя I Государственной Думы профессор С.А. Муромцев, подписавший Выборгское воззвание с протестом против роспуска Думы и за это лишенный права участвовать в следующих выборах, а также бывший министр путей сообщения в правительстве А.Ф. Керенского П.П. Юренев. Казначеем в этот период был К.П. Федоров, секретарями – И.Т. Воротынцев и Д.И. Мейснер¹.

Роль ОРЭО как объединяющего, координирующего и организующего звена среди русской эмиграции особо усилилась в 30-е гг. после ликвидации Земгора. За один лишь 1935 г. в Объединение вступили 14 организаций, а общее количество его членов соответственно возросло с 28 до 42². Членом Объединения, согласно уставу, могла стать лю-

¹ Русские в Праге 1918–1928 (Ред.-изд. С.П. Постников). Прага, 1928. С. 35.

² ГА РФ. Ф. 5888. Оп. I. Д. 42. Л. 18.

бая неполитическая русская организация, находившаяся в ЧСР. Члены могли осуществлять свои права через своего делегата и имели право участвовать в собрании представителей, выступать с предложениями, избирать и быть избранными в органы ОРЭО. В их обязанности входило придерживаться устава, исполнять постановления общих органов Объединения и регулярно вносить членские взносы в размере, установленном общим собранием (но не менее 24 кр.ч. в год). Высшим органом руководства являлось общее собрание делегатов (по одному от организации и их заместители). Контроль над деятельностью ОРЭО осуществляла его ревизионная комиссия. Непосредственное управление делами лежало на правлении во главе с председателем³. В начале 30-х годов ОРЭО возглавлял глава Союза русских академических организаций за границей, в прошлом профессор Петроградского политехнического института А.С. Лошмаков.

Представители организаций, входивших в ОРЭО, участвовали в ежегодных общих собраниях, на которых рассматривались отчеты правления, решались вопросы приема и исключения из состава Объединения, другие организационные вопросы. Деятельность руководства ОРЭО в основном была направлена на содействие расширению и укреплению самого Объединения, общее представительство российской эмиграции за рубежом и проведение совместных мероприятий по улучшению положения русских в Чехословакии.

В составе Объединения действовала так называемая «примирительная камера», призванная разрешать споры и конфликты между эмигрантскими организациями, а также отдельными лицами, так как считалось нежелательным выносить их в чехословацкие суды. Правление Объединения вело подсчет организованной колонии в ЧСР, собирало сведения о материальном и правовом положении русских. В середине 30-х гг. Объединение открыло бесплатную юридическую консультацию. Первое время консультантом по юридическим вопросам был Е.В. Тарабрин, затем В.Я. Гуревич.

В задачи правления входило поддерживать постоянную связь с чехословацким правительством. Одновременно с актом признания СССР Чехословакией де-юре в 1934 г. ОРЭО получило заверения чехословацкого правительства в том, что российская эмиграция и впредь будет пользоваться добрым расположением властей республики и «Русская акция» будет продолжена⁴. Русские эмигранты нашли активную поддержку со стороны Чехословацкой национально-демократической партии К. Крамаржа и аграриев М. Годжи, А. Швеглы и А. Прокупека⁵. Контакты видных чехословацких политических деятелей с эмиграцией из России

³ Там же. Д. 135. Л. 174–177.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 20.

⁵ *Сладек 3.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Сов. Славяноведения. 1991. № 6. С. 30.

стали причиной дипломатической ноты представительства СССР в Чехословакии МИД Республики Чехословакии⁶.

Благодаря многочисленным обращениям правления ОРЭО к правительству и министерствам ЧСР ему удалось улучшить и облегчить положение отдельных групп эмигрантов. Например, меморандум об отмене ограничений, чинимых российским эмигрантам при получении права на труд, был одновременно направлен министерствам социального обеспечения и иностранных дел. В нем подробно описывалось тяжелое положение русской колонии в Чехословацкой Республике и перечислялись меры, способные несколько облегчить его. По мнению авторов меморандума, необходимо было: предоставить всем русским эмигрантам вне зависимости от времени их приезда в Чехословакию одинаковое с гражданами республики право на труд и все виды государственной помощи, приравнять всех русских эмигрантов, не имеющих пособий, к гражданам республики в отношении их возможного участия в профсоюзах, социальном страховании на случай болезни и инвалидности, а также в получении государственной помощи по безработице.

Деятели ОРЭО принимали активное участие в подготовке и проведении культурно-благотворительных акций, объединявших всю российскую эмиграцию. Русское зарубежье ежегодно проводило «Дни русской культуры», организовывало дни «русской матери», «русского ребенка», «русского инвалида», отмечало юбилеи великих русских писателей, ученых, композиторов, праздновало выдающиеся исторические события, например 75-летие со дня освобождения крестьян от крепостного права в России.

Деятельность ОРЭО была крайне важна и полезна, так как положение российских эмигрантов в 30-е гг. крайне ухудшилось. В 1935 г. из 28 организаций-членов ОРЭО лишь 11 смогли внести членские взносы, носившие лишь символический характер⁷. На разосланные правлением ОРЭО анкеты многие организации – члены Объединения отвечали, что число безработных в их рядах возросло, а материальное положение ухудшилось. Далеко не все имели юридическое право на труд, получить место, особенно лицам интеллектуальных профессий, можно было лишь при наличии протекции⁸.

В среднем около 30 % российской интеллигенции было вынуждено в этот период принять чехословацкое гражданство⁹. Однако и это не гарантировало получение работы, а лишь давало возможность удержаться на месте. Среди других категорий российских эмигрантов процент принявших чехословацкое гражданство был не значителен, что, вероятно, и дало основание Совещанию представителей русских эмигрантских

⁶ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1977. Т. 2. С. 320.

⁷ Там же. Д. 42. Л. 27.

⁸ Там же. Д. 65. Л. 1–9.

⁹ Там же. Д. 42. Л. 22.

организаций утверждать, что «несмотря на усилившееся в последнее время стремление к переходу в чехословацкое подданство, этот переход все же не выходит за пределы индивидуальных случаев и не может рассматриваться как массовое явление, характерное для русских эмигрантов в ЧСР»¹⁰.

В 30-е гг. появилась и новая проблема: дети от смешанных браков уже практически не говорили по-русски¹¹. Поэтому при Русской академической группе специально были созданы курсы русских национальных предметов для детей из таких семей и обучающихся в иностранных школах. Руководил курсами профессор И.И. Лаппо, затем приват-доцент РСУ в Праге, сотрудник Чешской академии наук С.Г. Пушкарев. Преподавали на курсах русский язык, российскую историю, географию, закон Божий и хоровое пение.

Таким образом, в части данного исследования мы можем определить, что целью объединения русских эмигрантских организаций (ОРЭО) была координация и активизация работы бывших российских граждан. В задачи правления входило поддерживать постоянную связь с чехословацким правительством. Одновременно с актом признания СССР Чехословакией де-юре в 1934 г. ОРЭО получило заверения чехословацкого правительства в том, что российская эмиграция и впредь будет пользоваться добрым расположением властей республики и «Русская акция» будет продолжена. Русские эмигранты нашли активную поддержку со стороны Чехословацкой национально-демократической партии К. Крамаржа и аграриев М. Годжи, А. Швеглы и А. Прокупека. Контакты видных чехословацких политических деятелей с эмиграцией из России стали причиной дипломатической ноты представительства СССР в Чехословакии МИД Республики Чехословакии.

¹⁰ Там же. Л. 24.

¹¹ Там же.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО МИКРОБИОЛОГА, АКАДЕМИКА ЗИНАИДЫ ВИССАРИОНОВНЫ ЕРМОЛЬЕВОЙ (ОБЗОР ФОНДОВ ФЕДЕРАЛЬНЫХ АРХИВОВ)

*Горшенин Александр Владимирович, к.и.н.
(Медицинский университет «Ревиз», г. Самара)*

Имя великого советского ученого, профессора, доктора медицинских наук, академика, лауреата Сталинской премии, заслуженного деятеля науки РСФСР Зинаиды Виссарионовны Ермольевой (1898–1974) навсегда вписано золотыми буквами в историю отечественной медицины. Ее научно-практическая деятельность помогла спасти от гибели тысячи людей. Перечислять ее достижения можно долго, но одним из самых известных стало получение первого отечественного антибиотика – «пенициллина-крустозина» и налаживание его промышленного производства в суровые годы Великой Отечественной войны. А еще были многочисленные работы по изучению холерных вибрионов, интерферона, лизоцима, разнообразных видов антибиотиков и их комбинаций. Помимо этого, в 1956 г. она основала научный журнал «Антибиотики» и была его главным редактором до конца своей жизни. Так как в данной публикации заявлена только научная деятельность, то мы сознательно опустим рассмотрение общественной и педагогической деятельности З.В. Ермольевой.

Актуальность изучения жизни и деятельности такой замечательной женщины-ученого не вызывает сомнения. Колоссальное число источников, касающихся ее наследия, до сих пор не введено в научный оборот. Продуктивная деятельность видного ученого-микробиолога оставила после себя большое число документов, которые рассредоточены по нескольким федеральным архивам.

Наиболее информативными являются документы Российского государственного архива экономики, среди которых – личный фонд Ермольевой¹. Данный фонд состоит из 143 дел, содержащих в себе информацию по научной, общественной, педагогической и служебной деятельности именитого микробиолога. Здесь же хранятся биографические материалы, личная переписка и фотографии.

Большой интерес представляют оттиски первых статей молодого микробиолога, опубликованные в первой половине 1920-х гг., когда она

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1020. Ермольева Зинаида Виссарионовна – микробиолог, академик Академии медицинских наук (АМН) СССР, лауреат государственных премий, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор.

жила и работала в Ростове-на-Дону². Они посвящены изучению биологических особенностей холерных вибрионов на материалах эпидемии в этом регионе.

Поражает научная активность З.В. Ермольевой. Ее перу принадлежат более 500 научных работ, включая монографии, редактуру практических сборников, журналов, методических изданий. Только библиографический список научных работ за период 1923–1975 гг. занимает около 140 листов³.

В разгар Великой Отечественной войны, в 1942 г., в центральном медицинском издательстве страны «Медгиз» выходит монография З.В. Ермольевой – «Холера»⁴. Спустя два года в том же издательстве издана небольшая брошюра «Методы применения пенициллина»⁵, ставшая сейчас библиографической редкостью. По сути своей, это первое издание, обобщающее опыт ее работы с этим антибиотиком, так как авторская монография по данной теме выйдет в послевоенные годы.

Пристального внимания заслуживают документы о производстве пенициллина и стрептомицина, разработанных по методу З.В. Ермольевой на химико-фармацевтических заводах № 40 и им. Карпова, а также особенностей их применения в ЦКБ им. Семашко в Москве и в Институте туберкулеза АМН СССР в Великую Отечественную войну и первые послевоенные годы⁶.

Авторству микробиолога принадлежат и заметки по истории получения и промышленного производства пенициллина в нашей стране, опубликованные в медицинской периодической печати – газетах «Медицинский работник» и «Медицинская газета». Вырезки и типографские экземпляры статей сосредоточены в личном фонде З.В. Ермольевой⁷. Значительным источником является «Инструкция Ученого медицинского совета Наркомата здравоохранения СССР по применению пенициллина», составленная Зинаидой Виссарионовной⁸.

Документальные материалы о научной деятельности З.В. Ермольевой хранятся также в Государственном архиве Российской Федерации. В 1930-е гг. З.В. Ермольева активно занималась изучением действия лизоцима. Это фермент природного происхождения, способный разрушать клеточные мембраны бактерий, благодаря чему обладает противомикробным и противопаразитарным действием. Из документов фонда Наркомата здравоохранения РСФСР⁹ становится известно, что 2 марта

² РГАЭ. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 5.

³ Там же. Д. 25.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 1–123.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 1–10.

⁶ Там же. Д. 27. Л. 1–7.

⁷ Там же. Д. 116.

⁸ Там же. Д. 134. Л. 1.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-482. Министерство здравоохранения РСФСР (Минздрав РСФСР).

1936 г. З.В. Ермольева выступила на заседании Научно-наблюдательного совета при Ученом медицинском совете Наркомздрава РСФСР с докладом о своих исследованиях и опытах по изучению действия лизоцима и методах его получения¹⁰.

Во второй половине 1930-х гг. научная деятельность Зинаиды Виссарионовны сосредотачивается на изучении бактериофагов. Это бактериальные вирусы, разрушающие бактерии и другие микроорганизмы. Их особенность заключается в том, что попав в клетку, они активно размножатся в них, попутно разрушая, после чего переходят в молодые и растущие клетки. Как один из крупнейших ученых в этой области Ермольева выступила 27 марта 1939 г. на заседании Президиума Ученого медицинского совета Наркомздрава СССР с докладом «Бактериофаг – природа, применение и выводы для практики здравоохранения»¹¹.

Исследования, открытия и опыты З.В. Ермольевой были высоко оценены научной общественностью. В 1935 г. ей присудили ученую степень доктора медицинских наук, а спустя четыре года утвердили в звании профессора. В связи с этим стоит отметить, что ее личное дело появилось в Высшей аттестационной комиссии при СНК СССР¹².

В годы войны, как уже упоминалось, З.В. Ермольева активно занималась получением первого советского антибиотика. О своих успехах по созданию опытных партий пенициллина она сообщала в докладной записке наркому здравоохранения СССР Г.А. Митереву. Данная записка хранится в фонде Всесоюзного института экспериментальной медицины им. А.М. Горького, где тогда работала ученый-микробиолог¹³.

З.В. Ермольева запатентовала несколько своих научных открытий, лекарственных препаратов и способов их производства. Но не на все свои заявки она получила авторское свидетельство. В любом случае, и авторские свидетельства, и заявочные документы, сопровождаемые дополнительными материалами, хранятся в Российском государственном архиве (РГА) в г. Самаре (до 2016 г. – филиал Российского государственного архива научно-технической документации в г. Самаре). Специфика этого архивохранилища состоит в аккумуляции изобретательской и научно-технической документации.

В 1930-е гг. Зинаида Виссарионовна работала над изучением лизоцима. Она пришла к выводу, что его можно использовать не только в медицине, но и на благо народного хозяйства. В октябре 1940 г. З.В. Ермольева (совместно с О.Л. Максимовой и С.О. Лейкиным) подала заявку на рассмотрение изобретения под названием «Способ ферментативной мочки лубяных растений». Благодаря разработкам Ермольевой, предлагалось применять лизоцим для растворения культур льна и других лубяных растений, в результате чего полученные лизоэнзимы выступали ак-

¹⁰ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 1136.

¹¹ Там же. Ф. Р-8009. Оп. 2. Д. 247.

¹² Там же. Ф. Р-9506. Оп. 16. Д. 1131.

¹³ Там же. Ф. Р-6742. Оп. 1. Д. 257. Л. 1–5.

тиваторами химических процессов. При замачивании льна по методу Ермольевой процесс мочки сокращался в два раза, и при этом повышалось качество волокна¹⁴. На это изобретение Ермольева получила авторское свидетельство.

Среди документации РГА в г. Самаре были выявлены заявочные документы на выделенный и изученный З.В. Ермольевой (совместно с коллегами из ВНИИ пенициллина) препарат из антибиотика животного происхождения – «Экмолин». В 1949 г. из молок осетра был получен трипротамин-стурин. Его антибиотические свойства были установлены в лаборатории Ермольевой впервые¹⁵. Данный препарат оказывал угнетающее действие на многих микробов: стафилококка, дифтерийные культуры, дизентерийных, кишечную и брюшнотифозную палочки, а также на холерный вибрион. В приложении к своей заявке коллектив под руководством З.В. Ермольевой описывал, какие концентрации экмолина оказывали действие на названные микробы.

Обширная научная деятельность З.В. Ермольевой отразилась в широком пласте разнообразных документов, хранящихся в нескольких федеральных архивах. Лишь комплексная работа с этим ценными источниками позволит исследователю создать полную картину неосценимого вклада Зинаиды Виссарионовны в историю отечественной науки.

¹⁴ РГА в г. Самаре. Ф. Р-1. Оп. 395–5. Д. 1. Л. 2.

¹⁵ Там же. Оп. 84–5. Д. 1916. Л. 3.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПРАКТИКА УРЕГУЛИРОВАНИЯ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА В 1918–1920 гг.

Давыдова Татьяна Николаевна

(Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина)

После распада Российской империи на юге России в Закавказье начался процесс строительства национальных государств, который проходил в два этапа. Первым этапом стало образование Закавказской Демократической Федеративной Республики (ЗДФР) 22 апреля 1918 года. В ЗДФР вошли территории Бакинской, Елизаветпольской, Эриванской, Тифлисской, Кутаисской губерний, Батумской и Карсской областей, Закатальского и Сухумского округов бывшей Российской империи. Однако ЗДФР просуществовала недолго – 26 мая Закавказский сейм, представительный и законодательный орган государственной власти в Закавказье, под давлением внешних сил принял решение о самороспуске, положив тем самым начало второму этапу становления суверенных государств в Закавказье.

Так, Закавказье распалось на три государства: первой о независимости объявила Грузинская Демократическая Республика – 26 мая, через два дня самостоятельность провозгласили Азербайджанская Демократическая Республика (АДР) и Республика Армения. Точные территориальные границы между республиками тогда определены не были. Впоследствии это привело к многократным массовым столкновениям между народами Закавказья. Наиболее сильное проявление получил этноконфессиональный конфликт между населением Азербайджана и Армении, в ходе которого наибольшие потери несли мусульмане.

В действительности армяно-азербайджанские столкновения были зафиксированы уже в 1917 году в Эриванском уезде, имевшем стратегическое значение для армянского населения: во-первых, он занимал промежуточное положение между азербайджанскими и армянскими районами; во-вторых, армянский народ преследовал идею превращения Эривани в столицу армянского государства¹. 29 мая 1918 года в Тифлисе состоялось заседание Мусульманского Национального совета, на котором большинством голосов было решено уступить армянам Эривань: после отхода

¹ Ализаде З. Азербайджано-армянские политические отношения в 1917–1918 годах // Кавказ & глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 2. С. 176.

Александрополя к Османской империи Армения нуждалась в политическом центре².

Кроме Эриванского уезда, тяжелым было положение в Карабахском, Эчмиадзинском, Сурмалинском, Новобаязетском уездах, Карсской области. Только в августе 1919 года армянские силы разгромили до 50 мусульманских селений уездов, находящихся на территории Армении³. Немало селений также было ликвидировано и на территории Азербайджана, особенно в приграничных районах.

Идея о национальной независимости Азербайджана стала первоочередной для тюркоязычного народа, исповедующего ислам, в марте 1918 года, когда членам армянской фракции «Дашнакцүтюн», имевшей место в Закавказском сейме, совместно с большевиками удалось временно захватить Баку. С момента провозглашения независимости Азербайджана правительство АДР стремилось к мирному разрешению конфликтов с соседними народами, или путем арбитража. В вопросе о самоопределении кавказских народов правительство АДР стояло за справедливое удовлетворение притязаний всех этих народов⁴.

Неотъемлемой частью своей территории в спорах с правительством Республики Армения правительство АДР считало Джеванширский, Шушинский, Джебраильский, Зангезурский, Казахский и Нахичеванский уезды, часть Эриванской губернии, населенной мусульманами⁵.

Азербайджанское правительство этноконфессиональный вопрос стремилось решить несколькими путями. Так, правительство АДР неоднократно направляло армянскому правительству ноты протеста против насилия над мусульманами, в ответ на которые правительство Республики Армения заявляло, что «для правительства Армении нет граждан белой и черной кости»⁶.

Следующий способ урегулирования конфликта – учреждение в спорных районах временных генерал-губернаторств. В январе 1919 года правительство АДР назначило генерал-губернатором Зангезурского, Джебраильского и Джеванширского уездов Пашу бека Султанова, 3 апреля он был официально признан союзным командованием западных держав Антанты⁷. С этого момента азербайджанское правительство протесты армянского правительства против действий Султанова или нахождения азербайджанских войск в перечисленных уездах рассматривало как вме-

² Тарасов С. Баку – армянам: Срок аренды Еревана истек, верните! URL: <https://regnum.ru/news/2327266.html> (дата обращения: 28.01.2019).

³ Азербайджанская Демократическая Республика. Внешняя политика (Документы и материалы). Баку, 1998. С. 296.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ Там же. С. 120, 87, 178, 107.

⁶ Там же. С. 296.

⁷ Там же. С. 232.

шательство во внутренние дела АДР⁸. Благодаря мерам, предпринятым Султановым, местами удалось восстановить необходимый порядок⁹.

Третий путь решения территориального вопроса предполагал рассмотрение ситуации на международном уровне. В июне 1919 года правительство АДР приняло решение о создании в Баку международной следственной комиссии по расследованию насилия армян над мусульманами¹⁰. К работе комиссии планировалось привлечь представителей союзных держав. На работу комиссии азербайджанский парламент выделил 10 млн рублей¹¹. Международная комиссия совершала выезды в проблемные зоны, на основании собранных материалов был возбужден ряд уголовных дел в отношении виновников трагедии¹². Один из последних выездов комиссии при правительстве АДР состоялся 20 апреля 1920 года в Карабах¹³.

Еще одним инструментом урегулирования двустороннего конфликта стало подписание в Тифлисе 23 ноября 1919 года азербайджанским и армянским правительствами мирного соглашения о прекращении военных столкновений¹⁴. Все спорные вопросы, в том числе о границах, страны договорились решать мирным путем. В случае если достижение мирного соглашения не представлялось возможным, оба правительства должны были избрать нейтральное лицо в качестве третьей стороны, решения которого они согласились бы признавать обязательными для себя. На момент заключения договора таким лицом являлся полковник США Джеймс Рей¹⁵.

Мирное соглашение предусматривало организацию армяно-азербайджанской конференции. За стол переговоров договаривающиеся стороны сели в Баку в декабре 1919 года¹⁶. Задачей конференции являлась детальная разработка положений мирного соглашения между правительствами АДР и Республикой Армения. Верховный комиссар Парижской мирной конференции полковник Гаскель приветствовал работу армяно-азербайджанской конференции и выразил пожелание благополучного разрешения спорных вопросов¹⁷.

⁸ Азербайджанская Демократическая Республика. Внешняя политика (Документы и материалы). Баку, 1998. С. 239.

⁹ Там же. С. 239.

¹⁰ Там же. С. 211.

¹¹ Там же. С. 211.

¹² Ализаде З. Азербайджано-армянские политические отношения в 1917–1918 годах // Кавказ & глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 2. С. 177.

¹³ Азербайджанская Демократическая Республика. Внешняя политика (Документы и материалы). Баку, 1998. С. 515.

¹⁴ Там же. С. 380.

¹⁵ Там же. С. 380.

¹⁶ Там же. С. 393.

¹⁷ Там же. С. 395.

В рамках конференции состоялось пять заседаний, каждое из которых представляло собой широкую дискуссию; цели и интересы участников конференции не всегда совпадали. Несмотря на длительные прения, двусторонний конфликт не получил окончательного решения: в то время как азербайджанское правительство настаивало на определении постоянных границ и окончательном решении территориальных вопросов, армянское правительство выдвигало идею о временной демаркационной линии¹⁸. В итоге конференция пришла к заключению, что для урегулирования споров требуется больше времени и необходимой информации.

Однако политические события апреля 1920 года не позволили довести до конца работу по прекращению конфликта. Конфликт между Азербайджаном и Арменией продолжается и в настоящее время, но уже не столь в агрессивной форме. В 2018 году в политических кругах Азербайджана прозвучала идея возвращения Еревана под свой контроль как исторической территории, принадлежащей азербайджанскому народу¹⁹.

¹⁸ Там же. С. 403.

¹⁹ Музалевский Д. «Нацизм и расизм»: президент Азербайджана поставил цель захватить столицу Армении. URL: <http://www.mk.ru/politics/2018/02/09/nacizm-i-rasizm-prezident-azerbaydzhana-postavil-cel-zakhvatit-stolicu-armenii.html> (дата обращения: 28.01.2019).

СОЗДАНИЕ И ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЛАГЕРНЫХ СУДОВ В 1944–1954 гг.: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Димитриева Анастасия Юрьевна

(Российский государственный гуманитарный университет)

На недолгий период времени в советской судебной системе появился неоднозначный феномен. Речь идет о специальных лагерных судах, которые существовали на территории СССР в период 1945–1954 годов.

Тема лагерных судов затрагивалась в отечественной историографии исключительно фрагментарно. Одним из исследователей, уделивших внимание лагерной юстиции, является Г.М. Иванова. В своей монографии «История ГУЛАГа: 1918–1958»¹, она сделала попытку кратко разобрать систему лагерных судов и найти причины их создания. Так же имеется небольшое исследование² в рамках юридической науки, где специальные лагерные суды рассматриваются в качестве части судебной системы СССР, и разбирается эффективность их деятельности.

Одной из главных задач лагерных судов являлось рассмотрение дел в отношении нарушителей режима на территориях исправительно-трудовых лагерей, колоний и спецпоселений. Подсудность лагерей была огромная. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 30.12.1944 г. «Об организации специальных лагерных судов», под юрисдикцию судов попадали все заключенные, отбывающие наказание в системе ГУЛАГ, спецпоселенцы, все вольнонаемные рабочие ИТЛ и ИТК, а также весь младший воинский состав военизированной охраны НКВД. В разные годы количество подсудных людей лагерным судам составляло 4–5 млн человек.

Актуальность изучения данной темы обуславливается низкой степенью ее изученности, обширной и доступной источниковой базой, а так же тем, что в перспективе эта тема поможет дальнейшим исследованиям в области изучения сталинских лагерей и судебной системы СССР. Детальные знания о системе лагерных судов помогут создать более подробную картину советской репрессивной системы и дадут ход дальнейшим шагам в изучении лагерного вопроса. Так же, учитывая

¹ *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.

² *Шкаревский Д.Н.* Специальные лагерные суды в СССР // Lex Russica. 2017. № 4. С. 209–213.

междисциплинарную направленность проблемы лагерных судов, можно предположить, что изучение данного вопроса окажет влияние на изучение истории российской юриспруденции.

Основной пласт источников находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде Министерства юстиции СССР. Управлению специальных лагерных судов относятся две описи, содержащие 894 дел. Большую часть документов составляют отчеты лагерных судов. Все документы доступны для изучения.

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ХРИСТИАНЕ» В ГДР: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ ХРИСТИАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В 1950-е гг.

*Добровольский Евгений Сергеевич, к.и.н.
(Череповецкий государственный университет / Средняя
общеобразовательная школа №30 г. Череповца)*

В условиях «холодной войны», начавшейся после окончания Второй мировой войны, Германия стала не только ареной политического и социально-экономического диалога, но и идеологического. В расколотой стране были представлены многие идейные течения, выразителями которых были политические партии. На Западе и Востоке были представлены консервативные, либеральные, коммунистические и социал-демократические идеологии. Но такая однородность была характерна только до 1949 г. В ФРГ была запрещена коммунистическая партия, в ГДР «буржуазные» партии сначала ущемлялись в своих действиях, позднее искусственно становились «карманными» партиями Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Наглядным примером такой трансформации идеологических постулатов на Востоке в угоду государственным интересам стал Христианско-демократический союз (ХДС).

С 1950 г. партия буквально менялась на глазах: была предана забвению прежняя программа «Христианского социализма»; ведущую роль в союзе стал играть генеральный секретарь, а не председатель партии; демократические структуры партии были заменены на устанавливаемый СССР демократический централизм. Немецкий историк Ральф Ян справедливо отмечал, что «подчиненная СЕПГ организация, которая продолжала называться ХДС, больше не имела ничего общего с постулатами христианской демократии»¹.

Но трансформация была поэтапная. Стремительный переход к марксизму-ленинизму был невозможен. Рядовых христианских демократов еще следовало подготовить к новой партийной идеологии ХДС ГДР. В 1951 г. такой идеологией стал «христианский реализм» – искусственная программа переходного периода для дальнейшего встраивания ХДС в общественно-политическую жизнь ГДР. 19–21 октября 1951 г. в саксонском Майсене были одобрены «22 тезиса христианского реализма». Эта программа предполагала пропаганду марксизма-ленинизма в ХДС, которая должна была увязываться с «христианской лексикой»,

¹ *Jahn R.G.* Christlich-demokratische Union Deutschland (CDU) [Ost]. URL: <http://www.adel-genealogie.de/CDU-Ost.html> (дата обращения: 15.02.2019).

но не для того, чтобы критиковать марксизм, а, наоборот, для укрепления марксистской идеологии внутри партии. Предлагая новое название – «социалистические христиане», руководство ХДС призывало к тесному сотрудничеству христианских демократов с коммунистами. Так, например, в 18 и 19 тезисах марксизм-ленинизм признавался в качестве государственной идеологии, которую должен признать и союз, будучи партией Народной палаты ГДР. При этом отмечался успешный советский опыт решения социально-экономических проблем, что стало возможным благодаря марксизму².

Немецкий историк Михаэль Рихтер, рассматривая содержание «тезисов», указывал на их «призывной» и «лозунговый» характер. Формулировка тезисов, по его мнению, была довольнона эклектичной. Изобилие смеси сложных философских, религиозных, исторических, политических фактов и высказываний говорило об искусственности новой партийной программы. «Христианский реализм» – это суммарный опыт прогрессивных христиан всех времен и народов, а современный реалист должен принять как единственно верные основные положения марксизма, так как коммунистическое движение существует и в интересах христиан³. «Христианский реализм» есть сталинизм в христианском макияже⁴ – так отреагировала западногерманская пресса на появление майсенских тезисов.

В «22 тезисах христианского реализма» ХДС признавал свою ответственность за «социалистическое обновление общества», а уже в 1952 г. сам призывал к «социалистическому обществу». Пропагандистскую цель программа выполняла успешно. Обычные рядовые члены союза – верующие католики и протестанты невольно соглашались с тем, что «социализм дает христианам сегодня лучшую возможность для исполнения требований Христа и практического христианства»⁵.

В 1952 г. уже идеологически подготовленные христианские демократы были готовы к партийной работе по строительству социалистического общества вместе с СЕПГ. «Христианский реализм», достигнув своих целей, был больше не нужен. На VI съезде ХДС ГДР, проходившем в октябре 1952 г., в качестве партийной идеологии был взят марксизм-ленинизм. На съезде председатель союза Отто Нушке отметил: «Для каждого христианина нашего народа построение социализма имеет решающее значение, что будет непременно доказано в рядах ХДС»⁶. Генеральный секретарь ХДС Геральд Геттинг так отозвался о новом векторе развития союза: «Настоящие христиане – это сторонники мира. Из этого заключается, что они должны стоять в лагере мира вместе с СССР, также как Христос

² Christlicher Realismus. Hauptreferate und Thesen der Arbeitstagung der CDU in Meissen vom 19. bis 21. Oktober 1951 Berlin, 1951. S. 89–91.

³ Richter M. Die Ost-CDU 1948–1952. Zwischen Widerstand und Gleichschaltung. Düsseldorf, 1991. S. 320.

⁴ Ibid. S. 321.

⁵ Jahn R.G. Op. cit.

⁶ Otto Nuschke. Mensch. Politiker. Journalist. Berlin, 1953. S. 173.

был в лагере прогресса»⁷. Из всех этих слов ясно, что, оставаясь христианским, союз больше не являлся «буржуазной» партией – таким был облик обновленной партии. Обязательным условием членства в ХДС было признание кандидатом ключевой роли СЕПГ в общественно-политической и социально-экономической жизни страны. В союз теперь вступали лишь те, кто не хотел порывать с религией и был глубоко религиозным человеком.

Роль ХДС в общественном развитии ГДР была специфична. Христианские демократы были нужны в качестве духовно-политических наставников для верующих. Их главной целью было объяснить рядовым членам союза, что христианство и социализм могут и должны мирно сосуществовать. Разумеется, функционеры ХДС встречали сопротивление со стороны христианских церквей государства, прежде всего за активную разработку совместных действий христиан и марксистов.

Сложности возникали в определении места церкви в социализме. Если официальная церковь полагала, что социализм служит делам церкви или хотя бы не вмешивается в их дела, то партийные функционеры союза взяли на вооружение постулат: «церковь для социализма». И католическая, и протестантская церковь ГДР признали ХДС, но они не воспринимали партию как представляющую интересы Церкви и всех христиан.

«Социалистические христиане» оказались в сложной ситуации. С политической точки зрения они явно не воспринимались всерьез СЕПГ и выполняли второстепенные функции в государстве, так еще и Церковь не доверяла оппортунистской линии партии. По мнению Ральфа Яна, роль ХДС в делах церкви – это политическая акция СЕПГ. Союз был посредником между выстроенным социалистами государством и христианской церковью. Такое отношение СЕПГ к ХДС говорит о том, что социалисты настороженно относились к «социалистическим христианам», до конца считая союз «мнимой партией рабочего класса»⁸. Сохранялась вероятность контактов ХДС ГДР с ХДС ФРГ. Такое отношение оставалось вплоть до 1989 г.

Таким образом, ХДС стал «карманной партией» СЕПГ, приняв многие постулаты социализма. Именно для этого была принята новая программа партии, уже название которой было созвучно государственной идеологии ГДР (социалистический реализм – христианский реализм). «22 тезиса христианского реализма» можно расценивать как документ политической унификации и как образец искусственного приспособленчества в политических целях. Идеологическая трансформация ХДС прошла сравнительно быстро. Партия потеряла многих своих членов. Кто-то предпочел вести аполитичный образ жизни, кто-то покинул ГДР и уехал на запад. За два года с 1950 г. по 1952 г. ХДС численно сократился на 41 тысячу человек. Оставшиеся в союзе «социалистические христиане» считали ошибочным утверждение, что христианство и коммунизм – это как огонь и вода.

⁷ *Jahn R.G.* Op. cit.

⁸ *Ibid.*

БЕЛОРУССКИЕ НАЦИОНАЛ-КОММУНИСТЫ: К ВОПРОСУ ОБ ИХ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ

Елисеев Алексей Борисович, к.и.н.

*(Минский филиал Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова)*

Понятие «национал-коммунизм» применительно к истории белорусского национального движения 1917–1918 гг., возникновения и эволюции белорусской советской государственности в форме Социалистической Советской Республики Беларуси (ССРБ), а затем Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР), не часто используется в белорусской историографии. Специальным вниманием данный феномен практически полностью обойден. Первая попытка подробно рассмотреть его в контексте истории Беларуси принадлежит белорусскому историку-эмигранту А. Адамовичу (псевдоним Н. Недосек), статья которого «Коммунизм и “белорусский национализм”. (Исторический обзор начала отношений)» была опубликована еще в 1962 г.¹ В следующий раз обращение к проблематике белорусского национал-коммунизма мы встречаем только в 2005 г., когда на круглом столе «Проблемы белорусского национально-культурного Возрождения 19–20 вв.» историк З. Шибeko выступил с сообщением на тему «Белорусский национал-коммунизм, или “Неправильный” взгляд на историю Советской Беларуси»². Время от времени в историографическом дискурсе встречаются упоминания о «белорусских национал-коммунистах», как правило, без дополнительных пояснений, кого ими считать и какова их историческая роль.

100-летие провозглашения БССР (2019 г.), к сожалению, ничего не изменило в этом вопросе, несмотря на ряд научных мероприятий (конференций, выставок, публикаций), приуроченных к юбилейной дате. Если посмотреть на проблему провозглашения БССР с историографической точки зрения, мы обнаружим, что последние действительно горячие дискуссии по ней завершились еще в 1929–1930 гг., когда попытка одного из лидеров белорусских национал-коммунистов и первого председателя Временного рабоче-крестьянского белорусского советского правитель-

¹ *Недасек Н.* Камунізм і «беларускі нацыяналізм». (Гістарычны агляд пачатку дачыненняў) // Запісы Беларускага Інстытута Навукі й Мастацтва. Мюнхен, 1962. Кніга I. С. 138–177.

² *Шыбека З.* Беларускі нацыянал-камунізм, або «Неправільны» погляд на гісторыю Савецкай Беларусі // Гістарычны альманах. 2006. Т. 12. С. 137–141.

ства Д. Жилуновича доказать, что не только большевики Западной области и фронта создали БССР, была квалифицирована как «тенденциозная путаница» и «историческое обоснование национал-демократизма», а сам Жилунович был объявлен идеологом и вождем национал-демократов.

С этого времени и вплоть до начала 1990-х гг. в историографии утвердился подход, согласно которому создание БССР рассматривалось как закономерный результат ленинской национальной политики, которая в Беларуси проводилась большевиками Западного фронта и Северо-Западного комитета РКП(б). Некоторое время (в 1930-х – начале 1950-х гг.) национальная политика называлась «ленинско-сталинской», а сам И. Сталин выдвигался на первый план как «создатель» БССР, что, кстати, в высокой степени соответствует действительности. Однако в середине 1950-х гг. Сталин был вычеркнут из истории БССР.

В историографии независимой Беларуси (после 1991 г.) на волне десоветизации и антикоммунизма создание БССР стало преподноситься как «тактический маневр московских властей». Этот односторонний вывод, который соответствует духу времени, но находится в существенной противоположности с исторической правдой, попал даже в статью про БССР в «Энциклопедии истории Беларуси» (1993). В последующее время постепенно, но неуклонно, в вопросе о создании БССР происходил откат к советскому дискурсу.

Историками неоднократно подчеркивалось, что 1917 г. дал возможность реализоваться нескольким или даже многим альтернативам. От революций 1917 г. – Февральской и Октябрьской – лидеры белорусского национального движения ждали возможность реализовать идею национального освобождения и возрождения, которая в самом лапидарном виде формулировалась ими как идея «свободной Беларуси». Но обе революции, особенно Октябрьская, были наполнены, прежде всего, глубоким социальным содержанием. Не сразу, но с течением времени для части белорусского национального движения стало ясно, что «общенациональной консолидацией» эту идею реализовать невозможно. Чтобы иметь успех в достижении мечты о национальном возрождении, нужно было опереться на силу, которая ставила социальное освобождение в качестве первоочередного, а далее не отрицала и остального, в том числе и национального освобождения. Этот вывод требовал идти вместе с большевиками, имевшими четкую национальную программу. Так в белорусском национальном движении появилась альтернатива, которая в результате и привела к оформлению белорусской национальной государственности. Эта альтернатива воплотилась в реальность в высокой степени благодаря энергичности тех, кому так не повезло в белорусской историографии – белорусским национал-коммунистам, направившим свои усилия на создание Белорусской Советской Республики³.

³ Елисеев А.Б. «Белорусские коммунисты» в 1917–1918 гг. и их роль в становлении государственности Беларуси // 1917 год у гістарычных лесах Беларусі:

В историографии государственности Беларуси XX в. роль белорусских коммунистов отодвинута даже не на второй, а на третий план. Национально ориентированные историки на первое место выдвигают деятелей Белорусской Народной Республики (БНР), их оппоненты – лидеры партии большевиков. Для обеих сторон белорусские коммунисты «не свои», а потому мало интересны как объект изучения. Однако это только добавляет решимости поставить, наконец, белорусских национал-коммунистов на надлежащее место в истории Беларуси: именно они своей деятельностью, в том числе от имени правительственных структур, в которых работали (Белорусский национальный комиссариат в составе Народного комиссариата по делам национальностей), и партийных (белорусские секции РКП(б)), сломали сопротивление противников белорусской государственности и смогли добиться реализации этой идеи на практике в форме БССР.

Белорусские национал-коммунисты первыми попробовали совместить идею национального белорусского возрождения с революционным коммунизмом: национальное самоопределение представлялось им возможным через установление диктатуры пролетариата внутри конкретной нации, что должно было привести не только к мирному сосуществованию разных наций между собой, но и к достижению пролетариатом разных наций общих социалистических и коммунистических идеалов. Отмеченная особенность вошла в мировоззрение Д. Жилуновича, И. Адамовича, А. Бурбиса, И. Дыло, В. Игнатовского, И. Кореневского, И. Лагуна, М. Мороза, И. Петровича, В. Фальского, И. Цвикевича, Ф. Турука, А. Червякова, Д. Чернушевича, А. Балицкого, М. Чарота и многих других белорусских национал-коммунистов.

Отношение к ним в историографии двойственное. С одной стороны, на них смотрят как на исполнителей партийных решений, принятых в Москве, так как они сами, вступив в партию большевиков, признали на собой руководящую роль ЦК РКП(б) – ВКП(б). С другой стороны, все они – создатели и строители Советской Беларуси, ее экономики, культурных и научных учреждений, защитники территориальной целостности республики. Единомышленники, это они вывели Беларусь и белорусов на путь настоящего национально-государственного развития.

Большинство из них вышли из дореволюционного белорусского национально-социалистического движения, конкретно, из Белорусской Социалистической Громады. Они не начинали свой общественно-политический путь коммунистами, но их присоединение к партии большевиков не было случайным. Оно было основано на убеждении, что политика РКП(б) – ВКП(б) совпадает с интересами белорусского народа, с необходимостью его национального, экономического и культурного возрождения.

Однако конкретные мотивы, которыми руководствовались белорусские национал-коммунисты, с одной стороны, и руководство РКП(б) – ВКП(б) – с другой, могли не совпадать, примером чего является разное обоснование создания БССР, проведения политики белоруссизации и т. д. Взаимоотношения белорусских коммунистов и центральных партийных органов до конца 1920-х гг. выстраивалось на компромиссах, которые удовлетворяли обе стороны. Однако в конце 1920-х гг. ВКП(б) отказалась от прежней политики. Развернувшаяся борьба с так называемым национал-демократизмом покончила с феноменом белорусского национал-коммунизма уже к середине 1930-х гг.

IV КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА О НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ В АЗИИ

*Емельянова Елена Николаевна, к.и.н.
(Государственный социально-гуманитарный университет)*

IV конгресс Коммунистического Интернационала проходил в Москве с 5 ноября по 5 декабря 1922 г. в период, когда завершалось становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Это время характеризовалось стабилизацией политических отношений между великими державами и Советской Россией и заинтересованностью обеих сторон в сотрудничестве. Все это отразилось на решениях конгресса и сопровождалось переходом от тактики «наступления» в Европе к «обороне».

Изменилась ли позиция Коминтерна на Востоке и каково было его отношение к национально-освободительным движениям в этом регионе? Положение в Азии оставалось не менее противоречивым, чем в Европе¹. Здесь усилилось противостояние Англии и Советской России, проявившееся в том, что под нажимом Великобритании Советское государство не было допущено на Лозаннской конференции к решению восточных проблем. С другой стороны, конференция урегулировала вопрос о границах на Ближнем Востоке, и, следовательно, продвижение революции в этом регионе должно было быть приостановлено. Поэтому в Передней и Центральной Азии Коминтерн теперь делал ставку на поддержку национальной буржуазии и движение панисламизма, выступавших против господства Англии в этом регионе².

Заявление лидера индийских коммунистов М. Роя о контрреволюционности индийской буржуазии, а также его предложение о ставке на индийскую коммунистическую организацию не были поддержаны конгрессом, что свидетельствует о том, что ведение революционной войны в этом районе Коминтерн в ближайшее время не планировал.

Революционное нетерпение проявляли также коммунисты стран Дальнего Востока. И на то были определенные причины. Япония выводила свои войска с Дальнего Востока под дипломатическим давлением

¹ *Емельянова Е.Н.* Борьба большевистского руководства за геополитическое влияние в Центральной и Восточной Европе // В мире научных открытий. 2015. № 3–7 (63). С. 3171–3181.

² *Емельянова Е.Н.* Национально-освободительное движение в Индии и политика Советской России в Азии // В мире научных открытий. 2015. № 11.7 (71). С. 2434–2439.

США, но не собиралась пока освобождать русский северный Сахалин. В результате Вашингтонской конференции Япония лишилась союзника – Англии, которая вынуждена была отказаться от своего соглашения с японским правительством. Таким образом, в борьбе за преобладающее влияние на Тихом океане Япония оставалась один на один с экономически более сильным противником – США. В этой ситуации она вынуждена была налаживать отношения с Советской Россией.

С другой стороны, интересы России и Японии сталкивались в Китае. Российское влияние росло в этой стране, русские войска находились в Монголии. Спорным оставался вопрос о Маньчжурии, по которой проходила КВЖД, в то время контролируемая белогвардейцами под покровительством японских властей. Конечно, Россия была заинтересована в разрешении этого вопроса. И весьма вероятным мог оказаться военный поход Красной армии в этот регион. Таким образом, на Дальнем Востоке еще сохранялась возможность революционной войны, на что так надеялись азиатские коммунисты.

С сообщением о положении в Китае выступил китайский коммунист Лю Чен-Чин. Из его выступления следовало, что в Китае существовало три национальных правительства. На севере – ориентированное на Японию правительство Чжан Цзолия; в центральном районе – официальное правительство У Пейфу, пользующееся поддержкой США и Англии; и на юге – правительство Сунь Ятсена, надеющееся на помощь России. Все три правительства стремились к сотрудничеству с китайскими коммунистами. Таким образом, благодаря поддержке России, коммунистическая партия Китая и на севере, и на юге занимала значительные политические позиции.

Принятые на IV конгрессе тезисы «Задачи Китайской коммунистической партии» носили левый характер. Они ставили перед китайской партией задачу осуществления демократической революции и национального объединения страны. При этом коммунистическая партия должна была входить в контакт с буржуазно-демократическими силами Китая, заключать с ними союз, но не растворяться в их структуре.

В резолюции не было требования подчинения КПК Гоминьдану Сунь Ятсена или какой-либо иной демократической организации. Напротив, в ней говорилось: «Коммунистическая партия Китая не должна подчиняться ни одному из этих центров, создающихся китайской буржуазией, даже если руководители этих центров имеют полудемократический или даже народнический характер»³. КПК сама должна была стать руководящей силой национального объединения. В союзе с буржуазной демократией и интеллигенцией она обязана была стремиться к созданию единой Китайской народной республики и установлению политического союза с Советской Россией.

Что касается Кореи, то этот вопрос обсуждался в комиссии. Была принята секретная резолюция, из которой следовало, что в Корее

³ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы: в 5 т. М., 1994–2007. Т. 1. С. 150.

Коминтерн и Советское правительство не могут опираться на правительственные круги, ориентирующиеся после мартовского 1919 г. восстания на Японию. Здесь также, как и в Китае, ставка была сделана на коммунистическое движение. С этой целью было принято решение об усилении коммунистических организаций в Корее путем слияния двух корейских коммунистических организаций в Иркутске и Шанхае, и создание на этой основе единой коммунистической организации Кореи⁴, подчиняющейся корейскому бюро, связанному с ИККИ. Из такой постановки вопроса следовало, что гражданские и революционные войны можно было ждать и в Корее, и Китае в самом ближайшем будущем.

В Японии существовала революционная ситуация, обострилась борьба за власть между буржуазией и дворянством. Индийские и японские коммунисты ожидали революционной войны и поддержки Красной армией революционных восстаний в этих странах⁵.

Но война с Японией, как и с Англией в Индии, не входила в планы советского правительства. К. Радек в своем выступлении попытался охладить разгоряченные головы восточных революционеров. Он утверждал, что Япония и Индия стоят перед перспективой не социалистической, а буржуазно-демократической революции, которая, добавим мы, могла бы осуществиться без военного вмешательства Советской России и привести к власти силы, во внешней политике ориентированные на советское государство⁶.

Поэтому в целом резолюции на IV конгрессе по восточному вопросу были более умеренными, по сравнению со II конгрессом. Но в то же время нельзя было не учитывать настроение коммунистов азиатских стран. И руководство Коминтерна пошло на компромисс. В резолюции говорилось о возможности обострения ситуации в Тихоокеанском регионе вследствие противоречий между Японией, Америкой и Англией и неизбежности в будущем новой мировой войны, которая может начаться на Востоке⁷.

Программой максимум по-прежнему оставалось установление Советской власти в восточных странах, союз с европейскими социалистическими республиками и создание международной Федерации Советских республик. «Союз с пролетариатом Запада, – говорилось в резолюции, – прокладывает путь к международной федерации Советских республик... Только советская форма правления в состоянии обеспечить последовательное завершение аграрно-крестьянской революции»⁸.

⁴ РГАСПИ. Ф. 491. Оп. 1. Д. 238а. Л. 1–6.

⁵ Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. № 19. М., 1922. С. 27–28.

⁶ Там же. № 20. С. 17.

⁷ Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 323.

⁸ Коммунистический Интернационал в документах... С. 321.

Но на нынешнем этапе, при сложившейся международной обстановке антиимпериалистическая борьба с опорой на внутренние резервы без помощи извне, встает на первое место. А это значит, что коммунистическому движению необходимо пойти на союз с буржуазно-демократическими партиями и, соответственно, переориентироваться первоначально на буржуазно-демократическую революцию, не забывая при этом одновременно готовиться ко второму этапу – установлению советской республики⁹.

Лозунг единого антиимпериалистического фронта становился главным лозунгом дня. Задача подготовки к новым гражданским и революционным войнам откладывалась на будущее, до нового революционного взрыва в Европе. Но существовала и обратная связь: активизация выступлений в колониях могла стать существенным средством давления на позиции западноевропейских правительств, что неоднократно использовалось большевиками в своей внешней политике¹⁰.

Таким образом, это должен был быть период более или менее длительного мирного сосуществования, подготовки к новой мировой войне, которая, по мнению коммунистов, стала бы неизбежным следствием противоречий Версальской системы и привела бы к концу самого империализма.

⁹ Коммунистический Интернационал в документах... С. 321–322.

¹⁰ Там же.

«СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИЙ» П.А. СОРОКИНА: ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПЕРВОЙ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИЙ

*Еремин Владислав Витальевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

На исторической сцене «Революция» шла и идет довольно часто. При этом каждая постановка не похожа на другую... И, тем не менее... при всем различии декораций и актеров разыгрывается одна и та же пьеса, что и дает основание называть разные ее постановки одним и тем же названием «Революция»¹.

П.А. Сорокин

За каждой работой необходимо видеть человека, который ее написал. Поэтому прежде чем переходить к рассмотрению «Социологии революций», необходимо дать ответы на два вопроса: 1) Что заставило П.А. Сорокина обратиться к исследованию революций? 2) Какие факторы повлияли на его точку зрения? В 1906 году в возрасте 17 лет П.А. Сорокин вступил в партию социалистов-революционеров. Сам ученый так рассказывает о периоде своей юности: «За два года учебы... политическая индифферентность уступила революционному порыву... Став ревностным социалистом-революционером, я принялся распространять революционные идеи среди студентов, рабочих и крестьян близлежащих деревень»². За революционную агитацию П.А. Сорокин был арестован, исключен из школы и четыре месяца провел в тюрьме. Революционные идеи не покидали П.А. Сорокина, и к 1917 году он стал одним из видных представителей партии социалистов-революционеров. Но когда революция началась, постепенно пришло разочарование ею. 28 февраля на второй день революции в комнату Парламента, где находился П.А. Сорокин, вбежал офицер и проговорил: «Солдаты и матросы убивают всех офицеров Балтийского флота». П.А. Сорокин вспоминает: «Во мне все похолодело... Никакой радости (о революции) в душе не было...»³ Уже через месяц после февраля П.А. Сорокин писал: «Улицы загажены бумагой, грязью, экскрементами и шелухой семечек подсолнечника... Разбитые пулями

¹ *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2005. С. 28.

² *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. С. 36.

³ Там же. С. 81.

окна многих домов заклеены бумагой. По обеим сторонам улицы солдаты и проститутки вызывающе занимаются непотребством...»⁴ При всем отвращении к последствиям революции, П.А. Сорокин пытался сделать все возможное для страны и принял предложение стать секретарем Керенского во Временном правительстве. 2 января 1918 года член Учредительного собрания П.А. Сорокин был арестован и помещен в Петропавловскую крепость. Он вспоминает, как они лежали на полу в одной камере с эсером Аргуновым, который сказал: «Предполагал ли кто из нас, готовивших и приветствовавших революцию, что его когда-нибудь арестует революционное правительство?»⁵

Выйдя из крепости, П.А. Сорокин продолжил сражаться против большевиков. В бегах под Великим Устюгом, он окончательно разочаровался революцией: «...я избавился от многих иллюзий и красивых мечтаний, в реальность которых когда-то верил». Позже, находясь в ЧК в Устюге, П.А. Сорокин видел людей, которых десятками выводят на расстрел. Ему самому была обещана смертная казнь, и спасло П.А. Сорокина от нее только «признание грехов» и отход от политики. Осенью 1918 года на Архангельском фронте расстрелян коммунистами старший брат П.А. Сорокина Василий, который провел при царском режиме 10 каторжных лет и боролся за революцию, которая его и поглотила. Младший брат П.А. Сорокина Прокопий был также арестован и умер в коммунистической тюрьме под Великим Устюгом (в той самой, где сидел и сам П.А. Сорокин)⁶. Вернувшись в Петроград, П.А. Сорокин столкнулся с труднейшими условиями для жизни: «...настоящие пещерные люди имели больше удобств, чем было у девяноста пяти процентов населения Петрограда в 1919 году»⁷. Здесь П.А. Сорокин работал в Психоневрологическом институте и Институте Мозга с такими учеными, как В.М. Бехтерев и И.П. Павлов, занимавшимися исследованиями рефлексов. Интересно, что П.А. Сорокин принимал участие в опытах с собаками Павлова. Именно коллективная рефлексология и бихевиоризм стали основой теории революций П.А. Сорокина.

В 1921 году П.А. Сорокин работал над исследованием о голоде и для сбора эмпирической информации приезжал в Самарскую губернию. Там он увидел заполненные трупами амбары, которые воровали крестьяне для того, чтобы не умереть с голоду. Ворovali даже с кладбищ. П.А. Сорокину поведали случай, как мать убила ребенка, отрезала ноги и сварила. П.А. Сорокин вспоминает: «За эти двадцать дней, проведенных в районах бедствия, я получил не так уж много научных знаний, но память об услышанном и увиденном там сделала меня совершенно бесстрашным в борьбе с революцией и чудовищами, губившими Россию»⁸. Завершить

⁴ *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография. С. 85.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Там же. С. 22–23.

⁷ Там же. С. 129.

⁸ Там же. С. 139–140.

анализ биографии хочется следующими словами П.А. Сорокина: «Революция же 1917 года разбила вдребезги мои взгляды на мир...»⁹ Добавим к этому следующее – не только на мир, но и на саму революцию.

Переходя к анализу «Социологии революций», следует заметить, что П.А. Сорокин несмотря на критику существующих определений революции за их формализм или пристрастие в оценках, не дает собственного понятия. Ученый отмечает, что поступит как естествоиспытатели – будет изучать и сравнивать революции разных времен, а не злоупотреблять словесными формулировками. Такой подход стал чреват для П.А. Сорокина тем, что в одном ряду оказались «революции средневековья», «античные революции», «Египетская», Великая Французская и Русская революции, что вызывает нарекания. При этом П.А. Сорокин делает важное замечание – революции всегда должны происходить внутри одного общества, поэтому, например, Американская революция XVIII века таковой не является, а представляет войну одного общества с другим. С этим выводом П.А. Сорокина автор солидарен, ведь если приравнять войны за независимость к революциям, то тогда получается, что в XX веке революции охватили почти весь колониальный мир. Говоря о причинах революций, П.А. Сорокин отмечает, что необходимо отталкиваться от «причин, которые вызывают революционную деформацию поведения индивидов»¹⁰. Иными словами, фокус рассмотрения – на факторах, вызвавших революционное поведение, а не на факторах, ослабивших режим.

В качестве основной причины революций П.А. Сорокин выделяет «ущемление главных инстинктов у значительной части общества... чем бы и кем бы такой рост “ущемления” ни вызывался»¹¹. П.А. Сорокин говорит об ущемлении безусловных рефлексов, т. е. тех, которые заложены в человеке с рождения. В качестве репрессируемых рефлексов ученый выделяет такие, как потребность в питании, инстинкт самосохранения (индивидуального и группового), потребность в жилище, одежде и тепле, инстинкты собственности, самовыражения и «свободы», половые рефлексы. В качестве примеров ущемления приводит массовый голод, войны, бедность, политические репрессии и т. д.¹²

Революции по П.А. Сорокину, происходят, во-первых, когда подавляются сразу несколько инстинктов, во-вторых, когда группа людей, у которых подавляются рефлексы, составляет значительную часть или большинство, и, в-третьих, когда наблюдается «бессилие групп порядка уравновесить возросшее давление ущемленных инстинктов»¹³. При этом П.А. Сорокин делает важную оговорку – ущемление понятие «относительное». Бедность человека измеряется не только тем, сколько

⁹ Там же. С. 150.

¹⁰ *Сорокин П.А.* Социология революции. С. 320.

¹¹ Там же. С. 320.

¹² Там же. С. 321–322.

¹³ Там же. С. 323.

он имеет, а тем, что он имеет в сравнении с тем, что имел раньше и тем, что имеют другие. Он пишет: «Сегодняшний полумиллионер, вчера обладавший несколькими миллионами, чувствует себя обедневшим и даже бедным по сравнению с прежним своим положением и по сравнению с миллиардерами»¹⁴. Сам революционный процесс П.А. Сорокин делит на две фазы – первичную и контрреволюционную.

Если первая сопровождается всеобщим воодушевлением по поводу смены власти, то вторая представляет собой реакцию нового революционного правительства в целях установления порядка¹⁵. Итогом революции, по П.А. Сорокину, является то, что «общество в целом оказывается ограбленным в своей свободе»¹⁶. Причем установление более деспотического режима, чем дореволюционный, – это еще не худший вариант из возможных, в другом случае происходит распад государства и его гибель. Говоря о последствиях революции, П.А. Сорокин отмечает не только установление диктатуры, но и совокупность иных итогов. П.А. Сорокин относится к революции, как методу социальных изменений, крайне негативно (биографические причины этому озвучены выше): «С чисто практической точки зрения революционный метод лечения общественных зол так дорог, что “завоевания революции” ни в коем случае не оправдывают “расходов”»¹⁷.

При этом П.А. Сорокин отвечает и тем, кто выступает за применение «неглубоких революций» с малыми жертвами для того, чтобы свергнуть несправедливую власть. Как пишет ученый, революции «похожи на “болезни атипические”, ход и развитие которых врач не в состоянии предсказать»¹⁸, поэтому выступает против любых революций в силу их непредсказуемых последствий. Альтернативным механизмом социальных изменений ученый считает путь реформ, отмечая при этом, что «даже худой порядок лучше беспорядка...»¹⁹. Среди негативных последствий революций П.А. Сорокин выделяет голод, нужду и огромное число преступлений: «Во время революций все дорого, кроме человеческой жизни»²⁰. Кроме того, революция представляет собой селекцию «шиворот-навыворот» – она убивает лучшие элементы в обществе и возвышает худшие, повышает смертность и понижает рождаемость.

П. Штомпка относит теорию П.А. Сорокина в разряд бихевиористских, которые ключевой акцент делают на объяснение причин револю-

¹⁴ Сорокин П.А. Социология революции. С. 322.

¹⁵ Там же. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 154.

¹⁷ Там же. С. 34.

¹⁸ Там же. С. 35.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 147.

ций через деформацию поведения человека²¹. Один из наиболее известных исследователей психологического направления Т. Гарр также отдает должное идеям П. Сорокина и во многом развивает его мысль об относительной «репрессии» инстинктов, создавая теорию относительной депривации²². Однако теорию П. Сорокина нельзя назвать сугубо психологической или бихевиористской. Важную роль ученый отводил слабости самого режима и его невозможности дать отпор революционерам (хотя первенство отдавалось именно деформации поведения и ущемлению безусловных рефлексов), – этот фактор позже стал ключевой чертой структурного направления исследования революций. Уже в 1963 году в мемуарах П.А. Сорокин пишет: «Падение режима – обычно это результат не столько усилий революционеров, сколько одряхления, бессилия и неспособности к созидательной работе самого режима»²³. Это высказывание похоже на главную мысль Т. Скочпол, чья работа «Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая»²⁴, является наиболее влиятельным исследованием в области теории революций²⁵. В заключение приведем интересный тезис П.А. Сорокина, который не звучал ранее, но оказал существенное влияние на развитие теории революций. Тезис декларирует то, что «городское население, как правило более революционно, чем деревенское». Ученый связывает это со сложившимся в течение 1000-летий порядком в деревне, который менее ущемляет инстинкты людей²⁶. Позже, несколько иную оптику рассмотрения данного вопроса предложил С. Хантингтон. Он выдвинул две революционных модели – так называемые, западную и восточную, и если на Западе революция распространяется из центра в периферию, т. е. из города в деревни, то на Востоке революции начинаются с периферии, революционные движения набирают силу и захватывают центр²⁷.

Безусловно, теория революций П.А. Сорокина не является достаточно проработанной, и на порядок уступает современным теориям в возможности объяснения революционных процессов, однако важно не это. Ценность данной работы в том, что она положила начало новому направлению в социологической науке – социологии революций, и как было показано выше, вопросы, поставленные П.А. Сорокиным,

²¹ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 376.

²² *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005. 461 с.

²³ *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография. С. 37.

²⁴ *Скочпол Т.* Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М., 2017. 552 с.

²⁵ *Лахман Р.* Что такое историческая социология? М., 2016. С. 65.

²⁶ *Сорокин П.А.* Социология революции. С. 392–393.

²⁷ *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 271–272.

и предложенные ответы на них дали стимул последующим исследованиям. Завершить работу хотелось бы провокационными (если смотреть на них с позиции марксистов), но справедливыми словами польского социолога П. Штомпки: «Питиримом Сорокиным в 1925 году была предложена первая современная теория революций»²⁸.

²⁸ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 376.

КОНФЛИКТ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ РУБЕЖА 1990-х гг.: ПРИЧИНЫ НАЧАЛА И МЕСТО РОССИИ В ЕГО МЕДИАЦИИ

Ерицян Григор Артурович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Постепенно надвигающийся крах советской системы во второй половине 1980-х ознаменовался пробуждением противоречий и конфликтами между народами СССР. Первым острым конфликтом, который привел к наиболее масштабному политическому кризису внутри СССР, стал Карабахский. Крах единой советской идеологии и раскол единой советской элиты на республиканские окончательно разрушили ту тонкую грань, которая замораживала территориальные противоречия между армянами Нагорного Карабаха и азербайджанцами. Это привело к неразрешенному до сих пор Карабахскому конфликту, который время от времени становится горячей точкой в постсоветском пространстве.

Причины, которые привели к событиям 1988–1994 гг., существовали задолго до начала Карабахского конфликта. Нагорно-Карабахская автономная область была населена в большинстве своем коренным армянским населением (76,9 % в 1989 г.¹), но по причине укрепления советской власти в Северном Азербайджане и проводимой большевиками политики экспорта социалистической революции через Азербайджан в Турцию Кавказское бюро ЦК РКП(б) включили Нагорный Карабах в состав Азербайджанской ССР, а в дальнейшем преобразовало эту территорию в Автономную область Нагорного Карабаха и административные районы АзССР². Искусственное разделение этой территории должно было размыть границы Карабаха, смешать и ассимилировать этносы, враждовавшие долгое время, однако это сработало лишь отчасти (армяне сохраняли свое большинство в НКАО, несмотря на алиевскую политику стимулирования переселения азербайджанцев на Карабах). Межэтнический конфликт в Карабахе, замороженный советскими властями на десятилетия, активизировался с началом перестройки и демократизации. К числу главных причин вновь разразившегося конфликта можно отнести следующие.

¹ Национальный состав населения СССР по данным переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 120.

² Тигран Саркисян. Геополитическая роль России в Закавказье. М., 2005. С. 22–24, 62–63.

Политические просчеты большевиков, состоявшие в передаче Нагорного Карабаха в состав АзССР в надежде экспорта революции в Турцию и Ближний Восток;

– нерешительность Советского руководства в определении статуса Нагорного Карабаха, которая отражалась признанием президиума Совета Министров СССР в 23 ноября 1977 г. о предложении присоединении НКАО к Армянской ССР и отказом принятия этого предложения Политбюро ЦК КПСС. С началом перестройки началась новая борьба за изменение статуса НКАО. 20 февраля 1988 г. Совет народных депутатов НКАО призвало Верховные советы СССР, АзССР и Армянской ССР решить вопрос о передаче автономной области в состав Армянской ССР, однако в связи с нерешительностью советского руководства власти Азербайджанской ССР выбрали силовой метод решения проблемы;

– низкий уровень политической культуры народов Закавказья, заключавшийся в отсутствии опыта разрешения межгрупповых конфликтов несиловыми методами и использования демократических установок в совершенно недемократических акциях (интерпретация «свободы» в качестве вседозволенности), и заключавшийся в росте этнического национализма в советских республиках;

– разрушение единой идеологии, на основе которой советское общество держалось более 70 лет³.

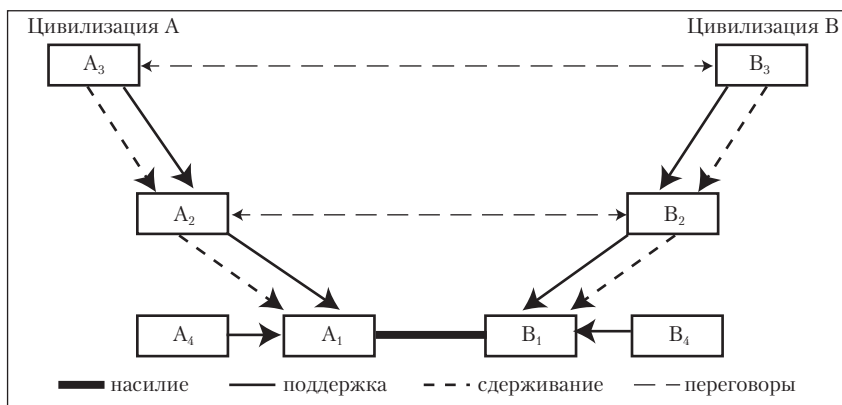

Рис. 1. Структура сложной войны вдоль линии разлома⁴.

Роль России как в Карабахской войне 1991–1994 гг., так и в Карабахском конфликте в целом была одной из определяющих. Для определения влияния России на регулирование Карабахского конфликта можно применить структуру сложной войны вдоль линии разлома, составленной

³ Тигран Саркисян. Геополитическая роль России в Закавказье. С. 22–24, 62–63.

⁴ Там же.

Самюэлем Хантингтоном в Столкновении цивилизаций⁵. Россия (стержневая православная цивилизация А3) являлась главным союзником для Армении, в то время как для Азербайджана таким союзником являлся исламский мир (Б3). Армения (А2) была стороной, которая опосредовано вовлекалась в войну, хоть и ее вооруженные силы участвовали в военных действиях. Азербайджан (Б1) и армяне Нагорного Карабаха (А1) находились в прямой конфронтации и были непосредственными участниками в этой войне.

Роль России состояла в том, что она, обладая серьезными геополитическими интересами в Армении и боясь потерять последние оставшиеся от Советского Союза рычаги своего влияния на Азербайджан, маневрировала и пыталась создать наиболее выгодный для себя баланс сил. Россия в период Карабахской войны стала главной посреднической стороной в урегулировании конфликта и предложила наиболее приемлемый для Азербайджана, Нагорно-Карабахской республики и Армении вариант перемирия. 5 мая 1994 г. в Бишкеке был подписан протокол, на основании которого была достигнута Договоренность о прекращении огня. В 1995 г. было подписано Соглашение об укреплении прекращения огня, согласно которому урегулирование инцидентов на границе должно было проходить при установлении прямой связи конфликтующих сторон⁶. На этом средства успешного разрешения Карабахского конфликта исчерпались. После подписания перемирия было разработано несколько вариантов мирного соглашения Минской группой ОБСЕ (первый вариант урегулирования конфликта не удовлетворил армянскую сторону, второй и третий азербайджанскую), которые были отвергнуты, во-первых, в связи жесткой позицией Азербайджана, требовавшей возвращения НКАО без каких-либо серьезных уступок, и, во-вторых, из-за отсутствия со стороны мирового сообщества и России, в частности мощного давления на все стороны конфликта, что связано с общей ситуацией на регионе и концентрацией внимания на Грузино-абхазский и Грузино-южноосетинский конфликты⁷.

Перемирие, достигнутое в 1994 г., и заморозка Карабахского конфликта, а не его разрешение, были единственными инструментами, использованными в процессе урегулирования этого межэтнического спора. Слабая правовая база урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта, отсутствие международного механизма контроля за режимом прекращения огня и механизма расследования инцидентов на границе, а также искусственная интенсификация переговоров по политическим вопросам при-

⁵ Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. Т. Велимева]. М., 2016. С. 485.

⁶ Договоренность об урегулировании инцидентов (с 6 февраля 1995 г.). URL: <http://vn.kazimirov.ru/doc12.htm> (дата обращения: 05.10.2018)

⁷ Тигран Саркисян. Геополитическая роль России в Закавказье. С. 94–96.

водили к тому⁸, что столкновения на линиях разграничения огня становились все чаще и чаще, а в 2016 г. переросли в полномасштабные военные действия. Апрельские стычки на границе НКР и Азербайджана в 2016 г. стали результатом отказа сторон конфликта от предложенных вариантов его урегулирования и остановки мирного разрешения конфликта. Столкновения между азербайджанской и армянской армиями удалось прекратить лишь после вмешательства международных сил в лице ОБСЕ и РФ, однако это не привело к активизации процесса разработки оптимальных решений мирного урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта с подписанием международного договора между представителями борющихся сторон.

⁸ *Масис Машлян*. Апрельская война: «до» и «после». Некоторые выводы и рекомендации // Арцах: долгий путь к свободе. Сборник публикаций / Ред.-сост.: А. Андриян, Р. Заргарян, А. Мелик-Шахназаров. М., 2018. С. 24.

ВОПРОС ОБ ОТНОШЕНИИ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ К ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ НА II КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА 1920 г.

*Ермаков Вадим Андреевич, к.и.н.
(Московский государственный областной университет)*

Проблема отношения коммунистического движения к парламентаризму стояла еще в период деятельности I Интернационала и ее решение состояло преимущественно в использовании парламента как средства политической агитации. После революционных трансформаций 1917–1918 гг., когда в России утвердилась диктатура Советов, а в некоторых странах – Германии, Венгрии, Финляндии – на краткий срок оказались у власти левые правительства, позиция в отношении парламента существенно изменяется. Изменения были вызваны, прежде всего, объективными факторами – с одной стороны, постепенной стабилизацией капиталистической системы и преодолением масштабного кризиса, вызванного Первой мировой войной, а также приходом к власти реформистских правительств в целом ряде стран, с другой стороны, созданием нового типа государственности на $\frac{1}{6}$ части света и образованием в марте 1919 г. обновленной международной структуры рабочего движения – III Коммунистического Интернационала, «конечной целью которого является замена мирового капиталистического хозяйства мировой системой коммунизма»⁹.

К субъективным факторам, способствующим пересмотру взаимодействия с демократическими институтами, следует отнести стратегические установки вождей большевизма, в частности Ленина, признавшего стагнацию идеологии мировой революции в создавшихся политических условиях и глубокий раскол среди западно-европейского рабочего класса, стоявшего на социал-демократических позициях II Интернационала. Тем не менее, как отмечает один из историков Коминтерна: «Советская Россия оставалась единственным бастионом мировой революции. Тот факт, что большевики смогли не только завоевать, но и удержать власть, вел их лидеров к абсолютизации собственного политического опыта»¹⁰. В сумме объективные и субъективные факторы обусловили смену тактики «старого» реформистского парламентаризма на тактику «нового» революционного, приоритетной и конечной задачей которого стало унич-

⁹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 14.

¹⁰ *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М., 2009. С. 39.

тожение парламентаризма в целом как политического инструмента и создание на его основе новых органов власти, аналогичных советам, «поэтому непосредственная историческая задача рабочего класса состоит в том, чтобы вырвать эти аппараты из рук господствующих классов, сломать их, уничтожить и создать на их месте новые органы пролетарской власти»¹¹.

Второй конгресс Коминтерна, проходивший в Москве с 19 июля по 7 августа и утвердивший организационные принципы мирового коммунистического движения, необходимым пунктом повестки постановил вопрос об отношении к парламентаризму. В его рассмотрении принимала участие специальная комиссия, результатом заседаний которой стала выработка тактики «революционного парламентаризма». Ее пункты содержат конкретные действия для коммунистической фракции в целом и отдельных депутатов-коммунистов. Анализируя их, следует отметить, что тактика «нового парламентаризма» исходила из доктринальных положений коммунистической идеологии, отмечавшей тот факт, что в западных политических системах имеется тенденция имитации демократических институтов и процедур ради легитимации правящих групп.

По причине этого идеология большевизма отрицала парламент как перспективную и эффективную форму государственного управления: «Парламентаризм как государственная система стал “демократической” формой господства буржуазии, нуждающейся, на определенной ступени развития, в фикции народного представительства, которое по внешности составляет организацию внеклассовой “народной воли”, по существу же является орудием подавления и угнетения в руках господствующего капитала»¹². Тем не менее идеологически обусловленное отношение к парламенту не приводило коммунистические силы к принципиальному «антипарламентаризму», т. е. категорическому отказу от участия в выборах в представительные органы власти в конкретной политической ситуации. В тех странах, где имелись демократические институты, признавалась необходимость работы как в центральном парламенте, так и в органах местного самоуправления. Особенностью работы должно было стать сочетание депутатами-коммунистами легальных методов работы с нелегальными и перенесение центра тяжести политической борьбы на внепарламентский уровень.

Таким образом, тактика «революционного парламентаризма», разработанная и принятая на II конгрессе Коминтерна, явилась механизмом адаптации коммунистического движения к стабильно функционирующим институтам демократии и ответом на вызовы, стоявшими перед советской системой.

¹¹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 114.

¹² Там же. С. 114–115.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ В АРХИВНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ЦГАМО)

Ертмакова Лина Всеволодовна

(Центральный государственный архив Московской области)

Известно, что на сегодняшний день, в результате стремительного развития информационных технологий, архивная информация становится одним из стратегических национальных ресурсов. Документальное наследие, созданное и сохраненное многими поколениями людей и сконцентрированное в архивах, составляет весомую часть духовной культуры человека. Архивные документы являются важнейшим источником достоверной информации практически обо всех возможных аспектах развития общества. К архивным источникам постоянно обращаются как отечественные, так и зарубежные исследователи.

В принятом в 2004 г. Федеральном законе «Об архивном деле в Российской Федерации» детально проработаны вопросы организации архивной работы по всем направлениям. В закон входят три самостоятельных раздела – «Хранение и учет архивных документов», «Комплектование архивов архивными документами» и «Доступ к архивным документам и их использование». Хотелось бы остановиться на актуальности последнего раздела.

С учетом того, что все более и более возрастает потребность в архивной (ретроспективной) информации, степень автоматизации архивных технологий, охватывающих процессы комплектования архивными фондами, учета и обеспечения их сохранности, работы с научно-справочным аппаратом, является одной из первоочередных задач. Создание архивных информационных ресурсов на основе научно-справочного аппарата и электронных копий документов, а также организация доступа к ним – одно из основных направлений деятельности отечественных архивов, в том числе и государственного казенного учреждения Московской области «Центральный государственный архив Московской области» (далее ЦГАМО).

В ЦГАМО сосредоточено свыше 4 тыс. фондов (их суммарный объем превышает 1,2 млн единиц хранения). Общие хронологические рамки документов, находящихся на хранении в архиве охватывают период с 1769 по 2010-е гг. Никакая информатизация невозможна без технической инфраструктуры. В ЦГАМО организована локально-вычислительная сеть, объединяющая все структурные подразделения в единую систему. Архив представлен на официальном сайте Главного архивного управления

Московской области (далее Главархив Московской области). С 2017 г. в сети Интернет был создан, в рамках приоритетного проекта по переводу наиболее ценных и востребованных дел в электронный вид и представления их в сети Интернет, Электронный портал государственных архивов Московской области: <http://arch.mosreg.ru/rq>.

Научно-информационная деятельность ЦГАМО опирается на разветвленную систему научно-справочного и учетного аппарата (архивные справочники, базы данных о составе и содержании архивных документов), позволяющего ориентироваться в документах, хранящихся в архиве. Одна часть этой информации переводится в электронный формат, другая – изначально создавалась только в электронном виде.

С составом и содержанием хранящихся в архиве документов можно ознакомиться с помощью справочников о фондах и Электронного каталога государственных архивов в сети Интернет. Например, «Справочник по фондам Центрального государственного архива Московской области» (2004 г.) содержит информацию о комплексе фондов, хранящихся в архиве по состоянию на год издания. В настоящее время готовится электронная версия справочника с учетом информации о фондах, принятых на хранение после 2004 г. (всего сто наименований). Межфондовые справочники представлены следующими справочниками: «Справочником по фондам личного происхождения Центрального государственного архива Московской области» (2009 г.); «Справочником по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг.» (2010 г.); «Кратким справочником по фондам филиала государственного учреждения Московской области «Центральный государственный архив Московской области» (2011 г.).

Система каталогов архива на бумажной основе представляет собой совокупность различных каталогов, взаимосвязанных и дополняющих друг друга, которые способствуют поиску информации по определенной тематике. Это – систематический каталог документов по советскому периоду; именной и тематические каталоги. Систематический каталог к документам (советский период) создается в архиве с 1966 г. и насчитывает 497 338 карточек. С 1967 г. в архиве ведется работа по созданию именной каталога.

Составляются тематические перечни документов как по запросам учреждений, так и по инициативе архива. На конец 2018 г. было подготовлено девять таких перечней.

В ЦГАМО с 2017 г. внедряется программно-информационный комплекс «КАИСА», в который входят различные модули, включающие в себя данные о составе и содержании документов. Их общий объем в настоящее время составляет около 198,9 ГБ. В 2013 г. началась и проводится до настоящего времени работа по оцифровке и переводу документов в формат электронных баз данных.

По инициативе Главного архивного управления Московской области в ЦГАМО корпорацией ЭЛАР начался в трехгодичный проект по оцифровке документов по истории Московской области, которые являются особо ценными, востребованными и находящимися в неудовлетворительном

физическом состоянии. Результатом этой работы станут более 30 млн графических образов исторических документов, которые будут доступны пользователям электронного читального зала ЦГАМО. Договор заключен 28 сентября 2017 г. На сегодняшний день на сканирование передано 138 379 ед. хр. За 2017–2018 гг. отсканировано 111 129 ед. хр.

К примеру, полностью оцифрованы документы следующих фондов: Ф. 548 «Московская областная чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. 1942–1945 гг.» в количестве 654 ед. хр., Ф. 1991 «Правительство Московской области» за 1991–2007 гг. в количестве 2642 ед. хр.; Ф. 2157 «Московский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет» за 1923–1993 гг., в количестве 20 963 ед. хр.; Ф. 2436 «Московская областная Дума» за 1993–2007 гг., в количестве 1178 ед. хр.; Ф. 2510 «Московский губернский отдел записи актов гражданского состояния Московского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» за 1917–1928 гг., в количестве 6394 ед. хр. и др.

Еще один проект связан с исполнением Постановления Правительства Московской области от 13.06.2013 г. «О внесении изменений в долгосрочную целевую программу Московской области “Развитие архивного дела в Московской области на 2013–2015 годы”». На исполнение этих работ из бюджета области выделено 570 тыс. рублей. Был заключен договор на выполнение работ по переводу 2298 дел по 10 фондам в электронный формат и разработке справочно-поисковых средств между ЦГАМО и ООО «ДелисАльянс».

В сфере информационного обеспечения проводится работа по регулярному обновлению информации на странице архива на официальном сайте Главархива Московской области. В разделе размещается актуальная информация о проводимых мероприятиях, основных документах, регламентирующих работу архива, о составе и содержании документов, находящихся на хранении в ЦГАМО.

Активно идет процесс создания муниципальными архивами информационно-поисковых баз данных. В настоящее время используется более 400 баз данных.

Указанные выше направления информатизации архивной деятельности позволяют обеспечить задачи сохранения архивного фонда, доступности информации рядовым пользователям, повышения качества и скорости оказываемых архивом госуслуг, помощь сотрудникам архива при организации конференций, выставок, в проведении образовательных мероприятий, выпуске различных методических пособий и печатных изданий и т. п.

Таким образом, одно из ключевых направлений создания информационных ресурсов в архивах Московской области – это перевод в электронную форму и представление в электронной среде (в том числе в сети Интернет) системы научно-справочного аппарата (НСА) ЦГАМО, а также организация доступа к нему. На сайте Главархива Московской области представлены такие элементы научно-справочного аппарата, как справочники о фондах, сами описи, переведенные в цифровой формат (PDF).

Однако на сегодняшний день внедрение информационных технологий в архиве нельзя назвать удовлетворительным. Необходимо повышать уровень организации, внедрения и активного использования систем электронного делопроизводства и документооборота в текущей деятельности, автоматизации и информатизации основных видов деятельности архива – усовершенствовать создание информационных ресурсов для выполнения госуслуг и удовлетворение информационных потребностей пользователей. Безусловно, для выполнения архивом одного из приоритетных направлений – автоматизации архивных технологий – необходимо повышать профессиональный уровень кадрового состава, привлекать специалистов.

**ОСОБЕННОСТИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
ПРЕДВЫБОРНЫХ АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИХ
ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
(1988–1995 гг.)¹**

*Ершова Гузель Николаевна, к.и.н.
(Казанский национальный исследовательский
технологический университет)*

*Овчинников Александр Викторович, к.и.н.
(Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова)*

Изучение текстов предвыборных агитационно-пропагандистских документов национальных общественно-политических объединений Татарстана, хранящихся в Государственном архиве Республики Татарстан, посредством анализа структуры интенциональных составляющих и их индивидуальных вариантов представляется перспективным для выявления особенностей категориального аппарата, системы образов и других языковых средств и способов влияния неперiodических источников на политическое сознание электората на начальном этапе формирования многопартийности в Татарстане (1988–1995 гг.). Грамматические конструкции, порядок построения политического текста используется не только для передачи определенной информации, но и воздействия с целью побуждения к действию. При проведении интент-анализа воспользуемся методикой, предложенной Т.Н. Ушаковой и А.Н. Павловой². Документы по выдвижению Председателя ВТОЦ³ М. Мулюкова кандидатом в депутаты Верховного Совета ТАССР, выявленные в его личном фонде, были составлены от имени кандидата в жанре избирательной программы и от имени его сторонников в жанре поддержки позиций кандидата. Преобладание в большинстве исследуемых текстов глаголов позволяет исследовать интенциональную направленность речевых актов.

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиа-репрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации».

² Ушакова Т.Н. Слово в действии: интент-анализ политического дискурса. СПб., 2000. С. 5–40.

³ Всетатарский общественный центр в поддержку перестройки под руководством М.А. Мулюкова был создан в 1988 г. в г. Казани.

В тексте предвыборной платформы, опубликованной в «Блокноте агитатора» (органе Обкома КПСС ТАССР) в 1988 г., были определены типы и направленность интенций («+» – положительные, «-» – отрицательные, «0» – нейтральные интенции) и тип речевых актов: (самопрезентация+, локутивный акт+); (постановка задачи+, перлокутивный акт+); (критика ситуации-, локутивный акт-); (постановка задачи 0, иллюкутивный акт 0); (критика ситуации-, иллюкутивный акт-); (самопрезентация+, локутивный акт+); (предположение+, перлокутивный акт+); (самопрезентация+, локутивный акт+, предположение+, перлокутивный акт+); (самопрезентация+, локутивный акт). Подсчет выявленных интенций позволяет интерпретировать результаты анализа. Большинство интенций в анализируемом тексте направлены на формирование позитивного образа кандидата посредством использования преимущественно иллюкутивных и перлокутивных речевых актов, иллюстрирующих достижение позитивных результатов в случае поддержки данного кандидата в следующих направлениях будущей деятельности: «...за социальную справедливость, за ленинскую национальную политику и за серьезный подход к работе с молодежью, за подлинную демократию и за статус союзной республики Татарии, за экологическое оздоровление». Здесь же он позиционируется как участник создания Организации непредставленных народов в ООН⁴. При выдвижении его кандидатом в депутаты от Республиканской партии Татарстана в Госсовет РТ в 1995 г. в его платформе преобладают положения по острым социальным вопросам: «Сохранение мира, покоя, межнационального согласия, стабильности в Татарстане, недопущение дальнейшего снижения жизненного уровня населения, роста безработицы, защита пенсионеров, многодетных и малоимущих семей... вернуть сыновей Татарстана из Чечни»⁵. В листовке, составленной от имени Комитета солдатских матерей РТ, он характеризуется как инициатор создания этой организации, «который оказывает нам большую помощь в поиске и возвращении наших сыновей из Чечни»⁶.

Рассмотрим количество интенций и тип речевых актов в листовке Председателя ТПНН «Иттифак» Ф.А. Байрамовой⁷, представленной на татарском языке⁸: (информирование0, локутивный акт); (информирование0, локутивный акт); (предупреждение-, перлокутивный акт); (предупреждение-, перлокутивный акт); (предупреждение-, перлокутивный акт); (предупреждение-, перлокутивный акт); (постановка задачи+, перлокутивный акт); (самопрезентация+, локутивный акт); (кооперация+, иллюкутивный акт); (самопрезентация, кооперация+, перлокутивный акт); (самопрезентация, одобрение аудитории+, локутивный акт). Баланс

⁴ ГА РТ. Ф. 8257. Мулюков М.А. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 30.

⁶ Там же. Л. 26.

⁷ Татарская партия национальной независимости «Иттифак» прекратила деятельность юридического лица в связи с исключением из ЕГРЮЛ на основании п. 2 ст. 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ.

⁸ ГА РТ. Ф. 8247. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 13–14.

позитивных и негативных интенций положительный. Перлокутивные речевые акты доминируют над иллокутивными: преобладающим блоком интенций, направленных на читателя, является, во-первых, прогнозирование ухудшения ситуации, выполняющее функцию негативной санкции (в случае не оказания избирателями поддержки партии), например, «*простые люди обеднеют еще больше*» («*гади кешелэр тагын да ярлыланыр*»), и, во-вторых, позитивная санкция – обещание, формирование у избирателей уверенности в позитивном результате в случае прихода к власти кандидатов от партии. Функция этого блока заключается в высказывании критики, дискредитации оппонентов и самопрезентации. Ядром интенционального блока является интенция кооперации с избирателями: просьба «*для сохранения нашей нации, нашей религии, независимости нашего государства, богатств нашей страны*» («*милләтебезне, диннебезне, дәүләтебез бәйсезлеген, илебезне һәм җиребезне бар булган байлыгыбызны саклап калу өчен*») поддержки выдвинутых кандидатов «*честных людей, которым присущ национальный дух*» («*милли җанлы, гадел кешеләр*»), приравняемой к выбору свободной нации, честного и благополучного будущего избирателей.

Продуктивным представляется проведение сравнительных исследований предвыборных агитационных листовок на русском и татарском языках и выявление в них различных средств интенционального воздействия на аудиторию. Например, листовка в поддержку кандидата в депутаты Госсовета РТ Ф.А. Байрамовой 1995 г. представленная в фонде ТПНН «Иттифак» на русском и татарском языках, выполнена в смешанном жанре: содержит и биографические данные, и представление качеств кандидата и ее программу действий. Результат подсчета видов и количества интенций представлен в таблицах:

Таблица 1. Интенции в предвыборной листовке на татарском языке

Тип интенции	Направленность	Количество повторений
Признание заслуг, действий в прошлом	+1	3
Информирование о биографии	0	7
Апологизация качеств	+1	2
Апологизация будущих действий	+1	1
Кооперация	+1	1

Таблица 2. Интенции в предвыборной листовке на русском языке

Тип интенции	Направленность	Количество повторений
Информирование о биографии	0	4
Апологизация качеств	+1	1
Апологизация будущих действий	+1	2
Кооперация	+1	1

Все выявленные интенции в текстах на обоих языках носят комплиментарный характер, отражают признание заслуг и намерений, презентацию личных качеств кандидата. В листовке на русском языке ее основная цель формулируется следующим образом: «*Сохранение и укрепление мира и дружбы между народами Республики, восстановление государственности Татарстана, возрождение культуры и языка татарского народа, восстановление духовных ценностей народов Татарстана*», а в татароязычном варианте иной порядок построения промиссива: «*ее основная цель: государственная независимость Татарстана, сохранение татарской нации, возрождение религии, укрепление справедливости между нациями и народами*»⁹. На первый план своей деятельности в русскоязычном тексте Ф. Байрамова «*ставит защиту пенсионеров, одиноких инвалидов, малоимущих и многодетных семей*». В татароязычном варианте утверждается, что Ф. Байрамова «*с 1980-х гг. – одна из руководителей национального движения*», «*с 1991 г. – председатель ТПНН “Иттифак”, с 1994 г. – Милли Меджлиса, в 1990–1995 гг. – народный депутат Татарстана*»¹⁰, она характеризуется метафорой «*милләтебезнең сөекле кызы*» («*любимая дочь нашей нации*») ¹¹, а в дополнении А. Халима к тексту листовки – «*халыкның яраткан язучысы*» («*любимая писательница народа*») ¹². Нейтральные интенции выявлены в тексте на татарском языке в предложениях, информирующих о биографии кандидата. Завершают татароязычный текст иллокутивные речевые акты, носящие интенциональный характер кооперации, обращения с просьбой поддержки на выборах: «*Татарский народ по праву гордится Байрамовой Ф.А., доверяет, любит ее, охраняет, защищает. Мы надеемся, что наш народ не остановится на этом пути, отдаст голос своей любимой дочери, изберет ее депутатом Государственного Совета*»¹³. В русскоязычном варианте сохраняется позитивный баланс интенций, акцентируется внимание не на оценке деятельности кандидата, а на ее чертах характера: «*Привыкла говорить правду, невзирая на лица, наделена способностью организовывать и спланировать людей, не теряя самообладания в сложных ситуациях*»¹⁴.

Таким образом, интент-анализ агитационных материалов позволяет выявить способы позиционирования положительного образа кандидата, применение мелиоративов и экспрессивов при его характеристике, изменения в приемах агитации и способах аргументации во время различных кампаний согласно избирательным циклам. К характерным чертам предвыборных агитационных документов следует отнести подчинение всех интенций функции самопрезентации с целью воздействия на аудиторию,

⁹ ГА РТ. Ф. 8247. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 17–18.

¹⁰ Там же. Л. 17–18.

¹¹ Там же. Л. 18.

¹² Там же. Л. 18.

¹³ Там же. Л. 18.

¹⁴ Там же. Л. 17–18.

использование дескрипторов, направленных на апологизацию собственной позиции, позитивные интенции, отражающие планируемые результаты деятельности кандидата (преимущественно перлокутивные речевые акты), которые сконцентрированы в диспозиции документа.

ПОПЫТКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНТРАКТА НА СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ УЛИЧНОГО ГОРОДСКОГО ОСВЕЩЕНИЯ ГАТЧИНЫ В КОНЦЕ XIX ВЕКА: НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО

*Ефимов Андрей Александрович, к.и.н.
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)*

Взаимодействие власти и частного бизнеса в настоящее время является одним из важнейших вопросов экономической науки. Однако и для специалистов-историков эта тема представляет несомненный интерес. Среди ее аспектов определенное место занимает вопрос реализации схем государственно-частного партнерства в Российской империи. При этом данная статья обращается к изучению одного из эпизодов взаимодействия предпринимателей и Министерства императорского двора.

Придворное ведомство, управлявшее дворцовыми городами Царским Селом, Петергофом и Гатчиной, занималось решением в том числе и вопросов коммунального благоустройства, подразумевавших, в частности, внедрение, обслуживание и модернизацию системы уличного освещения. Однако подавляющее большинство публикаций, посвященных истории дворцовых городов, в том числе и Гатчины, фокусируется на императорских и великокняжеских резиденциях, а не городских кварталах. Применительно к Гатчине эти вопросы затрагиваются в книгах Т.Ф. Родионовой и А.Ю. Гусарова¹. Однако сведения, указанные в этих изданиях, неполные и не вполне корректные. Также необходимо отметить, что история первоначального развития электрических сетей в дореволюционной России освещена фрагментарно. Вероятно, единственным комплексным трудом непосредственно по этой теме² можно считать монографию Н.С. Симонова «Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО»³. Проблема данной статьи также рассматривается в брошюре и электронных публикациях А.С. Иванова⁴.

¹ *Гусаров А.Ю.* Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей. М., 2012; *Родионова Т.Ф.* Гатчина: страницы истории. Гатчина, 2006.

² Существуют также издания советского периода, однако в них дореволюционное развитие электроэнергетики в России освещено лишь в общих чертах (См.: Свет над Россией. Очерки по истории электрификации СССР. М., 1960).

³ *Симонов Н.С.* Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М., 2016.

⁴ *Иванов А.С.* Электрификация Гатчины. Ч. 1. 1881–1917. Гатчина, 2006; *Иванов А.С.* Электрификация Гатчины // Исторический журнал «Гатчина сквозь сто-

Хотя первые электрические фонари с дуговыми лампами («свечами Яблочкова») появились в Гатчине на площади перед дворцом еще в 1881 г.⁵, начало именно городского освещения стоит относить к более позднему периоду середины 1890-х гг. 22 июня 1893 г. в Гатчинское дворцовое управление было направлено заявление инженера из Санкт-Петербурга Н.А. Демчинского. Изъявляя желание «принять на себя устройство электрического освещения в Гатчине», он предлагал проект организации целой электросети, которая бы включала в себя 72 уличных дуговых фонаря и до 420 ламп накаливания в зданиях, находившихся в ведении Дворцового управления⁶. После продолжительного рассмотрения в различных инстанциях от заключения полноформатного договора было решено воздержаться, предоставив предпринимателю возможность установить небольшое количество фонарей на нескольких центральных улицах и производить освещение с октября 1893 г. до начала мая 1894 г.

При этом уже через полтора месяца после начала работы тестового участка, 17 ноября 1893 г. начальник Гатчинского дворцового управления К.К. Гернет уже сам предложил Н.А. Демчинскому подготовить проект контракта на полномасштабное освещение городских улиц и зданий, находившихся в ведении местных властей. Первый вариант был представлен уже через день, а более основательный договор направлен 29 декабря 1893 г.⁷

Предложение Н.А. Демчинского было представлено на проверку технику Контроля МИДв В.Л. Пашкову, который смог подать свои замечания лишь 3 мая 1894 г. После рассмотрения исходного варианта и предложенных корректив К.К. Гернет отложил решение по этому вопросу⁸.

В конце мая 1894 г. в Гатчинском дворцовом управлении было принято решение устроить полноценный конкурс проектов устройства системы городского освещения в городе. Соответствующие предложения к концу июня 1894 г. получили, помимо самого Н.А. Демчинского, Завод под фирмой «Русское производство изолированных проводов электричества» М.М. Подобедова, фирма «Сименс и Гальске» и фирма «Князь Тенишев и Ко». Однако две последних компании отказались от участия в этом тендере, поскольку не рассматривали для себя возможным монтаж электросетей за свой счет⁹.

В итоге к 15 июля 1894 г. в Гатчинское дворцовое управление были представлены проекты контрактов на освещение города от Н.А. Демчинского и М.М. Подобедова. Процесс рассмотрения предложенных до-

летия». URL: <http://history-gatchina.ru/town/electro/index.htm> (дата обращения: 06.02.2019).

⁵ *Родионова Т.Ф.* Гатчина: страницы истории. С. 89; *Гусаров А.Ю.* Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей. С. 268.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 491. Оп. 3. Д. 435. Л. 1–2.

⁷ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 435. Л. 28–33, 40–41 об.

⁸ Там же. Л. 101–104.

⁹ Там же. Л. 122, 129–132, 135, 135 об., 141, 145, 147 об.–148 об.

говоров затянулся, что не могло не вызывать беспокойства коммерсантов. 26 сентября 1894 г. М.М. Подобедов обратился к администрации Гатчины с просьбой прояснить ситуацию, однако это письмо осталось без ответа. Лишь в октябре 1894 г. К.К. Гернет направил эти документы для технической ревизии электротехнику Придворного ведомства полковнику А.И. Смирнову, предписав отложить вопрос с их представлением на утверждение до получения отзыва означенного специалиста¹⁰. В итоге оба документа, по сути, были оставлены без движения и дальнейшего их предметного рассмотрения не последовало.

При этом вскоре после представления проектов двумя из первоначальных конкурсантов, 21 июля 1894 г. Гатчинское дворцовое управление обратилось к инженеру Б.А. Цейтшелю, которому был выслан проект договора на освещение города и зданий дворцового ведомства и предлагалось в случае согласия доставить до конца августа того же года в запечатанном конверте свой вариант контракта с указанием окончательных финансовых условий. Насколько можно судить по сохранившимся документам, это обращение интереса у компании не вызвало.

В середине сентября к числу претендентов на заключение соглашения на право устройства электрического освещения в Гатчине уже без предварительного приглашения присоединилась фирма «Павел Валь и Ко», от Электрического отделения которой было представлено два варианта договора и четыре сметы на устройство электрической станции, осветительные приборы, фонарные столбы и провода и работы по их монтажу¹¹.

Как позволяют судить найденные архивные документы, реальной работы по изучению и анализу присланных контрактов чиновниками, по сути, не велось. Лишь в середине марта 1895 г. была сделана рассылка М.М. Подобедову, Н.А. Демчинскому и торговому дому «Павел Валь и Ко» в Выборге, в которой каждому из предпринимателей сообщалось, что его предложение «об устройстве и эксплуатации электрического освещения в Гатчине ввиду изменившихся обстоятельств оставлено вместе с другими подобными же предложениями без последствий»¹². Таким образом, Гатчинское дворцовое управление отказалось от идеи полностью поручить решение этой задачи частным предпринимателям, ограничившись лишь прощупыванием почвы и непродолжительным малоформатным экспериментом. К сожалению, о точной причине «изменившихся обстоятельств» можно лишь предполагать. Наиболее вероятным вариантом, имеющим документальную основу, представляется намерение К.К. Гернета обеспечить расширение сети городского электрического освещения силами самого Министерства императорского двора¹³. Однако, как покажет дальнейшее развитие событий, все усилия окажутся напрасными, и городская система электроосвещения Гатчины так и останется в целом в своей структуре на уровне середины 1890-х гг.

¹⁰ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 435. Л. 151–161, 202.

¹¹ Там же. Л. 162, 187–201.

¹² Там же. Л. 206.

¹³ Там же. Д. 477. Л. 1–1 об.

ШКОЛА СОЦИАЛЬНО-ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (1920–1925 гг.): ПРАКТИКА ВОСПИТАНИЯ БЕСПРИЗОРНЫХ¹

Железова Наталия Павловна
(Российский государственный гуманитарный университет)

Вопрос детской беспризорности и безнадзорности, спровоцированный Первой мировой войной, Революцией 1917 г., Гражданской войной и социально-экономическими обстоятельствами второй половины 1910-х (нищета, голод, болезни)², стал одной из наиболее острых проблем начала 1920-х гг. Как следствие увеличения числа бездомных детей наблюдался рост преступности среди несовершеннолетних, усиление делинквентных и девиантных характеристик их поведения. Деформация детства происходила на фоне кризиса основного института социализации ребенка – семьи, что сильно влияло на рост числа детей с отклонениями в поведении.

Разрешение подобной кризисной ситуации требовало активного вовлечения не только государства, но и общественности. Усилия, направленные на социализацию детей и подростков, стимулировали развитие научно-практической мысли. В частности, высказывались идеи о необходимости внимания непосредственно к личности трудного подростка, ее всестороннем изучении. В трудах психиатра, нерво- и психопатолога В.М. Бехтерева (1857–1927) была сформулирована идея о необходимости внимания непосредственно к личности трудного подростка, ее всестороннем изучении³. Однако именно его ученик – выдающийся педагог Виктор Николаевич Сорока-Росинский (1882–1961) не только развил эту идею, но и предложил ее реализацию на практике. Изучив заочно системы образования в Европе (в частности, во Франции, Германии, Австрии) и США, Сорока-Росинский сконцентрировал внимание на трудах зарубежных педагогов-новаторов, в частности «трудовую школу»

¹ Публикация подготовлена при поддержке программы «Студенческие проектные научные коллективы РГУ», проект «Советский научный эксперимент 1920-х гг.: фантастические идеи и социальная практика».

² Рожков А.Ю. Беспризорники. // Родина. 1997. № 9. С. 70–71.

³ Бехтерев В.М. Влияние личности на коллектив / В.М. Бехтерев // Педология и воспитание / под ред. А.Б. Залкинда. М., 1928. С. 41–73; Бехтерев В.М. Внушение и воспитание / В.М. Бехтерев. Пг., 1923. 40 с.; Бехтерев В.М. О социально-трудовом воспитании / В.М. Бехтерев // Избр. тр. по психологии личности: в 2 т. / В.М. Бехтерев. СПб., 1999. Т. 2: Объективное изучение личности. С. 220–229.

Г. Кешенштейнера, «педагогику действия» А. Лая и «школу-лабораторию» Д. Дьюи. Наиболее эффективным способом решения вопроса беспризорности В.Н. Сорока-Росинский считал создание разнообразных детских учреждений закрытого типа – как детских домов, так и трудкоммун за счет особенностей организации жизни трудновоспитуемых⁴.

Реализация практических мер по борьбе с детской беспризорностью была предпринята в рамках проекта, известного как школа социально-индивидуального воспитания им. Достоевского, реальный прототип детского дома из художественного произведения «Республика ШКиД». Она действовала в Петрограде с 1920 по 1925 г. Исследование специфики и особенностей функционирования указанного учебного заведения, на наш взгляд, является любопытным фокусом изучения проблематики в ее конкретно-историческом преломлении. Тот факт, что у Школы была своя, особая судьба, отразившаяся в источниках личного происхождения, литературе и кинематографе, делает ее интересным объектом для изучения в рамках интеллектуальной истории и истории идей советского общества, вписывая тем самым ее изучение в широкий социальный контекст.

На сегодняшний день сохранился целый комплекс архивных документов, который позволяет реконструировать различные аспекты жизни школы. Он отложился в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 1575, 1565 и др.), Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ф. 2879, 2552), Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 2936).

Документы иллюстрируют поступательную динамику развития учебного заведения. Школа открылась, приняв на воспитание всего семь мальчиков, которых Сорока-Росинский самостоятельно отбирал в приемных пунктах. В течение года количество детей выросло в несколько раз, до 60 человек⁵. Воспитанники были переведены из других переполненных школ Петрограда, выявлены в неблагополучных семьях, наконец, «взяты» с улицы.

Все дети, попадавшие в школу Достоевского, обозначались понятием «морально-дефективные». Выделялось три основные ступени дефективности. К первой были отнесены дети «испорченные» («вороватые, лживые, жестокие и драчуны»), но которые могли еще исправиться; на второй ступени находились дети, ранее уличенные в общественно-опасных деяниях, к третьей же группе относились «закоренелые преступники», совсем не подлежащие исправлению⁶. Таким образом, неудивительно, что в одной школе оказались как подростки, которые в силу особых условий послереволюционных лет не имели возможности нормального развития и воспитания, так и дети, которые могли попасть в исправительные детские учреждения за преступные деяния.

⁴ Трудновоспитуемые // Сорока-Росинский В.Н. Педагогические сочинения / [сост. А.Т. Губко]. М., 1991. С. 142.

⁵ ЦГА. Ф. 2879. Оп. 1. Д. 180. Л. 7–9

⁶ Красная Москва, 1917–1920 гг. М., 1920. Ст. 433.

Официально школа Достоевского была подчинена Петроградскому отделу народного образования. Руководство, в том числе, осуществлялось подотделом правовой защиты несовершеннолетних. Значительную организационную поддержку школе оказывала Злата Ионовна Лилина (1882–1929) – гражданская жена Зиновьева, возглавлявшая Петроградский отдел социального воспитания Наркомпроса РСФСР при Петроградском губернском отделе народного образования. При поддержке той же Лилиной Школе было отведено здание на Петергофском проспекте, 19, в здании бывшего коммерческого училища для мальчиков. Правда, здание находилось не совсем в удовлетворительном состоянии, – оно не отапливалось, часть окон была выбита и закрыта фанерой, не было ни какой-либо детской площадки или гимнастического зала⁷. Как писал сын В.Н. Сороки-Росинского Константин Викторович Росинский, который также был воспитанником ШКИД, школа представляла самое жалкое зрелище: «...облупленное здание унылого желтого цвета, сырое и неприветливое; маленький дворик, заваленный сырыми дровами...»⁸.

Расцвет школы пришелся именно на период работы в ней выдающегося педагога. Первых воспитанников В.Н. Сорока-Росинский искал самостоятельно, отбирая действительно одаренных и талантливых ребят, – дети этого выпуска в дальнейшем достигли значительных успехов. Г. Ионин закончил режиссерское отделение в Институте сценических искусств, работал помощником Д. Шостаковича и создал либретто к его первой опере «Нос» по повести Николая Гоголя, Л. Пантелеев, Г. Белых, П. Ольховский стали писателями. Трудоустроены были и другие выпускники: они стали конструкторами, инженерами на заводе. Один из «шкидцев», Куракин, по воспоминанию Л. Пантелеева, занимал крупный пост в одном из министерств⁹.

Безусловно, В.Н. Сорока-Росинский принял значительное участие в формировании системы воспитания беспризорных детей, возглавив школу социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского. Результат тяжелой, но продуктивной педагогической работы Школы дал возможность бывшим беспризорникам войти в полноценную взрослую жизнь. История Школы социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского раскрывает любопытную страницу экспериментальной педагогики и общественных инициатив по борьбе с беспризорностью в 1920-е гг.

⁷ ЦГА. Ф. 2879. Оп. 1. Д. 180. Л. 12.

⁸ *Росинский К.В.* «Паче всего...» (Литература в жизни и педагогической деятельности В.Н. Сороки-Росинского) // Петербургский учитель. Жизнь и творчество В.Н. Сорока-Росинского / под ред. Г.А. Бордовского, В.А. Козырева. СПб., 2007. С. 74.

⁹ *Пантелеев Л.* Только в ШКИДу // Петербургский учитель. Жизнь и творчество В.Н. Сорока-Росинского / под ред. Г.А. Бордовского, В.А. Козырева. СПб., 2007. С. 50–56.

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «РУДИН»

Животова Полина Андреевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Роман И.С. Тургенева «Рудин», вышедший в 1856 году, сразу вызвал большой читательский интерес и был по достоинству оценен критиками. «“Рудин” должен быть поставлен, по глубине и живости содержания, им охватываемого, по силе и по самому характеру впечатления, им производимого, очень высоко», – писал Н.А. Некрасов¹. По мнению К.С. Аксакова, «“Рудин” – едва ли не самое обработанное и глубоко задуманное сочинение г. Тургенева»². Poleмика вокруг социально-политического содержания романа началась после публикаций статей А.В. Дружинина и С.С. Дудышкина и отклика на них Н.Г. Чернышевского.

Дружинин и Дудышкин в своих статьях, приуроченных к изданию «Повестей и рассказов» Тургенева в 1856 году, были единодушны в своем отношении к Рудину как персонажу. Дружинин видел недостаток главного героя в том, что он «всю жизнь свою не мог возвыситься до понимания дела, до возможной и необходимой гармонии со средой, его окружающей»³. Для Дудышкина и Дружинина главный герой произведения – это выразитель авторского идеала, который имеет ценность в том случае, если не вступает в противоречие с обществом. Положительный литературный идеал Дудышкин видел в образе деятельного чиновника, добросовестно исполняющего свои обязанности. Герои Тургенева не соответствовали такому представлению.

С ответом Дудышкину и Дружинину в феврале 1857 года выступил Н.Г. Чернышевский. Для него «гармонизировать с обстановкой» – это приспособляться к обстоятельствам, соответствовать чужим ожиданиям, довольствоваться малым. Чернышевский расценивал непримиримость Рудина с костной средой как достоинство, а не порок. Несмотря на то, что «у Рудина недоставало практического такта, не было уменья

¹ Некрасов Н.А. Заметки о журналах за февраль 1856 года // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 11. Кн. 2. Л., 1990. С. 238.

² Аксаков К.С. Обзорение современной литературы // Аксаков К.С. О некоторых современных собственно литературных вопросах. О русском воззрении. Обзорение современной литературы. М., 2008. С. 117.

³ Дружинин А.В. Повести и рассказы И. Тургенева // Дружинин А.В. Собрание сочинений. Т. 7. СПб., 1865. С. 367.

взяться с надлежащей стороны за дело»⁴, он проложил и очистил дорогу новому поколению борцов. На данном этапе критика не отказывалась от наследства 30–40-х годов. Однако через несколько лет после выхода романа ситуация изменилась.

После опубликования двух рескриптов Александра II (от 20 ноября и 8 декабря 1857 года) о предстоящей ликвидации крепостного права усилилось размежевание между радикальным и либеральным «лагерями». Революционно-демократическая критика осудила поддержку либеральной интеллигенции реформ «сверху» во избежание народного восстания «снизу». Для критиков первого направления все отчетливее вырисовывалась связь между «лишними людьми» 40-х годов, литературными персонажами рудинского типа и либералами 60-х с их громкими заявлениями о служении народу и отсутствием реальных действий. В связи с этим вопрос социальной роли «лишних людей» снова стал актуальным.

Революционно-демократическая критика 60-х годов в целом была единодушна в своем отношении к «лишнему человеку», судила его с точки зрения общественной значимости. Добролюбов, ведущий критик журнала «Современник», в напумевшей статье «Что такое обломовщина?» (1859) привел деятельность людей 40-х годов в лице Онегина, Печорина, Бельтова и Рудина к общему знаменателю – инертному Обломову, потратившему жизнь впустую. Люди 40-х больше не могли шагать в ногу со временем, «фраза потеряла свое значение; явилась в самом обществе потребность настоящего дела»⁵. Так, в статьях «Литературные мелочи прошлого года» (1859) и «Когда же придет настоящий день?» (1860) Добролюбов аргументировал необходимость разрыва исторически сложившихся связей русской революционной демократии с либерально-дворянской интеллигенцией.

Похожим образом высказался Д.И. Писарев, описавший рудинский тип формулой: «дух бодр, плоть немощна»⁶. У Н.В. Шелгунова Рудин – «образчик такой бесполезно и бессильно потраченной человеческой жизни, тип целого ряда поколений, созданных крепостным бытом», «благоухающий пустой фразер и жалкий мученик»⁷.

Одним из немногих, кто встал на защиту Рудина, был А.И. Герцен, осудивший позицию «Современника» в своих статьях «Very dangerous!!!» (1859) и «Лишние люди и желчевники» (1860), опубликованных в газете «Колокол». Герцен не согласился с такой трактовкой исторической миссии людей 40-х, к которым относил и себя. Герцен не умалял исторического значения людей, сумевших «заразить» своими идеями окружающих. Он проводил черту между «лишними людьми» 40-х, не имевшими воз-

⁴ *Чернышевский Н.Г.* Заметки о журналах // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 4. М., 1948. С. 699.

⁵ *Добролюбов Н.А.* Что такое обломовщина? // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. М.; Л., 1962. С. 331.

⁶ *Писарев Д.И.* Писемский, Тургенев и Гончаров // Писарев Д.И. Сочинения в четырех томах. Т. 1. Статьи и рецензии 1859–1862 гг. М., 1955.

⁷ *Шелгунов Н.В.* Русские идеалы и типы // Дело. 1868. № 7. С. 155.

возможности вложить свои силы на благо общества в тисках «николаевской» реакции, и теми, кто накануне реформ бездействовал в силу своей лени и апатии. «Лишние люди были тогда столько же необходимы, как необходимо теперь, чтоб их не было», – писал он⁸.

Поводом для возобновления дискуссии о романе «Рудин» стал добавленный в 1860 году, во второй публикации, эпилог. В эпилоге герой раскрывался с неожиданной стороны, погибая на баррикадах революционного Парижа. В июньском номере «Современника» за 1860 год Чернышевский завуалировано осудил Тургенева за его попытку придать характеру Рудина героические черты. По мнению Чернышевского, новый финал романа не соответствовал всей предшествующей жизни Рудина, искажил портрет живого человека до карикатуры.

В последующие годы интерес к роману не исчезал, а персонаж-Рудин продолжал получать различные оценки. Пример этому – написанная в разгар «хождения в народ» «Заметка о Писареве» П.Ф. Алисова. Для него Рудин – энергичный деятель, погибший за убеждения, неприменимые у себя на родине. Более того, Алисов приравнивал усилия Рудина к деятельности Белинского, Добролюбова, Писарева. Они распространяли свои убеждения и пытались изменить действительность тем же инструментом, что и герой романа, – словом. Критик сделал заключение: «Если Рудин фразер, то, идя последовательно, придешь к тому грустному выводу, что Белинский, Добролюбов, Писарев – фразеры; придется растоптать все великие литературные имена, всех, без исключения, титанов слова»⁹.

Подводя итог, важно отметить, что дискуссия о «лишних людях», к которым принадлежал Рудин, как литературных персонажах в русской критике не только выходила на уровень обсуждения социально-политических типов, но и ставила вопрос об идейном наследии 30–40-х годов. На этом этапе обсуждение проблематики романа не исчерпало себя, в последующие десятилетия критики не раз возвращались к «Рудину» в поисках новых смыслов и интерпретаций.

⁸ Герцен А.И. Лишние люди и желчевники // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. М., 1958. С. 317.

⁹ Дунаева Е.Н. Рудин и Базаров в оценке критики 70-х годов // И.С. Тургенев: Новые материалы и исследования. М., 1967. С. 571–578.

ПОПЫТКА ИНДИЙСКОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «ГАДАР» СОЗДАТЬ СОБСТВЕННУЮ СЕКЦИЮ В КОМИНТЕРНЕ (1926–1937 гг.)

Жирова Надежда Сергеевна
(Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского)

Одним из важных направлений деятельности III Коммунистического Интернационала (Коминтерна, КИ), являлась борьба с идеологическими противниками, в том числе левого толка, стоявшими на более умеренных позициях (социал-демократами, меньшевиками, правыми эсерами и т. д.). История этих противоречий сформировала как в отечественной, так и в зарубежной историографии представление о КИ как о догматической организации, требовавшей беспрекословного подчинения от партий, входивших в ее состав¹.

В целом это соответствует действительности, однако многие правила имеют исключения. Одним из таких малоизученных исключений является националистическая партия «Гадар» – международная организация индийских эмигрантов с центром в США, в начале 1920-х выступившая с инициативой об установлении сотрудничества с III Интернационалом.

Это было обусловлено рядом причин: 1) национальная политика большевиков и декларирование поддержки колониальных народов Востока; 2) успех Октябрьской революции в России; 3) увлечение марксизмом отдельных членов «Гадар».

Наибольшую роль здесь сыграл генеральный секретарь «Гадар» Санток Сингх Дардео, развернувший организованную коммунистическую пропаганду среди членов своей партии. Именно Санток выступил с идеей об установлении связей с Коминтерном, ради чего летом 1922 г. вместе со своим товарищем Раттаном Сингхом Даббой отправился в Москву, чтобы принять участие в IV конгрессе Коминтерна.

В столице Советской России Санток и Раттан обратились к ИККИ с просьбой об установлении «тесного контакта с Коминтерном»². III Интернационал был заинтересован в сотрудничестве с партией, имев-

¹ См., например: *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997; *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009; *История международного коммунистического движения / пер. с кит. М., 2016; Маккензи К.* Коминтерн и мировая революция, 1919–1943 / пер. с англ. Г.Г. Петровой. М., 2008.

² Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 68. Д. 89. Л. 1–2.

шей опыт подпольной деятельности и определенное влияние в Индии, поэтому ответил согласием. По договоренности с КИ и при его финансовой поддержке сикхи должны были основать в Пенджабе прокоммунистическую организацию и учредить печатный орган для соответствующей пропаганды. В начале февраля 1923 г. гадаровцы отправились в Индию. Позднее, уже в 1926 г., Раттан Сингх снова посетил столицу СССР и привез с собой предложение от имени «Гадар» о принятии последней в Коминтерн³.

Несмотря на тесные взаимоотношения Коминтерна и «Гадар», последняя так и не стала секцией КИ. Причиной этого послужила не только разница в идеологических взглядах. Одного желания партии стать членом Коминтерна было мало для осуществления задуманного. Такие организации должны были иметь определенную структуру и вести деятельность согласно решениям конгрессов КИ. Ни партия «Гадар», ни основанная в Пенджабе Сантоком Сингхом группа «Кирти» этим требованиям не отвечала. Кроме того, партии, добившиеся членства в III Интернационале, теряли свою самостоятельность, т. к. отношения между Коминтерном и его секциями строились на принципах демократического централизма, что на практике означало беспрекословное подчинение членов КИ Москве. Дело в том, что гадаровское руководство желало вступить в Коминтерн, чтобы обеспечить себе стабильную материальную поддержку с его стороны. Видимо, индийские националисты не отдавали себе отчета об условиях, прилагавшихся к желаемому ими членству. Однако добиться своего они старались с завидным упорством.

Документы свидетельствуют, что во второй половине 1920-х гг. «Гадар» требовала для себя включения в Крестинтерн. В декабре 1927 г. оргсекретарь Н.Л. Орлов в письме разъяснял секретарю «Гадар» Мунши Сингху, что на тот момент его партия могла рассчитывать только на «моральную поддержку и симпатии» Крестинтерна», т. к. в своей деятельности продолжала ориентироваться на узкую заговорщицкую тактику⁴. Тем не менее параллельно Орлов писал заместителю наркома иностранных дел Л.В. Карахану, что имеющейся информации о деятельности «Гадар» достаточно, чтобы выдвинуть «вопрос о более тесной увязке этой организации с Крестинтерном»⁵.

Наиболее благоприятным развитием событий для Москвы было слияние пенджабской группы «Кирти» и созданной в 1925 г. Коммунистической партии Индии (КПИ). Но существенным препятствием для этого являлись напряженные отношения между «Кирти» и КПИ.

В 1926–1933 гг. группа «Кирти» активно старалась укрепить свое положение в Пенджабе и за его пределами, чтобы иметь возможность претендовать на статус секции Коминтерна. Контакты между гадаровцами и КПИ в этот период практически отсутствовали. В декабре 1933 г.

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 191. Л. 3.

⁴ Там же. Ф. 535. Оп. 2. Д. 67. Л. 17–17а.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 148. Л. 17–17а.

под воздействием Коминтерна большинство прокоммунистических формирований из разных провинций Индии вошли в состав КПИ, чем значительно усилили ее. Группа «Кирти» осталась независимой, однако потеряла шанс на вступление в КИ.

Гадаровцы не отчаялись и взяли курс на дискредитацию КПИ перед Коминтерном. В 1935–1937 гг. в Москву от членов «Гадар» и «Кирти» были направлены многочисленные письма и отчеты с критикой компартии. КПИ со своей стороны обвиняла гадаровцев в нежелании сотрудничать и нарушении партийной дисциплины. Руководство Коминтерна не предпринимало активных шагов в ликвидации противоречий между своими союзниками.

Обвинения, которые ЦК компартии выдвигало против «Гадар», были далеко не беспочвенными. В 1932 г. Рагган Сингх, знавший, что в КИ остро встал вопрос о нехватке студентов в индийской секции КУТВ, решил воспользоваться ситуацией и подал в ИККИ предложение о восполнении пробела за счет членов своей организации. По замыслу «Гадар», после обучения эти люди должны были отправиться на родину, внедриться в руководство КПИ и подчинить ее своей организации. План провалился: уже в университете часть членов «Гадар» попала под влияние преподавателей, вышла из подчинения лидеров своей партии и доложила о ситуации руководству КУТВ.

Летом 1935 г. в Коминтерне постарались принять срочные меры. Заместитель заведующего Восточным секретариатом ИККИ П.А. Миф разработал проект постановления о дальнейшей работе с гадаровцами. По сути, его предложения сводились к более лояльному отношению преподавателей КУТВ к гадаровцам, а также к словесному увещанию группы «Кирти» о тесной совместной работе с КПИ⁶. Реализация данных предложений привела лишь к замораживанию конфликта.

Столь мягкие меры объяснялись опасениями Коминтерна потерять важного союзника в лице «Гадар», от которого на 90 % зависела работа в Индии⁷. Действительно, несмотря на все сложности во взаимоотношениях между организациями, партия «Гадар» не только являлась основным проводником интересов Коминтерна в Индии, но и оказывала существенную помощь КИ и ее секциям в других странах. Важно отметить, что в вопросе об индийской работе именно группа «Кирти» первой протянула КПИ руку дружбы, с 1938 г. взяв курс на объединение с компартией. Этот долгий и трудный путь завершился слиянием двух организаций в мае 1942 г.

История сотрудничества партии «Гадар» и Коминтерна была полна противоречий, корень которых крылся в различиях идеологических установок двух организаций. Тем не менее это не мешало их плодотворному взаимодействию. Более того, в данном сотрудничестве Коминтерн вы-

⁶ Там же. Ф. 495. Оп. 16. Д. 20. Л. 26–27.

⁷ Там же. Д. 41. Л. 113.

ступил как организация, способная к гибкой политике и компромиссам, а члены партии «Гадар» прошли по пути серьезного изменения своих взглядов на будущее независимой Индии, многие из которых впоследствии стали искренними коммунистами.

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ОБЛОМКОВ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ КАК РЕФЛЕКТОРНАЯ ПРАКТИКА

*Журкина Анастасия Александровна
(Государственный академический университет
гуманитарных наук)*

Наша действительная современность – это, по словам французского историка П. Нора, «эпоха современного торжества памяти»¹. Атмосфера указанного времени характеризуется актуализацией восприятия исторических процессов, событий прошлого. В последнее десятилетие меняется отношение к событиям давности. Если брать во внимание тот факт, что история XX века включает в себя достаточно большое количество травмирующих событий, то становится понятна необходимость создания неких рефлексорных практик. Большинство глобальных событий XX века должны стать составной частью коллективной памяти наций. Именно драматургия событий XX века и послужила так называемому «буму памяти»².

Историческая память – составляющая коллективной памяти (что по М. Хальбваксу есть «форма социально конструируемой и поддерживаемой обществом памятью, которая изменяется в зависимости от потребностей и связей внутри группы, в рамках которой она существует»)³.

Историческая память важна не только для передачи опыта через поколения, но и для самоидентификации отдельного индивида в обществе. Однако стоит отметить, что историческая память не может существовать, не имея в связи некую материальную основу. Историческая память является продуктом репрезентации некоего прошлого через материальную составляющую. Зачастую, особенно в европейских практиках, встречается политика *place-making*, которая обозначает обустройство мест городского пространства с целью построения идентичности. Следуя мыслям упомянутого выше П. Нора, стоит отметить, что «места памяти» появляются там, где «есть стремление помнить и страх забыть».

¹ *Нора П.* Великое торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines/russ/ru/nz/2005/2/nora22/html> (дата обращения: 02.02.2019).

² Там же.

³ *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005 № 2–3. URL: <http://magazines/russ/ru/nz/2005/2/na2/html> (дата обращения: 15.02.2019).

Так, Берлин один из тех городов, которые можно и нужно «читать», Берлин один из самых политизированных городов в Европе. Причина в том, что очень долгое время Берлин находился в самом центре геополитических процессов. Берлин показывает в себе многообразие кросс-культурных площадок.

В Берлине множество примеров восприятия прошлого через городское пространство, а также переживания исторической памяти. Один из таких примеров – Берлинская стена. Возведенная в 1961 году Берлинская стена пала 9 ноября 1989 года. В 1990 году ГДР вошла в ФРГ, и Германия объединилась. И уже к концу 1990 года почти всю Берлинскую стену снесли, оставив лишь несколько фрагментов. Берлинская стена могла бы стать забытой, но это не случилось. Теперь трагическая память о ней и ее жертвах хранится мемориальным комплексом «Берлинская стена» на Бернауэштрассе. Место выбрано не случайно, – именно здесь, по домам, шла граница ГДР и ФРГ. Сами здания находились в восточном секторе, а тротуар в западном.

Одна из частей мемориального комплекса называется «Окно памяти», которая посвящена всем тем, кто пытался перебраться из восточного Берлина в Западный и погиб. Памятник сконструирован из ржавой стали и имеет несколько рядов с фотографиями погибших.

В состав комплекса «Берлинская стена» входит также часовня «Примирения», построенная в 2010 году. На ее месте до этого с 1892 года по 1985 год находилась евангелическая церковь «Примирения», которая является неким символом примирения.

Мемориальный комплекс был закончен в 2012 году и занимает 4 гектара. Данный комплекс дает возможность осознать и пережить травмирующие страницы истории страны. П. Нора⁴ также ввел понятие «долг памяти», которым впоследствии оперировали многие ученые, в том числе и Поль Рикер. Автор указывает, что необходима коммеморация травмирующего прошлого. Так, Рикер указывает на то, что последующие поколения научатся не совершать похожих ошибок. А также возможность помнить проблемное прошлое объединяет коллективную память в единый проект. У Рикера долг может принимать форму чувства вины⁵.

Несмотря на существование мемориального комплекса «Берлинская стена» на Мюлленштрассе, вдоль набережной Шпелле располагается самый знаменитый кусок Берлинской стены и носит название East Side Gallery. Данная часть Берлинской стены представляет собой 1316 метров картинной галереи, свое творчество на которой оставили 108 художников. Галерея находится под охраной государства с 1991 года. Именно на ней изображена картина, нарисованная по фотографии Эрика Хоннекера

⁴ Нора П. Великое торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22/html> (дата обращения: 02.02.2019).

⁵ Рикер П. Память, история, забвения. М., 2004. С. 128.

и Леонида Брежнева. Данная картина показывает гротеск оценки личностей и вносит в нарратив ноты «карнавальной культуры».

Пример Берлинской стены очень показательный, это трансформация ограничения и несвободы в памятник свободы.

Также стоит отметить, что фрагменты Берлинской стены как мемориалы находятся во многих странах, в том числе и в России, в Москве, у входа в музей и общественный центр Сахарова.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ БРИТАНСКОГО СУФРАЖИЗМА

*Зверева Мария Семеновна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Британский суфражизм получил распространение в конце XIX – начале XX века на фоне обострения социальных проблем: вопрос женского образования, экономических и гражданских прав и свобод, фабричного законодательства. Условия, в которых работали на фабриках, в шахтах, сильно влияли не только на производительность, но и на состояние здоровья рабочих. Позже недовольство вылилось в забастовки и требования провести реформы по расширению прав трудящихся и улучшения условий труда.

По мнению Ф. Энгельса, положение рабочего класса – основа всех социальных движений XIX века¹. Если рассматривать историю Великобритании с точки зрения развития пролетариата, следует отметить промышленную революцию XVIII века. Примерно за восемьдесят лет Англия превратилась в индустриально-развитую страну с преимущественно промышленным населением². Такие изменения привели не только к увеличению объемов производства, но и изменению потребностей населения и его нравственных устоев. В итоге большое количество людей переехало в города для работы на фабриках; внедрение в процесс производства машин позволило привлечь к труду больше детей и женщин.

С ростом объемов производства увеличивалась продолжительность рабочего дня – до 18 часов³, а заработная плата при этом падала^{4,5}. Такая реакция была вызвана возросшим уровнем безработицы и обесцениванием труда – кандидатов на рабочее место было в разы больше, чем этих мест, поэтому работодатели могли создавать любые условия из-за отсутствия конкуренции.

¹ *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 9 т. М., 1984. Т. 2. С. 238.

² Там же. С. 256.

³ Там же. С. 371.

⁴ На некоторых фабриках в хлопчатобумажной отрасли в 1844 году мужчинам платили по 8–9 шиллингов в неделю, детям – по 5 шиллингов. См.: *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 372.

⁵ Там же. С. 264–265.

В итоге зарплаты глав семей не хватало, и женщинам так же приходилось выходить на работу, вследствие чего дети оставались либо без присмотра, либо вынуждены работать вместе с родителями⁶. Так, процветала эксплуатация женского и детского труда из-за их дешевизны и, опять же, готовности рабочих соглашаться на любые условия.

В работе Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845) приведены следующие данные по численности занятых на фабричном производстве Великобритании в 1839 г.:

«Из 419 560 фабричных рабочих Великобритании (1839 г.) 192 887 человек, т. е. почти половина, были моложе 18 лет; 242 296 были женского пола, из них 112 192 моложе 18 лет. Таким образом, получается, что из рабочих мужского пола 80 695 были моложе 18 лет, а взрослых мужчин-рабочих насчитывалось всего 96 569, или 23 %, т. е. меньше четверти общего числа рабочих»⁷. Таким образом, женщины составляли 57,7 % от общего числа рабочих, при этом несовершеннолетние девушки – 26,7 %.

Там же указаны проценты занятости женщин в разных видах промышленности⁸:

Хлопчатобумажные фабрики – 56,4 %;

Фабрики шерстяных изделий – 69,5 %;

Шелковые фабрики – 70,5 %;

Льнопрядильные – 70,5 %.

Эммелин Панкхерст⁹, член Независимой лейбористской Партии и Опекунского совета по выполнению Законов о бедных¹⁰, позже описала в автобиографии условия, которые были в Манчестерском рабочем доме в 1894 г.: маленькие семи- и восьмилетние девочки на коленях мыли холодные каменные полы, что вызывало эпидемии бронхита; беременные женщины наравне с другими занимались тяжелым физическим трудом; после рождения детей не было возможности оказать должный уход младенцам¹¹.

Общей проблемой всех трудящихся были профессиональные болезни: на хлопчатобумажных фабриках – туберкулез, шахтеры страдали от астмы, трубочисты – от рака, работники бумажных заводов – от отравления свинцом¹². Плохо проветриваемые и плохо освещаемые помещения цехов

⁶ *Кучинский Ю.* История условий труда в Великобритании и Британской империи / пер. с англ. Б.Н. Мандельцвейга; под ред. и с предисл. А.Н. Сидорова. М., 1948. С. 65.

⁷ *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 373.

⁸ Там же.

⁹ Эммелин Панкхерст (15 июля 1858 – 14 июня 1928) – британская общественная и политическая деятельница, борец за права женщин, лидер британского движения суфражисток.

¹⁰ Закон о бедных 1834 года (англ. Poor Law Amendment Act 1834) – законодательный акт, регулирующий деятельность рабочих домов и условия проживания в них.

¹¹ *Pankhurst E.* My Own Story. N.Y.: Hearst International Library, 1914. P. 25.

¹² *Койти Е.К.* Недобрая старая Англия. СПб., 2013. С. 124.

приводили к большому количеству несчастных случаев – в 1840-х годах на каждую тысячу – около пятнадцати несчастных случаев¹³.

Попытки улучшить положение рабочих стали проводиться еще в начале XIX века. В 1802 г. был принят предложенный Р. Пилем Законодательный акт, согласно которому на бумаго- и шерстопрядильных фабриках должны были сократить продолжительность рабочего дня до двенадцати часов и прекратить ночную работу. Однако этот закон так и остался мертвой буквой¹⁴. Только в 1833 г. по новому Фабричному закону был учрежден институт инспекции фабричного законодательства, который должен был проверять, насколько выполняются предписания нормативно-правовых актов.

Как было указано выше, британская феминистка и суфражистка Э. Панкхерст обратила свое внимание на проблему условий труда в рабочих домах Манчестера. Она предприняла попытку улучшить эти условия: добилась выделения детям отдельного коттеджного дома с хорошей системой отопления и даже с гимнастическим залом и бассейном для купания. Так же была создана школа, в которой дети могли получить качественное базовое образование¹⁵.

Однако ее усилия, направленные на изменения текущего положения дел, столкнулись с сопротивлением со стороны попечительского совета и правительства. Данная система не могла адекватно работать при старом законодательстве: изменять необходимо было не только законы, регулирующие права детей и бедняков, но и всех жителей Англии. Следовательно, было необходимо полностью реформировать законодательную систему. В первую очередь Э. Панкхерст обратила внимание на социально-экономический и политический статус женщин и их избирательное право¹⁶. При отсутствии у половины взрослого населения страны возможности влиять на развитие общества и построения политической системы через голосование воздействовать на решение проблем в трудовом праве будет практически невозможно. В результате она стала активно продвигать идеи политического равноправия и предоставления женщинам права участвовать в выборах как основу политических прав.

¹³ Коути Е.К., Гринберг К. Женщины викторианской Англии: от идеала до порока. М., 2016. С. 153.

¹⁴ Деметьев Е.М. Фабричное законодательство // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907. Т. 35. С. 177.

¹⁵ Pankhurst E. My Own Story... P. 25.

¹⁶ Ibid. P. 26.

О НЕКОТОРЫХ ИСТОКАХ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К КРЕСТЬЯНСТВУ

Иванов Алексей Олегович

*(Башкирский государственный педагогический университет
имени М. Акмуллы)*

История российского крестьянства как самой массовой части населения страны всегда привлекала внимание отечественных историков. Отметим, что именно крестьянство сыграло немаловажную роль в революционных событиях 1917 г. и ряда последующих лет. Автор этих строк разделяет мнение о том, что «История СССР – это история модернизации крестьянской страны за счет внутренних ресурсов, главными из которых была деревня, ее экономический и людской потенциал»¹.

В настоящей статье предпринимается попытка проследить наиболее важные теоретические разработки российских и зарубежных ученых, а также представления теоретиков российского марксизма о крестьянстве, которые отчасти эволюционировали в менявшихся исторических условиях, при этом во многом сохраняя свои фундаментальные основания.

Итак, достаточно жесткая, зачастую карательная, политика партии большевиков по отношению к крестьянству в период Гражданской войны имела глубокое теоретическое обоснование и своими корнями уходила в положения, выдвигаемые в различных работах основоположников марксизма – К. Маркса и Ф. Энгельса.

В работе «Принципы коммунизма» (ноябрь 1847 г.) Ф. Энгельсом сформулированы основные пункты мероприятий, направленных на достижение цели революции. По мнению Энгельса, наиболее значимые из них «...ограничение частной собственности, постепенная экспроприация земельных собственников... образование промышленных армий, в особенности для сельского хозяйства»².

В одном из первых программных документов – «Манифесте коммунистической партии», опубликованном в феврале 1848 г., содержатся основные идеи учения К. Маркса и Ф. Энгельса, в том числе и по вопросу о крестьянах, где отмечается: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно рево-

¹ Кондрашин В.В. Аграрная история России XX века: актуальность, проблемы, состояние, перспективы изучения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2012. № 2–2. С. 11.

² Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 87.

люционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности... Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин... Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более: они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории»³. Таким образом, можно сделать вывод о том, что основоположники марксизма весьма упрощенно толковали социальную психологию крестьян, относились к ним отрицательно, считая, что оно практически ни на что не способно, реакционно и не может развиваться.

В свою очередь российские марксисты развили теоретические положения К. Маркса и Ф. Энгельса относительно крестьянства. Так, Г.В. Плеханов и меньшевики также видели в крестьянстве реакционную силу, но считали, что союзником пролетариата в революции должны быть либеральные круги буржуазии⁴. Основная мысль Г.В. Плеханова о роли крестьянства заключается в констатации его реакционной роли в предстоящей революции. Революционным классом, по его мнению, является только пролетариат⁵, крестьянство никогда таковым не будет. Как теоретик марксизма Г.В. Плеханов фактически полностью встал на позиции Маркса и Энгельса о реакционной роли крестьянства и перенес эти положения на российские реалии, но в то же самое время он явно недооценил сохранившиеся остатки крепостничества в пореформенной России.

В свою очередь, В.И. Ленин адаптировал для российских реалий теорию К. Маркса и Ф. Энгельса с сохранением тезиса о консервативности, реакционности крестьян, исключая «деревенскую бедноту».

Поскольку объем и формат данной статьи не позволяет подробно рассмотреть эволюцию взглядов В.И. Ленина, остановимся на них кратко.

Отстаивая идею необходимости социальной революции в России в середине 1910-х гг., он прогнозировал неизбежный кризис капиталистической системы производственных отношений и в том числе иллюзорность экономического благополучия для крестьян в случае сохранения этой системы⁶.

В Апрельских тезисах В.И. Ленин высказал мысль о том, что «мы не можем знать определенно в настоящее время, разовьется ли в ближайшем будущем могучая аграрная революция в русской деревне»⁷. По мысли В.И. Ленина, невозможно пока определить, насколько далеко зашел раскол крестьянства на бедных, средних и зажиточных. Уже в это вре-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 1. С. 117.

⁴ Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова: в 3 т. Т. II. Г.В. Плеханов и международное рабочее движение. М., 1973. С. 375.

⁵ Г.В. Плеханов. Сочинения. Т. II. / под ред. Д.Б. Рязанова, изд. 2-е. М.; П., 1925. С. 335.

⁶ Ланской Г.Н. Российское крестьянство в представлениях теоретиков большевизма // Северо-Запад в аграрной истории России. 2012. № 19. С. 210.

⁷ Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 31. С. 165.

мя В.И. Ленин высказал идею о создании отдельных советов батрацких депутатов, прежде всего как форму контроля над крупными хозяйствами, которые должны быть образованы из конфискованных помещичьих имений⁸. Забегая вперед, скажем, что положения «Апрельских тезисов» фактически были реализованы весной–летом 1918 г. при создании комитетов бедноты.

В решении VI съезда РСДРП(б) (август 1917 г.) по аграрному вопросу было подтверждено требование конфискации помещичьей земли и национализация всей земли⁹. Также было обозначено требование организации «правильного» обмена между городом и деревней¹⁰. За этим положением скрывался принцип прямого продуктообмена, попытки реализации которого были предприняты после прихода большевиков к власти. Взятие большевиками власти и II Съезд Советов позволили приступить к реализации аграрной программы.

Весной 1918 г. В.И. Ленин подчеркивал, что «главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства... является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»¹¹. Решение этой задачи, несомненно, требовало опоры на беднейшее крестьянство, что, в свою очередь, вызвало ожесточенное сопротивление всего остального крестьянства, прежде всего его зажиточной части. Как ответ на эти крестьянские выступления последовало ужесточение репрессивных методов при проведении аграрной и продовольственной политики.

История антибольшевистских крестьянских восстаний в советский период освещалась с точки зрения В.И. Ленина как основоположника и разработчика всей идеологической доктрины государства: «Кулаки – бешеный враг Советской власти. ...Кулаки – самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов...»¹² Таким образом, углубление революции в деревне стало одной из главных причин разгоревшейся в России гражданской войны.

В заключение отметим, что в условиях российских реалий осени 1917 г. и весны 1918 г., связанных с продовольственным кризисом, возникла острая необходимость разработки схемы продовольственного

⁸ Там же.

⁹ Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза: шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 года: протоколы. М., 1958. С. 242.

¹⁰ Там же. С. 210.

¹¹ Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 27. С. 171.

¹² Ленин В.И. Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 37. С. 40–41.

обеспечения революционных центров. Именно подобная схема и была разработана, затем апробирована на Уфимской губернии местными большевиками – А.Д. Цюрупой, Н.П. Брюхановым и другими. За высокую эффективность своей деятельности их перевели в Москву. В свою очередь, социально-экономическое давление на наиболее обеспеченные деревни Уфимской губернии привело к острому противостоянию большевиков и местного крестьянства, что выразилось в ряде крестьянских восстаний в первой половине 1918 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ УССР В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 гг.

Иванов Вячеслав Александрович, к.и.н.

Военный конфликт между Советским Союзом и Финляндией не обошел стороной и Украинскую ССР, несмотря на то, что боевые действия происходили на северо-западных и северо-восточных областях СССР. В это время Украинская ССР уже была втянута непосредственно во Вторую мировую войну, так как на базе военных округов республики (Киевского Особого, Харьковского и Одесского) в сентябре 1939 г. сформировывается т. н. «Украинский фронт» под командованием командарма 1-го ранга С.К. Тимошенко (в дальнейшем именно войска Северо-Западного фронта под его руководством осуществили прорыв «линии Маннергейма» 11 февраля 1940 г.)¹. Военная операция, сопровождавшаяся процессами советизации и деполонизации края (именовавшаяся в советской историографии «Освободительным походом»)², закончилась присоединением Западной Украины к Украинской ССР. Тем не менее, уже 30 ноября 1939 г. СССР начитает новую войну с Финляндией, в которую постепенно втягивается УССР и украинское общество, с учетом новоприсоединенных территорий, естественно, с разным уровнем социально-экономического, политического и культурного уровня развития.

Анализируя источники и историографию вопроса, мы можем проследить закономерность отношения населения Украинской ССР к советско-финляндской войне 1939–1940 гг., так как она вызвала разнообразные настроения, во многом сформированные под влиянием антифинской агитации, пропаганды и коммунистической идеологии. Отметим, что в условиях советско-финляндского конфликта украинское общество разделилось на две группы, которые придерживались противоположных точек зрения. Партийная номенклатура, часть интеллигенции, пролетариат, солдаты и офицеры Красной армии, служившие на территории Украины, в официальных и неформальных беседах, встречах высказывали поддержку действиям Советского Союза в Финляндии. В частности, об этом

¹ Зимняя война 1939–1940. Политическая история / отв. ред. О.А. Ржешевский, О. Вехвилайнен. М., 1999. Кн. 1. С. 307–324.

² Краснознаменный Киевский. Очерки истории Краснознаменного Киевского военного округа 1919–1979 / отв. ред. Серебряков Г.И., Буйский Б.Н., Вовк А.А. и др. К., 1979. С. 118–123.

свидетельствует проведение митинга рабочих Харьковского тракторного завода им. С. Орджоникидзе в связи с началом военных действий³.

Широкие массы украинского крестьянства, прочие рабочие массы, жители городов и местечек, пережившие коллективизацию, насильственные реквизиции хлеба, зерна и сельхозпродукции (в украинской историографии т. н. «Голодомор» («Великий голод» 1932–1933 гг.)⁴, спецоперации НКВД во времена Большого террора 1937–1938 гг., встретили военные действия на далекой советско-финляндской границе с остороженностью, опасениями, высшей степени тревожности и даже негативом⁵. Киевский инженер в сфере строительства Ф.П. Пигидо (псевдоним «Правобережный») в своих записях, относящихся к 1939 г., отмечал: «...события так называемой “Финляндской войны”, – этого удивительного достойного соперничества маленькой Финляндии с советским гигантом, когда СССР, “обороняясь” от “агрессии” Финляндии, “вынужден” был перейти ее границы и начать “защищаться” от обидчика».⁶ Естественно, он не высказывал свои мысли вслух, боясь доносчиков, но довольно тонко передал на страницах своих воспоминаний атмосферу, которая царила на Киевщине в годы советско-финляндской войны, высказывая поддержку борьбе финнов с превосходящими силами РККА. Л. Овчаренко, пережившая на Харьковщине нацистскую оккупацию и террор, военный и послевоенный голод, подчеркивала в своих свидетельствах, что Финская кампания в ее семье воспринималась как близкая трагедия: «А потом был еще 1939 год, когда мой восемнадцатилетний брат ушел добровольцем на финскую войну. Хорошо помню, как мы прощались, не выходя из дома. Мама напутствовала его, он меня, чтобы я ничем не расстраивала маму. Слез не было. Но когда дверь за ним закрылась, и мы в окно увидели, как брат пошел со двора, мама разрыдалась... Я ее рыдающей в жизни больше не видела!»⁷

К тому же следует отметить, что украинское общество уже жило в реалиях Второй мировой войны, так как 17 сентября 1939 г. войска Украинского фронта перешли границу с Польшей и к началу октября заняли всю Западную Украину. Несмотря на дискриминацию украинского населения в Польской республике, политику колонизации, католици-

³ Центральный государственный кинофотофоноархив Украины имени Г.С. Пшеничного (ЦДКФФАУ ім. Г.С. Пшеничного). од. обл. 104. Кіножурнал «Радянська Україна».

⁴ *Кульчицький С.* Голодомор 1932–1933 рр. як геноцид: труднощі усвідомлення. К., 2008. 424 с.; *Веселова О.М., Марочко В.І., Мовчан О.М.* Голодомори в Україні. 1921–1923, 1932–1933, 1946–1947. Злочини проти народу. Дрогобич, 2008. 273 с. и др.

⁵ Радянські органи державної безпеки у 1939– червні 1941 р.: Документи ГДА СБУ України / упоряд. В. Даниленко, С. Кокін. К., 2009. С. 1077–1121.

⁶ *Пігидо-Правобережний Ф.* «Велика Вітчизняна війна». [Спогади та роздуми очевидця]. К., 2002. С. 16.

⁷ Книга пам'яті Дробицького яру: Спогади. Нариси. Документи / авт.-укл. В.П. Лебедева, П.П. Сокольский. Х., 2004. С. 147.

зации, экономически аграрно-индустриальная Речь Посполитая была успешнее своего восточного соседа. По рассказам красноармейцев, побывавшим в Западной Украине, советские украинцы имели возможность сравнить уровень жизни и благосостояния своих соседей, что в свою очередь привело к усилению антисоветских настроений среди общества Украинской ССР, усилившихся под влиянием тактических неудач Советского Союза в Финляндской кампании⁸.

Завершение военных действий между СССР и Финляндией в марте 1940 г. подвело итог масштабной общественной и политической дискуссии, которая имела место среди населения Украинской ССР. В советской и российской постсоветской историографической мысли аспекты участия Украинской ССР и общественно-политические настроения населения республики не освещались. В отличие от Польской и Бессарабской кампаний, советско-финляндская война 1939–1940 гг. не заняла особое место в коллективной исторической памяти украинцев, как позднее Великая Отечественная война (в новейшей украинской историографии германо-советская) 1941–1945 гг., в первую очередь из своей удаленности от границ Украины. Однако следует подчеркнуть, что население УССР, в целом не поддерживало политические амбиции руководства советского государства, так как военные действия пагубно отражались на военном, социальном и экономическом аспектах жизнедеятельности республики.

Территория республики стала плацдармом для участия подразделений РККА в военных походах и операциях 1939–1941 гг., в которых были задействованы граждане УССР и выходцы из нее. Во многом их позиция и личные взгляды влияли на формирование общественного мнения украинского общества, отражая в разной мере различные коллективные настроения. В частности, на наш взгляд, в преддверии нападения нацистской Германии на СССР в 1941 г., неудачи СССР в Финской кампании усилили недоверие среди украинского населения в политику Коммунистической партии и мощь Красной армии.

⁸ *Гриневич В.А.* Неприборкане різноголосся: Друга світова війна і суспільно-політичні настрої в Україні. 1939 – червень 1941 рр. Київ: Дніпропетровськ, 2012. С. 82–98.

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОГО ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991 гг.) НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

*Иванов Александр Михайлович, к.и.н.,
Аксенова Екатерина Кирилловна
(Саратовская государственная юридическая академия,
Смоленский филиал)*

Реформы второй половины 1980-х гг. радикально изменили отношение к политике в российском обществе. Политическое участие стало способом проявления гражданского отношения к реформам. Резко возрос уровень массовости в общественных движениях. Иным стало отношение к выборам, формальное, пассивное, обязательное участие в комсомольской, партийной, профсоюзной, депутатской общественно-политической работе сменилось массовым энтузиазмом.

XIX конференция КПСС 1988 г. положила начало демократизации и гласности, борьбе с бюрократизмом и построением правового государства, децентрализации и устранения монополии КПСС. В стране началось формирование новых общественно-политических движений, фронтов, союзов, партий, которые сперва называли «неформальными» (в противовес «формальным» организациям, профсоюзам, комсомолу, официальным союзам писателей и журналистов)¹.

В июле 1989 г. в Смоленске по инициативе Э.А. Борохова была организована инициативная группа «За Смоленский народный фронт» в составе 12–15 человек. Программные положения и устав движения в основном были позаимствованы у Московского народного фронта². В августе 1989 г. на первом собрании группы (в романтической обстановке на одной из лужаек «питомника») был выбран временный координационный совет, который включал в себя пять человек (Э.А. Борохов, Е.Н. Никитин, В.Г. Руцко, В.И. Ермолаев) и инициативная группа 30 человек³. В октябре 1989 г. они принимали участие в съезде «Российского народного фрон-

¹ Неформальная Россия. О неформальных политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника). М. С. 35.

² *Привалов П.* Перестройка всей надстройки. О будущем страны, демократии, многопартийности размышляют представители неформальных движений Смоленщины, коммунисты и беспартийные // Рабочий путь. 1990. 2 августа. С. 2.

³ За Смоленский народный фронт // Смена. 1990. 13 января. С. 6.

та», проходившего в Ярославле⁴. В основу ставились общечеловеческие ценности, многопартийность, плюрализм, как в политике, так и в экономике. Большое внимание уделялось борьбе за отмену шестой статьи Конституции СССР. Эти цели объединяли самых разных людей: рабочих и интеллигенцию, марксистов и антикоммунистов.

Большую роль СНФ сыграл в период предвыборной кампании в местные Советы народных депутатов РСФСР 1989 г. На митинге смоленского народного фронта 3 декабря 1989 г., посвященном предстоящим выборам, под лозунгами «Вся власть Советам!», «Позор последней сессии Верховного Совета РСФСР ненародных депутатов!», «Не допустим нового сталинизма!» была озвучена платформа межрегиональной группы Верховного Совета СССР, которая являлась основой деятельности и СНФ. Выступление актива СНФ содержали призывы к избирателям повысить свою политическую активность на предстоящих выборах⁵. В январе 1990 г. инициативная группа Смоленского народного фронта отправилась в горисполком, и ей была предоставлена возможность проводить митинги в помещении Промышленного райвоенкомата. В течение всей предвыборной кампании проходили митинги. Первоначально на них собиралось 25–30 человек, а на завершающем этапе компании зал не вмещал всех желающих. СНФ проводил и другие акции. Самые заметные – акция поминовения академика Сахарова и митинг 25 февраля 1990 г., на котором люди впервые увидели трехцветные флаги и людей с надписями «СНФ» на нарукавных повязках⁶. Достижением народного фронта можно считать создание в апреле 1990 г. своего печатного органа – газеты «Сход». Первый номер, которой вышел к первой сессии областного Совета, содержал материалы против избрания бывшего первого секретаря обкома партии председателем областного СНД. Всего вышло шесть таких номеров.

Очередным проявлением демократических взглядов стало принятие летом 1990 г. на одном из митингов Смоленского народного фронта предложения закрытия областных партийных, профсоюзных и комсомольских контор и направления их работников в сельские районы Смоленской области для оказания непосредственной помощи в уборке урожая. Так же выдвинули предложение о том, чтобы руководители партийных и советских органов г. Смоленска один день в неделю отказывались от пользования служебным транспортом, особенно в личных целях, чтобы сэкономленный бензин передать в районы для нужд сельского хозяйства региона⁷.

⁴ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 80. Д. 26. Л. 251.

⁵ *Смирнов В.* Горькая правда о движении «За Смоленский Народный Фронт» // Рабочий путь. 1990. 10 января. С. 3.

⁶ *Ермолаев Н., Ручко В.* «Политику можно делать чистыми руками». Интервью с представителями народного фронта в Смоленске // Рабочий путь. 1991. 18 октября. С. 2.

⁷ *Красновский И.* Митинг! Митинг. Митинг? // Смена. 1990. 11 августа. С. 5.

Смоленский народный фронт был зарегистрирован Смоленским городским советом 24 августа 1990 г. и стал первой организационно оформленной общественно-политической силой, открыто заявившей о своей оппозиционности КПСС. Состав СНФ был следующим: координационный совет в количестве девяти человек, инициативная группа 30 человек. Главной задачей – провозглашение демократизации государства и общественной жизни, установление народовластия, содействие построению правового государства⁸. Программные документы СНФ содержали следующее: отмена политической монополии КПСС; демократизация общества; многоукладность экономики и т. д. Несмотря на то что он не имел четко выраженной программы действий и реформ, прочной социальной основы и ориентации, проводимые общественно-политические мероприятия в значительной степени способствовали политизации населения региона⁹.

Радикальным крылом Смоленского народного фронта являлось движение «Демократическая инициатива», делавшее ставку на умеренно-либеральную интеллигенцию при постепенном переходе к парламентскому государству, основанному на многопартийной системе. При этом движение не обладало четкой программой и Уставом, свою деятельность осуществляла путем озвучивания критики на митингах, проходивших на территории Смоленской области¹⁰.

Во второй половине 1990 г. внутри СНФ наметились существенные противоречия во взглядах на политическую действительность, что привело к массовому выходу членов фронта из его состава. Летом 1990 г. вышел из состава Н.В. Ермолаев, заявление об его уходе было опубликовано в «Рабочем пути»¹¹. Вслед за ним из состава Смоленского народного фронта вышел Э.А. Борохов, который попытался создать социал-демократическую партию, а затем отошел от политики и занялся предпринимательством. За ним ушли и А.Н. Морозов, Г.И. Косенков и другие члены, которые впоследствии вошли в состав создававшихся ячеек новых партийных образований¹². Остались лишь те, кто составлял костяк СНФ: А.И. Маноим (конструктор с «Аналитприбора»), А.И. Журавлев (рабочий

⁸ Без комментариев. Движения. Общества. Партии // Смоленские новости. 1991. 5 января. С. 2.

⁹ Политику можно делать чистыми руками. Интервью с представителями народного фронта в Смоленске // Рабочий путь. 1990. 18 октября. С. 2.

¹⁰ *Сереевков В.* Куда идут неформалы? // Рабочий путь. 1989. 22 декабря. С. 3.

¹¹ *Ермолаев Н., Ручко В.* «Политику можно делать чистыми руками». Интервью с представителями народного фронта в Смоленске // Рабочий путь. 1991. 18 октября. С. 2.

¹² *Красновский И.* Митинг! Митинг. Митинг? // Смена. 1990. 11 августа. С. 5.

«Измерителя»¹³. Новое партийное образование получило название смоленской региональной организации социал-демократов (СРОСД).

6 января 1991 г. в г. Смоленске состоялся митинг-собрание демократических сил города, организованный по инициативе СНФ и движения «Демократическая Россия» с целью объединения демократов Смоленской области в один блок для создания реальной альтернативы и оппозиции КПСС. На митинге выступали представители СНФ, РХДД, ДПР, республиканской партии, социал-демократы, представители движений «Демократическая Россия» и «Демократическая инициатива», а также секретарь смоленского горкома КПСС Л.Т. Шляпана¹⁴.

Итогом митинга стало решение о подготовке и проведении учредительного собрания депутатской группы «Демократическая Россия», которое состоялось 21 января 1991 г. В ходе него были обозначены ключевые задачи деятельности депутатской группы: поддержка суверенитета России, развитие и защита демократических преобразований на Смоленщине, борьбе за внедрение рыночных отношений в области¹⁵.

В общественно-политической городской газете, учрежденной смоленским городским СНД, «Смоленские новости» был опубликован список членов депутатской группы «Демократическая Россия», в который вошло 29 человек, в т. ч. депутаты смоленского областного совета, горсовета и райсоветов.

13 апреля 1991 г. около 80 представителей различных партий, общественных движений и групп собрались на областную учредительную конференцию движения «Демократическая Россия», в том числе и один делегат от Смоленского народного фронта. Конференция приняла заявление объединить демократические силы с целью содействия проведения демократических преобразований на территории Смоленской области и создание областной организации движение «Демократическая Россия» как союза региональных отделений партий, движений демократической направленности. В своей деятельности движение руководствовалось Уставом и Декларацией, принятой Учредительным собранием движения 21 октября 1990 г. в Москве¹⁶. 24 апреля 1991 г. Министерство юстиции РСФСР зарегистрировало смоленское отделение движения «Демократическая Россия»¹⁷. Деятельность Смоленской организации сводилась к разъяснительной работе среди населения, внутри трудовых коллективов, распространение «Демократической газеты» и т. д.¹⁸

¹³ «Политику можно делать чистыми руками». Интервью с представителями народного фронта в Смоленске // Рабочий путь. 1990. 18 октября. С. 2.

¹⁴ Демократы объединяются // Смоленские новости. 1991. 9 января. С. 1.

¹⁵ В горсовете // Смоленские новости. 1991. 26 января. С. 3.

¹⁶ Демроссы Смоленщины: вместе и вперед! // Смоленские новости. 1991. 16 апреля. С. 1.

¹⁷ «Демроссия» в законе // Смоленские новости. 1991. 7 мая. С. 1.

¹⁸ Красильников В. Нас мало, но голос наш слышен // Рабочий путь. 1991. 30 ноября. С. 2.

Учредителем Демроссии в Смоленске выступил народный фронт, и еще в июне 1991 г. городская организация движения была зарегистрирована в республиканском координационном совете. Смоленская городская организация «Демократическая Россия» выдвинула своего кандидата на должность главы городской администрации – Н.В. Ермолаева¹⁹. В партию «Демократическая Россия» в конце 1990 – начале 1991 г. вошел и Смоленский народный фронт.

Таким образом, в Смоленской области в ходе перестройки Смоленский народный фронт стал первой организационно оформленной общественно-политической силой, открыто заявлявшей о своей оппозиционности КПСС. Однако эта группа не была достаточно сформирована и многочисленна и не могла претендовать на руководящую роль управления в стране.

¹⁹ Ручко В., Журавлев А. На перекрестке мнений // Рабочий путь. 1991. 30 ноября. С. 1.

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ВЗГЛЯДОВ ДЖОРДЖА Ф. КЕННАНА

Иванова Надежда Андреевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Значимое место в истории советско-американских отношений занимает период холодной войны. Одной из личностей, которые непосредственно повлияли на становление внешнеполитического курса США во второй половине 1940-х годов, был Джордж Фрост Кеннан, создатель телеграммы № 511 от 22 февраля 1946 года, которую позже назвали «длинной телеграммой». Этот документ дает своего рода инструкции к выстраиванию отношений с СССР на международной арене. По мнению некоторых исследователей, телеграмма частично поспособствовала началу холодной войны.

В современной историографии данная телеграмма достаточно известна, и многие анализировали ее, используя разные методы и подходы. Однако практически каждый значимый документ напрямую отражает позицию его создателя. Именно поэтому исследование мировоззрения автора, а также факторов, которые повлияли на него, является неотъемлемой частью анализа источника. Таким образом, анализ биографии Кеннана до момента создания «длинной телеграммы» помогает выделить те ключевые факторы, которые повлияли на трансформацию его восприятия СССР.

Одним из наиболее значимым фактором было его образование. После учебы в Принстонском университете Кеннан имел достаточно нейтральный взгляд как на международные отношения в целом, так и на перспективы развития американо-советских отношений в частности. Его позиция изменилась после вступления в программу по обучению специалистов со знанием редкого иностранного языка, куда относился и русский. В рамках подготовки к этой программе он сначала проходил стажировку в специальном центре в Таллине, который в основном занимался шпионской деятельностью¹. Далее его отправляют в Ригу, в отделение по делам Восточной Европы. Данный отдел с момента своего создания преследовал в первую очередь цель сбора информации и организации механизма влияния на принятие важных политических решений в регионе². Все гла-

¹ *Gaddis J.L.* George F. Kennan: an American life. New York: The Penguin Press, 2011. P. 34.

² *Gaddis J.L.* Op. cit. P. 45.

вы данного центра (Бэзил Майлс, Дэвитт К. Пул) имели негативный образ сначала России, а потом и СССР и пытались навязать такой же образ членам Госдепартамента и обычным гражданам. Именно там Кеннан познакомился с Робертом Келли, главой центра в тот момент и создателем-куратором образовательной программы, в которую он вступил. Келли был противником признания СССР как страны и ярким ненавистником коммунизма. Исходя из этого, неудивительно, что весь этап обучения носил предубежденный характер и настраивал дипломатов видеть только негативные качества в стране-партнере. Влияние рижского отделения напрямую нашло отражение в оценке личности Кеннана историками.

После стажировки его стали считать сторонником «Рижской аксиомы», созданной в противовес «Ялтинской аксиоме»³. Последователи «Рижской аксиомы» выступали за открытую конфронтацию с СССР, разрыв дипломатических и экономических отношений, всеобщее порицание страны за ее политические взгляды. Таким образом, несмотря на то что многие исследователи приписывают коренное изменение внешнеполитического курса США именно послевоенному периоду, можно увидеть, что уже в 1930-х годах велась подготовка кадров, нацеленная на неприятие коммунистической системы и СССР как страны в целом. Кеннан является ярким примером эффективной деятельности этой системы.

Не стоит упускать из внимания и характер самого Кеннана. Он четко дифференцировал себя по географическому признаку как уроженец Среднего Запада. Хотя зачастую именно этим фактором он пытался оправдать свою асоциальность и неумение легко коммуницировать с людьми. Так же он считал себя частью своего рода, представители которого были в основном фермерами⁴. Именно отсюда у него появятся приверженность идее коллективизма, что найдет отражение в его политических взглядах. Свои идеи о государственном устройстве позднее он изложил в эссе «Предпосылки», в котором достаточно явно высказал свою поддержку национализма, авторитаризма и ограничению выборов по разным критериям⁵. Неоднократно Кеннан будет ссылаться и на работы своего родственника Кеннана Старшего, который покорила его еще в детстве своими произведениями, носившими, как надо заметить, крайне русофобский характер.

В мемуарах он даже упомянет, что ему «следует по мере сил продолжать дело знаменитого тезки»⁶. Ранняя потеря матери, трудные отношения с отцом также внесли свою лепту. В итоге дипломат описывал себя как человека независимого, целеустремленного и даже немного гениального. По воспоминаниям современников он скорее был высокомерным

³ *Daniel Yergin*. Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977.

⁴ *Kennan G.F.* Memoirs, 1925–1950. Boston, 1967. P. 9.

⁵ *Gaddis J.L.* George F. Kennan: an American life. New York, 2011. P. 34.

⁶ *Kennan G.F.* Op. cit. P. 17.

и замкнутым. Например, исследователь Хиксон пишет, что «Кеннан рассматривал себя как аутсайдера, который стал таким из-за своего интеллектуального превосходства, и естественно, он перестал ожидать, что его взгляды получат одобрение других»⁷. Он был уверен в правильности любого выбора, который делал, а себя считал интеллектуалом, понимающим лучше других любую ситуацию.

Ярким примером служит его своеволие во время оглашения официального ответа американского правительства на сообщение о передаче Португалией Азорских островов в 1943 году. Он заявил португальскому правительству, что США признают за Португалией право владеть островами. Данная позиция была не согласована с Госдепом. Стоит отметить еще одну черту характера, которая достаточно сильно повлияла на дипломата, – это склонность к романтизации. Очень часто Кеннан создавал свой идеализированный образ и испытывал тяжелое потрясение и апатию, когда сталкивался с реальностью и не находил в ней отражение своего субъективного восприятия. Именно это неоднократно происходило с СССР после каждого выезда и возвращения в страну.

Стоит отметить и общий настрой политической элиты. На момент выхода телеграммы у США не было четко спланированной внешнеполитической стратегии, что сам Кеннан неоднократно отмечал в своих мемуарах. Интересно, что телеграмма вышла в свет и получила огласку в удобное время после смены президента и его кабинета. Сами идеи, описанные в послании, были не новыми, они присутствовали как в послании Буллита⁸, выпущенном ранее, так и в предыдущих работах Кеннана, которые он отправлял в Госдепартамент. Однако именно «длинная телеграмма», которая была более структурированная и более резкая в отношении к СССР, получила широкую огласку и признание. Желание стать создателем внешнеполитической доктрины заставляло Кеннана воспринимать СССР в более негативном ключе и делать упор только на отрицательные стороны страны.

Таким образом, на примере трансформации жизни одного политика можно рассмотреть процесс смены внешнеполитического курса США в отношении СССР. Кеннан родился в переломный для страны период и, сам того не замечая, следовал по пути, который соотносился с общими настроениями в Госдепартаменте. До начала XX века экономика страны была не настолько сильной, чтобы претендовать на ведущие позиции в мире. С развитием США и по мере того, как уходили другие игроки на внешнеполитической арене, государство осознало, что может ступить на путь становления великой державой. Однако для этого нужна была определенная стратегия, следуя которой США может развиваться

⁷ *Hixson W.L.* George F. Kennan: Cold war iconoclast. New York, 1989. P. 21.

⁸ *Райкова В.А.* К вопросу об истоках «доктрины сдерживания»: донесение У. Буллита (апрель 1936 г.) и «длинная телеграмма» Дж. Ф. Кеннана (февраль 1946 г.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 107. 2009. С. 39–44.

на протяжении долгого периода. Фактически «Длинная телеграмма» стала базисом для создания этой стратегии, используя страну с противоположным менталитетом и политической системой как врага, от противостояния к которому и можно отталкиваться. Между тем сам Кеннан был лишь продуктом своей культуры и своей среды, который благодаря особенностям своего характера и искреннему неприятию другой политической системы написал легендарный документ.

АРХИТЕКТУРНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ БЫТА. К РЕШЕНИЮ ВОПРОСА О РАСКРЕПОЩЕНИИ ЖЕНЩИН

*Иванова Наталия Дмитриевна
(Институт философии РАН)*

Новая идеология, а вместе с ней и система ценностей общества первой половины XX столетия требовала кардинальных изменений не только на бумаге, но и в коренном сознании каждого индивида. Создание homo novus, а именно человека советского, являлось первоочередной задачей, стоящей перед властью нового государства, решение которой было передано культуре. Высокий уровень индустриализации требовал от общества не только высокую работоспособность, но и дисциплинированного поведения. Человек Советского Союза – это автомат из мышц и нервов, чьи движения автоматизированы настолько, что походят на работу машины.

Создать новое общество, в котором личность индивида буквально растворяется, было возможно двумя путями: реформирование и революционное форсирование общественной жизни. Реформы, какими бы жесткими они не были, в любом случае будут воздействовать на общество поверхностно. Что же касается форсированного влияния, то оно заключалось в том, чтобы создать в стране лабораторные условия по выращиванию советского общества.

Мало было поменять общественное сознание, ввиду условий, поставленных временем, следовало буквально изменить стиль жизни Коминтерна. «Основное отличие нового быта от старого заключается в том, что старый быт строился в эпоху безраздельного господства принципа частной собственности, строился отдельной семьей, исходил из интересов отдельной семьи или отдельной маленькой группы и подчинялся, независимо от доброй воли тех или иных групп, потребностям господствующих классов, т. е. помещиков и капиталистов, – а новый быт строится коллективно и в интересах всего общества трудящихся»¹.

Именно архитектура, воспринимая второй природой человека, позволила искусственно создать такие условия проживания, в которых общество постепенно видоизменялось. Лабораториями по возвращению человека нового типа были призваны стать автономные жилищные комбинаты, которые расположились бы близ фабрик, что значительно эко-

¹ *Кожаный. П.* В борьбе за новый быт // Как строить новый быт: Практические советы и указания жилищно-арендным кооперативам / под ред. П. Кожаного и Н. Пыжова. М., 1925. С. 6.

номило такой значимый ресурс, как время. В этом отношении интересно рассмотреть, прежде всего, архитектурное решение женского, семейного и детского вопросов, которые взаимодополняли друг друга. В связи с декретом от 1 марта 1918 года женщина объявлялась свободной, однако, в обществе сохранилась одна важная проблема: «...женщина, раскрепощенная Советской властью в общественной и личной жизни, политически и экономически по-прежнему осталась в домашнем быту батрачкой, кухаркой, горничной и прачкой»².

Первостепенной задачей домов-коммун (жилкомбинатов) было создание такого образа жизни для женского населения, чтобы оно встало наравне с мужским, тем самым увеличив собой количество рабочих рук. Вопрос о бытовом раскрепощении теоретики и практики архитектуры предлагали решать прежде всего уничтожением понятия кухни, создавая вместе с тем новый городской элемент – общественные столовые. Помимо освобождения закабаленных женских рук, такие предприятия становились дополнительным местом коллективизации сознания. «Вместо домашних печного горшка и корыта должны быть созданы как в городе, так и в деревне общественные кухни, общественные столовые, центральные прачечные, мастерские для штопанья платья, артели для чистки белья и квартир и т. д.»³.

Однако сильнее закабалял женщину отнюдь не домашний быт, а семья и, как следствие, дети. К данному вопросу власть подошла радикально: семья как основополагающая ячейка общества начинает отрицаться. «Пролетариат должен немедленно приступить к уничтожению семьи как органа угнетения и эксплуатации»⁴. Отныне отношения между мужчиной и женщиной воспринимаются как товарищеская ячейка, а дети – это неизбежный исторический фактор. И чтобы этот фактор не стал препятствием на пути к женскому развитию в качестве строителя коммунизма, детей помещали, буквально с рождения, в благоприятные для них условия.

Архитектура создавала условия «воспитания детей, в которых могли бы создаваться новые люди, лишённые всех отрицательных черт, которые воспитали в людях капиталистический строй и мелкобуржуазный индивидуалистический быт»⁵. И если жилкомбинаты можно назвать лабораториями, то детские городки, которые располагались на их территориях, по праву можно считать фабриками. Ребенок со своего рождения помещался в обособленную среду, дабы не допустить в его голове формирования ненужных мыслей. Поэтому в «цехах» по производству советского человека действовали специальные коллегии. Это позволяло грамотно воздействовать на детей, отрицая возможность влияния стихийного и не-

² Кожаный. П. Указ. соч. С. 7.

³ Первый Всероссийский съезд работниц. Х., 1920. С. 17.

⁴ В. Кузьмин (Томск). О рабочем жилищном строительстве // Современная архитектура. 1928. № 3. С. 83.

⁵ Сабсович Л. Социалистические города. М., 1930. С. 40.

правильного, так как носители новой жизни (взрослые) действовали целенаправленно и разумно.

Таким образом, мы видим, что архитектурная направленность в жилищно-коммунальной политике была направлена, прежде всего, на увеличение рабочих рук в лице женщин. Созданные новые архитектурные формы в виде жилищных комбинатов, общественных кухонь и прачечных, а также детских поселений, позволяют судить о разрушении старого уклада жизни. Отрицание частной собственности на всех уровнях жизни позволяло буквально с нуля воспитать нового человека социалистического типа.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАДИКАЛЬНЫХ ИДЕЙ В СРЕДЕ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

*Иконников Сергей Анатольевич, к.и.н.
(Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I)*

В дореволюционной России приходское духовенство считалось опорой самодержавного строя. Священно- и церковнослужители выполняли целый ряд важных функций не только богослужебного, но и социально-просветительского характера. Митрополит Московский Филарет (Дроздов) совершенно справедливо отмечал важнейшую роль священнослужителей в распространении просвещения среди крестьянского населения империи: «Со времени принятия христианства и до настоящего времени русский народ не имел других учителей, кроме духовенства, то есть служителей Церкви, устами которой они и учили»¹. На протяжении веков священнослужители оберегали основы российской монархии, в своих проповедях призывая прихожан иметь преданность царю и отечеству.

Казалось, что духовенство всегда будет служить и сохранять верность правящей династии. Знаменитый и популярный в конце XIX – начале XX века мемуарист священник А.И. Розанов писал: «Участвовал ли хоть один, не только что священник, но даже хоть последний пономарь, в государственных преступлениях?.. Этого никогда не было, и можем ручаться головой за все православное духовенство России, что никогда этого не будет»².

Как показала дальнейшая история, священник оказался неправ. Большой неожиданностью для правительства и общественности стала заметная радикализация духовного сословия в пореформенный период.

Причины роста недовольства крылись в правовом, социальном и материальном положении служителей Церкви. С одной стороны, духовное сословие имело широкие привилегии³. Однако на практике рядовой

¹ Цит. по: *Глубоковский Н.Н.* Православное русское белое духовенство по его положению и значению в истории. Петроград, 1917. С. 12.

² *Розанов А.И., свящ.* Записки сельского священника: Быт и нужды православного духовенства. СПб., 1882. С. 18.

³ *Иконников С.А.* Противоречия начал светского и канонического права в российском законодательстве второй половины XIX – начала XX века (по мате-

священнослужитель зависел от прихожан, церковного старосты, архиепископа, духовной консистории и светских властей. Церковь была полностью подчинена государству. Превращение Церкви в ведомство православного исповедания стало возможным, как известно, благодаря радикальным преобразованиям императора Петра I, направленным на установление полного контроля над всеми сторонами жизни страны. По словам выдающегося русского богослова XX века протоиерея Георгия Флоровского, духовенство после петровских реформ превратилось в «запуганное сословие», а церковное сознание на протяжении долгого времени развивалось под влиянием двух факторов: «административного приказа» и «внутреннего испуга»⁴. Со времен Петра I государи брали на себя право «исправления чина духовного», рассматривая Церковь наравне с «воинским и гражданскими чинами»⁵.

Одна из главных причин распространения в среде приходского духовенства радикальных идей заключалась в трудностях, связанных с материальным обеспечением клириков. На протяжении всего синодального периода проблема улучшения быта служителей Церкви являлась наиболее злободневной. С течением времени благосостояние клириков несколько улучшилось, однако кардинально проблема так и не была решена. Даже в советские годы политически и идеологически ангажированные историки отмечали недостаточность мер, предпринимавшихся царским правительством для улучшения быта духовенства. К примеру, Н.М. Никольский писал о том, что государственное жалованье выделялось в незначительном объеме и не могло покрыть потребности приходского духовенства «хотя бы на 25 %», пенсии клирикам выплачивались в «мизерном размере», а духовенство наравне с крестьянами занималось тяжелым физическим трудом, обрабатывая церковные земельные наделы. Причты были недовольны своим положением, а дети священников, точнее «наиболее светлые головы» из них, разочаровывались в быте и строе церковной жизни и уходили из сословия⁶.

Кризисные явления стали обращать на себя внимание правительства уже во второй половине XIX века. Местные власти сообщали в Петербург о негативных явлениях в среде священно- и церковнослужителей. Например, начальник Воронежского губернского жандармского управления полковник Э.А. фон-Мезенкампф в марте 1873 г. докладывал управляющему III отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии А.Ф. Шульцу о том, что в среде приходского духовенства Воронежской епархии усиливались протестные настроения, выражавшиеся в частых злоупотреблениях и несвойственном священному сану

риалам Воронежской епархии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7–1 (57). С. 68–71.

⁴ Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 91.

⁵ Духовный регламент. М., 1804. С. 1.

⁶ Никольский Н. М. История русской церкви. Минск, 1990. С. 467–471.

поведении: «С некоторого времени до меня стали доходить слухи о злоупотреблениях сельского духовенства, которое вынудило крестьян многих волостей подать жалобу местному епархиальному начальству»⁷.

Первая русская революция сделала проблему радикализации духовенства еще более очевидной. На священнослужителей заводили уголовные дела, их обвиняли в проведении манифестаций и организации народных волнений, противоправительственных кружков и ячеек левых партий. Конечно, революционные идеи разделяло лишь небольшое число клириков, однако с течением времени их становилось все больше. Например, в противоправительственной деятельности был уличен священник села Озерки Липецкого уезда Тамбовской губернии А. Андреев. В ходе обыска у крестьянина села Озерки А. Васнева 12 июня 1907 г. жандармы обнаружили нелегальную брошюру «Наши требования» Центрального комитета РСДРП. Нелегальное издание содержало призывы к свержению существовавшего политического строя, неподчинению властям. Вскоре удалось выяснить, что запрещенную литературу среди крестьян распространял местный священник А. Андреев. По месту жительства пастыря также был произведен обыск. Жандармы обнаружили у клирика: револьвер с патронами, 16 запрещенных цензурой брошюр, 6 антиправительственных прокламаций, 2 экземпляра листовки «Манифест ко всему российскому крестьянству» РСДРП и некоторые иные издания. Дочь священника Зоя Андреева также исповедовала революционные идеи и неоднократно привлекалась к дознанию. Однако на допросах отвечала путано, уличалась следователем во лжи. Помощник начальника Тамбовского жандармского управления охарактеризовал ее как «фанатичную революционерку, зараженную социализмом»⁸.

Семинарии в рассматриваемое время сделались очагами революционного движения в регионе. Молодые люди не стремились, как прежде, связывать свою судьбу с Церковью, но при появлении малейшей возможности старались выйти из духовного сословия. Такая тенденция, прозванная современниками «бегством семинаристов»⁹, приводила к образованию значительного числа вакантных священнических, дьяконских и псаломнических должностей. Епископ Орловский Григорий (Вахнин) жаловался в Синод на то, что боязнь выпускников семинарии оказаться без средств к существованию заставляла их отказываться от священного сана. В Орловской епархии в начале XX века остро ощущалась нехватка в «полноправных» кандидатах на свободные приходы. Число вакантных священнических мест доходило до десяти и более. Бедные приходы целыми месяцами оставались без пастырского окормления.

⁷ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 48. Д. 33. Л. 1.

⁸ Государственный архив Тамбовской области. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1016. Л. 12 об.

⁹ *Елисеев Г.З.* Бегство семинаристов: Причины этого бегства; Как можно устранить их и чем вообще можно поднять наше духовенство. СПб., 1876. С. 4.

Архиерею приходилось привлекать для служения иеромонахов из соседних монастырей¹⁰.

Анализ источников показывает, что причины распространения революционных идей в духовном сословии крылись в целом ряде нерешенных проблем правового, социального и материального характера. Духовенство было одним из самых образованных сословий и требовало улучшить свое положение. Правительство предпринимало определенные шаги, направленные на повышение уровня жизни пастырей, однако реализованных мер оказалось недостаточно.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2595. Л. 10 об.

**ИДЕЯ ДЕТСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ
В ТРУДАХ Н.К. КРУПСКОЙ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ
В 1918–1941 гг. НА ТЕРРИТОРИИ
СИМБИРСКО-УЛЬЯНОВСКОГО КРАЯ**

*Ильязова Рената Витальевна
(Государственный архив новейшей истории
Ульяновской области)*

Новый виток в государственно-конфессиональных отношениях обращает внимание исследователей к истории взаимодействия государственных и религиозных институтов в СССР, одним из ярчайших периодов которой стала эпоха воинствующего атеизма. Рассмотрение вопроса антирелигиозной пропаганды среди детей невозможно без изучения позиции Н.К. Крупской, являвшейся главным идеологом советского образования и коммунистического воспитания молодежи.

Главной мыслью сочинений Н.К. Крупской стала идея воспитания нового человека, мыслящего, воинствующего борца против невежества, «темноты» и, разумеется, религиозных убеждений¹. Данная идея лежала в основе просветительской антирелигиозной пропаганды в изучаемый период, несмотря на различные изменения политической и экономической конъюнктур, оказывавших влияние на содержание пропаганды против религии. Неизменным оставалось требование проведения просветительских мероприятий со стороны центральных и местных партийных структур. Для бесед, лекций, чтوك антирелигиозной литературы, разъясняющих историю создания религиозных учений, роль религии в развитии науки, разумеется, с негативных позиций, суть православия, ислама, католичества, баптизма предлагались следующие темы: «Происхождение земли», «Происхождение жизни на земле», «Борьба и жизнь животного мира», «Природа и ее явления (гром, молния, ветер, дождь, затмение солнца и т. д.)», «Происхождение христианства; раскол в православии на разные церкви», а также посвященные природе религиозных праздников². На отдельных примерах предписывалось демонстрировать «вредительство» со стороны религии развитию научных знаний – противодей-

¹ *Крупская Н.К.* Задачи антирелигиозной пропаганды. Из атеистического наследия. М., 1964. С. 66.

² ГАНИ УО (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области). Ф. 97. Оп. 1. Д. 168. Л. 5–6.

ствии научным открытиям, преследование ученых³. Любопытным ходом агитационной стратегии, на наш взгляд, стало противопоставление мученикам в христианстве мучеников науки, таких как Николай Коперник, Джордано Бруно, Галилео Галилей с целью олицетворения борьбы науки с «религиозным дурманом». Программа «Вечера Коперника» для комсомольских клубов приводится в документах Ульяновского губернского комитета ВЛКСМ, в течение которого велись беседы об устройстве солнечной системы, зал должен был быть украшен портретами «борцов за науку», цитатами Коперника и Галилея⁴.

Основной аудиторией антирелигиозной пропаганды, по мнению Крупской, являлись дети и подростки. Влияние антирелигиозной агитации должно было начинаться с раннего, дошкольного возраста, поскольку «эти вопросы очень рано начинают интересовать детей», – писала Надежда Константиновна. Кроме того, по ее мнению, важным было избежать принудительности антирелигиозного воспитания, как угрозы вызвать обратный эффект⁵. С этой целью антирелигиозный компонент был включен почти в каждую программу предмета школьного курса. Подобная тенденция сохранялась вплоть до 1940-х гг. 1 апреля 1940 г. Наркомпросом РСФСР и Центральным Советом Союза безбожников было опубликовано методическое письмо «Об антирелигиозной работе школы», подчеркивающее, что основным средством воспитания атеизма у учащихся должен именно программный материал. Отмечалась также важность внеклассных форм работы – выпуска стенных газет, проведения экскурсий, посещения антирелигиозных музеев⁶. В рамках курса физики было необходимо знакомить учащихся с достижениями современной техники как средством покорения природы. Предполагалось, сравнивая эти достижения с достижениями первобытного человека, провести параллель между неразвитым человеческим обществом и религиозными мировоззрениями и их отжитием при строительстве коммунизма. Кроме того, история физики могла дать широкие возможности для включения антирелигиозного материала, раскрывая примеры гонений церкви на ученых⁷. Курс математики предполагал подбор определенных арифметических задач, содержащих статистические данные о народных расходах на церковь, религию и духовенство, монастырские расходы на организацию религиозных праздников, о праздничных и послепраздничных прогулов, рост преступности в связи с большими религиозными праздниками, цифры, характеризующие зависимость религиозности от уровня производительных сил, успехи без-

³ *Богоявленский А.В., Никифоров А.Я.* Антирелигиозная работа в школах повышенного типа. Самара, 1931. С. 4–5.

⁴ ГАНИУО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 155. Л. 36–38.

⁵ *Крупская Н.К.* Указ. соч. С. 110.

⁶ *Лучшев Е.М.* Антирелигиозная пропаганда в СССР: 1917–1941 гг. СПб., 2016. С. 225.

⁷ *Богоявленский А.В., Никифоров А.Я.* Указ. соч. С. 14, 17.

божия в СССР и т. д.⁸ Подобные связи предлагалось проводить на уроках астрономии, географии, обществоведения и др.

Н.К. Крупская отмечала, что слабая эффективность антирелигиозной пропаганды зачастую обусловлена лишь недостаточной подготовкой ее «проводников» – пропагандистов. В школе данную функцию должны были нести, в первую очередь, учителя. Ее мысль о том, что необходимо вводить антирелигиозную пропаганду в курсы естествознания нашла отражение в сфере профессиональной педагогической подготовки. Оформление содержания антирелигиозной пропаганды в педагогических техникумах предлагалось начать с усиления естественно-биологических знаний⁹.

Наряду с этим на местах отмечалась высокая степень религиозности педагогов, а также непонимание того, каким образом включать антирелигиозный компонент в курсы обучения. Так, например, при прохождении темы «Первые шаги в школе» в доказательство бесполезности икон учитель сослался на священное писание, поскольку именно там отмечено, что бога нигде, и никто не видел; в связи с темой «Влияние условий природы на сельское хозяйство» при проведении беседы о солнце, ссылались опять-таки на Библию: «Солнце дает свет, как же бог сотворил свет, а потом солнце» и т. д.¹⁰ В связи с этим на местном уровне существовало глубокое убеждение, что юные безбожники и пионеры должны стать застрельщиками антирелигиозной работы в школе. Сами «взрослые» ячейки Союза безбожников также отмечали, что антирелигиозное воспитание в школах оставляет желать лучшего, а потому «ячейки Союза воинствующих безбожников должны зорко следить за работой школ и содействовать хорошей постановке антирелигиозного воспитания в них»¹¹. Юнсекции безбожников создавались при ячейках Союза безбожников из молодежи в возрасте от 14 до 17 лет. Предполагалось, что подобная форма организации и работы с подрастающим поколением позволит сформировать у ребенка «безбожное» мировоззрение и подготовить к вступлению во «взрослую» ячейку.

Развитие тезиса Н.К. Крупской о необходимости антирелигиозного воспитания дошкольников получило развитие в выступлениях Председателя Союза воинствующих безбожников Е.М. Ярославского и на местах. В материалах к докладу Ульяновского окружного совета Союза воинствующих безбожников на тему антирелигиозного воспитания дошкольника отмечалось, что на данном уровне работа должна вестись по двум направлениям – работа с родителями и с самими детьми: «Ребенок становится религиозным под влиянием окружающей среды, домашней среды, чаще всего под влиянием матери. Успешная антирелиги-

⁸ *Богоявленский А.В., Никифоров А.Я.* Указ. соч. С. 32–33.

⁹ ГАНИУО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397. Л. 110.

¹⁰ *Сунгуров М.* Антирелигиозная работа в школе I ступени. Самара, 1929. С. 12.

¹¹ ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 19. Л. 33–34.

озная работа с родителями дает возможность применять единые приемы воспитания и в самой семье, и в дошкольном учреждении»¹². В качестве основных методов работы с дошколятами докладчиком выдвигались вовлечение детей во взаимодействие с природой, социумом: «Трудовая деятельность самих детей, наблюдение над природными и общественными явлениями должно быть использовано так, чтобы дети пришли к выводу, что ни бога, ни других таинственных сил нет, и что люди помогают себе знаниями и коллективным трудом»¹³. В силу возрастных особенностей, несомненно, воспитатели были жестким образом ограничены в выборе средств и методов воздействия. Докладчиком от Союза Воинствующих Безбожников предлагалось использовать материалы экскурсий, проведение революционных и бытовых праздников вместо религиозных, создавать во время их проведения положительные эмоции, что способствовало бы отвлечению детей от участия в религиозных празднествах. Однако в данном случае существует небольшое разночтение.

В то время как Куйбышевский краевой комитет ВЛКСМ в плане по развертыванию антирелигиозной пропаганды среди молодежи края от 2 ноября 1936 г. предлагает в период зимних религиозных праздников активно проводить праздничные «елки» для детей¹⁴, юные воинствующие безбожники в антирелигиозном порыве агитируют отказаться от участия в том числе и в подобных мероприятиях¹⁵. Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о действительном наличии искажения центральных и краевых указаний на местах, результатом которых становились более жесткие, беспощадные, бестактные и зачастую крайне необдуманные действия ульяновских и самарских агитаторов и членов Союза Воинствующих Безбожников.

Дети, растущие в условиях отрицания религии, проникались атеизмом, о чем свидетельствуют результаты переписи населения 1937 г.¹⁶ Статистика роста членов ячеек юных безбожников может справедливо подвергаться сомнению, однако нельзя не отметить, что деятельность Юных безбожников отличалась эксцентричностью и активностью. Помимо традиционных инсценировок, докладов, плакатов и стенгазет, дети вели агитацию среди родителей против религиозных праздников, куличей, пьянства и вовлекали их в работу кружка. Отмечаются отдельные случаи, когда дети сжигали найденные в доме иконы, не впускали попов, приходивших в дом, объявляли голодовку на «рождественские пироги», продолжали образовательный процесс в дни религиозных праздников и призывали родителей не оставлять производство, вешали на двери домов плакаты: «Здесь живут безбожники. Попов и славильщиков просят

¹² ГАУО. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.

¹³ Там же.

¹⁴ ГАНИУО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 36. Л. 122–124.

¹⁵ ГАУО. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

¹⁶ *Жиромская, В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996. С. 14.

не заходить!»). Тем не менее нельзя не отметить, что антирелигиозная пропаганда, направленная на детей, являлась одной из самых эффективных в СССР, в том числе благодаря попыткам Н.К. Крупской определить основные теоретические направления работы.

РОЛЬ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ПРОЕКТА «ПЕРЕБРОСКИ ЧАСТИ СТОКА СЕВЕРНЫХ РЕК НА ЮГ»

Илюшин Никита Александрович
(*Российский государственный гуманитарный университет*)

В современной историографии существует тенденция рассмотрения так называемого «проекта переброски части стока северных рек на юг», планируемого и активно обсуждаемого во второй половине 1970-х – 1980-х гг., как изначально ошибочного, неэффективного и способного привести к катастрофическим экологическим последствиям, но предотвращенного противодействием общественности в середине 1980-х гг.¹ Вместе с тем историки, занимающиеся этой проблематикой, как правило, заведомо принимают данные тезисы, первый из которых и утвердился в историографии вследствие публичных критических выступлений в середине 1980-х гг.

Так, В.А. Мещерякова, рассматривающая аграрную политику в СССР, показывает, что идея данного проекта была обусловлена экономическими интересами государственного монополиста – Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР (далее – Минводхоз СССР)². Она демонстрирует экономическую неэффективность данного проекта для государства, однако указывает на то, что *«только выступления крупных ученых страны, поддержанные широкой общественностью, смогли остановить совершенно неэффективный проект, который к тому же мог привести к необратимым экологическим последствиям»*³. Несмотря на то что в данной работе раскрывается экономическая необоснованность проекта, решающая роль в его предотвращении отводится интеллигенции.

В то же время, если мы обратимся к ряду воспоминаний государственных деятелей, внимание которых было сконцентрировано на рассматриваемом проекте, то мы увидим, что позиция власти по отношению к нему

¹ *Артемов Н.Н.* Исторический опыт государственной политики СССР в сфере природопользования и охраны окружающей среды в 1960–1980-е гг. М., 2005. С. 58; *Шмыглева А.В.* Экологическая политика в Западной Сибири (1970–1990-е годы). Томск, 2003. С. 110.

² *Мещерякова В.А.* Аграрная политика Советского государства в условиях административной системы хозяйствования: 1976–1985 гг. М., 2008. С. 95.

³ Там же. С. 94.

была сформирована еще до начала активной общественной кампании по противодействию переброске рек.

Председатель Совета министров РСФСР в 1983–1988 гг. и член Политбюро ЦК КПСС В.И. Воротников обращается к обсуждению проекта руководителями государства. Согласно его воспоминаниям, государственное внимание было обращено к данной проблеме с конца 1978 г., а уже в августе–сентябре 1983 г. сам В.И. Воротников пришел к выводу об экономической и экологической необоснованности проекта, а по итогам заседания Политбюро 15 сентября 1983 г. было решено, что проект *«требует более глубокого обоснования и расчетов»*⁴. Руководство СССР вернулось к рассмотрению данного вопроса лишь в начале 1986 г., и В.И. Воротников объясняет это возобновившейся активностью Минводхоза СССР. Проект переброски вновь не получил одобрение советского руководства в июне 1986 г. и был окончательно остановлен Постановлением ЦК КПСС *«О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек»*⁵.

Первый заместитель министра водного хозяйства СССР в 1974–1989 гг. П.А. Полад-Заде вспоминает, что идея данного проекта была предложена Академией наук СССР еще в 1933 г.⁶, а уже во второй половине 1970-х гг. была начата активная, публично освещаемая подготовка к реализации проекта. Мемуарист описывает постепенное включение творческой интеллигенции в процесс обсуждения проекта и замечает формирование *«штаба этого движения»* только приблизительно к 1985–1986 гг.⁷

Существуют различные мнения представителей естественно-научной среды касательно проекта переброски рек. Начальник Главного управления по науке Минводхоза СССР в 1975–1985 гг. Б.С. Маслов демонстрирует, что проект в действительности не имел реальных научных обоснований, подтверждающих экологическую и экономическую эффективность его реализации, и что его продвижение было обусловлено экономическими интересами советского министерства⁸. Он подробно описывает позиции ученых, критикующих переброску рек, но первое обсуждение проекта писательской интеллигенцией в публичном пространстве, произошедшее с участием Б.С. Маслова, состоялось только в начале 1985 г.⁹

Ученый-гидромелиоратор И.П. Айдаров указывает на то, что проект, прежде всего, был отклонен вследствие экспертизы Государственной экспертной комиссии при Госплане СССР. Она установила, что проект

⁴ Воротников В.И. Хроника абсурда. Отделение России от СССР. М., 2011. С. 30.

⁵ Там же. С. 72–73.

⁶ Полад-Заде П.А. Вода животворящая. Записки профессионала. М., 2006. С. 177.

⁷ Там же. С. 185.

⁸ Маслов Б.С. От «Года Великого Перелома». Кн. II. Зрелость. М., 2011. С. 187.

⁹ Там же. С. 214–218.

не учитывал возможное обострение других проблем, не связанных непосредственно с его реализацией, а также отсутствие необходимых технических средств его воплощения¹⁰. Ученый приходит к выводу о том, что проект практически был прекращен уже в 1982 г., и широкая кампания общественной критики, развернувшаяся уже в 1984–1985 гг., незначительно повлияла на судьбу проекта¹¹.

С другой стороны, нельзя сказать, что проект переброски сибирских рек находился вне поля зрения интеллигенции до середины 1980-х гг. Исследователь А.А. Фоменков утверждает, что на начальном этапе истории общества «Память» в него были вовлечены русские интеллигенты-националисты, стремящиеся не допустить данную переброску. В 1982 г. группа интеллигентов, включавшая архитекторов, историков, артистов и писателей, взволнованная началом подготовки проекта, даже решила провести его независимую экспертизу¹².

Тем не менее нет достаточно весомых оснований утверждать, что переброска северных рек не была реализована именно благодаря влиянию общественности. В начале 1980-х гг. в процесс обсуждения проекта была вовлечена группа интеллигентов, проявляла активность преимущественно в рамках узкого круга общественности националистического толка. Такие проявления публичной активности, как статья В.И. Белова «Спасут ли Каспий Воже и Лача?»¹³ в эмигрантской газете «Русская мысль», не имели широкого распространения в советском обществе.

Проект действительно значительно критиковался литературной общественностью на съездах писателей республиканского (в декабре 1985 г.) и союзного (в июне 1986 г.) значений, часто последний из них даже называется «съездом мелиораторов». Выступления В.И. Белова, С.П. Залыгина, В.Н. Крупина, В.Г. Распутина и др. привлекли значительное внимание населения и придали более широкую огласку проекту¹⁴. Но к первой половине 1986 г. судьба проекта была практически предрешена.

Окончательно проект переброски северных рек был остановлен совместным Постановлением Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек»¹⁵. Дальнейшее обращение к этой проблеме, которое было

¹⁰ *Айдаров И.П.* Очерки по истории развития орошения в СССР и России. М., 2006. С. 163–164.

¹¹ Там же. С. 165.

¹² *Фоменков А.А.* История русского национально-патриотического движения в 1955–1993 гг. Нижний Новгород, 2012. С. 101.

¹³ *Белов В.И.* Спасут ли Каспий Воже и Лача? // Русская мысль. № 3421. 15 июля 1982. С. 10–11.

¹⁴ Восьмой съезд писателей СССР. 24 июня–28 июня 1986 года. Стенографический отчет. М., 1988. С. 31–33, 82–83, 396–398, 402–403.

¹⁵ Постановление Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек» // Правда. № 232. 20 августа 1986. С. 1.

свойственно литераторам в 1987–1991 гг., носило в большей степени показательный характер, являлось примером взаимодействия государства и общества, коллективного общественного противодействия бюрократическому управлению.

Данная историческая проблематика нуждается в более тщательном исследовании роли различных акторов и степени их вовлеченности в исторический процесс, в частности это касается вклада творческой интеллигенции в предотвращение проекта. Также заметна необходимость привлечения междисциплинарных методов исследования при рассмотрении исторических явлений, которые в силу своей специфики попадают в сферу интересов других научных дисциплин.

БЫТ СТУДЕНТОВ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ 1920-х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ МИНСКОГО БЕЛОРУССКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТЕХНИКУМА)

*Казак Олег Геннадьевич, к.и.н.
(Минский городской педагогический колледж)*

Минский Белорусский педагогический техникум (далее – МБПТ) начал свое функционирование 1 октября 1921 г. Разрушения, нанесенные белорусским землям в годы Первой мировой войны и польской оккупации, обусловили сложное финансовое положение учебного заведения. Уже в октябре 1921 г. в техникуме была создана стипендиальная комиссия, в состав которой вошли члены преподавательского состава и представители студентов.

Учитывая недостаточное количество мест в общежитии, комиссия приняла решение разделить всех студентов на три категории. Слушатели техникума, отнесенные к первой категории, обеспечивались местом в общежитии и получали стипендию, слушатели второй категории получали стипендию, слушателям третьей категории лишь гарантировали бесплатное обучение. К первой категории было отнесено 69 студентов, ко второй – 42, к третьей – 42. При распределении студентов по категориям учитывалось их социальное положение (приоритет отдавался детям рабочих и крестьян) и успехи в учебе¹. В стипендиальную комиссию было подано более 80 заявлений от лиц, для которых лишение стипендий и мест в общежитии означало настоящую жизненную трагедию. Атмосферу того времени хорошо передает заявление третьекурсника С. Забаронка: «Учиться в Белпедтехникуме надо. Еще в провинции я полюбил родной язык, который совсем забыл за время русификации. И когда закрылся Игуменский техникум, моей целью было поступить в Белпедтехникум, где я надеялся хорошо познакомиться с родным языком, а затем стать работником образования. Но теперь, не получая стипендии, я беспомощен. Вижу, что через некоторое время мне останется одно – покинуть техникум, а вместе с ним и свою мечту – хорошо знать белорусский язык»².

¹ Протокол № 1 заседаний стипендиальной комиссии при МБПТ по распределению стипендии между слушателями МБПТ с 1 по 17 октября 1921 г. // Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

² Заявление С. Забаронка в стипендиальную комиссию МБПТ // ГАМО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1. Л. 34–35.

Прошение С. Забаронка, как и почти всех студентов третьей категории, руководство МБПТ удовлетворить не смогло.

В первое время жалование студентам МБПТ выплачивалось не денежными знаками, а продуктовыми пайками. Продукты для столовой, рассчитанной на 150 мест, отводились «частично из получаемых пайков, частично из натуральных взносов учащихся»³. Еще более остро стоял вопрос обеспечения студентов МБПТ общежитием. В отчете о деятельности техникума за 1921/1922 учебный год отмечалось: «Непомерная дороговизна квартир и особенность состава слушателей техникума, включавшего преимущественно приезжих и малоимущих, выдвигает вопрос об общежитии».

Нуждающихся в общежитии было намного больше, чем «вместимость комнат, отведенных в деревянном флигеле, в котором располагались и квартиры администрации». При этом руководство МБПТ подчеркивало особое «воспитательное значение» общежития, в котором «порядок и дисциплина должны поддерживаться самими проживающими, где, наконец, может осуществиться коллективный принцип»⁴.

Большинство студентов МБПТ было вынуждено совмещать учебу с работой (чаще всего – сложным физическим трудом). Администрация техникума, учитывая решение общего собрания слушателей, в декабре 1922 г. направило в Главное управление профессионального образования Народного комиссариата просвещения БССР ходатайство о продлении каникул студентов. Обоснование просьбы было следующим: «Работа в техникуме начата с 25 августа, проходила она интенсивно при тяжелых условиях (в голоде и холоде), потребовала чрезмерной затраты сил как со стороны учащихся, так и преподавателей, поэтому более или менее продолжительный отдых является ныне жизненной потребностью.

Отдых этот будет использован слушателями для пополнения сил, обновления одежды и для самостоятельной работы дома по подготовке к полугодовым зачетам. Самостоятельная работа дома, в тепле, при лучшем питании, несомненно, даст лучшие результаты. Слушатели техникума в большинстве своем являются приезжими, многие – из отдаленных мест (Гомельская губерния). [Если не будет предоставлен отпуск], такие слушатели по-прежнему, как это имело место в последний месяц, будут изыскивать средства к существованию путем частных заработков на черной физической работе, срываясь с занятий и теряя часть своего отдыха»⁵. Ходатайство администрации МБПТ, однако, не было удовлетворено.

³ Краткая объяснительная записка о МБПТ, 17.02.1923 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 42. Оп. 1. Д. 1449. Л. 4.

⁴ Отчет о работе МБПТ, 21.10.1922 г. // НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1430. Л. 18 об.–19.

⁵ Ходатайство директора МБПТ И. Василевича в Главное управление профессионального образования Народного комиссариата просвещения БССР, 13.12.1922 г. // НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1430. Л. 62–62 об.

На всем протяжении 1920-х годов остро стоял вопрос питания студентов МБПТ. В газете «Советская Беларусь» за 10 мая 1928 г. была опубликована статья о столовой техникума. Сообщалось, что продукты, из которых изготавливались блюда, покупались у частника (а не у кооперативов) и были низкого качества – в крупах заводились черви, капуста гнивала. По сведениям автора статьи, персонал столовой допускал грубость в отношении студентов, в результате чего те «бойкотировали» столовую⁶. Администрация МБПТ направила в редакцию «Советской Беларуси» письмо, в котором опровергались данные факты. В частности, утверждалось, что сообщения о низком качестве продуктов не соответствовали действительности. Сокращение числа денежных поступлений в кассу техникума в виде платы за питание в столовой объяснялось следующим образом: размер стипендии составлял 7 рублей 50 копеек, ровно такой же была стоимость обедов за месяц. Поэтому студенты вынуждены были брать один обед на двоих либо питаться в более дешевых столовых. Имели место и махинации со стороны слушателей МБПТ: «Студенты поддельвают обеденные карты и получают обеды тех, кто внес деньги». По мнению автора письма, грубость со стороны персонала столовой провоцировали сами студенты: «Студенты любят жеманничать, покидаться хлебом, давать свои, временами лишние, комментарии по обеду, поэтому от разнервничавшихся работниц можно услышать – “мужик”»⁷.

Таким образом, бытовые условия жизни студентов МБПТ были чрезвычайно тяжелыми. Стипендий (которые получали далеко не все слушатели техникума) хватало лишь на питание, местом в общежитии были обеспечены только наиболее нуждающиеся студенты. В результате многие из них были вынуждены работать в свободное от учебы время, что негативно сказывалось на образовательном процессе. Тем не менее в МБПТ в 1920-е гг. велась активная культурная работа, многие студенты техникума (П. Трус, М. Лужанин, П. Глэбка, А. Александрович и др. – впоследствии известные белорусские писатели и поэты) успешно совмещали учебу с творческой деятельностью и активным досугом⁸.

⁶ *Гурвич Т.* Кто ў гэтым дапаможа? // Савецкая Беларусь. 1928. 10 мая. С. 4.

⁷ Письмо администрации МБПТ в редакцию газеты «Советская Беларусь», 18.05.1928 г. // НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1684. Л. 256–257.

⁸ *Казак О.Г.* Реализация принципа культуросообразности в системе обучения и воспитания молодежи (на примере ГУО «Минский городской педагогический колледж») // Республиканские педагогические чтения (с международным участием), посвященные Неделе святых жен-мироносиц «Свет нести»: тезисы докладов, г. Минск, 25 апреля 2018 г. / Министерство образования Республики Беларусь, Комитет по образованию Мингорисполкома, Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Белорусской православной церкви. Минск, 2018. С. 100–104.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КАВКАЗА НА III КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА ИБРАГИМ АБИЛОВ И ЕГО ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Кальбизаде Эльнур, к.и.н.

*(Институт кавказоведения Национальной академии наук
Азербайджана)*

Одним из представителей Советского Азербайджана в III конгресс Коминтерна был Ибрагим Абилов. Еще в 21 мая 1921 года на заседании Политбюро и Оргбюро ЦК КП Азербайджана И. Абилов вместе с Г. Мусабековым и М. Кахиани был избран в состав делегации на III конгресс Коминтерна.

И. Абилов родился в 1882 году в г. Ордубаде. Сегодня Ордубад город в Азербайджане и второй по величине город Нахичеванской Автономной Республики. И. Абилов поступил в школу «Эхтар», открытую видным азербайджанским просветителем Магомедом Таги Сидги, однако последовавшая вскоре кончина отца поставила Ибрагима перед необходимостью помогать семье. Он отправился в Петропавловск – так тогда называлась нынешняя Махачкала. Спустя некоторое время Ибрагим приехал в Баку и стал рабочим, а в 1903 году включился в левое революционное движение. Вскоре он стал активным членом азербайджанской социал-демократической партии «Хуммат», созданной в 1904 году. В рядах этой партии он становится близким сподвижником Наримана Нариманова. В 1907 году И. Абилов явился одним из организаторов забастовки моряков Бакинского Каспийского Торгового Флота. В 1912 году некоторое время был главным редактором газеты «Бакинский жизнь». Многократно подвергался арестам, а в 1913 году был сослан в Астрахань, где как раз в это время Н. Нариманов был членом городской Думы. Это совпадение стало отправной точкой для серьезного сближения двух видных деятелей азербайджанского левого движения. После Февральской революции И. Абилов приехал в Тифлис, а в конце следующего, 1918-го года, был избран депутатом парламента Азербайджанской Демократической Республики, став членом Социалистической фракции.

После советизации Азербайджана в 1920 году Ибрагим Абилов был назначен заместителем наркома внутренних дел Азербайджанской ССР. В сентябре того же года на проводившемся в Баку 1-м Съезде Народов Востока он по рекомендации Н. Нариманова был избран первым секретарем пропагандистско-агитационного совета народов Востока. 21 мая 1921 года на заседании Политбюро и Оргбюро ЦК КП Азербайджана И. Абилов вместе с Г. Мусабековым и М. Кахиани был избран в состав

делегации на III конгресс Коминтерна. Одновременно в Москве нашел положительное решение вопрос его отправки в Турцию в качестве полпреда АзССР.

В августе И. Абилов прибыл в Тифлис, а 21 сентября в Батуми сел на итальянское судно «Рено», следовавшее в Стамбул. По пути он проводил встречи в ряде турецких городов. И. Абилов встретился с видными представителями азербайджанской эмиграции, включая бывшего начальника управления контрразведки Азербайджанской Демократической Республики Наги Шейхзаманлы, военного министра первого правительства кабинета, а затем генерал-губернатора Карабаха Хосров-бека Султанова, командира кавалерийского полка Хосрова Мирзу Бахмана Каджара. 11 октября И. Абилов прибыл в Анкару, а на следующий день побывал на приеме у министра иностранных дел Юсуфа Кемала. На этой встрече он добился решения ряда важных вопросов, в том числе открытия азербайджанских консульств в причерноморских городах Трабзон и Самсун. 14 октября И. Абилов встретился с основателем Турецкой Республики Мустафой Кемалом Ататюрком, которому заявил, что победы турецкой освободительной армии вызвали энтузиазм в Азербайджане и во всем мусульманском мире. В ответ Ататюрк сказал: «Наша нация счастлива слышать подтверждение этого факта из уст представителя Азербайджана. Народ Анатолии и Румелии знает, что сердца азербайджанцев бьются в унисон с ними. Горе азербайджанцев – наше горе, а радость – наша радость».

22 октября И. Абилов вручил Ататюрку свои верительные грамоты. 18 ноября в Анкаре состоялась торжественная церемония поднятия флага над постпредством Азербайджанской ССР. На церемонии присутствовал М. Ататюрк.

Ибрагим Абилов провел в Турции весьма плодотворную дипломатическую работу, и даже сумел стать одним из ближайших друзей Ататюрка, другом его семьи. М. Ататюрк был среди участников банкета, устроенного по случаю рождения второй дочери Ибрагим-бека, и даже нарек ее Анадолу и объявил своей символической дочерью. Благодаря дипломатической деятельности И. Абилова между Турцией и советскими республиками был подписан ряд двусторонних и многосторонних договоров. В 1921 году на советско-турецких переговорах И. Абилов вместе с главой делегации Азербайджанской ССР Бехбудом Шахтахтинским подписывал Московский и Карский договора, заложившие международно-правовой фундамент под автономию Нахчыванского края.

Однако столь высокий уровень азербайджано-турецких отношений, как это не раз бывало на различных отрезках истории, явно не устраивал определенные круги. В частности, такое положение дел не на шутку встревожило армянских националистов, издавна служащих орудием в руках Российской империи. Это беспокойство явно проявилось в Баку и Москве в декабре 1921 года, когда начало функционировать полпредство Азербайджана в Анкаре. В этот период началась кампания чисток коммунистов-мусульман в окружении Н. Нариманова. Чистка, развязанная в Бакинском горкоме партии, была направлена прежде всего про-

тив трех видных азербайджанских дипломатов – Б. Шахтахтинского, А. Ширвани и И. Абилова.

Естественно, что для И. Абилова, посвятившего жизнь служению революции и советскому режиму, весть об исключении из рядов компартии стала тяжелым ударом. Видя, как высокие идеалы, которым он с таким энтузиазмом служил, стали разменной картой в нечистоплотной политической игре, он отреагировал на эту черную неблагодарность столь же искренне и естественно, как до этого верил в революционные идеалы и служил им. Вот что писал об этом секретарь полпредства РСФСР в Турции Михайлов в письме на имя Г. Орджоникидзе: «Видя, как этот поседевший партийный работник, отстраненный из рядов партии, сидит и плачет, я поманул нецензурно всех партийных формалистов».

Только после поручительства Н. Нариманова И. Абилов был восстановлен в рядах партии. После этого Нариманов в письме Абилову заметил: «Ваша линия поведения до сих пор была правильной. Надеюсь, что и впредь не допустите ошибок. Мы не должны забывать одно: со стороны России и Турции есть определенные люди, которые хотят мутить воду. Теперь выясняется, что все контрреволюционеры Закавказья сошлись на этой мысли, хотят опять превратить прекрасный Кавказ в море крови».

Не стесняясь в средствах, враги организовали отравление Ибрагима Абилова на одном из приемов в Измире, где он как дипломатическое лицо должен был находиться под охраной. По возвращении с банкета он почувствовал резкие боли в желудке и кишечнике. И. Абилова оперировали врачи М. Ататюрка, причем он сам пришел в больницу, не желая оставить друга одного. Однако все усилия врачей оказались напрасными, и И. Абилов умер 23 февраля 1923 года. Тело его было предано земле в Баку. Дочь азербайджанского дипломата Анадолу-ханум заметила: «В то время это никому не пришло бы в голову, но теперь, мне кажется, что отца, возможно, отравили армяне. Они сделали это, испугавшись его влияния и достигнутых им успехов. Они же писали ему анонимные письма...»

Да, недоброжелателей у Ибрагима Абилова было немало. Ведь он достигал того, что не удавалось другим. Он кропотливо и целенаправленно работал над укреплением азербайджано-турецкой дружбы. Известно, что история все расставляет по местам. Имена тех, кто выступал с надуманными обвинениями против Ибрагим-бека, история не сохранила. С другой стороны, после начала Великой Отечественной войны обе его дочери добровольно отправились на фронт; Анадолу Абилова в качестве медсестры дошла до Берлина. Не достигли своих грязных целей те, кто пытался использовать факт отравления И. Абилова в Турции для того, чтобы посеять семена розни между двумя братскими народами. Ведь народ прекрасно понимал, кто и для чего провоцировал братоубийственные кровопролития еще со времен войн между государством Ак-Коюнлу и османами...

Красноречивый факт: заклятые враги продолжали мстить Ибрагиму Абилову уже после его смерти. В одном из своих интервью его дочь

Анадолу Абилова сообщила: «После войны и вернулась в Баку с врачом Искендером Исмайловым, с которым мы поженились на фронте. Когда мы отправились проведать могилу отца, то застали ее разрушенной и разоренной... Несмотря на все поиски, так и не удалось найти его мумифицированные останки, которые были погребены в железном гробу. Похоже, даже могила Ибрагим-бека пугала его недругов. Не будь этого... Кто мог совершить такое варварство, кроме армян?!»

В 1981 году на Аллее почетного захоронения в Баку могила видного государственного деятеля и дипломата Ибрагима Абилова была символически восстановлена по указанию руководителя Азербайджана, общенационального лидера Азербайджана Гейдара Алиева, который придал азербайджано-турецкой дружбе незыблемость и необратимость.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ СТРАН ЕВРОПЫ «ДО» И «ПОСЛЕ» ЕВРОКОММУНИЗМА

*Каторжевский Павел Николаевич
(Белорусский государственный университет)*

Большинство коммунистических партий Европы в 1960–1970 годах восприняли отдельные положения Франкфуртской декларации Социалистического интернационала, которая была принята на его первом конгрессе в 1951 году¹. Коммунистические партии восприняли тезис о недопустимости монополизации власти одной политической силой, признали плюрализм форм собственности и стали использовать в своих программах социал-демократические лозунги: требование повышения благосостояния трудящихся вместо преодоления существующей капиталистической системы². Сочетание этих идеологических положений получило название «еврокоммунизм», теоретическим основанием которого являлись труды А. Грамши, П. Тольятти и С. Каррильо. До недавнего времени по пути еврокоммунизма следовало абсолютное большинство коммунистических и так называемых «посткоммунистических» партий, но в начале нового тысячелетия левые партии вынуждены были пересмотреть свои еврокоммунистические установки.

Второе десятилетие XXI века было ознаменовано электоральными успехами левых партий в ряде стран Европы. Несмотря на заявления видных политологов о «конце истории» и окончательной и бесповоротной победе неолиберализма (Ф. Фукуяма), политические партии, называющие себя коммунистическими или использующие в своих программах прокоммунистические идеологемы, вернулись в публичное политическое пространство. Они радикализировали свои идеологические установки и продемонстрировали стремление преодолеть собственное восприятие как «запасного рычага» существующей экономической системы³. Коммунистические и посткоммунистические партии Европы заявили о постепенном отказе от еврокоммунизма, который фактически лишил коммунистическое движение собственной идеологической

¹ Франкфуртская декларация Социнтерна (1951). URL: <http://sd-inform.org/nasha-ideologija/programnye-dokumenty-i-deklaraci/deklaraci-i-manifesty/frankfurtskaja-deklaracija-socinterna-1951-g.html> (дата обращения: 19.01.2019).

² Попов Л.Б. Воспоминания о еврокоммунизме / Л.Б. Попов. М., 2008. С. 136.

³ Гизи Г. Объединимся для победы над неолиберализмом. URL: <http://left.by/archives/15054> (дата обращения: 19.01.2019).

традиции и сделал некогда крайне левые партии частью неолиберального консенсуса. Тем самым утратил свою актуальность прежний пессимистичный дискурс левых сил. Например, формулировки наподобие заявленной одним из теоретиков еврокоммунизма Сантьяго Каррильо о том, что «мы [коммунисты] мыслим себе именно такую социалистическую Испанию, где глава правительства был бы католиком и где компартия была бы в меньшинстве» и призывы современных европейских левых партий «объединиться для борьбы с неолиберализмом» уже не влияют на развитие коммунистических партий⁴. Реальный политический процесс говорит об обратном. Например, испанская левая партия «Подemos» на парламентских выборах 2015 года положила конец двухпартийной системе, существовавшей в Испании более 30 лет. Победа Коалиции радикальных левых Греции, по выражению философа Славоя Жижека⁵, заставила «трястись от страха рынка всего мира»⁶.

После глобального экономического кризиса 2008 года сетевые левые движения наподобие «Движения 15 марта» (испанский аналог движения «Оккупируй Уолл-стрит») начали институализироваться, создавая свои организации или поддерживая уже существующие движения левой ориентации. Это привело к росту левопопулистских партий и сдвигу влево уже существующих социалистических и социал-демократических партий, которые утрачивали свой традиционный электорат перед лицом растущей популярности «новых левых». Яркий пример тому полевение Лейбористской партии Великобритании, которую возглавил представитель ее левого крыла Джереми Корбин. Британские лейбористы озвучили традиционные для левой социал-демократии требования, но большинством периодических изданий были названы «криптотроцкистами» и «левыми радикалами»⁷.

Возвращение социал-демократов к своим традиционным идеологическим установкам заставило многие партии, которые традиционно считались «еврокоммунистическими», сдвигаться «левее», вспоминая свои идеологические корни. Тем не менее пока рано говорить о том, что еврокоммунизм отброшен европейскими коммунистическими и посткоммунистическими партиями окончательно. Идеологическая трансформация компартий Европы на данный момент не обоснована теоретически, но ряд документов, таких как «За манифест коммунистической партии в XXI веке»⁸, который был принят Французской комму-

⁴ Турреро Р.М. / От «еврокоммунизма» к оппортунизму наших дней. URL: <http://un-comm-ukr.ucoz.ru/publ/12-1-0-24> (дата обращения: 19.01.2019).

⁵ Жижек С. 25 января все мы – греки. URL: <https://inosmi.ru/world/20150122/225740298.html> (дата обращения: 19.01.2019).

⁶ Ліва Європа / Репа А. [и др.]; под общ. ред. А. Ляшевой. Київ., 2017. С. 154.

⁷ Киртиченко А. И пришел Корбин. URL: <http://liva.com.ua/jeremy-corbyn.html> (дата обращения: 19.01.2019).

⁸ Pour un manifeste du parti communiste du 21ème siècle (résumé). URL: <http://>

нистической партией на конгрессе в 2018 году, позволяет утверждать, что на данный момент коммунистическое движение в Европе движется левее социал-демократии, но правее коммунистической ортодоксии, которая была выражена в «21 условии членства в Коммунистическом интернационале»⁹.

manifestecommuniste2018.fr/POUR-UN-MANIFESTE-DU-PARTI-COMMUNISTE-DU-XXIe-SIECLE

⁹ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. 5-е изд. М., 1981. С. 204.

ПРОГРАММА «500 ДНЕЙ» КАК ПОПЫТКА СИСТЕМНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЭКОНОМИКЕ СССР

*Курсанов Роман Геннадиевич, к.и.н.
(Институт российской истории РАН)*

Осенью 1989 г. союзное руководство объявило главной политической задачей переход к рыночной экономике. Правительство Рыжкова-Абалкина попыталось выработать план рыночных реформ, включавших новую ценовую политику, стабилизацию экономики и некоторую степень разгосударствления.

Была образована Государственная комиссия по экономической реформе при Совмине СССР. В октябре 1989 г. Комиссия представила программу, предусматривавшую постепенный отказ от основных социалистических принципов в экономике и признание приоритета рынка над планом, – «Концепция–90». При этом централизованное планирование и прямое вмешательство в экономику сохранялись, а создание рыночных институтов отодвигалось на 1993–1995 гг. В конце того же года эта программа была принята Вторым съездом народных депутатов СССР.

Однако провал «декабрьской программы» союзного правительства и государственного плана на 1990 г. стал очевиден для всех уже через два-три месяца после их утверждения. Создавалось впечатление, что концепция реформы «застряла» на уровне теоретических наработок 1987 г., а кое-где даже наметился отход назад. Например, сохранялся, хотя и с оговорками, госзаказ. Реформа цен и ценообразования подменялась разработкой и введением оптовых и закупочных цен с начала 1991 г., о розничных ценах умалчивалось.

Примерно в это же время, в январе–феврале 1990 г. молодые экономисты Г.А. Явлинский, А.Ю. Михайлов и М.М. Задорнов подготовили проект «400 дней доверия», отличавшийся существенно большим радикализмом: предусматривалась реализация реформ по принципу «все сразу», все мероприятия были взаимосвязаны и синхронизированы по дням, основной акцент делался на укрепление финансовой системы, сокращение государственных расходов (в том числе для обеспечения социальных гарантий государства), поэтапную либерализацию цен и массовую приватизацию собственности.

Летом 1990 г. М.С. Горбачев пришел к выводу о необходимости объединения усилий и подготовки новой программы перехода к рынку, единой для всего Советского Союза. 27 июля 1990 г. было дано поручение о создании рабочей группы для подготовки союзной программы перехода к рыночной экономике. В состав рабочей группы вошли

преимущественно ученые-экономисты: С.С. Шаталин (руководитель группы), Н.Я. Петраков, А.П. Вавилов, Г.А. Явлинский, М.М. Задорнов, А.Ю. Михайлов, Б.Г. Федоров, Е.Г. Ясин, Т.В. Ярыгина, а также представители всех союзных республик, кроме Эстонии. Разработчикам поручалось в срок до 1 сентября 1990 г. подготовить концепцию программы.

Явлинский стремился использовать в качестве основы программу «400 дней», в скором времени трансформировавшуюся в «500 дней». Однако как вспоминает один из членов рабочей группы и будущий министр финансов РСФСР Б.Г. Федоров, готовивший разделы программы по финансам, кредитованию и внешнеэкономическим связям, «в документе остался лишь пропагандистский принцип “дней”, а все остальное писалось заново с использованием различных наработок»¹.

Программа виделась как основа экономической части будущего союзного договора. В основе программы лежала идея сохранения республик в составе Союза на новых условиях, постепенной либерализации цен и рынков, последовательной и продуманной приватизации через акционирование и т. д. При этом разработчики исходили из убеждения, что республики должны будут нести полную ответственность за экономическое развитие своих территорий.

Центру предполагалось передать следующие полномочия:

- создание экономических условий для поддержания обороноспособности, обеспечения государственной безопасности и борьбы с организованной преступностью;
- разработка и реализация крупных народнохозяйственных программ общесоюзного значения;
- реализация согласованной денежно-кредитной и валютной политики, направленной на укрепление покупательной способности рубля;
- регулирование в общесоюзном масштабе цен на ключевые виды энергоносителей, сырья, товаров и услуг, перевозку грузов, а также разработка и введение единых таможенных правил;
- выработка и согласование с республиками основных направлений внешнеэкономической политики;
- обеспечение экологической безопасности;
- управление сферами деятельности и целевыми программами, требующими по своему характеру единого руководства.

За 500 дней реализации программы в стране должны были сложиться основы рыночной экономики. Программа содержала секретное приложение, в котором описывалось проведение конфискационной денежной реформы.

В ночь с 1 на 2 сентября 1990 г. рабочая группа направила окончательный текст программы президенту и председателю Верховного совета РСФСР. Первый том составила сама программа «Переход к рынку», второй – пакет из 21 законопроекта, обеспечивающих правовую базу рефор-

¹ Кротов Н. Архив русской финансово-банковской революции (1985–1995): Свидетельства очевидцев. Документы. М., 2001. Т. 2. С. 129.

мы. 11 сентября программа «500 дней», пройдя рассмотрение в комитетах и комиссиях, была одобрена ВС РСФСР. Горбачев в своих воспоминаниях назвал этот акт российских парламентариев попыткой «оказать давление на центр, противодействовать выработке общей программы, поставить нас перед свершившимся фактом»².

Вместе с тем Верховный совет СССР, также рассматривавший программу «500 дней» (в доработанном варианте), так и не принял окончательного решения, предоставив дополнительные полномочия президенту и дав поручение о подготовке к 15 октября единой программы перехода к рынку на основе все тех же «500 дней».

В середине октября Горбачев представил в Верховный совет подготовленный на 60 страницах соответствующий документ, но эта была не программа и даже не концепция, а лишь «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике». Сам Горбачев объясняет это так: «Республикам надо было дать право решать, когда и какие конкретные меры осуществлять. А центр должен был обеспечить общую координацию в проведении реформ. Отсюда и название документа...»³ Этот документ ВС принял почти единогласно.

По всей видимости, Горбачев, просчитав, какие минусы будет иметь радикальная реформа, и оказавшись не способным преодолеть страх перед социальным взрывом, которым так пугало его окружение, отказался от поддержки программы «500 дней». По этому поводу Е.Т. Гайдар написал, что «с этого момента, вплоть до осени 91-го года, о какой бы то ни было экономически осмысленной политике можно было забыть. Между рушащимся Союзом и Россией началась ожесточенная борьба за власть»⁴. Явлинский со своей командой в октябре 1990 г. подали в отставку, впоследствии многократно заявляя, что осуществление «500 дней» позволило бы сохранить союзное государство.

Выступая 19 октября 1990 г. на заседании Верховного совета СССР, Н.И. Рыжков заявил, что «не 500 дней нужны стране, чтобы выйти на верную дорогу к рынку, а годы. Минимум 6–8 лет»⁵. Когда в 1991 г. Явлинский посетил США, где обсуждал свой проект «500 дней», ему был предоставлен анализ экономической ситуации в СССР, в котором указывалось, что рыночный рывок сможет произойти не ранее 1997 г.⁶

В начале XX в. С.Ю. Витте говорил: «В России необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и застормаживаются». Но спешить можно, только если знаешь куда. В 1990 г. почти все прогрессивные политики и экономисты были согласны: един-

² Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 575.

³ Там же. С. 579.

⁴ Кротов Н. Архив русской финансово-банковской революции (1985–1995): Свидетельства очевидцев. Документы. М., 2001. Т. 1. С. 93.

⁵ Рыжков Н. 10 лет реформ в России: обещания, результаты, перспективы // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 1. С. 29.

⁶ Рыжков Н.И. Главный свидетель. М., 2009. С. 121.

ственный путь – это рынок. Однако на пути к рынку было необходимо сделать ряд правовых и организационных шагов. Исторический опыт показывает, что полнокровный рынок во всех странах складывался постепенно, в течение более или менее длительного времени. Но в СССР экономические проекты реформ, к сожалению, почти сразу оказались заложниками политической конфронтации. Катастрофически нараставшие экономические трудности в СССР были использованы для ведения политической борьбы между центральной и российской властями, и как итог, бесценное время для принятия спасительных шагов по стабилизации экономики было упущено.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 80 – 90-х ГОДАХ

*Кирсанова Екатерина Геннадьевна, к. полит. н.
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В ходе распада социалистического блока на рубеже 1980–1990-х годов ряд стран столкнулись с проблемой перестройки своей внутренней системы к новым условиям. Страны Восточной Европы стали одними из тех, кто в этот период начал осуществлять процессы модернизации. Применительно к данному исследованию акцент будет сделан на социокультурном измерении затрагиваемой проблематики. Такой подход даст возможность, с одной стороны, более детально определить специфику развития Восточной Европы, показать уникальность этого процесса, а с другой – выделить особенности модернизации отдельно взятых стран. Восточноевропейское пространство сформировано не только политическими и экономическими реалиями, что, безусловно, является важным для понимания переходных обществ, но и той духовной составляющей, которая складывалась в течение не одного столетия, даже, несмотря на то, что многие страны региона то входили в состав других государств, то обретали независимость.

Безусловно, выделить все или практически все характеристики социокультурных особенностей государства в рамках одной статьи достаточно сложно, поэтому ограничимся некоторыми из них. На наш взгляд, представляется важным понять, как национальное сознание и консолидация нации способствовали или препятствовали осуществлению модернизации в странах Восточной Европы, а также какой отпечаток на трансформацию наложили исторические и культурные особенности данного региона.

Историко-географическая уникальность

На протяжении долгого времени содержательное наполнение термина «Восточная Европа» претерпевало изменения. До Второй мировой войны северная граница проводилась между Восточной и Центральной Европой по реке Эльба. В годы холодной войны к Восточной Европе относились все социалистические страны Европы. После окончания холодной войны ряд стран, которые ранее считались частью Восточной Европы, стали от-

носиться к другим регионам¹. На сегодняшний день существует несколько определений Восточной Европы, которые исходят из географических, политических и культурных оснований.

В связи с ростом взаимозависимости и взаимовлияния, а также с процессами глобализации и интеграции сегодня становится все меньше людей, которые воспринимают Восточную Европу как единый регион. Кстати, если посмотреть на эту проблему с исторической точки зрения, то оказывается, что Восточная Европа на протяжении многих веков не была единым регионом, да и отличия в этнолингвистических и конфессиональных особенностях носят весьма неоднородный характер. А между тем в истории этих стран был период, когда они воспринимались как единый регион – после Второй мировой войны и до распада социалистического блока (приблизительно около 40 лет). На наш взгляд, этот период является своего рода уникальным, так как трансформация режимов стран Восточной Европы осуществлялась именно от социалистической системы к демократической, что, в свою очередь, наложило особый отпечаток, который можно сопоставлять и сравнивать с другими вариантами, но ни в коем случае не приравнивать.

Если рассматривать Восточную Европу 1980-х, 1990-х гг. и начала 2000-х, включая все страны бывшего социалистического блока, то можно обнаружить еще одну особенность. Она состоит в том, что в рамках региона наблюдается, в известном смысле, раскол «Север–Юг», который носит не только экономический характер, но и цивилизационный². Если население Севера практически целиком можно отнести к христианской цивилизации, то на Юге проживают миллионы мусульман. Уместно в этой связи согласиться с мнением С. Хантингтона, который утверждает, что «линии разлома между цивилизациями становятся центральными линиями конфликтов в глобальной политике»³.

Влияние фактора национальной идентичности в условиях модернизации

Исследование опыта системных трансформаций в странах Восточной Европы приводит к выводу о том, что формируется и новая институциональная структура, для которой характерна своя логика развития и идентичность. В этой связи остановимся подробнее на том, какую роль национальная идентичность играла и сейчас играет в данном регионе.

¹ Понимая всю условность термина, в данной статье под понятием «Восточная Европа» мы будем подразумевать следующие страны: Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Словакия, Чехия, а также страны, которые входили в состав бывшей Югославии.

² Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Центральной и Восточной Европы. М., 2002. С. 67.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2007. С. 185.

Одним из дискуссионных вопросов остается вопрос о соотношении культурного контекста и институциональных перемен. В конечном счете дебаты сводятся к следующему: можно ли создать новые институты, кардинально отличающиеся от предыдущих, без учета культурных особенностей или все же сначала следует подготовить прочную основу, чтобы понимание о необходимости радикальных перемен сформировалось само собою. Дискуссия по данному вопросу оформилась в рамках спора между консерваторами и либералами еще в середине 60-х гг. XX века ввиду того, что большое внимание стало уделяться проблеме стабильности политического развития как предпосылки для социально-экономического прогресса⁴.

Попробуем проанализировать соотношение культурного контекста и институциональных перемен на примере опыта некоторых государств: Польши и Чехии. Выбор этих стран обуславливается, с одной стороны, рядом общих тенденций, а с другой – различными итогами реструктуризации общества при относительно схожем национальном настроении.

Социолог из Института философии и социологии Варшавского университета К. Косела, рассматривая польскую идентичность, основывается на анализе трех сообществ, составляющих собственно общество: сообществе религиозном, сообществе национальном и государственно-гражданском⁵. Несмотря на своего рода искусственное деление общества, в этом есть некое рациональное зерно, так как обозначенные выше категории можно использовать в качестве инструментария при анализе различных видов идентификаций. Более того, в разные периоды истории на первый план выходили то одни виды самоопределения, то другие⁶.

Интересующий нас период, а именно последние десятилетия XX века – начало XXI века, характеризуется в большей степени национальной и религиозной идентичностью, так как поляки в первую очередь ощущают себя поляками и католиками: «Житель Польши, декларирующий идентичность с религиозным сообществом, скорее всего, уверенно заявит и о своей идентичности с польским народом и гражданами польского государства»⁷.

На страницах польского журнала «Новая Польша» неоднократно разворачиваются дискуссии по поводу национальной идентичности Польши и ее ближайших соседей. Так, к примеру, главный редактор двуязычного немецко-польского журнала «Диалог» Б. Керский считает, что в этни-

⁴ К представителям консервативного направления принято относить С. Хантингтона, Х. Линца, Дж. Нельсона. Странники либерального подхода – Г. Алмонд, Р. Даль, Л. Пай.

⁵ *Косела К.* Поляк и католик. Переплетенная идентичность // Страны Восточной Европы в поисках новой идентичности: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. М., 2006. С. 96.

⁶ Стоит также отметить и то, что рассмотрение этих трех категорий не является новым. Так, еще в 30-х гг. XIX века граф С. Уваров сформулировал триаду для российского общества «православие, самодержавие, народность».

⁷ *Косела К.* Указ. соч. С. 97.

ческом и религиозном плане Польша стала однородным национальным государством только в 1945 г. в результате этнических чисток А. Гитлера и изменения границ по настоянию В. Сталина, так как до Второй мировой войны поляки представляли собой многоэтническую общность в полном смысле этого слова⁸. И если на рубеже 80–90-х гг. польские политики акцентировали внимание на политической идентичности, так как в результате распада социалистического лагеря страна обрела независимость в полном смысле, то в последнее время католическая вера и этническая принадлежность играет большую роль.

Национальная идентичность чехов отчасти похожа на поляков. Они также воспринимают себя в первую очередь как чехов. Разница состоит в том, что они не проявляют столь яркого негативизма по отношению к соседям, в том числе и к Советскому Союзу, хотя в душе и недолюбливают советскую власть, считая, что пребывание в социалистической системе задержало «развитие» Чехии. Плюс к этому в Чехии была еще одна проблема – надо было произвести «бархатный развод» Чехословакии.

Однако конечный итог трансформации политического режима и экономической системы в Польше и Чехии оказался разным. Во многом это объясняется существенно отличающимися методами реформирования. Так, к примеру, в Польше была применена «шоковая терапия», в результате которой реформа сильно ударила по благосостоянию значительной части поляков. В начале 1990 г. был резко снижен коэффициент индексации заработной платы, действовал высокий налог на заработную плату, было введено дополнительное прогрессивное налогообложение сверхнормативного прироста фонда заработной платы⁹. А наиболее сильный удар пришелся на людей пожилого возраста, а также на лица с относительно низким уровнем образования и квалификации и на молодежь. Тем не менее сами реформаторы, а также многие исследователи отмечают и успехи экономических реформ: государственное казначейство усилило свои позиции в связи с прямыми поступлениями от приватизации, которые, несмотря на свои умеренные размеры, оказались очень важными для консолидации бюджета; были отмечены значительные улучшения в производственной деятельности крупных государственных предприятий, подвергшихся реструктуризации, и т. д.¹⁰ Сам же главный реформатор экономики отмечает, что «период после 1989 г. – лучший за последние 300 лет», и основная проблема состоит в том, что «сумеет ли мы [поля-

⁸ Патриотизм европейский и патриотизм национальный. Польско-немецкая дискуссия // Новая Польша. Варшава. 2008. № 12 (103). С. 4.

⁹ *Лыкошина Л.С.* Лешек Бальцеревич – «отец польских экономических реформ» // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе: Сб. обзор и реф. / РАН ИНИОН. М., 2003. С. 86.

¹⁰ Реструктуризация и приватизация компаний в Польше (Реферативный обзор) // Особенности приватизации в Центральной и Восточной Европе: Реф. Сб. / РАН ИНИОН. М., 2002. С. 34.

ки. – *Примеч. авт.*] использовать тот шанс на развитие, который дает нам свобода»¹¹.

В Чехии процесс реструктуризации экономической сферы шел по другой схеме. В отличие от России и других стран Восточной Европы ее экономическое развитие можно охарактеризовать как стабильное. Во многом улучшению экономической ситуации страны способствовали иностранные инвестиции, огромный приток которых привел к такой ситуации, что к концу 90-х гг. запасы иностранной валюты выросли так, что фактически равнялись сумме внешнего долга Чехи¹². Также проводилась активная политика занятости, что сохраняло низкий уровень безработицы¹³. Несмотря на то, что «отца чешской перестройки» В. Клауса изображают яростным сторонником саморегулирующейся экономики, который практически всегда говорил «нет» любому проекту, подразумевающему активное участие государства в процессе реструктуризации экономики, «шоковая терапия» как способ перехода к рыночной экономике была отвергнута.

На наш взгляд, учитывая культурно-исторические особенности региона, можно сделать вывод, что формирование новых институтов, которые кардинально отличались от предыдущих, без учета культурных особенностей, было возможным ввиду того, что население, как показала практика, активно поддержало нововведения.

¹¹ О польских радикальных реформах и пути к свободному рынку. Беседа с Лешеком Бальцеревичем // Новая Польша. 2009. № 1 (104). С. 15.

¹² Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Минск, 1998. С. 181.

¹³ В конце 1994 г. уровень безработицы составил 3,2 % против 4,1 % в 1991 г.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МАРКСИЗМА И БОЛЬШЕВИЗМА. БОЛЬШЕВИЗМ КАК НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ

*Ковалев Максим Константинович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Более 100 лет назад произошла Октябрьская революция. Идеологией этой революции был большевизм (ленинизм), который вышел победителем из военно-политической и идеологической борьбы. «Отцом» большевизма, сформулировавшим основные его положения, был В.И. Ленин. Принято считать, что ленинизм основывался на постулатах марксизма, однако стоит ли отождествлять данные понятия? Был ли Ленин продолжателем идей Маркса или же у этих двух учений имеются серьезные расхождения? В чем сущность большевизма? Какие идеологические разногласия довели членов одной партии (меньшевиков и большевиков) вплоть до вооруженного конфликта?

В поисках ответа на эти вопросы начать следует с положений классического марксизма, которые вызвали дискуссию уже на первом этапе знакомства с ним русской интеллигенции.

Первое положение гласило, что прогрессивной революцией в России может быть исключительно *буржуазная* революция, которая приведет к устранению монархии и сословий, даст толчок полноценному развитию капитализма, смене феодальной формации на капиталистическую. Ф. Энгельс пишет: «Исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития»¹. С этой точки зрения любая иная революция, а также консервативное русское крестьянство считались реакционным явлением. В «Манифесте Коммунистической партии» напрямую говорится о реакционности любых попыток борьбы против капитализма в период «ниспровержения феодального общества»², «вследствие отсутствия материальных условий»³.

Вторая установка классического марксизма заключалась в разделении народов на революционные и реакционные. Ф. Энгельс напрямую пишет

¹ Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 445.

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 455.

³ Там же.

о ненависти и враждебности к русским и другим славянам как к реакционным народам⁴. Революция будет исходить от революционных народов западной Европы ко всему остальному миру (в том числе к России), но не наоборот⁵.

Основными оппонентами были народники, отвергавшие ненависть к «реакционному» крестьянству, утверждавшие, что к социализму Россия может перейти, минуя капитализм, благодаря общинному крестьянству, а революция в России будет антикапиталистической. По мнению Н.А. Бердяева, противостояние народников и марксистов предвосхитило разногласия Ленина и Плеханова, а П.Н. Ткачев отстаивал точку зрения «очень близкую русскому большевизму»⁶.

Сторонниками марксизма, принявшими по большей части его положения, была группа «Освобождение труда», занявшая всесторонней критикой народничества, которая была завершена самим Лениным. Он пишет о невозможности ведения современного земледелия на основе общинного хозяйства, подчеркивает «полную солидарность воззрений западноевропейских и русских марксистов ввиду новейших попыток представителей народничества провести резкое различие между теми и другими»⁷.

Несмотря на это именно Ленин стал постепенно отклоняться от классического марксизма в период революции 1905–1907 гг. Сначала он поддерживает требование крестьян о национализации земли, затем уже по-иному смотрит на народничество: «Воюя с народничеством как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества...»⁸ Он также отрицает идею реакционности крестьянства и выдвигает идею установления «диктатуры пролетариата и крестьянства». Т. Шанин делает вывод о том, что Ленин одним из немногих сделал выводы из борьбы крестьян в 1905–1907 гг., ее несоответствии «предсказаниям и стратегиям прошлого»⁹. С 1908 г. мысли Ленина практически совпадают со взглядом народников. Такие взгляды Ленина заложили основу непримиримого противостояния большевиков с марксистами и другими силами, выступавшими за переход к капитализму. Наиболее структурированный вид новая доктрина Ленина приобрела в Апрельских тезисах, в которых Ленин ставит задачу рабоче-крестьянской революции

⁴ *Энгельс Ф.* Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 306.

⁵ *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 526.

⁶ *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 59–60.

⁷ *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 8–9.

⁸ *Ленин В.И.* Письмо И.И. Скворцову-Степанову от 16 декабря 1909 г. // Полн. собр. соч. Т. 47. С. 229.

⁹ *Шанин Т.* Революция как момент истины. М., 1997. С. 279.

без ожидания накопления производственных сил посредством капитализма, в то время как меньшевики продолжали настаивать на буржуазной революции¹⁰. Именно эта программа легла в основу действий большевиков и Октябрьской революции. А. Грамши в 1918 г. делает вывод относительно Октября: «Это революция против “Капитала” Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось»¹¹.

Представляется, что идеологическое противостояние марксистов и большевиков, отход идеологии Ленина от «Капитала» во многом лег в основу гражданской войны. Уже после поражения меньшевик Аксельрод описывает идейные основания конфликта: «С первого дня своего появления на русской почве марксизм начал борьбу со всеми русскими разновидностями утопического социализма, провозглашавшими Россию страной, исторически призванной перескочить от крепостничества и полупрimitивного капитализма прямо в царство социализма. И в этой борьбе Ленин и его литературные сподвижники активно участвовали... Большевизм зачат в преступлении, и весь его рост отмечен преступлениями против социал-демократии»¹².

В своих поздних высказываниях Ленин прямо противоречит Марксу: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный “уровень культуры”, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»¹³.

В целом можно сделать вывод о том, что ленинизм (большевизм) был принципиально новой идеологией, во многом противоречащей марксизму. С одной стороны, он совпадал с народничеством, которое в свою очередь черпало свои идеи в традиционном общинном жизнеустройстве

¹⁰ Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012. С. 20.

¹¹ Gramsci A. La revolución contra «El Capital» // A. Gramsci. Antología. México, 1984. P. 34–37.

¹² Цит. по: Ненароков А., Павлов Д. Политическое завещание П.Б. Аксельрода // Россия XXI. 1999. № 6. С. 288.

¹³ Ленин В.И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 382.

русских крестьян, сформировался на опыте революции 1905–1907 гг. и последующих событиях. С другой – опирался на некоторые положения марксизма, западноевропейского модерна. По мнению Ю.В. Ключникова, большевизм вытекал из логики русской истории, был «чрезвычайно глубоким и жизнью подсказанным синтезом традиций нашего славянофильства и нашего западничества»¹⁴.

¹⁴ Цит. по: *Кара-Мурза С.Г.* Кризисное обществоведение. Часть первая. Курс лекций. М., 2011. С. 425.

ИЗ ГОРОДА НА НЕВЕ В ГОРОД НА ВОЛГЕ: ЭВАКУИРОВАННЫЕ ЛЕНИНГРАДЦЫ В ЯРОСЛАВЛЕ И ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

*Козлова Светлана Юрьевна, к.и.н.,
Лозинский Борис Ростиславович
(Музей истории города Ярославля)*

В общем процессе «распределения» эвакуированных ленинградцев Ярославль функционально играл роль одного из важнейших узловых перевалочных пунктов, в то же время в городе Ярославле и Ярославской области оставались тяжелобольные, которые не могли следовать дальше, и дети. Прибывавшие в Ярославль эшелоны с эвакуированными ленинградцами попадали в три эвакуационных пункта, располагавшиеся на железнодорожных станциях Всполье (ныне Ярославль-Главный) и Урочь, Московском вокзале, а также на Волжскую пристань¹. В Ярославле ленинградцы получали первую медицинскую помощь и сухие пайки, проходили санитарный контроль. Одной из проблем, связанных с доставкой ленинградцев в Ярославль, была необеспеченность эшелонов медицинскими работниками. Зачастую именно Ярославль становился пунктом, в котором ленинградцы получали первую медицинскую помощь, одновременно – местом «сортировки» по критерию состояния здоровья.

За два месяца до начала блокады, еще 29 июня 1941 г., Исполком Ленгорсовета принял решение «О вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области»². За период с начала эвакуации по 6 октября 1941 г. в эвакуационные пункты Ярославля прибыло 746 855 человек, выбыло из них 745 792 человека, задержались в Ярославле по разным причинам (болезни, травмы, смерть) 1063 человека³. 28 октября 1941 г. в целях рассредоточения эвакуированных из Ленинграда детей руководством Ярославской области было принято решение об их отправке водным и железнодорожным транспортом в Липецкую, Челябинскую, Омскую и другие области⁴.

¹ Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 272. Оп. 224. Д. 1003. Л. 91.

² Букренева К.Г., Алексеева Л.В. К вопросу о численности детей в Ленинграде в условиях начавшейся блокады // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Екатеринбург, 2016. С. 55.

³ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 77. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 8.

На станции Всполье находились четыре барака для размещения эвакуированных семей (два из них – для краткосрочного предварительного заселения до санитарной обработки) и четыре столовых, в здании вокзала – детская комната, недалеко от вокзала – детский сад, в котором содержались преимущественно дети, оставшиеся без родителей⁵. Эвакуированным, которые задерживались с эшелонам на 1–2 часа, выдавался сухой паек, состоявший из 200 гр. хлеба, 20 гр. масла и 20 гр. сахара, в детский паек добавлялось одной яйцо. Тем, кто задерживался на более длительный срок, выдавался горячий обед из расчета 3 рубля на человека⁶.

Вопросы приема и размещения эвакуированного населения из Ленинграда находились на постоянном контроле партийных и советских органов. В каждом городе и районе были созданы эвакуационные комиссии. Только за период с 22 ноября 1941 г. по 21 сентября 1943 г. было проведено 2 заседания Пленума обкома ВКП(б) и 29 заседаний Бюро обкома, на которых были заслушаны 29 вопросов об организации помощи эвакуированному населению и, в первую очередь, детям⁷.

27 мая 1942 г. Бюро обкома ВКП(б) приняло решение «О подготовительных мероприятиях по городу Ярославлю к приему, обслуживанию и дальнейшей отправке населения, эвакуированного из Ленинграда»⁸. На станции Урочь был организован пункт перезагрузки эвакуированных с железной дороги для дальнейшего следования по воде, на берегу Волги разместились столовая и кухня для раздачи горячей пищи из расчета 10 тыс. обедов в день. В условиях дефицита продуктов питания остро стоял вопрос о продовольственном обеспечении ленинградцев. В тех стационарах, госпиталях, санаториях и столовых лечебного питания, которые обслуживали ленинградцев, строго утверждалось меню, которое с точки зрения уже упомянутых условий было достаточно разнообразным. В Гаврилов-Ямском районе на 4 марта 1942 г. в меню питания эвакуированных из Ленинграда входили: 20 гр. сливочного масла, 3 стакана кофе, 600 гр. хлеба, 400 гр. перлового супа, по 250 гр. овсяной и манной каши и 100 гр. тушеного мяса⁹.

Большинство прибывавших в Ярославскую область ленинградцев расселялось в сельской местности, в основном недалеко от железной дороги. В общей сложности здесь были расселены 67 754 ребенка, для них были выделены 26 детских домов, 97 школьных зданий, 32 клуба и избы-читальни, 229 коммунальных зданий, 1100 домов колхозников¹⁰. В 1941 г. действовали дома ребенка «Итларь» на 100 коек и «Красные ткачи» в Карабихе на 80 коек¹¹. На 25 сентября 1942 г. в Ярославской области было развернуто 214 детских домов, интернатов и яслей для 25 049 де-

⁵ Там же. Л. 67.

⁶ Там же. Л. 104.

⁷ Там же. Д. 203. Л. 72.

⁸ Там же. Д. 419. Л. 37.

⁹ Там же. Оп 1. Д. 836. Л. 84.

¹⁰ Там же. Оп. 224. Д. 77. Л. 121.

¹¹ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-2228. Оп. 3. Д. 86. Л. 15.

тей¹². В детских домах и интернатах дети вели подсобное хозяйство, принимали участие в сельскохозяйственных работах расположенных поблизости колхозов (заготовка сена, прополка овощных и кормовых культур, участие в содержании скота). Первые подобные интернаты были созданы при колхозах «Красная звезда» и «Восход» Ярославского района. Областной комитет ВКП(б) одобрил их инициативу и распространил на всю область. Помощь колхозов заключалась в закладке на хранение на зиму картофеля, овощей и зерна, передаче скота для организации подсобных хозяйств при интернатах, ремонте и утеплении помещений, заготовке дров, снабжении детей одеждой. В 1943 г. Ярославский городской отдел здравоохранения стал уделять значительное внимание организации санаториев, в этот период был создан санаторий для дистрофиков на Красном Перекопе и детский санаторий на 150 мест¹³.

Ярославские семьи принимали ленинградских детей на временное проживание, немало детей (к концу сентября 1942 г. – 445¹⁴) было усыновлено. Одной из числа приемных родителей стала работница Ярославского партийного архива Лидия Сергеевна Волкова (1907 г.р.). Будучи на инвалидности, она удочерила и выходила годовалую девочку Нину, родная мать которой, вероятно, погибла по пути в Ярославль. Как вспоминает Нина Николаевна, судьба далеко не всех ленинградских детей сложилась так удачно. Среди усыновителей были и те, кто брал детей из семей побогаче, забирал их имущество, привезенное из Ленинграда, и «сдавал» их обратно в детские дома и интернаты¹⁵. Пример семьи Нины Николаевны показателен, через некоторое время ее приемная мать вышла замуж за эвакуированного ленинградца, который приехал в Ярославль вместе со своим сыном. Создание новых семей, также как и борьба с истощением и болезнями, стала одной из очевидных причин, по которым ленинградцы оседали в Ярославле и Ярославской области. Жилищные нормы для ярославцев временно были уменьшены до 4 кв. метров на человека, что дало возможность посредством подселения разместить тысячи новых семей¹⁶.

Вынужденная миграция из Ленинграда стала одним из многих факторов восполнения населения города Ярославля, за годы войны сократившегося почти в два раза. Являясь важнейшим перевалочным пунктом, за счет выгодного географического положения, наличия узловых железнодорожных станций и водных путей, Ярославль сыграл значительную роль в процессе распределения ленинградцев в период блокады.

¹² ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 77. Л. 124.

¹³ ГАЯО. Р-835. Оп. 2. Д. 1. Л. 54.

¹⁴ Там же. Д. 405. Л. 84.

¹⁵ Беседа С.Ю. Козловой и Б.Р. Лозинского с Н.Н. Виноградовой. Аудиозапись от 6.02.2019 г.

¹⁶ Фролов М.И. Эшелоны шли в Ярославль. К 70-летию прорыва блокады Ленинграда // Военно-исторический журнал. 2012. № 12. С. 36–37.

«СОЮЗ ИТАЛЬЯНСКИХ ЖЕНЩИН» И ИТАЛЬЯНСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ И ФАКТОР ДВОЙНОГО ВЛИЯНИЯ (1944–1982 гг.)

*Козлова Светлана Юрьевна, к.и.н.
(Музей истории города Ярославля)*

«Союз итальянских женщин» (ныне «Союз женщин в Италии») был создан в 1944 г. на волне движения Сопrotивления, на базе «Групп защиты женщины», действовавших на Севере страны с осени 1943 г. при коммунистических «бригадах Гарибальди». Несмотря на провозглашенный принцип открытости организации для всех социальных слоев, вероисповеданий и политических направлений, его руководящий актив составляли коммунистки и социалистки. Исследователи указывают на политическую природу Союза, называют его «политическим субъектом», представлявшим интересы Итальянской коммунистической партии (ИКП)¹, «левой женской организацией»². Наиболее точно, на наш взгляд, идейную направленность Союза охарактеризовала К. Ренцони, указавшая на то, что Союз выражал стремления коммунисток и в меньшей степени социалисток³, участниц Сопrotивления, в течение многих лет фактически был «вспомогательной организацией» ИКП и постепенно приобрел «прогрессивную автономию»⁴ (на XI Национальном конгрессе в 1982 г.).

На V Национальном съезде ИКП (29 декабря 1945 – 6 января 1946 г.) Л. Лонго, заместитель генерального секретаря партии, назвал Союз организационной формой, которая выходит «за привычные рамки партийного строительства», так как, имея унитарный характер, допускает значительное внутреннее разнообразие, которое «позволяет преодолевать второстепенные или частные расхождения ради осуществления – на основе, которая может быть общей для всех, – необходимого и благотвор-

¹ Tola V. Dalla Resistenza a protagoniste della Repubblica: la nascita dell'UDI // «Noi compagne di combattimento...». I Gruppi di Difesa della Donna, 1943–1945. Torino, 2015. P. 51.

² Pojmann W. Oral history, identity and the Italian women's movement in the future of the contemporary past // Journal of International Women's Studies. 2005. Vol. 7. № 2. P. 195.

³ До 1957 г. коммунистическая и социалистическая партии придерживались «Пакта о единстве действий», заключенного в 1937 г., затем – в 1946 г.

⁴ Renzoni C. Servizi sociali e assetto urbano nella pubblicistica e nei Congressi dell'Unione donne italiane (1960–1964) // Territorio della Ricerca su Insediamenti e Ambiente. Rivista internazionale di cultura urbanistica. 2013. Vol. 6. № 10. P. 124.

ного единства действий»⁵. Компартия финансировала Союз, ставила перед ним задачи, определяла круг инициатив и степень самостоятельности принятия решений его руководством в каждом конкретном случае, обеспечивала теоретическую базу его деятельности, и, что важно, поддерживала его контакты с Комитетом советских женщин (КСЖ).

Структурная автономия Союза от компартии позволила последней поставить перед ним три ключевые задачи: консолидация политических сил путем их вовлечения в решение общезначимых проблем, создание общей платформы действий; укрепление политических связей между коммунистической и социалистической партиями; расширение влияния этих партий в обществе⁶. Основными направлениями деятельности Союза до 1982 г. были содействие участию женщин в политической жизни, преодоление социальной дискриминации и маргинализации женского населения, решение актуальных проблем. Конфликт интересов ИКП и Союза заключался в том, что лидеры компартии видели Союз одной из зависимых от партии организаций, обеспечивавших ее взаимодействие с социалистами и популяризацию в обществе, в то время как руководство Союза стремилось создать «организацию всех женщин Италии», поднять «женские проблемы» на общеполитический уровень, разграничить деятельность партии и Союза. Члены Союза в обществе ассоциировались исключительно с коммунистками, что затрудняло расширение его общественной базы⁷.

До 1956 г. – активно, после – с меньшей интенсивностью, Союз испытывал двойное влияние со стороны ИКП и КСЖ, с которым компартия настоятельно рекомендовала руководству Союза взаимодействовать путем организации встреч и обмена делегациями. Важно отметить, что контакты между комитетом и Союзом признавались руководством последнего нужными с точки зрения возможности ознакомления с советским опытом женской эмансипации, который признавался передовым в мире. Теоретики в компартии и советская сторона подтверждали, что первоочередной задачей Союза было создание условий эффективной совместной работы социалисток и коммунисток, вне зависимости от политической обстановки в стране. Именно поэтому, когда в 1956–1957 гг. в Союзе наметился кризис, связанный с разной оценкой внешней политики СССР политическими партиями, подстегнутый рядом событий (XX съезд КПСС, Венгерские события, разрыв «Пакта о единстве действий» между ИКП и ИСП, выход ИСП из Движения сторонников мира), и со стороны ИКП, и со стороны КСЖ прозвучали рекомендации по скорейшей выработке нового подхода, который позволил бы удержать социалисток в организации.

В разгар Венгерских событий, с 28 октября по 15 ноября 1956 г., в СССР пребывала итальянская женская делегация во главе с социалист-

⁵ Лонго Л. Избранные статьи и речи (1946–1975 гг.). М., 1975. С. 8.

⁶ Rodano M. Memorie di una che c'era. Una storia dell'Udi. Milano, 2010. P. 40.

⁷ Ibid. P. 160.

кой Эльзой Бергамаски, членом секретариата Союза⁸. В первые дни из-за событий в Венгрии и Египте в делегации наблюдались волнения и паника, обсуждался вопрос о возвращении в Италию⁹. Вскоре после возвращения в Италию в журналах «Иль джорнале д'Италия», «Висто», «Эспрессо» члены делегации опубликовали ряд антисоветских статей¹⁰. Это был первый прецедент подобного рода за послевоенный период. На заседании КСЖ 22 ноября 1956 г. было принято решение поставить в известность МИД СССР о том, что «советское посольство в Италии не оказало должного влияния на подбор делегатов, в результате чего в делегацию были включены случайные люди»¹¹.

В период кризиса при поддержке ИКП и КСЖ руководство Союза выдвинуло в качестве приоритетных проблемы единства и автономии организации. Под единством понималось объединение по вопросам эмансипации всех женщин Италии, независимо от их политических и религиозных убеждений. Эмансипация теперь рассматривалась как воспитание в женщине осознания равноправия с мужчинами во всех областях жизни, с целью более сознательного и приносящего большую пользу включения в борьбу за мир¹², и наряду с этим, как борьба за расширение демократических прав и организацию общественной жизни в соответствии с этими новыми правами¹³.

Апогеем политики «единства» стал VI Национальный конгресс Союза, проходивший 7–10 мая 1959 г. в Риме. Конгресс утвердил введение в Союзе коллегиального управления: ликвидировалась должность председателя Союза (до 1959 г. ее занимали исключительно коммунистки), его функции переходили Президиуму. Президиум состоял из 14 равноправных председателей, каждый из которых осуществлял практическое руководство в течение одной недели. В состав Президиума вошли «6 коммунисток, 5 социалисток (2 правых и 3 левых) и 3 независимые»¹⁴. Переход к коллегиальным органам управления являлся практической реализацией принципа единства. Новый подход, выработанный в период 1956–1959 гг., стал основой деятельности Союза до 1982 г., заключался в выделении проблемы женской эмансипации как базовой нейтральной области взаимодействия и пропаганде общезначимых идей мира с отказом от адресных обвинений в международной напряженности.

В период 1944–1982 гг. Союз успешно выполнял поставленную ИКП задачу по созданию единой платформы действий с социалистами. Наблюдавшийся в это время конфликт интересов компартии и Союза

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р7928. Оп. 4. Д. 104. Л. 112.

⁹ Там же. Л. 117.

¹⁰ Там же. Л. 118, 215.

¹¹ Там же. Л. 223.

¹² Там же. Д. 155. Л. 155.

¹³ Там же. Д. 166. Л. 480.

¹⁴ Там же. Д. 131. Л. 178.

был проявлением эпохи, когда в демократических странах Запада ломались прежние институты и ценности, в обществе ставился гендерный вопрос, вопросы об авторитетах и автономии общественных организаций от политических структур, свободе их действия.

ПОСТАВКИ АВТОМОБИЛЕЙ ЧЕРЕЗ ИРАН В СССР ПО ЛЕНД-ЛИЗУ В 1942–1945 гг.

*Коломиец Виктор Максимович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Начальный период Великой Отечественной войны стал тяжелым моментом не только для Красной армии, потерпевшей ряд поражений, но и для советской промышленности. Потеря ряда промышленных районов привела к нехватке военной техники, боеприпасов и иных остро необходимых фронту промышленных материалов, в первую очередь автомобилей. Промышленность, находящаяся в состоянии эвакуации, могла начать производство лишь в первой половине 1942 г. В этой ситуации оказалась крайне востребованной помощь союзников по антигитлеровской коалиции по программе ленд-лиза.

США и Великобритания в первые же дни войны заявили об оказании всесторонней помощи СССР в войне с Германией. С осени 1941 начались поставки по ленд-лизу.

Поставки регулировались четырьмя специальными протоколами, каждый из которых действовал один год: Московский, Вашингтонский, Лондонский и Оттавский¹. Предполагалось, что в СССР по ним будет отправлено 490 000 машин, но в реальности Советский Союз получил примерно 430 000 штук².

Первым маршрутом, по которому пошли конвои, стал северный – по нему шли знаменитые арктические конвои. Этот путь являлся самым коротким, но при этом и самым опасным. Поэтому начали использовать так называемый «Персидский коридор». Корабли союзников шли из порта Бостон вокруг мыса Доброй Надежды к Восточному побережью Африки. Конечными пунктами маршрута были иранские порты Бендер-Шахпур (совр. Бендер-Хомейни), Хорремшехр, Бушир, а также иракский порт Басра.

Поставки по маршруту начались осенью 1941 г., после проведения Иранской операции советскими и британскими войсками. Был проведен большой объем работ по реконструкции транспортной инфраструктуры страны: шоссеиных дорог, железнодорожных путей, портов. Также ряд объектов был построены с нуля.

¹ Soviet Supply Protocols. Washington, 1947.

² Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. М., 2015. С. 599.

Постановлением ГКО от 25 апреля 1942 г. было образовано Советское Транспортное Управление в Иране (СТУ) с подчинением Начальнику Тыла РККА. В задачи Управления, в частности, входило: осуществление контроля над деятельностью северных участков Трансиранской железной дороги; руководство строительством новых железных и шоссейных, контроль за автомобильным движением и др.³ Начальником СТУ был утвержден генерал-майор А.Н. Королев.

Поставки автомобилей имели очень важное значение для СССР, поскольку РККА в начале войны потеряла более 50 % своего автопарка, а советские автомобильные заводы не могли в полном объеме возместить потери. В Иран первые партии автомобилей из США поступили 1 февраля 1942 г. Наиболее массовым автомобилем, «символом» ленд-лиза в СССР стал американский грузовик «Студебеккер US-6». Их было поставлено более 150 тысяч. Также поставлялись американские джипы «Виллис» и грузовые автомобили «Форд», «Шевроле», «Дженерал Моторс», «Додж», а также английские «Остин», «Бедфорд» и др.

Большой проблемой для снабжения Красной армии автомобилями и грузами была нехватка водителей, поэтому было решено привлекать местное население. Для их обучения были организованы курсы шоферского дела для местного населения в Тегеране.

Порты Ирана имели малую пропускную способность, и для увеличения автомобильных поставок было решено построить несколько авто-сборочных заводов. Такие заводы были возведены в нескольких населенных пунктах Ирана. В мае 1942 г. американцы построили ТАР-1 (Truck Assembly Plant №1) в Андимешке, где началась основная сборка машин. С февраля 1943 г. начал функционировать завод ТАР-2 в Хорремшехре. Сборка автомобилей была прекращена в декабре 1944 – январе 1945 г. Всего на заводах было собрано 183 206 машин⁴.

Всего за годы Великой Отечественной войны через Иран в СССР было отправлено 191 959 машин. Хотя США и Великобритания и не выполнили своих обязательств по поставкам в полном объеме, однако при-сланная ими помощь сыграла важную роль как в победе над Германией, так и в послевоенном развитии СССР, и важность этой помощи нельзя отрицать.

³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 54. Л. 100–101.

⁴ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 10624. Л. 16–17.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ВОЙНЫ КАСТ НА ЮКАТАНЕ (1847–1854) ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ МЕКСИКИ

Косиченко Иван Никитович

(Российский государственный гуманитарный университет)

Война Каст на Юкатане (1847–1901) была самым масштабным и продолжительным вооруженным конфликтом между коренным населением и формирующимся национальным государством в истории Латинской Америки XIX в. Причины этого повстанческого движения, охватившего часть территории мексиканского штата Юкатан, лежали в недовольстве индейцев майя либеральными социально-экономическими реформами мексиканского правительства, что было логическим продолжением десятилетнего периода политической нестабильности и гражданских войн на полуострове.

Масштабный конфликт начал изучаться практически сразу после его начала. Обширный корпус современной ему публицистики, направленный на осмысление происходящего, написанные в более спокойные 1860–1870-е гг. классические работы Х.С. О'Рейли¹, С. Бакейро² и Э. Анконы³ были типичными представителями мексиканской историографии XIX в., написанной участниками или свидетелями событий. Несмотря на неточности и остающуюся в тени документальную базу этих исследований, они стали отправной точкой для большинства последующих исследователей на следующие 100 с лишним лет. Историки работали в Генеральном архиве штата Юкатан, в лондонских архивах, касающихся Белиза и отношений местной администрации и жителей с повстанцами, но история людей, воевавших на стороне правительства, продолжала писаться по Бакейро и Анконе.

Важной вехой в историографии стала работа Марты Вильялобос «Осажденный лес» (2006)⁴. В ней впервые масштабно были использо-

¹ *O'Reilly J.S.* Los indios de Yucatán: Consideraciones sobre el origen, causas y tendencias de la sublevación indígena, sus probables resultados y su posible remedio. Mérida: Universidad Autónoma de Yucatán, Dirección General de Extensión, 1994. 2 Т.

² *Baqueiro S.* Ensayo Histórico sobre las revoluciones en Yucatán. Mérida: Ediciones de la Universidad Autónoma de Yucatán, 1990. 3 Т.

³ *Ancona E.* Historia de Yucatán, desde la época más remota hasta nuestros días. Mérida: Heredia Argüelles, 1879. 5 Т.

⁴ *Villalobos González M.H.* El bosque sitiado: asaltos armados, concesiones forestales y estrategias de resistencia durante la Guerra de Castas. México D.F.: Maporrúa, 2006.

ваны источники, хранящиеся в Историческом архиве Министерства обороны Мексики. Однако она, как и последующие труды американского историка Терри Рагли⁵, касалась непосредственно организации вооруженных сил Юкатана весьма скромно, концентрируясь на отношениях между восставшими индейцами в первом случае, и включении армии в общий контекст эпохи политического насилия во втором.

Задача изучения периода наиболее интенсивных боев Войны Каст (1848–1854 гг.) не представляется возможной без использования документов из Исторического архива Министерства обороны. Всего данной теме касаются 33 дела, содержащих в общей сложности свыше 1500 листов. Представленные в документальном массиве источники относятся в большинстве своем к документам Министерства войны и флота (*Ministerio de la Guerra y Marina*), однако встречаются документы, направленные в другие учреждения или полученные из них: к ним относятся Министерство финансов (*Ministerio de Hacienda*) и Министерство внутренних и иностранных дел (*Ministerio de Relaciones*)⁶.

Основа массива – доклады главнокомандующих штата Юкатан генералов Себастьяна Лопеса де Лерго, Мануэля Мичелторена и Ромуло Диаса де ла Вега, занимавших этот пост с 1848 по 1849 г., с 1849 по 1851 г. и с 1851 по 1854 г. соответственно. Все доклады от главнокомандующих направлены Министру войны и флота и Президенту Мексики (периодически они переходят с одной должности на другую, как, например, генерал Мариано Ариста, бывший адресатом генерала Мичелторена, ко времени назначения генерала Вега стал Президентом).

Представленные доклады можно условно разделить на следующие подгруппы:

1. Сообщения о ходе боевых действий. Наиболее распространенный вид доклада, в котором приводятся развернутые сообщения об операциях, проведенных теми или иными подразделениями.

2. Сокращенные сводки. Практически идентичны п. 1, но содержат сжатую информацию о проведенных различными подразделениями операциях за какой-либо период. В отличие от докладов из предыдущего пункта крайне редко содержат значимую информацию о состоянии войск в зоне конфликта.

3. Доклады о происшествиях – сообщения о важных судебных разбирательствах (слушания по делам, связанным с политическими преступлениями и контрабандой), коммерческих договорах стратегического значения (договор о закупках зерна). Ко всем докладом этого вида прилагаются копии соответствующих документов в переписи.

4. Доклады о состоянии войск и политической обстановке в штате – очень важный вид источника, к сожалению, встречающийся крайне ред-

⁵ *Rugeley T. Rebellion now and forever: Mayas, Hispanics, and caste war violence in Yucatán, 1800–1880. Stanford, Stanford University Press, 2010.*

⁶ Все названия приводятся в переводе с оригинала по состоянию на 1848–1854 гг.

ко. Содержат ценные сведения о численности личного состава, основных трудностях, сопровождающие проведение кампании против восставших, настроениях в войсках среди рядового и офицерского состава. В случаях, касающихся политических волнений в войсках, сопровождаются печатными прокламациями на соответствующую тему.

5. Экземпляры печатных изданий. В некоторых случаях, доклады сопровождаются изложениями основных военных событий в печатных органах штата, как государственных, так и частных, с приложением экземпляров. В большинстве юкатанских газет данного периода присутствовал раздел *teatro de la guerra* – театр военных действий, в которых перепечатывались некоторые отчеты из зоны боевых действий. Необходимо подчеркнуть, что эти газеты были основным источником информации для предыдущих исследователей Войны Каст, в силу закрытости Исторического архива СНО до 2000-х гг.

Следующая группа источников – корреспонденция от Министра войны и флота, очень важный вид источника, недоступный вне Архива. Представляет из себя черновики посланий, которые направлялись главнокомандующему штата Юкатан и другим адресатам, и сохранялись в архиве Министерства. Их также можно разделить на несколько основных видов.

1. К первому виду можно отнести дежурные подтверждения о получении докладов, которые, как правило, воспроизводят в сжатом виде его содержание, и иногда содержат в себе реакцию Министра и Президента.

2. Ко второму виду относятся черновики приказов, распоряжений и инструкций, являющихся самостоятельной корреспонденцией. Наибольший массив документов этого рода наблюдается в периоды смены главнокомандующих.

Общий массив документов, на которых основывается данное исследование, позволяет составить цельное представление о структуре, развитии и состоянии вооруженных сил на Юкатане в период 1847–1854 гг., хотя многие представляющиеся интересными аспекты остаются за рамками данных документов, являются утерянными или недоступными. Так, например, полный список подразделений с указанием личного состава и инвентаризация вооружений на начало 1851 г., затребованная Министерством, осталась недоступна для исследования, а на полях доклада содержится резолюция «указанные документы оставлены в собственности господина Министра».

Несмотря на досадную неполноту фондов, их слабую организованность и трудности работы с рукописями, иногда очень плохо читаемыми, этот раздел Исторического архива имеет огромную ценность для изучения мексиканских вооруженных сил в Войне Каст. Обилие внутренней корреспонденции, не попадавшей в прессу, раскрывает недоступные без использования данных документов аспекты организации и повседневной жизни мексиканской армии в указанный период. Стоит отметить легкость, с которой сегодня возможен доступ в архив для любого исследователя, благодаря федеральным законам о прозрачности госучреждений, принятых в Мексике в последние десятилетия.

КОМИНТЕРН В ТОПОНИМИИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ДЕКОММУНИЗАЦИИ

Косован Елена Анатольевна, к.и.н.

(Российский государственный гуманитарный университет)

9 апреля 2015 г. Верховная Рада Украины приняла пакет «законов о декоммунизации»¹, которые позиционировались украинскими властными элитами как способ борьбы за историческую справедливость и построения «безбедного спокойного будущего»². Тогда же директор Украинского института национальной памяти (укр. УІНП) В.М. Вятрович объявил, что поскольку Россия «в качестве орудия борьбы против Украины... мобилизует... идею возвращения к советскому прошлому», украинская топонимика перестает быть «вопросом только лишь гуманитарной политики – она превратилась в один из инструментов обеспечения национальной безопасности»³.

«Топонимическая революция» – явление, характерное для многих новых независимых государств. Однако декоммунизационные украинские практики своим радикализмом зачастую напоминают древнеримское *damnatio memoriae* – вид посмертного наказания для политических преступников, который подразумевал уничтожение любых материальных свидетельств о них.

Это в полной мере подтверждает пример III Интернационала, (Коминтерна), который изгоняется из украинского ономастического пространства на всех уровнях. Начало этой кампании было положено еще в 1990-е гг., но всеобъемлющий характер она приобрела только в 2015 г.

¹ «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет на пропаганду их символики» (№317–VIII) «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов» (№ 315–VIII); «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке» (№ 314–VIII) и «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов» (№ 316–VIII), все от 9 апреля 2015 г.

² Декомунізація: що і чому перейменовувати й демонтувати: Збірник матеріалів, рекомендацій і документів щодо виконання вимог Закону України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки». Київ, 2015. С. 20.

³ Там же.

В 2015–2016 гг. были изменены, во-первых, топонимы, восходящие к эргониму «Коминтерн». В первую очередь это села и поселки городского типа, областные и городские административные единицы и ряд урбанонимов – улицы, переулки и т. п.⁴ Во-вторых, изменению подверглись топонимы, которые восходят к именам деятелей Коминтерна – Г.М. Димитрова, Д.З. Мануильского, С.И. Гопнер, В. Коларова, Д. Ибаррури, М. Кашена и др.⁵ Их места на символическом ландшафте Украины заняли нейтральные и мемориальные топонимы, свидетельствующие об изменении идеологии украинского государства. Например, в Фастове улица Коминтерна стала улицей Сечевых стрельцов, в Сумах ул. Андрея Шпентицкого, в Киеве новые имена получили три переулка Коминтерна – 1-й стал Сладким (Солодкий), 2-й – Пчелиным (Бджолиний), 3-й – Лозовой (Лозовий), в Днепропетровске улица Серафимы Гопнер стала улицей Магдебургского права, а улица Мануильского – улицей Михаила Максимовича и т. д.

Идет борьба с памятью и о Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ). Компартия западных украинских земель (1919–1938) с 1921 г. на правах краевой автономной организации находилась в составе Коммунистической партии Польши (КПП, до 1925 г. – Коммунистическая рабочая партия Польши), входившей в состав Коминтерна. Выступая с 1923 г. за признание «права украинского населения на самоопределение и воссоединение с Советской Украиной»⁶, она сотрудничала с Компартией Украины (КП(б)У) и с действовавшим в составе КП(б)У Заграничным бюро помощи КПЗУ. Но отношения между советской стороной и западноукраинскими коммунистами были сложными. Последние неоднократно подвергались преследованиям на протяжении 1930-х гг. Пик репрессий пришелся на 1937–1938 гг., и в 1938 г. КПЗУ была распущена вместе с КПП. Таким образом, западноукраинскую компартию можно считать и жертвой, и поделником тоталитарных сил.

В советское время история КПЗУ была слабо отражена в украинской топонимии. Большинство связанных с ней топонимов появилось в брежневский период, но уже в начале 1990-х гг. они были стерты с карты Украины. Так, во Львове имя одного из лидеров КПЗУ – М.Т. Заячковского в 1977–1992 гг. носила нынешняя улица кошевого атамана Головатого. Там же в 1982–1992 гг. существовала улица Марии Ких (сейчас – улица Ярослава Пстрака). В Ковеле до недавнего времени су-

⁴ Алфавітний покажчик нових і старих найменувань населених пунктів, які були перейменовані з 01.01.2016 по 01.10.2016. С. 1, 2, 8, 14, 18, 21, 24 і т. д. // Офіційний веб-сайт УІНП. URL: http://www.memory.gov.ua/sites/default/files/perelik_pereyменованиh_nas_punktiv.pdf (дата обращения: 03.02.2019).

⁵ Список осіб, які підпадають під закон про декомунізацію // Офіційний веб-сайт УІНП. URL: <http://www.memory.gov.ua/publication/spisok-osib-yaki-pidpadayut-pid-zakon-pro-dekomunizatsiyu> (дата обращения: 03.02.2019).

⁶ Турчак А.В. Отношение украинских политических сил к Польскому государству в период 1918–1929 гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 4–2. С. 49.

ществовала улица С.И. Бойко (секретаря трех окружкомов КПЗУ, погибшего в 1930 г. в польской тюрьме), а в Луцке – памятник ему. Но в 2016 г. памятник демонтировали, улицу переименовали в честь генерала УНР Н.Е. Шаповала.

Характерно, что декоммунизации не подвергаются топонимы, напоминающие о членах КПЗУ, которые официально отреклись от коммунистической идеологии в пользу идеологии национальной и тем самым «очистились». Самым ярким примером такого «очищения» является судьба Михаила Степаняка, который побывал и в КПЗУ, и в ОУН⁷. Сейчас в родном селе Степаняка Дзвиняч Богородчанского района Ивано-Франковской области его именем названа улица, а на месте усадьбы, где он родился, установлен памятный знак.

Итак, налицо преобразование украинского символического ландшафта через внедрение новой идеологии в ономастическое пространство. Преобразование это производится столь активно, что зачастую выходит за рамки «законов о декоммунизации». В первую очередь это касается КПЗУ, которая формально не подпадает под действие Закона Украины №317–VII, поскольку на основании ст. 1. п. 1 Закона запрету подлежит «коммунистическая партия» в виде РСДРП, РКП(б), ВКП(б), КПСС, КП(б)У, коммунистических партий союзных республик и их низовых организаций, к числу которых КПЗУ не принадлежит. Не говоря уже о том, что и Коминтерн не является ни коммунистической партией, ни тем более ее составной частью.

Таким образом, осуждение Коминтерна и его членов в рамках декоммунизации носит противоречивый характер, а практики, опирающиеся на пакет «законов о декоммунизации», часто выходят за пределы правового поля, обозначенного данными законами.

⁷ Боротьба проти повстанського руху і націоналістичного підпілля: протоколи допитів заарештованих радянськими органами державної безпеки керівників ОУН і УПА. 1944–1945. Нова серія. Т. 9. Київ; Рівне, 2007. С. 18–20, 83–109.

НЕФТЯНАЯ ОТРАСЛЬ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КАСПИЙСКОГО МОРЯ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ, СОВРЕМЕННОСТЬ

*Кузьмина Ольга Викторовна, Небритова Олеся Алексеевна
(Российский государственный архив в г. Самаре)*

Главным источником поступления финансов в бюджет России с середины XIX в. стала нефтяная промышленность, так как страна обладала богатыми нефтяными запасами. Самым значительным месторождением являлось Бакинское в Азербайджане. Здесь нефть залежала на небольшой глубине и ее добыча не требовала больших затрат¹. В связи с этим нефтеносные земли были объявлены государственной собственностью, а право разведки и добычи нефти стало сдаваться с публичных торгов². Началось активное исследование старых и новых месторождений в Ухтинско-Печорском бассейне, на Северном Кавказе и в Грузии, на островах Каспийского моря (Челекен), в Средней Азии (Фергане), Урало-Эмбинском районе и др.

Насколько перспективной была политика дореволюционной России в области нефтяной промышленности и с какими проблемами столкнулась власть в начале XX столетия, рассмотрим на примере изысканий в северо-восточной части Каспийского моря.

Развитие края связано с разрабатываемыми с 1913 г. залежами нефти. Нефть являлась главнейшим предметом промышленности данной области³.

Карта Уральской области, опубликованная А. Замятиным, показывает, насколько многочисленны здесь выходы нефти. Разработка некоторых из них (Доссор, Макат, Искине, Ново-Богатинский) дала блестящие результаты. Картограммы и таблицы, составленные инженером Ф.Л. Осбергом, показывают, что добыча, сосредоточенная главным образом на Доссор, началась в 1913 г. Разработка производилась Урало-Каспийским нефтепромышленным обществом, обществами Эмба

¹ Чжан Гуансян. Влияние нефтяной промышленности на развитие России во второй половине XIX – начале XX в. / Чжан Гуансян; пер. с кит. П.А. Роцупкина; под науч. ред. Е.В. Роцупкиной // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 3. С. 527–564.

² Шепелев Л.Е. Проблемы организации нефтяного производства в дореволюционной России. Научные доклады, № 5 (R)–2009. СПб., 2009.

³ Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив в г. Самаре» (далее – РГА в г. Самаре). Ф. 3. Оп. 1–4. Д. 6. Л. 38 об.

и Эмба-Каспий⁴. Утвердившись в нефтяных районах, монополии получили реальную возможность контролировать и другие пункты Уральской области.

Наибольшим населенным пунктом здесь был г. Гурьев⁵, но быт и устройство казачества создало массу препятствий к развитию города. Нефтепромышленные фирмы вынуждены были перенести свои центральные учреждения в Доссор⁶.

Поселок Б. Ракуша находился в Бланской волости. В 1912–1913 гг. здесь Эмба и Урало-Каспийским обществами были построены два нефтеперегонных завода с рабочими поселками⁷. Каждый завод мог перегнать до 10 млн пудов нефти ежегодно. Торгового значения для прилегающей степи Б. Ракуша не имела, так как окружающие ее соры, затопаемые при нагонах, очень затрудняли вывоз товаров⁸. Естественные богатства края отправлялись в центр России в виде сырья. Заводов и фабрик было очень мало, они были сосредоточены в районе железных дорог.

Приток и отлив товаров совершался по железным дорогам Саратов-Уральск и Оренбург – Ташкент. В значительной степени это происходило потому, что судоходство по р. Урал от устья не разрешалась и выгрузка товаров, доставленных морем, была весьма затруднительна⁹. Крайне неблагоприятным условием для грузооборота края была бедность путями сообщениями¹⁰.

Вновь открывшиеся нефтепромышленные центры сильно оживили проселки Гурьев-Доссор и Ракуша-Доссор, причем некоторые, особо затруднительные участки, были приведены в сравнительно удобно-проезжее состояние¹¹.

Доссорская нефтепромышленная фирма планировала связать Ракушу с промыслами узкоколейной железной дорогой протяженностью около 90 верст, но под влиянием создавшейся конъюнктуры среди нефтепромышленных обществ по вопросу о приуральских железнодорожных магистральных, осуществление проекта задерживалось¹².

Еще один проект строительства железной дороги в интересах нефтяной промышленности – Самаро-Каспийская железнодорожная линия, также не нашел своего воплощения. Дорога длиной 250 верст должна была пройти от ст. Кряж Самарской губернии до ст. Уральск-Самарский Уральской области. Даже при небольшой добычи нефти, она позволяла бы вывозить к Самаре керосин и особенно масло, а также доставлять

⁴ РГА в г. Самаре. Ф. 3. Оп. 1–4. Д. 6. Л. 43.

⁵ Там же. Л. 35 об.

⁶ Там же. Л. 35 об. – 36.

⁷ Там же. Л. 37 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 57.

¹¹ Там же. Л. 57 об.

¹² Там же. Л. 59.

в самую южную, малонаселенную часть Уральской области разного рода грузы для оборудования заводов, промыслов и удовлетворения нужд промышленности всего Эмбенского района.

Большая часть грузов в этот южный район прошла бы через ст. Кряж, так как перевозка из Астрахани по Каспийскому морю была крайне затруднительна не только из-за мелководья, но и вследствие замерзаемости моря в северной части на 5 месяцев, частых бурь и туманов, а также по причине того, что от ст. Уральск-Самарский до ст. Кряж – 250 верст, а до Саратова – 407 верст¹³.

Линия от ст. Кряж до ст. Уральск-Самарский с первых лет открытия движения не предполагала доплаты по гарантии на облигационный капитал. Она была сама по себе достаточно доходным коммерческим предприятием¹⁴.

С началом Первой мировой войны крайняя потребность в жидком топливе, в связи с работами предприятий на оборону государства, создала необходимость в принятии срочных мер к усилению добычи и вывоза указанных продуктов на внутренний рынок, а также осуществлению мероприятий, способствующих этому. Среди пунктов этого района требовали принятия срочных мер в первую очередь поселок Б. Ракуша, непосредственно вывозящий нефть, и Гурьев, через который в места добычи нефти шли необходимые материалы и рабочая сила¹⁵.

Здесь же правительство Российской империи столкнулось с рядом главнейших причин, замедляющих отправку нефти, не только железнодорожным путем, но и в рамках судоходства. Ускорение отправки нефти последним способом могло бы быть достигнуто при обеспечении возможности баржам грузиться до полного налива, или ускорением накачки нефти по нефтепроводу¹⁶. Однако общества нашли невыгодным вести на Ракушу нефтепроводы для перекачки нефти из заводов в суда по дну моря¹⁷.

Работы в Ракуше требовали одновременно и работы по упорядочению подхода к Гурьеву, для обеспечения правильной и срочной доставки необходимых материалов и машинных частей на Доссор, Макат и другие промыслы, ибо при несоблюдении этого условия необходимые работы для усиления добычи нефти и расширения производства стали бы тормозиться¹⁸.

Таким образом, развитие нефтяной промышленности в России требовало синхронного развития водных и железнодорожных перевозок нефти. Но на реализации данной цели сказались Первая мировая война, революционные события 1917 г., а затем и гражданская война в России.

¹³ Там же. Ф. Р-787. Оп. 2–4. Д. 1206. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1–4. Д. 6. Л. 67.

¹⁶ Там же. Л. 67 об. – 68.

¹⁷ Там же. Д. 7. Л. 2–2 об.

¹⁸ Там же. Д. 6. Л. 72 об.

К реализации проектов частично вернулись после Великой российской революции 1917 г.

Так как нефть нужно было вывозить, в апреле 1925 г. было начато строительство узкоколейной железной дороги Гурьев – Доссор, протяженностью 93 км. 19 декабря 1926 г. из Гурьева был отправлен первый поезд в Доссор по введенной во временную эксплуатацию узкоколейной железной дороге, и нефть с промыслов получила выход в центральные районы страны.

В 1941 г. было открыто движение по широкой колее до Гурьева, узкоколейная железная дорога на участке Доссор – Гурьев была разобрана, т. к. не отвечала требованиям времени. Объемы добычи нефти постоянно возрастали¹⁹.

Идея строительства железной дороги вокруг Каспийского моря не так давно прозвучала в ходе IV Каспийского саммита в Астрахани в 2014 г.

По мнению собеседников, строительство данной железной дороги позволило бы решить две стратегические задачи. Первая связана с доставкой минеральных ресурсов Каспия на мировые рынки, с учетом интересов России и стран Каспийского моря и отчасти с решением проблемы загруженности Волго-Донского водного пути. Вторая – со стратегией развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 г., по которой предполагается строительство новых линий (Буденновск – Нефтекумск – Кизляр и Кисловодск – Черкесск – Адлер), призванных закольцевать железнодорожное сообщение между регионами Южного Федерального округа и Северо-Кавказского федерального округа и напрямую соединить Каспийское море с Черным. Это даст дополнительный стимул к социально-экономическому развитию территорий юга Европейской части России и увеличению доступности новых рынков сбыта²⁰.

Таким образом, вопрос железнодорожного строительства оставался и остается актуальным по сей день.

Что же касается формирования морского пути на Каспийском море, то вплоть до середины XX века судоходство было развито слабо в связи с мелководьем северного берега Каспийского моря.

К 1960 г. одним из крупных предприятий был морской торговый порт Баутино, расположенный в Тюб-Караганской бухте Каспийского моря. Он был образован приказом Министерства морского флота СССР от 8 января 1960 г.²¹

¹⁹ Информационно-познавательный сайт города Атырау, Республика Казахстан. URL: <http://www.atyrau-city.kz/index.php?uid=railroad&l=r> (дата обращения: 25.10.2018).

²⁰ Информационный портал RUSEVIK. Зачем Прикаспийскому региону кольцевая железная дорога? URL: <https://rusevik.ru/obschestvo/197664-zachem-prikaspiyskomu-regionu-kolcevaya-zheleznaya-doroga.html> (дата обращения: 25.10.2018).

²¹ *Нурсултан М.У.* Формирование морского пути на Каспийском море. Вестник АГТУ. 2008. № 2 (43). С. 242–244.

В это же время экономика Гурьевской области ограничивалась местной промышленностью, производящей стройматериалы. Продолжали вестись разведки нефти и газа, что определяло перспективы развития района в целом и Баутинского морского порта в частности. Именно через его причалы предполагалось пропустить весь грузопоток. Баутинский морской торговый порт начал функционировать с 15 мая 1960 г. С учетом объемов грузооборота и переработки, его оснащенности средствами механизации порту был присвоен III разряд²².

В настоящее время, в связи с бурным освоением природных богатств края, особенно нефти, развитие судоходства на Каспии получает новый импульс. Морской транспорт становится одним из важных средств транспортировки нефти и других грузов, а также одним из международных транспортных средств.

Также и железнодорожный комплекс имеет важное стратегическое значение для экономики России. Он является своеобразным связующим звеном единой экономической системы, обеспечивает стабильную деятельность промышленных предприятий, своевременный подвоз жизненно важных грузов в отдаленные уголки страны. Это самый доступный транспорт для миллионов граждан России.

²² *Нурсултан М.У.* Формирование морского пути на Каспийском море. Вестник АГТУ. 2008. № 2 (43). С. 242–244.

ЛЕВАЯ ИДЕЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В НАЧАЛЕ XX в. (НА МАТЕРИАЛАХ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Кулагин Михаил Сергеевич
(Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого)

В начале XX века Российскую империю захлестнула волна масштабных социальных потрясений, Новгородская губерния не была исключением. Распространенные на ее территории ячейки главных проводников левых идей – Партии социалистов-революционеров (ПСР) и Российской Социал-демократической Партии России (РСДРП) – активно способствовали протестному движению, но предпочитали использовать разные методы для достижения своих целей.

В период Первой революции 1905–1907 гг. основным методом политической борьбы эсеров был террор. По данным исследователя эсеровского движения М.И. Леонова, в 1905–1907 гг. было осуществлено 78,2 % от всех терактов, совершенных эсерами¹, количество терактов увеличивается даже в некогда спокойных губерниях. Например, в 1907 г. партией СР было совершено покушение на жизнь унтер-офицера Куца. В прокламации «Комитет Николаевской железной дороги ПСР» сообщалось, что этот террористический акт лишь предостережение всем прислужникам царского трона и напоминание «дамоклов меч террора может опуститься на других»². Неоднократно в течение этого периода по всей губернии местными социалистами-революционерами совершались бандитские кражи³.

Власти видели наибольшую угрозу общественного спокойствия со стороны ПСР, поэтому отчеты о деятельности местных организаций социалистов-революционеров в Департамент полиции в целях безопасности представлялись ежемесячно⁴.

«Новгородская Группа РСДРП», следуя генеральной линии партии, предпочитала террористическим методам агитацию. При помощи газет и брошюр антиправительственного содержания социал-демокра-

¹ Леонов М.И. Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992. С. 23.

² О событиях и происшествиях в Новгородской губернии // Государственный архив Новгородской области (Далее – ГАНО). Ф. 117. Оп. 1. Д. 590. Л. 28–29.

³ О событиях и происшествиях в Новгородской губернии // ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 753. Л. 6–115.

⁴ Там же. Л. 215.

ты поддерживали и провоцировали народный протест⁵. В частности, в Новгороде были задержаны студент Военно-Медицинской Академии Александр Александрович Филипченко и крестьянин Островского уезда Ульян Степанович Репкин за распространение революционных изданий и прокламаций⁶.

Несмотря на все усилия социалистов, общий спад революционного движения привел к тому, что к осени 1907 г. противоправительственное движение пошло на убыль.

Поле революции достигшая своего пика волна терроризма сходит на нет. Яркие приверженцы терроризма, эсеры, после 1907 г. ставят его под сомнение, в результате чего с 1908 по 1911 г. было совершено в общей сложности всего семь террористических актов⁷.

Показателен пример ячейки социалистов-революционеров, действовавшей на территории города Устюжны Новгородской губернии и распространявшей письма с оттисками каучукового штампа следующего содержания: «Вы приговорены к смерти боевою дружиною партии социалистов-революционеров»⁸. Но, несмотря на наличие столь опасных угроз, на территории Новгородской губернии в это время террористических актов не зафиксировано.

Органы Новгородского губернского жандармского управления (НовГЖУ) в первые годы после революции, пользуясь слабостью левого движения, внедряли секретных агентов в местные ячейки. Так, при помощи агентурных сведений были ликвидированы «Судский Боевой Комитет партии социалистов-революционеров Белозерского Уезда», «Новгородская военная организация партии социалистов-революционеров»¹⁰.

Бурные дискуссии о предназначении терроризма порождали все больше недоверия к резонности его использования не только со стороны обывателей, но и со стороны партийных деятелей. На долгое время терроризм становится неактуальным средством борьбы.

После поражения революции многих членов РСДРП настигла апатия, часть партийных лидеров потянулась в эмиграцию, среди рядовых участников организации нарастали упаднические настроения.

⁵ Рапорты уездных исправников новгородскому губернатору о появлении прокламаций, брошюр, газет антиправительственного содержания // ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 542. Л. 2–27.

⁶ Отдельные следственные действия по иногородним требованиям // ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 538. Л. 49, 49 об., 77, 77 об.

⁷ *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 23.

⁸ Донесения помощника начальника Новгородского губернского жандармского управления о событиях и происшествиях в Новгородской губернии // ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 874. Л. 15.

⁹ О событиях и происшествиях в Новгородской губернии // ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 753. Л. 212.

¹⁰ О «Военной организации партии социалистов-революционеров» // ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 853. Л. 1–22.

В губернских партийных ячейках после 1907 г. наблюдался отток кадров. Небывалая убыль, также была связана с деятельностью местных органов власти. К примеру, в первые годы после революционных событий была задержана, связанная с аналогичной группой в Петербурге, «Новгородская Группа РСДРП» в составе 15 человек, при обыске которых были найдены типографские шрифты и оборудование, оружие, патроны, отчетные листки партийной кассы, нелегальная литература¹¹.

Но несмотря на это ЦК партии, пусть и с разногласиями между лидерами, продолжал свою деятельность и даже выдвинул фракцию от РСДРП для участия в выборах в III Государственную Думу. Активно проводившаяся в Новгородской губернии агитация не возымела нужного эффекта¹². Из-за низкой поддержки населения количество депутатов социал-демократов уменьшилось почти втрое по сравнению с II Думой. Социалистическое движение находилось в кризисе.

С началом Первой мировой войны перед левыми партиями стояло множество идеологических вопросов: как должны относиться к войне социалисты, можно ли быть одновременно патриотом и интернационалистом, как относится к борющемуся с внешним врагом правительству и в какой форме должна осуществляться классовая борьба в период войны?

Ответы были различными, зачастую внутри одной партии было несколько групп со своими обоснованными ответами.

Не было единства мнений в партии социалистов-революционеров. Попытка выработать видными деятелями общую линию поведения в начале войны была неудачной.

Выделялись два лагеря: лагерь партийцев, выступающих за выполнение Российской империей союзнических обязательств, продолжение войны до победного конца («оборонцы») и лагерь социалистов-интернационалистов, выражавших негативное отношение к данному конфликту.

Из-за идеологических разногласий ЦК партии социалистов-революционеров был парализован, но организации на местах вместе с большевиками и меньшевиками оставались агитаторами революционной борьбы. Так, например, новгородская ячейка ПСР агитировала солдат 117-го пехотного Запасного полка на восстание¹³.

Как и в среде эсеров, в партии социал-демократов не было единого мнения по поводу продолжения войны. Одни считали, что для социалистического движения поражение Германии и Австрии будет выгоднее, чем поражение стран «Антанты», другие говорили о превращении империалистической войны в мировую революцию.

¹¹ О розысках, наблюдениях, сысках // ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 920. Л. 34, 35, 37.

¹² Дело о прокламациях «Избирательная платформа РСДРП по поводу выборов в Государственную Думу» // ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 755. Л. 1–31.

¹³ Новгородское губернское жандармское управление по наблюдательной части. Перехваченные письма и другая переписка // ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1309. Л. 16.

В первые годы войны РСДРП не призывала солдат к дезертирству, саботажу или террору против правительственной администрации, такая позиция была причиной малого количества противоправительственных выступлений или вовсе их отсутствия, как это было, например, в Новгородской губернии¹⁴. Однако все меняется после ряда крупных поражений российской армии на фронте. РСДРП организует антивоенные демонстрации, ведет агитацию среди служащих¹⁵.

Левые партии оказались не готовы к начавшейся войне; неспособные выработать единую позицию, они не смогли сконсолидировать народные массы, подхватить нараставшее недовольство¹⁶ и превратить его в социалистическую революцию. На всем протяжении изучаемого периода левые идеи были популярны в обществе. Однако путь агитации народных масс, а не устрашения правящего класса терактами, дал социалистическому движению намного больше.

¹⁴ О разной переписке // ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1272. Л. 1–853.

¹⁵ Там же. Л. 104.

¹⁶ Новгородское губернское жандармское управление по наблюдательной части. Перехваченные письма и другая переписка // Там же. Д. 1309. Л. 3, 3 об., 5.

**СУДЬБА ДЕТЕЙ-ДИВЕРСАНТОВ, РАЗОБЛАЧЕННЫХ
В ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ
БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО ДОКУМЕНТАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

*Кулинок Святослав Валентинович, к.и.н.
(Национальный архив Республики Беларусь)*

Одним из основных направлений в борьбе немецких спецслужб с партизанским движением в Беларуси была подготовка и заброска в соединения «лесных солдат» многочисленной разведывательно-диверсионной агентуры противника. Особенностью в подготовке шпионских кадров на территории БССР было то, что социальную базу для вербовки в значительной степени составляло гражданское население¹. Активно привлекались к разведывательно-диверсионной работе и несовершеннолетние. Такая практика была характерна для всей территории СССР.

В современной историографии принято считать, что стационарная подготовка детей-агентов началась немецкими спецслужбами в начале 1942 г. и связана с деятельностью спецшкол в Мценске, Белгороде, Славянске, Протопопово и др.² Вместе с этим отметим, что документы Национального архива Республики Беларусь убедительно свидетельствуют о том, что практика стационарной подготовки детей-агентов получила распространение уже в первые недели 1941 г. В докладной записке П. Пономаренко на имя И. Сталина, датированной 18 августа 1941 г., среди прочего, указывалось, что в д. Кремное (Гомельская область) «немцы организовали трехдневные курсы для подростков 13–14 лет из детей репрессированных и других контрреволюционных элементов и готовят из них террористов для командиров РККА. Прошедших курсы, вооружают наганами и забрасывают в наш тыл. Этот же контингент использу-

¹ *Кулинок С.В.* Использование немецкими спецслужбами населения в разведывательно-диверсионной работе против партизан Беларуси в 1941–1944 гг. (по материалам Национального архива Республики Беларусь) / С. В. Кулинок // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. Вып. 17. В 3 ч. Ч. 1. 2017. С. 224–231.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3: Крушение «Блицкрига», кн. 1: 1 января – 30 июня 1942 г. М., 2003. С. 142.

ется в качестве разведчиков»³. Всего за годы войны на оккупированной территории БССР немецкими спецслужбами было открыто 14 учебных центров, где проходили подготовку агенты из числа подростков и несовершеннолетних. Всего через эти школы и курсы прошло более тысячи детей⁴.

Какая же судьба ждала разоблаченных в партизанских соединениях агентов? Их судьба была трагичной. Если подростка разоблачали в тылу Советского Союза или Красной армии, то у него появлялся шанс выжить. Достаточно часто дети-диверсанты добровольно сдавались органам госбезопасности и активно шли на сотрудничество, или просто не успевали совершить серьезных терактов. В этих случаях им, как правило, сохраняли жизнь. Часть отправляли в детские исправительно-трудовые лагеря до совершеннолетия, другим давали сроки от 10 до 25 лет. Тех агентов, которые совершили серьезные преступления (убийства, диверсии) могли и расстрелять.

Еще меньше шансов выжить было у агентов, разоблаченных в партизанских соединениях. Как правило, после допроса и получения необходимых сведений агенты расстреливались. Необходимо учитывать тот факт, что возможности безопасного содержания агента в партизанских частях отсутствовали. Пленного необходимо было кормить и охранять. Кроме того, командир соединения нес ответственность за жизни не только бойцов-партизан, но и за гражданское население, которое нередко находилось в формировании народных мстителей. И в этой ситуации присутствие в отряде диверсанта-террориста было весьма рискованным.

Командир одной из партизанских бригад С. Мазур, находясь на «большой земле», привел такой пример: «Для шпионов есть школы в Крупке, в Березове, в Минске, где специально малышей готовят... Мы двоих из них уже расстреляли. Пришли проситься. Спрашиваем, из какой деревни. Они – из такой-то. Мы послали туда узнать, есть ли такие люди. Нет, пришлось их по всем правилам, все равно толку не будет из этих малышей»⁵. 8 ноября 1943 г. часовым отряда «Большевик» был задержан мальчишка лет 15, невзрачный на вид, в оборванной одежде, с грязным лицом и руками. На допросе назвался Михаилом Шарейко. На следствии он был разоблачен, а в ходе обыска у него был обнаружен временный опознавательный знак для связи с немцами. «По заключению уполномоченного

³ Проект докладной записки П. Пономаренко на имя И. Сталина от 18.08.1941 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 6. Л. 61–62.

⁴ Кулинок, С.В. Школы и курсы немецких спецслужб для детей и подростков на территории Белорусской ССР (1941–1944 гг.) / С.В. Кулинок // Исторические чтения на Лубянке. 2015 год. Деятельность отечественных спецслужб XIX–XXI веках. М., 2016. С. 211–226.

⁵ Отчеты, докладные и записи бесед о работе в тылу врага партизан и подпольщиков, списки шпионов и полицейских по Могилевской области // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1300. Л. 69.

особого отдела Шарейко расстрелян...»⁶. Аналогичные приговоры наблюдаются на протяжении всего периода оккупации⁷.

В августе 1943 г. начальник особого отдела 1-й Минской партизанской бригады Г.М. Папшев сообщал: «10.08.1943 г. прилюбок германского фашизма Астапенко... вызвал к себе группу ребятишек в количестве 7 человек от 10 до 16 лет и под угрозой изгнания последних из детдома дал им задание пройти в партизанский район... узнать количество партизан на заставе, их вооружение, места постов, что этой же группой ребятишек и было сделано...». Старшая группы была расстреляна, а остальных 6 ребятишек было принято решение «освободить и направить в детдом с особой задачей»⁸.

В очень редких случаях, если вины ребенка действительно не было или он добровольно явился в особый отдел (в партизанских соединениях такая практика была очень слабо развита. – *Авт.*), агента могли отпустить или оставить в отряде. Например, только по Минскому партизанскому соединению за май 1943 г. было выявлено и расстреляно 40 агентов, а 15 несовершеннолетних было отпущено⁹. Приходится констатировать, что судебно-следственное делопроизводство в партизанских соединениях далеко не всегда отличалось высоким качеством и объективностью¹⁰.

Угроза, которая могла исходить от несовершеннолетнего как от потенциального террориста нередко приводила к тому, что руководители партизанских соединений могли приказать расстрелять подростка по одному лишь подозрению, без проведения следственных действий. Так, в свидетельских показаниях Зои Юдиной, данных против заместителя командира по разведке 4-й Белорусской партизанской бригады Николая Шураева, указывалось, что последний «лично расстрелял детей, которых он заподозрил как немецких агентов, засланных в партизанскую зону. Осенью 1942 г. Шураевым была расстреляна Федорова Елена комсомолка – молодая девушка, связанная с партизанами...»¹¹.

⁶ Дело с материалами на антисоветский элемент, выявленного особыми отделами партизанских отрядов, действовавших в тылу противника на территории БССР // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 70. Л. 169.

⁷ Документы о работе оперативно-чекистской группы Могилевского подпольного обкома КП(б)Б // НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35. Л. 49–50; Спецсообщения, докладные записки, донесения о разведке и другие материалы // НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 12. Л. 63–64; Доклады о работе особых отделов // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 64. Л. 192–195.

⁸ Дело с материалами на изменников Родины, полученных от БШПД // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 8. Л. 157–158.

⁹ Жукова М.И. Война причиняет мне боль / М.И. Жукова. Минск, 2012. С. 46.

¹⁰ Кулинок С.В. Судебное делопроизводство в партизанских формированиях БССР в отношении разоблаченной агентуры противника в годы Великой Отечественной войны (по документам Национального архива Республики Беларусь) / С. В. Кулинок // Беларускі археаграфічны штогоднік. 2018. Вып. 19. С. 37–50.

¹¹ Переписка с разведорганами // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 22. Л. 31.

Подводя итог, укажем, что по данным документов Национального архива Республики Беларусь в годы Великой Отечественной войны в партизанских соединениях Беларуси были многочисленные случаи разоблачения детей-агентов. Большинство из них после проведения судебного-следственных действий расстреливались. Имелись единичные случаи, когда детям сохраняли жизнь и отпускали, либо перевербовывали и отправляли обратно, однако это, скорее, были исключения из правил.

«МЕРТВАЯ ДОРОГА» ГЛАЗАМИ САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ТУРИСТОВ КОНЦА 1980-х – 1990-х гг.¹

*Латышев Артем Валерьевич, к.и.н.
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)*

Под именем «Мертвой дороги» известна железнодорожная линия Чум – Салехард – Игарка, строившаяся после войны силами заключенных ГУЛАГа (стройки № 501 и 503). Масштабное дорогостоящее строительство в сложнейших природных условиях без видимой экономической цели было остановлено сразу же после смерти Сталина². В законсервированном состоянии на недостроенной трассе остались паровозы, технические постройки, а также многочисленные лагерные пункты.

Широкая публика впервые узнала о существовании такого объекта в период оттепели из опубликованных мемуаров А. Побожего³. В следующий раз информация о «Мертвой дороге» станет достоянием гласности только в середине 1980х гг. Тогда на север для изучения множества сохранившихся лагерных объектов отправятся экспедиции историков⁴. Вместе с тем другой, едва ли не более многочисленной, группой посетителей заброшенной стройки стали туристы.

Туристы как представители «праздного класса» с 1960-х гг. стали объектом анализа зарубежной социологии. Исследователи отмечают их склонность к поиску новых, все более экстремальных целей путешествия вдали от уже освоенных маршрутов, желание продвинуться к «нижним границам туристического мира»⁵. Однако (пост)советские граждане, отправлявшиеся на «Мертвую дорогу», мало напоминали туристов общества потребления из представителей западного среднего класса.

Это были люди, которых в СССР, а позже и в России, называли самодельными туристами, а сами себя они иногда именовали «професси-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)», реализуемого в НИУ ВШЭ.

² См.: Сталинские стройки ГУЛАГа, 1930–1953 / сост.: А.И. Кокурин, Ю.Н. Морюков. М., 2005.

³ Побожий А. «Мертвая дорога» (из записок инженера-изыскателя) // Новый мир. 1964. № 8.

⁴ Липатова Л. Дороги и судьбы. Салехард, 2016.

⁵ См.: МакКанелл Д. Турист. Новая теория праздного класса. М., 2016.

ональными бродягами». Они составляли децентрализованное движение любителей активных путешествий, как правило, по дикой природе, без покупок путевок и остановок в гостиницах и санаториях. Физкультурная составляющая этих походов всегда была важнее осмотра достопримечательностей. Будучи во многом схожим со спортивным туризмом, самостоятельный туризм был менее формализованным, а его адепты выработали особую этику. Ее заметными чертами было недоверие к «коммерции», постоянно подчеркиваемые самостоятельность и самодостаточность, представления о меньшей ценности для развития общества и человеческой личности других видов туризма, особенно «коммерческих»⁶.

Отчеты об экспедициях самостоятельных туристов позволяют проследить, как люди, далекие от самиздата и правозащитного дискурса, воспринимали встречу с вещественными доказательствами сталинских репрессий. Анализ этого сюжета должен внести вклад в понимание того, почему в российском обществе не сложилось единой модели памяти о ГУЛАГе. Необходимо обратить внимание на то, как туристы объясняют свое стремление отправиться в поход, какое место в их текстах занимает описание лагерей, насколько они владеют информацией о репрессиях и ходе строительства, что еще они описывают, какие выводы делают.

Одни из первых экспедиций к заброшенной стройке прошли еще в первой половине 1980-х гг.⁷ Их главным организатором был Евгений Прочко – инженер и мастер спорта по туризму, собиравший материалы о строительстве магистрали в свободное время. Он сумел заинтересовать в экспедиции членов московского Клуба железнодорожного моделизма – соответственно, им в первую очередь были важны старые паровозы и метод укладки рельс, а домой участники привезли не артефакты лагерной жизни, а раритетные детали от техники. Позже, в 1990-м г., Прочко дал интервью главному изданию о самостоятельном и спортивном туризме – журналу «Турист»⁸.

Беседовавший с ним корреспондент по большей части интересовался техническим устройством магистрали, а также проводил мысль о том, что строительство нельзя было так резко бросать. Прочко же постоянно затрагивал тему лагерей и репрессий, в итоге высказав мысль о необходимости мемориализации объекта: «Все, что сохранилось при строительстве дороги, следует преобразовать в заповедную зону – неповторимый и единственный в нашей стране памятник истории подобного рода»⁹.

Большую известность приобрела экспедиция 1989 г. активистов Московской городской велокомиссии, которую возглавил Валерий

⁶ Подробнее см.: *Латышев А.В.* Туризм в России в 1990-е годы: профессионально-экспертный дискурс // Вестник Пермского университета. Серия: история. 2018. № 4 (43).

⁷ *Вульф А.* Повседневная жизнь российских железных дорог. М., 2007. С. 16.

⁸ Трансполярная магистраль // Турист. 1990. № 7. С. 40–41; № 9. С. 8.

⁹ Трансполярная магистраль // Турист. 1990. № 9. С. 8.

Медовый¹⁰. Ее участники вдохновились отчетом Е. Прочко, опубликованным еще в 1985 г. со значительными цензурными ограничениями. Главной целью экспедиции была не лагерная тематика, а преодоление «Мертвой дороги» на велосипедах. Подготовка заняла более двух лет, для передвижения на сохранившихся участках магистрали была придумана конструкция, превращающая велосипеды в велодрезины.

Участники были не готовы к природным условиям, делающим невозможными велоезду, и много внимания в отчете уделено возникшим сложностям и особенностям движения. Но значительное место в тексте занято лагерями, причем в ущерб для ряда обязательных в отчетах экспедиций сюжетов. Автор демонстрирует знание деталей быта заключенных, а в ходе занявшего 1,5 месяца похода был посещен не один лагерный пункт. Также велотуристы вывезли часть лагерных артефактов, многое засняли на фото и видео. Завершается же рассказ мыслями о том, что всю экспедицию участников сопровождал «минорный лейтмотив»: «нет ничего более угнетающего душу, чем вид гибнущих без пользы плодов гигантского, мучительного человеческого труда, настоящего подвига, за который заплачена страной столь дорогая цена»¹¹.

Другую известную экспедицию организовал в 1998 г. Антон Кротов, основатель «Академии вольных путешествий», популяризатор автостопа и других способов путешествовать без затрат денег¹². Какой-то четкой причины, по которой автостопщики «сменили профиль» и решили пройти вдоль дороги пешком, в тексте об этом предприятии не называется. Узнали они о ней фактически случайно, ранее посетив Салехард и остановившись в помещении библиотеки центра детско-юношеского туризма. Сам Кротов, очевидно, имел не самые достоверные и плохо систематизированные данные о работе лагерей.

Он приводит информацию о том, что здесь произошло восстание, описанное А.И. Солженицыным, а всего погибло при строительстве около 300 000 заключенных. Описанию остатков лагерей в тексте уделено мало внимания, очевидно, участники экспедиции осматривали очень небольшое число встреченных ими объектов. «Неприятные эмоции» будили больше комары и мошки, а рефлексия по поводу лагерных объектов весьма лаконична: «Зрелище не из приятных, но полезное для понимания нашей недавней истории». Акцент больше сделан на то, что огромный труд строителей магистрали пропадает зря, хотя «великой» эта стройка называется исключительно в кавычках. Именно дорога находится в центре повествования – фиксируется техника ее строительства и текущее состояние каждого участка, отсутствие рельс становится основанием для отхода от ее маршрута. Она наделяется чуть ли не живыми свойствами: «повторила участь большинства своих строителей, умерла недостроенной».

¹⁰ Добровольский А. По «Мертвой дороге» // Турист. 1990. № 10. С. 20–23, 43.

¹¹ Там же. С. 43.

¹² Кротов А.В. Пути по России. 2-е изд. М., 1999. С. 52–62.

В 1990-е гг. «Мертвая дорога» так и не превратилась в мемориал, но стала достопримечательностью для самодеятельных туристов. Она привлекала, в том числе тех из них, кто привык путешествовать совсем другими способами (автостопщиков, велосипедистов). Их стремление обязательно пройти, преодолеть «мертвую», недостроенную железнодорожную магистраль не имеет рационального объяснения. Но, как показывают их отчеты, воспринимать дорогу возможно не только в рамках нарратива о репрессиях, но и как экстремальный маршрут для желающих бросить вызов природе тундры, памятник истории железных дорог или же разрушающееся свидетельство трудового подвига.

Последнее не исключает разговора о репрессиях, но акцент смещается с преступления-организации строительства дороги на преступление-прекращение строительства. Видится прямая зависимость между глубиной знаний о ГУЛАГе и числом посещенных в ходе экспедиции лагерей, а также детальностью описания впечатлений от них, даже если тема репрессий и не была изначальной целью. Но в целом в рассказах туристов о «Мертвой дороге» видна свойственная всему российскому обществу неспособность преодолеть противоречие между пониманием бесчеловечности и пагубности сталинской политики и глубоким очарованием масштабностью замыслов и достижений его эпохи.

«ТАК СКАЗАЛ КРАСНЫЙ МАЙ»: ОРГАНИЗАЦИЯ СТОЛИЧНЫХ ТОРЖЕСТВ ПОД ЛОЗУНГАМИ КОМИНТЕРНА ВЕСНОЙ 1919 г.¹

*Лиманова Светлана Андреевна, к.и.н.
(Архив РАН)*

Торжества второго периода Гражданской войны (ноябрь 1918 – март 1920) – тема, не столь подробно изученная исследователями. В советской историографии массовые празднества рассматривались в основном с 1920 г., когда на столичных улицах состоялись такие театральные инсценировки, как «Мистерия освобожденного труда» и «Взятие Зимнего дворца». В ходе их подготовки стало окончательно ясно, что «настоящий праздник должен быть организован»². Дальнейшие торжества носили все более выраженную печать официоза, что хорошо показано в работах современных зарубежных историков³.

Тем примечательнее история становления советских торжеств. Во-первых, как способ демонстрации политических сил: и для советского правительства, и для «белых», торжества представляли собой важный инструмент маркирования завоеванных территорий. Так, в марте 1919 г. в Петрограде было организовано игрище «Свержение самодержавия», в то время как 21 мая того же года в Павлодаре праздновалась «годовщина свержения советской власти»⁴. Во-вторых, по соотношению масштаба замысла отдельных торжеств, их реального воплощения и отражения в органах советской печати. Рассмотрим это на примере столичных празднеств весны 1919 г.

Литературовед и театровед А.И. Пиотровский в «Хронике ленинградских празднеств» обращал внимание на приоритетную роль Красной армии в деле организации торжеств 1919–1920-х гг., особенно в плане дисциплины и агитации⁵. С идеологической же точки зрения огромное

¹ Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-39-00080 мол_а.

² Луначарский А.В. О народных празднествах // Организация массовых народных празднеств. Гос. изд-во, 1921. С. 4.

³ Подробнее см.: Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009; Кустова Э.М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас. М., 2015. № 3 (101). С. 57–77.

⁴ ГА РФ. Ф. Р952. Оп. 1. Д. 538. Л. 1.

⁵ Пиотровский А.И. Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 гг. // Массовые празднества. Ленинград, 1926. С. 55–57.

влияние на специфику столичных торжеств весны 1919 г. оказало «рождение» Третьего Интернационала (Коминтерна). Это событие произошло 5 марта 1919 г. «в красной столице Советской России» (в Москве), в честь чего через два дня на Красной площади состоялся парад войскам. 8 марта отмечался день работниц, в ходе которого говорилось о «всестороннем раскрепощении женщины» как одной из задач Коминтерна⁶. Но наибольшая связь Третьего Интернационала прослеживалась с празднованием Первомая.

Традиция празднования 1 мая была установлена в 1889 г. и перекликалась с датой возникновения 2-го Интернационала. С тех пор этот день стал международным «днем мобилизации пролетарских сил». И если сам 2-й Интернационал, по мнению большевиков, в конечном счете дискредитировал себя, то праздник смог сохранить свое изначальное значение. «Первое мая 1919 года должно стать днем натиска, днем пролетарской революции, во всей Европе»⁷, – заявлялось на страницах «Правды». Под стать были и лозунги: «Праздник светлой надежды стал праздником добытых и грядущих побед», «Первое мая – смотри ударных батальонов международной революции», «Да здравствует Коммунистический Интернационал, боевой штаб мировой рабочей революции!» и др. Часть из них была посвящена более конкретной задаче – борьбе с наступлением Колчака («Колчак идет потушить главный очаг мировой революции. Кто за мировую революцию, тот против Колчака»).

Угроза падения власти большевиков была вполне реальной. Историк С.Б. Веселовский рассуждал об этом на страницах дневника 15 апреля 1919 г.: «Если после перерыва, вызываемого распутицей, начнется второе движение Колчака и будет таким же быстрым, и если с запада разовьется движение поляков и немцев, то пребывание б[ольшевико]в в Москве и Петербурге станет едва ли возможным <...> после побега из Москвы для масс станет ясно, что их дело проиграно <...>»⁸. Таким образом, Москва была и символом, и стратегическим направлением. Вот почему для сохранения власти так важно было показать, что она «красная», более того, готова стать плацдармом мировой революции. Ее так и называли в большевистской печати «Москва – алый цветок революции»⁹.

С середины апреля началась активная подготовка к проведению майских столичных торжеств. Как свидетельствуют архивные документы Театрального отдела Наркомпроса, тематикой праздника должны были стать международная солидарность и труд, с обязательным привнесением весеннего колорита. Убранство городских улиц предполагалось

⁶ Коллонтай А. День работниц и Третий Интернационал // Правда. 1919. № 52. С. 2.

⁷ От III Коммунистического Интернационала к трудящимся всего мира // Правда. 1919. № 87. С. 2.

⁸ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 102.

⁹ Празднование 1-го мая // Правда. 1919. № 93. С. 3.

сделать ярким и праздничным, а главная задача торжества заключалась в «вовлечении в его действенную сущность широких народных масс». Для этого праздник следовало перенести из закрытых помещений «на открытый воздух на шумные улицы, широкие площади, весенние скверы и лужайки». Впрочем, разработчики теоретического плана вполне отдавали себе отчет в том, что на подготовку торжества оставалось мало времени и не все из задуманного могло быть осуществлено. Кроме того, многое зависело от инициативы и возможностей отдельных организаций, занимавшихся подготовкой торжеств уже на местах. И все же выработка общего плана представлялась полезной как для данного праздника, так и для последующих¹⁰.

В результате празднования в Москве проходили по восьми районам¹¹, в каждом из которых устраивались митинги, концерты, спектакли и другие зрелища. Повсюду разносилось пение «Интернационала». Центром стала Красная площадь, где выступил В.И. Ленин и другие ораторы. В мае 1919 г. для детей рабочих впервые проводились «праздничные древонасаждения», впоследствии хорошо известные как майские субботники. В Петрограде, именуемом не иначе как Красным Питером, проходили манифестации на Марсовом поле, по Неве курсировали суда и дредноуты, один из которых носил название «Третий Коммунистический Интернационал».

В газете «Правда» отмечалось, что столичные празднества прошли «с большим подъемом и воодушевлением». «Образцовые» торжества нужны были для закрепления политических позиций: «смешными кажутся теперь зловещие карканья о слабости Советской власти», или праздник «ясно для всех показал, какими глупыми бабьими сказками были толки об ужасах этой диктатуры»¹². Если в Париже или других капиталистических городах пролетарский праздник становился камнем преткновения, разъединял собравшихся на два враждебных лагеря, то в «красной» Москве все обстояло наоборот – на улицах не было «начальства», «свирипой полиции», все демонстрировали поразительное единство¹³. Праздник Первомая трактовался как подведение промежуточных итогов и мотивация к дальнейшим свершениям.

Связующим звеном служила дата. Конкретный день 1 мая, который, помимо Москвы и Петрограда, праздновался в других городах России и за границей. Однако примечательно, что ни в 1919 г., ни в 1920 г., когда подготовка была более длительной и тщательной, не удалось разработать единый, всеохватывающий сценарий торжества, темой которого стала бы история трех Интернационалов¹⁴. Хотя в 1920 г. и проходили отдель-

¹⁰ ГА РФ. Ф. А2306. Оп. 24. Д. 156. Л. 1, 3.

¹¹ К празднованию 1-го мая. В Москве // Известия ВЦИК. 1919. № 91. С. 1.

¹² Мещеряков Н. У нас и у них // Правда. 1919. № 93. С. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Львов Н.И. История первого социалистического сценария // Организация массовых народных празднеств. Гос. изд-во, 1921. С. 10–14.

ные празднества, посвященные Коминтерну¹⁵. Таким образом, между идейными лозунгами советской власти и реальным воплощением «сценариев» торжеств существовала заметная разница. Она была обусловлена целым рядом факторов, включающих вопросы финансирования, согласованности общих планов с положением на местах, возможности проявлять личную инициативу и т. д.

¹⁵ *Пиотровский А.И.* Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 гг. // Массовые празднества. Ленинград, 1926. С. 62.

ТЕХНОЛОГИЯ ЛИКВИДАЦИИ СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР (2–5 СЕНТЯБРЯ 1991 г.)

*Логвенков Илья Сергеевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Постановка проблемы. В сентябре 1991 года Съезд народных депутатов СССР стал восприниматься «демократической» общественностью и про-республиканскими политическими силами как помеха на пути выхода из кризиса. Мало того, Съезд был угрозой власти президента СССР, который был назначен на свой пост постановлением. Стоило дать возможность депутатам внести в повестку дня вопрос об отставке М.С. Горбачева, и простого большинства хватило бы для немедленного завершения его карьеры. В результате союзное руководство и руководство республик вместе со своими сторонниками объединили усилия для нейтрализации высшего представительного органа власти СССР. Для того чтобы провести эту нейтрализацию законным путем, необходимо было навязать депутатам решение о временном самороспуске или хотя бы о самоустранении на период проведения реформ. Таким решением стал Закон «Об органах государственной власти и управления в переходный период», принятый Съездом 5 сентября 1991 года, однако процесс «убеждения» депутатов и использованные при этом методы представляют исследовательский интерес в контексте изучения роли политических технологий в процессе революционной трансформации российского государства и общества в 1991 году.

Демонтаж союзного парламента. Поводом для активизации мер по нейтрализации СНД СССР стал характер проведения Верховного Совета СССР 26–31 августа 1991 года, который в немалой степени напоминал митинг. На заседании Совета безопасности 1 сентября 1991 года М.С. Горбачев в присутствии руководителей 11 республик предложил следующую формулировку в преамбуле готовящегося совместного заявления: «Страна больше не может захлебываться в бесконечных и бесплодных заседаниях. Их время прошло»¹. Тогда же был согласован и сценарий проведения Съезда, согласно которому единственным пунктом повестки должно было стать совместное заявление президента СССР и лидеров союзных республик, обсуждение которого необходимо было свести к минимуму.

Проведенный среди депутатов 3 сентября социологический опрос показал, что 55 % депутатов было против предложенного президентом

¹ *Горбачев М.С.* Собрание сочинений. Т. 28. С. 46.

СССР и руководителями республик варианта временного преобразования Съезда в Совет представителей, который должен был заниматься исключительно разработкой новой Конституции, и только 25 % поддерживали эту реформу². В депутатской среде отсутствовала база для единодушного принятия навязываемых Съезду решений, поэтому реализацию заданного сценария должен был обеспечить комплекс мер, который уместно разделить на три основных компонента: политический, организационно-правовой и психологический.

Главной мерой политического характера стало выражение консолидированной позиции президента СССР и руководства республик в совместном заявлении в самом начале Съезда. Для подкрепления этой позиции вне очереди слово было предоставлено представителям республик, подписавших заявление, а также народным депутатам из Грузии, Молдовы и Латвии. Подводя итог выступлениям представителей и глав республик, Горбачев отметил «согласие республик относительно общей оценки значения Заявления», после чего завершил обсуждение повестки и поставил ее на голосование, которое и утвердило такой поворот в ведении заседания: 1350 голосов за при необходимых 1113³. Повестка, в понимании Президиума, полностью ограничивалась совместным заявлением, что позволило 5 сентября закрыть Съезд по ее исчерпанию.

Немаловажной мерой стала спешная подготовка сессии Верховного Совета РСФСР 4–5 сентября 1991 года, в повестку которой входило избрание представителей от России в преобразованный Верховный Совет СССР⁴, однако проект преобразования еще даже не был проголосован. В случае его отклонения можно было ожидать, что Верховный Совет РСФСР на ближайшей сессии прореагирует самым радикальным образом. Незадолго до этого, утром 2 сентября 1991 года, мэр Москвы Г.Х. Попов убеждал российскую депутацию покинуть Съезд, если депутаты откажутся одобрить совместное заявление⁵.

Большинство манипуляционных практик организационно-правового характера было связано с возможностями позиции председательствующего. Многие вопросы он мог решать «с голоса», задавая их в зал и воспринимая лишь те ответы, которые хотел услышать. В связи с отставкой Председателя Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова Съезд должны были открывать и поочередно вести Председатели палат Верховного Совета: И.Д. Лаптев и Р.Н. Нишанов. Однако И.Д. Лаптев на дневном заседании передал право ведения Съезда М.С. Горбачеву без голосования, лишь задав аудитории вопрос о наличии возражений.

² Результаты социологического опроса, проведенные институтом парламентаризма при СНД СССР 3 сентября 1991 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р9654. № 1. Д. 194. Л. 107.

³ Внеочередной пятый Съезд народных депутатов СССР. Бюллетень № 1. С. 12.

⁴ «Съезд погиб, но что же дальше?» // Независимая газета от 5 сентября 1991 г. №. 104.

⁵ *Исаков В.Б.* Кто и как развалил СССР. Хроника крупнейшей геополитической катастрофы XX века. 2-е изд. М., 2012. С. 14.

Председательствующий не мог запретить обсуждение того или иного вопроса, но мог ограничить его письменной формой. Депутаты должны были писать соответствующие заявки в секретариат, исправно передававший их в Президиум, который и определял, дать ли им ход.

Основной вклад в создание необходимого психологического настроения в депутатской среде внесли сторонники Б.Н. Ельцина в депутатской и редакторской среде. В ходе проведения Съезда использовалась соответствующая идеологема, обозначенная в распространенном на Съезде обращении Межрегиональной депутатской группы: «На наш взгляд, обращение группы депутатов (несогласных с нарушением регламента. – *Примеч. авт.*) связано с необходимостью сделать трудный выбор между объективными интересам народов, обретающих независимость, и утратой собственного статуса»⁶.

Эта позиция была поддержана множеством публикаций на первых полосах газет демократического толка непосредственно в дни проведения Съезда, причем выпуск центральных газет противоположного полюса был приостановлен указом российского президента⁷.

Нашли свое применение и наиболее грубые методы психологического давления. Приехавшие на Съезд народные депутаты разместились в двух гостиницах по соседству с Московским Кремлем – «Москва» и «Россия», кратчайший путь к которым от Кремлевского дворца съездов пролегал через ворота Спасской башни. Вдоль обоих путей от башни до гостиниц (500 и 300 метров соответственно) цепочкой выстроились люди, призывавшие депутатов к самороспуску⁸. В обращениях народных депутатов этот своеобразный митинг описывался как «шабаш улюлюкающей толпы», которая сопровождала выходявших вечером 2 сентября из Спасских ворот Кремля депутатов «хулиганскими, оскорбительными выкриками»⁹.

Закключение. После поражения ГКЧП и приостановления деятельности КПСС Съезд народных депутатов СССР остался последним институтом власти, в котором сохранялось влияние сил, не поддерживавших конфедеративный либерально-рыночный вариант преобразования Союза. Относительная простота роспуска Союза была предопределена самоустранением высшего органа представительной власти с политической арены. Причиной этого самоустранения стало скоординированное давление Президента СССР и руководителей союзных республик, выраженное во взаимосвязанном комплексе мер политического, организационно-правового и психологического характера.

⁶ Обращение к СНД СССР от Межрегиональной депутатской группы 2 сентября 1991 г. // ГА РФ. Ф. Р9654. № 1. Д. 194. Л. 21.

⁷ Указ Президента РСФСР от 22 августа 1991 г. № 76. URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102012342&rdk=0> (дата обращения: 28.02.2019).

⁸ День первый: без словесных упражнений // Российская газета от 03.09.1991. №. 182.

⁹ Письмо группы народных депутатов СССР, поступившее в Президиум пятого СНД СССР 3 сентября 1991 г. // ГА РФ. Ф. Р9654. № 1. Д. 198. Л. 6.

ДИДАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФРГ В 1945–1969 гг.

Любомирова Екатерина Сергеевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

В послевоенной Германии первые попытки создания элементов нового политического образования, которое отличалось бы от национал-социалистического, принадлежали еще американской оккупационной администрации. К ним относятся идеи «мягкого управления» молодежью через прививание ей культурных и политических ценностей западной демократии¹, ее перевоспитания и переориентации, нового демократического начала, всеобщего политического, морального и культурного обновления и т. п.² При этом за философским звучанием идей скрывался ясный и простой мотив: с помощью педагогических средств (обучения и образования подрастающего поколения) достичь чисто политических целей – демократизации и денацификации в умах и сердцах немецкой молодежи.

Этот мотив «перевоспитания к демократии»³ и социально-политической интеграции молодежи, взгляды которой были отмечены печатью национал-социализма⁴, разделял и первый федеральный канцлер ФРГ Конрад Аденауэр. Он подчеркивал, что просвещение «сознательно и планомерно дезориентированной молодежи» является одной из важнейших задач всех политических организаций⁵. Для ее решения с помощью Федерального ведомства служения Родине была создана система политического образования. Ее целью провозглашалось «воспитание из немецкой молодежи людей, сознающих свою политическую ответственность»⁶. Теоретической и методологической основой политического образования

¹ *Steinbach Peter*. Historische Grundlagen der politischen Bildung // Politische Bildung in Deutschland – Profile, Personen, Institutionen / hrsg. von Wolfgang Sander. Bonn, 2014. S. 18–34.

² Директива американского начальника штаба Верховному главнокомандующему оккупационными войсками США в Германии от 11 мая 1945 г. // Невский С.И. Социально-экономические реформы в послевоенной Западной Германии. 1945–1949. М., 2008. С. 115–120.

³ *Gagel Walter*. Der lange Weg zur demokratischen Schulkultur. Politische Bildung in den fünfziger und sechziger Jahren // Aus Politik und Zeitgeschichte, № 45/2002. S. 6.

⁴ Adenauer Konrad. Reden 1917–1967. Stuttgart, 1975. S. 162.

⁵ *Аденауэр Конрад*. Воспоминания. Т. 1. Вып. 1. С. 68.

⁶ Там же. С. 36.

стали концепции «воспитания в духе партнерства» Теодора Вильгельма, который, вероятно, из-за своего «коричневого» прошлого публиковался под псевдонимом Фридрих Этингер, и «пути к согражданину» Фрица Борински⁷.

В центре внимания Этингера стояло понятие «политического», главным элементом которого была не государственная власть, а межличностное взаимодействие. Стремясь избавить немцев от верноподданнического духа и чрезмерного поклонения государству, он разработал политико-философскую модель социального партнерства, согласно которой человек мог стать человеком лишь взаимодействуя с другими людьми, а для этого немцам нужно было научиться демократии и учесть горький опыт национал-социализма. По Этингеру, лишь та молодежь, которая прошла школу «воспитания в духе партнерства», сможет вовремя распознать ошибки прошлого, избежать их повторения и благодаря этому построить новое, более справедливое и миролюбивое немецкое государство⁸.

Схожие идеи развивал и Борински, сформулировавший концепцию «пути к согражданину», на котором индивид должен был превратиться из безвольного подданного в демократически ориентированного гражданина. Целью и итогом успешного политического образования должна была стать не послушная верноподданная масса молодых людей, а активная молодежь «в смысле первоначальной, живой демократии, способная к критическому оцениванию и принятию самостоятельных решений»⁹.

Стоит отметить, что и Этингер, и Борински рассматривали политическое образование не как учебный предмет, а как некий принцип, который впоследствии должен был стать всеохватывающим учебным и жизненным принципом¹⁰. Однако их чаяниям не суждено было сбыться: политическое образование не только стало обязательным учебным предметом в средней школе, но и пошло по пути институционализации. Ее горячим сторонником был Теодор Лит.

Критикуя концепции Этингера и Борински за размытость понятия «политического» вследствие излишнего уклона в сторону его «социального или же общечеловеческого» аспекта¹¹, Лит предложил собственное видение политического образования. На его взгляд, оно не должно ограничиваться миролюбивым воспитанием к демократии; его главная задача – раскрывать сущность политики, особенности политических

⁷ *Oetinger Friedrich*. Wendepunkt der politischen Bildung. Partnerschaft als pädagogische Aufgabe. Stuttgart, 1951. 263 S.; *Borinski, Fritz*. Der Weg zum Mitbürger. Die politische Aufgabe der freien Erwachsenenbildung in Deutschland. Düsseldorf – Köln, 1954. 257 S.

⁸ *Oetinger Friedrich*. Op. cit. S. 95–96.

⁹ *Borinski Fritz*. Op. cit. S. 56.

¹⁰ *Oetinger Friedrich*. Op. cit. S. 164; *Borinski, Fritz*. Op. cit. S. 235.

¹¹ *Lit Theodor*. Die politische Selbsterziehung des deutschen Volkes. 3., erweiterte Auflage. Berlin, 1957. S. 67.

институтов и борьбы за власть¹². По Литу, это позволило бы избежать как умаления государства, так и его демонизации в глазах народа и особенно немецкой молодежи.

Если в 1950-е годы труды по политическому образованию носили абстрактный теоретический и даже скорее философский характер, то в 1960-е годы они стали более практическими, а их авторы стали говорить о необходимости разработки критериев отбора содержательных компонентов политического образования, выбора методов, целей и инструментов занятия, поурочного планирования, использования методов социологии и политологии и т. д. Этот процесс получил название «поворота к реальности» или же «дидактического поворота». Ключевыми трудами, созданными в рамках этого поворота, стали работа Курта Герхарда Фишера «Политические уроки»¹³, а также монография Германа Гизеке о дидактике политического образования, написанная под влиянием «аферы Шпигеля» 1962 г.¹⁴

Фишер отказался как от модели социального партнерства Этингера и «пути к согражданину» Борински, так и от излишне теоретического разбора политики, предложенного Литом. Вместо этого в центр внимания он поместил понятие «политической проблемы» – сложной политической ситуации, в которой нет и не может быть единственно правильного решения (выбор пути развития, оппозиция и протесты, демократия и запрет партии и т. д.). По мнению Фишера, разбор таких проблем («случаев») на уроках политического образования позволит воспитать рефлектирующего гражданина, способного к «политически разумным действиям»¹⁵.

Схожую концепцию предлагал и ученик Этингера Герман Гизеке. Отталкиваясь от теории социального конфликта Ральфа Дарендорфа, он ввел понятие «политического конфликта», на анализе которого и должно было концентрироваться политическое образование. По его мнению, понять и изучить политические процессы можно лишь через происходящие в них конфликты. Под целью политического образования Гизеке понимал не только выработку умения распознавать и анализировать конфликты, но и не менее важную выработку правильной формы политического участия в них. При этом под «участием» в конфликтах он подразумевал, прежде всего, стороннее наблюдение за происходящим с позиции невмешательства, т. е. так называемую «пассивную активность», а не бездумный «политический активизм» граждан, который мог бы привести все общество к нежелательным последствиям¹⁶. Таким образом, предла-

¹² Ibid. S. 72.

¹³ *Fischer Kurt-Gerhard*. Der politische Unterricht. Bad Homburg, 1960. 180 S.

¹⁴ *Giesecke Hermann*. Politische Bildung: Didaktik und Methodik für Schule und Jugendarbeit. München, 1965. 192 S.

¹⁵ *Fischer Kurt Gerhard*. Op. cit. S. 26.

¹⁶ *Giesecke Hermann*. Op. cit. S. 63.

гаемое Гизеке «участие» среднестатистического гражданина в политике едва ли выходило за рамки кухонных разговоров и диванного обсуждения наиболее острых политических проблем года¹⁷.

¹⁷ *Lingelbach Karl-Christoph*. Urteilskompetenz erwerben und “Emanzipation” fördern // Politische Bildung nach Auschwitz: Erinnerungsarbeit und Erinnerungskultur heute / hrsg. von Benedikt Widmaier. Schwalbach/Ts., 2015. S. 58.

**ВОСПОМИНАНИЯ О РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 г.
В Г. ЧЕБОКСАРЫ, ХРАНЯЩИЕСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ
АРХИВЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

*Максимов Александр Петрович
(Государственный архив современной истории Чувашской
Республики)*

Революционные события 1917 г. и их последствия явились, можно сказать, не только одними из ключевых моментов в истории развития российской государственности XX в., но и стали одними из главных факторов, определивших ход развития всего мирового сообщества в прошедшем столетии. К настоящему времени в исторической науке разработан ряд теорий, по-разному, порой диаметрально противоположно, оценивающих эти события. Но независимо от конкретного содержания этих теоретических выкладок, ясно одно, революционные потрясения в России начала XX в. и последовавшая за ними Гражданская война по-прежнему не потеряли своей актуальности и находятся в фокусе внимания многих современных отечественных и зарубежных исследователей прошлого нашей страны.

Одним из важнейших и интереснейших исторических источников при изучении революционных событий того времени, несомненно, являются нарративные документы. К ним можно прежде всего отнести воспоминания и дневники участников событий. Эти источники личного происхождения позволяют более подробно и детально воссоздать историческую действительность прошедшей эпохи, что особенно важно для «оживления» исторического описания. Вне зависимости от того, что воспоминания и дневники, как и другие документы личного происхождения, по большей своей части являются субъективными, это не уменьшает их исторической значимости, так как они отражают «дух» того времени.

В БУ «Госархив современной истории Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии в составе архивного фонда Партийного архива Чувашского обкома КПСС (Ф. П-1046. Оп. 3, 4) отложился ряд таких воспоминаний участников революционного движения и Гражданской войны начала XX в. Эти воспоминания, по сути, являются одними из первых документов, появившихся в составе документального фонда тогда еще Партархива Чувашского обкома ВКП(б), чьим правопреемником и является Госархив современной истории Чувашской Республики.

Из всего объема воспоминаний одна из наибольших по своему составу групп – это мемуары о событиях периода Февральской и Октябрьской революций, происходивших в Чебоксарах и некоторых уездах Казанской и Симбирской губерний, в которых проживало преимущественно чувашское население. Революционным событиям 1917 г., происходившим в г. Чебоксары, посвящены воспоминания Романа Ефимовича Чернякова (1884 – не изв.) и И.И. (не расшифровано) Вальдмана (1876 – не изв.), Карла Яновича Грасиса (1894–1937), непосредственно принимавших активное участие в революционных действиях и организации органов большевистской власти в городе в то время.

В архивном деле под наименованием «Черняков – Борьба за советскую власть в г. Чебоксары в 1917–1918 гг.»¹ содержатся материалы воспоминаний Чернякова на 35 листах. Относительно личности автора по содержащимся в тексте мемуаров отрывочным сведениям и другим источникам можно установить, что Роман Ефимович родился в 1884 г. в д. Большое Шахчурино Чебоксарского уезда Казанской губернии (ныне Чебоксарский район Чувашской Республики). Также известно, что в момент описываемых событий он был членом революционного собрания (какого именно – не установлено). В дальнейшем он работал в ЧК, в коммуне «Храбрый» близ Ядрина, был инструктором школы № 1 (хронологические периоды работы и местоположение учебного заведения достоверно не установлены). 26 сентября 1941 г. он был арестован и помещен в Чебоксарскую тюрьму. Под арестом находился в течение 10 лет. Дальнейшая судьба неизвестна. Впоследствии был реабилитирован.

В своих воспоминаниях Черняков описывает события, происходившие в г. Чебоксары в 1917–1918 гг. Точно подтвердить авторство воспоминаний и установить конкретную дату их появления на данное время не представляется возможным. По косвенным признакам можно предположить, что воспоминания появились на свет до его ареста в сентябре 1941 г. Также можно отметить, что они были написаны скорее всего не по заказу, а по инициативе самого автора. Этот вывод базируется на том, что воспоминания представлены в форме рукописных записей в трех ученических тетрадах.

В содержательном плане воспоминания Черняков мало чем отличаются от других документов подобного рода. Но они интересны тем, что на страницах воспоминаний содержатся сведения и о других участниках революционных событий 1917–1918 гг. в г. Чебоксары и о характере борьбы за власть между различными политическими силами. Все эти данные могут стать источником для самостоятельного научного анализа.

Дату создания и авторство воспоминаний И.И. Вальдмана² можно установить с большей степенью достоверности. Из содержания текста следует, что в 1947 г. автор обратился в архив Чувашского обкома ВКП(б) с просьбой предоставить ему официальные документы о его жиз-

¹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 26.

² Там же. Д. 50.

ни и деятельности в г. Чебоксары за 1917–1918 гг. с целью сбора сведений о трудовом стаже для начисления ему персональной пенсии. Далее автор излагает основные вехи своей биографии и воспоминания о событиях прошлого. Согласно имеющимся сведениям, Вальдман родился в 1876 г. на территории современной Эстонии. За организацию и участие в революционных событиях 1905 г. в Эстонии он был осужден и отправлен в ссылку в Тобольскую губернию. После освобождения выучился в г. Чебоксары на агронома (как он оказался в Чебоксарах, достоверно не известно). Затем с 1912 по 1914 г. работал в должности управляющего хуторской школы г. Чебоксары. С началом мировой войны, со слов автора, он стал выступать против войны и царской власти перед взрослыми воспитанниками школы и в дворянском клубе г. Чебоксары, за что был арестован и помещен в тюрьму.

После Февральской революции был освобожден и, как формулируется в воспоминаниях, «направлен на Рижский фронт». В конце июня 1917 г. Вальдман возвращается в г. Чебоксары. После Октябрьской революции, по словам автора, он был избран председателем революционного комитета г. Чебоксары. Затем трудился на разной советской и партийной работе: был председателем первого Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, членом бюро обкома, членом президиума облисполкома Совета депутатов трудящихся. В 1921 г. Вальдман был переведен в Кубано-Черноморский край. В 1947 г., на момент написания воспоминаний, он работал агрономом в одном из совхозов Курской области. Дальнейшая судьба автора неизвестна. В его воспоминаниях содержатся не только сведения о событиях, в которых он сам принимал непосредственное участие, но и информация, полученная им от третьих лиц.

Довольно ярким и интересным являются воспоминания К.Я. Грасиса – революционера, журналиста, писателя-критика, с марта по июль 1917 г. занимавшего должность председателя Чебоксарского Совета гражданских депутатов, преобразованного вскоре в Совет рабочих и солдатских депутатов. Карл Янович к моменту описываемых событий в Чебоксарах оказался не случайно. Он здесь с 1916 г. отбывал ссылку. В воспоминаниях под названием «Февральская революция»³ автор пытается раскрыть причины, предпосылки возникновения революционного настроения среди населения уездного города. При характеристике сложившейся ситуации в городе к началу 1917 г. он подробно описывает следующий эпизод: «На Приволжском бульваре в селивановские торжества мне пришлось быть свидетелем следующей сцены. На скамейке сидит мужчина лет под сорок. Одет неважно, ботинки рваные. К нему подходит дама с кружкой: “Пожертвуйте в пользу раненых и больных”... Ответ был настолько резок, что дама отскочила, как ужаленная: “Идите к нему, вот туда” и указал на дворец “лесного короля” Ефремова...»

Далее в мемуарах К.Я. Грасиса описываются события, происходившие в уездном городе после Февральской революции 1917 г.: проведение

³ Там же. Д. 49.

митингов и собраний, создание Временного правительства (Комитета Общественной Безопасности) из представителей привилегированных сословий и как кульминация – создание Совета гражданских депутатов (далее – Совета рабочих и солдатских депутатов) и организация издания газеты «Чебоксарская правда» – печатного органа Совета.

Во время пребывания в Казани летом 1917 г. К.Я. Грасис был арестован и помещен в тюрьму. Здесь он просидел до 20 сентября 1917 г., был освобожден крестьянским съездом после корниловского мятежа. Дальнейшая судьба К.Я. Грасиса после установления советской власти оказалась трагичной. В разгар массовых репрессий в 1937 г. он был осужден и расстрелян.

Установление точных биографических данных об авторах упомянутых выше воспоминаний представляет собой очень сложную, порой невыполнимую исследовательскую задачу и требует дополнительных научных изысканий. Это касается также установления времени и обстоятельств появления воспоминаний. Решение всех этих задач возможно лишь путем проведения детального источниковедческого анализа.

Подводя предварительные итоги краткого источниковедческого анализа, хранящихся в составе архивного фонда БУ «Госархив современной истории Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии, нарративных источников в виде воспоминаний участников революционных событий 1917 г. в г. Чебоксары, можно сказать, что документальные материалы такого рода могут содержать самую разнообразную информацию. Это и биографические данные об авторе, рассказы об услышанных и увиденных им самим событиях и др.

Сведения, приводимые на страницах такого рода документов, могут быть приняты за истину только в случае их всестороннего научного исследования в сопоставлении с информацией из других источников, включая архивные материалы. Несмотря на субъективность содержащихся в воспоминаниях фактах, без таких источников картина рассматриваемых в них исторических событий была бы неполной. Ведь за сухими цифрами статистики, сведениями из официальных документов всегда стоят судьбы рядовых очевидцев, чей жизненный путь совпал с переломными событиями в истории страны, на которой они проживали к моменту описываемых событий.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МЕТОД БОРЬБЫ С ГЛОБАЛЬНЫМ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМ КРИЗИСОМ

*Малов Александр Вадимович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Сегодня более 800 миллионов человек во всем мире страдают от хронического голода, тогда как более двух миллиардов не имеют достаточного количества питательных микроэлементов для ведения активной и здоровой жизни¹. Вместе с тем за последние два десятилетия, ежегодное производство продуктов питания во всем мире неуклонно увеличивается на 2 %, тогда как темпы глобального роста населения падают, составляя 1,14 % в год². По расчетам специалистов, стремительное производство продовольствия при более низких демографических темпах существенно не исправит обозначившуюся «тенденцию», и уже к 2030 году число людей, страдающих от голода, приблизится к отметке в 653 миллиона³. Более того, «голодная традиция» лишь усугубится из-за всеобщего истощения экологического потенциала почв, ожидаемого в последующие 60 лет⁴.

Сложившаяся асимметрия, характеризующаяся переизбытком и колоссальными объемами преждевременного уничтожения продовольственных товаров, с одной стороны, и острой нехваткой продуктов питания – с другой, говорит о том, что глобальная агропродовольственная система находится в состоянии кризиса. Из этого следует, что абсолютизированные этой системой стратегии либерализации торговли, открытых рынков и корпоративного монополизма лишь имитируют инструментальную эффективность. Более того, авторитетные международные организации, регламентирующие устои глобальной агропродовольственной системы, старательно занимают правовую сторону экономически силь-

¹ FAO. The future of food and agriculture: Alternative pathways to 2050. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2018. P. 3.

² *Holt-Gimenez E.* The World Food Crisis: What's Behind It and What We Can Do // Hunger Notes. 23 October 2008. URL: <http://www.worldhunger.org/world-food-crisis/> (accessed: 18.06.2018).

³ FAO. The future of food and agriculture: Trends and challenges. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2017. P. 13.

⁴ *Dekeyser K.* Cultivating disruption-redefining our food system through food sovereignty // Conference: St Gallen Symposium, 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/317348069_Cultivating_disruption-Redefining_our_food_system_through_food_sovereignty (accessed: 18.06.2018).

ного и капиталистически развитого политического актора. Позиция менее состоятельного и уязвимого при этом демонстративно игнорируется. Вместо действенных рецептов преодоления глобальной агропродовольственной угрозы, современные международные институты управления ограничиваются лишь статистической публикацией продовольственных антирекордов и удаленно «изобилуют состраданиями» в адрес действительных производителей продуктов питания⁵.

Политика генеральных Бреттон-Вудских институтов, таких как Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный Банк (ВБ) и Международный валютный фонд (МВФ), скомпрометировала локальные продовольственные системы и национальный суверенитет по всему миру. Тотальная либерализация агропродовольственной политики, формируемая «программами структурной перестройки» (*Structural Adjustment Programs*), соглашениями о свободной торговле (*Free Trade Agreements*) и принципами «Вашингтонского консенсуса» (в частности приватизаций и дерегулированием⁶), оказалась критически непродуктивной. Вследствие чего требуется проектирование/конструирование альтернативной институциональной/концептуальной платформы, соответствующей глобальным продовольственным проблемам и актуальным запросам в сфере производства и потребления продуктов питания.

Транснациональное крестьянское движение *La Via Campesina* представляется сегодня альтернативной организацией, способной физически заступиться за права мелкого крестьянства и произвести тотальную «инвентаризацию» глобальной агропродовольственной системы (и регламентирующего ее Корпоративного продовольственного режима). В качестве действенного инструмента *La Via Campesina* предлагает к использованию спасительную для подлинного социал-демократического движения идею – продовольственного суверенитета (*soberanía alimentaria*)⁷.

Концепция продовольственного суверенитета (являя собой право народов на здоровую и свойственную их культурным особенностям пищу, произведенную за счет экологически безвредных и устойчивых методов) – апеллирует к сложившемуся распорядку в миро-системе и предлагает себя в качестве альтернативной парадигмы, внутри которой возмож-

⁵ Малов А.В. Продовольственный суверенитет как фактор современного мирового порядка // Россия и современный мир. 2018. № 98. С. 146–156.

⁶ Williamson J. Democracy and the «Washington Consensus» // World Development, 1993. Vol. 21. No. 8. P. 1329–1336; Ананьин А., Хаиткулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // Мировая экономика и Международные отношения, 2010, № 12. С. 15–27.

⁷ Малов А.В. Продовольственный суверенитет: политическая концепция, общественное движение и контр-гегемонистский дискурс XXI века // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 65. С. 221–246. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/65_2017malov.htm (дата обращения: 20.01.2019)

на реорганизация глобальной институциональной иерархии⁸. Ревизия устоявшихся взаимоотношений между государством, человеком и природой, подкрепленная аннулированием санкций глобальных институтов на всеохватывающее инспектирование сфер бытия человека, активизирует наступление нового Международного продовольственного режима.

Сегодня стратегический потенциал идеи продовольственного суверенитета используется в качестве новой модели обеспечения продовольственной безопасности, основанной на следующих максимах:

- Усиление потенциала локальных продовольственных систем.
- Местный контроль над природными ресурсами и территориями.
- Строгое уважение культурных обычаев: обмен ортодоксальными знаниями и развитие автохтонных навыков производства продуктов питания.
- Переход на агроэкологические принципы производства продуктов питания: достижение *Food self-sufficiency* и установление *Food safety*.
- Противостояние деградации почв, защита биоразнообразия, сокращение выбросов парниковых газов и бойкот ГМО.
- Протекция женщин от всевозможных актов гендерной дискриминации и проявлений сексизма⁹.

Таким образом, Продовольственный суверенитет предлагает комплексную агроэкологическую стратегию, включающую в себя технико-агрономические, социально-экономические, культурные, и общественно-политические аспекты¹⁰. Основываясь на принципах социал-демократии, агроэкологии, мультикультурализма и коэволюционизма, стратегия продовольственного суверенитета предлагает меры для предотвращения гуманитарной катастрофы.

Входя в конфликт с «агропродовольственным ультраимпериализмом», эта концепция защищает региональное производство и локальную торговлю. Программа *soberanía alimentaria* выдвигает принцип подлинного коллективного участия изготовителей и потребителей товаров в процессе строительства собственной продовольственной системы. Идейная многогранность концепции Продовольственного Суверенитета (аполитета принципов полицентризма) – обладает колоссальным потенциалом, способным дать адекватный ответ глобальным вызовам современности.

⁸ Малов А.В. Международный продовольственный режим // Вестник МГИМО–Университета, 2018. № 1 (58). С. 127–147. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-1-58-127-147

⁹ *Claeys P.* Human Rights and the Food Sovereignty Movement: Reclaiming Control. New York: Routledge, 2015. 210 p.; *Edelman M.* Food sovereignty: forgotten genealogies and future regulatory challenges // *The Journal of Peasant Studies*, 2014. Vol. 41. No. 6. P. 959–978. DOI: 10.1080/03066150.2013.876998

¹⁰ *Gallar D., Vara I., Rivera M., Calle Á.* Soberanía Alimentaria para el derecho a la alimentación adecuada y el desarrollo rural sustentable // J. A. Banegas y T. R. Villasante (eds.), *Participación social con metodologías alternativas desde el Sur*. Quito (Ecuador): Universidad de Cuenca, 2016. P. 216.

ЛЕВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ В КОЛУМБИИ: ВЗГЛЯД ИЗ США (1986–1993 гг.)

*Манухин Алексей Анатольевич, к.и.н.
(Институт Латинской Америки РАН)*

Левые организации и движения в странах Латинской Америки и Карибского бассейна на протяжении XX – начала XXI в. претерпели сложную эволюцию. Колумбия в этом смысле интересна тем, что в ней не возникло мощной «национальной» партии, которая могла бы противостоять традиционным элитам. Коммунисты еще в 1930-е гг. стали проводить активную работу среди крестьян, а также поддержали левое крыло либералов в годы «виоленсии» и диктатуры Г. Рохаса Пинильи (1948–1958 гг.)¹. После создания в 1964 г. Революционных вооруженных сил Колумбии (ФАРК) как боевого крыла компартии и образования других повстанческих группировок страна переживала спады и подъем насилия. К концу XX в. Колумбия превратилась в ключевого союзника США в Латинской Америке, что было во многом обязано внутреннему вооруженному конфликту. В этой связи интересно рассмотреть образ колумбийского левого движения в судьбоносный для него период в оценках американских правительственных ведомств и его влияние на долгосрочную политику США.

Ключевым элементом подхода США к внутренним политическим противоречиям в Лагино-Карибском регионе с конца 1960-х гг. стала ориентация на поддержку репрессивных мер государства против левых политических партий и повстанческих групп. Во многом это накладывало отпечаток и на мышление самих латиноамериканских левых, отмечавших, что взять власть даже мирным путем стало куда труднее². Между тем в Колумбии не сложилось диктатуры по типу «режимов национальной безопасности», характерных для стран Южного конуса и Центральной Америки. Однако после ограничения гражданских свобод и усиления преследования партизанских движений в правление президента Х.С. Турбая Айялы (1978–1982 гг.) левый радикализм активизировался³. Возрастание противостояния герильи с государством, с одной стороны, а также пра-

¹ *Le Grand C.* The Colombian Crisis in Historical Perspective // Canadian Journal of Latin American and Caribbean Studies. 2003. Vol. 28. No. 55/56. P. 171, 175.

² *Fortuny J.M.* Has the Revolution Become More Difficult in Latin America? // Marxism in Latin America. N.Y., 1968. P. 205–206.

³ *Ивановский З.В.* Колумбия: государство и гражданское общество. М., 1997. С. 205–210.

воконсервативными группами «самообороны» («парамилитарес»), с другой, сделало Колумбию одним из объектов пристального внимания Вашингтона. Другой причиной стала борьба с производством и распространением наркотиков, которая вышла на первый план в американской политике национальной безопасности с 1986 г. В результате этого борьба с повстанцами и наркотрафиком со временем слились воедино в латиноамериканской политике США⁴.

Наибольшим противоречием для американских аналитиков представлялось снижение военной активности ФАРК, самого мощного из вооруженных формирований, в условиях мирных переговоров с правительством и создания легальной политической силы «Патриотический союз» (УП) для участия в выборах. Вместе с тем ФАРК стремились поддерживать контакт с движениями, не участвовавшими в мирном процессе (М–19, Армия национального освобождения и Армия народного освобождения). Завоевание мест в Конгрессе позволяло УП образовывать краткосрочные блоки с любыми леволиберальными законодателями для давления на правительство⁵. Американские дипломаты отмечали, что правительство Колумбии совершает ошибку, поощряя свободу действий «парамилитарес», поскольку преследования лишь дают повод левым отвечать террором на террор⁶. В результате охоты на левых политиков и активистов погибли сотни человек, в их числе лидеры УП Х. Антекера и Б. Харамильо. США рассматривали убийство Харамильо, кандидата в президенты на выборах 1990 г., крайне негативно, видя в нем препятствие для эволюции УП и компартии в реформистском направлении⁷.

Ослабление легальных левых сказалось на расстановке сил в руководстве ФАРК. Многолетний лидер М. Маруланда получил больше возможностей проводить «ортодоксальный» курс, контролируя тех членов секретариата, которые отличались гибкостью и пониманием международной обстановки (А. Кано, Р. Рейес, М. Чакон). Наилучшим вариантом представлялось полное отмежевание компартии от ФАРК, УП и ее независимое участие в выборах⁸. Американские агентурные сведения

⁴ Nieto J.Z., Stoller R. U.S. Security Policies and United States–Colombia Relations // Latin American Perspectives. 2007. Vol. 34. No. 1. P. 117.

⁵ Prospects for Colombia's Guerrilla War. U.S. Embassy in Bogota to U.S. Southern Command et al. July 8, 1986. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/86BOGOTA9347_a.html (accessed: 25.02.2019).

⁶ Self-Defense Groups Again the Subject of Controversy. U.S. Embassy in Bogota to U.S. Department of State et al. August 6, 1987. Digital National Security Archive (далее: DNSA). URL: <https://search.proquest.com/docview/1679067759?accountid=108701> (accessed: 25.02.2019).

⁷ U.P. Faces Bleak Future Following Candidate's Killing. U.S. Embassy in Bogota to U.S. Department of State et al. March 24, 1990 // DNSA. URL: <https://search.proquest.com/docview/1679089186?accountid=108701> (accessed: 25.02.2019).

⁸ Colombian Communists Want to Take Over FARC. February 12, 1992. U.S. Embassy in Bogota Circular. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/92BOGOTA2165_a.html (accessed: 25.02.2019).

подчеркивали, что ФАРК, по сравнению с более мелкими группами, была достаточно независима от влияния Кубы или маоизма. С другой стороны, слишком сильные противоречия между образованными городскими интеллектуалами и боевиками из крестьянской среды затрудняли выработку дальновидной политической линии⁹.

Постепенно предметом исследований американцев все больше становилась вовлеченность повстанцев в производство и продажу наркотиков. Уже в 1987 г. разведывательные службы США отмечали, что мафия и повстанческие организации конкурируют между собой. Характерным был прогноз о том, что УП будет внешне поддерживать меры правительства Колумбии по борьбе с наркотиками, а ФАРК одновременно продолжит расширять посевы коки и опиумного мака¹⁰. В реальности для слаборазвитых сообществ департаментов Кауки, Меты и особенно пограничной Путумайи выращивание коки было естественным занятием, поэтому партизаны использовали эту статью локальных экономик в качестве удобного рычага управления¹¹. Американцы все больше склонялись к тому, что герилья по методам извлечения доходов и контроля над населением не отличается от наркомафии, практически утратила свою прежнюю идеологию и потому борьба с ней – «вопрос криминальный, а не военный»¹².

К концу 1990-х гг. США сделали вывод о необходимости предотвратить превращение Колумбии в «несостоявшееся государство». Принятый в 1999 г. президентом А. Пастраной «План Колумбия» получил полную поддержку США. Участие в нем стало кульминацией американских представлений о том, что залогом стабилизации страны является решительное сокращение наркотрафика. Проблемы вопиющего неравенства в аграрной сфере и сохранение власти олигархий, неразвитость сельской инфраструктуры и низкий культурный уровень, питающие как левый, так и правый радикализм, отходили на задний план. Представления США о неконструктивности левых сил Колумбии и придание им исключительно «экстремистских» черт продолжают сказываться до сих пор.

⁹ “Snow White and the Four Dwarves”: The Bios of FARC’s Five Man Secretariat. July 23, 1992. U.S. Embassy in Bogota Circular. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/92BOGOTA10667_a.html (accessed: 25.02.2019).

¹⁰ USSOUTHCOM Regional Intelligence Assessment 87–06: Narcotics and Violence, Latin American Drugs and Guns Connection // DNSA. URL: <https://search.proquest.com/docview/1679049379?accountid=108701> (accessed: 25.02.2019).

¹¹ *Ramírez M.C.* Between the Guerrillas and the State: the Cocalero Movement, Citizenship and Identity in the Colombian Amazon. Durham and L., 2011. P. 37–53.

¹² The Narco-Guerrilla Connection in Meta. February 9, 1993. P. 7–12 // DNSA. URL: <https://search.proquest.com/docview/1679089526?accountid=108701> (accessed: 25.02.2019).

КРАСНЫЕ ФИННЫ В КАРЕЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

*Маркова Варвара Александровна
(Национальный архив Республики Карелия)*

Социалистическая революция, возглавляемая большевиками, стала одним из наиболее важных событий в истории не только России, но и соседней Финляндии. До декабря 1917 г. Великое княжество Финляндское входило на правах широкой автономии в состав Российской империи. Обострение социально-политической обстановки в империи, усугубленное массовыми военными потерями и затянувшимся экономическим кризисом Первой мировой войны, привело к подъему широких общественных масс против монархического режима. Хроника событий финляндской революции, идеологически вторящей Октябрьской революции в России, детально отображена в различных документах и стабильно остается востребованной и интересной для исследователей темой.

Гражданская война в Финляндии хронологически уместается в несколько месяцев – с конца января по май 1918 г., – но она сыграла огромную роль в дальнейшем становлении государства как в вопросах его внутреннего устройства, так и во внешней политике и международных отношениях. По аналогии и при активной пропаганде и поддержке со стороны «большого Восточного соседа» на территории Финляндии сформировались активные сторонники революционного курса к социалистическим преобразованиям в государстве и обществе. Они опирались на разветвленную систему профсоюзного движения, которое с 1905 г., когда в стране проходили массовые стачки, стало представлять собой существенную политическую силу, интересы которой в финляндском сейме представляла Социал-демократическая партия Финляндии (СДПФ). СДПФ не смогла стать единой платформой для общественных движений Финляндии, и в ней довольно скоро наметился идеологический раскол – в оппозицию реформационным планам социал-демократов выступили сторонники идей и практик русского большевизма, основу которых составили представители рабочего класса индустриальных районов Финляндии.

После провала мирных попыток разрешить вопросы будущего государственного устройства Финляндии противоречия между белыми и красным достигли предела, и началось время активных боевых действий двух гвардий. Несмотря на относительно небольшие масштабы и время фактического вооруженного конфликта, страна понесла существенные потери в ходе крупных по меркам Финляндии сражений (к числу которых, например, относят бои под Тампере (Таммерфорсом), кото-

рые заслужили в исторической литературе наименование «мясорубки в Тампере»), и дело не ограничилось одними погибшими. Проигравшие войну финские коммунисты и социалисты были вынуждены искать убежище за пределами потерянной родины в соседних Швеции, Норвегии, Дании, Советской России и некоторых других странах. Осевшие в России финские политические эмигранты стали известны как «красные финны».

Советская Россия обещала новый шанс на создание государственного строя, о котором мечтали финские социалисты. Для русских большевиков они стали ценным ресурсом, обеспечившим доминирование коммунистов на спорных территориях. Так, многие красные финны (по оценкам некоторых исследователей, порядка 3–4 тысяч человек) были направлены на работу на территорию Республики Карелия, в которой в послереволюционный период сложилась трудная для большевиков военно-политическая обстановка. Несмотря на резолюцию от 30 января 1918 г., принятую на III Олонецком губернском крестьянском съезде, об установлении в губернии власти Советов, в уездах ситуация была гораздо сложнее. Новоприбывшие финские кадры направлялись в районы, жители которых говорили на национальных языках, и где местные самопровозглашенные власти имели очевидную политическую склонность к идеям «великой Финляндии». В ходе последующих боев Гражданской войны на Русском Севере красные финны поспособствовали военному и политическому перелому на сторону большевиков, и в Карелии постепенно повсеместно установилась власть Советов.

Период пребывания красных финнов в Карелии до сих пор остается недостаточно изученной темой как с точки зрения исторической науки, так и с позиций общественно-политических учений, хотя документальные материалы об этом этапе в истории края сохранились в большом разнообразии. На основе этих документов пишутся исследовательские работы и создаются просветительские виртуальные проекты, ориентированные на широкую публику. К таким цифровым информационным ресурсам относится биографическая выставка КУ НА РК «Красные финны в Карелии»¹. В рамках подготовки выставки была проведена большая работа по выявлению, выборке, анализу и презентации биографических материалов о финнах, участвовавших в социалистическом строительстве карельской республики в период 1920–1940-х гг.

В подборку биографий 27 красных финнов в Карелии попали известные персоналии, оставившие свой след в истории Карелии и Советской России. Среди них были карельские государственные и партийные деятели (Э.А. Гюлинг, Я.Ф. Мяки, О.В. Куусинен), руководители промышленных предприятий (И.Л. Туомайнен, Г.Г. Ярвимики), военнослужащие (А.М. Анттила, И.Э. Хейкконен, Т.И. Антикайнен), деятели культуры (Я.Э. Виртанен, Р.Я. Нюстрем, Л.М. Летонмяки), работники образования и науки (Ю.К. Сирола, А.Р. Форстен, Э.Э. Хаапалайнен), спортсмены

¹ Виртуальная выставка «Красные финны в Карелии». URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/>

(А.Ф. Кивекяс, Я.М. Кокко). Жизнь многих из них закончилась на новой Родине трагически: в годы сталинских репрессий значительное число красных финнов оказалось в лагерях, большая часть из них была расстреляна. Последнее обстоятельство оказало решающее влияние на количество документов, сохранившихся до наших дней и доступных исследователям для работы.

В виртуальную выставку включены копии документов и фотографий, хранящихся в фондах Национального архива Республики Карелия, которые могут помочь исследователям и просто заинтересованным лицам полнее изучить эпоху красных финнов в Карелии. Материалы к выставке подбирались таким образом, чтобы максимально полно раскрыть особенности того времени и людей, которые в нем жили. Итогом кропотливой работы сотрудников Национального архива стала дополненная красочными уникальными иллюстрациями виртуальная выставка, размещенная на сайте НА РК.

ПОПЫТКИ РЕАЛИЗАЦИИ МАРКСИСТСКОЙ ДОКТРИНЫ В КАЗАХСТАНЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1918–1921 гг.): УТОПИЯ И РЕАЛИИ

*Медеубаев Ерлан Ислямович, к.и.н.,
Борейчук Андрей Юрьевич
(Казахско-Русский Международный Университет,
Республика Казахстан)*

Великая российская революция 1917 г. – тема необъятная и не теряющая своей актуальности. Она коренным образом изменила всю социальную практику XX века. Совокупность решений и действий российских большевиков в политико-идеологической, социально-экономической, правовой, культурной сферах в первые годы после их прихода к власти вошла в историю под названием политики «военного коммунизма».

В историографии это тема широкого диапазона. Сердцевиной этой темы является противоестественная, основанная на насилии, попытка проведения широкомасштабных социальных экспериментов с непредсказуемым результатом. Суть реализации марксистской социально-экономической доктрины в Казахстане определялась не только политикой советской власти, но и традициями и опытом исторического развития царской России с ее гипертрофированной ролью государства. Исходя из этой исторической наследственности, в Казахской степи создавалась социально-экономическая система с четкой ориентацией на чрезвычайные меры и насилие. Важно отметить, что «военный коммунизм» проистекал из экономической политики, проводимой российскими правительствами в 1914–1917 гг. в условиях мировой войны¹.

В основе построения плановой системы хозяйствования большевиков лежали монополия государства на продукты сельхозпроизводства и изъятие их у крестьян по разверстке. Практика продовольственной диктатуры советской власти с упором на вооруженное насилие начала широко применяться на большей части территории Степного края и Туркестана с первой половины 1920 г. Продразверстка, как наиболее ярко выраженная «военнокоммунистическая» мера, самым негативным образом отразилась на мелком товаропроизводителе; тем более что эта мера осуществлялась с неизбежными элементами принуждения в отчуждении продукта труда.

¹ См.: *Мау В.А.* Реформы и догмы. 1914–1929. (Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма). М., 1993. 256 с.

Особенно ощутимо продразверстка ударила по интересам казахских кочевых хозяйств. Во многом это объясняется тем, что в период политических катаклизмов приход к власти на разных уровнях новых социальных сил больше определялся принципом отрицательной селекции. Нередко, в большевистских Совдепах и ревкомах Степного края и Туркестана заседали авантюристы и проходимцы всех мастей, искавшие личную выгоду в складывающейся политической действительности и успешно орудовавшие под сенью советской власти². В казахских аулах процесс заготовки сельхозпродукции по разверстке нередко выливался в открытый грабёж населения, сопровождавшийся физической расправой и насилием.

Наиболее тяжелой для животноводческих хозяйств Казахстана стала натуральная мясная повинность, введенная декретом СНК РСФСР от 23 марта 1920 г.³ Говоря о продразверстке в целом, как о главной «военнокоммунистической» мере в аграрно-продовольственной сфере, необходимо еще раз отметить, что она внесла резкие изменения в крестьянские производственные единицы. Разорительная для переселенческого крестьянского населения деревни Степного края и Туркестана продразверстка вынуждала идти на резкое сокращение сельскохозяйственных посевов. Все это губительно сказалось на росте аграрного производства.

В области налоговой политики, помимо продразверстки, основным «военнокоммунистическим» способом давления на крестьянские хозяйства стала совокупность трудовых натуральных повинностей. На организацию и принципы проведения натуральных повинностей в крае существенное влияние оказали традиционные взгляды российской бюрократии. В этом смысле новый политический режим продолжал рассматривать городское и аграрное население как единый объект эксплуатации. Казахские кочевники и переселенческое крестьянство использовались в качестве инструмента, с помощью которого решались хозяйственные задачи и осуществлялся вывоз сырья и продовольствия из региона. Трудовые мобилизации крестьян, гужевая, военно-конская повинности самым серьезным образом подорвали экономическую базу кочевых и земледельческих крестьянских хозяйств края.

Грубое вторжение «первого в мире государства рабочих и крестьян» в ткань традиционных хозяйственных форм и попытка охвата их своим влиянием привело к глубокому противоречию между методами марксистского экономического строительства и мелкотоварными формами хозяйства.

При осуществлении своих социалистических экспериментов в Казахстане большевики не учитывали экономических, социокультурных условий края. Многие известные деятели в России выступали

² *Медеубаев Е.И.* Советские управленцы в Казахстане и Туркестане в начальный период становления тоталитарного режима: политический и нравственный облик // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия историческая. 2002. № 4.

³ Центральный Государственный Архив Республики Казахстана. Ф. 224. Оп. 1. Д. 6. Л. 13, 13 об.

с критикой правительства народных комиссаров, считая эту политику губительной для государства. Еще в декабре 1917 г. М. Горький на страницах газеты «Новая жизнь» дал следующую характеристику действиям нового политического режима: «...реформаторам из Смольного нет дела до России, они хладнокровно обрекают ее на жертву своей грезе о всемирной революции. В современных условиях русской жизни нет места для социальной революции, ибо нельзя же сделать по щучьему велению социалистами 85 % крестьянского населения страны, среди которого несколько десятков миллионов инородцев-кочевников...»⁴

Социалистическая национализация промышленности явилась логическим следствием и продолжением «красногвардейской атаки на капитал». Опыт национализации «Киргизского» и «Риддерского» акционерных обществ, Спасских и Атбасарских медных промыслов, цинкового и свинцового заводов Экибастуза, Воскресенской железной дороги, Иртышского пароходства, а также многочисленных мелких предприятий обрабатывающей кустарной промышленности с достаточной очевидностью подтвердил, что все попытки силового решения задач построения централизованной плановой экономики были неизбежно обречены на неудачу, более того, эти попытки привели к совершенно обратному результату⁵. Большевики в своей экономической программе утверждали, что промышленные предприятия, обретя собственника в лице государства, получают толчок к подъему производства, национализация обеспечит экономический рост в целом.

Однако, как показал исторический опыт 1917–1920 гг., решения о национализации тех или иных предприятий принимались без предварительной тщательной подготовки, расчетов, профессиональной экспертизы. Национализация предприятий со стороны государства во многом носила карательный характер, решения принимались в пылу революционной борьбы. Решающую роль в процессе национализации промышленности сыграла идеология. Основные постулаты марксистской догмы брали верх над прагматическими соображениями. Главной негативной чертой «военнокоммунистической» политики в промышленной сфере явилось отсутствие у государства средств на содержание национализированных предприятий. В итоге кустарная промышленность и слабо развитая добывающая отрасль промышленного сектора Казахстана, как и на всем пространстве бывшей Российской империи, были загнаны в невероятную нищету и острейший системный кризис.

В области трудовой политики советское государство переходит на путь широкого применения трудовой повинности и мобилизации, а с окончанием Гражданской войны для снабжения народного хозяйства необходи-

⁴ Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 96–97.

⁵ Медеубаев Е.И. Между догмой марксизма и стихией национализации: о некоторых итогах и уроках советской системы управления экономикой в Казахстане в эпоху Революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.) // Сб. материалов Международной научной конференции «Революция в России: теория и практика социальных преобразований» (Москва, 7–8 ноября 2017 г.).

мой рабочей силой привлекаются части Красной армии. На территории Казахстана с апреля 1920 г. на трудовое положение переводится 4-я армия Туркестанского фронта и приданные к ней части Заволжского военного округа, которые образовали 2-ю Революционную Армию Труда⁶. Использование сил Красной армии в народном хозяйстве соответствовало духу революционной эпохи и основным принципам политики «военного коммунизма».

Вместе с применением армейских сил в народнохозяйственной сфере насаждались репрессивно-террористические методы управления трудармейскими частями. При этом использование сил и средств военного ведомства не принесли желаемого планомерного развития народного хозяйства, а лишь стали средством решения локальных задач. Политика государства в области труда в период «военного коммунизма» привела к оттоку квалифицированных рабочих кадров из Казахстана, что значительно ослабило экономический потенциал. Одними из практических следствий этого стали производственная специализация и экспортно-сырьевая ориентация экономики республики в угоду экономическим интересам центра.

Практическая реализация планов по проведению «военнокоммунистических» мероприятий была неотделима от формирования огромного аппарата казенно-бюрократической советской системы управления, в которой доминирующие позиции закрепились за партийными органами. Эволюция «военного коммунизма» в политической сфере проявилась в слиянии административных, судебных функций в партийных комитетах разных уровней. Постепенно создавался режим однопартийной диктатуры. Исходная позиция, с которой начался переход Казахстана и других бывших республик СССР к строительству независимой государственности, была определена во многом в этот период. Таким образом, исследование и обобщение опыта «военного коммунизма» в политической сфере имеет важное значение.

Можно согласиться с точкой зрения некоторых ученых-обществоведов о том, что итоги «военного коммунизма» имеют больше не количественное, а качественное значение⁷. Этот кратковременный отрезок исторического развития наложил неизгладимый отпечаток на социокультурный облик общества стран постсоветского пространства. Его последствия сказываются в сохранившейся привычке делить людей на «своих» и «чужих», навязывании «образа врага», тенденции к чиновничьему произволу, привычке решать сложные проблемы силовыми методами, тяге

⁶ *Медеубаев Е.И.* 2-я Революционная Армия Труда и милитаризация труда рабочих в Казахстане // Евразийское сообщество. 1999. № 2.

⁷ *Булдаков В.П., Кабанов В.В.* «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3; *Коган Л.А.* Военный коммунизм: утопия и реальность // Вопросы истории. 1998. № 2; *Суворова Л.Н.* За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. 1993. № 4; *Телицын В.Л.* Военный коммунизм: новый взгляд на старые проблемы // Отечественная история. 1998. № 4.

к бесчисленным указам и приказам и т. д. Все эти привычки и стереотипы своими корнями уходят в эпоху первых лет «Великой пролетарской революции».

Характерная черта этой эпохи – легитимизация насилия и использование его в качестве универсального средства решения всех проблем. Под натиском революционных преобразований правосознание в обществе претерпело значительную трансформацию. Полностью игнорировалось право неприкосновенности частной собственности. Правящий режим не признавал правовых механизмов, подменив их аморфным понятием «революционная законность». Все это создавало простор для произвола и разгула беззакония со стороны власти.

Практика «военного коммунизма» в Казахстане крайне болезненно отразилась на развитии производительных сил. Кризис большевистской стратегии социально-экономического развития прежде всего проявился сквозь призму обострения отношений основной массы населения с советской властью, конфликта с порядками и законами, установленными большевиками. В Казахской и Туркестанской АССР, как в целом по РСФСР, планомерно-распорядительная система сельхоззаготовок, специфические «военнокоммунистические» формы и способы регулирования крестьянских хозяйств (продразверстка, трудгужповинность) ударила по интересам населения аграрного региона. Следствием всего этого стали экономическая катастрофа и массовый голод 1921–1922 гг. Антинародный характер большевистской власти стал источником нараставших сил сопротивления. Главные лозунги этих выступлений – «Долой продразверстку!», «За свободную торговлю и Советы без коммунистов!» – отражали истинные мотивы антисоветских мятежей, охвативших территорию Казахстана в 1920–1922 гг.⁸ Перед лицом угрозы всеобщего социального и политического краха большевистская власть вынуждена была пойти на уступки крестьянству, которые выразились в отступлении от ряда основных принципов марксистской догмы.

Ультралевая политика и идеология, которые не имели под собой солидной экономической базы и, самое главное, поддержки широких слоев населения, должна была уступить место более совершенной и приемлемой экономической системе. Переход к нэп стал логичным завершением этого процесса, сполна оплаченного народными жертвами.

⁸ *Медеубаев Е.И.* 1-я Атаманская, 1-я Народная армия: вооруженные крестьянские выступления в Западном Казахстане и Южном Урале в 1920–1922 гг. // Вестник Российского Университета Дружбы народов (г. Москва). 2005. № 4.

РАЗВИТИЕ ТАКТИКИ КОНСОЛИДАЦИИ ЛЕВЫХ СИЛ НА ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ ТРЕТЬЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

*Минин Александр Сергеевич
(Российский государственный архив
социально-политической истории)*

Глобальные мировоззренческие концепции склонны раскалываться на порой крайне враждебные друг другу течения. Если говорить о левых движениях (не беря в расчет современных социал-демократов, убравших из своих программ упоминания о социализме), то всех левых по большому счету объединяет единая цель – создание социального объединения, основанного на общественной собственности на средства производства, свободного от войн, угнетения и эксплуатации. Однако по поводу метода достижения этой цели возникают самые разнообразные противоречащие друг другу подходы – реформизм или революция, патернализм или самоорганизация, национализация или кооперация, уничтожение государства или его «отмирание»/«растворение» в обществе и т. д.

Создатели Коминтерна понимали, что мировая революция и создание принципиально нового общества в истории человечества невозможна без консолидации международных левых сил и единого фронта рабочего класса. Это задача решалась Коминтерном в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств. Особенно интересно посмотреть, как эта задача решалась в ленинский период Коминтерна, ведь Коминтерн это в первую очередь детище В.И. Ленина, которое он вынашивал с самого начала раскола II Интернационала.

В начале XX века во II Интернационале сложилось три направления: реформисты (правые социал-демократы, сторонники ревизионизма в марксизме и социализации капитализма с помощью реформ, социализм/коммунизм выступает тут как регулятивная, то есть задающая направление, но на деле не достижимая цель), центристы (левые социал-демократы, близкие по позициям реформизму, так как их действия были менее революционны, чем их лексикон) и революционные марксисты (сторонники форсированной пролетарской революции). После того как реформистское большинство II Интернационала поддержало свои страны в Первой мировой войне, II Интернационал практически перестал существовать. На антивоенной конференции в Циммервальде сложилось первое организационное объединение революционных марксистов – «Циммервальдская левая», это объединение сделало много для пропаганды революционного марксизма, но не имело возможности создать новый интернационал.

В октябре 1917 большевики под руководством В.И. Ленина и при поддержке левых эсеров и анархистов взяли власть у слабого и нерешительного правительства умеренных социалистов. Главная объединительная сила революционного марксизма получила колоссальные ресурсы.

Октябрьская революция не меньше, чем Первая мировая война, повлияла на идейное размежевание в международном социалистическом движении, стала катализатором революционных выступлений по всему миру.

В марте 1918 большевики переименовались из социал-демократов в коммунистов, дав старт коммунистическому движению, – в ряде стран из революционного левого крыла социал-демократии начинают появляться коммунистические партии. В.И. Ленин так охарактеризовал это явление: «Старое слово социализм опозорили изменники социализма. Теперь рабочие, оставшиеся верными делу свержения ига капитала, называют себя коммунистами»¹.

Первый этап формирования III Интернационала происходил под знаменем скорейшей мировой революции. Кроме реакции на объективные предпосылки в виде возникающих в мире революционных выступлений и понимания того, что Октябрьская революция может не выжить оставшись изолированной среди капиталистических стран, в этой позиции так же проявлялась мессианская сущность социалистической идеи – левые радикалы стремились как можно быстрее избавить человечество от «высшей стадии капитализма» – империализма, развязавшего доселе невиданную по жесткости и массовому уничтожению мировую войну, они были уверены, что на этом империализм не остановится и впереди ожидают новые империалистические войны (по мнению Розы Люксембург, вопрос стоял так – социализм или варварство). Реформисты же наоборот стремились всеми силами не допустить пролетарских революций и следовавших за ними гражданских войн. В этом положении большевиками был взят курс на открытую конфронтацию с реформизмом и привлечение в свои ряды всех симпатизирующих Октябрьской революции рабочих.

Первый конгресс Коминтерна был малочисленным по своему составу, он только обозначил формальное начало этой организации. Второй конгресс стал началом организационного становления Коминтерна. На него, кроме коммунистических партий, были приглашены движения, стаявшие по отношению к большевикам правее – «полевевшие» центристы и левее – революционные синдикалисты (анархисты). Эти движения видели в III Интернационале союз, который объединит в себе на равных условиях различные революционные течения. Большевики же видели в этих движениях коммунистические партии завтрашнего дня – «мы широко открываем двери всем честным пролетарским революционным партиям, которые сегодня еще не вполне коммунистические, но которые завтра будут коммунистами»².

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 38. С. 230–231.

² Доклады Второму конгрессу Коммунистического Интернационала. Издание коммунистического интернационала. Петроград, 1920. С. 9.

Большевики как единственная сила, сумевшая удержать советскую власть на длительный срок (советские республики, возникавшие в Европе, смогли продержаться несколько месяцев), пыталась сконструировать мировое коммунистическое движение по своему подобию. Для объединения различных социалистических течений в монолитное коммунистическое движение Г.Е. Зиновьевым по поручению В.И. Ленина было подготовлено «21 условие приема в Коммунистический Интернационал». Этот документ базировался на принципах жесткого централизма и идеологического доминирования большевиков. Принять эти условия означало для центристов и синдикалистов отказаться от своих убеждений. В итоге Второму конгрессу не удалось перевести на свою сторону большую часть «попутчиков».

Важным успехом Второго конгресса можно назвать состоявшийся через несколько месяцев после него раскол немецкой центристской партии НСДПГ – ее большая часть вступила в состоящую в Коминтерне Компартию Германии. Кроме того, стоит отметить, что на Втором конгрессе Коминтерна состоялось вступление в РКП(б) левонароднической Партии Революционного Коммунизма.

В 1921 году большевикам становится понятно, что мировая революция откладывается на неопределенный срок, происходит спад революционного движения и, следовательно, возникает необходимость адаптироваться к новым условиям. В Советской России этот период ознаменован переходом от военного коммунизма к нэпу, а в политике Коминтерна тактикой «Единого фронта» в борьбе за улучшение жизненных условий пролетариата. Цель этой тактики – «завоевание широких масс пролетариата для идей коммунизма»³. Большевики агитируют рабочих самых разнообразных политических взглядов участвовать в совместных акциях, допускаются соглашения Коминтерна и его отдельных секций с партиями и союзами реформистов и центристов.

На Четвертом конгрессе Коминтерна, ставшим последним в жизни В.И. Ленина, тактика «Единого фронта» была дополнена концепцией «Рабочего правительства», открывавшей возможность сотрудничества коммунистов и социал-демократов на почве парламентаризма.

В 1923 году большевики пытаются организовать революцию в Германии, это попытка оборачивается провалом. Большевики вводят в эту тактику «Единого рабочего фронта». Так начинается длительный период конфронтации коммунизма и социал-демократии. Разрыв «Единого рабочего фронта» позволил немецкому нацизму прийти к власти в 1933 году. В 1935 году большевики под влиянием низового сплочения коммунистов и социал-демократов в борьбе с фашизмом возвращаются к тактике широкой левой коалиции. Разработанная Коминтерном политика антифашистского «Народного фронта» одерживает победу на выборах во Франции и Испании в 1936 году. Практика широкой коалиции левых сил до сих пор играет важную роль в современной политике.

³ Третий всемирный конгресс Коммунистического интернационала: Стенографический отчет. Петроград, 1922. С. 210.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РАССКАЗЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДЕЛА» (1963)

Миронова Ольга Юрьевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Из всех работ известного русского писателя Александра Исаевича Солженицына традиционно в центре внимания оказываются такие его масштабные произведения, как «Архипелаг ГУЛАГ» (1973) и «Красное колесо» (1993). Однако заметна и малая проза автора – даже в сжатом объеме он точно передавал особенности эпохи и переживания человека, столкнувшегося с жестокостью тоталитарной власти. Так, противостояние личности политическому режиму, ее преобразование в условиях тоталитаризма, конфликт общества и власти становятся центральными темами многих рассказов Солженицына: «Один день Ивана Денисовича», «На изломах», «Матренин двор»...

Куда реже исследователи обращают внимание на подобный сюжет в рассказе «Для пользы дела» (1963), что, однако, не делает данную работу писателя менее значительной, ведь именно в ней Солженицын впервые задается вопросом справедливости на примере актуальной для него повестки дня.

Речь идет о том, что толчком к написанию рассказа послужил реальный случай в Рязани: студенты Рязанского политехнического техникума несколько лет помогали отстраивать новый учебный корпус, который по окончании работ указом правления был неожиданно передан под НИИ оборонного значения¹. Данная ситуация активно обсуждалась в обществе, а запланированный прежде Солженицыным роман о его «онкологическом прошлом» («Раковый корпус», 1967) требовал длительной подготовки, и потому писатель отложил его и взялся за написание «Для пользы дела»².

Впрочем, опорой произведению послужил не только этот случай, но и личный опыт Солженицына: прежде он работал в рязанской средней школе № 2³, где смог познакомиться с подростками поближе и впослед-

¹ Блинков И.А. История создания и этапы развития Рязанского колледжа электроники // сайт Рязанского колледжа электроники. URL: <http://xn-j1al4b.xn-p1ai/index.php/2015-03-27-07-16-00/stranitsy-istorii> (дата обращения: 13.12.2018).

² Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С. 120.

³ Потапов А. Рязанские дни Александра Исаевича // Литературная Россия. 2018. № 19. URL: <https://litrossia.ru/item/rjazanskie-dni-aleksandra-isaevicha/> (дата обращения: 13.12.2018).

ствии отобразить их взгляды и настроения на страницах своего рассказа. Глазами Лидии Георгиевны – учительницы техникума – мы можем наблюдать изменения в речи, внешнем виде, поведении и интересах студентов, которые, вероятно, когда-то наблюдал и сам Солженицын.

Любопытен эпитет, который он применяет по отношению к ребятам, описывая их спор с преподавательницей: «– Нет, погодите! – смиряла Лидия Георгиевна бунтарей. – Я вам этого так не оставлю!»⁴. Писатель называет их бунтарями, и данное определение оправдывается в дальнейшем, когда студенты единственные оказываются готовы забастовкой отстаивать свое право на новый учебный корпус. Примечательно также то, что «Новый мир» при редакции рассказа удалил фразы студентов, связанные с желанием бастовать.

Реальное событие, личный опыт писателя – элементы, позволяющие считать «Для пользы дела» хроникой, выполненной в художественной форме. Еще большее сближение с реальностью обеспечивает тот факт, что многие персонажи были списаны с настоящих людей. Пробразом для литературного первого секретаря обкома Кнорозова был Александр Ларионов, занимавший идентичный пост в жизни; для секретаря горкома Ивана Капитоновича Грачикова – директор рязанской гимназии, в которой работал прежде Солженицын. Директор техникума Федор Михеевич и вовсе реальное лицо.

Но Солженицын не просто описывает произошедшее. В данной работе заложена особая структура, анализ которой позволяет выявить личную позицию автора: достаточно лишь определить, что чувствуют по отношению к случившемуся люди с разной степенью обладания властью.

Преподавательница Лидия Георгиевна занимает низшую ступень этой иерархии (не считая студентов). Передача корпуса стала для нее потрясением, особенно ей было стыдно перед ребятами за их неоправданные надежды: «Что ж мы ребятам скажем? Значит, мы ребят – о б м а н у л и ?..»⁵. Статус не позволял ей реально влиять на ситуацию, однако в рассказе мы видим ее искреннее желание обратного.

Директор техникума Федор Михеевич, занимающий следующую ступень, также ощущал несправедливость происходящего. Он предпринимал попытки оспорить данное решение: звонил в совнархоз; собрался писать телеграмму в Совет Министров; провел специальные расчеты, демонстрирующие неудобство учебного корпуса для нужд НИИ. Наконец, Федор Михеевич попытался защитить хотя бы территорию техникума, но в ответ он услышал лишь «Так надо» от будущего руководителя института⁶.

Следующий уровень представлен секретарем горкома Грачиковым, не привыкшим обсуждать решения вышестоящих. Поначалу он убеждал Федора Михеевича, что можно учиться и в старом здании, однако по ходу

⁴ Солженицын А.И. Для пользы дела // Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 1. Рассказы и крохотки. М., 2006. С.215.

⁵ Солженицын А.И. Указ. соч. С. 226.

⁶ Там же. С. 247.

рассказа его отношение трансформировалось, и он решился на личный разговор с секретарем обкома Кнорозовым. Итогом беседы стало взаимное разочарование друг в друге и намерение Грачикова покинуть свой пост. Отстаивание им справедливости привело к тому, что он стал чужеродным во властной системе.

Наконец, верхушка – первый секретарь обкома Виктор Вавилович Кнорозов, продемонстрировавший наименьшую заинтересованность в проблемах студентов. Перед ним стояли другие задачи: «В нашем городе не бывало и нет ни одного НИИ. Не так легко было нашим людям добиться его. Пока министерство не раздумало – надо пользоваться случаем. Мы этим сразу переходим в другой класс городов – масштаба Горького, Свердловска»⁷. Как только Грачиков возразил Кнорозову, заявив о важности людей, а не камней, тот заметил: «Не дозрел ты до секретаря горкома... Это мы проглядели»⁸.

Таким образом, в рассказе недовольны несправедливостью те, кто не наделен большой властью, т. е. общество. Секретарь горкома, попытавшийся защитить студентов, потерял свои позиции. Верхушка же волновалась лишь об удовлетворении собственных амбиций, а желание помочь студентам воспринималось ею как упущение. В конечном итоге здание все же было передано под НИИ, и это подчеркнуло конфликт «власти» и «общества», а также отразило авторскую позицию: власть к справедливости не стремится, а побороть такую систему обществу пока не представляется возможным. В этом есть элемент смирения, за что сам Солженицын критиковал свою же работу. Однако при этом видно, какой акцент он делает на молодом поколении: он называет студентов бунтарями, подчеркивает, насколько они стали отличаться от взрослых, описывает, как студенты пытаются перейти к активным действиям. Наконец, писатель наделяет подрастающее поколение мотивацией словами Грачикова: «...у них на всю жизнь закоренится, что их обманули. Обманули раз – значит, могут и еще раз!»⁹. Поэтому, быть может, именно молодые смогут однажды доказать, что надо не так, а по справедливости.

⁷ Солженицын А.И. Указ. соч. С. 243.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

**БРИТАНСКАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ
И ЕЕ ЗАВЕРШЕНИЕ (НОЯБРЬ 1918 – ИЮЛЬ 1919 г.)
(НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ, ХРАНЯЩИХСЯ
В НАЦИОНАЛЬНОМ АРХИВЕ СОЕДИНЕННОГО
КОРОЛЕВСТВА)**

*Миронюк Сергей Алексеевич
(Российский университет дружбы народов)*

В определенные периоды мировой истории Британия в силу географических и исторических причин являлась влиятельным координатором и арбитром в вопросах международной политики и международных отношений. В контексте российской истории XX в. одним из таких периодов был ноябрь 1918 – июль 1919 г., когда роль Британии в выстраивании политики стран Антанты в отношении России была очень активной.

Официально утвержденная британским правительством политика военной интервенции в России, проводившаяся до Компьенского перемирия, была направлена на достижение трех целей: не позволить Германии получать помощь из России и Сибири людьми и поставками; не допустить переброску живой силы и ресурсов с Русского фронта на другие фронты; предотвратить получение Германией преобладающего влияния в русских делах после войны¹.

После подписания Компьенского перемирия военная угроза со стороны Германии не представлялась британцам весомой причиной продолжения интервенции, которая воспринималась, скорее, как «война после войны», но уже в России. Политика интервенции становилась крайне непопулярной среди рабочих и женщин Британии, особенно в обстановке слухов, что британские солдаты в России голодают. «Трудящиеся не понимают, зачем мы вообще воюем в России...»²

Окончание войны и усиление внутренней нестабильности, тем более в преддверии парламентских выборов 14 декабря 1918 г., требовали от британского правительства формулирования концепции новой военной политики в России. Работа в этом направлении продолжилась и после выборов.

¹ G.T. 6311. Our Present and Future Military Policy in Russia. Memo by C.I.G.S. // The National Archives (NA). CAB 24/70 Original Reference GT 6301–6400, 1918 1 October – 28 November. P. 22.

² G.T. 6443. Future Military Policy in Russia. Memorandum by Dr. H.A.L. Fisher // NA. CAB 24/71 Original Reference GT 6401–6500, 1918 31 October – 18 December. P. 142.

31 декабря 1918 г. на заседании Имперского Военного Кабинета в контексте обсуждения союзной политики в России премьер-министр Д. Ллойд Джордж высказался против любой военной интервенции в России. Он отметил, что численность Красной армии составляет 300 тыс. человек, а к марту 1919 г. может дойти до 1 млн, тогда как армия союзников – 100 тыс. человек (из них – 17 тыс. британцев, по данным на 23 декабря 1918 г.³), и вытекавшие из этого сложности. Например, где найти дополнительные войска для отправки «в самое сердце России» и ее оккупации в то время, когда они были нужны в Германии, Палестине, Месопотамии и на Кавказе. Ллойд Джордж говорил, что, даже если британский парламент одобрит военный призыв для завоевания и удержания России, не стоит рассчитывать на полную лояльность солдат. «Если их отправить расстреливать большевиков, то в нашей стране появятся собственные большевики»⁴. В ходе заседания отмечалось, что Франция, США, Япония не предоставят солдат для этой цели и все бремя такой операции придется нести Британии. Имперский Военный Кабинет одобрил общую концепцию политики в отношении России, изложенную Ллойдом Джорджем⁵.

Соответственно, на Парижской мирной конференции в контексте выработки новой политики союзников касательно России Ллойд Джорджем продвигался курс на вывод британских войск из этой страны. Однако из-за конфликтных позиций стран-участниц относительно послевоенного статуса России и неясности исхода Гражданской войны принятие решения о выводе войск затягивалось.

В Военном Кабинете министров такое положение дел вызывало негодование, исходившее в основном от государственного секретаря по военным делам У. Черчилля. Он неоднократно на заседаниях как британского правительства, так и Парижской конференции поднимал один и тот же вопрос о политике в отношении России и присутствии там войск Антанты и получал один и тот же ответ, сводившийся к констатации сложности текущей ситуации и затруднительности принятия решения. На заседании Военного Кабинета министров 12 февраля 1919 г. Черчилль предложил либо полностью вывести британские силы из России, либо, напротив, значительно увеличить их количество. Сам он стоял за второе решение, однако Ллойд Джордж считал, что для этого потребуется 1 млн человек и отправить эту армию необходимо весной, что неосуществимо⁶. Принятие решения о судьбе интервенции снова застопорилось из-за не-

³ Imperial War Cabinet, 45. Minutes of a Meeting of the Imperial War Cabinet // NA. CAB 23/42. Original Reference Minutes of meetings 30–48, 1918 13 August – 31 December. P. 73.

⁴ Imperial War Cabinet, 48. Minutes of a Meeting of the Imperial War Cabinet // Ibid. P. 93.

⁵ Ibid.

⁶ War Cabinet, 531. Minutes of a Meeting of the War Cabinet // NA. CAB 23/9 Original Reference WC 514–552, 1919 8 January – 31 March. P. 65.

обходимости согласования в Париже и динамичных, неоднозначных изменений в ходе Гражданской войны в России.

В марте–апреле 1919 г. на Восточном фронте Гражданской войны успешно наступали войска А.В. Колчака. Однако в мае–июле 1919 г. они потерпели значительные поражения и отступили в глубь Сибири. Для правительства ситуация еще более осложнилась после убийств британских военнослужащих на Севере России. В парламенте звучали требования демобилизации военных, находящихся в России, а в обществе недовольство перерастало в негодование.

25 июля 1919 г. Военным Кабинетом министров было принято решение об эвакуации британских войск из Мурманска и Архангельска, закрытии миссии в Архангельске, выводе из Сибири 9-го батальона Гемпширского полка и 25-го Мидлсекского полка, а также подтверждена дата вывода британских войск с Кавказа – 15 августа 1919 г.⁷ К началу 1920 г. решение было исполнено.

Оценивая итоги вторжения, бывший посол Британии в России Дж. Бьюкенен отмечал: «...наша интервенция на практике оказалась настолько неудачной, что была в принципе осуждена всеми как ошибочная политика. Осуществленная без особого энтузиазма, она, несомненно, оказалась ошибочной, и затраченные на нее деньги были выброшены на ветер»⁸.

Продолжение политики интервенции после Компьенского перемирия нанесло огромный ущерб России. Эту позицию эмоционально и емко выразил участник антибольшевистской Северо-Западной армии Реджи: «Помогли ли союзники России после заключения перемирия?

Нет. Они расчленили Россию, самоопределяли ее окраины и грабили ее.

Кто ответит за Кавказ, в частности за Баку и вывезенные оттуда нефть и керосин? Кто ответит за вырубленные леса в Курляндии? Кто ответит за Белоруссию, откуда производилась хищническая вывозка англичанами, при помощи поляков, леса и скипидара? Кто ответит за Сибирь?»⁹.

Сворачивание британского участия в интервенции в ноябре 1918 – июле 1919 г. было обусловлено главным образом внутренними проблемами Британии социально-экономического характера, а также неспособностью Белого движения взять под устойчивый контроль ситуацию в России в обозримой перспективе.

Завершение интервенции ускорило окончание Гражданской войны, лишив одну из сторон существенной поддержки, и способствовало началу процесса выстраивания межгосударственных отношений Советской России и стран Запада.

⁷ War Cabinet, 599. Minutes of a Meeting of the War Cabinet // NA. CAB 23/11 Original Reference WC 587–615, 1919 1 July – 14 August. P. 66.

⁸ Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. М., 2018. С. 400–401.

⁹ Реджи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике. М., 2015. С. 225.

**ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА ФЕДЕРАЛЬНОЙ
СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ИЗУЧЕНИИ МЕСТНЫХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СТРУКТУР
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПОВОЛЖСКО-ПРИУРАЛЬСКОМ
РЕГИОНЕ В 1918–1922 гг.¹**

*Мистрюгов Павел Алексеевич, к.и.н.
(Самарский государственный медицинский университет)*

История изучения местных чрезвычайных структур советской власти, сформированных на территории Поволжско-Приуральского региона в годы Гражданской войны, обладает рядом специфических особенностей. На советском этапе историографии разработка проблематики становления и деятельности центральных и местных чрезвычайных структур² была жестко регламентированной идеологическими рамками. В работах использовалась узкая источниковая база. Анализ документов, привлекавшихся к исследованию, был ограниченным. Деятельность чрезвычайных органов рассматривалась преимущественно на основе исследования законодательства и директив РКП(б). В незначительном масштабе были задействованы документы делопроизводственной группы источников, а также учетные и статистические материалы. На историографическую традицию влияла специфика закрытой деятельности чрезвычайных структур и то, что использование права на насилие со стороны советов и РКП(б) в условиях социального экстрима зачастую не документировалось.

На современном этапе исследования произошло расширение проблематики. На основе более критического подбора и анализа документов корректируются выводы о процессе создания и деятельности чрезвычайных структур. Однако в выводах историков сохраняются концептуальные анахронизмы советского этапа, преодоление которых сдерживается фрагментарной источниковой базой в их работах. В отечественной историографии труды источниковедческого типа по данной проблеме являются

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента РФ «Становление и деятельность местных чрезвычайных подразделений советской власти в 1918–1922 гг.» (МК–6759.2018.6)

² *Бугай Н.Ф.* Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. 1918–1921 гг. М., 1990; *Голиков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2 кн. М., 1986; *Романенко В.В.* Роль чекистов и воинов внутренних войск в ликвидации кулацких банд и белогвардейщины в Среднем Поволжье и Приуралье в 1920–1922 гг. // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья / под ред. С.Г. Басина. Т. 160. Вып. V. Куйбышев, 1975 и др.

довольно редким явлением. Как правило, они представлены обзорами источников в диссертационных работах³, немногочисленными статьями по отдельным структурам⁴, в том числе в сборниках документов⁵, которые отличаются новаторством в осмыслении «крестьянской» проблематики и отмечены принципами широкого и всестороннего подбора исторических документов. В одной из работ А. Г. Теплякова приводится описание материалов, выявленных в фондах Центрального архива ФСБ России (ЦА ФСБ России), по истории органов ВЧК в сибирском регионе⁶. Таким образом, в отечественной историографии данная проблема изучена недостаточно.

Документы, позволяющие дополнить специфику организационного строительства, направлений и методов деятельности местных чрезвычайных структур советской власти в Поволжско-Приуральском регионе, представлены в фонде ВЧК ЦА ФСБ России⁷. Рассмотрим более подробно особенности их видового разнообразия и информативного потенциала. В центре внимания были документы, связанные с созданием и деятельностью местных органов ВЧК в Самарской, Саратовской, Оренбургской, Уфимской губерний, а также Башкирской республики.

В период гражданской противостояния Поволжско-Приуральский регион выступал взаимосвязанной военно-оперативной зоной. На территории Поволжья и Приуралья в 1918–1920 гг. происходили все процессы, свойственные Гражданской войне. Ключевые из них – решение острых социально-экономических вопросов сопровождалось колоссальным противостоянием советской власти с крестьянством. Масштабной и ожесточенной была социально-политическая борьба советов и РКП(б) с альтернативными силами за удержание власти и утверждение мероприятий. Все

³ *Пивоваров М.С.* Революционные трибуналы в Сибири (ноябрь 1919 – январь 1923 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007; *Макутчев А.В.* Тульский губернский революционный трибунал в 1918–1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; *Абрамовский А.А.* Становление советской судебной системы на Урале в 1917–1918 гг. (исторический аспект): автор. дис. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2004 и др.

⁴ *Нэх В.Ф.* Источники и историография по пограничной политике Советского государства (1917–1941) // Исторические чтения на Лубянке 1997–2007. М., 2008 и др.

⁵ *Данилов В., Шанин Т.* Научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. (Вместо предисловия); *Данилов В., Кондрашин В.* Введение // Крестьянское движение в Поволжье 1919–1922. Документы и материалы / под ред. В. Данилова. М., 2002; *Перемышленникова Н.М.* Археографическое предисловие // Архив ВЧК. Сборник документов / отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров. М., 2007 и др.

⁶ *Тепляков А.Г.* Деятельность органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. М., 2018. С. 235–241.

⁷ Центральный архив ФСБ России. Ф. 1.

это обуславливало использование целой чрезвычайной парадигмы режима властвования и управления⁸.

Документальное наследие по исследуемой проблематике представляет собой разнообразные по видам источники (распоряжения центральных структур ВЧК, инструкции, телеграммы, доклады, отчеты, сводки, записи разговоров, переписка со структурами РКП(б)). Первая группа документов – распорядительная документация центрального аппарата ВЧК, в которой содержалась информация о предписываемых мерах по подавлению крестьян-повстанцев, материалы оперативного информирования местных властей – телеграммы Ф.Э. Дзержинского о целесообразности усиления мер в борьбе с повстанцами в Уфимской губернии в 1920 г. Вторая – доклады местных подразделений ВЧК – губернских, транспортных ЧК, а также районных информаторов ВЧК, адресатом которых был центральный аппарат ВЧК. К этой же группе относятся материалы ревизий местных структур ВЧК, телеграммы с мест столкновений и разговоры по прямому проводу. Кроме телеграмм, исходивших от местных структур ВЧК, в делах сохранились телеграммы от начальника штаба особых войск ВЧК, Приволжского окружного военного комиссариата в ГубЧК и ряда других структур. Документы этой группы позволяют выделить и проанализировать два аспекта в истории местных подразделений ЧК. Первый аспект – специфика организационного строительства, кадрового аппарата, принятый уровень делопроизводства местных структур ВЧК; в них содержатся сведения о числе следственно-оперативных дел, их типах, а также личные данные о задержанных; даются сведения об общественных настроениях.

Второй аспект – оценка центральными и местными властями причин, хода, состава крестьянских восстаний в 1919–1920 гг. в Самарской (Чапанного восстания), Саратовской (в немецких колониях), Оренбургской, Уфимской губерниях, Башкирской республике. Наряду с докладами ГубЧК в центр в фонде ВЧК отложились помесечные доклады Башкирского ГПУ (1922), в которых содержится оценка социально-экономической действительности и отношения населения Башкирской республики к советской власти, а также освещаются катастрофические демографические потери, вызванные голодом; восстановлена структура Башкирской ЧК (ГПУ), ее кадровая укомплектованность; имеются данные о работе Политбюро в уездах с указанием численности личного состава и его партийной принадлежности; указано о процессе ликвидации политбюро; о создании и функционировании осведомительной сети. Важной особенностью данной группы документов является наличие предписаний центра и действительного опыта чрезвычайного управления на местах.

Так, в документах можно выявить информацию о влиянии военно-революционной обстановки, хозяйственной разрухи, кадрового голода,

⁸ *Мистрюгов П.А.* Местные чрезвычайные структуры советской власти в годы Гражданской войны. Самара, 2018.

восстаний на организацию ЧК, а также оформлении стратегии и тактики подавления крестьянских восстаний. Третья группа – протоколы заседаний губернских ЧК, постановления местных структур ВЧК. Документы данной группы позволяют восстановить информационно-учетную работу, группы поднадзорных, установить карточный метод учета. Кроме этого, они содержат данные о реорганизации системы военных трибуналов Заволжского военного округа, списки сотрудников. В этих видах документов имеются сведения о восстаниях и принятых мерах противодействия. Четвертая группа – информационные сводки, двухнедельные информационные сводки, сведения об арестованных, информационные бюллетени, информационные сведения о хозяйственных, людских ресурсах. Данные об арестованных предоставляют нам возможность выявить поименный состав с указанием на мотивы арестов, места службы арестованных, их профессиональный статус и избранные меры пресечения.

Сведения в информационных бюллетенях особого отдела Уфимской ГубЧК говорят нам об общественных настроениях и политики А.З. Валидова, о причинах дезертирства; данные в двухнедельных информационных сводках Саратовской ГубЧК позволяют рассмотреть меры по ликвидации Сапожковского восстания и общие настроения, динамику дезертирства, уголовного экстремизма, реакцию рабочих и крестьян на продовольственную политику, отношения большевиков с другими политическими партиями и группами. Пятая группа – местные газеты и вырезки из газет, в которых упоминаются расстрелянные ВЧК.

Опираясь на это многообразие документов, возможно проанализировать и сравнить становление и деятельность местных подразделений ВЧК в Поволжско-Приуральском регионе в 1918–1922 гг., выявить мотивы создания местных органов ВЧК, постоянные процессы реорганизаций, конкретизировать направления и методы деятельности, а также рассмотреть результаты их работы.

ДЖОН РЕСКИН: У ИСТОКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАДИКАЛИЗМА БРИТАНИИ

*Мокрецова Екатерина Николаевна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

«Достаточно открыть указатель произведений Рескина: неисчерпаемое разнообразие названий и, в еще большей степени, пренебрежение сведениями, однажды уже использованными, к которым он зачастую больше не возвращается уже никогда, создают впечатление чего-то выходящего за пределы человеческих возможностей, вернее, впечатление, что каждая книга написана новым человеком, вынесшим из того же опыта другое знание, человеком с иной жизнью»¹. Так описывал наследие Джона Раскина Марсель Пруст. Действительно, интерес к Рескину как авторитетному историку искусства вышел за границы эстетики и успешно охватил социально-политическую жизнь. Можно ли рассматривать Джона Рескина как отдельно стоящую фигуру политической философии и как оценить его вклад в традицию английского политического радикализма?

Впервые читатели узнали Рескина как автора оригинальной критики, а благодаря книгам, посвященным итальянскому искусству и архитектуре, его имя стало достоянием широкой публики. Уже в начале 1850-х гг. в его лице прерафаэлиты обрели влиятельного союзника и идейного покровителя. В произведениях прерафаэлитов Рескин нашел осуществление провозглашенного им принципа «верности Природе» – живое, творческое начало, идею правды естественного бытия. Философии реализма Джон Рескин оставался верен не только в искусстве, но и в жизни².

В 1860-х гг. художественный критик и историк искусства Джон Рескин решает освоить поле социальных вопросов. Он публикует четыре эссе, в которых не только ставит под сомнение основы современной организации труда, принципы политической экономии и устои викторианской этики, но и задумывается о справедливости, ценности личности и идеальном обществе.

Рескин атаковал политическую экономию XIX века главным образом на том основании, что она не признавала сложности человеческих желаний и мотиваций. Викторианская Англия была равнодушна к проявлению индивидуальности. Работник рассматривался как вид сырья, а худож-

¹ *Марсель Пруст. Памяти убитых церквей, Ad Marginem. М., 2016.*

² *Шестаков В.П. Английский акцент: английское искусство и национальный характер. М., 2000.*

ник – как производитель товара. Рескин, наоборот, ценил ручной труд, выступал за кустарное производство и противился промышленной революции: его книги печатались на ручном станке на бумаге ручной выделки. Протестуя против механизма капиталистического строя, Рескин убеждал: труд становится творчеством только тогда, когда человек видит и участвует в полном цикле производства. По мысли Джона Рескина, благо всех невозможно без блага каждого. Принципы солидарности и справедливости должны заменить дух вражды и соперничества³. Эти идеи оказались особенно востребованы в среде рабочего класса.

Рескину, выходящему из состоятельной среды, не испытывавшему бедности, удалось во взрослой жизни выстроить теорию социального равенства и необходимости образования для каждого, а затем вместе с союзниками и воплотить ее. Рескин был одержим идеей доступности знаний, потому написал самоучитель «Азы рисования» и издавал образовательный журнал для рабочих. А потом вместе с двумя единомышленниками создал колледж для рабочих, где они могли бы после окончания трудового дня получать необходимые знания абсолютно бесплатно. Колледж Рескина стал уникальным институтом внутри Оксфорда. Чтобы учредить такой колледж прямо в сердце университетской системы Англии, студенты развернули настоящую борьбу. Обучение в колледже было ориентировано на марксистскую литературу, интерпретированную в тред-юнионистском духе. А те, кто тверже всего стоял на идеалах тред-юнионизма и выступал за прикладное образование, выбрали противоположную стратегию. Отколовшись от оксфордской общины, они основали Плебс-Лигу – первый независимый трудовой колледж, дающий образование для представителей рабочего класса⁴.

Рескин оказал влияние на многих христианских социалистов, его идеи легли в основу работ экономистов Уильяма Смарта и Дж. А. Хобсона, а также позитивиста Фредерика Харрисона. Он смог вдохновить поселенческое движение в Великобритании и США. В Теннесси с 1894 по 1899 г. последователи английского мыслителя строили колонию, названную в его честь.

Правопреемником идеи Рескина о дегуманизирующем влиянии капитализма можно назвать Уильяма Морриса – основателя Социалистической Лиги, поэта, переводчика, издателя, архитектора и дизайнера. Опровергая обезличенное производство и разделяя веру Джона Рескина в превосходство товаров ручного изготовления, Моррис основал движение «Искусства и ремесла». В политическом курсе Моррис также исповедовал и развивал идеалы Рескина – сотрудничество, солидарность, социальная справедливость. Не меньшее влияние со стороны Рескина –

³ Unto this last and other writings / By John Ruskin ; Ed., with an introd., comment. a. notes, by Clive Wilmer. London etc., 1985. 362 p.

⁴ The English Radical Tradition and the British Left 1885–1945, submitted by Mr John Stephen Enderby [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/37878759/The_English_Radical_Tradition_and_the_British_Left_1885-1945 (дата обращения: 28.02.2019).

находился в переписке с искусствоведом и зачитывался его политическими эссе – испытал и Эдвард Карпентер. Эдвард Карпентер не только продвигал социалистические взгляды, но и стал одним из самых ранних левых активистов, борющихся за права людей.

Оскар Уайльд освободил систему взглядов Рескина от морализаторства, но сохранил ее фундамент. Идея о социализме как дороге к индивидуализму в «Душе человека при социализме» звучит гимном Рескину. Эстетизм Уайльда, безусловно, есть гипербола «верности Природе» Рескина. Что Уайльд перенял от Рескина без изменений, так это романтическую мечту о счастье человека, который в недалеком будущем осознает богатство своей души, станет действовать мудро, работать в гармонии с собой и миром⁵.

Сложно с уверенностью утверждать, состояло ли в отношениях преемственности с идеями Рескина Фабианское общество. Но его постулаты (ненасильственный, нереволюционный путь социальных изменений, постепенные преобразования, в том числе посредством распространения образования, а также социалистические взгляды на экономику) не могут показаться нам незнакомыми. Лейбористская партия, сформировавшаяся в интеллектуальной среде фабианского социализма, продолжила заданный курс. А первые партийные лейбористы цитировали Рескина едва ли не чаще, чем Маркса или Библию.

Как показывает генеалогия мысли, идеи Джона Рескина были универсальны не только по содержанию, но и по применению. Чудак и мечтатель Рескин будет востребован у благодарного английского народа как при жизни, так и в качестве классика социально-политической мысли. Тем не менее подлинную роль Рескина в становлении социалистического движения еще предстоит выяснить.

⁵ Социализм и душа человека / Оскар Уайльд. Санкт-Петербург: Сириус, 1907.

КРИТИКА ТЕОРИИ Т. МАЛЬТУСА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ГЕНРИ ДЖОРДЖА «ПРОГРЕСС И БЕДНОСТЬ»

*Нестеров Глеб Эдуардович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В истории очень важен фактор своевременности. Модное в XVIII–XIX веках словосочетание «Дух времени», о котором писал французский просветитель Вольтер, действительно обретает смысл, когда видишь, как то или иное событие приобретает необъяснимый рост под воздействием, казалось бы, случайных обстоятельств. Теория Мальтуса тому пример.

В книге «Наследники Мальтуса», советский демограф Яков Рубин пишет: «Буржуазия нуждалась в теории Мальтуса, и она появилась»¹. Начало XIX века было ознаменовано нарастающей силой буржуазии и разрушением феодальных пережитков. Политические потрясения в лице революций, экономические прорывы индустриализации способствовали утверждению нового буржуазного общества. В свою очередь стали заявлять о себе и те, кто по разным причинам не входил в этот «класс», как позже, с подачи французских историографов Ф. Гизо и О. Тьери, буржуазию назовет Маркс². Речь идет о нарастающем числе рабочих, интересы которых на протяжении всего XIX века будут противостоять интересам капиталистов.

В Англии, первой экономике мира того времени, проблема рабочих и связанный с ней вопрос бедности начали приобретать особую актуальность. Давление обретающего все более четкие грани капиталистического общества заставило трудовое население заявить о своих правах. Буржуазия и тесно связанная с ней правящая элита не могли игнорировать нарастающее напряжение. Нужно было принимать меры, что и было сделано с введением пособия для бедных. Однако подобные действия затрагивали материальное положение зажиточной прослойки общества. Нужно было искать иные пути сглаживания острых углов.

Примерно в это же время Гегель скажет: «Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов». Именно в таком ключе буржуазная наука пыталась найти аргументы для обоснования неизбежности пауперизма и защиты основ капиталистического общества. Теория английско-

¹ Рубин Я. Наследники Мальтуса. М., 1983.

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Госполитиздат, 1950.

го священника и ученого Томаса Мальтуса (1766–1834) оказалась подходящим решением.

На самом деле, новатором, а уж тем более «отцом демографии» Мальтус не был. Задолго до его произведения «Опыт о законе народонаселения», экономистами выдвигались идеи о биологической природе социальных процессов. Например, в конце XVIII века англичанин Джозеф Таунсенд, выдвинул идею о том, что природа имеет безраздельную власть над всем, что происходит в народонаселении. Однако доктрина Мальтуса обрела небывалый успех. Как отмечает американский политэконом, автор произведения «Прогресс и бедность» Генри Джордж (1839–1897): «Она (доктрина Мальтуса) провозгласила естественной причину нужды и страдания, приписать которые политическим учреждениям, значило бы осудить всякое правительство, при котором они существуют»³. Он также отмечает, что на этой ложной теории строится вся политическая экономия XIX века.

Сама доктрина довольно проста: численность населения постоянно растет, пока у нее есть средства к существованию. Первая увеличивается в геометрической прогрессии, вторые же – в арифметической. Эта диспропорция и приводит к неизбежно увеличивающейся бедности. Все это он подкрепляет впечатляющими цифрами. При этом существуют «предупредительные и разрушительные задержки, то есть, препятствия к неопределенному росту населения: первые он называет нравственными ограничениями рождаемости, вторые – причинами, увеличивающими смертность»⁴.

Отводя критике теории Мальтуса большую часть своего произведения, Генри Джордж дает ей политологическое объяснение: «...он (Мальтус) придумал благовидное основание для предположения, что некоторые имеют больше права на существование, чем другие, ... объявив, что рост народонаселения постоянно стремится вводить в мир человеческих существ, которым природа отказывает в продовольствии, и которые, следовательно, “не имеют ни малейшего права на какую-либо долю в существующем запасе средств существования”»⁵. На протяжении всего произведения ученый многократно возвращается с критикой к доктрине Мальтуса, рассматривая ее с различных точек зрения.

Сам же Генри Джордж полагал, что народонаселение никак не влияет на увеличивающуюся бедность (что и доказал, критикуя Мальтуса). Причиной нищеты является частная собственность, монополия на владение землей, право, которое не имеет никаких оснований. Именно в устранении частной собственности ученый видел истинное решение проблемы всеобщей нищеты⁶. Теория Мальтуса при этом – причина заблуждения экономистов, пытающихся найти решение проблемы пауперизма. Она,

³ Джордж Г. Прогресс и бедность. М., 1992.

⁴ Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. М., 1895.

⁵ Джордж Г. Указ. соч.

⁶ Джордж Г. Общественные задачи. М., 1907.

таким образом, удобная опора для буржуазии в ее противостоянии с обедневшими рабочими.

Генри Джордж говорит о связи теории Мальтуса с теорией заработной платы, которая получила неправильную трактовку под воздействием первой. Она утверждает, будто бы заработная плата зависит только от капитала и количества работников, между которыми он распределяется. Однако Генри Джордж опровергает эту теорию и выводит свою, утверждающую зависимость заработной платы от стоимости земли.

Подвергает он критике и попытку Мальтуса арифметически обосновать свою теорию, сравнивая ее с софизмом о зайце и черепахе. Причинами популярности этой теории Генри Джордж называет аналогии из животного мира и «несомненные факты – преобладание бедности, порока и страдания среди более плотного народонаселения». Более того, эта теория обрела популярность среди рабочих, страдающих от низкой заработной платы. «Что может казаться яснее того, что уж слишком-то много народу на свете?»

Генри Джордж выводит главную причину торжества этой теории. Он пишет: «...она не только не грозит какому-либо законному праву, не только не выступает против какого-либо могущественного интереса, но даже, напротив, чрезвычайно ласкает и успокаивает те классы, которые, владея силой богатства, в широкой мере властвуют и над мыслью». То есть положения этой доктрины были крайне удобным объяснением существующего неравенства и превосходства буржуазии. В этих слоях, как отмечает Джордж, был страх перед всяким выражением недоверия к существующей несправедливости, что было вызвано Французской революцией⁷.

Таким образом, какая-либо ответственность за нищету снималась с капиталистов и перекладывалась на естественный ход вещей. Возможность реформ при этом считалась бесполезной, так как никакое внешнее вмешательство не в силах исправить ситуацию. Генри Джорджем отмечается сложность опровержения теории Мальтуса из-за сильного ее укоренения в умах ученых, пригодности для использования политиками и простоты для понимания окружающей действительности населением.

Делая выводы, можно сказать, что Мальтус подарил буржуазии XIX века обоснование своего господства. Он обеспечил ей прочное научное, как полагали тогда основание, на долгое время избавив ее от посягательств со стороны других теорий, подобных тем, что в конце этого века предложил Генри Джордж, чувствуя и на опыте ощущая неизбежность кризиса буржуазных отношений.

В 1834 году в Англии был принят «Закон о бедности», радикально обостривший положение бедных слоев населения. В этом же году скончался Т. Мальтус, невольно показав этим, что его задача выполнена.

⁷ Джордж Г. Указ. соч.

**ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИНТЕРНА
НА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПОЛЬСКИХ И ЧЕШСКИХ
ИСТОРИКОВ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТ Ю. МАРХЛЕВСКОГО,
З. НЕЕДЛЫ И Я. ШВЕРМЫ)**

*Новикова Елизавета Ивановна
(Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации)*

В 1919 году начинает свою деятельность Коммунистический интернационал – международная организация, объединявшая коммунистические партии разных стран в 1919–1943 гг. Начало деятельности Коминтерна совпало с непростым, насыщенным социально-политическими событиями периодом. Тяжелые последствия Первой мировой войны: невиданные доселе человеческие потери, распад четырех огромных империй и череда революций. Все это оказало огромное влияние на умонастроение жителей Европы. Люди искали новые ориентиры, новые смыслы, так, в новообразованных независимых Республике Польша и Чехословакии, среди прочих, такими ориентирами выступали коммунистические идеи.

В межвоенный период в Польше и Чехословакии активно развивается национальная культура и наука. Общественно-политические события 1910–1920-х гг. вызвали глубокую рефлексию, потребность переосмысления и поиска новых подходов к пониманию событий прошлого. Октябрьская революция и деятельность Коминтерна оказали существенное влияние на общественно-политическую и историческую жизнь в Республике Польша и Чехословакии.

Цель данной работы, – проанализировав труды историков межвоенной Польши и Чехословакии, понять, как деятельность Коминтерна повлияла на их взгляды и методологические подходы в исторических исследованиях.

В данной работе рассмотрены труды, личности и судьбы таких польских и чешских историков, как Юлиан Мархлевский, Зденек Неедлы и Ян Шверма¹, так как они являются наиболее яркими и заметными среди представителей коммунистических взглядов.

Большое внимание польские и чешские историографы межвоенного периода уделяли темам, связанным национальной идентичностью: образование первых государств у западных славян; феодализм и вытекающие

¹ *Šverma J. Vybor z dila [Sverma, Jan]. 1 Praha, 1981.*

из него ослабление государства и потеря независимости; национальная борьба чехов и поляков за независимость и создание своего государства. Под воздействием Октябрьской революции в России и деятельности Коминтерна ученые связывали многие исторические проблемы с социальной борьбой. Ярко это проявилось, например, в труде Ю. Мархлевского «Очерки истории Польши»².

Интересны также личности и судьбы польских и чешских исследователей-коммунистов. Так, многие из них в межвоенный период подвергались критике в родных странах и даже были вынуждены иммигрировать, как, например, Зденек Неедлы, который, однако, не отказался от своих социально-политических воззрений³. Неедлы также был прекрасным музыковедом, что позволило ему при написании монографии о жизни и творчестве Бедржиха Сметаны⁴ еще более глубоко провести историческое исследование.

Примечательно то обстоятельство, что в начале деятельности Коминтерна взгляды его участников были достаточно схожи, многие ратовали за установление коммунистических режимов в своих странах и мировую революцию, к концу же 1920-х пыл от эйфории революционных перемен в Европе и мире стихает, и взгляды коммунистов-исследователей становятся более умеренными.

² *Мархлевский Ю.* Очерки истории Польши. Сочинения. Л., 1931.

³ *Sychra A.* Estetika Zdeňka Nejedlého. Praha: Československy spisovatel, 1956.

⁴ *Nejedlý Zd.* Bedřich Smetana 1–7. 1 / 2. vyd. Praha: Orbis, 1924–33 / 1950–54.

ПРОТОКОЛЫ ОБЩИХ ПАРТИЙНЫХ СОБРАНИЙ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Осина Ольга Владимировна

*(Российский государственный архив новейшей истории,
Московский Государственный Областной Университет)*

Период перестройки в настоящее время являются объектом пристального внимания историков, социологов, политологов. Очень часто дискуссии приводят ученых к противоречивым умозаключениям. Прежде всего это связано с тем, что большинство исследователей основываются на субъективном, личном восприятии не так давно прошедших событий. Перед историком встает чрезвычайно важная задача по сопоставлению различных источников, в первую очередь архивных, для выявления сущности произошедших событий. Отдел культуры ЦК КПСС являлся важнейшим звеном партийно-государственного аппарата, принципы работы которого отражали сущность функционирования советской системы в целом. Анализ работы этого Отдела позволит увидеть особенности официальной культурной политике, взаимодействия власти и органов культуры.

Первой пиковой точкой периода перестройки можно считать работу над Новой редакцией Программы КПСС, обсуждение которой в Отделе культуры¹ состоялось 28 ноября 1985 г. Проект новой редакции Программы партии в сфере культуры должен был реализовать задачи удовлетворения возросших культурных запросов общества. Литература и искусство получили более значимую роль в социальном и нравственном воспитании советских людей.

Ключевой проблемой, по мнению коммунистов Отдела Культуры ЦК КПСС, была проблема литературно-художественной критики. Некоторые считали, что критика не всегда чутка и внимательна. Нет определенности и принципиальности в анализе произведений, слишком разнятся оценки. Критика могла и должна была стать по-настоящему действенным фактором партийного влияния на литерально-художественный процесс.

Проанализировав материалы Отдела Культуры ЦК КПСС, можно однозначно сказать, что работники ЦК считали ускорение темпов культурного строительства, укрепление материальной базы культуры, особенно

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 74. Оп. 6. Д. 16. Л. 1–33.

на селе, в малых городах, в рабочих поселках, во вновь осваиваемых районах неперенным условием для реализации новой Программы партии. Также особого внимания требовали подведомственные организации, связанные с выполнением постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью». Поскольку на момент 1985–1986 гг. отсутствовала системность в работе с молодыми и наиболее перспективными авторами.

27 февраля 1986 г. на собрании Отдела культуры ЦК КПСС обсуждали критические замечания, высказанные в адрес Отдела в ходе работы XXVIII съезда КПСС.

На собрании признали проблему ослабления партийного влияния на развитие литературы и искусства. Постановление собрания обязало коммунистов отдела принять необходимые меры по усилению влияния на работу первичных партийных организаций сферы художественной культуры. Принимать личное участие в подготовке и проведении партийных собраний организаций и учреждений литературы и искусства, творческих союзов, заседаний коллегий министерств и ведомств. Разработать вопросы о развитии литературы и искусства в свете решений съезда для рассмотрения в ЦК КПСС.

На собрании призывали к активизации выступлений секретарей партийных организаций в печати. Это справедливо, ведь партия действительно стала проявлять особое внимание к практическим вопросам развития культуры. XXVIII съезд КПСС поставил перед творческими союзами задачу связи искусства с жизнью. Однако формы этих связей на момент 1985–1986 гг. не были нащупаны.

Особое внимание обращает на себя партийное собрание, которое состоялось 18 июня 1986 г. Повестка дня: «О работе коммуниста т. Юдина В.И. по рассмотрению писем трудящихся, адресованных XXVIII съезду КПСС»².

В отдел поступило 548 писем, адресованных съезду. В письмах высказывались предложения и замечания, направленные на улучшение организации труда, ставились вопросы усиления борьбы с бесхозяйственностью, хищением социалистической собственности.

Значительное число писем на съезд поступило по поводу трудовых споров и нарушений администрацией трудового законодательства. Все письма, поступившие на съезд, рассматривались непосредственно в секторах и подведомственных организациях с ответом в ЦК КПСС. Однако анализ писем показывает, что вопросы, поставленные их авторами, не всегда находили исчерпывающие ответы в органах культуры, что заставляло их вновь обращаться в ЦК КПСС.

10 сентября 1986 г. состоялось партийное собрание Отдела культуры ЦК КПСС, на котором обсуждался ход выполнения коммунистами Отдела решений июньского (1986 г.) Пленума ЦК КПСС.

Ключевыми вопросами Пленума, следовательно, и совещания отдела были вопросы материальной базы культуры. Это объясняется тем, что по-

² Там же. Л. 138.

сле XXVIII съезда КПСС был нанесен мощный удар по «остаточному» принципу финансирования и обеспечения ресурсами социально-культурной сферы.

Осенью 1986 г. шла работа над Целевой общегосударственной программой материально-технической базой всей социально-культурной сферы. Отмечалось, что ведомства давали свои предложения, не учитывая обстановку в смежных разделах культуры. Отсутствовала общая концепция развития культуры. Не было ни одного научного учреждения или отдела в НИИ, который бы занимался изучением культуры как единого целого.

Очевидно, что прежние формы контроля недостаточно эффективны. Они не могли обеспечить соблюдение плановой дисциплины.

31 марта 1987 г. в Отделе культуры состоялось собрание, посвященное подготовке к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции³. Постановление партийного собрания гласит следующее: Обеспечить на высоком идейно-художественном уровне проведение на Выставке достижений народного хозяйства СССР Дней союзных республик, посвященных юбилею, Дней литературы и искусства народов СССР в республиках, краях и областях, Всесоюзной художественной выставки в Москве «70 лет Великого Октября», праздничных концертов, фестивалей народного творчества. Предусмотреть издания лучших произведений советской литературы, создание новых спектаклей, кинофильмов, концертных программ. Использовать проводимые юбилейные мероприятия за рубежом для широкого показа достижений многонационального советского искусства⁴.

Однако в выступлениях коммунистов Отдела видно расхождение реального положения дел и задуманного. Не было столь масштабной пропаганды.

Следующие партийные собрания Отдела культуры были посвящены Пленумам ЦК КПСС, январскому (1987 г.) «О перестройке и кадровой политике партии»⁵ и октябрьскому (1987 г.).

Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС поставил задачу перестройки жизни советского общества, преодоления всех застойных явлений, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития советского общества. Анализируя работу советских министерств, ведомств, творческих союзов, собрание пришло к выводу, что многие из них действуют с опаской, с большой медлительностью, а порой и без основательного понимания дела.

Были единодушно одобрены положения доклада: «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

³ РГАНИ. Ф. 74. Оп. 6. Д. 126. Л. 37.

⁴ Там же. Л. 42–43.

⁵ Там же. Л. 53.

30 мая 1988 г. на повестку дня собрания партийной организации Отдела культуры были вынесены тезисы ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции и задачам коммунистов Отдела культуры⁶.

Тезисы являлись всеобъемлющей платформой для дискуссии по всем главным вопросам жизни советского общества. В них подводились итоги того, что было сделано партией за послание три года, давалась оценка перестройке.

Особое место в тезисах отводилось реформам политической системы общества. Отдел культуры отметил свою работу в области внедрения демократических форм самоуправления в журналах, проведения по-новому Пленумов творческих союзов.

Ключевым вопросам собрания был вопрос реорганизации Аппарата ЦК КПСС. Каким отделам быть, какие сектора оставить?

В конце 1980-х гг. общественно-политическое положение страны определяли задачи демократизации общества. В новых условиях перед партийным аппаратом стояла задача отхода от отраслевого принципа работы отделов, от подмены партией государственных органов, от исполнения административно-управленческих функций. Реорганизация аппарата ЦК КПСС была начата постановлением ЦК КПСС от 29 декабря 1988 г. «О предложении по структуре и штатам отделов ЦК КПСС», 13 ноября 1990 г. было принято постановление Секретариата ЦК КПСС «О структуре и штатах отделов и Управления делами ЦК КПСС».

⁶ Там же. Д. 227. Л. 71.

«АМЕРИКАНИЗАЦИЯ» КОММУНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ: ОПЫТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ США 1920-х гг.

*Петрова Юлия Владимировна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Коммунистическая партия Соединенных Штатов Америки возникла в августе 1919 года, спустя несколько месяцев после основания Коммунистического интернационала. Первым шагом к становлению самостоятельной организации коммунистического толка в США стало выделение левого крыла Социалистической партии в отдельную структуру. На протяжении первого десятилетия своего существования организация постоянно подвергалась репрессиям со стороны американских властей: попадая под определение «Красной угрозы»¹, Коммунистическая партия находилась вне закона и фактически ушла в подполье.

Новым стимулом к развитию организации стало, с одной стороны, укрепление Советского Союза, связанное с началом индустриализации и сопровождаемое интенсификацией распространения коммунистических идей в зарубежные страны. С другой стороны, свою роль сыграло ослабление повестки «Красной угрозы» и внимания к радикальным настроениям, вызванное ростом экономического благосостояния США в 1920-е годы. Изначально состоящая из представителей рабочих профессий, партия, тем не менее, была несколько изолирована от организованно-рабочего движения.

В 1920-е годы ситуация изменилась, а молодая организация начала расширяться и обретать поддержку новых слоев населения. В деятельности Коммунистической партии США активно принимали участие представители профсоюзов, темнокожего меньшинства, а также интеллектуальная элита Америки, а годы Великой Депрессии стали «Расцветом американского коммунизма»². Тем не менее именно первое десятилетие функционирования организации было озаменовано ее относительной

¹ *Schmidt R.* Red Scare: FBI and the Origins of Anticommunism in the United States, 1919–1943 // Museum Tusulanum Press, 2000. P. 291. URL: <https://www.open.org/download?type=document&docid=342368>

² *Klehr H.* The heyday of American communism: The depression decade. 1986. URL: <https://archive.org/details/heydayofamerican00kleh/page/n3>

независимостью от внешних сил, развитием внутренней структуры, основанной на демократических принципах³.

Примечательно, что современными исследователями ставится вопрос о противоестественности существования коммунистической идеологии в условиях капитализма Соединенных Штатов Америки. Джеймс Кэннон, один из лидеров Коммунистической партии США, подчеркивал, что в начале XX века в Америке предпринималось множество попыток создания новых партий и политических движений исключительно «американского толка», но все они не увенчались успехом. «Соединенные Штаты Америки являлись родиной выдающихся ученых, инженеров, спортсменов, экспертов, но век «интернационализма» не дал этой стране по-настоящему влиятельных политических мыслителей»⁴.

Более того, в первые годы существования Коммунистической партии США большинство ее членов составляли иммигранты⁵, которые стремились популяризировать идеи, привезенные из-за океана, адаптировать их для американского общества⁶. Несмотря на языковой барьер, незнание особенностей местной политической культуры, социальную изоляцию и отсутствие финансирования на первых этапах, иммигранты начали создавать организации левого, а после и коммунистического толка, печатать газеты и вести агитацию.

Таким образом, 1920-е годы стали переломными для закрепления коммунистической идеологии на американском континенте. Принесенные иммигрантами радикальные левые идеи нашли свое отражение в программных документах и деятельности Коммунистической партии США.

Постепенная адаптация данных идей впоследствии обеспечила организации рост количества ее последователей и включение в ряды членов новых, уникальных групп населения. Лидеры американского коммунистического движения, безусловно, равнялись на Октябрьскую революцию и ее великих лидеров⁷, но сумели превратить организацию в полноценного актора политической жизни США, тесно и органично включенного в американскую политическую систему.

³ Cannon J.P. American Communism and Soviet Russia by T. Draper review // International Socialist Review. Vol. 22. No. 1. 1961. P. 25–27. URL: <https://www.marxists.org/archive/cannon/works/1961/cpusa.htm>

⁴ Там же.

⁵ Zumoff J.A. The Americanization of the American Communist Party in the Early 1920s // Cercles. 2009. Vol. 19. URL: <https://www.cercles.com/n19/zumoff.pdf>

⁶ Draper T. The Roots of American Communism // JE Haynes and H. Klehr, 'The Historiography of American Communism: An Unsettled Field', Labour History Review. 2003. P. 32. URL: <https://libcom.org/files/Theodore%20Draper%20The%20Roots%20of%20American%20Communism%20%202003.pdf>

⁷ Cannon J.P. Op. cit. P. 25–27.

КАРИКАТУРЫ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ КАК СРЕДСТВО ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пименов Олег Владимирович
(Волгоградский государственный университет)

В Первой мировой войне впервые нашли применение многие виды вооружения. Но не только силой оружия пытались добиться победы противоборствующие державы. Особую роль играла информационная война, большое значение в которой имели разнообразные средства пропаганды, в особенности карикатуры. Они создавались с целью поднятия боевого духа армии и усиления патриотических чувств у гражданского населения. В них изображались саркастические образы вражеских армий, правителей и политиков, а также восхвалялась собственные войска и державы.

Проблема использования карикатур как средства пропаганды уже привлекала исследователей Первой мировой войны. Так В.И. Баяндин и А.В. Запорожченко рассмотрели карты-карикатуры Англии, России и Германии, выявили характерные для них образы¹. Весомый вклад в изучение проблемы внес Д.Е. Цыкалов, им проанализированы образы врага и основные мотивы в карикатурах России, Германии, Англии². Т.А. Филиппова рассмотрела отражение Османской империи и турок в русских карикатурах³. В работе Х.В. Яна проанализированы наиболее характерные отрицательные качества и различные прозвища немцев в России⁴. Проблемы информационной войны и формирования образа врага в Первой мировой войне нашли отражение в работах М.В. Васильева⁵,

¹ *Баяндин В.И., Запорожченко А.В.* Географические карты в борьбе с противником накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 79–95.

² *Цыкалов Д.Е.* Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 1. С. 85–90.

³ *Филиппова Т.А.* Кавказский фронт Первой мировой войны в карикатурах // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2015. № 1. С. 74–95.

⁴ *Ян Х.Ф.* Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г.: материалы Меж. кол., 12–15 июня 1995 г. / под ред. С.И. Потолова. СПб., 1997. С. 379–396.

⁵ *Васильев М.В.* Информационные войны Первой мировой. 1914–1918 гг. URL: <https://www.simvolika.org/vv060.htm>

К. Вашика⁶. Несмотря на это, на сегодняшний день еще не все имеющиеся карикатуры рассмотрены и проанализированы учеными; нет четко сформулированной типологии карикатур; недостаточное внимание уделено дипломатическим карикатурам. Этим проблемам и посвящена данная статья.

Российские и Германские карикатуры периода Первой мировой войны богаты на образы и сюжеты – это позволяет разбить их на несколько групп.

Первый тип карикатур – карты-карикатуры. Задача данных карикатур заключалась не только в высмеивании противника, но и в формировании образа опасного врага. На германских картах-карикатурах Российская империя, как правило, изображалась в образе сельского мужика или медведя.

Российские карты-карикатуры были менее богаты на образы. Как правило, державы на них обозначались в человеческих образах. На одной из карт Николай II, которому сопутствует богиня Победа, протыкает шпагой Германию в образе разъяренного быка. Название карты «Война освободительница 1914–1915 гг.» подчеркивало грядущее освобождение Европы от «немецкого ига».

Карикатуры второй группы посвящались успешным военным операциям. В Германии наибольшей популярностью пользовались сюжеты о сражениях в Восточной Пруссии. Общим для этих карикатур являлось то, что они показывали глупость и отсталость царской армии.

Некоторые военные события Первой мировой войны нашли свое отражение и в российских карикатурах. На одной из карикатур показано неудачное немецкое наступление на Варшаву в октябре–ноябре 1914 г. Немец пытался испить «кофе по-Варшавски», но обжегся и выронил свою кружку.

Характерно, что в российских карикатурах также отображены победы союзников. Карикатура 1914 г. демонстрирует неудачное наступление немцев на Париж. Германия в образе лисы получила отпор от французской артиллерии.

Следующая группа карикатур высмеивала вражеские армии. В Германии офицеры российской армии изображались с кнутом или пистолетом, с помощью которых они гнали солдат в бой. Российские солдаты часто изображались в образе бескультурных пьяниц.

Особой популярностью в карикатурах пользовался медведь, с которым ассоциировалась Россия. На одной из таких карикатур – медведь пытался что-нибудь украсть у немцев, которые, в свою очередь, давали отпор зверю.

Российские карикатуры стремились восхвалить свою армию, показать ее доблесть, в связи с чем большее внимание уделялось образу российских солдат: храбрых и находчивых.

В тоже время российские карикатуристы не прошли мимо бесчестных методов ведения войны со стороны Германии. Карикатура «Не для нас

⁶ *Вашик К.* Метаморфозы зла. Образ врага в немецком и советском плакате // Родина. 2002. № 10. С. 14–17.

написано» демонстрирует, как немецкий солдат перечеркивает 10 заповедей Божьих по приказу Вильгельма II.

Следующий тип карикатур обличал правителей вражеских государств. Стоит различать карикатуры, цель которых обозначить какие-либо события через изображение императоров, и карикатуры, которые созданы непосредственно для высмеивания правителей.

В Германской империи Николая II окрестили не иначе как предателем Священного Союза. На одной из карикатур Вильгельм II был изображен в образе Христа, а Николай II был показан в качестве Иуды Искаротиота.

В России излюбленной мишенью для насмешек был Вильгельм II, чьи пороки нещадно высмеивались. Он изображался в самых разнообразных образах: антихрист, черт, пес, лиса.

Отдельной группой карикатур можно считать дипломатические карикатуры, которые давали характеристику военным союзам и державам.

Образ России в немецких карикатурах, направленных против Антанты, свидетельствует о том, что немцы видели в России равноправного участника Антанты. Одна из немецких карикатур изображала противников Германии, стоящих по стойке смирно перед немецким солдатом, а возглавлял шеренгу российский солдат. Шеренга сопровождалась надписью: «Банда грабителей».

Не обошли стороной немецкие карикатуристы тему дружбы России с Сербией. На одной из немецких карикатур было показано, как немецкие солдаты гонят прочь Николая II на спине, которого сидит Сербия в образе вши.

Главным лейтмотивом российских карикатур о Четверном союзе была зависимость союзников от Германии. Любимым мотивом карикатуристов была езда Германии верхом на своих союзниках, так же, как правило, Германия превосходила их в росте. Германию и ее союзниц часто называли бандитами и разбойниками.

Вступление Турции в войну на стороне Германии сделало ее мишенью для карикатур. Турцию изображали в качестве марионетки Германии. На карикатуре «Танец Турецкой обезьяны» изображены правители Австрии, Германии и Турции, причем Вильгельм II самый высокий на карикатуре держит на поводке Мехмеда V, который заметно уступает в росте, следовательно, и в силе, своим союзникам.

В 1915 г. в войну на стороне Германии вступила Болгария. В России многие расценили это как предательство по отношению к славянам. Неудивительно, что Болгарию в карикатурах представляли в виде алчных персонажей, готовых выступить на стороне тех, кто больше заплатит.

Российские и германские карикатуры демонстрируют устойчивость многих стереотипов о России и Германии: отсталость России, агрессивность Германии, повальное пьянство в армиях. Помимо этого, в карикатурах нашли отражение многие события Первой мировой войны: сражение на Восточном и Западном фронтах, вступление в войну различных держав, бесчестные методы ведения войны и т. д. Карикатуры в годы Первой мировой войны способствовали формированию общественного мнения в России и Германии и укоренению в обществе негативных стереотипов о своих противниках.

«РЕСПУБЛИКИ НЕ БУДЕТ». ЕВРЕЙСКАЯ АО И ЕЕ ПУТЬ К САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В 1990–1991 гг.

*Пищук Матвей Дмитриевич
(Государственный архив Российской Федерации,
Российский государственный гуманитарный университет)*

Еврейская автономная область (далее ЕАО) – единственная в РФ автономная область (далее АО), так и не ставшая республикой. В данной статье автор пытается ответить на два основных вопроса: 1) как и почему руководство ЕАО хотело получить статус республики? 2) почему ЕАО обрела самостоятельность, но не стала республикой?

События в ЕАО в 1990–1991 гг. мало исследуются и излагаются в изданиях очень кратко, и возникает ощущение, что принятие решения о самостоятельности ЕАО было единогласным. Однако это было не так. Принятие 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР запустило процесс принятия аналогичных документов в регионах. К концу 1990 г. все автономные республики (далее АР), а также все АО, находящиеся в составе краев, кроме ЕАО, провозгласили себя Советскими Социалистическими Республиками (далее ССР) в составе РСФСР.

15 декабря 1990 г. Съезд народных депутатов РСФСР принял поправки к Конституции РСФСР 1978 г.¹, признавая право АО на самостоятельность. После этого на 4-й сессии Совета народных депутатов ЕАО (далее областной СНД) был поставлен вопрос о выходе ЕАО из состава Хабаровского края, а также составлен проект Декларации, предусматривающий создание ЕАССР.

Вопреки ожиданиям руководства ЕАО население оказалось против этой инициативы. С.В. Нарутто писала: «...проект [Декларации] был подготовлен сугубо “верхушечно” и кабинетно. ... [ему] не предшествовали ни научное обоснование, ни анализ... последствий, ни социологические опросы, ни обсуждение в СМИ...»².

Из-за отсутствия поддержки населения разработанный проект не был принят. Следующая попытка создать ЕАССР произошла в мае 1991 г. 5 апреля было принято Постановление ВС РСФСР «Об основ-

¹ Закон РСФСР от 15.12.1990 № 423-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 29. Ст. 395.

² *Нарутто С.В.* Конституционно-правовой статус края как субъекта Российской Федерации: На примере Дальневосточного региона // дисс. ... канд. полит. наук. М., 1997. С. 45.

ных началах национально-государственного устройства РСФСР»³, признававшее право выхода АО из состава краев. В связи с этим в мае на 6-й сессии областного СНД был одобрен проект Закона РСФСР, предусматривающий выход из состава Хабаровского края.

В ответ на это Хабаровский краевой СНД направил в ВС РСФСР обращение с просьбой отложить рассмотрение вопроса о выходе ЕАО из состава края до проведения референдума. Затем в июне СНД Облученского, Смидовичского и Ленинского районов ЕАО выразили свое несогласие с выходом ЕАО из состава Хабаровского края, и потребовали повторного обсуждения вопроса, в противном случае районные СНД угрожали принять решения о переходе районов в юрисдикцию Хабаровского края⁴.

Из-за сопротивления районных СНД руководство ЕАО вновь не смог выйти из состава Хабаровского края и стать самостоятельным субъектом. Этот факт был отражен в поправках в Конституцию РСФСР от 3 июля 1991 г.⁵, закрепивших то, что все АО, кроме ЕАО, стали ССР в составе РСФСР.

В октябре 1991 г. начался третий этап противостояния. На 25 октября было решено собрать 8-ю сессию областного СНД с целью принять решение в пользу создания ЕАР. 23–24 октября Ленинский и Смидовичский районные СНД выразили свое несогласие с постановкой вопроса по образованию ЕАР, и потребовали снять вопрос с повестки, вновь угрожая выходом из состава ЕАО⁶.

Несмотря на эти угрозы областной СНД принял Декларацию о государственно-правовом статусе ЕАО (за высказались 57 депутатов, против – 27, воздержались – 4)⁷. Было решено обратиться в ВС РСФСР с целью утвердить решение о повышении статуса ЕАО.

Грубое игнорирование мнения населения и решений районных СНД вызвало всплеск недовольства. В начале ноября Октябрьский и Смидовичский районные СНД снова выразили свое несогласие с решением областного СНД: началась подготовка документов для обжалования этого решения в Верховном и Конституционном судах РСФСР; были отправлены обращения в ВС РСФСР⁸. Одновременно Президенту РСФСР были отправлены десятки телеграмм от трудовых коллективов и жителей районов с выражением несогласия с решением областного СНД, просьбой не допустить одобрения этого решения и требованием провести референдум⁹.

³ Постановление СНД РСФСР от 5.04.1991 № 1016-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 501.

⁴ ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 39, 77–81.

⁵ Закон РСФСР от 03.07.1991 № 1540-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 27. Ст. 935.

⁶ ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11; Там же. Л. 21–22, 38.

⁷ Там же. Л. 28.

⁸ Там же. Л. 24а, 33–34, 37.

⁹ Там же. Л. 53–68.

ВС РСФСР долго откладывал решение вопроса о повышении статуса ЕАО. Важное значение имело вмешательство в происходящее Госкомнаца РСФСР, группа экспертов которого работала в Хабаровском крае с 28 ноября по 6 декабря 1991 г. В отчете группы отмечалось, что областной СНД проигнорировал требование населения о проведении референдума¹⁰; ею были выявлены основные аргументы сторонников и противников повышения статуса ЕАО¹¹; была проведена работа по подборке мнений жителей ЕАО из газеты «Биробиджанская звезда» за ноябрь 1991 г. На страницах газеты местные жители писали: «/1/...республика нужна вам, господа депутаты, для того, чтобы выйти из состава РСФСР и обеспечить плацдарм для Израиля на Дальнем Востоке.../2/ ради каких евреев мы будем создавать республику?.../3/...Не отделится ли Республика от России?...»¹².

В своем отчете группа Госкомнаца РСФСР не только указала на необходимость провести широкую разъяснительную работу среди населения, но и предложила отложить рассмотрение в ВС РСФСР вопроса о статусе ЕАО до выяснения мнения населения путем опроса или референдума¹³.

К сожалению, ни работы с населением, ни референдума проведено не было. Важно, что еще 25 октября 1991 г. был подписан Указ Президента РСФСР¹⁴, который в косвенной мере отразил признание самостоятельности ЕАО. К концу 1991 г. Президент РСФСР все-таки одобрил Декларацию о государственно-правовом статусе ЕАО (она получила статус самостоятельного субъекта, но осталась АО). 31 марта 1992 г. ЕАО подписала Федеративный договор с РФ на правах самостоятельного субъекта.

ЕАО стала единственным субъектом РСФСР, в котором население не одобрило повышение статуса и самостоятельность. Нежелание людей провозглашать республику имело под собой несколько причин: 1) малая численность «титовного» еврейского населения (96 % населения русские, 3 % евреи); 2) в условиях распада СССР многие люди воспринимали провозглашение республики как «соучастие» в ослаблении и разрушении единой страны, шаг к выходу из ее состава; 3) страх русского населения ЕАО оказаться в «плену национальной территории»; 4) экономическая слабость ЕАО делала ее крайне зависимой от сложившихся связей с Хабаровским краем; 5) руководство ЕАО хотело без участия населения решить вопрос о создании республики.

При этом важно, что, выступая против повышения статуса и самостоятельности, население и районные СНД требовали референдум, который, по их мнению, и должен был раз и навсегда решить эти вопросы.

¹⁰ Там же. Л. 28–32.

¹¹ Там же. Л. 29–30.

¹² Там же. Л. 30–31.

¹³ Там же. Л. 31.

¹⁴ О представителях Президента РСФСР в краях, областях и автономных округах РСФСР [Электронный ресурс]: Указ Президента РСФСР от 25.10.1991 № 159 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Кодекс».

Почему же руководство ЕАО так стремилось повысить статус субъекта и получить самостоятельность? Причин могло быть несколько: 1) получение ЕАО финансовой независимости; 2) новый статус мог привлечь внимание международного сообщества и зарубежные инвестиции; 3) Номенклатурные интересы: обладание собственной структурой власти и возможность продвигать в ней свои интересы в условиях новой России.

Решение по ЕАО принималось руководством РСФСР довольно долго. Проблема была в том, что ситуация в ЕАО до конца 1991 г. не имела «выгодного решения»: согласие на создание республики означало бы игнорирование мнения населения и конфронтацию с руководством Хабаровского края, а согласие на референдум могло привести к нежелательному прецеденту: население ЕАО могло не только отказаться от повышения статуса, но и пожелать присоединиться к Хабаровскому краю.

Только к концу 1991 г. Президент РСФСР утвердит самостоятельность ЕАО без республиканского статуса. Несмотря на внешний компромиссный характер, решение игнорировало основные претензии населения, поскольку оно выступало не только против повышения статуса АО, но и против самостоятельности. Вопреки всему, что происходило в это время в стране, население требовало референдум, на котором вполне возможно население выступило бы против самостоятельности.

Подводя итог, следует сказать, что основная цель статьи была показать уникальный прецедент в истории нашей страны, необычный для той эпохи. Раскрывая проблемы принятия решения о самостоятельности ЕАО в 1990–1991 гг., можно увидеть корни многих современных проблем и попытаться найти способ их разрешения с учетом исторической специфики региона.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИЦЕЙСКАЯ РЕФОРМА 1837 г. В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

*Плех Олеся Анатольевна, к.и.н.
(Институт российской истории РАН)*

В июне 1837 г. были высочайше утверждены законоположения¹, вступавшие в силу с 1 января 1838 г. и имевшие целью, во-первых, ввести «правильнейший и удобнейший порядок» в деятельности гражданских губернаторов и губернских правлений, во-вторых, предложить меры «для лучшего, сообразнейшего с умножившимся народонаселением устройства земской полиции»². Комплекс этих мероприятий, который мы условно определяем как административно-полицейская реформа, довольно хорошо известен исторической науке³. В настоящем исследовании предпринимается попытка отразить реакцию местного общества на изменения в деятельности полицейских учреждений. Источником послужили материалы, представленные в феврале 1839 г. на рассмотрение шефа жандармов А.Х. Бенкондорфа начальником 2-го округа корпуса жандармов генерал-майором С.В. Перфильевым⁴.

В 1838 г., когда «новые постановления» были введены в практику местного управления и оказались предметом оживленных разговоров, Перфильев потребовал от губернских штаб-офицеров «обстоятельно» уведомить его «о суждениях и толках в обществах», а также представить собственное их мнение о «пользе и удобстве или затруднениях», которыми сопровождалось внедрение нововведений⁵. Сбор сведений производился в пределах 2-го округа корпуса жандармов, в который входили губернии Центральной России. Ввиду специфики деятельности жандармов на местах поступившие к Перфильеву сведения, в первую очередь, отражали взгляд чиновничества и дворянства.

¹ «Общий наказ гражданским губернаторам», «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях», «Положение о земской полиции», «Наказ чинам и служителям земской полиции», «Положение о земской почте». См.: ПСЗ-2. Т. 12. Отд. 1. № 10303–10307.

² Там же. № 10303. С. 361.

³ См., например: *Анушин Е.Н.* Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872; *Тот Ю.В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. СПб., 2002 и др.

⁴ См.: ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 14. Д. 44.

⁵ Там же. Л. 1 об.

При общем одобрении стремления верховной власти приступить к решению назревших проблем и упорядочить деятельность административно-полицейских учреждений обсуждение нововведений сводилось к их недостаткам, которые, как представлялось, нивелировали положительный эффект предпринятой реорганизации. Попытаемся выделить общие по всем губерниям замечания.

При обсуждении «Наказа губернаторам» подчеркивалось, что объем обязанностей начальника губернии чрезвычайно обширен; на него возложен «высший надзор за скорым отправлением правосудия и немедленным исполнением всех законных постановлений и требований»⁶, однако его полномочия остались прежними и явно недостаточными, чтобы в полной мере «охранять святость законов» и оказывать влияние на губернские судебные и правительственные места. При этом в «Наказе» подчеркивалась ответственность губернатора, как хозяина губернии, за состояние местного управления. В этой связи особое внимание привлекли новые правила передачи управления губернией: губернатор, оставляющий должность, обязан был представить подробный и точный отчет о состоянии губернии, а вновь назначенный губернатор – произвести ревизию и представить императору свой отчет о том, в каком положении принята губерния. Для министерства эта процедура воспринималась не только как возможность усиления контроля за местной администрацией, но и как мера противодействия фальсификации отчетной документации. Однако сами губернаторы, прекрасно понимая намерения правительства и опасаясь негативных последствий, сетовали на то, что назначаемые им на смену лица могут по неопытности или из личных побуждений в своих отчетах «представить все прежнее управление в дурном виде, и тем помрачить [их] репутацию»⁷.

При обсуждении нового устройства губернских правлений высказывались опасения, что оно не достигнет цели упорядочения и сокращения документооборота. Связывалось это с тем, что, с одной стороны, усложнились правила делопроизводства, подробно регламентировался порядок составления документов, вводилась строгая отчетность, что, конечно, не должно было оставить ни одну бумагу «без движения», но с другой – не предполагалось увеличение штата канцелярии, что на практике не могло позволить своевременно давать должное направление к исполнению поступающих бумаг с соблюдением всех установленных правил. Более того, отмечалось, что «распределение дел в губернском правлении составлено не по роду их и не по силам чиновников»⁸. Речь шла о том, что в составе учреждения выделялось четыре отделения, но только в первом, возглавляемом вице-губернатором, полагалась должность секретаря, в прочих же, действовавших под руководством советников, организация делопроизводства возлагалась на столоначальников. Такое внутреннее

⁶ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 14. Д. 44. Л. 19 об.

⁷ Там же. Л. 24 об.

⁸ Там же. Л. 4.

устройство могло быть полезным лишь в том случае, если бы все советники были «люди совершенно знающие законы и дело, и умеющие сами писать всякие распоряжения, не вверяя того столоначальникам»⁹. Однако, учитывая сложившиеся традиции управления, когда составление бумаг полностью вверялось канцелярии, и низкий уровень квалификации местных служащих, в том числе и советников, отмечалось, что правильность и успешность в производстве дел будут зависеть единственно «от ума и произвола едва знающих еще гражданскую службу столоначальников»¹⁰.

Особое беспокойство на местах вызывал статус вице-губернатора и советников губернского правления, что вылилось в рассуждения по поводу престижности и значения этих должностей в системе местного управления. Указывалось на то, что звание вице-губернатора «унижено меньшим окладом жалованья, неимением от казны помещения, или квартирных денег, и совершенной зависимостью от лица губернатора»¹¹. Он считался помощником и первым заместителем губернатора, а по роду дел и занятий не отличался от других советников губернского правления, и потому не мог иметь «надлежащее влияние» в губернии. Схожие суждения наблюдались и относительно советников губернского правления, которым назначалось жалованье меньшее, чем у советников палат (что представлялось несправедливым), и которые не получили «того значения и достоинства, в каком поставлены они законом»¹².

Пожалуй, наибольшую дискуссию на местах вызвала реорганизация земской полиции. Во-первых, упразднение выборных дворянских заседателей было воспринято благородным сословием как ущемление их корпоративных интересов. Во-вторых, должность станового пристава представлялась не просто малопривлекательной, а несоответствующей достоинству честного человека. Становому приставу, при низком классе должности (X) с весьма скромным жалованьем, вверялся обширный круг обязанностей, которые он должен был исполнять «собственно своим лицом», не имея ни помощников, ни канцелярии. При этом выделение станов производилось без учета особенностей местности и численности населения. Местопробыванием станового пристава назначалось одно из селений стана, откуда он мог отлучаться только для осмотра вверенной территории и проведения следствий и где должен был самостоятельно организовать ведение делопроизводства. Из выделяемых сумм на канцелярские расходы разрешалось нанять одного «вольного» писца, должность которого не считалась в государственной службе и, соответственно, не приносила служебных преимуществ и не предполагала ответственности. По общему суждению несопоставимые с человеческими возможностями задачи станового пристава неизбежно должны были сопровождаться упущениями по службе и привлечением к ответственно-

⁹ Там же. Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 21 об.

¹¹ Там же. Л. 2 об.

¹² Там же. Л. 6.

сти, что в конечном итоге заставит достойнейших и честных чиновников уклоняться от принятия на себя этого звания, а губернскому правлению придется назначать лиц неспособных и слабой нравственности. Для таких людей обособленная от земского суда служба без непосредственного надзора начальства, с правом окончательно решать дела по искам, ценой не выше 10 руб., предоставит широкие возможности для злоупотреблений¹³. В качестве необходимых мер высказывались предложения назначить станы «сообразно с обширностью и населением», повысить класс и оклад становых приставов, снабдить их краткой, но полной инструкцией, разъясняющей компетенцию, определить к ним штатных помощника, письмоводителя и писцов. Повсеместно признавалось, что в противном случае полезнее было бы оставить земские суды на прежнем основании.

Подводя итог, отметим, что даже не самые значительные изменения в работе местных учреждений вызвали оживленное обсуждение и сопровождалось неоднозначными оценками последствий практической реализации нововведений. Далеко не все из них признавались полезными для системы управления и совершенно справедливо были отмечены многие недостатки реформы. При этом недовольство в среде чиновничества вызывало стремление правительства к обеспечению строгого соблюдения законности и усилению отчетности должностных лиц без соответствующего материального обеспечения их службы, повышения окладов и поддержания престижности должностей. Сформировавшиеся к этому периоду устойчивые представления служащих о справедливости оплаты труда и ее соразмерности званию, уровню ответственности, объемам и сложности выполняемой работы во многом определяли их отношение к происходившим изменениям.

¹³ Все опасения, зафиксированные в жандармских донесениях, оправдались уже в ближайшие годы. Подробнее см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 15. Д. 61. Ч. 1–2.

**С.А. МУРОМЦЕВ И Ф.А. ГОЛОВИН:
ДВА ПОДХОДА К УПРАВЛЕНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ**

*Погорельский Дмитрий Михайлович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В современном государстве важное место в поддержании механизмов демократии, реализации гражданских прав и осуществлении контроля занимает институт парламентаризма. Изучение истории функционирования российского парламента вообще и взаимодействия отдельных личностей с институтами представительства в частности может помочь глубже разобраться в формах управления и особенностях Государственной Думы.

С.А. Муромцев и Ф.А. Головин как политики имели ряд общих черт: юридическое образование Московского университета, членство в кадетской партии и ее ЦК, активное участие в земском движении. Оба председателя активно сотрудничали в период своей деятельности: вместе с другими кадетами готовили замечания к проекту «Основных законов»; Муромцев после избрания Головина был первым, кто нанес ему поздравительный визит, а Головин следовал многим советам предшественника, будучи главой Думы¹.

Все это, однако, не дает повода утверждать, что методы и формы управления Думой у обоих деятелей были идентичны и взаимозаменяемы. Произошедшие изменения в самой политической системе, различные начальные ресурсы и позиции, а также личностные качества и их восприятие окружающими позволяют говорить о существовании двух уникальных комбинаций стилей управления.

С. Муромцев был видным теоретиком-правоведом, обладал большим опытом преподавания и выступлений в земских органах, имел опыт редакторской работы. О его талантах руководства большими собраниями современники знали по его председательству в Юридическом обществе². Ф. Головин же хоть и ему уступал по известности и своим качествам, имел большой опыт публичной работы и политической социализации. До избрания он занимал должность гласного Дмитровского земства, являлся главой Московской земской управы и Бюро земских и городских съездов.

¹ Записки Ф.А. Головина // Красный архив. Т. 19. 1926. С. 117–118.

² *Кизеветтер А.А.* Сергей Андреевич Муромцев Председатель Первой Государственной Думы, 2-е изд. М., 1918. С. 7.

Современники также воспринимали двух деятелей не одинаково. Если Муромцева избрали, потому что он буквально всю жизнь готовился к тому, чтобы быть авторитетным и ярким символом молодого российского парламентаризма³, питал предрасположенность к формальностям⁴, то выбор Головина обуславливался тем, что он устраивал своей нейтральностью «объединенную думскую оппозицию», был «джентльменом», с его именем связывалось представление о «прогрессивном земском и общественном деятеле»⁵. Сами кадеты считали избрание председателем «сравнительно удачным»⁶. Но невозможно было избежать сопоставления второго председателя Думы с первым. Так, отмечались его «бесцветность»⁷ по сравнению с предшественником, недостаток лидерских качеств, комичность поведения, политическую наивность. В печати открыто писали или намекали на его слабые ораторские качества⁸.

Все это, а также изменившееся соотношение сил в Думе (ее «полевение» и общее ослабление центра) сразу сказались на соотношении голосов в пользу кандидатуры Головина, а значит и его легитимности (356 голосов за Головина и 426 за Муромцева)⁹. Поменялись цели и задачи входивших в Думу политических групп. Главной целью сместившихся в центр кадетов было формирование работоспособного большинства и оттягивания казавшегося неизбежным роспуска – процесс «бережения». Соответственно и на председателя возлагалась задача всячески этому способствовать и как можно корректнее вести заседания, пресекая провокаторские и резкие выступления левых и правых и не давая поводов для роспуска или серьезного раскола. Для Муромцева же требовалось не беречь Думу, а только создать ее: установить процедуры, структуру, внутренние и внешние коммуникации, дать образцы поведения¹⁰. Можно утверждать, что оба председателя придерживались одного взгляда: создать, развить и сохранить Думу. При этом Муромцев шел на компромиссы для упрочения институтов и процедур, а Головин использовал их для достижения компромиссов.

Так, по инициативе Головина был создан новый орган – Совет старейшин, который ускорил общую работу Думы, это повлекло за собой

³ Кошкидько В.Г. Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905–1907 гг.). М., 2000. С. 148–149.

⁴ Маклаков В.А. Первая Государственная Дума. Воспоминания современника. Париж, 1939. С. 54.

⁵ Члены 2-й Государственной думы. СПб., 1907. С. 47.

⁶ Каминка А.И., Набоков В.Д. Вторая Государственная Дума. СПб., 1907. С. 111.

⁷ Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. Воспоминания современника. Париж, 1940. С. 67–69.

⁸ Синодик членов второй Государственной думы. Вып. 1. СПб., 1907. С. 39.

⁹ Кошкидько В.Г. Указ. соч. С. 85.

¹⁰ Чехарина В.И. С.А. Муромцев – председатель первой Государственной Думы // Труды Института государства и права РАН № 5. 2015. С. 194.

развитие межфракционных каналов связи, облегчение нахождения консенсуса. Муромцев часто смотрел сквозь пальцы на выступления депутатов, иногда не соблюдал интересы меньшинства, шел на соглашение с левыми для оттачивания процедур, установления практики и нормативной базы – Наказа.

Для обоих председателей цена ошибки и масштаб последствий были значительны (ничего не создать или потерять уже установленное). Из-за отсутствия долгой истории и традиций парламентаризма обострялся субъективный фактор – степень вмешательства личных ценностей и представлений, особую роль приобретали оперативные интуитивные беспрецедентные решения. Здесь находится еще одно сходство председателей – аполитичность и внефракционность. По разным причинам Муромцев и Головин были техническими лицами, занимая официальные должности. Первый, исполняя свою роль, был «ненаходчив», долго реагировал, смотрел на все свысока¹¹. Второму кадеты доверили быть только «фронтменом», а техническую работу возложить на Н. Тесленко. Но этот план не воплотился в жизнь, и вся задача помощи Головину легла на секретаря Думы – М. Челнокова¹².

Резюмируя, можно сказать о схожести первых председателей. Перед обоими стояла цель развития отечественного парламентаризма как части либеральной идеологии правового государства. Но у каждого был свой собственный подход к руководству собранием: стратегическая опора на соглашения для создания нормативно-процессуальной основы или тактическое использование думских механизмов для достижения компромисса. Следуя порядку установленных ранее действий и программе выдвинувшей их фракции, они являлись номинальными и консенсуальными лидерами с чертами «успокоителя» и «служителя».

При обладании большим опытом общественной и публичной деятельности Муромцев и Головин использовали имеющиеся у них возможности для институционализации и стабилизации Думы и всей политической системы. Опыт взаимодействия этих личностей, представителей определенного сегмента общества, с обществом в целом и государством иллюстрирует роль субъективного фактора истории в комплексе с определенными предпосылками, статусом-кво.

¹¹ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 81.

¹² Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. М., 2001. С. 47.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПУТЕШЕСТВИЙ В КРЫМ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО ОБЩЕСТВА

*Прохорова Татьяна Александровна, к.и.н.
(Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»)*

История межэтнических отношений в Крыму и формирование социально-культурных контактов народов, проживающих на полуострове, всегда привлекали внимание исследователей. Уникальная по своему составу многонациональная и многоконфессиональная среда региона является предметом изучения историков, социологов, политологов, филологов, культурологов и интересна прежде всего тем, что здесь можно проследить феномен исторического выживания и развития различных народов, представляющих разные этнокультурные общества, в условиях перманентного поликультурного обмена.

В конце XVIII – начале XIX века краеугольным камнем российской государственной политики в области национальных отношений в Крыму было сохранение полиэтничности региона, которое выражалось в сотрудничестве государства с местными элитами¹. Выбор такого подхода диктовался необходимостью сохранения мирного взаимодействия населявших Крым народов в условиях смены государственной принадлежности края. Подобная административная практика позволяла государству сглаживать противостояние и неприятие различными народами культуры друг друга и тем самым предупреждать возникновение политических конфликтов. В условиях, когда в обществе только начинали формироваться существующие сегодня стабильные представления о воспитании толерантного общества, терпимого к представителям других культур, действенным способом преодоления противостояния культур в Европе с середины XVIII в. становятся путешествия². Особенно популярной практика путешествий стала в эпоху Просвещения, в 80-е гг. XVIII в. актуальным стал познавательный аспект вояжей. Образовательные путешествия как мера воз-

¹ *Трепавлов В.В.* Национальная политика в многонациональной России XVI–XIX веков // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 60–73.

² *Молчанова Н.В.* Туризм как средство формирования толерантности // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2016. № 1 (35). С. 81–84.

действия образовательной и педагогической систем были эффективным средством формирования толерантности.

Анализ записок путешественников, посетивших Крым в конце XVIII – начале XIX века, показывает, что вне зависимости от цели поездки, путешественники с неизменным интересом совершали этнографические экскурсии в места исконного проживания ряда крымских народов. Увлекательными были поездки в бывшую столицу крымских ханов Бахчисарай, посещение караимской общины в Чуфут-Кале, обозрение быта немецких колоний в Судакской долине, а также посещение греческих, армянских, татарских сел. Нередко путешественники принимали участие в демонстрациях фольклора, национальной кухни и прикладного искусства, на фестивалях фольклорных ансамблей и выставках национального народного творчества, становились свидетелями и иногда даже участниками религиозных и обрядовых мероприятий.

Погружение путешественника в историю, культуру, национальные традиции и обычаи местных народов не всегда приводило к продолжению благозвучного диалога культур. Случалось, что обстановка «первого столкновения» носила деструктивный характер, проявлявшийся в неприятии и непонимании, порожденных ошибочной трактовкой поведения представителя иной культуры. Каждый человек в силу своих знаний рассматривал чуждую ему культуру через систему убеждений, предрассудков, культурно-исторических традиций, духовных и морально-нравственных ценностей, стереотипов. Нередко действовал и социальный заказ. Стереотипы восприятия иных культур делали путешественника невосприимчивым, «закрытым» для понимания иной культуры. Сегодня уже хрестоматийным стал пример путешественника Эдварда Даниэля Кларка (Edward Daniel Clarke; 1769–1822). Английский натуралист, минеролог и путешественник, практиковавший образовательные поездки по Европе, в 1799 г. вместе со своим воспитанником Дж. Крипсом (J. M. Stipps) отправился в путешествие, маршрут которого пролегал через Норвегию, Швецию, Россию, Крым, Константинополь, Родос, Египет и Палестину³. Путешественник, испытывавший нелюбовь к России, был крайне негативен по отношению к русским в своих оценочных суждениях и породил немало стереотипов относительно России в западном мире. Э. Д. Кларк, в частности, осуждал русских за их строительную инициативу в Крыму, считая это проявлением варварства по отношению к древним постройкам, которые они уничтожали.

До прихода русских, как пишет автор, многие строения Херсонеса были в целости, а разрушив их, русские продолжали «реализовывать свою любимую практику» – они сеяли разруху, ломали, жгли, разбирали и уничтожали все, что напоминало о прежней истории. Фундаменты строений были зачищены, гробницы разорены, храмы осквернены, а ка-

³ The Life and Remains of the Rev. Edward Daniel Clarke, LL.D. Professor of Mineralogy in the University of Cambridge // The Cambridge Quarterly review and academical register. London, 1824. Vol. 1. P. 19–51.

мень и мрамор стали вывозиться кубическими метрами и продаваться строителям Севастополя. Пожалуй, Кларк больше остальных авторов был возмущен разрушительной политикой владельцев этих мест. В завершение своего пассажа он добавляет: если бы греческий архипелаг был завоеван русскими, то там бы тоже не осталось ни единого древнего камня, русские не пощадили бы даже Афины – наверняка великий город был бы стерт с лица земли⁴. Как следствие – многие путешественники вслед за ним полагали: Херсонес разрушен почти до основания, и главной причиной гибели города была строительная деятельность русского правительства на юге империи. О гибели Херсонеса в результате строительства Севастополя (Ахтиара) писали многие – П. С. Паллас (1794 г.), М. Гатри (1795 г.), В.В. Измайлов (1799 г.), Ж. Рейи (1803 г.), В.Б. Броневский (1815 г.), Ж. Гамба (1817 г.), Э. Гендерсон (1821 г.), Р. Лайолл (1822 г.), Дж. М. Джоунс (1823 г.), П.П. Свинын (1825 г.), Дж. Александер (1829 г.), У. Джесс (1839 г.), А. Оммер де Гелль (1840 г.), К. Кох (1844 г.), Г.Д. Сеймур (1844 г.). Даже в труде Фредерика Дюбуа де Монпере, автора одного из самых полных и востребованных научных описаний края, читаем: «Первый день Севастополя стал последним днем Херсона»⁵. Вместе с тем все названные авторы усматривали в этом печальном факте не проявление варварства русского человека, а неизбежный результат хозяйственного освоения региона, побочный эффект цивилизованного общества.

Клише восприятия культуры вне собственного мировоззренческого поля известны и в отношении других крымских народов. Явный этноцентризм иностранные путешественники демонстрировали не только по отношению к русским, но и к татарам. К примеру, приехавший в 1803 г. в Крым барон Жуан де Рейи (1780–1810), не приемля размеренный уклад жизни крымских татар, писал: «Праздность и бездействие татар – вот главная причина застойного состояния сельского хозяйства в Крыму. Регион, который в прежние времена обеспечивал хлебом всю Грецию, теперь с трудом может прокормить то немногочисленное население, что осталось»⁶.

Однако же известны и положительные примеры борьбы со стереотипами, таким можно считать опыт доктора медицины Роберта Лайолла (1790–1831). Вскоре после окончания Эдинбургского университета Лайолл переехал в Россию, где при поддержке лейб-медика Александра Крейтона занялся врачебной практикой в аристократических домах Петербурга и Москвы (1815–1821 гг.). В 1822 г. он совершил путешествие в Крым и на Кавказ. Лайолл также сперва находился во власти типичного

⁴ *Clarke E. D. Travels in various countries of Europe Asia and Africa. Part 1: Russia, Tartary and Turkey. Ed. 4. London, 1816. Vol. 2. P. 207.*

⁵ *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. / пер. с фр., предисл. и прим. Т.М. Фадеевой. Симферополь, 2009. С. 207.

⁶ *Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire, pendant l'année 1803 / par J. Reuilly. Paris, 1806. P. 65–67.*

для того времени мифа о России как о суровой и мрачной стране, где царствует произвол, жестокость, бесправие и невежество. Путешественник пытался осмыслить представления о России с учетом реалий того времени и разрушить сложившийся на Западе стереотип, что и определил как главную цель своей работы. Во время путешествия Роберт Лайолл создал образ Крыма как места, где органично переплелись мусульманская и христианская культуры. Воплощением этого единения был Султан Кати Гирей Крым-Гирей – старый друг путешественника, потомок крымского хана Гази-Герая, получивший европейское образование, воспитание христианского миссионера и жену-англичанку. Восприняв новую веру, манеры и убеждения, теперь уже Александр Иванович Крым-Герай не отрекся от корней и происхождения, а потому вернулся с женой в Крым, чтобы вести широкую пропаганду христианства среди крымских татар⁷.

С вхождением в состав России в 1783 г. Крым стал объектом пристального внимания со стороны российской и европейской общественности. Практика путешествий обладала значительным потенциалом в деле формирования этнической и конфессиональной толерантности через развитие культурно-познавательного туризма.

Расширение кругозора посредством путешествий, пополнение запаса знаний, разрушение стереотипов и формирование толерантного общества – звенья одной цепи. По выражению Б. Дизраэли, «путешествия учат толерантности». Немаловажно, что именно Крым, представляющий собой поликультурное пространство, в котором находят место различные конфессии, народы и культуры, был включен в список маршрутов грантуров, был местом повышенного интереса со стороны путешествующих ученых, чиновников, художников, общественных деятелей и миссионеров, чем способствовал развенчиванию мифов о некоторых народах и о России в целом.

⁷ Деремедведь Е.Н. Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла // КНП. 2002. № 43. С. 166.

КРАСНЫЙ СПОРТИВНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ДОСТИЖЕНИЯ

*Пучков Владимир Михайлович
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В начале XX века впервые начали появляться такие понятия, как массовый и профессиональный спорт. Связано это было с процессом индустриализации, который дал рабочим иметь в своем распоряжении несколько свободных часов, которые они могли бы потратить как им захочется. Произошел переход от восприятия спорта как деятельности «высших кругов» до массового явления. Современный индустриальный капитализм разрушил традиционный порядок общества. Важными последствиями этой революционной трансформации были рационализация рабочего процесса и создание новой концепции досуга. В то время как в сельском доиндустриальном обществе не было четкого разделения между работой и отдыхом, резкое различие между ними стало появляться с началом индустриализации у рабочих.

Благодаря участию в спорте человек может напрямую или косвенно приобретать чувство собственного достоинства и личного успеха, которых может не доставать на работе. Еще одним важным фактором в привлечении внимания к спорту было чувство общности или групповой солидарности, которая в нем содержится. Так же, как спорт дал работнику возможность для индивидуального выражения, это также обеспечило основу для коллективного участия. Таким образом, спорт удовлетворял социальные и культурные потребности, которые были вытеснены индустриализацией.

Следует также отметить роль промышленников в развитии спорта, которые были заинтересованы в высокой производительности своих рабочих и поэтому хотели, чтобы те вели более-менее здоровый образ жизни, поэтому спорт стал рассматриваться как способ обеспечения физической формы работников. Также спорт играл важную роль в обеспечении функции гармонизации трудовых отношений. Спорт стал рассматриваться как способ борьбы в противостоянии рабочих и владельцев предприятий. Например, один из самых известных британских футбольных клубов, Вест Хэм Юнайтед был основан в 1895 году как футбольный клуб Thames Ironworks владельцем завода. Основание произошло вскоре после серьезной забастовки и было частью согласованной программы по улучшению сотрудничества между работниками и администрацией¹.

¹ *Блоус К., Хогг Т.* Полная история Вест Хэм Юнайтед. Лондон, 2000. С. 17.

Важной вехой в развитии массового и спорта сыграло возрождение Олимпийских игр в 1896 году, что дало импульс к развитию любительского спорта по всему миру, так как к Играм не допускались профессионалы, которые, по мнению Кубертена, имели несправедливое преимущество перед любителями. Также важной составляющей данных соревнований стал неофициальный медальный зачет, который позволял странам соревноваться между собой².

Понятие об отдельной национальной федерации спортивного труда впервые появилось в Германии в середине 1890-х годов, когда активисты социалистического движения создали Ассоциацию рабочей гимнастики. Вскоре после этого в этой стране возникли другие «пролетарские» спортивные организации. Ко времени Первой мировой войны Немецкое пролетарское спортивное движение насчитывало более 350 000 участников. В 1920 году социал-демократы учредили Международную ассоциацию спорта и физической культуры, повторив ее усилия в довоенный период. Эта организация была переименована в Социалистическую рабочую спортивную организацию (SWSI) в 1925 году.

Важную роль в создании Красного спортивного интернационала сыграл Николай Подвойский, который отвечал за военную организацию СССР. Он считал, что систематическая физическая подготовка полезна для нужд Красной армии, так как это увеличивает число здоровой молодежи в своих рядах³. Также развитие КСИ можно было рассматривать как социалистический идеологический противовес буржуазным Олимпийским играм. Первая конференция прошла в Москве в 1921, где был заложен вектор развития организации. Важное значение в КСИ заняла Германия, которая в это время имела хорошо развитое рабочее спортивное движение. Единственная национальная «пролетарская» спортивная организация, присоединившаяся к КСИ в то время, была Чехословацкая федерация рабочих гимнастических лиг, которая, как утверждается, представляла 100 000 спортсменов. В 1922 году Коминтерн назначил в руководство КСИ своего представителя, что привело к централизации управления организации. В октябре 1924 года Красный спортивный интернационал провел свой 3-й конгресс в Москве. В это время организация решила расширить свой руководящий исполнительный комитет, включив в него четырех членов Исполнительного комитета Коммунистического интернационала молодежи. В этот период КСИ была крупной и растущей организацией, насчитывающей около 2 миллионов участников из Советского Союза, Германии, Чехословакии, Франции, Норвегии, Италии, Финляндии, Швейцарии, США, Эстонии, Болгарии, и Уругвая.

² *Исон С.* Критические размышления об олимпийской идеологии. Онтарио: Центр олимпийских исследований, 1994. С. 120–123.

³ *Подвойский Н.И.* Ленин и физическое воспитание II Красный спорт. 1940. С. 5–11.

К 1925 году КСИ окончательно попал в зависимость от Коминтерна, что повысило уровень конфронтации в организации. По словам французского историка спорта Андре Гуно: «Зависимость КСИ от Коминтерна почти неизбежно сопровождалась доминированием советской стороны. Интересы Советского Союза и советского спорта были решающими факторами в решениях и действиях КСИ»⁴.

Прежде всего, на Олимпийских играх МОК подчеркивалась конкуренция между народами, которую радикалы расценивали как проявление национального шовинизма. Вместо того чтобы подчеркивать национальное соперничество и патриотические чувства, международные соревнования должны быть сосредоточены на реальных спортивных усилиях в обстановке, направленной на формирование этики интернационализма. Игры МОК также были основаны на жестких стандартах входа, в то время как международные фестивали рабочего спортивного движения вместо этого пытались создать массовое участие посредством театрализованного представления, художественных и культурных мероприятий и объединения политических презентаций. Поэтому КСИ провел серию спортивных мероприятий отличных от олимпиад МОК. Например, в 1921 году в Чехословакии проводился крупный национальный спортивный рабочий фестиваль, а также в 1925 году проводились Летние игры во Франкфурте, в которых приняли участие 150 000 участников из 19 стран. Никакие национальные флаги или гимны не украшали церемонии закрытия или открытия, вместо этого использовался красный флаг и гимн «Интернационала»⁵.

В 1930-е годы произошел распад в левом движении в Европе, что безусловно отразилось на развитии КСИ. Спартакиады стали привлекать меньше участников, и Коминтерн распустил эту организацию в 1937 году. В конце хотелось бы отметить, что хорошая идея объединить рабочих на основе спорта провалилась вследствие общего разлада левого движения в 30-е годы. Трудовой спорт пытался показать возможную альтернативу межнациональным соревнованиям; в нем главной целью было совершенствование и развитие тела и духа, однако внутренние распри значительно снизили число участников и коммуникацию между ними. Уже после Второй мировой войны страны социалистического блока сделали спорт важной составляющей собственной политики, что привело к увеличению числа профессионалов и окончательного отхода от значительной массовости соревнований.

⁴ Гуно А. Спорт или политическая организация? Структуры и характеристики Красного спортивного Интернационала, 1921–1937 // Журнал истории спорта. 2001. № 28. С. 27.

⁵ James Riordan Sport, Politics and Communism Manchester University Press, 1991.

НЕПРИЗНАННЫЙ МАРКСИЗМ В СССР: АРХЕОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Ребров Сергей Александрович
(Центр политических исследований
Института глобализации и социальных движений)

С самого основания Советского Союза идейно-теоретическое наследие К. Маркса было обозначено не только как официальная государственная идеологическая доктрина, но и как единственно-возможное направление методологии в науке и в философской мысли. Для осуществления подобной задачи был разработан комплекс теорий, получивший официальное наименование «марксизм-ленинизм». Несмотря на название, итоговая концепция имела крайне поверхностное отношение к работам Маркса, и даже к идеям Ленина¹.

Официальный советский марксизм-ленинизм, исходя из знаменитой статьи В.И. Ленина², которая в свою очередь была основана на работе Ф. Энгельса «АнтиДюринг», был разделен на философию (исторический и диалектический материализм), политическую экономию и научный социализм (позже переделанный в научный коммунизм). Данная структуризация, несмотря на явные заимствования из книги Энгельса, одновременно ей и противоречила, ведь в ней, в частности, философия характеризовалась термином «ныне покойная философия», в то время как марксизм описывался как «положительная наука»³.

Марксизм-ленинизм стал единственно-возможной методологией в области общественных наук. Все иные методологические системы (даже связанные с марксизмом) однозначно рассматривались в контексте концепции «партийности теории» как буржуазные, мелкобуржуазные, ревизионистские и т. д.

Однако если же говорить о западном марксизме (неомарксизме), который появился с одной стороны, как новое критическое осмысления капиталистического мира, а с другой – как критика советского проекта, то его активное изучение относится уже к периоду 60-х и 70-х годов. Нужно уточнить, что само по себе существование плюрализма в области теории

¹ Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию. М., 2012. С. 42.

² Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Сочинения. Т. 23. М., 1973. С. 40–48.

³ Энгельс Ф. АнтиДюринг // Сочинения. Т. 20. М., 1955. С. 27.

Маркса в СССР не признавалось. Марксистско-ленинская философия рассматривалась как единственно-научная философия в разных странах, в том числе и в капиталистических.

Сам по себе западный марксизм, несмотря на общий настрой, связанный с обновлением классического марксизма, представляет собой самые разнообразные школы с различными методологическими установками⁴. Советский исследователь М.Н. Грецкий предложил типологию с разделением на два ключевых направления: диалектико-гуманистическое и сциентистское⁵.

Если говорить о наиболее критикуемой неомарксистской школе в СССР, то это звание по праву принадлежит Франкфуртской школе социальных исследований. Представители данной школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе и др.) внесли значительный вклад в историю философской мысли XX века, переосмыслив многие ключевые элементы классического марксизма, черпая вдохновение в немецкой классической философии и в наследии З. Фрейда. Наиболее частой критике подвергался Маркузе, как наиболее известный представитель данного течения.

Первоначально критический анализ американо-немецкого мыслителя проходил на страницах советских философских журналов⁶, но впоследствии ему были посвящены и монографические исследования, причем с большим тиражом. Основная линия критики была связана с двумя направлениями мысли Маркузе, а именно, с его концепцией «негативной диалектики» и пересмотром роли пролетариата как революционного класса. Так, Э.Я. Баталов подчеркивал, что ставка Маркузе на студентов и интеллигенцию в качестве революционного слоя ошибочна по причине мимолетности их революционного потенциала⁷. Интересным в данном контексте является тот факт, что исторически данный вывод оказался полностью оправданным. Критике подвергалась и ориентировка представителей Франкфуртской школы на «гегельянское перерождение» марксизма, что особенно проявилось в работах Т. Адорно, что и критически оценивалось советскими философами⁸.

Качественно же иным способом описания отличался другой тип текстов, чьи авторы вместо реальной критики (пусть и ограниченной официальной методологией) занимались догматическим описанием ортодоксии с постраничным обращением к официальным документам. В частности,

⁴ Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 6.

⁵ Грецкий М.Н., Лягушев Г.Е. Западный марксизм // Вестник КГУ имени Некрасова. 2006. № 9. С. 115–118.

⁶ См.: Замошкин Ю.А., Мотрошилова Н.В. Критична ли «критическая теория общества» Герберга Маркузе // Вопросы философии. 1968. № 10. С. 66–77.

⁷ Баталов Э.Я. Философия бунта. Критика идеологии левого радикализма. М., 1973. С. 86–87.

⁸ Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977. С. 153–154.

Б.Н. Бессонов вообще не делает ключевой разницы между ревизионистским направлением в ортодоксальном марксизме и западным марксизмом, при этом ссылаясь на Р. Арона⁹.

В отличие от вышеописанного течения, французское направление неомарксизма, включающее в себя различные течения, не имело однозначной оценки в СССР. Ключевой темой философской дискуссии в марксистской среде послевоенной Франции стало наследие Гегеля и гуманистическая природа учения Маркса. На данную тему легка также философская полемика представителей экзистенциализма и структурализма, чьи идеи также масштабно повлияли и на французский неомарксизм. В данном контексте можно выделить два ключевых направления западного марксизма во Франции: линию Р. Гароди и линию Л. Альтюссера. Оба течения стремились к обновлению марксизма за счет обращения к немарксистским философским системам, но их выбор был диаметрально противоположным. Гароди рассматривал марксизм как философию освобождения человека, опираясь на ранние работы Маркса. Альтюссер и его школа же рассматривали учение Маркса как конкретную науку, ориентированную на изучение общественных структур.

В отличие от представителей Франкфуртской школы, и Альтюссер и Гароди были членами ФКП (Гароди в 1970 был исключен). Советские философы всячески старались уклониться от подобных дискуссий, рассматривая линию Гароди и линию Альтюссера как перегибы в обе стороны¹⁰. Однако при этом ряд неортодоксальных текстов Гароди в СССР издавался¹¹, в то время как Альтюссер был доступен исключительно в спецхранах на языке оригинала¹².

В отличие от Гароди, Альтюссер в СССР масштабной критике не подвергался, что, однако, компенсировалось слабым теоретическим освещением его теорий, которые серьезно отличались от официального советского марксизма-ленинизма. В частности, по Альтюссеру, исторический материализм вообще не является философией, а представляет собой научную теорию истории, в то время как диалектический материализм понимается им как разновидность философии науки¹³, что явно не сочеталось с советским определением философии как науки о всеобщих законах бытия, разума и мышления.

Подводя итог, стоит обозначить, что, несмотря на то, что в силу идеологической цензуры советские авторы были вынуждены использовать

⁹ Бессонов Б.Н. Антимарксизм под флагом «неомарксизма». М., 1978. С. 191.

¹⁰ См.: Сахарова Т.А. Марксизм и гуманизм (по материалам дискуссии во французском журнале «La Nouvelle critique» 1965–1966) // Вопросы философии. 1966. № 8. С. 160–167.

¹¹ В частности, речь идет о работах «Марксистский гуманизм» (1957), «Карл Маркс» (1965) и «Ответ Жану-Полю Сартру» (1962).

¹² Гобозов И.А. Л. Альтюссер – выдающийся французский философ-марксист XX века // Философия и общество. 2014. № 1. С. 147.

¹³ Альтюссер Л. Ленин и философия. М., 2005. С. 25–26.

определенный язык и методологию, что, однако, не означало, что даже при таком раскладе нельзя было написать серьезное историко-философское исследование. Конечно, после распада СССР абсолютное большинство текстов вышеуказанных авторов перестали отвечать нормам качественных научных работ, однако даже в советское время само качество исследований зависело скорее от личного профессионализма конкретного исследователя, чем от общего направления официального дискурса.

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПУСА ПОЛИТИНСТРУКТОРОВ ДЛЯ РАБОТЫ СРЕДИ ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1920 г.¹

Родионов Иван Игоревич
(Смоленский государственный университет)

В феврале 1919 г. началась польско-советская война. Активные боевые действия пришлось на 1920 г., что, в свою очередь, привело к притоку польских военнопленных в лагеря на территории Советской России.

Советское руководство придерживалось такой идеи, что польские солдаты были вовлечены в войну с Советской Россией посредством обмана или принуждения. Такое представление давало возможность руководству предполагать, что после соответствующей политической обработки польские солдаты (на тот момент военнопленные) могли бы стать сторонниками советской власти. Для работы с ними в этом направлении предлагалось использовать коммунистов-поляков. Сделать это можно было только посредством мобилизации последних.

19 июля 1920 г. на заседании Организационного бюро ЦК РКП(б)² был принят порядок проведения общей партийной мобилизации коммунистов-поляков³. В двухнедельный срок губернским комитетам предлагалось направить всех коммунистов-поляков в возрасте от 18 до 40 лет в распоряжение Центрального комитета РКП(б). Одновременно губернским и окружным военным комиссариатам по армиям и фронтам (кроме армии, которая действовала на польском фронте) предписывалось откомандировать всех военнослужащих коммунистов-поляков в Москву в Политическое управление Реввоенсовета (ПУР). «Наиболее ответственных» приказывалось направлять в Польское Бюро ЦК РКП(б)⁴.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-09-00091/19 «Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 гг.».

² Прим.: Организационное бюро было образовано на заседании ЦК РКП(б) 16 января 1919 г. В его полномочия входило следующее: распределение партийных сил, руководство деятельностью местных партийных организаций, проверка выполнения директив ЦК РКП(б).

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 63. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁴ Прим.: В полномочия Польского бюро ЦК РКП(б) входило руководство партийной работой коммунистов-поляков в Советской России.

На начало августа 1920 г. промежуточные итоги мобилизации выглядели следующим образом. Согласно отчету Польбюро ЦК РКП(б) от 2 августа 1920 г. о численности коммунистов-поляков по регионам⁵, больше всего их было в Москве – 550 человек, на втором месте шел Смоленск – 150 человек, на третьем Самара – 100 человек, в других городах число колебалось в пределах от 10 до 70 человек.

После регистрации мобилизованных коммунистов-поляков распределяли по ведомствам. Часть была направлена в распоряжение Политического управления Реввоенсовета⁶. 21 августа 1920 г. в рапорте начальника отделения агитации и пропаганды ПУРа⁷ отмечалось, что из числа мобилизованных 35 человек выделили для Польской секции при ПУРе⁸. Вскоре из переданных ей коммунистов-поляков Польская секция ПУРа (вскоре она будет переименована в отдел. – *И. Р.*) начнет формировать корпус политических инструкторов для работы среди военнопленных поляков. Мобилизованные, прослушав лекционный курс и получив соответствующие указания и задания, распределялись для дальнейшей работы по лагерям⁹.

По прибытию в лагерь инструктор должен был в первую очередь организовать коммунистическую ячейку из сочувствующих военнопленных. Далее следовало организовать три комиссии (культурно-просветительскую, контрольно-хозяйственную и санитарно-гигиеническую), с помощью которых следовало вести всю свою работу в лагере¹⁰.

В отчете Польского отдела ПУРа «О политработе за время с августа по 1 ноября 1920 г.», поступившем в Польское бюро ЦК РКП(б) 20 ноября 1920 г.¹¹, указывалось, что из 147 человек, прошедших через Польский отдел мобилизованных коммунистов-поляков, в лагерь для политической работы был направлен 31 человек. В сводках этого же отдела отмечалось то, что комиссии были организованы во всех лагерях, в которых имелись политинструкторы. Численность членов коммунистических ячеек в лагерях была следующей:

⁵ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 207. Л. 26.

⁶ Прим.: Политическое управление Революционного военного совета Республики (ПУР РВРСР) – центральный военно-политический орган управления, осуществлявший партийно-политическую работу в Вооруженных силах РСФСР в 1919–1922 гг.

⁷ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы): Документы и материалы. М., 2004. Док. № 58. С. 51.

⁸ Прим.: Польская секция была выделена из отделения агитации и пропаганды ПУРа в отдельное учреждение для проведения среди военнопленных поляков политическо-просветительской работы.

⁹ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 200. Л. 3.

¹⁰ Там же. Д. 197. Л. 5.

¹¹ Там же. Д. 200. Л. 16–17.

Наименование лагеря	Количество членов ячеек*				
	На 21 октября	На 31 октября	На 15 ноября	За 2 пол. ноября	На 1 декабря
Рождественский	12	–	–	–	–
Звенигородский	–	–	6	–	6
Иваново-Вознесенский	–	–	15	9	15
Крюковский	–	–	14	–	7
Кожуховский	–	–	10	–	10
Тверской	–	–	–	7	7
Брянский	–	–	21	20	–
Кинешемский	–	–	6	6	6
Побединский район	–	80	33	41	–
Орловский	–	6	5	6	–
Смоленский	–	–	–	20	–
Ярославский	7	–	21	–	21
Саратовский	–	–	4	–	12
Костромской	6	–	–	–	3
Всего	25	86	135	109	87

* Таблица составлена на основе: РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 200. Л. 44–44 об., 12–12 об., 18–19, 20–21 об., 28–32.

При лагерях организовывались школы, читальни и библиотеки. В одной из сводок писалось, что общее число обучающихся в школах грамоты было свыше 600 человек. Занятия велись как политинструкторами, так и учителями, выбранными из числа военнопленных¹².

Политическая работа среди военнопленных велась в формате чтения лекций (два раза в неделю), проведения митингов (раз в неделю) и распространения соответствующей литературы. Лекции, митинги, собеседования устраивались на такие темы, как: «Что такое коммунизм и коммунисты», «Строительство Советской России и буржуазной Польши», «Текущий момент» и др.

Результаты работы политинструкторов были подведены в отчете руководителя отдела военнопленных Польской делегации Смешанной комиссии¹³ от 11 июля 1921 г. В отчете говорилось, что незначительный процент (от 5 до 8) польских военнопленных разных лагерей изъявили желание остаться в Советской России¹⁴. В отчете Польбюро ЦК РКП(б) от 1 марта 1922 г. эти данные подтверждались¹⁵. Ожидалось, что поли-

¹² Там же. Л. 16–17.

¹³ Прим.: Польская делегация Смешанной комиссии осуществляла контроль за процессом репатриации польских военнопленных из Советской России.

¹⁴ Польские военнопленные. Док. № 261. С. 343.

¹⁵ Там же. Док. № 300. С. 381.

тические инструкторы смогут превратить всех польских военнопленных в сторонников советской власти, но в итоге этого не произошло.

Очевидно, что деятельность политинструкторов в лагерях в среде польских военнопленных способствовала приобщению их к коммунистическим идеям, повышению культурного уровня и информированности относительно взаимоотношений Польши и Советской России. Также можно утверждать, что политическая работа не способствовала массовому превращению польских военнопленных в сторонников советской власти. Сама идея о сторонниках советской власти в среде польских военнопленных не только не подтвердилась, а показала, что большей части пленных была присуща политическая инертность.

ПИСЬМА ГРАЖДАН НА «РАДИО РОССИИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 1990-е гг.¹

*Рыбаков Владислав Александрович
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)*

Последнее десятилетие XX века связано не только с обретением Россией своего государственного суверенитета, но и с глубокой социально-экономической трансформацией общества, когда революционные преобразования советской системы, начатые президентом СССР М.С. Горбачевым, вступили в фазу радикальной экономической реформы, проводившейся президентом России Б.Н. Ельциным. Масштабность этих трансформаций достаточно подробно представлена в научной литературе и публицистике, оценивается в разных политических и научных парадигмах, исследуется на разнообразных исторических источниках.

Однако наше представление о 1990-х гг. было бы неполным без обращения к такому массовому источнику, каким являются письма граждан в различные инстанции. 1990-е гг. характеризуются в целом отсутствием откровенно инспирированных писем, в которых «простые люди» «гневно осуждали» кого-либо, как это было в СССР.

Изучение письма как исторического источника имеет достаточно большую традицию. Методика их исследования была заложена работами ведущих российских источниковедов – Алексеева и Каштанова².

Среди современных авторов, занимающихся анализом эпистолярных источников, следует назвать Т.А. Абракову, Н.Ф. Бугая, а также Н.В. Елисееву³, предметом изучения которой стало общественное созна-

¹ Данная публикация подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)».

² *Алексеев В.В.* Основные итоги изучения эпистолярных источников в советской научной литературе 60-х-80-х гг. М., 1987; *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988.

³ *Абракова Т.А.* Советская действительность в письмах и обращениях граждан // Общество и власть: Российская провинция. 1917–1980-е годы: в 3 т. Т. 3. М.; Н. Новгород, 2005. С. 653–717; *Елисеева Н.В.* Письма советских граждан в средства массовой информации как источник по изучению глобальной трансформации Советского Союза и России в конце 1980 – начале 1990-х гг. По документам Центрального архива общественных движений Москвы // Вестник архивиста. 2012.

ние в период перестройки (хронологически наиболее близкий нам период), реконструируемое по письмам граждан в СМИ. Предложенные автором подходы к изучению этого массового источника в рамках конкретного периода представляются достаточно логичными и обоснованными.

Основой для данного исследования стала коллекция писем и обращений граждан на «Радио России», хранящаяся в Центральном государственном архиве города Москвы⁴.

Ее появление связано с созданием в начале 1990-х гг. российских государственных СМИ, в частности общенационального канала «Радио России», который был создан на месте фактически прекратившего свое существование Гостелерадио СССР.

Многие российские СМИ начала 1990-х гг. практически отказались работать с письмами своей аудитории. В ст. 42 Закона о СМИ, принятого Верховным Советом РФ в 1991 г., было записано: «Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение»⁵. Авторы весьма либерального и демократического закона в данном вопросе пошли испытанным чиновничьим путем: «нет письма – нет проблемы».

Однако руководство нового радиоканала не только не упразднило службу писем, но и придало ей характер функционального отдела, основным принципом работы которого было прочтение всей почты, поступавшей на радио. Только за первые десять лет на «Радио России» поступило около миллиона писем и выходило около 20 передач, основу которых составляли письма слушателей.

Особой популярностью пользовались авторские передачи радиожурналиста В.А. Соколовской, построенные на общении со слушателями через их письма («Из России с любовью», «Час письма», «С письмом наедине», «Вы нам писали»). Материалы радиопередач Соколовской составляют основное содержание коллекции, в которую вошло 2305 писем за 1991–2000 гг.

Критериями отбора писем стала их содержательная сторона. В коллекцию вошли письма, отражавшие внятную позицию граждан по тем или иным вопросам, содержавшие факты личной или семейной истории, которую можно рассматривать как часть истории страны.

С учетом общественных настроений 1990-х гг. в коллекцию включены письма на общенациональные, гражданские, политические, экономические темы, адресованные как непосредственно «Радио России», так и кон-

№ 4. С. 95–113; *Бузай Н.Ф.* Национальная политика в условиях войны 1941–1945 гг.: письма граждан в органы государственной власти, поиск решения проблем // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 54–63 и др.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 8731. Коллекция документов авторских радиопередач В.А. Соколовской по письмам радиослушателей, адресованным на «Радио России». Оп. 1. 1991–2000 гг. Д. 1–338.

⁵ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

кретным участникам происходивших событий: народным депутатам, президенту, членам правительства.

Анализ состава авторов писем показал, что они в подавляющем большинстве относятся к старшим поколениям граждан, перенесшим потери в годы репрессий и войн, испытывающим разочарование и эмоциональный шок от разрушения привычной картины мира, развала страны и советской системы, краха надежд на благополучную и достойную жизнь.

Представленная в письмах география весьма обширна и охватывает 59 из 89 субъектов Российской Федерации. Как показывают произведенные подсчеты, подавляющее большинство писем – не от столичных жителей, а от граждан, проживающих в краевых и областных центрах (приблизительно 41 %) и маленьких городах (примерно 27 %).

Тематически все письма коллекции можно разделить на несколько групп с оговоркой, что такое деление весьма схематично обозначает их различия и групповые свойства. На самом деле каждое письмо уникально и может рассказать исследователю многое и вне рамок основной темы письма. Значимость их не может быть ранжирована, так как в зависимости от исследовательской задачи приоритетными могут быть различные темы, поднимаемые в письмах. Деление условно еще и потому, что вопросы общественно-политической и социально-экономической жизни тесно переплетены, а суждения о прошлом, встречающиеся во многих письмах, часто возникают по аналогии с настоящим.

С учетом сказанного можно выделить несколько больших тематических групп: 1) письма на общественно-политические темы (580, что составляет 25 % от общего числа); 2) письма по социально-экономическим проблемам (355 – 15 %); 3) письма о проблемах культуры и национального самосознания (275 – 12 %); 4) письма на морально-нравственные темы (194 – 8 %); 5) письма об отношении к событиям прошлого. Из всех писем, включенных в фонд, не менее 600 (26 %) посвящены историческому прошлому страны.

Значительную часть писем последней группы составляют письма-отклики на радиоанкету «XX век в моей жизни и судьбе», в которую были включены два вопроса: «Какое из событий, свидетелем или участником которого вы оказались, по вашему мнению, можно считать *событием века*?»; «Кем лично себя вы считаете в масштабе века – творцом истории или ее песчинкой?». В течение 1996–2000 гг. «Радио России» получило около 4 тыс. писем с ответами, часть которых (460) также вошла в коллекцию.

Нельзя не заметить, что письма 1990-х гг. по своему содержанию существенно отличаются от писем предшествующего периода. Это письма-размышления о происходящих событиях, письма-предложения по реформированию политической жизни, письма-суждения по проблемам исторического прошлого страны, в отличие от писем-жалоб на произвол местных властей, некачественные товары или просьбы о помощи в решении жилищного вопроса и т. п.

Оценки событий и фактов, представленные в письмах, носят личный, чаще всего эмоциональный характер и часто не могут восприниматься как основа для экономического или политического анализа ситуации в строго научном смысле. Тем не менее эти оценки и мнения нельзя не учитывать при изучении состояния общества и его настроений на определенном отрезке исторического времени. В письмах содержатся конкретные примеры социально-экономического положения граждан в отдельных городах, отраслях экономики, на предприятиях, немало интерпретаций ключевых событий советской истории и воспоминаний о них.

Подводя итоги, отметим, что массовый характер писем позволяет использовать их в качестве уникального исторического источника по разным исследовательским сюжетам.

Во-первых, в них содержится большой информационный ресурс для изучения многих сторон общественной, политической, социальной и культурной жизни общества, а также трансформации исторического сознания общества в годы реформ.

В то же время письма и обращения граждан представляются весьма информативным и перспективным историческим источником для изучения социально-экономической трансформации на уровне отдельного человека и его повседневности, поскольку источникового материала для анализа на этом уровне явно мало.

Очевидно, что вовлечение этого комплекса источников в научный оборот сопряжено с разработкой методик их анализа, формированием некой единой матрицы их презентации.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИНДИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АССОЦИАЦИИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЯ КОМИНТЕРНА М.Н. РОЯ В ТАШКЕНТЕ В 1920–1921 гг.

*Рягузова Анна Викторовна
(Липецкий областной колледж искусств имени К.Н. Игумнова,
Липецкий Государственный Педагогический Университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского)*

Работа М.Н. Роя после его приезда в Ташкент тесно переплеталась с деятельностью Индийской революционной ассоциации, которая существовала в этом регионе с июня 1920 г. Ассоциация была создана Абдур Рабб Баргом и Пративади Ачарией в Кабуле в самом конце декабря 1919 или в январе 1920 г.¹ Абдур Рабб возглавлял Ассоциацию. Он давно покинул Индию, некоторое время находился на дипломатической службе в Турции, участвовал в деятельности индийских эмигрантов в Европе. Его ближайшим помощником был М.П. Б.Т. Ачария, который в период репрессий в Индии в 1908 г. был вынужден уехать в Европу, где примкнул к эмигрантской индийской организации².

Революционная ассоциация действовала в Кабуле несколько месяцев. В нее входило около 150 человек. Ее целью была подготовка революционных кадров, установление контактов с национально-освободительным движением в Индии и в конечном счете установление в Индии независимого государства³. В эту организацию входили люди, значительно отличающиеся друг от друга как по уровню культурного и политического развития, так и по социальной принадлежности.

В июне 1920 г. члены Ассоциации выехали в Ташкент. Это были два бывших студента – секретари Абдур Рабба, 12 дезертиров из английской армии, десять мелких торговцев и ремесленников и два брата Мисрихан – вожди независимых белуджских племен. В 1917–1918 гг. братья, по их словам, возглавляли 10-тысячную армию повстанцев, которую англича-

¹ *Персиц М.А.* Революционеры Индии в Стране Советов: У истоков индийского коммунистического движения (1918–1921) / АН СССР. Ин-т междунар. рабочего движения. М., 1973. С. 47.

² *Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории / Т.Ф. Девяткина, М.Н. Егорова, А.М. Мельников; [предисл. Р.А. Ульяновского].* М., 1978. С. 57.

³ Там же. С. 56.

нам удалось разбить. Все члены Ассоциации, кроме Т. Ачарии, являлись мусульманами, многие из них были неграмотны⁴.

Эта группа в начале июля 1920 г. объединилась с Индийской секцией Совета интернациональной пропаганды, сохранив определенную долю самостоятельности⁵. Совинтерпроп (Совет интернациональной пропаганды) и его работники занимались налаживанием каналов связи с восточными странами, сопредельными для российского Туркестана, проводили агитационную деятельность в Бухаре и Персии, занимались созданием иранской партии «Адалет», имевшей 35 отделений. Правда, Совинтерпроп не уделял организации «закордонной» деятельности должного внимания, и не вел планомерную работу, так как его сотрудники не имели опыта работы⁶.

Ассоциация, оказавшись в Ташкенте, рассчитывала на помощь Коминтерна в подготовке борьбы против английских колонизаторов. В августе этого же года была разработана «Политическая программа Индийской революционной ассоциации», которая выдвигала в качестве главной цели: «Разрушить постыдное иностранное господство и учредить вместо него независимое национальное правительство». В программе говорилось, что «освобождение Индии может быть достигнуто не иначе как путем объединения сотрудничества всех угнетенных наций против общего врага человечества – “Британского” империалистического правительства»⁷. Как и многие другие документы революционных эмигрантских групп, программа предполагала освобождение Индии при помощи внешних сил. Она явно преувеличивала значение освобождения Индии для международного революционного движения и мировой революции, заявляя, что «индийский вопрос не является национальным, он представляет собой вопрос международный»⁸.

С объединением Революционной ассоциации и секции Интерпропа, а затем приездом М.Н. Роя возник центр индийской революционной эмиграции в Ташкенте, в котором вскоре начались серьезные разногласия.

Главные разногласия были не столько в целях и программах этих органов, сколько в личных претензиях друг к другу. В одной из телеграмм Туркбюро от 11 марта 1921 г. говорилось, что разногласия связаны с тем, что программа Мукерджи и Роя «в точности соответствует директивам второго конгресса третьего Интернационала»,

⁴ Персиц М.А. Указ. соч. С. 48.

⁵ Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. С. 58.

⁶ Кудухов К.С. Организационная структура и главные направления деятельности Туркестанского бюро Коминтерна в начале 1921 г. / К.С. Кудухов // Про пунс. 2011. № 1 (10). С. 186.

⁷ Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925): Сборник документов / Ю.Н. Тихонов. М., 2017. С. 116.

⁸ Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. С. 59.

тогда как группа Абдур Рабба занимается лишь «Панисламистской пропагандой», а не коммунистической⁹. Сам М.Н. Рой в своем письме В.И. Ленину писал, что индийский народ сможет объединиться только на «экономической почве», и выступить частью мировой революции вместе с Коммунистическим Интернационалом, не опираясь на проповеди национально-религиозных проповедников и всяческие предрассудки¹⁰. Абдур Рабба, он считал «сомнительным персонажем», который лишь саботирует всю работу «интригами или другими средствами антикоммунистической и религиозной пропаганды»¹¹. Мукерджи, сообщая Рою об обстановке в Ташкенте в его отсутствие, писал, что не желает работать с Абдур Раббом, считая его «английским шпионом» и провокатором¹². Сам Мукерджи даже был готов покинуть Ташкент, если Третий Интернационал «нас заставит работать совместно с этими двумя людьми»¹³.

Но в действительности многое из того, что Рой должен был брать в расчет как человек, на которого была возложена вся индийская работа в Ташкенте, он по какой-то причине не замечал. Т. Ачария не без основания обвинял его в том факте, что Рой не считался с теми индийскими революционерами, которые были на стороне «некоммунистической или «националистической», даже если они принадлежали к «интеллигенции и военным кругам Индии»¹⁴. В своем сообщении для общего собрания индусских революционеров и эмигрантов М.Н. Рой заявлял, что «тем индусским эмигрантам, которые недостаточно образованы, чтобы получить политическое или высшее военное образование, было предложено отправиться на работу. Но, находясь под нездоровым влиянием, они отказались выполнять какую бы то ни было работу, кроме Индусской революционной работы. Некоторые интриганы говорили, что их отдают в рабство, что их заставляют делать черную работу, потому что они не коммунисты, что никто, кроме коммунистов, не встретит поддержки и сочувствия со стороны России»¹⁵. Он подчеркивал, что желает сделать из эмигрантов скорее не коммунистов, а «хороших революционеров с ясным пониманием задач»¹⁶. Хотел, чтобы они прекратили вести паразитарный образ жизни, ожидая безмерной помощи от России.

Таким образом, Ассоциация и Ревком по-разному определяли характер предстоящей в Индии революции и способы ее организации. Рой от имени КПИ в Ташкенте, считал эту революцию – социалистической,

⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 1. Л. 14.

¹⁰ Там же. Д. 5. Л. 1а.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 8. Л. 119.

¹³ Там же. Л. 119 об.

¹⁴ Там же. Л. 16.

¹⁵ Там же. Д. 4. Л. 1 об. – 2.

¹⁶ Там же. Л. 2.

а глава Индийской революционной ассоциации Абдур Рабб Барг проповедовал противоположные принципы, считая, что лишь политическая революция, т. е. национально-освободительная, возможна в индийской действительности.

**Ю.Н. ПАНКОВ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. МИТТЕРАНА
(НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ РГАСПИ)**

*Савельева Майя Петровна
(Российский государственный архив
социально-политической истории)*

10 мая 1981 г. впервые в истории Пятой республики на президентских выборах во Франции победил кандидат-социалист Ф. Миттеран. Это была его третья избирательная кампания. До этого он боролся за пост президента в 1968 и 1974 гг.

Личность этого выдающегося государственного деятеля, который смог через 10 лет после прихода к власти сохранить поддержку 56 процентов своих граждан (по данным института изучения общественного мнения СОФРЕС), являет собой уникальный пример взаимодействия левых движений во Франции второй половины XX века¹.

Один из ведущих французских публицистов Ален Дюамель написал в газете «Монд», что за 10 лет пребывания у власти Ф. Миттеран «совершил беспрецедентный подвиг, примирив левых с властью»². Ф. Миттеран действительно сумел доказать, что левые – это не разрушители основ, а ответственные политики, которые пекутся о благе республики и ее граждан ничуть не меньше, чем правые.

Недаром к 10-летию избрания Миттерана на пост президента партия социалистов выпустила серию плакатов. На каждом – строка из летописи законодательных достижений социалистов и подпись «Вот уже 10 лет, как мы сеем...». В центре плаката – рука, которая сеет лепестки роз. Неминуемая волна критики и обвинений в политической рекламе со стороны коммунистов, тем не менее, не исключает их вынужденное признание заслуг и достоинств Миттерана.

Материалы, представленные в личном фонде Ю.Н. Панкова в РГАСПИ, всесторонне освещают как личную, так и политическую биографию Ф. Миттерана. Документы расположены в хронологической последовательности и позволяют проследить этапы идеологического формирования его политических воззрений, показать деятельность ФСП

¹ Favier, Pierre, Martin-Roland, Michel. La decennie Mitterand. Paris, Ed. Du Seuil, collection "L'épreuve des faits", 1999.

² *Duhamel Alain*. De Gaulle – Mitterand: la marque et la trace. Paris, 1991.

и оценить политический климат во Франции в эпоху его пребывания у власти.

В основе политической мудрости Ф. Миттерана его биографы усматривают два краеугольных камня – патриотизм и преданность свободе и правам человека. Это в значительной степени помогает понять политику Франции, как внутреннюю, так и внешнюю. Обвиняя Миттерана в «покровительстве» французскому капиталу, часто забывают именно о патриотическом аспекте такого патронажа. Миттеран раньше других увидел перспективу создания единого экономического пространства в Европе и трезво оценил возможности французской экономики. Внешнеэкономическая политика Миттерана способствовала не только укреплению экономики Франции, росту ее капиталовложений за рубежом, но и помогло Европейскому сообществу покончить со своими распрями и возобновить движение вперед, вырасти, включив в себя Испанию и Португалию, усилиться за счет принятия единого Европейского акта.

Выдвинутая им идея общеевропейской конфедерации нашла поддержку не сразу и не везде. Но в Советском Союзе она была принята, так как политика нового мышления, взятая на вооружение в годы перестройки, исходила из необходимости строительства общеевропейского дома, ликвидации военных блоков, замены прежней конфронтации сотрудничеством на деидеологизированной основе. Развитие советско-французских взаимоотношений становится для Миттерана одним из важнейших приоритетов его внешней политики. Произошло сближение двух стран в их подходах к проблеме соблюдения прав человека, а на постепенный отказ Москвы от прежних узкоклассовых оценок происходящего в мире, более широкий взгляд на социализм и идея интеграции в общеевропейское сообщество – в немалой степени стало возможным благодаря поддержке Франции времен Ф. Миттерана³.

Ф. Миттеран родился 26 октября 1916 г. и вырос, как он сам пишет, «в очень верующей католической среде». Мелкобуржуазная среда провинциальной Франции характеризуется набожностью, практичностью и разумным консерватизмом, что проявилось в таких его личных качествах, по мнению Ш. Мулена⁴, как политический темперамент, ораторский дар, прозорливость, целеустремленность, честолюбие, рано проявившийся патриотизм. Он окончил колледж Св. Павла в Ангулеме, а затем юридический и филологический факультеты Парижского университета и Школу политических наук. Существует версия о том, что в молодости он был членом правой монархической, а потом профашистской организации «Аксьон франсез». Бывший премьер-министр М. Дебре однажды с трибуны сената даже упрекал Ф. Миттерана за его прежние связи с крайне правыми кругами. Отрицая это, Миттеран заявлял, что в сту-

³ Décret du 8 janvier 1996 portant déclaration de deuil national // Journal officiel de la République française. Lois et décrets. 1996. № 8.

⁴ *Moulin Charles*. Mitteran intime. Paris, Albin Michel, collection «Н comme histoire», 1982.

денческие годы он не занимался активной политической деятельностью, хотя на митингах «слушал Тореза и Дорио, Блюма и Лярока».

Большое впечатление на Миттерана произвели события, связанные с приходом к власти во Франции правительства Народного фронта. Он писал впоследствии, что, увидев стихийные проявления всеобщей радости масс на площади Бастилии, понял, «что есть в политике вещи, ради которых стоит жить и умирать»⁴.

Наиболее значительным этапом в формировании мировоззрения Миттерана явился период Второй мировой войны. Участие в боях с немецкими войсками и тяжелое ранение, плен и три побега из концентрационного лагеря, работа в пресс-центре вишистского комиссариата по делам военнопленных, руководство одной из крупных организаций движения Сопротивления – все это наложило отпечаток на его личность, способствовало формированию политических убеждений. Находясь в плену, Миттеран отрешился от многих своих католических ценностей. Уверенность в незыблемости социальной иерархии сменилась «идеей необходимости глубокой структурной перестройки общества во имя благополучия большинства его членов, то есть первичной идеей социализма»⁵. Вместе с тем он не забывал о предвзятом отношении к марксистско-ленинскому учению и его последователям – коммунистам.

Это обусловило дальнейший политический путь будущего президента. С одной стороны, Миттеран отказался безоговорочно примкнуть к де Голлю, поскольку считал его «чрезмерно авторитарным» и «слишком далеким» от забот и мыслей простых французов. С другой стороны, контакты с коммунистами в ходе подпольной борьбы лишь убедили его в необходимости «соблюдать дистанцию» по отношению к ФКП. Миттеран стремился «к труднодостижимому равновесию между бдительностью, которая исключает сближение, и доверием, которое позволяет все»⁵.

В послевоенные годы, когда Миттеран уже начал министерскую карьеру, он не примкнул ни к одной из существовавших тогда крупных политических партий, а основал небольшую левоцентристскую группировку Демократический и Социалистический союз Сопротивления (ЮДСР), на базе которой потом им была создана политическая организация «Конвент республиканских институтов».

Эта организация в 1971 г. объединилась с социалистами, и на съезде в Эпине Миттеран был избран первым секретарем Французской социалистической партии (ФСП). На этом посту он оставался вплоть до последних 1981 г.

Миттеран входил в состав 11 правительств Четвертой республики, в том числе был министром внутренних дел и юстиции.

Социалистом по убеждению Миттеран стал лишь после майских событий 1968 г., до этого же он был ближе к радикалам. Изучать марксизм начал лишь в 70-е гг, уже будучи первым секретарем ФСП, но и тогда

⁵ *Maceron C., Pingaud B.* Francois Mitteran: l'homme, les idées, le programme. Paris, 1981.

не стал его приверженцем. С установление режима Пятой республики одним из первых он встал в оппозицию голлистам, а в 1965 г. впервые выставил свою кандидатуру на президентский пост, получил поддержку ФКП и собрал 46 % голосов, лишь немного уступив де Голлю. С одной стороны, этот результат убедил его в растущей непопулярности голлистской внутренней политики, с другой – показал, сколь большое значение для исхода борьбы с правительственной коалицией имеет единство лагеря левых сил.

Миттеран осуждал тактику коммунистов, но вел с ними лишь идейную борьбу, понимая невозможность существования без них левого большинства. Критикуя режим личной власти, Миттеран, по словам Ш. Мулена, напоминал, что XX век отмечен русской революцией 1917 г. и окончанием колониальной эры. Отвергнув опыт «восточного социализма», он претендовал на создание французского, исключаящего принцип однопартийности руководства.

Миттеран понял необходимость союза с ФКП. На президентских выборах 1974 г. он собрал уже более 49 % голосов. Однако, почувствовав невыгодность своего положения, лидеры ФКП отходят от идеи фронта народных сил, и осенью 1977 г. в ходе дискуссии об обновлении правительственной программы стало очевидно, что левому блоку грозит раскол. Миттеран оказался «на самом сложном» этапе своей политической карьеры⁶.

К этому времени его позиции в стране настолько усилились, а идея прихода к власти левых сил настолько овладела широкими массами, что Миттеран выигрывает на президентских выборах 1981 г., благодаря вынужденной поддержке коммунистов во втором туре голосования.

Особое внимание Ю.Н. Панкова заслужили идейно-политические взгляды Миттерана и, в частности, трактовка им понятия борьбы за социализм. Миттеран заявлял, что «подлинный» социализм еще нигде не построен и что именно ФСП может стать одним из пионеров в этой области. Социалисты должны взять лучшее от двух «теоретических культур», ведущих начало от Ж. Жореса и Ж. Гада. Если первая связана, прежде всего, с захватом государственной власти, разрывом с экономической системой капитализма и строительством производственных отношений нового типа, то вторая отдает приоритет «развитию солидарности на низовом уровне, ослаблению власти и поощрению духа освобождения»⁷.

Миттеран не говорил конкретно, каким образом социалисты должны сделать эти «культуры» взаимодополняющими. Он ограничился указанием, что «социализм нуждается во всех тех, кто отвергает власть господствующего класса и отчуждение человека». Подвергая критике современное капиталистическое общество, Миттеран уповал в борьбе за социализм лишь на средства, допускаемые буржуазной демократией. Объявляя себя сторонником революции (а не реформизма), он в то же вре-

⁶ *Manceron Claude*. Cent mille voix par jour pour Francois Mitteran. Paris, 1966.

⁷ *Mitteran Ф.* Здесь и сейчас. М., 1981.

мя уточнял, что выступает за «революцию путем структурных реформ». «...Ежедневная борьба за категорическую реформу, – пишет Миттеран в разделе “Разрыв”, – может быть по существу революционной. Но... будучи насильственной или мирной, революция – это прежде всего разрыв. Разрыв с установленным политическим порядком, разрыв с капиталистическим обществом»⁸. Правящий класс стремится сохранить свою привилегию владения землей и средствами производства, поэтому в разделе «Миссия социализма» Ф. Миттеран продолжает свою идею «трансформации экономических структур», которая заставит этот класс отказаться от них.

Сосредоточение в руках государства важнейших рычагов управления экономикой (путем национализации основных монополий), развитие экономической демократии (введение самоуправления на предприятиях), расширение политической демократии (в частности, через определенную децентрализацию государственного управления) – таковы, согласно Миттерану, главные направления «революционной деятельности» социалистов.

Идея взаимодействия звучит и в концепции Миттерана о создании на базе ЕЭС союза государств Западной Европы, в компетенцию которого входили бы не только экономические, но и политические вопросы. Лозунг ускорения западноевропейской интеграции Миттеран мотивирует традиционными для буржуазной пропаганды утверждениями о «разделе мира» на сферы влияния между СССР и США и необходимостью в связи с этим создать противовес «сверхдержавам». В то же время он считал нужным сохранять членство Франции в Североатлантическом союзе. Миттеран выступал за независимый курс внешней политики Франции по отношению к США, однако в «общих рамках “большей спаянности” того, что называют Западом, и того, что называют Европой», в противовес Советскому Союзу, употребляя такие выражения, как «советский империализм» и «русская империя».

Вместе с тем во внешнеполитической программе Миттерана содержатся призывы поддержать политическое, экономическое и научно-техническое сотрудничество Франции с СССР, Мадридскую конференцию, заявление об отрицательном отношении социалистов к разработке и производству нейтрального оружия.

Миттеран так и остался по своим убеждениям социалистом, как ни убеждают в обратном публику некоторые его биографы⁹. Актуальность выбранной проблематики обусловлена многими политическими проблемами современности, спровоцированными в том числе и «негибкостью» дипломатического курса политики некоторых стран.

Не будем забывать, что догма и Миттеран несовместимы. Этот политический лидер подстраивал свою политическую программу каждый

⁸ *Mitteran F. Politique 2, 1977–1981. Paris, 1981.*

⁹ *Nay Catherine. Les sept Mitterand ou les metamorphoses d'un septennat. Paris, 1988.*

раз под французские реалии и избегал слишком жестких формулировок, справедливо предугадывая возможные изменения в общественных запросах. Благодаря чему ему удалось вывести партию социалистов из вечной оппозиции. Его целеустремленность стала легендой. Соперник Миттерана на президентских выборах 1981 г. Эдгар Фор, зайдя поздравить Миттерана с победой, сказал, что причина его проигрыша лишь в том, что он бы «не смог никогда ждать своего часа в течение 23 лет в оппозиции»¹⁰.

¹⁰ Эпоха Миттерана //Коммерсантъ. 1996. № 5.

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБКОМ КПСС В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ:
1990 ГОД И ПОПЫТКИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ. ОТ НОВЫХ
ИСТОЧНИКОВ К ПОНИМАНИЮ ВНУТРЕННИХ ПРОЦЕССОВ**

Савинова Наталья Викторовна, к.и.н.

(Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга)

Проблемы становления новой политической системы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. нашли широкое отражение в отечественной и зарубежной историографии¹. В большинстве работ анализу подвергались процессы, происходящие на общесоюзном и республиканском уровнях. Издание «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», в котором освещались вопросы структурного развития и методов работы ленинградского партийного аппарата, к сожалению, заканчивалось анализом событий 1985 г.² С другой стороны, до недавнего времени исследователям был недоступен целый комплекс источников: протоколы и стенограммы заседаний пленумов, протоколы бюро и секретариата Ленинградского обкома (ЛОК) КПСС и материалы к ним³. Эти документы представляют ценность для понимания процессов, происходящих внутри ленинградской партийной организации в условиях демократизации советского общества.

Целью статьи стало изучение положения ЛОК КПСС в период, когда в стране был сделан значительный шаг к изменению политической и государственной системы. 14 марта 1990 г. был принят закон «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР». Отмена прежней ст. 6 Конституции СССР привела к потере Коммунистической партией Советского Союза руководящей функции. КПСС перестала быть «руководящей и направляющей силой советского общества»⁴. В июне была образована Коммунистическая

¹ См. подробнее: *Тарасова Е.А.* Потерянная альтернатива: Становление новой политической системы России в 1990–1993 гг. СПб., 2012. С. 5–30.

² Очерки истории Ленинградской организации КПСС: в 3 т. Т. 1. 1883–1917. Л., 1980. 517 с. Т. 2. 1918–1945. Л., 1980. 539 с. Т. 3. 1945–1985. Л., 1985. 991 с.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 249. Ч. 1 (дел постоянного хранения протокольного сектора общего отдела ЛОК КПСС) за 1989–1991 гг.

⁴ См.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 573.

партия РСФСР. В октябре 1990 г. принят закон «Об общественных объединениях», окончательно закрепивший многопартийную систему.

1990 год для ЛОК КПСС ознаменовался значительной внутренней реструктуризацией. Еще в ноябре 1989 г. было принято постановление о совмещении постов первых секретарей ЛОК КПСС и Ленинградского горкома (ЛГК) КПСС. 22 февраля 1990 г. совместный пленум ЛОК и ЛГК КПСС принял постановление о создании единого аппарата двух партийных комитетов⁵. Принципиальным был вопрос о том, какими должны быть руководящие органы. «Мы провели опрос большой группы коммунистов – сотен тысяч человек. И то, что абсолютное большинство опрошенных высказалось за создание единого партийного комитета... должно быть для нас решающим», – отмечал первый секретарь ЛОК КПСС Б.В. Гидаспов⁶.

В новой структуре ленинградской партийной организации, «избавленной от отраслевых и территориальных “перегородок”», члены КПСС, работающие в области, должны были более активно включиться в решение проблем ленинградского региона⁷. Решение об объединении аппаратов двух комитетов было принято «с учетом необходимости исключения параллелизма и дублирования, более динамичного освоения политических методов работы, глубокого изучения происходящих в жизни процессов, сплочения усилий всех общественно-политических организаций и движений в осуществлении задач перестройки»⁸.

Требовались новые люди, которых можно было найти, радикально изменив механизм выборов. «Следует вернуться к правильному, логичной диктуемому подбору кандидатов, в основе которого прямой, тайный и многовариантный, с участием любого числа претендентов выбор делегатов на конференцию», – говорилось на пленуме⁹.

Вскоре после февральского пленума бюро ЛОК и ЛГК КПСС принимает решение об упразднении восьми существующих и создании на их основе четырех объединенных отделов: организационно-партийной и кадровой работы, идеологического, социально-экономического и общего¹⁰. Окончательную реорганизацию, «максимально увязав ее со структурой нового обкома и его функциями», с учетом требований оптимальной численности аппарата, повышения его компетентности, исключения бюрократических проявлений, строгого подчинения выборным органам, предстояло провести после утверждения на объединенной ХХІХ областной и ХХVІІ городской конференции Ленинградской партийной организации¹¹.

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 249. Д. 232. Л. 98.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 98; См. также: Л. 108–111 – Положение о формировании руководящих органов Ленинградской областной партийной организации. Копия.

⁹ Там же. Л. 15–16.

¹⁰ Там же. Д. 236. Л. 9.

¹¹ Там же.

Накануне открытия объединенной конференции актуальным вопросом были меры, которые следовало предпринять независимо от того, как будет меняться обстановка: наметить пути консолидации, бороться за тех, кого агитирует «Демократическая платформа», и т. п.¹² «Шестая статья Конституции СССР поправлена, но это не значит, что мы можем быть в стороне от всего, что было... Сегодня надо громко и ясно заявить: партия есть, партия знает, что делать, она сознательно шла на разоблачение своих ошибок и их оценку», – отмечалось на совместном пленуме ЛОК и ЛГК КПСС 19 апреля 1990 г.¹³

Первые шаги по конструированию ЛОК КПСС нового состава выразились в предложении увеличить число секретарей ЛОК, в состав бюро избрать трех – минимум, без которого работа ЛОК и аппарата представлялась невозможной¹⁴. Обсуждение кандидатур для выборов в секретариат и бюро переросло в длительную дискуссию, ввиду опасений негативной реакции на отдельные фамилии, наличия среди кандидатов лиц, не избранных в состав ЛОК и не являвшихся делегатами конференции¹⁵. Высказывались предложения не предлагать фамилии тех, кто допустил идеологические просчеты, вызвавшие дестабилизацию¹⁶.

В мае 1990 г. была выработана структура ЛОК КПСС, с небольшими корректировками просуществовавшая до августа 1991 г.¹⁷ Одним из вопросов, звучавших в обсуждениях, был контроль за работой аппарата. «Во главе должны стоять выборные органы. Почему не получилось у старого состава обкома партии? Потому что старый состав обкома партии формировался по иерархическому номенклатурному подходу», – отмечал Б.В. Гидаспов¹⁸.

В основу поиска приемлемого варианта структуры ЛОК КПСС легли принципы: четкого разграничения функций партийных, государственных и хозяйственных органов; отказа от узкоотраслевого принципа формирования комиссий обкома; обеспечения приоритета и руководящей роли выборного органа над аппаратом¹⁹. Новым в структуре было создание отделов комиссий, которые условно называли организационно-консультативными²⁰.

Политическая позиция и Программа действий ЛОК КПСС получили освещение на пленуме ЛОК 30 августа 1990 г.: по отношению к государ-

¹² Там же. Д. 242. Л. 15–16.

¹³ Там же. Л. 9–10.

¹⁴ Там же. Д. 245. Л. 3.

¹⁵ Там же. Д. 248. Л. 9.

¹⁶ Там же. Д. 245. Л. 5.

¹⁷ См.: Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Путеводитель / отв. сост. Н.Б. Лебедева. М., 2000. С. 85–86.

¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 249. Д. 248. Л. 8.

¹⁹ Там же. Д. 251. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 5, 33 (схема структуры ЛОК КПСС на 11 мая 1990 г.).

ству КПСС занимает положение партии политического оппонирования и конструктивной оппозиции в случаях, когда государственная политика входит в противоречие с интересами трудящихся, когда деструктивные силы проникают в институты государственной власти и начинают наступление на гражданские права и свободы личности. Осознание этой новой роли КПСС чрезвычайно важно для разработки ее стратегии и тактики при переходе к рынку и многопартийности. ЛОК КПСС видит роль обновляемой КПСС «как роль партии социальной защиты человека труда»²¹.

Изучение процессов, происходящих в ЛОК КПСС в 1990 г., показало, что основные усилия были направлены на выработку новой структурной формы, в которой аппарат должен был эффективно действовать в условиях демократизации общества, многопартийности, широкой гласности, многоукладности экономики. Новая структура явилась попыткой обеспечить высокую работоспособность, мобильность и хорошую управляемость аппарата.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 249. Д. 260. Л. 87–98.

**ЖИЗНЬ В ГУЛАГЕ И ПОСЛЕ НЕГО
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ В.Д. НЕФЕЛИНА
С И.Н. И П.А. БОРОЗДИНЫМИ В АРХИВЕ РАН)**

*Селиванова Ольга Владимировна, к.и.н
(Архив РАН)*

Вопросы советских репрессий не теряют актуальности; горячие споры по-прежнему ведутся вокруг количества заключенных, но воспоминания выживших, их социальная адаптация в мире вне лагеря представляются не менее важными. В связи с этим к рассмотрению предлагаются письма украинского писателя В.Д. Нефелина Илье Николаевичу¹ и Полине Андреевне² Бороздиным из фонда № 2181 АРАН³.

Нефелин (Нагорский) Василий Данилович (1907–1968) родился в Киевской области в крестьянской семье, работал учителем. В 20-е гг. начал литературную деятельность. Входил в черниговский филиал «Плуга»⁴. Его заметил С. Пилипенко и пригласил в Харьков в редакцию журнала «Плуг». В 1930–1931 гг. Нефелин был его ответственным секретарем. Вскоре он вернулся в Чернигов к учительскому труду, но в 1937 г. был обвинен в принадлежности к Украинской контрреволюционной организации. В вину вменялось то, что он близко общался с Пилипенко – активным участником организации⁵, а также в частных разговорах высказывался о тяжелой жизни служащих. За это в 1937 г. он был приговорен к ИТЛ на 10 лет. Освобожденный в 1946 г., жил в Остре, работал учителем, публиковался.

¹ Бороздин И.Н. (1883–1959) – историк, археолог, педагог. В 1935 г. арестован, осужден на три года высылки в Алма-Ату. В 1937 г. снова арест, осужден на 10 лет. Освобожден в 1943 г. Реабилитирован по обоим делам в 1955 г. См. подробнее: *Бороздина П.А.* Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. Воронеж, 2000; *Селиванова О.В.* Бороздин Илья Николаевич. Лица Москвы. Московская энциклопедия. Т. 1. М., 2014. Кн. 6. С. 137.

² Бороздина П.А. (1921–2017) – литературовед, педагог. Жена И.Н. Бороздина.

³ Фонд находится в процессе обработки.

⁴ «Плуг» – объединение крестьянских писателей на Украине (1921–1932 гг.) Организаторами и активными членами союза были С. Пилипенко (председатель), А. Панов, И. Шевченко, П. Панч, Д. Гуменная, Г. Коляда и др. Они освещали жизнь украинского села. Печатные органы: ж. «Плуг», «Плужанин».

⁵ Расстрелян.

В АРАН сохранилось четыре письма Нефелина Илье Николаевичу⁶ и 34 – Полине Андреевне (после смерти Бороздина). Именно из последних удалось узнать подробности пребывания историка в ИТЛ – сам он жене не рассказывал почти ничего.

Первое письмо Полине Андреевне датировано 3 января 1960 г.; Нефелин рассказывает о знакомстве с Бороздиным: «Мы встретились летом 1938 г. в Манзовке на Дальнем Востоке и 5 с лишним лет провели в тех краях... вместе работали и отдыхали, делясь буквально всем. Илья Николаевич пользовался большим уважением – как начальства, так и “подчиненных”, – и ему удавалось иногда то, что для остальных было недоступным. Так, он достал напечатанный на гектографе “Опасный поворот” Пристли, и мы ночами упивались великолепной пьесой».

Бороздин любил и прекрасно знал литературу и историю, был знаком со многими писателями и поэтами (К. Бальмонт, А. Белый, А. Блок, М. Волошин, С. Есенин, А. Мариенгоф, П. Павленко), не говоря уже об историках. «Илья Николаевич часами рассказывал про них, и за этими рассказами мы забывали о своем положении: двигалось легче, сохранялась вера в жизнь и надежда, человеческое достоинство. Тем, что мне пришлось и выжить, и вынести из тяжелых испытаний незамутненную веру в жизнь и человека, я во многом обязан ежедневному общению с Ильей Николаевичем, пройденному под его руководством “университету”». И в последующих письмах он не раз вспомнит о таланте Бороздина-рассказчика, который очень ценился в лагерях, помогая хоть ненадолго забыть мрак будней: «Он умел и любил рассказывать, и его восторженно слушали и интеллигенты, и “ангелы”, и раклы с урками. У нас бывали даже неофициальные “вечера рассказов профессора”».

В письме от 14.05.1960 писатель вспоминает о том, как в заключении Бороздина в прямом смысле спасла связь с сестрой. Тамара Николаевна не только поддерживала его письмами и посылками (даже достала двухтомник какого-то французского историка с дарственной надписью), но и использовала с мужем⁷ все возможные связи, чтобы ускорить освобождение брата.

В 1962 г. Нефелин делится замыслом: «Очень хочется написать об И.Н... например, как два негодя-уголовника, начальствовавшие в лагере, форса ради назначили дневальными профессора и газетчика, как куражились, пока дневальные не устроили забастовку, посидели в “кандее”, но все-таки были отправлены в другой лагерь».

В заключении Бороздин пользовался определенным влиянием, даже начальство иногда прислушивалось к его доводам. Так, Нефелин рассказывал, как в Известковой появилась Е. Ильинская, актриса Малого театра; когда Бороздин узнал, кто она, употребил все силы на то, чтобы ее,

⁶ Нефелин прочитал заметку о Бороздине в газете «Литература и жизнь» и нашел его через справочное бюро.

⁷ Козьмин Б.П. (1883–1958) – советский историк и литературовед, специалист по наследию русской революционной демократии.

изнуренную, перевели в «созданный при управлении “агит-коллектив”⁸... Мы видели потом ее в “Женитьбе”...». Подобная же ситуация повторилась, когда в Известковую попала артистка Э. Урусова.

С тем же письмом Нефелин послал небольшой рассказ⁹: «Мне хотелось сказать многое в малом: и о положении лагерников, и о том, что не все черные были, от кого зависела судьба заключенных (между прочим, в № 26 “Лит. газеты” об этом упоминает и Г. Серебрякова – и вполне правильно. У Солженицына же все подлецы)». Не раз он вспоминал начальника М.Я. Чмуля: «Среди наших начальников... был замечательный человек, чуткий, умный, деловой; Илью Николаевича он уважал и берег».

В ответ на присланное Бороздиной фото агитколлектива Нефелин пишет 21.04.1963: «...если судить только по ним, – в лагере был рай... а ведь это... счастливое исключение... и Ильинская с Урусовой в свое время были на скальных работах, прачками, а Бороздин и Нефелин – дневальными, кубогреями, землекопами, лесорубами, даже ассенизаторами».

Во многих письмах Нефелин отмечал стойкую веру Бороздина «в справедливость, в то, что люди и время дадут правильную оценку всенародному страданию, частичкой которого мы были. Это было очень тяжело – так верить среди окружавшей нас мерзости, – но он верил... вселял свою веру в других»¹⁰.

В 1964 г. П.А. Бороздина встречалась с Э. Урусовой. Нефелин на это пишет: «Вспоминать о тяжелом прошлом не всегда тяжело, участники подобных встреч испытывают не только грусть, но и своеобразную радость, что удалось преодолеть все испытания, выстоять и пожить еще...»

Интересно, что в письме от 18.02.1964 Нефелин упоминает композитора Белого¹¹: «...недавно... узнал, что в Москве живет и здравствует композитор Белый. Он также должен хорошо помнить Илью Николаевича: в 38-м г. в Манзовке... Белый был там, работал в “инструменталке”». Однако ни в одной из биографий композитора нет упоминания о заключении.

Несмотря на весь кошмар пережитого, подорванное здоровье, Нефелин пишет так, что чувствуется радость от того, что человек смог выжить в лагере, – и наслаждается этой жизнью (весна, любимый труд, рыбалка, желание приехать в Воронеж к дню рождения Бороздина; даже

⁸ Официальной доктриной органов с 1930-х гг. была т. н. «перековка», призванная доказать постулат, что советские ИТЛ предназначены для исправления, а не порчи преступников. Сознание «враждебных элементов» перековывали трудом, печатью, образованием и искусством. Каждый район ИТЛ стремился иметь свои худколлективы и агитбригады, выступавшие на концертах, слетах.

⁹ Рассказ назывался «Девятнадцатый», в печать не пропустили.

¹⁰ Сам Бороздин, не признав вины, не раз обращался в высокие инстанции, помогал писать прошения заключенным; видимо, он же сподвиг на это Нефелина: в 1939 г. тот писал на имя В. Молотова. Но только в 1944 г. он был досрочно освобожден как неизлечимо больной. Обвинение снято в 1956 г.

¹¹ Белый Виктор Аркадьевич (1904–1983) – композитор, педагог. Автор знаменитой песни «Орленок».

упоминания о своих болезнях переводит в шутку). Видимо, для многих только так и можно было справиться с воспоминаниями об ужасах лагерей. Искренней радостью веет от строк писателя: «...еще приятнее узнать, что Илья Николаевич, которого я видел в тяжелейших испытаниях и муках, после этого был по-человечески счастлив».

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ 1920-х гг.: НАУКА В ПОИСКАХ БЕССМЕРТИЯ¹

Слискова Валерия Викторовна
(Российский государственный гуманитарный
университет)

После Революции 1917 г. утопические идеи построения «нового общества» и создания «нового человека» были тесно связаны с развитием науки. Это общество будущего виделось как коммунистическое и сциентистское, ведущая роль в котором должна принадлежать науке. Некоторые исследователи обозначают политику большевиков как «наукokratическую утопию»²; при их поддержке в начале 1920-х гг. начался рост числа научно-исследовательских институтов, лабораторий, бюро, а исследования приобрели экспериментальный характер³. Практическое воплощение идеи «нового человека» оказалось связано, прежде всего, с биологией и медициной. Научные разработки оказались актуализированы в социалистическом обществе, обернувшись идеей хирургического преобразования человека и поисками бессмертия. Так, идея «нового человека» оказалась в поле экспериментальных исследований.

Центральной фигурой в изучении взаимодействия утопии и науки является идеолог, врач-экспериментатор, директор Института переливания крови А.А. Богданов (Малиновский, 1873–1928). А.А. Богданов считается основателем советского научно-фантастического жанра: написанные им романы «Красная звезда» и «Инженер Мэнни» были опубликованы еще в 1908 и 1913 гг. В этих произведениях автор изобразил коммунистическое общество Марса, жители которого образуют единый социальный организм посредством взаимного обмена кровью. В основу сюжета была положена сформулированная А.А. Богдановым идея «физиологического коллективизма» – посредством переливаний старшее поколение передает опыт младшему и происходит постоянное омоложение членов общества.

¹ Публикация подготовлена при поддержке программы «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ», проект «Советский научный эксперимент 1920-х гг.: фантастические идеи и социальная практика».

² *Сидорчук И.В.* Может ли ученый спасти мир? (По страницам советской научно-фантастической литературы 1920-х гг.) // *Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. Коллективная монография.* СПб., 2017. С. 380.

³ *Долгова Е.А., Слискова В.В.* Научная фантастика и научная практика: в поисках «революционной науки» // «Стены и мосты – VI»: практика междисциплинарных исследований в истории. М., 2018. С. 170.

Литературное творчество А.А. Богданова – яркий пример того, как научная фантастика задавала вектор реальным экспериментальным исследованиям. Во время пребывания в Лондоне в 1922 г. он заинтересовался методом лечения посредством переливания крови⁴. Вернувшись в Москву, А.А. Богданов приступил к обустройству лаборатории для проведения экспериментов. Первое переливание состоялось в 1924 г. в строгой секретности и завершилось успехом. Постепенно метод переливания стал применяться для лечения заболеваний крови. Слухи о положительных результатах работы А.А. Богданова быстро распространились в кругах партийной элиты⁵. Кроме того, многих интересовала идея омоложения через обмен кровью. Так об этом писал сам экспериментатор в 1923 г.: «Стала практически осуществима моя старая мечта об опытах развития жизненной энергии путем “физиологического коллективизма”, обмена крови между людьми, укрепляющего каждый организм по линиям его слабости»⁶. Это сыграло решающую роль в учреждении Института переливания крови в Москве в 1926 г. А.А. Богданов продолжил работу в должности директора института. К началу 1928 г. среди результатов исследований насчитывался «ряд случаев несомненного спасения жизни и возвращения здоровья больным, абсолютно безнадежным для старой медицины»⁷.

Однако воплотить в жизнь концепцию «физиологического коллективизма» и идею омоложения А.А. Богданову не удалось. В апреле 1928 г. в результате двенадцатого по счету переливания состояние А.А. Богданова резко ухудшилось, и спустя две недели ученый умер. Его работа внесла значительный вклад в развитии советской гематологии. Институту переливания крови было присвоено имя основателя. К 1940 г. он стал центром создания системы донорства в СССР⁸.

Как самостоятельную проблему задачу омоложения человеческого организма ставил французский хирург русского происхождения Сергей Абрамович Воронов (1866–1951), который приобрел мировую известность благодаря операциям по омоложению. Еще в конце 1890-х гг. С.А. Воронов выдвинул гипотезу о взаимосвязи процессов омоложения и деятельности желез внутренней секреции. В 1913 г. он приступил к экспериментальным исследованиям на козлах и баранах, а воссоздать благоприятные условия для успешного функционирования привитой семенной железы ему удалось только в 1917 г. Впоследствии объектом исследований С.А. Воронова

⁴ *Krementsov N.L.* A martian stranded on Earth: Alexander Bogdanov, blood transfusions, and proletarian science. P. 59.

⁵ *Большакова О.В.* Формирование нового человека: биомедицинские науки в России XX в. С. 67–68.

⁶ Неизвестный Богданов: в 3 кн. / под ред. Г.А. Бордюгова. Кн. 1.: А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928. М., 1995. С. 38.

⁷ Там же. С. 138.

⁸ *Тюкин В.П., Фионик О.В., Чурилов Л.П.* Универсант серебряного века: А.А. Богданов – врач, естествоиспытатель и философ // Вестник СПбГУ. Сер. 11, Вып. 2. СПб., 2010. С. 257.

стала пересадка органов и тканей от обезьяны человеку. Первая пересадка семенных желез состоялась в Париже в 1920 г.⁹

Результаты были подробно описаны в его монографии «Сорок три прививки от обезьяны человеку (омоложение)», изданной на русском языке в 1924 г.¹⁰ В ней были представлены фотографии пациентов «до» и «после» операции омоложения с указанием конкретных симптомов старения и постоперационных преобразований внешнего вида. Такое заявление не могло не вызвать общественного резонанса, ведь вопрос омоложения, в том числе и продления таким образом жизни, оставался одним из наиболее острых в 1920-е гг. Операции быстро получили известность среди населения. Открытия «доктора Воронова» систематически освещались на страницах отечественной периодики 1920-х гг. Авторы статей постоянно подчеркивали, что «наш соотечественник доктор Воронов» достиг высоких результатов в области изучения гормонов и омоложения организма¹¹. Кроме того, сам С.А. Воронов стал прототипом литературного героя, доктора Сорокина, в научно-фантастическом романе А.Р. Беляева «Человек, потерявший лицо» (1929)¹².

Следует отметить, что эксперименты С.А. Воронова стали отправной точкой для последующего развития подобных исследований в области омоложения организма уже на территории Советского Союза¹³. В начале 1920-х гг. с появлением специализированных статей о его исследованиях тема гормонального омоложения становилась все более популярной среди отечественного научного сообщества¹⁴.

Экспериментальные исследования А.А. Богданова и С.А. Воронова не достигли заявленной ими цели: омоложение посредством переливания крови или трансплантации органов не было подтверждено практически. Идея «физиологического коллективизма» продолжает жить на страницах «социалистических романов» А.А. Богданова, а операции С.А. Воронова – на страницах научно-фантастических. Тем не менее результаты их деятельности оказали влияние на развитие таких дисциплин, как гематология, трансплантология и эндокринология. Благодаря чему наука приблизилась к решению важных практических задач, связанных с продлением жизни человека, но уже посредством корректного лечения.

⁹ *Воронов С.* Сорок три прививки от обезьяны человеку: омоложение. М.; Л., 1924. С. 8.

¹⁰ *Воронов С.* Указ. соч.

¹¹ Поездка доктора Воронова в Африку // Известия. 1925. №2. С. 6. Новые опыты доктора Воронова // Огонек. 1926. № 36. С. 4; Может ли обезьяна родить человека? // Огонек. 1926. № 39. С. 4.

¹² В 1940 г. роман был переиздан под названием «Человек, нашедший свое лицо».

¹³ *Гобер А.* Старость и омоложение: популярное изложение вопроса о старости и омоложении. М., 1923. С. 16.

¹⁴ *Krementsov N.L.* Revolutionary experiments: the quest for immortality in Bolshevik science and fiction. Oxford, 2014. P. 135.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В КИТАЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. БУРЛАЦКОГО

Соболев Владимир Андреевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Анализ исследования социально-политических преобразований в Китае¹ в 1949–1982 гг.² в творчестве *Федора Михайловича Бурлацкого*³ можно начать с обращения к книге под названием «Маоизм – угроза социализму в Китае». В ней, исследуя Китай, Ф.М. Бурлацкий предлагает отказаться от проведения аналогий между процессами, происходившими в период «культурной революции», и другими историческими событиями: «Многие зарубежные исследователи современного Китая заняты сейчас поиском аналогий нынешним китайским событиям в тех явлениях, которые имели место в этой стране столетия, а то и тысячелетия назад. Они ищут следы ожесточенной политической борьбы и неудачных

¹ См.: История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Институт Дальнего Востока РАН. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / отв. ред. Ю.М. Галенович. М., 2017. 824 с.; История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Институт Дальнего Востока РАН. Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. М., 2016. 996 с.

² См.: *Делюсин Л.П.* Каково место Мао Цзэдуна в истории страны // Азия и Африка сегодня. 2001. № 2. С. 22–26; *Делюсин Л.П.* Величие и трагедия Дэн Сяопина // Азия и Африка сегодня. 2002. № 4. С. 7–14; *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М., 2005. 323 с.; *Тельбизов В.В.* Дэн Сяопин. Принципы политической теории и практики. М., 2006. 119 с.; *Усов В.Н.* Дэн Сяопин и его время. М.: Стилсервис, 2009. 842 с.; *Воскресенский А.Д.* Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «китайской модели» // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. № 1 (14). С. 120–138; К 50-летию «культурной революции» в КНР (Круглый стол в ПДВ) / В.Я. Портяков, Я.М. Бергер, О.Н. Борох и др. // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 100–143.

³ Подробнее о личности Ф.М. Бурлацкого см.: *Соболев В.А.* Значение Ф.М. Бурлацкого для становления и развития политической науки в России // Русская политология. 2018. № 1 (6). С. 152–158; *Соболев В.А., Шириняц А.А.* Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № 5. С. 25–42; *Шестопал Е.Б., Шутков А.Ю.* Памяти Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 3. С. 124–127.

реформ современного Китая в далеких, забытых или полузабытых традициях. И все мотив о том, что Восток остается Востоком; они утверждают, что даже когда Восток воспринимает нечто у Запада, он перерабатывает это на свой лад таким образом, что полностью меняет природу воспринимаемого»⁴.

Ф.М. Бурлацкий считает, что исследуя Китай, необходимо проводить объективный анализ: «Нам представляется неверным как игнорировать исторические традиции, которые в той или иной форме возрождаются сейчас в Китае, так и переоценивать их значение, смазывать, по существу, необходимость всестороннего анализа того социального и политического феномена, который представляет собой современный Китай»⁵.

Народы, по мнению Ф.М. Бурлацкого, «в том числе и такие великие, как китайский, имеющий за своими плечами тысячелетия развития, знают и ровные, сравнительно спокойные периоды, и бурные, скачкообразные, насыщенные ожесточенной борьбой и коренными преобразованиями. Но при всем том невозможно забывать, что все это – история одного народа, не разделенная на куски, а непрерывная в своей прерывности, единая в своих перепадах. И даже такой крутой перелом, как китайская революция, которая захватила все стороны социальной жизни страны, проникла во все уголки китайского общества, не может рассматриваться вне связи с предыдущей историей, с уровнем экономического, социального, политического развития, с традициями культуры и национальной психологии, с бытом, нравами, привычками многомиллионных масс»⁶.

В ноябре 1975 г. в преддверии XXV съезда КПСС Ф.М. Бурлацким была подготовлена аналитическая записка в отношении Китая, где он обосновывал необходимость:

1. *Отразить* в материалах XXV съезда не только в основных докладах, но и в выступлениях делегатов, в особенности представителей компартий, *новые оценки нынешней политики КПК и КНР, которая в современных условиях все более становится одним из центров экстремизма и социально-политической реакции. Отметить факт разгрома сил интернационалистов в КПК и борьбу двух основных направлений экстремистов и умеренных в рамках великодержавного национализма и маоизма в его различных вариациях.*

2. Поскольку идеологические позиции КПК как партии, стоящей на позициях маоизма, а не марксизма-ленинизма, фактически не оставляют места в обозримой перспективе для восстановления единства на позициях пролетарского интернационализма, *подчеркнуть готовность СССР строить свои отношения с КНР на принципах мирного сосуществования, необходимость вовлечения этой страны в систему международных обя-*

⁴ Бурлацкий Ф.М. Маоизм – угроза социализму в Китае. М., 1968. С. 180.

⁵ Там же. С. 180.

⁶ Там же. С. 181.

зательств в целях предотвращения ее экстремистских действий в любых направлениях.

3. Обратиться с закрытым письмом после съезда ко всем членам КПСС и советскому активу, в котором изложить всю остроту и сложность китайской проблемы, призвать к бдительности и борьбе с прокитайскими взглядами, реагировать на высказывания прокитайских идей с такой же остротой и непримиримостью, как и на проникновение идеологии правооппортунистических элементов Чехословакии и Югославии.

4. В открытой печати усилить критику, направленную лично против Мао и приближенных к нему лиц, оказывать осторожную поддержку умеренным в КПК, рассеивать в то же время иллюзии относительно периода «после Мао», подчеркивая идеологическую, политическую и военную угрозу КПК и КНР.

5. Разработать по китайскому вопросу долгосрочную программу, рассчитанную на длительную перспективу и учитывающую возможные варианты расстановки сил в будущем⁷.

В книге «Мао Цзэдун: “Наш коронный номер – это война, диктатура»» Ф.М. Бурлацкий отмечает, что только двое из известных ему вождей могли бы составить конкуренцию Мао Цзэдуну по времени нахождения у «кормила власти, – Франко в Испании, сумевший пережить даже идеологию фалангизма, и генералиссимус Чан Кайши, окончивший свои дни в качестве островного владыки. И, пожалуй, только один Мао Цзэдун по-прежнему претендует на роль и правителя, и идеолога. Жажда деятельности или, вернее, жажда власти оказалась сильнее его физических сил. Его стремление утвердить себя в качестве учителя китайского народа, да и других народов мира, с возрастом не только не убывало, но усиливалось»⁸. Тогда эти сорок лет, «насыщенные ожесточенной борьбой: победами и поражениями, упоением властью и боязнью ее потерять, новыми надеждами и глубокими разочарованиями. Четыре десятилетия гигантских перемен во всем мире, лихорадочных поисков путей исторического перелома в судьбах самого Китая: народная революция, “большой скачок”, “народная коммуна”, “культурная революция”... Сколько испытано, увидено, пережито...»⁹.

В книге «Мао Цзэдун и его советник Дэн Сяопин» Ф.М. Бурлацкий выделяет следующие характеристики вождя: «Мао Цзэдун, быть может, больше других лидеров XX века отвечал характеристикам, которые давал государям незабвенный Макиавелли¹⁰. Это, несомненно, один из выдающихся деятелей, который оставил глубокий след в истории Китая и да-

⁷ См.: Бурлацкий Ф.М. Записка Председателю КГБ Ю.В. Андропову // ОРКиР НБ МГУ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–7.

⁸ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун: «Наш коронный номер – это война, диктатура». М., 1976. С. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Бурлацкий Ф.М. Загадка и урок Никколо Макиавелли. М., 1977. 255 с.

леко за его пределами. Независимо от того, как оценивать те или иные его деяния, они повернули историю более чем миллиарда человек на азиатском континенте в новом направлении. Он с юности сам себя мыслил героем и полностью реализовался в этом качестве»¹¹. Сложно представить, что «сын простого крестьянина из далекой провинции сумел создать и возглавить армию и, пройдя через сотни испытаний, привести ее к победе. Он добился не меньшего, а возможно, большего поклонения своего народа, чем Сталин в Советской России, и, хотя он был мало успешен и даже странен в своих крутых реформах, его имя, в отличие от имени Сталина, не было растоптано и не было предано забвению, как имя Хрущева, а сохранено на пьедестале основателя Китайской Народной Республики»¹².

В 1980 г. Ф.М. Бурлацкий в журнале «Вопросы философии» опубликовал статью «О социально-экономической и политической системе КНР». В ней раскрыты ключевые черты социальной, экономической и политической систем Китая. В статье Ф.М. Бурлацкий описывает преобразования данных систем, а также определяющие такие изменения факторы¹³.

В 1982 г. Ф.М. Бурлацкий в «Новом мире» опубликована статья «Междоусобица, или хроника времен Дэн Сяопина». В ней Ф.М. Бурлацкий констатирует, что *проблемы, отчетливо проявившиеся после смерти Мао Цзэдуна, не ограничиваются политической борьбой и экономической сферой, а лежат глубоко в основании китайского общества: в коренных духовных, нравственных, этических и социальных идеалах и ценностях*¹⁴.

В своих рассуждениях по данной теме Ф.М. Бурлацкий приходит к следующим выводам: «Как случилось, что мы через 50 лет после смерти Сталина оказались в разрушенном Союзе ССР и в глубокой экономической пропасти, а Китай через 30 лет после смерти Мао Цзэдуна стал второй экономической супердержавой в мире? Что это – своевременный выбор новых руководителей КНР; разность устремлений элит в двух державах; сохранение строгого партийного контроля в Китае и жалкая многопартийность в дешевых товарах и рабочей силе из КНР? А может быть, ответ, который сам просится в руки. В Китае пришел к власти умный, талантливый реформатор Дэн Сяопин, а у нас один за другим менялись вожди, которые не знали, как делать реформы...»¹⁵

¹¹ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдуна и его советник Дэн Сяопин. М., 2008. С. 3.

¹² Там же.

¹³ См.: Бурлацкий Ф.М. О социально-экономической и политической системе КНР // Вопросы философии. 1980. № 2. С. 112–125.

¹⁴ См.: Бурлацкий Ф.М. Междоусобица, или Хроника времен Дэн Сяопина // О политической науке: Избранные произведения. М., 2013. С. 223–244.

¹⁵ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдуна и его советник Дэн Сяопин. М., 2008. С. 5.

Таким образом, хоть Ф.М. Бурлацкий и не являлся профессиональным китаеведом, но его работы позволяют лучше понять специфику рассматриваемого периода истории Китая. Ф.М. Бурлацкий не только анализировал социально-политические изменения в Китае, но и подготовил предложения по выстраиванию отношений между СССР и КНР.

РЕАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛАТЫШСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1927 гг.

Соколов Павел Алексеевич
(Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого)

Приход в октябре 1917 г. к власти большевиков коренным образом изменил дальнейшую национальную и образовательную политику государства. С одной стороны, советская власть стремилась развивать национальные культурные традиции, с другой – оказать идеологическое воздействие на национальные меньшинства.

Переселение латышей в Новгородскую губернию началось в 1860-е гг. вследствие тяжелого социально-экономического положения крестьян Остзейского края Российской империи. Поселяясь на новгородских землях, латыши основывали колонии, в ряде которых открывались школы. К 1917 г. в Новгородской губернии было восемь школ для латышей¹. Но большинство латышских детей не посещало данные учреждения главным образом из-за удаленности школ от латышских хуторов.

После 1917 г. при Новгородском губкоме РКП(б) образуется латышская секция, одно из направлений деятельности которой заключалось в организации национальных школ для латышского населения губернии. Кроме реализации образовательной деятельности, на советские (в т. ч. национальные) школы возлагались обязанности проведения агитационной, пропагандистской, идеологической работы среди населения, в первую очередь молодежи. Однако такие направления деятельности советской школы зачастую противоречили традиционным представлениям латышей о задачах и способах образования детей. Активная деятельность латышской секции Новгородского губкома РКП(б) по данному вопросу началась в начале 1920-х гг. Именно в это время количество латышских школ в губернии резко увеличивается.

В 1921 г. в Новгородской губернии была 21 латышская школа 1-й ступени, в которых обучались ок. 700 учеников, преподавали 19 учителей². В основном латышские школы размещались в Новгородском, Маловишерском, Крестецком (до 1922 г.) Старорусском (с 1922 г.) уез-

¹ ГАНИНО (Государственный архив новейшей истории Новгородской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2714. Л. 2 об.

² Там же. Д. 904. Л. 3.

дах. В других уездах губернии, где проживали латыши, национальных школ долгое время не было³. В 1922 г. было уже 22 латышские школы, но только 12 из них работали (в других школах отсутствовали учителя). В шести школах работали учителя-коммунисты, а в остальных – учителя, которые, по мнению работников губкома, «не приносили пользы, но и вреда не делали»⁴. В 1923 г. в колонии Березова Новгородского уезда открывается единственная в Новгородской губернии семилетняя латышская школа с интернатом и переподготовкой учительского персонала всех латышских школ губернии⁵. В 1925 г. в губернии работало 15 латышских школ с 553 учениками и 25 учителями. 45,5 % учителей-латышей являлись членами ВКП(б) и комсомольцами. В 1925/1926 учебном году открываются две новые латышские трехлетние школы в Валдайском и Демянском уездах⁶. К 1927 г. в Новгородской губернии осталось 20 латышских школ, из которых 12 были трехлетними, 7 – четырехлетними, 1 – семилетней⁷.

В связи с открытием новых школ партийное руководство Новгородской губернии столкнулось с нехваткой школьного персонала. Кроме того, к несчастью властей, в большинстве латышских поселений работали учителя «в лучшем случае мещански настроенные, а в худшем руководители разного рода религиозных культов, рассадники баптистского фанатизма»⁸. Власти губернии решили производить замену таких учителей на пролетарских. Сразу же были заменены учителя в пяти латышских колониях губернии, которые больше всех «мозолили глаза» властям «своей отсталостью в политическом отношении и проявлением крайнего религиозного фанатизма»⁹. После объезда еще шести колоний с целью ознакомления со школьной и внеклассной работой, четверых из семи учителей местных латышских школ при помощи латсекции Новгородского губкома и ГубОНО были немедленно отстранены от должности, так как «своей работой они приносили только вред (вели контрреволюционную агитацию, халатно относились к своим обязанностям и т. д.)»¹⁰.

Были случаи, когда латышские колонисты оставляли своих уволенных учителей в качестве священнослужителей. В августе 1922 г. учитель школы латышской колонии Дерева Маловишерского уезда Т.А. Гринберг был отстранен от должности, проработав в данном учреждении более 30 лет¹¹. Собрание латышей колонии решило оставить Гринберга в качестве церковного служителя, но губернские власти были с этим не согласны. В ито-

³ ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 39–42.

⁴ Там же. Д. 1300. Л. 16 об.

⁵ Там же. Д. 1736. Л. 27.

⁶ Там же. Д. 2729. Л. 2 об.

⁷ Там же. Д. 3751. Л. 2–4.

⁸ Там же. Д. 1308. Л. 4 об.

⁹ Там же. Д. 1308. Л. 4 об.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Там же. Д. 1309. Л. 22 об.

ге бывший учитель был выслан за пределы Новгородской губернии¹². Место Гринберга в школе занял более лояльный учитель из латышской колонии Кречно А. Пунин¹³. Латышские колонисты отказывались пускать своих детей в школы, в которых преподавали учителя-коммунисты.

Постановлением президиума Новгородского губисполкома от 3 ноября 1922 г. было подтверждено, что «отказ от школы, нежелание принять назначенного учителя, отказ от обучения в школах детей или от исполнения принципов трудовой школы и вообще неисполнение относящихся к культурно-просветительским учреждениям законов повлечет за собой наказание виновных»¹⁴. Тем не менее латышские колонисты не желали исполнять постановление, выдвигая при этом ряд требований: разрешение преподавания Закона Божия в школах и участия в богослужениях. Несмотря на запрет преподавания религиозных дисциплин, в Новгородской губернии продолжали существовать некоторые латышские воскресные школы (например, в колонии Вторые Нащи Троицкой волости Новгородского уезда существовала баптистская воскресная школа).

Слабая посещаемость и малокомплектность латышских школ способствовали процессу создания смешанных школ, в которых учились как латышские, так и русские дети¹⁵. В 1925 г. в Новгородской губернии из 21 латышской школы работали только 15 (две не работали по причине отсутствия помещения, остальные были присоединены к русским школам). У некоторых латышских школ к этому времени появились общежития, так как население колоний было разбросано на большой территории. Так, кондуйская четырехлетняя школа, в которой обучались 100 детей (1924 г.), обслуживала три латышские колонии Новгородского уезда (Кондуйа, Тигода Курляндская, Кородино), поэтому при ней было открыто общежитие, размещившееся в доме бывшего имения Тимошенко¹⁶. Такое же общежитие было и при березовской школе.

В холодное время года некоторые латышские школы не функционировали из-за отсутствия дров и топлива, а у многих детей отсутствовала обувь и теплая одежда. Огромной проблемой оставалось отсутствие учебников, в т. ч. на латышском языке, а зачастую и бумаги¹⁷. Латышские учителя были «чересчур перегружены общественной работой, из-за чего страдала работа по их прямой обязанности»¹⁸.

На прошедшей в мае 1927 г. губернской конференции школьных работников национальных меньшинств, учитель школы латышской колонии Березова Авотин указал на трудности, с которыми сталкивались

¹² Там же. Л. 80–81.

¹³ Там же. Л. 73.

¹⁴ Там же. Д. 1314. Л. 84.

¹⁵ Там же. Д. 2714. Л. 2 об. – 3.

¹⁶ Там же. Д. 2237. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 3 об. – 5 об.

¹⁸ Там же. Д. 2729. Л. 3.

латышские школы: «После революции, в годы разрухи, мы, назвав школы трудовыми, работали иногда хуже, чем в старой школе»¹⁹. Учитель объяснял данную ситуацию «общими материальными затруднениями», а также тем, что учителя таких школ более перегружены общей работой (до 13 разных общественных обязанностей), чем в русских, а учебный год в национальных школах был гораздо короче – от 90 до 100 учебных дней²⁰ (при наличии хуторских хозяйств, крестьяне рано весной использовали труд детей для сельскохозяйственных работ). Были проблемы, связанные с двуязычием в школах²¹.

В итоге, несмотря на все мероприятия, проводимые советской властью в школьном образовании, полностью советизировать латышскую молодежь, как и все латышское население Новгородской губернии к концу 1920-х гг. не удалось. Однако были и положительные результаты: увеличение количества школ, числа учителей, преподавание на национальном языке.

¹⁹ ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3739. Л. 3.

²⁰ Там же. Д. 3747. Л. 35.

²¹ Там же. Д. 3739. Л. 3–4.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АМЕРИКАНЦЕВ ОБ ЭКСПАНСИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ ГЕНРИ ЛОДЖА

Спартак Сергей Андреевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Авторитетный американский консерватор-республиканец Генри Кэбот Лодж считал, что, как и любая другая «азиатская» страна, Россия развивается очень медленно и сильно отстает от западной цивилизации. Г. Лодж критиковал экспансионистскую политику Российской империи и сравнивал ее с политикой, проводимой Соединенными Штатами и Англией: «...свои новые территории Россия, в отличие от англоязычных наций, либо не развивает вообще, либо делает это совершенно неэффективно. Ее собственная территория до сих пор не развита. Бесплезно завоевывать новые территории, если не заниматься их улучшением; если это не выгодно ни собственным жителям этих территорий, ни стране, которая ими завладела»¹. Он считал, что экспансионистская политика и захват новых территорий есть благо, если вместе с покорением идет «свет свободы» и наделение правами, которых до тех пор не знали покоренные народы.

В 1902 г. в американском ежемесячном журнале «Scribner's Magazine» вышла статья Г. Лоджа «Some impressions of Russia»² (Некоторые впечатления о России. – *Авт.*). В ней он писал, что Россия – страна необычайного количества природных ресурсов, и ставил вопрос о том, как смогут русские ими распорядиться. По мнению Г. Лоджа, такой объем природных богатств позволял Российской империи играть ключевую роль на международной арене в XX веке, что делало ее серьезным конкурентом Соединенных Штатов: «Благодаря своим огромным владениям и ресурсам, Россия потенциально является нашим экономическим конкурентом, более грозным, чем любая другая организованная нация»³. Г. Лодж писал

¹ См.: *Lodge H.C.* «Some Impressions of Russia» // *Scribner's Magazine*. Vol. XXXI, January – June. New York: Charles Scribner's Sons, London: Sampson Low, Marston & Co. Limited, 1902. P. 580. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015030597101;view=1up;seq=5> (дата обращения: 10.05.2018).

² См.: *Lodge H.C.* «Some Impressions of Russia» // *Scribner's Magazine*. Vol. XXXI, January – June. New York: Charles Scribner's Sons, London: Sampson Low, Marston & Co. Limited, 1902. P. 570–580. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015030597101;view=1up;seq=5> (дата обращения: 10.05.2018).

³ См.: *Ibid.* P. 571.

о фундаментальных различиях между американцами и русскими: «Первое чувство, которое овладевает американцем в России, – это то, что он оказался среди людей, чьи фундаментальные идеи, чьи управляющие мотивы действий совершенно чужды его собственным»⁴, которые заключались в самой природе происхождения их государств: «Мы дети Рима, а русские дети Византии»⁵.

Американцев Г. Лодж называл потомками Рима, идеалы и культуру которого переняла Европа, а затем они перекочевали в заокеанскую республику. Русских сенатор относил к потомкам Византии с устаревшими понятиями о государственном устройстве и варварскими законами. Тем самым Америка олицетворяет собой западную цивилизацию, просвещенную и прогрессивную, а Россия – Восток, отстающий на несколько шагов от цивилизованного мира. Рассматривая факторы слабости России, Г. Лодж отмечал, что они кроются в ее государственном устройстве, где главенствует монарх, который является не только обладателем всей территории и всех ресурсов империи, но и выступает наместником Бога на земле: «Государство в лице царя является владельцем и хозяином всей империи. В результате получается военный и религиозный социализм, который является экономически расточительным и неэффективным»⁶.

Это, по мнению сенатора, сильно тормозило прогресс и развитие, а также лишало страну возможности всерьез конкурировать с развитыми странами: «Такая система не сможет долго себя поддерживать и в долгосрочной перспективе не выдержит конкуренции с более развитыми экономически эффективными системами других стран»⁷.

Рассуждая об экономическом подъеме, Г. Лодж писал, что ему просто неоткуда взяться в России. Во время своего путешествия он повсюду видел плохие дороги, безграмотных крестьян и их плохо устроенные жилища: «Повсюду разбитые дороги и крестьяне, большинство из которых даже не умеет читать, а их жилища напоминают европейские дома шестнадцатого века»⁸. Он считал, что у крестьян просто-напросто не было интереса что-либо развивать, вовсе отсутствовала мотивация: «Крестьянство скованно по рукам и ногам общинным землепользованием и бременем платежей, которые они были вынуждены отдавать за земли, на которых они раньше работали крепостными. Более того, у них нет никаких систем дистрибуции и поддержки своей продукции.

Поэтому у них напрочь отсутствует мотивация для собственного развития»⁹. И дело было не только в том, что долгое время крестьяне были крепостными и работали не на себя, а на помещика, но еще и в особенностях национального характера русских, которые сами по себе были

⁴ См.: *Lodge H.C.* «Some Impressions of Russia». P. 574.

⁵ См.: *Ibid.*

⁶ См.: *Ibid.* P. 575.

⁷ См.: *Ibid.* P. 579.

⁸ См.: *Ibid.* P. 576.

⁹ См.: *Ibid.* P. 579.

ленивыми и тяжелыми на подъем: «Такая неподвижность не может возникнуть из-за внешних причин, а должна иметь глубокие корни в природе расы»¹⁰. Г. Лодж также отмечал сверхрелигиозность русских, которая только усугубляла ситуацию: «...однако гораздо больше меня поразило отношение к вере. Это вера времен Средневековья... Из-за церковных праздников население России отдыхает примерно на тридцать дней больше, чем население Соединенных Штатов, что точно не способствует экономическому подъему страны»¹¹. Резюмируя, Г. Лодж констатировал, что Российская империя обладает гигантским потенциалом, но она сможет его реализовать, только претерпев серьезные изменения и пройдя адаптацию к современным реалиям цивилизованного мира: «В России заложена великая сила будущего, но вся эта сила будет ржаветь, если ее не подхватят массы, которые затем должны будут адаптироваться и приспособиться к современным реалиям цивилизованного мира»¹².

¹⁰ См.: Ibid. P. 576.

¹¹ См.: Ibid.

¹² См.: Ibid. P. 580.

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ КАК ОСОБЫЙ ТИП СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

*Спиваков Никита Андреевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

«Я ненавижу революцию как грех», – такое громкое заявление сделал однажды президент Веймарской республики Ф. Эберт. Однако парадоксально даже не то, что он получил такой высокий пост именно благодаря революции, а короткий срок существования политического и социального порядка, порожденного революцией 1918 года. Так почему же изменения в немецком обществе после такого масштабного события не продержались и 15 лет?

Прежде всего, обратимся к теоретическим аспектам данной проблемы. Известный израильский социолог С. Эйзенштадт, обобщив опыт изучения революций, выделял в качестве их предпосылок кризис «низов», связанный с «фундаментальными социальными аномалиями», и кризис «верхов», обусловленный расколом элит. Однако главные характеристики революции, по мнению Эйзенштадта, связаны с ее результатом, который предполагает: изменение элит и политического режима; крупные социальные трансформации, направленные на «модернизацию большинства аспектов социальной жизни»¹. Исходя из этого, рассмотрим ситуацию, сложившуюся в Германии.

Чтобы определить сущность событий ноября 1918 года, необходимо обратиться к истокам возникших противоречий. Германия во многом унаследовала черты Прусского государства. Ввиду отсутствия достаточных плодородных земель в этой стране не сложилось сильного землевладельческого сословия, поэтому правящая династия Гогенцоллернов смогла легко подчинить себе знать. Кроме того, постоянные войны привели к формированию в стране сильного и влиятельного офицерства. В XIX веке Германия, имея сильную государственную власть, стремительно развивалась. «Консервативная модернизация через революцию сверху» привела к тому, что новый слой крупной буржуазии, будучи достаточно слабым, заключил союз с землевладельческой аристократией и монархией. Это позволило монархии избежать революции, а также укрепить свою экономическую и военную мощь². Стоит отметить также и то, что прусская авторитарная политическая система была унаследова-

¹ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. М., 1999. С. 44–53.

² *Мур Б.* Социальные истоки диктатуры и демократии. М., 2016. С. 390–393.

на объединенной Германской империей. Благодаря политике канцлера Бисмарка, она сохранила практически неизменными бюрократические и милитаристские элементы прусской политической системы. И, несмотря на введение демократических элементов, они были лишь витриной, скрывающей единоличное господство кайзера³.

Две тенденции: авторитаризм и слияние модернизационных элементов с традиционными позволили Германии за несколько десятилетий стать ведущей европейской державой. Однако тяготы Первой мировой войны обнажили копившиеся общественные противоречия. Под давлением массовых протестов после ликвидации монархии 31 июня 1918 года была учреждена Веймарская парламентская республика. Главную роль в политике получила парламентская коалиция во главе с партией СДПГ. Однако несмотря на ликвидацию монархического строя, новая политическая система во многом унаследовала старые элементы. Прежде всего, это связано с сохранением большей части имперского генералитета. Стремление обеспечить правительство защитой от наступления радикалов привело к состоянию двоевластия: армия сохранила в своей среде старые порядки и никому не подчинялась. Нетронутым остался и бюрократический аппарат. Не имея опыта работы на государственных должностях, партийные деятели не имели достаточной профессиональной подготовки для управления страной и вынуждены были оставить имперских чиновников на своих постах⁴.

Революционность событий ноября 1918 года можно опровергнуть и ввиду отсутствия существенных социальных и экономических изменений. Причиной тому служат многие факторы, связанные с неэффективностью нового политического режима. Согласно Конституции доминирующее положение в государственной власти занимал президент, полномочия которого мало отличались от власти, данной кайзером. Для сдерживания которого сильного президента был создан сильный парламент. Его нижняя палата – Рейхстаг, помимо принятия законов, могла предъявлять обвинения президенту о нарушении конституции. При этом министры назначались президентом, который нуждался в одобрении Рейхстага. Канцлер при этом был подотчетен Рейхстагу, а не президенту. Создатели конституции создали прецедент для дестабилизации режима, так как, во-первых, внутри Рейхстага шла жестокая межфракционная борьба, которая всячески препятствовала образованию коалиции большинства, способного к преобразованиям. Во-вторых, при наличии большого количества партий (более 60) лишь немногие получали министерские должности, что порождало недовольство в партийных рядах⁵.

Второй фактор отсутствия преобразований был связан с сопротивлением режиму имперской бюрократии и генералитета. Фактически со-

³ Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография. М., 1988. С. 263–265.

⁴ Винклер Г.А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии / пер. с нем. под ред. А.И. Савина. М., 2013. С. 20–54.

⁵ Суржик Д.В. Слишком либеральная, чтобы выжить: к 80-летию падения Веймарской Республики // Пространство и Время. 2013. № 2 (12). С. 107–108.

храня за собой монополию на насилие, армия представляла реальную опасность⁶. Ярким примером является знаменитый военный путч марта 1920 года, когда на некоторое время правителем Германии стал офицер В. Капп. Что касается действий бюрократии, то их протест выражался в неподчинении указам правительства. Достаточно вновь обратиться к примеру «капповского путча», после которого главному заговорщику-офицеру Лютвицу суд постановил выплатить пенсию за период, когда он открыто выступал против правительства⁷.

На крушение Веймарской республики повлияли и проблемы мировой экономики. В стране прогрессировала инфляция: в августе 1 доллар стоил 4,6 млн марок, осенью счет шел на триллионы. Недолгий период стабилизации сменился новым кризисом 1929–1933 годов, окончательно подорвавший экономику страны.

Немаловажным условием падения Веймарской республики было отсутствие у нее идеологической основы, альтернативой которому стал уникальный культурный феномен «консервативной революции». Апологеты данного направления считали Веймарский режим оккупационным. Именно Запад, по их мнению, привносил в общество главный недуг – либерализм, который был главным источником пороков общества. Поэтому консервативные революционеры отдавали превосходство нации как особого «душевного состояния» сплоченности и единства⁸.

Таким образом, события ноября 1918 года в Германии вряд ли можно назвать действительно революционными. Несмотря на смену политического строя, высшие слои общества, по сути, оставили за собой высокие позиции в политической системе. Кроме того, Веймарская республика не смогла осуществить глубоких преобразований социального характера, так как вынуждена была противостоять колоссальному внешнему и внутривластному давлению.

В связи с этим «революционность» событий ноября 1918 года является лишь штампом, введенным Веймарским правительством для придания своему режиму большей легитимности. С нашей точки зрения, события ноября 1918 года представляют собой особый тип социальных изменений, сочетающий элементы государственного переворота и революционности. Причины этого кроются в специфике развития немецкого общества: сочетание тенденций традиционного и индустриального общества вкупе с феодальными и демократическими элементами определили прочность данной системы, которая, парадоксально, все же требовала окончательного слома традиционных перегородок. Но это удастся Германии лишь после опыта национал-социализма и Второй мировой войны.

⁶ Винклер Г.А. Указ. соч. С. 49–51.

⁷ Ширер У. Взлет и падение третьего рейха / пер. с англ. под ред. О.А. Ржешевского. М., 2017. С. 74–76.

⁸ Пархоменко Р.Н. Между свободой и консерватизмом: особенности развития либеральной философской мысли в Германии (XIX–XX вв.). Вестн. Волгогр. гос. ун-та. 2016. № 1 (31). С. 6–14.

ЗАВЕДУЮЩИЙ ВОСТОЧНЫМ ОТДЕЛОМ КОМИНТЕРНА Г.И. САФАРОВ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В АЗИИ

Стефаненко Александр Юрьевич
(Санкт-Петербургский Институт Истории РАН)

Одним из самых незаметных участников российского революционного движения и внутрипартийной оппозиции 1920–1930-х гг. был член Исполкома Коминтерна Г.И. Сафаров. Современники ценили его как журналиста¹, а партийное руководство – как активного работника. Тем не менее длительный запрет на упоминание его имени в положительном ключе привел к отсутствию в историографии работ, обобщающих его философские и политические идеи.

Г.И. Сафаров довольно быстро занял высокое положение в партийной иерархии. Еще до революции 1917 г. он был секретарем цюрихской секции большевиков, а затем участвовал в основных событиях начала XX в.: возвращении вместе с В.И. Лениным в Россию, в расстреле царской семьи и установлении советской власти в Туркестане.

Будучи членом Турккомиссии, Г.И. Сафаров занимался не только утверждением большевистской власти на местах и борьбой с басмачами. Он также вел и антиколониальную пропаганду, ориентированную на Афганистан и Персию². В.И. Ленин всячески поддерживал его идеи и предложения, несмотря на отдельные эксцессы³ и жалобы на Г.И. Сафарова со стороны М.П. Томского и других членов комиссии⁴.

Представления об Азии как о регионе, в котором все еще сохранились элементы первобытного коммунизма, были изложены Г.И. Сафаровым в вызвавшей большие споры брошюре «Колониальная революция»⁵. В ней он не постеснялся поднять вопрос о русском вмешательстве в революционный процесс, который привел к доминированию местной ари-

¹ Протоколы I и II всероссийских съездов коммунистических организаций народов Востока, Москва, 1918, 1919 годы / сост. и примеч. С.М. Исхаков. М.; СПб., 2017. С. 460.

² Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008. С. 90.

³ См.: Генис В.Л. Депортация русских из Туркестана в 1921 году («Дело Сафарова») // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 44–58.

⁴ Ленин В.И. ПСС.Т. 53. М., 1970. С. 161, 188–190; Российский государственный архив социально-политической истории (Далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 142. Л. 2.; Д. 190. Л. 3.; Ф. 558. Оп. 1. Д. 5890. Л. 1–2.

⁵ Сафаров Г.И. Колониальная революция: (Опыт Туркестана). М., 1921. 148 с.

стократии. В целом для Г.И. Сафарова было свойственно скептическое отношение к национализму. Он не боялся писать, что язык, расовая принадлежность и племенное родство сложно назвать теми элементами, которые конструируют национальные группировки⁶.

Китайская проблематика привлекла Г.И. Сафарова в середине 1920-х гг. ввиду сложившейся ситуации в самом Китае. Вплоть до начала 1930-х гг. эта тема оставалась основной в творчестве участника зиновьевской оппозиции. Стоит отметить, что в отличие от К.Б. Радека, пользовавшегося архивными документами и владевшего китайским языком⁷, Г.И. Сафаров опирался в своих выступлениях на зарубежную литературу и общие знания.

Первым выступлением Г.И. Сафарова был доклад на собрании актива работников Василеостровского района Ленинграда, прошедшего 19 сентября 1924 г.⁸ Затрагивая текущее положение дел в Китае, докладчик отмечал, что никакой государственной власти там нет, а единственный вождь лишь мелкобуржуазный Сунь Ятсен. Лишь через полгода он констатировал, что колониальные силы готовы объединиться с пролетариатом СССР и бороться вместе против мирового империализма⁹. При этом Г.И. Сафаров пытался уйти от противоречия марксизма, вызванного отсутствием четко выработанного механизма взаимодействия между Западом и Востоком. Он аргументировал это тем, что Ф. Энгельс не дожил до кардинально новой эпохи в международном пролетарском движении¹⁰.

После поражения так называемой «новой оппозиции» Г.И. Сафаров, как наиболее яростный противник ЦК ВКП(б), был снят со всех своих должностей в Ленинграде и направлен на работу в Китай в пекинское полпредство в качестве первого секретаря¹¹. При этом никакого отказа от поездки не было, несмотря на то, что в дальнейшем Г.И. Сафаров назовет ее в письме ЦК ВКП(б) «почетной ссылкой»¹².

Пребывание в Китае, а затем в Турции позволило Г.И. Сафарову иначе взглянуть на проблему революционного движения в азиатских странах. В 1928 г., после задержки, вызванной его фракционной работой в оппози-

⁶ Сафаров Г.И. Национальный вопрос и пролетариат. Изд. 2-е, доп. М., 1923. С. 18, 22.

⁷ Шэн Ю. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания. М., 2009. С. 49–51.

⁸ Сафаров Г.И. Смысл современных событий в Китае: Доклад на собрании актива работников Василеостровского района 19 сентября 1924 г. Л., 1924. 32 с.

⁹ *Его же*. Китайский тысяча девятьсот пятый год: Доклад на общегородском собрании членов РКП(б) Ленинградской организации 12 июня 1925 г. Л., 1925. 32 с.

¹⁰ *Его же*. Национальный вопрос и пролетариат. Изд. 2-е, доп. М., 1923. С. 194.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 560. Л. 7.

¹² Там же. Д. 568. Л. 10.; Д. 572. Л. 2, 12.

ции, он публикует монографию по истории Китая¹³. В ней Г.И. Сафаров излагает положения, отличные от тех, которые высказывал другой оппозиционер, – К.Б. Радек, – и предлагает свое видение дальнейшего пути китайской революции.

В 1930-х гг. Г.И. Сафаров пытался обобщить представления К. Маркса и Ф. Энгельса о колониальном вопросе. Однако этому помешало убийство С.М. Кирова и последовавшая за ним волна арестов бывших лидеров внутрипартийной оппозиции. Созданная Г.И. Сафаровым теория впоследствии подверглась критике как троцкистская, однако после распада СССР стала одной из основополагающих среди историков из Средней Азии.

¹³ *Сафаров Г.И.* Классы и классовая борьба в китайской истории. М.; Л., 1928. 363 с.

**«ЛЮБЕЗНЫЙ МОЕМУ СЕРДЦУ ПРЕЗИДИУМ»:
ПЕРЕПИСКА Л.Д. ТРОЦКОГО С БЫВШИМИ ЧЛЕНАМИ
ПЕТЕРБУРГСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ 1905 г.
И ЕГО ПАМЯТЬ О СОВЕТЕ (1907–1914 гг.)**

*Стрекалов Илья Николаевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

События Первой русской революции 1905–1907 гг. оставили неизгладимый след не только в самой российской истории, но и в сознании ее современников и участников. Одним из наиболее ярких эпизодов революционного 1905 года стала деятельность «рабочего парламента» – Петербургского Совета рабочих депутатов. И несмотря на то, что члены Совета были арестованы и осуждены, некоторые исторические источники позволяют нам говорить о том, что сохранившие дружбу депутаты из руководства (исполкома) Совета и, в частности, Л.Д. Троцкий, хранили память о Петербургском Совете и о событиях, с ним связанных.

Свидетельством тому является переписка Л.Д. Троцкого с Д.Ф. Сверчковым, П.А. Злыдневым (которые, как и он, были членами исполнительного комитета Совета) – прежде всего, это несколько писем Троцкого, охватывающих период с 1907 по 1914 г. и хранящихся в его личном архиве в фонде 325 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Судьбы адресатов и адресантов сложились по-разному: упомянутый в переписке депутат Совета Б.М. Кнунянц умер в тюрьме в 1911 г., П.А. Злыднев – в ссылке в Чите, в 1913 г., Д.Ф. Сверчков и Л.Д. Троцкий пережили революционные события 1917 г., но Сверчков был расстрелян в 1938 г. за причастность к так называемой «правой оппозиции», а Троцкий, как известно, был убит в Мексике в 1940 г. Возможно, эти биографические обстоятельства сыграли свою роль в том, что изучение послереволюционной (начиная с 1907 г.) переписки бывших депутатов Петербургского Совета не проводилось.

В современной литературе есть отдельные авторы, затронувшие этот вопрос. Д.А. Волгогонов, написавший биографию Л.Д. Троцкого, отмечал, что он верил в подъем революции и «старался не терять связи» с некоторыми бывшими членами Совета, например с Д.Ф. Сверчковым, однако подробно на переписке бывших депутатов друг с другом после 1907 г. он не останавливался¹. А.Н. Свалов, опубликовавший в 2002 г. письмо Л.Д. Троцкого Д.Ф. Сверчкову из Вартенберга (1907 г.), отме-

¹ *Волгогонов Д.А.* Троцкий. «Демон революции». М., 2017. С. 94.

чал, что его как исследователя интересовали, прежде всего, идейные поиски Троцкого, его интерес к немецкой социал-демократии и знакомство с ее представителями, нежели отношения корреспондентов, которые, как он заметил, «отличались доброжелательностью и теплотой»².

Курганский краевед Н.Ю. Толстых также внес свой вклад в изучение темы, поскольку опубликовал письмо П.А. Злыднева Д.Ф. Сверчкову (1908 г.), рассматривая вопрос о распространении среди ссыльных газеты «Правда», издававшейся Л.Д. Троцким в Вене³. При этом обозначенные авторы не затронули вопрос о том, как Троцкий сохранил память о Петербургском Совете рабочих депутатов 1905 г., поддерживая переписку с его бывшими членами в контексте наступившей после 1907 г. контрреволюции. Из нескольких писем Троцкого адресатам, представленных в данном исследовании, опубликовано только одно (указанное выше, публикатор – А.Н. Свалов). Другие письма 1907–1914 гг. не были опубликованы, поэтому также представляет интерес само их введение в научный оборот.

Первой центральной темой было отношение к ссыльным депутатам Совета местных жителей в ссылке, в Обдорске. Это показывает письмо прибывшего в место ссылки П.А. Злыднева в адрес Л.Д. Троцкого и Д.Ф. Сверчкова от 16 февраля 1907 г., направленное из Обдорска в Березов, где по пути остановились два адресата письма. Злыднев писал, что «вся наша публика устроилась сравнительно легко», поскольку все нашли себе квартиры⁴. Автор письма заметил, что, несмотря на недешевые цены на жилье, сдаваемое местными жителями, к ним, ссыльным, местная администрация «в высшей степени предупредительна и любезна», что им близки даже «дети начальства»⁵. Интересно, что другой депутат Петербургского Совета, Б.М. Кнунянц, в очерке «Три месяца ссылки и побег», опубликованном в журнале «Образование» в 1907 г., указывал, что еще за два месяца до прибытия их группы на место ссылки пристав получил указание, «чтобы мы по приезде в село не остались без квартир»⁶.

Однако получивший письмо Злыднева Л.Д. Троцкий не задержался в ссылке. Не доехав до Обдорска, он задержался в Березове благодаря симуляции болезни (ишиас), затем ему удалось бежать из ссылки за границу, в Германию. Злыднев остался в Обдорске, но по состоянию здоровья относительно скоро был переведен в другое место ссылки – г. Курган, а Кнунянц совершил побег, но чуть позднее. Рассчитывая на то, что Д.Ф. Сверчков все еще находится в ссылке (хотя это уже

² Свалов А.Н. Из маленького богемского городка. Письмо Л.Д. Троцкого Д.Ф. Сверчкову. 1907 г. // Исторический архив. 2002. № 3. С. 210.

³ Толстых Н. Курган-Париж-Вена, или перехваченное письмо//Зауралье. 2014. № 39–40.

⁴ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 437. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2 об.

⁶ Кнунянц Б.М. Три месяца ссылки и побег/ Он же. Избранные произведения. 1903–1911. Ереван, 1958. С. 333.

было не так – он совершил побег), Троцкий направил ему письмо в августе 1907 г. из Вартенберга. И здесь возникает другая тема – сохранение памяти о Петербургском Совете и событиях 1905 г. и их осмысление. Троцкий отметил, что написал брошюру, которую посвятил своим мыслям о событиях октября–декабря 1905 г.; он писал Сверчкову, что она будет, «главным образом, о Совете депутатов, из описания нашего [судебного] процесса с приложением речи»⁷. В связи с этим он просил его прислать фотоснимки из ссылки в Березове и Обдорске. В конце письма он передавал привет бывшим депутатам Совета, которых он вместе назвал не иначе, как «любезный моему сердцу президиум» – имеются в виду Д.Ф. Сверчков и П.А. Злыднев, которые вместе с Троцким стали во главе Совета после ареста его председателя Г.С. Хрусталева-Носаря 26 ноября 1905 г.⁸ Так, можно отметить, что Троцкий был заинтересован в некотором осмыслении опыта Петербургского Совета в контексте революционных событий 1905 г., у него сохранялись хорошие отношения с бывшими депутатами Совета.

В переписке бывших членов Совета также поднималась проблема состояния революционного движения и социал-демократической партии в России. 1907 г. был ознаменован окончательным наступлением контрреволюции по всей России. Д.Ф. Сверчков, совершивший побег из ссылки, отошел от воззрений большевиков и считал, что в самой РСДРП наступил кризис. Однако Троцкий в своем письме, датированном мартом 1908 г., призывал Сверчкова не критиковать партию, а стремиться понимать объективное стечение обстоятельств: «Мы живем в эпоху контрреволюции, вот основной факт. Через это не перескочишь». С сожалением Троцкий заметил, что «С. Раб. Деп. [Совет рабочих депутатов] сегодня не создашь»⁹. В этой фразе можно уловить некий тонкий намек автора письма Сверчкову, который, как и сам Троцкий, помнил опыт Петербургского Совета и вспоминал о том времени, глядя на происходящий в стране упадок революционного движения.

Нашлось в переписке место и воспоминаниям о друзьях и коллегах по Петербургскому Совету рабочих депутатов. В 1911 г. в бакинской тюрьме умер от тифа большевик Б.М. Кнунянц, входивший в состав исполкома Совета. Отношение Троцкого к Кнунянцу может быть проиллюстрировано его письмом в адрес Сверчкова, написанным в Вене и полученным адресатом 4 мая 1912 г. Троцкий, в частности, просил Сверчкова написать о своих планах и в конце письма задал вопрос: «Имеешь ли сведения о нашей советской публике? В память Богдана собираются издать книгу – сборник, да не знаю, сладится ли это. Как нелепо это все с ним сложилось»¹⁰.

Чуть позднее пришла еще одна нерадостная новость для соратников по делу Совета. В 1913 г. в Чите умер находившийся в ссылке с большим

⁷ Свалов А.Н. Указ. соч. С. 212.

⁸ Там же. С. 214.

⁹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 443. Л. 4.

¹⁰ Там же. Д. 446. Л. 3.

сердцем П.А. Злыднев, еще один член исполкома Совета в 1905 г. В письме от 8 июня 1914 г. Сверчкову из Вены Троцкий заметил, что опубликовал в «Киевской мысли» статью «Страничка из прошлого (К смерти П.А. Злыднева)», а в «Борьбе» – статью «Памяти П.А. Злыднева». В опубликованной в «Борьбе» в апреле 1914 г. статье Троцкого чувствуются теплые воспоминания о соратнике и бывшем депутате Петербургского Совета: «Социал-демократия потеряла в нем выдающегося деятеля, а мы, близко знавшие его, потеряли в Петре Александровиче друга, которого научились ценить и любить»¹¹. Особо Троцкий, когда писал письмо Сверчкову в 1914 г., задумывался и над тем, что ничего не написал о Кнунянце, что это у него «на совести» и, вообще, «грешно забывать его. Надо о нем напомнить – и себе, и другим»¹².

Таким образом, рассмотрены найденные в личном фонде Л.Д. Троцкого в РГАСПИ его письма в адрес бывших членов Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г., охватывающие период с 1907 по 1914 г. Приведенные свидетельства из переписки Л.Д. Троцкого с товарищами по Петербургскому Совету рабочих депутатов 1905 г. свидетельствуют о том, что большое значение для корреспондентов имели вопросы отношения населения к Совету, осмысления опыта революционного 1905 г. и места Совета в нем, положения революционного движения и РСДРП в стране; кроме того, Троцкий помнил о П.А. Злыдневе, Б.М. Кнунянце, Д.Ф. Сверчкове – депутатах Совета и его друзьях, и все это имело место спустя годы после окончания Первой русской революции. Троцкий считал, что события, связанные с Петербургским Советом и его отдельными выдающимися личностями вроде депутатов Совета, должны быть памятны не только самим участникам событий, но и стать достоянием гласности.

¹¹ Троцкий Л.Д. Памяти П.А. Злыднева / Он же. Сочинения. Т. 8. Политические силуэты. М.; Л., 1926. С. 208.

¹² РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 454. Л. 1об.

**АВТОБИОГРАФИИ И БИОГРАФИИ ИЗ ФОНДА «ДОКУМЕНТЫ»
КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ УЧАСТНИКОВ РЕВОЛЮЦИЙ
1905–1907 гг. и 1917 г.**

*Сулов Иван Николаевич к.и.н.,
(Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник)*

Революционные события конца XIX – начала XX века генерировали новую плеяду людей – революционеров, информация о которых частично отражена в общероссийской и региональной историографии¹. В данной статье ставится задача изучения автобиографий и биографий участников революции 1905–1907 гг. и 1917 г., хранящихся в фонде «Документы» Костромского музея-заповедника.

В коллекции имеется биография профессора Николая Дмитриевича Кондратьева (1892–1938) отпечатанная в 1924 году. Автобиография разделена на шесть пунктов. В пункте втором Николай Дмитриевич описывает свое участие в первой российской революции: «1905 году поступил в Хреновскую церковно-учительскую семинарию. В 1906 году был исключен за неблагонадежность. Уехал в Умань Киевской губернии, чтобы поступить в Земледельческую школу. После некоторых усилий поступил, но в 1907 году из-за неблагонадежности вынужден был уйти»². Кондратьев меняет свое место обучения из-за преследования полиции, что связано с участием его в революционном движении. Из-за неблагонадежности возникали трудности с поступлением в учебные заведения. Эту сторону своей жизни ученый раскрывает далее: «В 1905 году вступил в Харьковскую организацию ПСР». В биографии опечатка, следует читать «Хреновскую», т. к. он в это время учился в Хреновской церковно-учительской семинарии. В 1906 г. являлся членом Кинешемского уездного комитета и членом забастовочного комитета текстильщиков»³. Отдельно профессор описывает свое участие в революционном движении: «Руководил рабочими кружками и круж-

¹ Кострома. Путеводитель – справочник. Кострома, 1963. В памяти народа: очерки о революционерах / сост. Б.П. Жижиков, В.Л. Миловидов, И.Е. Травина. Ярославль, 1988; Кострома: историческая энциклопедия. Кострома, 2002; Россия в 1905–1907 гг.: энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2016 и др.

² Автобиография Кондратьева Н.Д., активного участника революции. 1924 г. Копия / КМЗ НВ 15567. Л. 1.

³ Там же.

ками крестьян в Кинешемском уезде в 1905 году. В 1906 г. – кружком учащихся в Умани, в 1907 г., где редактировал нелегальный журнал»⁴. Будущий ученый вел активную революционную деятельность, ведя агитационную работу среди населения. В следующем разделе выделены репрессии в отношении Кондратьева.

За антиправительственную деятельность Кондратьев «подвергался арестам в Кинешме в 1905 и 1906 гг. дважды. Пробыл в тюрьме 7 месяцев»⁵. В предпоследнем пункте Николай Дмитриевич характеризует свою работу во время революционных потрясений 1917 г., в которых Кондратьев принимал активное участие. «С первых часов ее был в Таврическом дворце и был назначен Советом Рабочих Депутатов товарищем председателя Государственной Продовольственной Комиссии»⁶. В автобиографии выделяется участие будущего ученого в революционном движении. При этом Николай Дмитриевич не скрывает свое прошлое членство в партии эсеров, за которое уже в 1920-х гг. некоторые деятели подвергаются арестам.

Представляет интерес автобиография Растопчина Николая Петровича (1884–1969), написанная после 1947 г. Согласно автобиографическим данным, первая российская революция застала Растопчина в Тифлисской тюрьме. В октябрьские дни 1905 г. он «участвовал в руководстве стачкой на железной дороге Петербург – Вологда»⁷. В 1906–1907 гг. «был на руководящей партийной работе в Саратовской городской и губернской организациях, а потом во Владимирской организации РСДРП (б)»⁸. В автобиографии подчеркивается руководящая роль Растопчина в революционном движении 1905–1907 гг. Отдельно революционер описывает Февральскую и Октябрьскую революции. «В 1917 г. в г. Костроме входил в состав ревкомов во время февральской и октябрьской социалистической революции. Причем в Ревком, провозгласившем и взявшем власть в октябре 1917 г. выполнял обязанности председателя»⁹. В Костроме Растопчин участвовал в установлении советской власти в октябре 1917 г. Большое значение для революционера имели ссылки и аресты: «Арестовывался 7 раз и провел в тюрьмах (в основном одиночном заключении) около 4 лет». Так, в Костроме дважды в 1912 и 1913 гг.¹⁰ В разные годы Растопчин

⁴ Там же. Л. 1 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Автобиография Растопчина Николая Петровича, профессионального революционера. 4 листа. 1950-е гг. / КМЗ НВ. 17488. Л. 1.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же.

сидел с Я.М. Свердловым, а во Владимире с М.В. Фрунзе¹¹. Этим Растопчин показывал знакомство с будущими государственными деятелями, тем самым повышая свой авторитет.

Следующая биография – Станкевича Алексея Петровича (1888–1942), написанная его вдовой Зинаидой Александровной в 1965 г. В первой российской революции Алексей Петрович с 1905 г.: «После декабрьского восстания в Москве и избиение монархистами молодежи и студентов на Молочной горе в Костроме Алексей Петрович вступает в члены РСДРП. Становится... членом боевой дружины»¹². Таким образом, Станкевич участвует в крупных акциях боевой дружины РСДРП, за что он «на четыре месяца заключается в тюрьму. Но за недостаточностью улик дело прекращается»¹³. Тем не менее уже в следующем году боевика вновь арестовывают и ссылают в Архангельскую губернию¹⁴. В связи с этим Февральскую революцию Станкевич встретил в ссылке. Спустя два месяца, после падения самодержавия, в мае 1917 г. он возвращается в Кострому, где принимает «участие в партийной работе, главным образом возглавляет борьбу с меньшевиками в партии»¹⁵. В этом же году Станкевич уходит на фронт, и в составе первого партизанского отряда участвует в боевых действиях на «Калединском фронте»¹⁶. Биография Станкевича характеризуется эмоциональными выражениями, субъективна, является одновременно и воспоминанием о муже.

В коллекции музея хранятся другие автобиографии¹⁷, что делает актуальным дальнейшее исследование фондов музея и ведение их в научный оборот.

Таким образом, важное место в биографии революционера занимало участие в революционных потрясениях 1905–1907 гг. и 1917 г., а также пребывание в ссылке и тюрьме. Это отражало активность революционера, его значимость и роль в местном комитете. Особое значение имело знакомство с будущими партийными деятелями, которые могли подтвердить сведения анкеты. Это повышало авторитет революционера и его

¹¹ Автобиография Растопчина Николая Петровича, профессионального революционера. 4 листа. 1950-е гг. / КМЗ НВ. 17488. Л. 2.

¹² Справка биографическая Станкевича Алексея Петровича, уроженца г. Кологрива, политработника в армии и хозяйственного работника. г. Москва / КМЗ НВ 17453. Л. 2.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Автобиография Никитина С.А., активного участника событий революционных и первых лет советской власти. 1935 г. / КМЗ НВ 18057; Автобиография Смирнова Ивана Николаевича, участника гражданской и Великой Отечественной войн, административного и хозяйственного работника. 28 листов в обложке. г. Кострома. 1964 г. / КМЗ НВ 17434 и др.

роль в революционных потрясениях. Стоит отметить и субъективность описываемых данных. Часть архивов сгорала, была утрачена во время революции, и некоторые приводимые данные возможно подтвердить, сопоставляя с другими архивными документами.

**«КОММУНИЗМ СМЕТЕТ ВСЕ ГРАНИЦЫ!..»:
ИДЕИ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКИХ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКОВ В 1920-е ГОДЫ**

*Танцева Анастасия Владимировна, к.и.н.
(Российский университет транспорта)*

В 1920-е гг. печать рассматривалась как важнейший инструмент формирования новой государственной идеологии. Основными в идеологических компаниях большевиков 1920-х гг. были идеи революционной борьбы рабочих с враждебными классами, буржуазией и капиталистами, идеи взаимовыручки рабочих и пролетарский интернационализм.

Советская печать в рассматриваемый период была представлена массовыми литературно-художественными и общественно-политическими еженедельниками, такими как «Красная Нива» и «Огонек». Журнал «Красная нива» возник в 1923 г. при издательстве «Известия» ЦИК СССР и ВЦИК и выходил под редакцией А.В. Луначарского. Журнал «Огонек», воссозданный на новой основе в 1923 г., выходил под редакцией М.Е. Кольцова и имел общественно-политическую направленность. В 1926 г. он стал крупным Акционерным издательским обществом «Огонек». Несмотря на то что журналы отличались по форме и условиям возникновения, их информационный контент во многом был схожим.

В 1920-е гг. в универсальных еженедельниках на первый план выходят визуальные жанры, ключевым компонентом которых являлась фотография: фотоочерк, фоторепортаж, фотозаметка, фотообложка, фотоколлаж. Задача фотожанров была не в том, чтобы показывать конкретных людей или явления, а прежде всего в том, чтобы выполнить агитационную функцию – донести до читателя политический смысл происходивших событий, оказать воздействие на массовое сознание. Тема «мировой революции» и «борьбы пролетариата» нашла свое отражение на страницах еженедельников при раскрытии образа власти, образа врага, образа Красной армии.

Своеобразной точкой начала борьбы пролетариата за мировую революцию стала победа социалистической революции. В конце 1918 г. руководителем партии большевиков В.И. Ленин выступил с предложением объединения всех леворадикальных сил под эгидой одной организации. Так появился Коминтерн – Международная организация коммунистов, соз-

¹ Коммунизм сметет все границы! Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия – боевой оплот мировой революции (фото А. Шайхета, стихи Д. Алтаузен) // Огонек. 1928. № 9. С. 8–9.

данная на Учредительном (Первом) конгрессе, состоявшемся 2–6 марта 1919 г. в Москве². Программные установки Коминтерна содержали не только идеи борьбы с господством капитала, но и идеи построения нового коммунистического общества.

По мнению идеологов Коминтерна, новое общество, создававшееся в СССР после революции, должно было стать примером для Запада, а нарастающий политический кризис в послевоенной Европе должен был содействовать радикализации рабочего движения. При этом, по их мнению, именно пример российских революций должен послужить важной школой в борьбе пролетариата за свои права. Эти идеи находили активное отражение в печати.

В очерке «Бурнопламенный год», напечатанном в журнале «Красная Нива», известный революционер и литератор П. Лепешинский писал об исторической связи революции 1905 г. с дальнейшим революционным движением во всех странах мира: «Современное человечество... имеет все основания с величайшей благодарностью оглядываться на наш 1905 год, который явился не только прологом нашего Октября, но и начал эру революций нашей бурной эпохи и во многих отношениях является образцом для грядущей мировой пролетарской революции»³. «От опыта повторения «кровавого воскресения», – рассуждал он, – никто не застрахован, и массы, настраиваемые на непротивленческий лад своим Ганди (в Индии), своими Ульрихами, Кухами, и прочими пророками социал-пацифизма, беспощадно расстреливаются в Бомбее и Берлине, в Варшаве...»⁴. Далее автор сокрушается, что мало кто внял урокам истории «кровавого воскресенья» и «фашистские дирижеры» могут воспользоваться методом «террористического одурачивая толпы»⁵. Отрезвлением масс как пишет Лепешинский, должно произойти путем «...революционизирование мирового пролетариата и нарастаниях вокруг компартий все новых и новых пролетарских кадров...»⁶. Необходимость в союзниках остро ощущалась большевистским руководством в начале 1920-х гг., советская власть искала союзника за рубежом в лице рабочего класса не только «для воплощения идеи мировой революции», но и для укрепления своего авторитета в деле строительства нового социалистического государства.

На страницах журналов освещалась работа конгрессов Коминтерна, как, например, на обложке журнала «Красная Нива» в 1928 г. была размещена фотография с открытия VI Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала под заголовком «Привет авангарду

² Коммунистический интернационал. Энциклопедия Всемирная История. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/kommunistichieskii_intiernatsional (дата обращения: 22.02.2019).

³ Лепешинский П. Бурнопламенный год // Огонек № 35. 1930. С. 5.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же.

мирового пролетариата»⁷. Публиковались в еженедельниках и портреты лидеров коммунистического движения. Так, в зарисовках художника И. Воронова были изображены лидеры мирового коммунистического движения: Мариот (Канада); Пристли (Англия); Германсен (Норвегия); Ветцель (Франция); Боль (Австрия); Селькер (Англия)... – участники VI конгресса Коминтерна⁸. Печатались и агитационно-просветительские материалы. Очерк «Кто перевел «Интернационал» на русский язык?» читателя знакомил с историей создания гимна Коммунистического Интернационала, с жизнью и деятельностью первого переводчика «Интернационала» на русский язык А.Я. Коца⁹.

Публиковались материалы, направленные на формирование у читателя определенного враждебного образа Запада как «угнетателя рабочего класса»: фоторепортаж «Классовые бои в Берлине» иллюстрировал противостояние рабочих и власти¹⁰, в фотоочерке «Безработные в Париже» приводились сведения о численности безработных и их положении¹¹. Прием противопоставления нашел отражение и в рубриках: «Окно в мир», «Запад за неделю».

В 1926 г. в журнале «Огонек» появилась еще одна рубрика «За Советским рубежом», которая с 1927 г. стала называться «На Западе и Востоке». Заметки в данных рубриках отражали определенное отношение к повседневной жизни Запада, которое можно объяснить разными социальными ориентирами, где СССР выступал как государство рабочих и крестьян с другими установками на организацию быта и отдыха трудящихся.

Пропагандистским приемом было и противопоставление условий труда в СССР и на Западе. Фотографии, лаконичный и запоминающийся текст создавали необходимый образ, воздействуя на большую рассредоточенную аудиторию. Работая на контрасте, журналисты «Огонька» целенаправленно проводили мысль о том, что советский рабочий живет лучше. Например, фотоочерк «Рабочие на улицах Германии (письмо из Берлина)» в № 51 журнала «Огонек» за 1927 г. повествует о забастовке рабочих на одной из текстильных фабрик Германии, «пользующейся самой дурной славой среди рабочих». Это «не фабрика, – пишет автор, – а адская машина, переламаывающая кости рабочего... Рабочие прозвали эту фабрику “морилкой”...»¹². Негативная подача материала о жизни пролетариата за границей, прием противопоставления, являлись частью про-

⁷ Привет авангарду мирового пролетариата (фото Пресс-Клише) // Красная Нива. 1928. № 31. Обложка.

⁸ На VI конгрессе // Красная Нива. № 36. 1928. С. 13.

⁹ Беркова К.Н. Кто перевел «Интернационал» на русский язык? // Красная Нива. № 39. 1928. С. 14.

¹⁰ Классовые бои в Берлине // Огонек. 1929. № 19. С. 2–3.

¹¹ Безработные в Париже // Огонек. 1927. № 9. С. 3.

¹² Габор А. Рабочие на улицах Германии // Огонек. 1927. № 51. С. 1.

паганды, наглядно демонстрировавшей превосходство одного государственного и общественного строя над другим.

На протяжении всего периода 1920-х гг. в материалах, посвященных Коминтерну и идеям мировой революции, можно проследить эволюцию идей от спада революционного движения, согласно периоду «временной и частичной стабилизации капитализма»¹³, до нарастания военного противостояния. В середине 1920-х гг. на смену критике капиталистического мира пришла военная тема, призывы защитить советское государство от посягательств. В 1927 г., в год «военной тревоги», произошел разрыв дипломатических отношений СССР с Англией и Китаем. В пространстве советской коммуникации все более заметной становится тенденция к устранению невраждебного образа «Другого» и появлению образа «Врага». Как отмечают исследователи: «Образ внешнего мира теперь описывался даже не в категории “иное”, а скорее “анти”. Возродилось представление о сакральном характере границы, что отразилось, в частности, в популярном штампе “священные рубежи нашей Родины”»¹⁴.

В «Огоньке» начинают публиковаться материалы, в названии которых открыто читаются лозунги-призывы: «Пролетариат сумеет защитить свое Отечество»¹⁵, «Вызов Советскому миролюбию»¹⁶, «На защиту Советской страны»¹⁷, «Новой интервенции не допустим!»¹⁸. На обложках появляются фотографии военных деятелей Европы, враждебно настроенных к СССР. Как, например, в № 38 за 1927 г. фотография французского маршала Фоша с заголовком «Наш старый враг» и небольшим комментарием: «Он предлагал Германии в 1918 году напасть на Республику Советов. Он вдохновлял французскую интервенцию в 1919 году. Он организует сейчас новый поход против нашего Союза. Маршал Фош – один из тех, кого мы знаем слишком хорошо!»¹⁹. Все это работало на формирование образа «Врага».

Материалы еженедельников пропагандировали необходимость защиты советской страны, настраивали на отпор врагу, посягавшему на суверенитет государства, при этом тема скорейшей победы и единства всего мирового рабочего движения присутствовала в печатном дискурсе исследуемого периода постоянно. Благодаря транслированию данных

¹³ Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 529.

¹⁴ Голубев А.В. Небезжин В.А. Формирования образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е первая половина 1940-х гг. / ИРИ РАН. М., 2016. С. 26.

¹⁵ Свентицкий Л. Пролетариат сумеет защитить свое Отечество (фото А. Шайхет) // Огонек. 1929. № 31. С. 7–8.

¹⁶ Вызов Советскому миролюбию // Огонек. 1929. № 29. С. 1.

¹⁷ Цымбалов Н., Константиновский А. На защиту Советской страны // Огонек. 1929. № 41. С. 15.

¹⁸ Маловажный Н. Новой интервенции не допустим! // Огонек. 1927. № 37. С. 1.

¹⁹ Наш старый враг // Огонек. 1927. № 38. Обложка.

идей на страницах еженедельников, в массовом сознании формировался устойчивый спектр персонажей образов «Врага» и «Друга». Ряд из них обладал устойчивыми признаками и характеристиками, другие же подвергались конструированию в зависимости от политических и внешнеполитических задач рассматриваемого исторического периода.

ВОЗДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА И ТРАДИЦИЙ НА ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1945 ГОДА

*Тарасов Станислав Витальевич
(Тверской государственный университет)*

История советско-японской войны 1945 г. в настоящее время заслуживает дальнейшего изучения. Для этого необходимо обратиться к важнейшему вопросу влияния японского национального менталитета и традиций на повседневность военнослужащих Квантунской армии.

Японская императорская армия в целом как, впрочем, и все ее части, серьезно отличалась от других воинских формирований XX в., обладая такими уникальными качествами, как жесткая вертикальная иерархия, которая насаждалась крайними и максимально жестокими мерами «палочной дисциплины», тотальное, штампованное соответствие ее военнослужащих установкам воинственной государственной религии синто и милитаристской идеологии, основанной на самурайском кодексе чести Бусидо и документов на его основе, а также воспитанная ими крайняя степень военного фанатизма каждого солдата и офицера, что выражалось во множестве самых различных факторов.

Влияние непосредственно национального менталитета на повседневность солдат и офицеров Квантунской армии проявлялось во множестве форм. В частях существовало огромное количество унижительных развлечений и ритуалов, которым старослужащие подвергали младших по званию. Их арсенал был ограничен лишь фантазией первых. Здесь присутствовало и обращение в цирк с сажанием на столб и симулированием их пения, и роль велосипедиста с важным донесением, который крутил педали между коек и постоянно докладывал о своей миссии каждому встречному офицеру через определенный промежуток «пути», и даже проститутки, завлекающей клиентов¹. Также военнослужащих систематически принуждали играть в жестокие игры с нанесением вышестоящими нижестоящим множества сильнейших побоев, а нередко и увечий, в том числе и с применением спецсредств, таких как деревянные биты, что особенно часто практиковалось в элитных частях вроде авиации².

¹ Дзюмпей Г. Условия человеческого существования. М., 1964. С. 374–375.

² Кувахара Я., Олдрен Г. Камикадзе. Эскадрилии летчиков смертников. М., 2004. С. 36–38.

Часто в рацион питания военнослужащих включалось человеческое мясо, причем как сырое в виде разделанных частей трупов убитых вражеских солдат и военнопленных, так и производимые промышленно консервы из него, маскируемые под мясо китов³. Употребление же в пищу печени врага вообще считалось в императорской армии проявлением особого самурайского духа, что не раз проявилось и в ходе советско-японского конфликта⁴. Это также можно отнести к уникальным особенностям ментальности, так как нигде больше ничего подобного в XX веке не было зафиксировано.

Смертную казнь в качестве наказания старались применять, причем чаще всего в бессудном порядке, за большую часть проступков, так как японской системой правосудия в целом, а военного в особенности, в силу устойчивого сохранения в общественной ментальности и в правовой системе Японской империи множества традиционных архаизмов феодальных времен, основной целью наказания являлось максимальное устрашение солдат и офицеров во избежание даже намека на появление у них официально запрещенных законом «опасных мыслей», что и обеспечивалось тотальным произволом и репрессивным террором военной полиции кемпейтай. Ее полномочия в армии были намного шире и жестче, чем в обществе, ввиду прямой и непосредственной доступности всех военнослужащих для ее деятельности. Все это поддерживалось еще и тем, что ввиду глубочайшего коллективизма, сильнейшей религиозности и абсолютному шаблонному соответствию милитаристской пропаганде, военнослужащие с удовольствием доносили на недостаточно фанатично настроенных, и имеющих хоть малейшие сомнения в правильности политического курса империи, пропаганды или религии, а особенно в божественности императора, своих сослуживцев.

Все это было обусловлено также и этнопсихологическими и культурными особенностями, согласно которым любой, хоть немного выделившийся из общей массы, член японского социума, а особенно сделавший это посредством нарушения любых устоявшихся общественных правил, а тем более законов, должен был немедленно быть подвергнут общественному остракизму и максимально строгому наказанию. В армии эта особенность естественным образом обострилась до абсолютной крайности. Служащие военной полиции, пользуясь положением уголовного кодекса Японской империи о превентивном аресте, могли даже немедленно схватить любого, показавшегося в чем-либо подозрительным военнослужащего, и даже подвергнуть его бессудной казни прямо на месте ареста по своему желанию, всячески укрепляя тем самым свое право на законодательно установленный произвол⁵.

³ Хен Л.Ч. Военные преступления Японии: вчера и сегодня. Пхеньян, 1999. С. 158.

⁴ Сенявская Е.С. Дальневосточная кампания в сознании советских военнослужащих // Вестник МГИМО Университета. № 4 (31). 2013. С. 165–176.

⁵ Бояджи Э. История шпионажа: в 2 т. Т. 1 / пер. с итал. Л. Кориной. М., 2003. С. 505.

В военных трибуналах императорской армии ситуация была аналогичной, так как любой, попавший туда в соответствии с японской этнопсихологией, предполагавшей строжайшее наказание по вышеописанным причинам, уже заочно считался виновным и был приговорен к смерти только за сам факт нарушения порядка, о чем ему немедленно объявлялось после быстрого поверхностного просмотра материалов его дела и короткого совещания председателя суда с подчиненными, где просто констатировалась вина подсудимого⁶.

Необходимо отметить также и то, что в случае поимки военнослужащего на краже жестоко наказывали и вора, и жертву преступления. Причем первого за то, что украл, а второго – за то, что плохо хранил⁷. Это также было важным этнопсихологическим аспектом глубоко коллективистского японского менталитета.

Влиянием национальных традиций на повседневность была выдача военнослужащему личного японского флага с автографами всех сослуживцев, максимально привязывающего его подобным образом к сообществу в виде воинской части⁸. Также солдаты и офицеры носили разные амулеты, самым известным из которых был «пояс тысячи стежков», изготовливаемый родителями и всеми родственниками военнослужащего перед отправкой на службу. В соответствии с представлениями японцев, он оберегал владельца и мог даже отбивать пули⁹. Аналогичными свойствами обладала и надеваемая под мундир защитная накидка-спанчи, на которой были начертаны сутры лотоса и мольбы о благословении Будды¹⁰.

Отношение к оружию также играло немаловажную роль. Особым почетом в императорской армии пользовалось холодное оружие ввиду того, что в Японии господствовал его культ. Офицерский меч, согласно традициям, был душой самурая, а соответственно требовал особо тщательного ухода. Штык солдата также обладал аналогичным статусом¹¹. Огнестрельное оружие обладало традиционно более низким рангом, однако обслуживалось не менее тщательно. Это обуславливалось и тем, что оружие, как и обмундирование, было помечено императорской печатью в форме цветка хризантемы, что придавало ему глубочайший сакраль-

⁶ Счастливого рождества, мистер Лоуренс. Режиссер: Н. Осима, 1982. URL: <https://yadoma.tv/video/18286-film-schastlivogo-rozhdestva-mister-lourens-1983-motret-onlajn.html> (дата обращения: 12.07.2018).

⁷ ЦАМО. Ф. 294. Оп. 6980. Д. 84. Л. 243 об.

⁸ *Пронин А.О., Москвитин И.А.* К вопросу об особенностях идеологического воспитания в вооруженных силах императорской Японии (1868–1945) // Вестник НГУ. Серия: История, филология 2011. Т. 10. Вып. 4: Востоковедение. С. 69–80.

⁹ *Иванов С.В.* Солдат на фронте № 10 – Пехота Японии 1937–1945 гг. М., 2006. С. 3.

¹⁰ *Джоуэнт Ф., Эндрю С.* Японская армия. 1937–1942. М., 2003. С. 6.

¹¹ Дорогой солдат. 1944. Режиссер: Х. Банг. URL: <http://kinofilms.tv/film/byeong-jeongnim/39903> (дата обращения: 10.07.2016).

ный смысл, побуждая военнослужащих сберечь выданную на почетное хранение божественную собственность в первоначальном виде и не оставлять ее ни при каких обстоятельствах, так как ее предполагалось возвратить в том же состоянии, в каком она была принята¹².

Таким образом, рассмотрев влияние менталитета и традиций на повседневность японских военнослужащих, можно сделать выводы о том, что эти аспекты закрепляли жесточайшую иерархию, а также планомерно создавали из любого человека, независимо от его образования и воспитания, убежденного военно-религиозного фанатика, который мыслил исключительно шаблонно-пропагандистски, а действовал строго автоматически, исключив всякие сомнения, а также нисколько не думал о правильности своей деятельности и ее последствиях. Все эти качества, безусловно, проявятся и в ходе конфликта с СССР в 1945 г., где приведут к массовым и фанатичным самопожертвованиям целых подразделений в любой безвыходной ситуации. Не подчиниться или мыслить иначе, чем провозглашала пропаганда, для военнослужащего было попросту невозможно ввиду особой этнопсихологии, менталитета, глубочайшей религиозности и повсеместного строжайшего полицейского надзора за противозаконными «опасными мыслями», сопровождавшегося жесточайшими наказаниями тех, кто хотя бы намекал на малейшую шероховатость в милитаристской политике Японской империи.

¹² Рассказы об оружии: японское огнестрельное оружие Второй мировой войны. 1999. Режиссер неизвестен. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9n3D7IMoMhQ&t=1s> (дата обращения: 05.06.2017).

ЛОЯЛЬНОСТЬ И НЕДОВОЛЬСТВО КУРСАНТОВ ВЫСШЕГО ВОЕННО-МОРСКОГО ИНЖЕНЕРНОГО УЧИЛИЩА ИМ. Ф.Э. ДЗЕРЖИНСКОГО НА РУБЕЖЕ 1930–1940-х гг.

*Терещенков Леонид Евгеньевич, к.и.н.
(Российский государственный архив Военно-Морского Флота)*

В современной историографии все больший интерес вызывает возможность рассматривать человека сталинской эпохи через призму свидетельств, отразившихся в различных источниках, позволяющих корректно поставить вопрос о соотношении личного и общественного в сознании людей, избравших своей целью строительство коммунизма.

Историк Й. Хелльбек высказал мнение о принципиальном отличии условий формирования «сталинского человека» и условного западного либерального субъекта Нового времени¹. Советский человек сталинской эпохи, по мнению автора, неустанно трудился над тем, чтоб вписать себя в рамку господствующей идеологии. Подобная точка зрения нуждается, на наш взгляд, в некотором уточнении.

Особенно любопытны случаи, когда тот или иной субъект является и автором, и объектом детальной характеристики. В фонде Высшего военно-морского инженерного училища им. Ф.Э. Дзержинского (ВВМИУ) содержится обширная коллекция личных дел курсантов. Их состав, строго определенный порядком кадрового делопроизводства, включает в себя автобиографии, аттестации, характеристики, объяснительные записки. Отложились в делах в силу обстоятельств и извлечения из личных дневников курсантов. Во всех этих документах человек пристально рассматривается с определенных важных для инстанций прохождения бумаги сторон. Таким образом, возникает крайне важный для историка портрет на фоне эпохи, причем формирование и человека, и эпохи можно проследить в развитии.

Показателен пример курсанта ВВМИУ Александра Федоровича Блинова. Сын матроса Черноморского флота, ставшего после революции чекистом, но в середине 1920-х ушедшего на хозяйственную работу². А.Ф. Блинов получает рабочую специальность, а затем стремится получить и высшее техническое образование, стать инженером. Даже получив

¹ Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2017.

² Автобиография А.Ф. Блинова от 21 марта 1938 г. // РГАВМФ. Ф. Р-1530. Оп. 10. Д. 134 Л. 2–2 об.

возможность попасть в число участников спецнабора, он поступает в инженерное военно-морское училище.

Аттестация в начале учебы за 1937/1938 г. рисует практически идеального курсанта: «Общее развитие, политико-моральное состояние хорошее. Хорошо сочетает учебу с общественной работой. Был комсоргом учебной группы, сейчас назначен младшим командиром. Любит музыку, танцы, участвует в вечерах самодеятельности, увлекается художественной литературой, пишет сам. Физически развит хорошо. Морской болезнью не страдает»³.

Затем наступает кризисный период. В характеристиках А.Ф. Блинова 1939–1940 гг. видны разительные перемены, произошедшие с ним: «На 4-м курсе был командиром отделения и одновременно членом президиума комсомольской организации курса. За плохую работу в отделении, где допускались случаи панибратства и плохой требовательности, был снят с работы младшего командира, и позднее вышел из состава президиума. К себе нетребователен. Нет должной серьезности в решении вопросов по укреплению железной воинской дисциплины»⁴.

Еще более резкие формулировки в отношении А.Ф. Блинова звучат в черновике служебной характеристики рубежа 1939–1940 гг.: «Принятую присягу не выполнил. Не выполняет также и принятые на себя сообразительности. Общителен с курсантской массой. Инициативен. Нет воинской [неразб.] и требовательности к себе и к товарищам. На 4-м курсе был командиром отделения. В 1938 г. участвовал неоднократно в пьянках у на квартире у курсанта Чугунова и скрывал все. Как младший командир поощрял подобные проступки»⁵. Наибольшее же беспокойство у руководства вызвало обнаружение в 1939 г. дневника курсанта с совершенно непредставимым в военном училище содержанием: «Вел дневник похождений нравственно уставшего и разложившегося человека»⁶.

Широко распространенная традиция ведения дневников людьми межвоенного времени становится для курсантов ВВМИУ, в частности Блинова, удобной формой проявления недовольства, возникшего по двум причинам. Во-первых, во второй половине 1930-х гг. происходит постепенная подмена комсомольской дисциплины, дисциплины участия и диалога, военной дисциплиной в дореволюционном духе. Комсомол теряет, если не формально, то фактически, свои шефские права над флотом. Все это в купе с общей политической ситуацией в стране, когда сталинское руководство пыталось мобилизовать общество, разбив все не контролируемые напрямую партийно-государственным аппаратом связи и объединения, провоцировала декадентские настроения опустошенности или беспечность, граничащую с бравадой.

³ Аттестация Блинова Александра Федоровича за 1937–38 г. // РГАВМФ. Ф. Р-1530. Оп. 10. Д. 134. Л. 13.

⁴ Аттестация Блинова Александра Федоровича за 1938–39 г. // Там же. Л. 14.

⁵ Характеристика на Блинова Александра Федоровича // Там же. Л. 5.

⁶ Там же.

Во-вторых, дневники являлись попыткой побороть растерянность и неопределенность, вызванные постоянными колебаниями генеральной линии партии. Люди, которые не умели или не хотели слепо за ней следовать, могли неожиданно даже для самих себя выйти за пределы дозволенного. Дневник в этой ситуации позволял привести в порядок мысли и чувства, а насколько он скомпрометирует своего владельца при неблагоприятном развитии событий, никогда нельзя было предугадать.

Однако форма, которую приобретало сопротивление курсантов, оставалась крайне расплывчатой. Слишком сильны были социальные, даже семейные связи этих молодых людей со средой старых большевиков, ветеранов революции. Советский Союз остается для них родной страной, несмотря на все происходящие в нем драматические события. Соответственно протестные настроения приняли аполитичные формы. Отказ от безусловной лояльности советской власти принимал у курсантов ВВМИУ форму недовольства непосредственным начальством и училищным режимом, но и здесь не происходило широкого и всестороннего обобщения ситуации.

Данная особенность в поведении дала возможность училищному начальству отчислить А.Ф. Блинова, не проясняя деталей дела, прежде всего политико-идеологических деталей. В рапорте на имя начальника военно-морских учебных заведений флагмана 2 ранга К.И. Самойлова командир и комиссар училища очень обтекаемо формулируют основания для отчисления. Авторы официальной бумаги сообщают: «Представляя при этом личное дело курсанта 5 курса Паросилового Отдела т. Блинова Александра Федоровича, прошу об отчислении его из вверенного мне ВВМИ ордена Ленина училища им. Дзержинского по мотивам, изложенным в прилагаемом при сем материале»⁷. Усталость от репрессий 1937/1938 гг. определяла сравнительную мягкость наказаний недовольных. Курсанты, отчисленные из высших военно-морских училищ, направлялись проходить срочную службу в рядах ВМФ без зачета срока, проведенного в училище.

Изучение источников личного происхождения межвоенного периода, и особенно 1930-х гг. дает возможность попытаться проследить, как активно взаимодействуя и влияя друг на друга, формировались советский человек и советское общество. Ни то, ни другое не получится обнаружить в готовом виде, но появляется возможность выявить некоторые характерные черты, без которых трудно представить разговор о феномене советского. Материалы личных дел курсантов ВВМИУ, показывающих эволюцию взглядов молодых людей на происходящее в стране, лишнее тому подтверждение.

⁷ Представление об отчислении А.Ф. Блинова из училища 20 января 1940 г. // РГАВМФ. Ф. Р-1530. Оп. 1. Д. 43. Л. 5.

ДИСКУССИИ О СУЩНОСТИ НЕГРИТЯНСКОГО ВОПРОСА В США В КОМИНТЕРНЕ

*Тимофеева Мария Андреевна
(Российский государственный архив
социально-политической истории)*

Одной из особенностей политики Коминтерна (в отличие от политики II Интернационала) была установка на решение вопросов, связанных с борьбой зависимых народов. В связи с этим негритянский вопрос не раз становился объектом обсуждений в Коммунистическом Интернационале.

Первая серьезная дискуссия возникла в связи с решением вопроса о созыве Всемирной негритянской конференции (съезда). В Резолюции по негритянскому вопросу, принятой 30 ноября 1922 г., было отмечено, что «враг негритянской расы и враг белых рабочих один и тот же – капитализм и империализм»¹. Принимая во внимание исторический опыт противостояния угнетателям и воинственность негритянского народа, Коминтерн призывал поддерживать любые формы революционного движения чернокожих. Важным итогом IV Конгресса Коммунистического Интернационала по негритянскому вопросу стало заявление, что он «немедленно предпримет шаги для созыва всеобщей негритянской конференции или съезда в Москве»².

Одним из немногих, кто поддержал данную инициативу, был представитель Коммунистической партии Японии в ИККИ, Сен Катаяма (1859–1933). В своем докладе «Негритянская раса как фактор грядущей мировой социальной революции» он заявил, что «Негритянский Конгресс в Москве станет важным событием на пути борьбы негритянской расы против эксплуатации»³.

В целом предложение сразу же было встречено бурной критикой со стороны коммунистов разных стран, главный аргумент которых состоял в опасности апелляции преимущественно к расовому аспекту негритянской проблемы. Так, И. Амтер, (1881–1945), представитель КП США, писал, что расовый подход в деле созыва Негритянской Конференции яв-

¹ Резолюция по негритянскому вопросу, принятая IV конгрессом Коминтерна 30 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 5. Л. 14.

² Там же. Л. 17.

³ Negro race as a factor in the coming world social revolution by S. Katayama // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 17. Л. 9.

ляется неверным, поскольку «негритянский расовый вопрос не является революционным фактором и... для наступления на капитал имеет небольшое значение»⁴. Поэтому, по его мнению, нужно обратиться не к расовой, а к классовой солидарности всех рабочих.

Таким образом, мнения по поводу необходимости созыва Всемирной негритянской конференции в Коминтерне разделились, и вопрос был отложен вплоть до 1928 г. Проблема состояла в том, что проведение расового Конгресса стало бы поддержкой набиравшего в это время мощь panafricanского движения, а точнее, его буржуазного крыла (речь идет о гарвизме и движении под руководством У. Дюбуа), которые, с одной стороны, стремились пробудить у негров антибелый расизм, а с другой – грозили вызвать эффект классового замешательства лозунгом ухода «назад в Африку».

К вопросу о созыве Всемирной Негритянской конференции вернулись только в 1928–1929 гг.: в 1928 г. при содействии Международного объединения профсоюзов (Профинтерна) был создан Международный профсоюзный комитет негритянских рабочих, который должен был включать в свои ряды чернокожих рабочих США, Черной Африки и Вест-Индии, а в 1929 г. Исполнительное бюро Профинтерна выпустило резолюцию о созыве Всемирной конференции негритянских рабочих⁵. Тем самым первоначальный замысел созыва расового Конгресса был успешно заменен принципом классовым.

Вторая дискуссия развернулась по поводу одного из положений, выдвинутых «Резолюцией Политсекретариата по негритянскому вопросу в САСШ» от 26 октября 1928 г. Согласно этому документу, во-первых, было отмечено, что негритянский пролетариат способен стать движущей силой революционного движения всех трудящихся. Во-вторых, в качестве основного источника бедственного положения афроамериканцев были названы социально-экономические проблемы, связанные с пережитками рабовладельческой системы. При этом шовинизм (как крайняя форма расизма) был признан выражением идеологического влияния империализма, провоцирующего конфликты между белым и чернокожим населением⁶. Дискуссионным же стало положение о том, что негритянский вопрос (в южных штатах) является вопросом национальным, и негры имеют право на самоопределение. При этом борьба чернокожих, согласно «Резолюции...» объявлялась борьбой национально-освободительной⁷.

Обозначению негритянского вопроса как национального способствовало также появление трактовки концепта «нации», разработанной

⁴ Negro question. (Discussion in Anglo – Saxon group) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 3. Л. 9–10.

⁵ On the convening of the First International Conference of negro workers // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 53. Л. 3.

⁶ Резолюция Политсекретариата от 26/X 1928 по негритянскому вопросу в САСШ // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 51. Л. 75–85.

⁷ Там же.

И.В. Сталиным. Обращаясь к сталинскому определению «нации» – «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединенных общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁸, – конечно, можно заметить, что данные черты в какой-то степени объединяли афроамериканцев «черного пояса» США. Однако становится непонятным, как в эту концепцию вписывалось чернокожее население промышленного Севера, которое составляло на этих территориях меньшинство. В этой связи обнаружилось явное противоречие, которое не могло остаться незамеченным для некоторых деятелей Коминтерна, что и породило острую дискуссию.

Прежде всего, стоит отметить несовпадение взглядов некоторых представителей Коммунистической партии США с генеральной стратегией Коминтерна. В частности, Отто Хейсвуд (1893–1961), член комиссии по негритянскому вопросу на II конгрессе Коммунистического Интернационала в статье «Международные аспекты негритянского вопроса» утверждал, что чернокожие в США составляют расовое меньшинство и их положение отлично от положения негров Африки и Вест-Индии, которые испытывают национальный и колониальный гнет. Автор статьи отрицал наличие у афроамериканцев черт, позволяющих отнести их к нации, при этом подчеркивая их явно выраженные расовые отличия. Наличие системы дискриминации и необходимость борьбы за социальное и политическое равноправие, по мнению Хейсвуда, позволяет утверждать, что негритянский вопрос в США носит исключительно расовый характер⁹.

Иной позиции придерживался другой представитель КП США, Гарри Хейвуд. Он отмечал, что с развитием капитализма и углублением социально-классовой дифференциации в американском обществе негритянский вопрос принял форму национального вопроса. По мнению автора, он выражается в том, что империалисты усиливают национальный гнет путем сверхэксплуатации, замедляя экономическое и культурное развитие негров. Поэтому единственным путем спасения является революционная борьба за право на национальное самоопределение негров в «Черном поясе»¹⁰.

Еще одно идейное столкновение произошло между А. Шийком (1891–1978), преподавателем Коммунистического университета трудящихся Востока и Международной ленинской школы и Н.М. Насоновым (1902–1938), членом Негритянского бюро Коминтерна. Дав подробный анализ расового вопроса в США как социальной проблемы через критику буржуазных теорий, Шийк сделал заключение, что нельзя отождествлять

⁸ *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 926. Л. 111.

⁹ *Huiswood O.* World aspects of the negro question // *Communist*, February 1930. P. 132–147.

¹⁰ *Heywood H.* Against bourgeois distortions of Leninism on the Negro question in the United States // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 87. Л. 90–104.

расовый антагонизм в США с национальным. Причину расовой дискриминации в отношении чернокожих Шийк призывал искать в идеологическом влиянии буржуазии¹¹.

Н. Насонов призывал не путать содержание и форму негритянского движения: содержанием является борьба за равноправие, а формой – национально-революционная борьба. В связи с этим позиция Н. Насонова может быть представлена следующим образом: негритянский вопрос в США должен рассматриваться с точки зрения двух компонентов: национального и расового, – при этом первый является формой, а второй – содержанием¹².

Обобщая сказанное, стоит отметить, что отношение к расовой проблеме в США в Коминтерне было неоднозначным. Об этом свидетельствуют многочисленные дискуссии по поводу мероприятий и программ, связанных с негритянским вопросом.

¹¹ Шийк А. Расовая проблема и марксизм [Текст]. М., 1930. С. 321–368.

¹² Насонов Н.М., Против либерализма в негритянском вопросе в Америке // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 82. Л. 8–22.

**«ПАРТИЯ ОБЯЗАНА ВМЕШИВАТЬСЯ В ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ»:
ПРОЯВЛЕНИЯ СТАЛИНИЗМА НА ПЕРИФЕРИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

*Тумаков Денис Васильевич, к.и.н.
(Ярославский государственный медицинский университет
Минздрава России)*

Накануне и в годы Великой Отечественной войны руководство СССР требовало от всего народа постоянной готовности к скорой большой войне. Лейтмотивом здесь служила фраза из выступления И.В. Сталина, призывавшего «весь народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох»¹. В тоталитарном государстве, каким был Советский Союз той эпохи, каждое высказывание «вождя народов» воспринималось как истина в последней инстанции и руководство к действию не только для власть имущих любого ранга, но и для всех граждан.

Не меньше, чем внешнего врага, власти опасались любой внутренней фронды. Не случайно 24 июня 1941 г. партийно-комсомольское собрание при Угличском районном отделении НКВД призвало «усилить бдительность», так как «внутренний враг это тоже сильный враг, он может ударить с тыла»². В роли такового считались не только потенциальные контрреволюционеры, но и просто критически мыслящие люди. Документы органов госбезопасности приводят немалое количество высказываний подобного рода. Так, в 1942 г. профессор Ярославского педагогического института К-й в домашней беседе утверждал, что «при Советской власти народ... дошел до крайней нищеты и отупения» и «никогда до революции русскому народу не жилось так плохо, как при Советской власти»³. В пример он приводил город Калинин. Аналогичную мысль в тот же период в присутствии рабочих высказал диктор-радиист, член ВЛКСМ Л-н, полагавший, что до прихода к власти большевиков «собак и тех хлебом кормили, а теперь самим не хватает»⁴. Обо всех подобных случаях ярославские чекисты оперативно сообщали в высшие инстанции.

¹ Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). Ф. 270. Оп. 3. Д. 113. Л. 4.

² Там же. Д. 18. Л. 16.

³ Архив Управления ФСБ РФ по Ярославской области (АУФСБ РФ по ЯО). Ф. 1. Оп. 35. Д. 4. Л. 32.

⁴ АУФСБ РФ по ЯО. Ф. 1. Оп. 35. Д. 4. Л. 7.

Однако понятие «внутренний враг» в сталинский период трактовалось предельно широко. К ним, помимо реальных или мнимых оппозиционеров, относились и многочисленные нарушители советских законов. Сам И.В. Сталин еще в 1935 г. в публичном выступлении заявил, что «вор, расхищающий народное добро... есть тот же шпион и предатель, если не хуже»⁵. Подобный акцент можно объяснить тем, что уголовники могли наносить государству не потенциальный, а вполне конкретный вред. В предвоенный период в СССР были существенно ужесточены соответствующие статьи уголовного законодательства.

Между тем на периферии сотрудники правоохранительных органов в 1940-е гг. в силу обстоятельств иногда были вынуждены вступать в контакт с нарушителями законов. В частности, накануне Великой Отечественной войны партийная организация Даниловского народного суда в течение нескольких месяцев обсуждала случай, произошедший с кандидатом в члены ВКП(б) А.В. Хабаровской. В прениях на партсобрании от 21 апреля 1941 г. судья Хабаровская и член ВЛКСМ, следователь районной прокуратуры Кукушкина-Касрадзе обвинялись в «потере революционной бдительности», проявившейся в близких связях с аферистами, растратившими свыше 160 тысяч рублей. Коллеги даже предъявили женщинам обвинения в том, что из-за них «смазываются... дела на растратчиков, спекулянтов, воров, хулиганов»⁶. Вопрос о поведении обеих служительниц Фемиды был вынесен на отдельное обсуждение коммунистов.

Фамилия судьи Хабаровской звучала и в отчетном докладе о работе Даниловской партийной организации суда и прокуратуры, который огласила ее секретарь Брюханова. Соблюдение женщиной элементарной трудовой дисциплины вновь было подвергнуто серьезному сомнению со стороны руководства. Хабаровскую обвинили в том, что 9 марта 1941 г. она, будучи пьяной, заперлась вечером в кабинете со своим коллегой Васильевым и не открывала дверь, невзирая на требования работников Даниловского районного суда Кузмина, Масленицына и Наумовой. В докладе содержались резкие оценки проступка Хабаровской: ее поведение сочли дискредитацией членства в ВКП(б) и звания народного судьи⁷. Примечательно и высказывание представителя Даниловского райкома Смирновой, утверждавшей, что «партия обязана вмешиваться в личную жизнь»⁸. 22 мая 1941 г. на общем партсобрании Хабаровской было отказано в переводе из кандидатов в члены ВКП(б)⁹.

Тем не менее в дальнейшем она не сдавалась, и ее судьба оказалась вполне благополучной. Хабаровская написала заявление в Даниловский райком ВКП(б) с изложением собственной истории. Пожаловавшись

⁵ *Говоров И.* Советское государство и преступный мир (1920-е – 1940-е гг.) // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 145.

⁶ ЦДНІЯО. Ф. 244. Оп. 4. Д. 27. Л. 1–3.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 13–14.

на «безотрадную жизнь» в детстве и «отравленную жизнь» при неудачном замужестве, женщина ритуально признавалась, что лишь при советской власти перед ней открылась «широкая свободная дорога». Благодаря общественной работе она «стала расти» и прошла путь от домохозяйки с начальным образованием до народной судьи, дважды избиралась депутатом Даниловского горсовета. В ряды ВКП(б) ее рекомендовали заслуженные коммунисты, включая городского прокурора. Заботилась она и над повышением образовательного уровня, подав заявление о зачислении в заочную юридическую школу¹⁰.

Перечислив свои заслуги, Хабаровская перешла к описанию проступка, стоившего ей членства в ВКП(б). С ее слов, она действительно была знакома с уполномоченным Армянской лесозаготовительной конторы Агабекяном в течение марта–августа 1940 г. Близкие отношения с человеком, арестованным по печально знаменитому закону от 7.08.1932 г., нарсудья объясняла его аккуратным внешним видом и авторитетом в глазах ее начальницы Брюхановой. Именно последняя их познакомила, однако позже между женщинами возник острый личный конфликт. В заявлении Хабаровская жаловалась на то, что она еще молода и, находясь в разводе с мужем, вынуждена в одиночку в течение девяти лет воспитывать детей. При этом женщина отрицала совместную жизнь с преступником или принятые в качестве подарков от него ценные вещи. О преступных действиях Агабекяна она узнала лишь во время поездки в Вологду от прокурора Северной железной дороги (СЖД) Крюкова¹¹. Категорически отрицала нарсудья и факт злоупотребления алкоголем на празднике. В итоге Хабаровская просила Даниловский райком ВКП(б) пересмотреть решение от 22 мая и принять ее в число полноправных членов партии.

Летом 1941 г. было проведено настоящее разбирательство по данному вопросу. После того как прокуратура СЖД подтвердила, что при посещении Крюкова нарсудья Хабаровская не устраивала скандал, а лишь тщательно просила о свидании с арестованным¹², отношение к ней заметно улучшилось. К тому же факты получения женщиной от Агабекяна золотых часов и костюмов не подтвердились. Последним доводом на закрытом партсобрании 16 сентября 1941 г. стала позиция заведующей оргинструкторским отделом Даниловского райкома ВКП(б) Солодихиной, назвавшей «непроверенными слухами, сплетнями» информацию о близкой связи Хабаровской и Агабекяна. В результате нарсудья была охарактеризована в целом положительно и принята в члены ВКП(б)¹³.

Указанный случай в миниатюре демонстрирует ряд характеристик сталинского режима: коррумпированность советского низового аппарата,

¹⁰ ЦДНІЯО. Ф. 244. Оп. 4. Д. 27. Л. 9–10.

¹¹ Там же. 7–8.

¹² Там же. Л. 11–12.

¹³ Там же. Л. 18–19.

вероятные связи коррупционеров с властями и представителями правоохранительных органов¹⁴, постоянный поиск «внутренних врагов», попытка установить строгий партийный контроль над всеми сферами жизни, попытки граждан с помощью партийных инстанций решать личные конфликты в свою пользу.

¹⁴ Подробнее см.: *Шабалин В.* Номенклатурные сообщества советского тыла // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М., 2014. С. 267–279.

ВЗГЛЯД СССР НА ПРОБЛЕМУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРНОГО ДОГОВОРА С ЯПОНИЕЙ (1949–1951 гг.)

*Тюрина Алена Данииловна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В связи с изменением геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1949 г. (провозглашение коммунистической Китайской Народной республики) США взяли курс на превращение Японии в своего сильного союзника, выступающего в качестве антикоммунистического барьера в Восточной Азии. При таких условиях существование оккупационного режима, который являлся основой политики США после капитуляции Японии 2 сентября 1945 г., больше не отвечало нуждам Соединенных Штатов. Была признана необходимость разработки и подписания мирного договора. Уже с самого начала США допускали мысль отстранения СССР от данного процесса, хотя первое время делали некие шаги навстречу, давая Советскому Союзу шанс остаться в стороне от процесса мирного урегулирования отношений с Японией. Ввиду этого основной задачей данного доклада является изучение позиции СССР относительно процесса подготовки и заключения мирного договора с Японией на основе советских и американских источников по внешней политике. Главной целью в конечном счете является ответ на вопрос: каковы причины отказа СССР подписать Сан-Францисский мирный договор?

До середины 1950 г. процесс обсуждения мирного договора с Японией развивался в медленном темпе. Однако с началом войны в Корее (1950 г.) правительство США начало форсировать данный процесс из-за необходимости как можно скорее включить независимую Японию в орбиту своего влияния. Американским правительством без участия СССР были выработаны основные принципы будущего мирного договора, которые не соответствовали интересам советского правительства. Прежде всего это касалось неоднозначной трактовки будущего Курильских островов, отстранения КНР от процесса мирного урегулирования с Японией, сохранение американского присутствия в Японии в постоккупационный период. В рамках холодной войны США уже не стремились найти консенсус с своим бывшим союзником, поэтому неоднократно предложенные Советским Союзом поправки к договору оставались без внимания.

В сложившейся обстановке советское правительство пошло на намеренное использование тактики бойкотирования процесса мирного урегулирования с Японией. Источники подтверждают, что данная тактика изначально подразумевала срыв заключения мирного договора. Еще

до прибытия советской делегации на мирную конференцию ей были даны соответствующие директивы от советского правительства. Таким образом, в преддверии Сан-Францисской конференции 1951 г. сложилась неоднозначная ситуация. Начало этой ситуации было положено с изменением расстановки сил на Дальнем Востоке, а также усилением конфронтации двух держав. Особенно серьезно на геополитическую обстановку повлияло провозглашение Китайской Народной республики, а также начала Корейской войны, после чего началась форсированная подготовка мирного договора с Японией, инициированная США, которые считали Японию единственным государством на Дальнем Востоке, имеющим потенциал противостояния распространению коммунизма. Процесс подготовки договора показал наличие непримиримых разногласий между державами. СССР никак не мог допустить, что у его границ возникнет государство, являющееся местом концентрации американских вооруженных сил и чья внешнеполитическая линия будет соответствовать интересам США. Но одновременно СССР никак не мог повлиять на развитие ситуации в подобном русле, так как не имел никаких рычагов давления, а апеллировать к союзническому долгу в рамках холодной войны было уже неуместно и невозможно. Советский Союз оказался в такой ситуации, когда он не мог принять американскую позицию, но при этом ее бойкотирование оставляло СССР за бортом событий. Апогеем стал уход советской делегации во главе с А.А. Громыко с подписания мирного договора на конференции в Сан-Франциско (4–8 сентября 1951 г.).

В чем же заключался смысл тактики бойкотирования, в которой на первый взгляд СССР не вынес никаких выгод? Можно предположить, что существует несколько причин. Во-первых, Советский Союз в условиях эскалации холодной войны не мог пойти на уступки своему сопернику. Также стоит отметить, что СССР упустил инициативу по решению данного вопроса из своих рук, не имел рычагов давления и поэтому попросту не мог никак повлиять на ситуацию. Признание своего поражения повредило бы его великодержавному престижу. Во-вторых, нельзя отрицать, что таким способом СССР совершил маневр по перекладыванию ответственности за дальневосточные конфликты (в том числе Корейскую войну) на США и его союзников, выставив их агрессорами в регионе. В выступлениях высших государственных деятелей Советского Союза не раз звучала мысль, что Штаты навязывают государствам несправедливый мир, направленный на развязывание новой войны. СССР же, не подписав подобный документ, наоборот, является поборником мира и справедливости. В-третьих, существует точка зрения, что Сталин не опасался последствий срыва подписания договора, так как считал геополитическое положение СССР на Дальнем Востоке достаточно крепким. В этом есть логика, так как в данный период Советский Союз получил сильного союзника в лице Китая, а также КНДР, шанс которого стать гегемоном на корейском полуострове еще не был утрачен. В-четвертых, нельзя забывать о роли личности самого Сталина в принятии внешнеполитических решений. Его подозрительность и недоверие к своим бывшим союзникам

являлись препятствием по урегулированию многих вопросов еще начиная с сентября 1945 г. В совокупности данных причин было достаточно, чтобы отказаться от подписания Сан-Францисского мирного договора.

Таким образом, уход советской делегации с конференции в Сан-Франциско и отказ подписывать мирный договор с Японией являлись преднамеренным действием, заранее согласованным в высших эшелонах советского правительства. На подобное решение прежде всего повлияло существование конфронтации в рамках холодной войны между СССР и США, которые так и не смогли достичь консенсуса в данном вопросе.

О ВРЕМЕНИ УПРАЗДНЕНИЯ СУДНОГО ПРИКАЗА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Фадеев Артем Александрович

(Российский государственный гуманитарный университет)

В 1917 г. известный исследователь истории Сибири В.И. Огородников опубликовал в Казанском университете достаточно объемный очерк, который был посвящен вопросу о смене приказной системы управления коллежской в эпоху Петра I. Охарактеризовав на тот момент всю актуальную научную литературу, он пришел к очевидному выводу о малой разработанности истории центрального управления этого периода¹. Спустя почти всю советскую эпоху в своей статье 1983 г. к схожему пришел и О.Ф. Козлов, говоривший о том, что многие изменения в приказном строе конца XVII в. так и остались неисследованными и что сама проблема остро нуждается в конкретно-историческом анализе². Отчасти это связано с тем, что О.Е. Кошелева справедливо назвала «хронологическим барьером, разделяющим XVII и XVIII века»³, так как любая постановка вопроса о реформах Петра I преимущественно сводилась и сводится к противопоставлению или, напротив, признанию преемственности с «Московским царством», хотя очевидным является тот факт, что на протяжении 1680–1720-х гг. цели, стоявшие перед государством и государственным аппаратом, а также воззрения царя в силу ряда причин менялись не единожды. Между тем, несмотря на современное состояние историографии, обогатившейся рядом работ об учреждениях петровского времени⁴, история приказов по отдельности и в совокупности в них рас-

¹ *Огородников В.И.* Из истории вопроса о центральных учреждениях в России при Петре Великом (Приказы, канцелярии, коллегии). Казань, 1917. С. 3, 7, 16, 28.

² *Козлов О.Ф.* Переход от приказной системы к коллегиальной в русской до-революционной и советской историографии // *Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР*. М., 1983. С. 30–31, 33.

³ Цит. по: *Кошелева О.Е.* Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6. № 1. 2018. С. 283.

⁴ См., например: *Бабич М.В.* Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003; *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009.

смотрена схематически, сохраняя во многом противоречия работ историков-правоведов XIX столетия.

Безусловно, что в большей степени это сказывается на тех учреждениях, которые и исследователями XVII столетия описывались крайне поверхностно. Достаточно вспомнить критическую рецензию С.А. Шумакова на работу И.И. Вернера, где основной претензией была преждевременность подобного труда вследствие недостаточной изученности конкретных приказов⁵, что справедливо и по отношению к современной историографии, в которой много обобщающих работ по реформам Петра I и недостаточно конкретно-исторических⁶. В связи с этим необходимо обратить внимание на ряд центральных учреждений, которые занимали далеко не последнее место в системе органов государственной власти, но были незаслуженно обойдены вниманием.

Среди таких можно в первую очередь назвать Судные приказы, которые долгое время существовали в качестве специализированных судебных инстанций для определенных категорий населения. Однако вплоть до настоящего времени существуют всего две работы, посвященные их созданию и функционированию, завершающиеся серединой XVII в.⁷ По этой причине, не имея возможности подробно остановиться на всех проблемах, связанных с их историей, мы обратим внимание на одну из них, напрямую касающуюся структурных преобразований государственных органов Петра I.

Вопрос о времени упразднения Судных приказов, как представляется, впервые поднял Г.Ф. Миллер в незавершенной работе о Федоре Алексеевиче, хотя для него, как и для ближайших современников, была очевидна прямая генетическая связь приказов и коллегий⁸. Чуть позднее, особенно после издания Полного собрания законов, когда историкам-правоведам стали доступны прежде неизвестные законодательные источники, появились и первые конкретные даты, сводившиеся, правда, к требованию Петра I о перевозе Поместного и Судного приказа к 1715 г. в новую столицу⁹. Впоследствии разные исследователи предлагали свои

⁵ Шумаков С.А. Рецензия на работу И.И. Вернера «О времени и причинах образования Московских приказов // ЖМЮ. 1909. № 1. С. 298–300.

⁶ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999 и др.

⁷ Князьков С.Е. Судные приказы в конце XVI – первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1987. Вып. 115. С. 268–285; Лисейцев Д.В. Судные приказы Московского царства в конце XVI – начале XVII века // Российская история. 2010. № 6. С. 106–115.

⁸ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 346.

⁹ Вицын А.И. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств. Казань, 1855. С. 37; Неволлин К.А. Исследования о различных предметах законоведения. Т. 6. СПб., 1859. С. 237; Троцина К.Е. История судебных учреждений в России. СПб., 1851. С. 76; Полное собрание законов Российской империи. 1649–1825 (далее – ПСЗРИ–1). Т. 5. № 2788. С. 90.

версии (на промежутке от 1709 до 1720 г.), но до сих пор только вышеозначенная ссылается хотя бы на какой-то эмпирический материал.

Между тем этот указ не говорит ни об упразднении Судного приказа, ни даже о факте его переезда в Санкт-Петербург (хотя, к примеру, Л.В. Волков говорит об этом как о случившемся, не приводя обоснований¹⁰). Если обратиться к приговорам Сената, то окажется, что в тот же год был отправлен другой указ, где переезд назначался только Поместному приказу, а в 1715 г. для него все было отложено до 1717 г. в связи с нехваткой подвод¹¹. Сложности, с которыми сталкивались учреждения и канцелярские служащие при переезде из Москвы в Петербург, в подробностях иллюстрирует обширная переписка, хранящаяся в фонде Сената за 1713–1718 гг., но ни в одном из донесений не упоминается ни Судный приказ, ни его дела, ни подьячие¹², что говорит о том, что единственный указ, на который ссылались исследователи со времен первой половины XIX в., скорее всего, был написан ошибочно и чуть позднее переправлен на более корректный вариант.

Это подтверждает и именной указ от 10 февраля 1710 г. из Разряда, найденный нами в единственной сохранившейся записной книге указов Земского приказа, передававший в него «всякие дела, которые надлежат к Московской губернии» из Судного приказа, таким образом, упраздняя его¹³. Несмотря на слабую изученность первой губернской реформы 1708–1710 гг., исследователи не раз отмечали тот факт, что в ведение Московской губернской канцелярии попало большое количество прежде самостоятельных приказов¹⁴, предполагая при этом, что каждый из них лишился своей прежней самостоятельности. Однако Земский приказ, финансово-организационное обеспечение которого действительно приходилось формировать губернатору, не превратился в структурное отделение Московской канцелярии (как это часто бывало в XVII в., когда присоединенное учреждение формировало внутри другого «стола»). Напротив, исходя из указов за 1710–1711 гг., он не только имел отдельный штат судей, но и получил от Судного приказа широкие судебные-следственные полномочия как по «судным», так и по «розыскным» делам. Губернская канцелярия становилась инстанцией, через которую в Земский приказ поступали указы и дела из других губерний и неподконтрольных ей структур, но судебные функции он осуществлял напрямую, то есть по «явочным челобитным» («а если по тем делам решить будет немочно,

¹⁰ Волков Л.В. Судный приказ // Государственность России: словарь-справочник. Кн. 4: Р-Я. М., 2001. С. 194.

¹¹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате. СПб., 1888. Т. 4. Кн. 1. С. 237; То же. СПб., 1891. Т. 4. Кн. 2. С. 1066–1067; То же. СПб., 1897. Т. 5. Кн. 2. С. 1122–1123.

¹² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 248. Сенат и его учреждения. Оп. 2. Кн. 18. Л. 788–810; Кн. 31. Л. 2–581.

¹³ РГАДА. Ф. 231. Земский приказ. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–3 об.

¹⁴ Серов Д.О. Указ. соч. С. 104; Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 95–96.

о том управителю доносить») ¹⁵. При этом в рамках апелляции или переноса дела губернатор мог как изъять его для собственного рассмотрения, отменив или утвердив решение, так и наоборот, передать иск для повторного или нового (при поступлении из местной приказной избы) судопроизводства в Земский приказ ¹⁶. Нужно сказать, что подобное взаимодействие неизменно просуществовало до 1718 г., когда ландрихтер и главный судья И.П. Топильский был определен в штат Юстиц-коллегии и, таким образом, учреждение выводилось формально из состава губернской канцелярии ¹⁷.

Между тем одно дело, когда речь идет о формальном упразднении учреждений, другое дело – когда при этом изменяется иерархия, структура или роль отдельных органов в государственном аппарате. В связи со слабой изученностью действий Петра I в рамках отдельных преобразований 1690–1710-х гг. нельзя сказать, чем было вызвано объединение Земского и Судного приказов, имевших принципиально разные функции и получивших их в результате более ранних изменений. Хотя губернская реформа в каком-то смысле стала «катастрофой» ¹⁸ для приказной системы, она не упразднила ее полностью и, более того, стала формировать иерархию между «старыми» и «новыми» учреждениями, которая вряд ли планировалась в ней изначально. Как справедливо отмечал Д.О. Серов, те же судебные полномочия губернаторов совершенно не были зафиксированы в законах, несмотря на то что они были чрезвычайно широки ¹⁹. Указанные выше особенности судебного взаимодействия двух структур также были практически не отражены в указах вплоть до начала судебной реформы Петра I в 1717–1718 гг., однако в практике суда они просматриваются отчетливо. Необходимо отметить и тот факт, что в отличие от других губерний, где должность ландрихтера, подразумевавшаяся в первую очередь как исключительно судебная, но на практике становившаяся финансово-хозяйственной ²⁰, в Московской губернии соответствовала своему назначению и была определена именно в Земский приказ для «розыскных, и судных, и всяких дел». В конце концов, именно эта система была положена в основу формирования надворного и провинциального суда в Москве, когда Петром I была поставлена задача создать на шведский манер иерархию судов общей юрисдикции.

¹⁵ РГАДА. Ф. 231. Оп. 1. Д. 6. Л. 75 об.–76 об., 98–99 об., 103 об.–104.

¹⁶ См. дела: *Победоносцев К.П.* Материалы для истории приказного судопроизводства в России. М., 1890. С. 88–91.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 42. Л. 220–221 об.

¹⁸ Цит. по: *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 96.

¹⁹ *Серов Д.О.* Указ. соч. С. 105.

²⁰ См., например: *Комолов Н.А.* Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов-на-Дону, 2009. С. 152; *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 154–157.

ТЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИЧНОСТИ И ВЛАСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭРНСТА НЕИЗВЕСТНОГО

*Фадеев Лев Андреевич, к.и.н.
(Художественный музей Эрнста Неизвестного)*

Эрнст Иосифович Неизвестный – выдающийся скульптор, график и философ, первую половину жизни проведший в СССР, вторую – в Европе и США. Художник вынужден был эмигрировать в 1976 г., однако его конфликт с советской властью начался намного раньше. Кульминацией конфликта стала дискуссия об искусстве с Никитой Хрущевым, состоявшаяся в Манеже 1 декабря 1962 г.

Притом, что Эрнст Неизвестный никогда не считал себя нонконформистом и стремился оставаться вне политики, свободы творчества в Советском Союзе, прежде всего в монументальном жанре, он так и не получил. Основные символы его творчества – рука, кентавр, маска и, особенно, распятие нередко воспринимались как скрытая угроза режиму. В своей автобиографической работе «Говорит Неизвестный» (1984 г.) скульптор вспоминает как подробные обстоятельства разговора с Хрущевым, так и основные проблемные перипетии советских реалий в целом – всевластие бюрократии, в основном, на среднем уровне, веру в непогрешимость идеологии, господство соцреализма и другие¹.

Позже Эрнст Неизвестный называл некоторые действия и процессы, запущенные советской властью, в частности сталинские репрессии, «антропологическим преступлением», а советских граждан «жертвами утопического сознания».

Именно в такой многоаспектной трактовке он рассматривал свой проект «Треугольник скорби». В начале 1990-х гг. Эрнст Неизвестный возвращается в СССР и приезжает в Свердловск по приглашению общества «Мемориал», которое сделало Мастеру предложение создать памятник жертвам политических репрессий. Концепция включала в себя три монумента: «Маски скорби» должны были установить в Воркуте, Магадане и Свердловске-Екатеринбурге. В Магадане проект был завершён в 1996 г. В Екатеринбурге «Маски скорби: Европа-Азия» установили только в 2017 г. История их создания в столице Урала оказалась крайне

¹ *Неизвестный Э.* Говорит Неизвестный. Пермь, 1991.

непростой и включила в себя не только экономическую и политическую, но и религиозную проблематику².

Итоговый результат оказался спорным. Вместо 15-метрового гранитного монумента, первоначально задуманного Мастером, был выполнен 3,5-метровый бронзовый памятник. Установили его за городской чертой на территории мемориального комплекса жертв политических репрессий (12-й километр Московского тракта), где в 1930-е гг. проводились массовые расстрелы. Монумент вместе с тем вписался в информационное поле города и является важным и обсуждаемым знаком, гиперссылкой на недавнее историческое прошлое.

Изображения на екатеринбургских «Масках скорби» гендерно обеличены. Основные элементы скульптурной композиции – лица двух антропологических типов: упрощенно – восточного и западного, смотрящих в противоположные стороны (на запад и восток соответственно). С помощью «масок» Эрнст Неизвестный прибегает к приему деиндивидуализации – типологизации³, что в некоторой степени отражает исторический контекст и показывает соотношение между категориями общество – личность – власть, которые, исходя из такой трактовки, строились на принципах внеличного подчинения и полной заменяемости отдельных «винтиков» культурного и социального прогресса, что исключало свободу творчества и самовыражения, фактически нивелировало такую категорию, как личное пространство, сводя ее к относительно простым материалистическим проявлениям.

Не исключено, что в ближайшие годы проект «Треугольника скорби» будет завершен. Проблема установки памятника была актуализирована в Воркуте – третьей «опорной точке» ГУЛАГа. В таком случае у политического явления появится еще и конкретный географический масштаб. Вероятно, это будет означать вполне законченную концепцию взаимодействия личности и власти в понимании скульптора, выходящую в надличностный, деиндивидуализированный аспект.

Другим элементом взаимодействия личности, общества и власти является для Эрнста Неизвестного тема двуличности, «второй природы» тех или иных явлений. Отталкиваясь от материалистических концепций технологического прогресса, сложившихся на основе образов и военных впечатлений (Эрнст Неизвестный участвовал в Великой Отечественной войне, сражался на фронтах в 1942–1945 гг., неоднократно получал ранения и даже пережил клиническую смерть), скульптор переходит к теме проникновения, вторжения железа, металла (в широком контексте – технологий вообще) в человеческое тело («тело» общества, социальные структуры).

² Грехова И.Г., Погодин С.А., Фадеев Л.А. Предостережение ныне живущим. Из истории создания «Масок скорби» // Веси. Спецвыпуск. 2017. № 10. С. 7–15. Екатеринбург: Учреждение культуры «Банк культурной информации».

³ Закс Л.А. Об одной существенной особенности творчества Эрнста Неизвестного как художника XX века: деиндивидуализация образа // Эрнст Неизвестный и нонконформизм в искусстве СССР. Екатеринбург, 2015. С. 6–21.

Следующим шагом в развитии данной концепции является принятие «второй природы», которая становится основой понимания власти как двуличного механизма, выраженного в конкретной форме в скульптуре «Два лица» (1962 г.) и надгробии Никите Хрущеву (1974 г.) В некотором смысле Эрнст трактует период Оттепели как обманчивую свободу, когда власть, с одной стороны, предоставляла художникам относительную свободу творчества, с другой – запрещала абстрактное искусство. Лицо Хрущева на надгробном монументе (к слову, сочетающем черный и белый цвета материалов) разделено на две части – первая выражает искренность и понимание, вторая – агрессию и хитрость. Как видим, Эрнст Неизвестный через изображение отдельной личности, при минимальном эффекте деиндивидуализации, транслирует зрителю идею власти как таковую, выводя метод типологизации на новый уровень визуального восприятия. Хрущев в понимании художника не просто отражает специфику режима, но и остается личностью, как признавался Эрнст Неизвестный, очень близкой ему «по пафосу плоти».

Данный подход приводит скульптора к его основной идее – монументальному синтезу, выросшему из идей авангарда начала XX века. Похожая идея объединения (жизни и смерти, добра и зла, свободы и несвободы) присутствует в многочисленных распятиях, выполненных Мастером в разные годы. Подобный синтез в некотором смысле применяет противоречия в схеме «личность – общество – власть» по принципу сходного образного ряда «лик – лицо – личина».

Позже, уже в начале 1990-х гг., Эрнст Неизвестный дополнил свои концепции новыми образами и смыслами. Так, работа с говорящим названием «Проходящий сквозь стену» была подарена в 1996 г. Борису Ельцину. И, опять же, соединяла в себе несколько идей. От очевидных демократических до личностных. Скульптура является в некотором роде пожеланием здоровья первому президенту России, который в преддверии предвыборной кампании пережил несколько инфарктов.

Таким образом, творчество Эрнста Неизвестного, построенное на конкретных художественных приемах, является экспрессивной иллюстрацией многих механизмов взаимодействия личности, общества и власти, действовавших на протяжении практически всего советского периода. Дальнейшие искусствоведческие, исторические и культурологические исследования в этой области, вкупе с сохранением монументального и станкового наследия Мастера, позволят раскрыть новые аспекты культурных, социальных и политических процессов, происходивших в СССР.

ВЫСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ИСТОРИКА С.И. АРХАНГЕЛЬСКОГО ПО ВОПРОСАМ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В 1950-е гг.

*Федосеева Ксения Владимировна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В 1947 г. члена-корреспондента АН СССР, д.и.н., профессора Горьковского университета Сергея Ивановича (1882–1958) Архангельского «поставили в известность» о том, что «решением Исполкома Горьковского Областного Совета депутатов трудящихся» он был «утвержден членом научно-технического совета Облплана»¹. С этого момента С.И. Архангельский включился в общественно-политическую повестку дня: борьбу за мир, за «мирный атом», за права человека.

С 1950-х гг. С.И. Архангельского стали привлекать к движению ученых в защиту мира. В личном фонде ученого отложились тексты его выступлений по радио: «Ученые в защиту мира»², «О Всемирном совете мира в Будапеште» (1953 г.)³, «Об американской агрессии в Корее» (1953 г.)⁴, «Об усилении движения борьбы за мир» (1955 г.)⁵. Тогда же историк начал принимать активное участие в кампании по сбору подписей под обращением Всемирного Совета мира о запрещении использования атомной энергии в военных целях⁶.

В начале войны в Корее С.И. Архангельский, выступил перед горьковчанами с речью⁷: Дорогие товарищи! События последних трех-четырёх дней показывают, что защитники новой войны, империалисты раскрыли свои карты, нагло начали войну против Северной Кореи. Там уже в эти минуты льется человеческая кровь, авиация разрушает города, тогда как Корея могла бы идти по пути мира и процветания, находясь под народным управлением. Под угрозой войны находится китайский народ. ООН обращен в ширму для прикрытия замыслов империалистов. В такой ответственный момент должны сильнее и сильнее сплываться все защитники мира. Их много на свете. Большая часть людей хочет жить

¹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

² АРАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 358. Л. 2.

³ Там же. Д. 365. Л. 6.

⁴ Там же. Д. 366. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 367. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 368. Л. 4.

⁷ Тексты С.И. Архангельского приводятся в соответствии с орфографией и пунктуацией источника. – *Авт.*

в мире. Человеческой войны жаждут, в конце концов, немногие и их можно обуздать. 10.05. Трумэн, в американском городке Покателло, заявил, что он применит бомбу атомную, если это будет нужно, как то уже однажды он сделал. Постоянный комитет Всемирного Конгресса сторонников мира объявляет военным преступником то правительство, которое первым применит это оружие агрессии и массового уничтожения людей... С.И. Архангельский⁸.

С.И. Архангельский обращался к горьковчанам с речью «об американской агрессии в Корее»: Товарищи! Еще совсем недавно американские империалисты показали себя как враги человеческого рода, начав и продолжая применять в войне со свободным корейским народом отравляющие газы и бактериальное оружие, запрещенные международным правом и осужденные человеческой совестью.

На этом они не остановились. Они стали зверски обращаться с военнопленными корейцами и китайцами, растоптали всякие международные обязательства, выработанные несколькими поколениями людей.

Еще в 1899 году Гагская мирная конференция, где участвовали представители 26 государств, в том числе и Северо-Американских Соединенных штатов, обсуждала конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны. Конвенция имела раздел о военнопленных (статьи 14–20), где шла речь об учреждениях, бравших на себя заботу о пленных, вроде справочного бюро по всем вопросам, касавшимся пленных, общества помощи пленным и т. д.

Фашизм не стал считаться с международными нормами в отношении военнопленных, и вторая мировая война вошла на страницы истории со зверствами в Майданеке и Освенциме, где было организовано систематическое, хладнокровное, продуманное истребление пленников, какого еще не знал мир.

Американские империалисты пошли по стопам фашистов. Известия последних недель о том, что творится на острове Кочжео, убеждают в этом. Остров Кочжедо, где собраны пленные корейцы и китайцы, стал застенком, местом грубого издевательства над безоружными людьми. Пленники, по замыслу американских империалистов, прикрывающихся флагом ООН, должны отказаться от возвращения домой и поступить на службу к американским наемникам – Ли-Сын-Ману и Чан-Кай-ши. Чтобы добиться своей цели, американские империалисты не только разорвали всякие международные обязательства, они организовали убийства раненных и пленных, желая этим запугать оставшихся в живых, сломить их волю и обратить их в своих наемников. Чтобы прикрыть это вопиющее насилие, это называют «добровольной репатриацией», те добровольным отказом от возвращения на родину. Это нарушение международных обязательств в отношении пленных, это попрание элементарных прав человека, эти зверства не могут пройти без протеста, осуждения и наказания.

Крепнет великий фронт мира на западе и востоке; он обуздает насильников, накажет убийц, привлечет к суду инициаторов химической

⁸ АРАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 353. Л. 1.

и бактериологической войны, организаторов зверских убийств пленных. Лицемерие не поможет скрыть правду от народов, охваченных стремлением построить новую жизнь на земле без империализма, войны и рабства.

Протестуя вместе со всем народом нашей Родины против кровавых злодеяний американской военщины в Корее, мы, работники университета, должны еще упорнее трудиться на поприще науки, чтобы тем сделать свой вклад в дело укрепления мира во всем мире, чтобы еще более усилить могущество нашего государства. С.И. Архангельский⁹.

10 сентября 1953 г. С.И. Архангельский выступил по радио в связи со Всемирном Совете Мира в Будапеште: Всемирное, народное движение в защиту мира растет во всех странах. Летом состоялась сессия Всемирного совета мира в Будапеште. Она показала, что хотя настойчивая борьба за мир миллионов людей разных стран, языков, возрений и верований есть сила, недавно вступившая на сцену международной жизни, но эта сила растет. Борцы за мир полны сознания своей правоты, отстаивая лучшие стремления человеческого гения, создавшего культуру на земле, великие произведения науки и искусства.

Мир надо сохранить, чтобы спасти жизнь миллионов людей от смерти; очаги человеческой жизни, культурные ценности от варварского разрушения; все человечество в целом от одичания. Советский народ давно включился в борьбу за мир и идет рука о руку с другими миролюбивыми народами, с всеми людьми доброй воли. Пленум советского комитета защиты мира, состоявшийся на днях, 31 августа в Москве, еще раз выразил волю всех советских людей жить в мире со всеми народами. Зачем прибегать к войне, когда не существует таких вопросов, которые нельзя было бы урегулировать путем мирных переговоров. Мы, собравшиеся на пленум Горьковского областного комитета защиты мира, должны выразить нашу твердую волю, наше непреклонное решение бороться за мир и защищать его от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили.

Последние события в юго-западной Германии, запугивания избирателей на выборах в бундестаг фашистами и сами результаты выборов показывают, что опасность войны усилилась, что разрешение германской проблемы мирным путем стало труднее, чем было прежде. Это обязывает нас усилить борьбу за мир, поднять нашу работу на более высокий уровень... Все находится во взаимной связи. Нарушение мира в одном месте создает угрозу для всех людей. Поэтому да здравствует мир во всем мире. С.И. Архангельский¹⁰.

В личных фондах С.И. Архангельского отложились и другие тексты статей, докладов и речей по вопросам мира, безопасности и отказа от применения атомного оружия. Таким образом, С.И. Архангельский активно занимался общественной работой и привлекался различными организациями к освещению общественно-значимых проблем, в том числе борьбе за мирное использование атома и предотвращению разжигания войн.

⁹ АРАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 366. Л. 1–3.

¹⁰ Там же. Д. 365. Л. 2–5.

«ЯЗЫКОВЫЕ ВОЙНЫ» В БЕЛЬГИИ

*Филяева Алина Игоревна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В течение двух последних десятилетий в Европе наблюдается обострение сепаратизма. Одним из наиболее интересных примеров современного сепаратизма является сепаратизм в Бельгии, фактически, представляющий угрозу существованию данного государства. Большая часть территории данного государства разделена между регионами Фландрия и Валлония, жители которых принадлежат к различным культурным общностям, говорят на разных языках и, по мнению некоторых авторов, характеризуются различным менталитетом. Указанные различия, как и несоразмерное экономическое развитие двух указанных регионов, неоднократно становились причиной ожесточенных дискуссий о дальнейшей судьбе Бельгии, приводивших данное государство на грань раскола.

Тем не менее Бельгия сохраняет целостность, по-прежнему представляя собой пример сосуществования различающихся народов в границах одного государства, в середине XX века вдохновлявший основателей Европейского союза. Однако в современной Бельгии сохраняются сепаратистские настроения. Деятельность сепаратистов в настоящее время ограничивает коалиционное парламентское соглашение 2014 года, согласно которому Новый фламандский альянс (НФА), крупнейшая сепаратистская партия Бельгии, не может поднимать вопрос о независимости Фландрии до парламентских выборов 2019 года. Приближение срока окончания действия соглашения делает актуальным вопрос о современном состоянии бельгийского сепаратизма, о том, актуальны ли в настоящее время предпосылки, характерные для сепаратизма в Бельгии. В данной работе рассматривается один из наиболее известных факторов возникновения сепаратизма в Бельгии – лингвистическая проблема.

История суверенного государства Бельгия начинается с 1830 года. Однако история взаимоотношений фламандцев и валлонов насчитывает века. В I веке до н. э. территория современной Бельгии вошла в состав Римской империи. В III–IV веках н. э. земли были захвачены германскими племенами, заселившими северную часть территорий. С того времени северную часть территории занимают фламандцы, говорящие на голландском языке, с культурой, родственной культуре Нидерландов, южную часть – франкоязычные валлоны, тяготеющие к французской культурной традиции.

В 1792–1815 годах Бельгия являлась частью Франции, но после Наполеоновских войн перешла в состав Нидерландского королевства, от которого, как указывалось выше, отделилась в 1830 году. Во время бельгийской революции фламандцы и валлоны боролись против общего врага, и совместные действия на время сплотили эти два народа. Однако культурные и экономические противоречия существовали уже на момент создания Конституции 1831 года, и в дальнейшем они развивались и усугублялись, что привело к возникновению сначала во Фландрии, а затем и в Валлонии националистических настроений, со временем ставших причиной формирования сепаратистских движений.

Согласно Конституции Бельгии 1831 года, французский язык получил статус общегосударственного¹, что соответствовало тому факту, что политическая элита Бельгии являлась франкоговорящей. Тем не менее учитывая, что в то время фламандцы превосходили валлонов по численности, это не могло не вызвать недовольства нидерландоговорящего сообщества. В первые годы существования независимой Бельгии это недовольство сдерживала неприязнь к «бывшему правителю», выражавшаяся в нежелании значительной части населения Бельгии придавать языку, на котором говорили в Нидерландском королевстве, статус государственного. Однако со временем возрастало ощущение несправедливости существовавшей системы по отношению к фламандцам. Менее чем через 20 лет после отделения Бельгии, в 1847 году, появилось фламандское социокультурное движение, требовавшее равенства фламандского и французского языков, возможности использовать фламандский язык в сфере образования, права, государственного управления. Лингвистическая проблема стала «метафорой для выражения чувства исключенности и статуса меньшинства»² фламандского сообщества, члены которого воспринимали себя как «колонизированный народ»³.

В 1898 году был принят закон, утвердивший «принцип двуязычности», признав голландский вторым официальным языком Бельгии. Тем не менее он не установил равноправия фламандского и французского языков: подтверждающие его законы были ратифицированы лишь в 1920–1930-х годах до этого языком государственного управления и политики оставался французский. В 1930 году произошло событие, известное как «компромисс бельгийцев»: в Гентском университете начали преподавать на фламандском языке⁴. Затем, в 1932 году, было принято решение о ведении дел

¹ *Кучук Ю.В.* Бельгия: от сепаратизма к федерализму (эволюция федерализма в Бельгии) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4. URL: <http://evolutio.info/content/view/722/55/> (дата обращения: 22.02.2019).

² *Farrell M., van Langenhove L.* Towards cultural autonomy in Belgium // National cultural autonomy and its contemporary critics. London: Routledge. 2004. P. 222–235. P. 225.

³ *Loh D.W.* Nationalist attitudes in Quebec and Belgium // The Journal of Conflict resolution. Vol. 19. № 2. 1975. P. 217–249. P. 219.

⁴ *Иванова Е.В.* Формирование крайне правого движения в Бельгии на примере

во Фландрии – на фламандском, в Валлонии – на французском, Брюссель оставался двуязычным. Таким образом, лингвистическая «Фламандская проблема» стала менее острой, хоть и не была устранена полностью.

«Лингвистическая проблема» Бельгии вновь стала актуальной в 1960-х годах. В тот период экономические и демографические изменения вызвали новый подъем национального движения Фландрии, стремившегося привести политическую систему в соответствие с произошедшими изменениями. Кроме того, возникло национальное движение Валлонии, представителей которой беспокоили перспективы лидерства фламандцев в политической и экономической сферах жизни государства. Как следствие, трехпартийную систему, предполагавшую идеологическое деление – на консервативную, либеральную и социалистическую партии, – сменила многопартийная, в рамках которой партии разделились по лингвистическому и региональному признакам⁵.

Напряженность в отношениях между двумя этническими группами возростала. В 1968 году произошел так называемый Лувенский конфликт (или Лувенский кризис): дискуссия о том, на каком языке должно вестись преподавание в Лувенском университете, едва не привела к распаду страны. В результате разделился лишь Лувенский университет (франкоязычный поток переселился в город Лувен-ля-Нев в Валлонии), а целостность государства позволили сохранить реформы. Так, в 1970 году было законодательно закреплено существование фламандской, франкофонной и германоязычной общин (по итогам Первой мировой войны к Бельгии была присоединена восточная часть Валлонии; жители данной территории говорят на немецком) и трех регионов – Валлонии, Фландрии и Брюсселя. В 1980 году Фландрия и Валлония получили статус автономий, а в 1989 права региона получил и Брюссель.

Однако достигнутые результаты удовлетворили далеко не всех. Причиной недовольства валлонцев было неидеальное разрешение лингвистической проблемы: из-за «территориального подхода» теперь в правах были ущемлены не только жители Валлонии, говорящие на нидерландском языке, но и франкоговорящие граждане Бельгии, живущие на территории Фландрии. В то же время фламандцы считали, что проведенные реформы не предоставили им необходимых политических возможностей.

В 1993 ведущие политические группировки фламандцев и франкофонов подписали Сен-Мишельские соглашения, согласно которым Бельгия стала федеративным государством, состоящим из сообществ (фламандского, французского и немецкого) и регионов (Фландрии, Валлонии, Брюсселя), которые получили широкую автономию – вплоть до права заключать международные договоры по некоторым вопросам. Как это

партии «Влаамс Беланг» // Журнал ПОЛИТЭКС. URL: <http://www.politex.info/content/view/407/30/> (дата обращения: 26.02.2019).

⁵ Кучук Ю.В. Бельгия: от сепаратизма к федерализму (эволюция федерализма в Бельгии) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4. URL: <http://evolutio.info/content/view/722/55/> (дата обращения: 22.02.2019).

происходило и в Великобритании, и в Испании, и в Италии, введение автономий на время стабилизировало ситуацию. Однако с середины 2000-х годов фламандское сепаратистское движение снова начало проявлять активность. Очередной виток конфликта снова оказался связан с лингвистической проблемой, так и не разрешенной в результате проведенных реформ.

По высказыванию Кэтрин Эмерсон, Бельгия остается «лингвистически разделенным обществом, где языковые различия часто отображаются в виде социальной или политической напряженности»⁶. Конституция Бельгии, принятая в 1993 году, утвердила право бельгийских граждан пользоваться немецким, французским или нидерландским языком по их собственному выбору. Распределение мест в парламенте и правительстве Бельгии учитывает все существующие регионы и общины (языковые сообщества): в зависимости от избирательного округа избиратели голосуют за фламандские, валлонские или немецкие партии. Это обеспечило представительство всех этнических групп в политике, что снизило напряженность лингвистической проблемы, однако не решило проблему языкового раскола в государстве. Основную часть населения Валлонии составляют франкоговорящие бельгийцы, а большинство жителей Фландрии говорит на нидерландском, так что на большей части территории государства фламандцы и валлоны практически не взаимодействуют друг с другом⁷. Исключение представляют собой области, прилегающие к границе между Фландрией и Валлонией, а также Брюссель, территориально расположенный во Фландрии, официально – двуязычный, однако в основном франкоговорящий. Именно на данной территории начинаются «языковые битвы», одна из которых едва не стала причиной политического кризиса в Бельгии в 2005 году, и, вероятно, повлияла на развитие кризиса 2007–2010 годов.

Конфликт начался в результате эскалации проблемы разделения избирательного округа Брюссель – Халле – Вилворде (ВНУ), объединявшего 19 коммун (муниципалитетов) Брюсселя с 35 соседними фламандскими коммунами. Поскольку округ являлся двуязычным, его жители обладали правом решать, к какому округу они принадлежат – фламандскому или валлонскому – и, соответственно, голосовать за фламандскую или валлонскую партию. В результате периодически складывалась ситуация, при которой франкофоны, проживающие на территории фламандских коммун данного округа, голосовали за французские партии, формируя франкоязычные советы муниципалитетов, в то время как официальным языком данных муниципалитетов является нидерландский. Такое несоответствие вызывало негодование фламандцев. Для разре-

⁶ Emerson C. Pis(s)ing on intercultural boundaries: Manneken-Pis and cultural identity // *Intercultural spaces: Language, Culture, Identity*. New York. 2007. P. 21–30.

⁷ Traynor I. The language divide at the heart of a split that is tearing Belgium apart // *The Guardian* URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/may/09/belgium-flanders-wallonia-french-dutch> (дата обращения: 23.02.2019).

шения данной проблемы они предлагали разделить округ Брюссель – Халле – Вилворде, перенеся муниципалитеты Халле и Вилворде в состав соседних фламандских округов⁸. Валлоны отмечали, что в этом случае франкофоны из Халле и Вилворде потеряют возможность голосовать за франкоязычных кандидатов, считая подобный исход несправедливым. В 2007 году фламандцы приняли решение разделить округ в одностороннем порядке, что стало причиной подробного изучения проблемы данного округа в парламенте, длившегося до 2010 года. Дискуссия о соответствующей реформе завершилась лишь в 2011 году, когда было принято решение поддержать предложенный фламандцами вариант – округ ВHV был все же разделен и упразднен, и франкофоны Халле и Вилворде потеряли возможность выбирать франкоязычные муниципалитеты.

Как демонстрирует рассмотренный эпизод, лингвистическое разделение бельгийского общества остается серьезной проблемой, которую не удалось ликвидировать при помощи законодательного разграничения территорий. Живущие во фламандских муниципалитетах франкофоны предлагают изменить границы муниципалитетов, перенеся их коммуны на территорию Брюсселя. Такое решение, вероятно, устранил конфликтность, однако окончательно разделит граждан Бельгии на редко взаимодействующие друг с другом общности, что также представляет собой пугающую перспективу для целостности данного государства.

⁸ *Марченко Ю.М.* Характеристика языковой ситуации в Бельгии в условиях национально-лингвистического кризиса. С. 162.

АНАЛИЗ ВНУТРИЭЛИТНОЙ СИТУАЦИИ В ГВАТЕМАЛЕ И САЛЬВАДОРЕ НАКАНУНЕ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН

Фирсанов Данил Юрьевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Государства Латинской Америки во второй половине XX в. – крайне интересный объект исследования. С одной стороны, они уже достаточно долгое время были свободны от колониального бремени европейских держав и не находились под их прямым управлением. С другой стороны, в XX в. они стали полем интересов социалистического и капиталистического блоков. Латинская Америка в то время была настоящим полем идеологической и не только борьбы между двумя противоположными полюсами – СССР и США. Интересны в данном случае государства Гватемала и Сальвадор. В 1960–1970-е гг. в них начались кровопролитные гражданские войны, стороны которых поддерживались социалистическим и капиталистическим лагерями. Большую роль в конфликтах сыграли местные военные и экономические элиты, которых было принято считать вполне самостоятельными политическими акторами. Какое реальное влияние они оказывали на политический процесс в обеих странах? На какие экономические традиции они опирались? Существовали ли разногласия внутри самих элит? Задача работы – ответить на данные вопросы.

Для начала стоит кратко описать исторический контекст в обоих государствах. В Гватемале в 1954 г. произошел государственный переворот, в результате которого на смену левому Президенту Хакобо Арбенсу пришел генерал Кастильо Армас, которого привели к власти силы ЦРУ. В 1957 г. он был убит, и ему на смену пришел Идигорас Фуэнтес – также антикоммунист и сторонник сближения с США. Сальвадор шел по слегка другому сценарию: военной операции ЦРУ не было, но были фальсифицированные в пользу правых сил выборы: в 1972 и 1977 гг. к власти приходили лидеры, поддерживающие отношения с США и их союзниками.

В обеих странах приход к власти представителей правонастроенной военной элиты сопровождался народным недовольством и определенными перестановками во внутренней политической среде. Но в данном пункте работы некогда похожая траектория развития усложняется и разделяется.

Начнем с рассмотрения внутриэлитной ситуации в Гватемале, в чем нам поможет анализ основных отраслей экономики. Страны Центральной Америки традиционно являются крупными экспортерами различной агропродукции, Гватемала – не исключение. В условиях слабости нацио-

нальной экономики Гватемальский рынок еще с начала XX века быстро заполнился представительствами иностранных компаний, занимавшихся экспортом фруктов, цветов и хлопка. Крупным игроком среди них была американская United Fruit Company. Ей принадлежало значительное количество обрабатываемых земель, а значит – и рабочих мест¹. Местную экономическую элиту сложно было назвать самостоятельной, т. к. она во многом зависела от крупных коммерческих игроков, к тому же немалая доля от экспорта продукции уходила компаниям. Их положение ухудшилось, когда у руля встали кадры военной элиты. И здесь можно обозначить два этапа оттеснения экономической элиты военными:

В 1951 г. к власти пришел полковник Хакобо Арбенс – представитель левого крыла военных. Это сразу же не понравилось экономической элите, т. к. под реформой предполагалась и национализация с/х земель Гватемалы, а значит – и прекращение связей с иностранными компаниями².

После свержения Хакобо Арбенса – приход к власти генерала Идигораса Фуэнтеса – представителя правого крыла военных. Несмотря на отмену всех национальных преобразований предшественника и обратное привлечение иностранных акторов, положение экономической элиты не улучшилось: высший военный класс начал активно отбирать у них земли и рабочих, а значит – снижать их прибыль и экономико-политическое влияние.

Можно увидеть, что вне зависимости от того, какое правительство находилось у власти, положение экономических элит не становилось лучше: им приходилось уступать ключевые политические посты, а также маневрировать среди военных группировок, часто конфликтовавших и между собой³.

В Сальвадоре была принципиально другая ситуация. Экономические элиты были более сплоченными. Во многом это было обусловлено тем, что Сальвадор был крупным экспортером кофе – продукта, который не привлекал иностранный капитал, а значит – не мешал элите расти самостоятельно и независимо от внешних акторов⁴. Т.н. «14 семей», которые занимались экспортом кофе, в момент политической нестабильности, последствий Футбольной войны с Гондурасом показали свое влияние и вес: политическая модернизация государства проходила именно под их крылом и благодаря выходцам именно из экономических, а не военных

¹ *Гарридо Г.Т.* Гватемала: революция и контрреволюция. М., 1983. С. 20.

² *Балуев А.Ю.* Факторы успеха интервенции США в Гватемале в июне 1954 г. // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. № 3. С. 210.

³ *Хорос В.Г.* Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996. С. 27.

⁴ *Маррокин В.Р.* Экономика сельского хозяйства Сальвадора и других стран центральной Америки (Гватемалы, Гондураса, Никарагуа, Коста-Рики): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 59.40.00. М., 1966. С. 11.

кругов⁵. Артуро Армандо Молина, президент Сальвадора в 1972–1977 гг., будучи полковником и военным чином, проводил внешнеполитическую линию, направленную на усиление экономических элит: в условиях роста цен на кофе он увеличил его экспорт, обогатив именно экономические круги. Карлос Умберто Ромеро, его преемник, в основе своей продолжил эту же политическую линию.

Вне всяких сомнений, внутриэлитная ситуация не является единственной предпосылкой гражданских войн. Она была результатом переплетений множества кризисных потоков, исходящих как изнутри государства, так и извне. Но фактор внутренних элит и перестановок в их среде также является крайне важным аспектом осмысления гражданских войн. В качестве вывода можно постановить, что, несмотря на внешнее сходство политических процессов, которые протекали в Гватемале и Сальвадоре накануне гражданских войн, их внутреннее содержание весьма сильно отличается. В случае с Гватемалой мы видим сильную военную элиту, которая в период кризиса была способна навязать свою волю остальным политическим кругам, в том числе и представителям экономической элиты. Сальвадор же – пример сильной экономической элиты, которая не раскололась от внешнего давления, а наоборот укрепилась и привлекла военную силу для реализации своих политических целей.

⁵ Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии. М., 2015. С. 404.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР «ПОЛНОГО СВОДА ПАТРОЛОГИИ» ЖАК-ПОЛЬ МИНЯ

Холопов Сергей Геннадьевич

(Российский Государственный Гуманитарный Университет)

Жак-Поль Минь (25.10.1800, Сен-Флур, деп. Канталь – 24.10.1875, Париж), французский католический священник, крупнейший издатель Франции XIX века.

Крупнейшим издательским проектом Жак-Пол Миня стала публикация собрания сочинений отцов Церкви и средневековых христианских авторов под общим заглавием «Полный свод патрологии» (*Patrologiae cursus completus*). В разработке плана этого издания участвовали монахи-бенедиктинцы из Солемской конгрегации, прежде всего известный богослов и историк Церкви Ж.Б. Ф. Питра. «Полный свод патрологии» был разделен на две серии: сочинения латиноязычных авторов (2614) – от Тертуллиана до папы Римского Иннокентия III (1844–1864. 221 т.) и грекоязычных авторов (ок. 800) – от сщмч. Климента Римского до составителей текста Флорентийской унии (1857–1866. 161 т.)¹.

Жак-Поль Минь в данном книжном проекте использовал достаточно внушительный объем коллекций, ранее изданных в Европе. Попробуем рассмотреть некоторые книжные серии, которыми активно пользовался аббат Минь. Издательская деятельность в Европе, начиная с XVII века начинает активно развиваться. В 1686 году выходит первый том «*Nouvelle bibliothèque des auteurs ecclesiastiques*» (Новой библиографии церковных авторов)² под авторством Элли дю Пина, который продолжался до 1711 года, объемом в сорок семь томов. Она включала историю богословских взглядов всех христианских писателей, от истоков христианства до современников. Несмотря на высокую оценку от книжного общества «*Journal des Savants*», издание стало подвергаться нападкам со стороны Боссюэ и было осуждено архиепископом Парижа из-за ряда исторических и богословских ошибок.

Восемь лет спустя, в 1694 году, Николь Ле Нурри, который входил в общество «Сен-Жермен-де-Прес», издал первый том своего «*Apparatus ad bibliothecam maximam veterum Patrum...*»³.

¹ *Мереминский С.Г.* Православная Энциклопедия. М., 2018.

² Paris, 1686–1711, 47 vol.

³ Paris, 1694–1697, 2 vol.

Реми Цейле издает «Histoire generale des auteurs sacres et ecclesiatiqnes» (Общая история священных и церковных авторов)⁴ в двадцати трех томах, которые впоследствии неоднократно переиздавались.

Еще важнее в исследовании по истории Церкви и патристики труды Этьен Балуже (1630–1718). Этот французский ученый посвятил значительную часть своей жизни исследованию святоотеческих рукописей и публикации исправленных изданий. Он опубликовал семь томов «Melanges»⁵. Он был куратором великолепной библиотеки Кольберта, ныне интегрированной в Национальную библиотеку Франции⁶.

Минь, в частности, заимствует у Балуже его работу о святом Киприане Карфагенском.

В Германии книжные коллекции патристики растут в течение всего XVIII в. Мы находим такие имена издателей и ученых: Бенедиктин Бернард Пез, который поочередно публикует «Thesaurus anecdotorum Novissimus» в 6 т.⁷, затем одиннадцать томов «Thesaurus anecdotorum Novissimus» (Аскетической библиотеки авторов), в особенности средневековых. Лютеранин Жан Кристоф Нольф опубликовал в Гамбурге в 1722 году «Anecdota graeca sacra et profana»⁸. Век заканчивается значимой фигурой Бро Обертуром редактором «двойной» латинской и греческой патрологии⁹. Все эти литературные богатства, выявленные и собранные во время особенно плодородного XVIII столетия, заставляют пересмотреть известную Библиотеку – «Maxima Bibliotheca veterum Patrum et antiquorum scriptorum ecclesiasticorum»¹⁰. Ученый Андре Галланд (1709–1780) делает это. В библиотеке «Максима» намечается явный прогресс. Впервые представлен греческий текст с латинским параллельным переводом. Коллекция, в настоящее время очень редкая, ограничена 380 авторами первых двенадцати веков.

В Риме Анджело Май (+1854), будущий кардинал. Он почти современник аббата Миня. Его жизнь прошла между библиотеками святителя Амвросия и Ватикана, где он провел немало замечательных исследований. В течение сорока лет он являлся неутомимым редактором новооткрытых текстов, которые он анализировал и комментировал. Его публикации собраны в трех сборниках, которые предшествовали Миню: «Scriptorium veterum nova collectio» в 10 т.¹¹ с последующим римским «Spicilege» и, на-

⁴ Paris, 1729–1763, 23 vol., 2-е изд. – 1838–1839, 3-е изд. – 1860–1869.

⁵ Paris, 1678–1715, 7 vol.

⁶ Hamman A.-G. Jacques-Paul Migne: Le retour aux Pères de l'Église. Paris, 1975.

⁷ Vienne, 1728–1729, 6 vol.

⁸ Hamburg, 1722–1724, 4 vol.

⁹ Sanctorum Patrum Opera Polemica... Opera Patrum Graecorum, Graece et Latine. Wurtzburg, 1777, 21 vol.

¹⁰ Maxima Bibliotheca veterum Patrum antiquorumque scriptorum eccl., Venise, 1765–1781, 14 vol.

¹¹ Rome, 1825–1838, 10 vol.

конец, «Nova Patrum Bibliotheca» в 11 т.¹² Современное издание Миня, эти коллекции немало обогатили греческую патрологию.

Непосредственным предшественником аббата Миня, почти его современником, является Арманд-Бенджамин Кайо (1794–1850), один из немногих французских священников начала XIX века, знающий о проблемах патристики и стремящийся распространять их среди общественности. Обладавший скромностью, он отказался от кафедры архиепископа, и именно он был инициатором книжного проекта «возвращения к Святым Отцам». В 1826 году он начал работать над сборником патристических текстов, который должен был включать двести томов. Он останавливается на 133 томе, когда Минь объявляет публике о своих двух латинских и греческих патрологиях.

Произведения святителя Иоанна Златоуста и блаженного Августина являются неотъемлемой частью издаваемой патрологии. При содействии общества святого Ива Кайо добавил к августинскому изданию мавристов неотредактированные проповеди и другие труды, которые отсутствовали в бенедиктинском издании¹³. А.-В. Кайо также завершил маврийское издание произведений Григория Назианзина. Коллекция Кайо ведет нас к самому началу книжной компании аббата Миня.

Следует отметить, что по причине большого объема коллекций и серий, были включены только некоторые издания, которые использовал в своем книжном проекте Минь.

Что же касается оценок некоторых исследователей, то Жак-Поль Минь произвел настоящую революцию во французском издательском деле и книготорговле XIX века. Он использовал новаторские методы рекламы и распространения книг (гибкую ценовую политику, систему скидок для подписчиков, вносивших предоплату, различные варианты доставки и др.). В издательстве Миня применялись технические новинки (в частности, паровые печатные станки, обеспечивавшие большую производительность труда по сравнению с ручными). Все это соответствовало масштабам крупных промышленных предприятий во Франции того времени.

В ночь на 13 февраля 1868 г. «Католические мастерские» были почти полностью уничтожены пожаром. Общий ущерб оценивался в 6 млн франков; после длительных судебных тяжб Минь смог получить от страховых компаний лишь чуть больше половины этой суммы. Здоровье Миня стало ухудшаться и 24 октября 1875 г. он скончался. В 1876 г. наследники Миня продали все, что осталось от его предприятия, парижскому издательству «Братья Гарнье»¹⁴.

¹² Rome, 1844–1854, 7 vol.

¹³ *Hattman A.-G.* Jacques-Paul Migne: Le retour aux Pères de l'Église. Paris, 1975.

¹⁴ *Мереминский С.Г.* Православная Энциклопедия. М., 2018.

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА: ЕГИПЕТ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ США В 1990-е – 2011 г.

*Царегородцева Галина Игоревна, к.и.н.
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

США традиционно стремились к укреплению своих позиций в ближневосточном регионе и конструктивному диалогу с региональными державами, укрепляя и по возможности расширяя связи со стратегическими партнерами.

Традиционно для США таким партнером был Израиль, а после прихода к власти в Египте президента А. Садата и заключения Кэмп-Дэвидских соглашений в 1979 году США начинают укреплять связи с Египтом. Однако при внимательном прочтении многих документов можно сделать выводы о стагнации в американо-египетском сотрудничестве в 1990-е и 2000-е годы.

При изучении вопросов о причинах «арабской весны» 2011., основных последствиях этого события и позиции США, возникает ряд вопросов, связанных с приоритетами Белого дома. Политика двойных стандартов во внешнеполитической стратегии США не нова¹, однако именно на примере Египта особенно ясно видно, когда вопросы взаимовыгодного партнерства доминируют над стремлением распространить демократию в регионе.

Вообще положение Египта в системе внешнеполитических связей США в рассматриваемый период достаточно двойственно. С одной стороны, переговоры по мирному урегулированию палестино-израильского конфликта в 1990–2000-е годы не обходились без участия бессменного с 1981 года президента Египта Хосни Мубарака, с другой – это участие носило достаточно формальный характер. Протокольные мероприятия и проведение промежуточных этапов переговоров – вот и все, к чему сводится роль Мубарака, который, по словам ряда исследователей, мог оказывать давление на США, пока был единственной арабской державой, признавшей Израиль. Эта монополия была разрушена в момент заключения мирного договора между Иорданией и Израилем в 1994 году. Вместе с тем, ухудшать отношения с Египтом в США считали недаль-

¹ *Ноздрин А.В.* Политика двойных стандартов в международных отношениях // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. С. 79–83.

новидным, некоторые изменения попыталась внести К. Райс, своим выступлением в 2005 году призвав Мубарака начать путь к демократизации страны².

Президент США Б. Клинтон³ и Госсекретарь М. Олбрайт⁴ не упоминают Мубарака в своих воспоминаниях, если речь не идет о палестинско-израильских переговорах. К. Райс говорит о необходимости демократизации Египта, однако ее выступление вполне вписывается в новую стратегию в отношении Ближнего Востока, которую пыталась в 2005–2006 годах реализовать администрация Дж. Буша⁵, терявшая популярность в регионе из-за войны в Ираке. Таким образом, сложно рассматривать это выступление как направленное конкретно против Египта.

Администрация Обамы продолжила сотрудничество с Х. Мубараком по вопросам Палестины, так как партнерство с Израилем и обеспечение его безопасности явно превалировала над вопросом демократии в Египте.

Лидер Египта Х. Мубарак, с одной стороны, попадает в число авторитарных правителей, с другой, – его правление на Ближнем Востоке не являлось для США критичным. До начала арабской весны администрация Обамы продолжила сотрудничество с Х. Мубараком по вопросу Палестины. Как пишет в своих воспоминаниях госсекретарь Х. Клинтон, у США и Египта «было много совпадений интересов из области национальной безопасности, руководствуясь которыми предыдущие американские администрации также поддерживали тесные связи с Мубараком, расценивая их в качестве приоритетных», кроме того, Клинтон проводит значимую параллель, сравнивая события в Египте с революцией в Иране, где «в 1979 году организовали всенародную революцию против шаха – и в результате установили жесткую теократию. Если бы нечто подобное произошло в Египте, это было бы катастрофой не только для граждан Египта, но также для Израиля и интересов США»⁶.

Даже начало арабской весны и последующий приход к власти «Братьев-мусульман» не стало причиной для активных действий со стороны администрации США (в сравнении с реакцией на события в Ливии, Сирии, Ираке).

Историк А. Васильев в статье, посвященной первым демократическим выборам в Египте, делает акцент на том, что главным критерием для внешнеполитической линии США в отношении нового египетско-

² Кондолиза Райс говорит в Египте о демократии. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2005-06-23-voa5/627368.html> (дата обращения: 28.02.2019).

³ *Clinton B. My Life*. London Arrow Books, 2005. P. 1012.

⁴ *Олбрайт М.* Госпожа Госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт. М., 2004.

⁵ *Mahdi Darius Nazemroaya* Plans fo Redrawing the Middle East:The Project for a New Middle East. URL: <https://www.globalresearch.ca/plans-for-redrawing-the-middle-east-the-project-for-a-new-middle-east/3882> (дата обращения: 28.02.2019).

⁶ *Родэм Клинтон Х.* Тяжелые времена. М., 2016. С. 420–421.

го правительства остается отношение братьев-мусульман к Израилю⁷. Пока правящие круги Египта не изменят кэмп-дэвидским договоренностям, проблемы демократии в стране будут признаваться внутренним делом египетского народа.

События арабской весны впервые с момента речи К. Райс в 2005 году заставили администрацию США пересмотреть свои отношения с Египтом. Решение, принятое администрацией Обамы, носит половинчатый характер, что вписывается в общий курс последних трех десятилетий, с другой – показывает, что отношения к Египту еще предстоит пересмотреть. Нестабильность в Ираке после избрания там демократического правительства уже привела к активизации радикальных сил в регионе, война в Сирии также приняла затяжной характер без существенных изменений, но с тяжелейшими гуманитарными последствиями. На этом фоне перспективы Египта более радужны, а отношения с США выглядят стабильными и конструктивными. Вместе с тем временная стабилизация в стране уже подвергается испытаниям экономическими проблемами. Ислам, призванный стать опорой нового режима, резкая антиизраильская позиция, стоящих во главе государства лидеров, – все это может привести к резкому обострению противоречий на Ближнем Востоке.

⁷ *Васильев А.М.* Египет после выборов // Азия и Африка сегодня. 2012. № 4. С. 2–15.

НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ В 1960–1980-е гг.

*Цветков Эдуард Георгиев
(Средняя школа № 4 г. Ярославля, Ярославский
государственный университет имени П.Г. Демидова)*

В XX веке имели место две попытки установления советского влияния в Тропической Африке, и, если в 1920–1930 гг. успехи III Коминтерна были достаточно скоромными¹, в 1950-е Советскому Союзу выпал шанс закрепить свои позиции в Африке.

Советское руководство начало задумываться о развитии отношений с Африкой² на исходе 1940-х гг., когда в странах континента набирало обороты антиколониальное движение, создавались партии и профсоюзы, использовавшие левые идеи и риторику³. С появлением в Тропической Африке суверенных государств для СССР открылись возможности установления влияния и пропаганды собственных идей.

На рубеже 1950–1960-х гг. СССР на континенте воспринимали как «загадочного», но привлекательного партнера. Победа во Второй мировой войне, быстрое послевоенное восстановление, экономические успехи 1950-х гг., отсутствие колониального прошлого и левая идея (те принципы организации власти и общества, которые позволили СССР доказать свое историческое существование и добиться вышеописанных успехов – примат коммунистической идеологии, однопартийная политическая система, командно-административная экономика, индустриализация и коллективизм), удивительно совпадали с доминирующим в 1960-е гг. афрооптимизмом – верой в быстрое решение африканских проблем.

В 1950-е гг. идеологи марксизма-ленинизма разрабатывали адаптированный вариант «коммунистического» будущего для освободившихся стран: он нашел свое выражение в виде теорий «некапиталистического развития» и «социалистической ориентации»⁴. Центральной проблемой адаптации стал вопрос об отсутствии в Тропической Африке

¹ Давидсон А.Б. «Черная Африка» в истории России опыт трех столетий / Новая и новейшая история. № 5. М., 2000. С. 10–29.

² Мазов С.В. Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964: неизвестные страницы истории холодной войны. М., 2008. С. 10–11.

³ В 1947 г. созданы Демократическая партия Гвинеи и Объединенный Конвент Золотого Берега.

⁴ Кива А.В. Социалистическая ориентация: аномалия или естественная фаза мирового развития? // Общественные науки и современность. № 5. 1997. С. 24.

рабочего класса – неотъемлемого атрибута социализма. Но в условиях холодной войны не могло быть и речи о том, чтобы дожидаться момента, когда он возникнет естественным путем! Отсюда следует понимание некапиталистического пути развития как подготовки к социализму. «Некапиталистический путь – не непосредственное строительство социализма, а особый этап исторического развития, который обеспечивает возможность ликвидации отсталости, унаследованной от колониального прошлого»⁵ с учетом своеобразия и противоречивости африканских реалий. Особый акцент делали на том, что преодоление отсталости не должно отождествляться исключительно с экономическим ростом, а должно сочетаться с политической волей по сближению с мировой системой социализма, установлению социалистических форм и методов хозяйствования, созданию государственного сектора и установлению ограничений в отношении «национальной буржуазии и иностранного капитала»⁶.

В СССР политическая независимость Африки здраво оценивалась как первый шаг подлинной деколонизации. «Эта независимость будет шаткой и превратится в фикцию, если революция не приведет к глубоким изменениям в социальной и экономической жизни»⁷. Чтобы причислить то или иное государство Африки к сторонникам некапиталистического пути развития, первоначально достаточно было установления дипломатических отношений с СССР и антизападных заявлений. Африканские лидеры охотно использовали левую риторику и антиколониальные заявления, в рамках «позитивного нейтрализма» устанавливали дипломатические отношения с западным миром, социалистическим лагерем и КНР, получали помощь и кредиты, не считая себя обязанными следовать какому-то конкретному курсу.

Тропической Африке левая идея была хорошо знакома. Первое отделение Французской социалистической партии появилось в Сенегале еще в 1920 году⁸. В период деколонизации, начиная с 1940-х гг. многие из африканских лидеров творчески переосмыслили левую идею, предложив собственные концепции «африканского социализма». Наиболее известны коншиенсизм Кваме Нкрумы, уджамаа Джужууса Ньерере, негритюд Леопольда Сенгора. Общим для них было признание исключительности африканской личности и акцент на отсутствие классового деления и антагонизма в африканских обществах. Именно в коммунализме, коллективизме, «общинности» идеологи «африканского социализма» усматривали истоки самобытного африканского социализма, утверждая, что африканцы жили при социализме до появления европейцев. Такое понимание социализма по-африкански точнее было бы назвать африканским национализмом. Но даже при столь оригинальном понимании со-

⁵ Ульяновский П.А. Социализм и освободившиеся страны. М., 1972. С. 457.

⁶ Там же. С. 462.

⁷ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 354.

⁸ Charles Bernard. Le socialisme africain : mythes et réalités // Revue française de science politique. № 5. 1965. P. 856.

циализма не существовало никаких противоречий между «африканским социализмом» и теорией «некапиталистического пути».

Приверженность «африканскому социализму» не подразумевала единой логики развития; «африканский социализм» отличается многообразием и плохо поддается упорядочиванию. Чтобы понять, какой из вариантов находится ближе к подлинному социализму, а какой противоречит ему, необходимо понять, в какой степени и насколько широко в нем используются элементы теории «некапиталистического пути». С этой точки зрения негритюд Л. Сенгора или взгляды Джомо Кениаты и Одингги Огинги меньше всего соответствуют «некапиталистическому пути», и развитие Сенегала и Кении в тесном сотрудничестве со странами запада лучшее тому доказательство.

Отрицание классовой борьбы и ставка на развитие за счет крестьянских хозяйств в концепции уджамаа Дж. Ньерере в Танзании с точки зрения СССР можно назвать утопическим социализмом. Однако наиболее близким к идеям некапиталистического развития за счет признания классовой борьбы, роли идеологии, принципов политического и экономического развития традиционно считаются взгляды Секу Туре (Гвинея), Модибо Кейта (Мали), Амилькара Кабрала (Гвинея-Бисау и Кабо-Верде), коншиенсизм К. Нкрумы (Гана).

В Тропической Африке существовали режимы, которые объявляли о строительстве социализма не по африканскому, а по советскому образцу. В 1970 г. (первым) об этом заявил лидер Конго-Браззавиль Мариан Нгуаби, чуть позднее – Агностио Нето (Ангола), Сиад Барре (Сомали), Менгисту Хайле Мариам (Эфиопия).

В период с 1957 по 1976 г. в 15 странах⁹ Тропической Африки были установлены политические режимы, которые поддерживали достаточно тесные отношения с СССР и подходили под понятие «страна некапиталистического пути развития и социалистической ориентации». Для обеспечения экономического роста в них можно было наблюдать усиление государственного регулирования, национализацию важнейших отраслей и секторов экономики, принятие планов экономического развития, создание коллективных хозяйств в деревне, реализацию убыточных или необоснованно дорогих инфраструктурных проектов. Политическое развитие стремилось к выстраиванию властной вертикали, формированию диктатуры и однопартийной системы, были репрессии против оппозиции, контролировались профсоюзы, общественные организации и СМИ, развивался культ личности находившихся у власти лидеров. Неотъемлемой частью жизни государства была пропаганда, создание и контроль детских и молодежных движений, мобилизационная риторика и эксплуатация образа революции.

Некапиталистическое развитие не смогло доказать свою эффективность. Ценой социалистической иллюзии стали экономические и политические потрясения, гражданские войны и военные перевороты.

⁹ Гана, Гвинея-Конакри, Мали, Танзания, Конго-Браззавиль, Судан, Замбия, Гвинея-Бисау, Эфиопия, Сан-Томе и Принсипи, Мозамбик, Ангола, Бенин, Мадагаскар, Сомали.

О РОЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ВОПРОСЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЫ 1970–1980-х гг.

Червяков Руслан Юнадиевич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Изучение истории советского государства и общества невозможно без обращения к проблеме советской идеологии, которая во многом определяла взгляды человека на происходящее в мире. Эти взгляды транслировались посредством в том числе и визуальной пропаганды, в которой в концентрированном виде отражались основные партийные решения и постановления¹. Несмотря на то что советская карикатура уже давно активно включена в научный оборот², говорить об окончательном оформлении методологического подхода к ее изучению не приходится. Восстановление связки между идеологией, пропагандой и реальной политической обстановкой позволит восполнить этот пробел.

В качестве источника отобрано самое массовое сатирическое издание, издаваемое ЦК КПСС, – журнал «Крокодил». В работе делается акцент на анализе карикатурного материала ввиду его особенной популярности среди массового читателя. Главная сложность в работе с карикатурами заключается в дешифровке так называемых «смысловых слоев», выяснении подоплеки создания того или иного изображения³. Анализ основных партийных решений делается по официальным партийным материалам.

Главным идеологическим документом, в соответствии с которым определялись ценностные установки, стала Третья программа КПСС, принятая на XXII съезде КПСС в 1961 году. Согласно этому документу,

¹ *Ефимов Б.Е.* Десять десятилетий (о том, что видел, пережил, запомнил). М., 2000. URL: https://royallib.com/read/efimov_boris/_desyat_desyatiletiiy.html#1655554 (дата обращения: 27.02.2019).

² *Голубев А.В.* «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М., 2018; *Он же.* «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-е – 1940-е годы. М., 2008; *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; СССР и США в XX веке: восприятие «другого» / отв. сост. Б. Физелер, Р. Магнусдоттир. М., 2017; *Гринько И.А., Шевцова А.А.* «Дятел докладодобляющий» и другие животные: наука в зеркале советской карикатуры // Историческая экспертиза, 2018. № 1.

³ *Голоиков А.Г., Рыбаченко И.С.* Смех – дело серьезное. Россия на рубеже XIX–XX вв. в политической карикатуре. М., 2010. С. 90.

главная опасность для социалистического строя исходит от американского империализма, который совершает подрывные акции по всему земному шару, но под этим понятием подразумевается «империалистическая буржуазия», более конкретно «кучка миллионеров и миллиардеров»⁴, «финансовая олигархия и военщина, фашисты и реакционные клерикалы, колонизаторы и помещики, все идейные и политические пособники империалистической реакции»⁵.

Главная «сложность», с которой столкнулись пропагандисты, лежала во внешнеполитической плоскости и связана с общим улучшением взаимоотношений между социалистическим и капиталистическим блоком в начале 1970-х годов, получившим название «разрядка международной напряженности». Подписание договора о сокращении наступательных вооружений и заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе создавали ситуацию, когда идеологические установки вступили в острое противоречие с обстоятельствами реальной политики. Это наносило серьезный удар по идеологии.

Задолго до описываемых событий В.И. Ленин в статье «Что делать?» выразил следующее мнение: «...всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»⁶. Таким образом, по мнению Ленина, идеология должна носить наступательный, даже агрессивный характер, ее переход в оборону чреват сдачей позиций. Однако к середине 1980-х этот переход произошел. В январе 1985 года в редакцию главного идеологического журнала «Коммунист» поступило письмо⁷ от старшего инструктора политотдела ОКПП «Одесса» погранотряда КГБ, майора В.В. Павлинова. Автор письма в тезисной форме излагает свое понимание понятия «контрпропаганда», которую он называет «верным оружием в борьбе с идеологическими диверсиями»⁸, «оперативным элементом идеологической борьбы, дающим аргументированный отпор натискам буржуазной пропаганды»⁹. В ответном письме редакция отмечает, что «контрпропаганда – это всегда очень конкретный разговор, опирающийся на факты... разоблачающий ту или иную пропагандистскую идею империализма»¹⁰. Если рядового пропагандиста начинают волновать вопросы, связанные с оборонительными идеологическими действиями, это означает, что никакой наступательности в идеологии уже нет, более этого, на субъективном уровне эта ситуация уже воспринимается как нормальная. Однако еще раз необходимо повторить, что эта тенденция берет свое начало еще в 1960-е годы, когда идеологические установки стали постепенно расходиться с реально-

⁴ Программа. С. 26.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 40.

⁷ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 907. Л. 153–158.

⁸ Там же. Л. 153.

⁹ Там же. Л. 154.

¹⁰ Там же. Л. 158.

стью. Попытки соединить теорию и практику воедино можно проследить на примере советской карикатуры 1970-х – середины 1980-х годов.

Очень характерным явлением этого времени является создание многофигурных карикатур, вмещающих в себя несколько образов-масок. Например, карикатура Юрия Черепанова «Предновогодние натовские забавы»¹¹, опубликованная в номере 36 за 1978 год. В верхнем правом углу изображен канкан, исполняемый тремя нейтронными бомбами с черепами вместо голов. Им активно аплодируют зрители-военные и представители крупного капитала. У одного из военных от удовольствия началось головокружение, изображенное при помощи боеголовок. Рядом по туго натянутой колючей проволоке прохаживается родезийский колонизатор в пробковом шлеме, умело жонглирующий холодным оружием. Внизу его подстраховывают мужчины в старомодных цилиндрах и моноклях, растянувших полотно, на котором написано «Англо-американский план по Родезии». Робот в образе гадалки предрекает группе удивленных капиталистов инфляцию и спад в уходящем году. Еще одним отражением кризиса капитализма является удивленный мужчина, который пытается справиться с падением доллара. Рядом с ним мужчина в каске с надписью «Израиль» примеряет маску с крылышками, символом мира. На переднем плане изображена карусель из уток, отражение информационной войны, на которой катаются клеветущие на СССР китайцы и военные. Справа от них чилийцы наматывают на елку колючую проволоку с каплями крови. На все это грустно смотрит Санта Клаус с рваным мешком, на котором написано «На социальные нужды», просящий милостыню у собравшейся публики. Конечно, сама предновогодняя атмосфера не располагает к размышлениям о грустном, но сатирический эффект карикатуры при этом абсолютно теряется.

Подводя итоги, можно сказать, что кризис советской карикатуры и ее трансформация из элемента пропаганды в простую юмористическую картинку произошел под влиянием общего кризиса советской идеологии. Корни этого кризиса лежат еще в конце 1950-х – начале 1960-х годов и находят свое отражение в Третьей программе КПСС. Они связаны с потерей наступательного характера советской идеологии и ее перехода в фазу глубокой обороны. В начале 1970-х годов начинается потепление взаимоотношений между СССР и Западом, усиливаются экономические связи. Это сводит наступательность советской пропаганды к минимуму. Когда же отношения вновь ухудшаются и начинается наступление со стороны западных СМИ по поводу несоблюдения прав человека в СССР, то пропагандисты могут только отражать нападки, но перейти к фазе активного наступления им уже не удастся. Эти процессы нашли свое отражение в советской карикатуре. Она становится более мягкой, усиливаются элементы комизма, тогда как идеологическое содержание смягчается. Враг становится более нелепым и менее опасным. Такое положение дел впоследствии создало условия для плавного перехода к политике «нового мышления» в период перестройки.

¹¹ Крокодил. 1978. № 4.

РЕКТОР КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА НИКОЛАЙ ЦЫТОВИЧ: БИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Черемухин Вячеслав Владиславович
(Московский педагогический государственный университет /
школа № 1861 «Загорье» г. Москвы)

Выбирая подход «биография интеллектуала», мы вынуждены обращаться к традиции французской историографической школы XX века. Подход требует поставить личность в центр социокультурного и коммуникативного взаимодействия и показать, как его научные взгляды формировались и изменялись в этих условиях. Итак мы обращаемся к биографии деятеля отечественной юридической науки на рубеже XIX–XX вв. Николая Мартиниановича Цытовича.

Николай Цытович родился в дворянской семье в г. Николаеве 17 апреля 1861 года через несколько месяцев после отмены крепостного права¹. Город Николаев на сегодняшний день – центр одноименной области на Украине, а в 1860-е годы это один из центров судостроения на юге России. С 1862 года этот город управлялся военным губернатором Б.А. фон Глазенапом, одновременно занимавшим пост главного командира Черноморского флота. Это было временем трансформации. Уже на следующий год после рождения Цытовича здесь был открыт первый Коммерческий порт, в городе стали появляться иностранные консулы. В первом путеводителе по городу говорилось так: «Дома в городе большей частью каменные, вследствие обильных каменоломен в окрестностях и даже в черте города... Небольшая часть домов покрыта железом, остальные черепицей, выделяемую на месте, а многие крыты тесом. Дома бедных жителей... почти все построены из землбитного кирпича и покрыты камышом и соломою...»².

По происхождению Николай Мартинианович происходил из дворян и, по всей вероятности, его род по отцу имеет польское происхождение. На сегодняшний день сохранился лишь один дворянский герб, принадлежащий роду Цытовичей. Не смотря на то что окончательно он был утвержден лишь Правительствующим Сенатом 8 июня 1917 года, однако

¹ Цытович Николай Мартинианович // Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко. URL: <http://univ.kiev.ua/ru/geninf/history-rectors/tsitovich/> (дата обращения: 19.02.2019).

² Крючков Ю.С. Старый Николаев глазами очевидцев // Николаевский базар. URL: <http://bazar.nikolaev.ua/content> (дата обращения: 19.02.2019).

дворянское происхождение рода было подтверждено еще Могилевским депутатским дворянским собранием дважды: в 1792 и 1832 годах³.

В 1870-е годы Николай Мартинианович отправляется в Киев и заканчивает Киевскую первую гимназию (1879). К этому моменту данная гимназия стала «классической» и приравнивалась в правах к высшим учебным заведениям империи. Уже в 1883 году Цытович получает степень кандидата законовения на юридическом факультете Киевского Университета Св. Владимира. Основанием для оставления Цытовича в качестве кандидата для подготовки к профессорскому званию стала его работа «Кустарная промышленность в России», за которую он получил золотую медаль. Следует отметить, что данная работа была не новой в отечественной науке, однако в ней автор смог, в том числе, объяснить, какую роль имеет кустарная промышленность, как ее важно отделять от других форм промышленности и какие у нее перспективы. Автором сделан соответствующий вывод: «Всякая мера, направленная к поднятию промышленности вообще... будет отзываться благотельно и на кустарной промышленности, так как развитие последней неразрывно связано с экономическим ростом нашего отечества»⁴.

В 1886 году Цытович получил степень магистра и был допущен к чтению лекций по политической экономии и статистике в качестве приват-доцента университета. В этом же году в житомирской типографии Бродовича выходит «Курс Статистики (Народонаселения)», основанный на лекциях Цытовича в Киевском университете. В этом курсе Цытович сказал, что «статика как метод... есть один из методов исследования явлений»⁵. Можно заметить, что в курсе лекций студенты получали общую картину о статистике как науке и ее основных направлениях. Хочется также отметить, что в своей работе Цытович уделял большое внимание данным по демографии и анализу в разных регионах страны и мира. Большая часть собранных им данных сведена в таблицы и глубоко проанализирована.

На протяжении следующих лет он активно занимался научной работой, а 1889 году завершил магистерскую диссертацию на тему «Обзор учения о предпринимательской прибыли». Получив командировку в Европу, он отправляет в Германию, где посещает в первую очередь королевство Пруссия. Эта командировка и собранные в этой поездке материалы лягут в основу докторской диссертации. Эта диссертация, защищенная автором для получения степени доктора политической экономии в 1898 году, получила название «Местные расходы Пруссии в связи с теорией местных расходов». Основная цель автора стоит не только в самом исследовании местных расходов в Пруссии, Цытович ее расширяет до уровня всего самоуправления. Вот его слова: «Предлагаемое исследование представляет собой опыт разработки важнейших вопросов, касающихся расходов само-

³ Герб рода дворян Цытовичей // Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/4352.html> (дата обращения: 19.02.2019).

⁴ Цытович Н.М. Кустарная промышленность в России. Киев, 1884. С. 150.

⁵ *Он же*. Курс статистики (народонаселения). Житомир, 1886. С. 3.

управления». В исследовании Николай Мартинианович старался уделить внимание тем вопросам, которые уже были успешно решены в Европе, однако в России «только возникают»⁶.

Еще с октября 1893 года Николай Цытович получает звание экстраординарного профессора на кафедре полицейского права Университета Св. Владимира. На данной кафедре он также стал читать курс полицейского права, изданный в виде единой книги лишь в 1907 году. Помимо выделения автором вопросов предмета права, смысла его изучения для настоящего, выделения этимологических особенностей в данной науке, автор постарался систематизировать знания для большей доступности студенческой аудитории. «Изучение права, – говорит лектор, – с точки зрения политики есть, следовательно, критическое изучение его, тогда как при догматическом изучении права мы не интересуемся вопросом о том, хорошо или дурно это право...»⁷

Когда этот курс был издан, Цытович уже являлся ректором Киевского университета. Эту должность он получил в 1905 году сразу после того, как отбыл свой 3-летний срок на посту декана юридического факультета. На новой должности Цытович оставался вплоть до революции 1917 года. Вероятно, новое положение позволяло ему ставить перед общественностью и политиками актуальные вопросы. В 1907 году он выпустил брошюру «Принудительное отчуждение и аграрный вопрос», в котором анализировал актуальный вопрос о передаче частновладельческой земли в пользу малоимущих крестьян. Вывод исследователя-юриста любопытен: «Принудительное отчуждение, предпринимаемое для дополнительного надела, далеко не является такой безобидной и безопасной мерой, как принудительное отчуждение, предпринимаемое в интересах вновь строящихся путей сообщения, в видах разверстывания сельскохозяйственных угодий и т. д.»⁸. А в 1911 году он поставил вопрос о проекте реформирования сельских обществ в одноименной работе⁹.

Николай Цытович скончался 31 октября 1919 года в Киеве. «Родная Русская Земля принимает в свое лоно достойнейшего и любящего ее горячего сына», – сказал корреспондент «Киевлянина»¹⁰. Похожие слова из Ростова передавал князь Василий Трубецкой, с которым они были давно знакомы¹¹.

⁶ *Он же*. Местные расходы Пруссии в связи с теорией местных расходов. Киев, 1898. С. 6.

⁷ *Он же*. Курс лекций по полицейскому праву. Киев, 1907. С. 4.

⁸ *Он же*. Принудительное отчуждение и аграрный вопрос. Киев, 1907. С. 54.

⁹ Подробн. см.: *Он же*. Сельское общество как орган местного самоуправления. Киев, 1911.

¹⁰ Киевлянин, 1 (14) ноября 1919 г.

¹¹ Великая Россия, 6 (19) ноября 1919 г.

ПОБРАТИМСКИЕ СВЯЗИ КАК ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ г. ЯРОСЛАВЛЯ)

Шанина Ольга Николаевна, к.и.н.

*(Филиал государственного казенного учреждения Ярославской области «Государственный архив Ярославской области» –
Центр документации новейшей истории)*

За период холодной войны у Ярославля были установлены побратимские связи с шестью городами из капиталистического блока: в 1966 году с финским городом Ювяскюля, в 1970 году с французским городом Пуатье, в 1984 году с португальским городом Коимбра, в 1988 году с западногерманским Касселем, в 1988 году с американским Берлингтоном и в 1989 году с британским Эксетером.

Основная работа по связям с городами-побратимами проводилась исполкомом Ярославского городского совета в строгом соответствии с ежегодными Программами сотрудничества, которые в свою очередь утверждались Ассоциацией по связям советских и зарубежных городов. Программы включали в себя личные встречи представителей городов-побратимов, взаимную переписку, взаимные приветствия в праздничные и юбилейные дни, пресс-конференции, распространение устной и письменной информации друг о друге, взаимный обмен туристами, переписку учащихся школ и студентов, культурные связи¹.

Развитию международных контактов на муниципальном уровне в условиях холодной войны способствовало, с одной стороны, необходимость реализации директив «сверху», под влиянием изменений во внешнеполитической линии КПСС. Так почти все договоры о побратимстве были подписаны в периоды потепления международных отношений. Заместитель председателя исполкома Ярославского городского совета депутатов трудящихся М.И. Коротков в своем докладе в 1973 году подчеркивал, что установление и развитие дружественных связей между Ярославлем и городами-побратимами Пуатье и Ювяскюля является ярким свидетельством претворения в жизнь ярославцами Программы мира, принятой XXIV съездом партии в апреле 1971 года². С приходом к власти Горбачева М.С. в середине – второй половине 1980-х годов (когда Ярославль заключил еще четыре Договора о побратимстве) развитию международного муниципального сотрудничества стало придаваться

¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 4. Л. 1–4.

² Там же. Д. 12. Л. 10.

большое значение в деле борьбы против угрозы ядерной войны, укрепления доверия, взаимопонимания и сотрудничества между народами³. То есть, побратимские связи идеально вписывались в миролюбивую риторику Советского Союза 1970-х и второй половины 1980-х годов и преследовали очень важные идеологические цели пропаганды на Западе советского образа жизни через культурные связи и поездки групп туристов.

С другой стороны, почва для реализации провозглашенных решений на местах уже была подготовлена «снизу». Во-первых, определенными социальными практиками, в основе которых лежал взаимный интерес к познанию друг друга и естественного стремления узнать, что происходит по ту сторону «железного занавеса». В ходе этих социальных практик конкретно-исторический субъект (жители области), используя общественные организации (общества дружбы) оказывали свое воздействие на систему международных отношений.

В Ярославле были открыты несколько отделений обществ дружбы, которые сыграли значительную роль в развитии побратимских связей, организации обменов делегациями и группами туристов. Основными формами работы обществ дружбы были: проведение массовых кампаний, как то: месячников, недель дружбы, летних праздников дружбы, организация выставок и лекций друг о друге, показ фильмов, проведение спортивных мероприятий⁴.

В 1978 году на базе Дворца культуры Ново-Ярославского нефтеперерабатывающего завода был создан Городской клуб интернациональной дружбы. Главными задачами клуба были всемерное укрепление связей с зарубежными городами-побратимами путем проведения Дней и Недель дружбы городов, а также пропаганда среди представителей зарубежных стран достижений СССР⁵.

Данные общества стали выразителями искреннего стремления простых людей к миру, и, учитывая их массовость, оказывали определенное влияние на систему международных отношений, способствуя развитию толерантности, взаимопонимания и взаимопознания.

Так, под влиянием изменения внешнеполитической линии КПСС, а также при активном участии обществ дружбы, с 1970-х годов иностранный туризм в области оформился как самостоятельное направление работы, стали активно разрабатываться и внедряться туристические маршруты для иностранцев. Если в 1970-е годы область ежегодно посещало около 1500 человек из капиталистических стран⁶, то в 1981 год – 3298, 1982 год – 3363, 1983 год – 3850, 1986 год – 4592, 1987 год – 5950, 1989 год – 6593 человека⁷.

Во-вторых, почва для реализации провозглашенных решений КПСС была подготовлена потребностями местных властей и элит, в послевоенный период все более активно заявлявшими о себе как «о подлинных

³ Там же. Оп. 270. Д. 13. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 895. Л. 50, 51, 59.

⁵ Там же. Л. 64–67.

⁶ Там же. Ф. 272. Оп. 239. Д. 129. Л. 27–28.

⁷ Там же. Оп. 269. Д. 2487. Л. 5–6; Д. 2564. Л. 24.

представителях и выразителях интересов своего населения, от которого официальная дипломатия находится слишком далеко»⁸. Местным властям и элитам было выгодно экономическое, политическое и культурное сотрудничество. Именно они стали формировать и продвигать на международном уровне собственные представления о мироустройстве. Этот процесс исследователям теории международных отношений был обозначен термином «дипломатии городов». Примером «дипломатии городов» на практике выступает движение городов-побратимов.

Например, интересно отметить, что иностранный туризм на местном уровне использовался в рамках решения вопроса о расширении международных экономических связей. Перед всеми выезжавшими за границу рабочими ставилась задача установления личной переписки с трудящимися той страны, куда они отправлялись по туристическим путевкам, изучения производственного опыта и опыта работы профсоюзных организаций⁹. Планомерная работа по установлению и укреплению международных связей с родственными предприятиями за рубежом велась также и через работу с приезжавшими в область иностранными туристами. Как правило, на предприятиях проводились встречи бригад и коллективов цехов с гостями из городов-побратимов.

То есть на местах под влиянием различных факторов формировались определенные модели поведения населения, которые затем сами оказывали воздействие на развитие международных отношений.

Таким образом, к концу 1980-х годов в Ярославской области сложилась определенная устоявшаяся система организации международных контактов, значимой частью которой стали связи по линии породненных городов. Они имели ряд особенностей. Во-первых, это нацеленность на локальные интересы и потребности, во-вторых – относительная самостоятельность их развития в рамках международных отношений, что позволяло им существовать вне контекста традиционной внешней политики. С другой стороны, в условиях холодной войны существовало множество механизмов сдерживания их развития, таких как экономические трудности горисполкома и ограниченность его бюджета (что особенно в конце 1980-х гг. диктовало необходимость отказа от многих новых предложений о сотрудничестве), строго регламентированный порядок осуществления партнерских отношений на канале выезда (что делало их элитарными), наконец, практика централизованного регулирования (что придавало движению черты формализма). Но, несмотря на вышеуказанные сдерживающие факторы, по своей структуре и содержанию побратимские связи способствовали реализации широких целей перевода международных связей на уровень региональных и снимали обезличивание международных отношений. Побратимские связи стали базой для регионального торгово-экономического и научно-технического сотрудничества и кузницей местных кадров для сферы международных отношений.

⁸ Саямов Ю.Н. Дипломатия городов // Международная жизнь. 2008. № 8–9. С. 131.

⁹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 881. Оп. 1. Д. 10. Л. 51, 148.

**БОГАДЕЛЬНИ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В 1880-е гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ОЛОНЕЦКИЕ ГУБЕРНСКИЕ
ВЕДОМОСТИ»)**

*Шувалова Анастасия Николаевна
(Библиотека Российской академии наук,
Санкт-Петербургский государственный университет)*

В конце XIX в. множество учреждений призрения неимущих лиц появилось на территории Российской империи. Исключением не стала и Олонецкая губерния. Богадельни были образованы в нескольких городах: Петрозаводске, Каргополе, Олонце, Пудоже, Повенце. Некоторые из заведений призрения являлись государственными, другие – частными. Попечительный комитет призрения бедных занимался решением проблемы содержания неимущих лиц. Так, на страницах провинциальной газеты «Олонецкие губернские ведомости», издававшейся с 1838 по 1917 г. в г. Петрозаводске, печатались и новости о богадельнях в Олонецкой губернии.

На территории губернии в 1880-е гг. имелось несколько богаделен. Например, в г. Олонце 6 апреля 1854 г. была открыта, по высочайшему повелению, богадельня «для призрения беднейших граждан и других лиц, не имеющих средств к пропитанию»¹⁰. Дом, в котором была расположена богадельня, на 1885 г. требовала ремонта. Кроме того, уже с 1880 г. людям отказывали в призрении по причине ветхости учреждения. Источником к содержанию богадельни служил капитал в 36 703 руб., из которого требовалось выделять ежегодно сумму в 1478 руб. 12 коп. на содержание богадельни и на пособие призриваемым лицам. Всего на 1884 г. в этой богадельне проживало от 18 до 25 чел. Сама богадельня содержалась на суммы, пожертвованные неизвестными и известными благотворителями¹¹. Для заведывания этими капиталами был и учрежден особый попечительный комитет, под председательством местного городского головы. В 1887 г. было израсходовано на продовольствие призриваемых лиц этой богадельни – 799 руб. 60 коп., а в 1888 г. – 890 руб. 84 коп., на одежду и обувь для бедных – 200 руб. 57 коп., в 1888 г. – 123 руб. 81 коп., а также на отопление и освещение богадельни в 1887 г. – 73 руб. 12 коп., в 1888 г. –

¹⁰ Отчет Олонецкого попечительного комитета призрения бедных, за 1884 г. // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 14 (20.02). С. 8.

¹¹ Отчет по Петрозаводскому попечительному комитету призрения бедных за 1887 год // Олонецкие губернские ведомости. 1888. № 13 (13.02). С. 4.

101 руб. 99 коп.¹² В 1888 г. в богадельне состояло в призрении уже от 25 до 30 человек. На 1889 г. призревалося в учреждении 28 человек, на содержание которых и на ремонт дома было израсходовано 1881 руб. 88 коп. (в 1890 г. – 2395 руб. 76 коп.).

Существовала и общественная Тельнихинская богадельня в г. Каргополе, которая содержалась на проценты с капитала, пожертвованного купцом Тельнихиным¹³. На 1884 г. в богадельне призревалося 15 человек. Богадельня располагалась в нижнем этаже дома купца Лаврентьева. Кроме того, в этом же доме помещался детский приют, в котором призревалося 10 мальчиков и 5 девочек. На 1885 г. призревалося в богадельне 24 человека, из которых умерло 4¹⁴. В детском приюте призрение получили в том же году – 8 мальчиков и 7 девочек. На 1890 г. данная богадельня находилась под ведением Городской Думы и в ней призревалося – 26 человек (в 1890 г. – 27). На 1890 г. в детском приюте, основанном еще в 1880 г., призревалося 15 детей. На содержание богадельни и приюта израсходовано было 2558 руб. 14 коп., в 1890 г. – 2348 руб. 19 коп.

В 1882 г. на страницах газеты было напечатано сообщение о том, что губернская земская больница г. Петрозаводска располагалась в доме бывшей богадельни¹⁵. Известно также, что на 1887 г. у богадельни была и собственная церковь для нужд призреваемых лиц¹⁶. Однако в 1889 г. в г. Петрозаводске находилась только богадельня губернского земства, помещающаяся в доме, пожертвованном, для общественного призрения, купеческою девицею Нестеровою¹⁷. Первоначально богадельня была учреждена на 30 человек, впоследствии – на 40. Богадельня содержалась за счет пособий из сумм губернского земского сбора. В 1889 г. на содержание богадельни и служителей при ней было израсходовано 4922 руб. 21,5 коп., а в 1890 г. – 4699 руб. 99 коп.

В г. Повенце имелась богадельня уездного ведомства на 14 человек, которая содержалась на проценты благотворительного капитала. К 1889 г. оставалось на призрение в богадельне 13 человек, а в 1890 г. – 12.

¹² Отчет по Петрозаводскому Благотворительному Обществу за февраль 1888 года // Олонекские губернские ведомости. 1888. № 20 (12.03). С. 8; Отчет по Олонекскому попечительному комитету призрения бедных, за 1888 год // Олонекские губернские ведомости. 1889. № 25 (01.04). С. 6.

¹³ Тельнихинская богадельня в г. Каргополе // Олонекские губернские ведомости. 1885. № 22 (21.03). С. 7.

¹⁴ Богадельня и детский приют в г. Каргополе в 1885 году // Олонекские губернские ведомости. 1886. № 25 (02.04). С. 7.

¹⁵ Народное здравие и общественное призрение в 1882 году // Олонекские губернские ведомости. 1883. № 79 (15.10). С. 7.

¹⁶ Ошевский Н.И. // Олонекские губернские ведомости. 1887. № 15 (25.02). С. 6.

¹⁷ Богадельни в Олонекской губернии в 1889 году // Олонекские губернские ведомости. 1890. № 78 (10.10). С. 6; Общественное призрение в Олонекской губернии в 1890 году // Олонекские губернские ведомости. 1891. № 76 (02.10). С. 5–6.

На содержание богадельни и служащих израсходована сумма в 1889 г. – 1657 руб. 71, 5 коп., в 1890 г. – 1696 руб. 32, 5 коп.

Более того, в г. Пудоже находилась частная богадельня, основанная почетными гражданами, купцами, братьями Малокрошечными. Богадельня находилась в заведывании особого попечительного комитета, под председательством наследника основателя – купца Базегского. В учреждении призревалося 10 мужчин и 13 женщин. Источником содержания данной богадельни служил неприкосновенный капитал в 31 000 руб., пожертвованный братьями Малокрошечными.

Таким образом, можно сказать, что в провинциальной газете «Олонецкие губернские ведомости» тщательно освещался вопрос относительно деятельности богаделен на территории губернии. Кроме того, следует отметить, что проблема призрения не являлась второстепенной для властей Олонецкой губернии, исходя из отчетов попечительного комитета призрения бедных, а также различных благотворительных обществ.

ОСВЕЩЕНИЕ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ БОРИСА СУВАРИНА

*Якимович Светлана Анатольевна
(Graduate Institute of International and Development studies,
IHEID, Женева, Швейцария)*

Любой переезд – это отличная возможность обнаружить и пересмотреть забытые фрагменты нашей личной истории. Вынимая из коробок неизвестные доселе свидетельства ушедших лет, вчитываясь в незнакомый почерк, вглядываясь в старинные фотографии, пожелтевшие газетные вырезки и хрупкие официальные документы, мы возвращаемся к своим истокам и смотрим под другим углом зрения на события старой эпохи.

Переезд IHEID в Maison de la Paix в 2013 году дал нам возможность обнаружить в давно забытых коробках архив Бориса Суварина, переданный им нашему институту почти полвека назад в составе своей библиотеки.

Исторический архив вместе с коллекцией книг был передан ИИЕИ в феврале 1961 года после длительных детальных переговоров Бориса Суварина с директором института того времени, г-ном Жаком Фремоном. Долгое время архив хранился в кабинете Фремона, историка по образованию, который намеревался использовать документы Суварина в своих исследованиях по истории Коммунистического Интернационала. Планам директора не суждено было сбыться, и после его выхода на пенсию в 1978 году коробки были переданы в библиотеку, где и оставались неразобранными до переезда в новое здание.

Работа по инвентаризации забытого архива началась с размещения коллекции фотографий, собранных Сувариним, на портале Flickr в 2015 году.

Это вызвало большой интерес пользователей и в свою очередь послужило идей для создания каталога «From communism to anti-communism. Photographs from the Boris Souvarine Collection at the Graduate Institute, Geneva», выпущенного под руководством профессора института г-на Андре Либиха в декабре 2016.

Диалог со временем – вот форма, в которой реализуется фотографический нарратив, снабженный детальными комментариями историков. При помощи своеобразного гипертекста, автоматически считываемого нами со старых фотографий, запускается процесс интерпретации зрителем отраженных исторических событий и переживания их заново. По тематике фотографий легко прослеживается круг интересов и трансформация политических взглядов самого коллекционера, бережно со-

хранившего и передавшего нам эти бесценные визуальные свидетельства эпохи.

Одновременно был разработан детальный дизайн страницы сайта нашего института, посвященной архиву Суварина. Страница содержит краткую информацию о коллекционере и множество ссылок, открывающих доступ к выставке фото на Фликр, к книгам Бориса Суварина в фонде нашей библиотеки, к электронному инвентарю его исторической архивной коллекции. Также представлены ссылки на фонды других организаций, имеющих в своем распоряжении материалы, связанные с деятельностью Бориса Суварина.

Несколько месяцев продолжалась идентификация документов (коллекция включает в себя архивы С.Н. Прокоповича и Е.Д. Кусковой, А. де Монзи, Б. Николаевского и др.), их систематизация, обработка, подготовка к хранению, тщательное описание и размещение инвентаря на сайте института.

В этой работе нам часто помогали рукописные комментарии Бориса Суварина, приложенные к некоторым документам. Страстный коллекционер идеально подготовил собственный архив к передаче институту еще в 1960-х годах – корреспонденция 20-х годов была снабжена современными машинописными копиями, все документы разложены по папкам в строго хронологическом порядке и в ряде случаев сопровождалась примечаниями. Каждый документ был помещен в отдельную папку, на которой Борис Суварин скрупулезно надписал фломастерами первого поколения его тему и дату. Нам пришлось отказаться от сохранения лишней старой бумаги, отдав предпочтение современным бескислотным архивным бумажным материалам, но следы пометок Бориса Суварина прошли сквозь первый слой обложки и остались видны на каждом оригинале и иногда даже на его машинописной копии.

По оценке, данной Суваринным своему архиву в письме г-ну Фремону от 30.03.1971: «Как бы фрагментарна и неполна ни была моя коллекция, она представляет большой интерес в различных областях. Она отрицает установившиеся легенды о повседневной жизни Коминтерна при Ленине, о том, как проводились обсуждения и принимались решения, об отношениях с национальными секциями, о пресловутом денежном вопросе, о советском шпионаже, и т. д. В основном она освещает вопросы отношений Исполнительного Комитета с Коммунистической партией Франции, но характер этих отношений свойственен также работе с другими секциями Коминтерна. Она содержит тексты и документы, касающиеся деятельности коммунистических партий и различных малоизвестных эпизодов истории международного коммунизма. В ней сохранены письма Зиновьева, Бухарина, Троцкого, Куусинена, Лозовского, Мануильского, Розмера, Садула, Бордига, Рутгерса и других, которые вносят свой вклад в понимание этих людей и исторических фактов. Она дает все необходимые материалы о ФКП для будущей правдивой истории этой партии в развитии, ее кризисов, ее преобразования в инструмент Советского государства. Благодаря этим разнообразным материалам коллекция незаменима и заслуживает опубликования».

От инвентаризации специальных коллекций нашего института в таблицах Excel мы перешли к созданию онлайн инвентаря с помощью программного продукта AtoM (Access to Memory). В интернете существует его бесплатная версия, а также доступны разнообразные платные сервисы.

В основу его положен принцип многоуровневой структуры данных: фонд, субфонд, серия, подсерия, файл, документ, что соответствует общему международному стандарту описания архивных документов ИСАД. Благодаря многоуровневой системе и удобному интерфейсу каждый документ удобен для просмотра, виден в своей иерархии и может быть найден за считанные секунды по разнообразным критериям.

Перевод инвентаря архива в электронную форму позволил нам расширить круг пользователей, перевести наши коллекции в публичное пространство. Некоторыми документами заинтересовались преподаватели СПбГУ, и в результате нашего сотрудничества в 2017 году архив был представлен на исторической конференции в Санкт-Петербурге и на коллоквиуме в Страсбурге, посвященном культурному взаимодействию Советской России и Франции в 20–30 годы двадцатого века. Среди исследователей большой интерес вызывают неопубликованные документы французского политика и государственного деятеля Анатоля де Монзи, сторонника сближения Франции с Советской Россией в 20-е годы. Участие в конференциях РГАСПИ и публикация докладов в научных сборниках также способствует привлечению интереса молодых ученых и исследователей к нашим историческим коллекциям.

Параллельно с опубликованием онлайн инвентаря была поставлена задача перевода ряда документов в электронный формат для оптимизации процесса обслуживания заинтересованных исследователей и повышения эффективности в использовании документальных ресурсов. В тесном сотрудничестве с профессорами истории России и Швейцарии идет постоянная работа по отбору, дигитализации и размещению оцифрованных документов на сайте исторических архивов института, что вызывает немалый интерес пользователей.

Для объединения усилий по продвижению исторических коллекций мы планируем сотрудничать с другими архивами, хранящими материалы о деятельности Бориса Суварина, такими как Международный Институт Социальной истории в Амстердаме и Стэнфордский Университет, Калифорния. Также в наших планах инвентаризация архива г-на Миклоша Молнара, почетного профессора нашего института, автора множества работ на темы международных отношений, социальной истории и истории стран Центральной Европы.

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ТЕРРИТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ
ГУБЕРНИИ В 1917–1927 ГОДАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

*Яковлева Инна Алексеевна
(Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого)*

Вопрос о необходимости организации исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в Новгородской губернии возник уже в сентябре 1917 года. Новгородский губернский тюремный инспектор С.В. Борщинский писал в земские и городские управы о возрастании числа малолетних преступников, приговоренных к тюремному заключению. Только 20–25 % помещались в исправительные учреждения, функции которых до 1918 года выполняли монастыри. «Остальные за отсутствием таких заведений отбывали наказания в тюрьмах вместе с взрослыми, по большей части профессиональными преступниками, которые вместо того, чтобы убеждать малолетних сокамерников в отвратительности совершенного ими поступка и недопустимости совершать такие же по окончании срока, старались с присущей им способностью развить в детях интерес к дальнейшим преступлениям, знакомя их для сего со всевозможными вариациями, чтобы «не попасться»¹⁸. С.В. Борщинский также предлагал создать в каждом уезде или городе исправительно-воспитательные заведения, «чтобы предоставить тем самым возможность малолетним преступникам не погибать, а исправляться»¹⁹.

В ноябре 1917 года инициативу на создание детской трудовой колонии выдвинуло Новгородское городское общество «Патронат», однако власти города идею не поддержали, сославшись на недостаток средств, земельных наделов и непродуманность проекта.

Протоколом заседания Новгородского губернского исполнительного комитета от 20 декабря 1918 года № 14 было принято решение об организации колонии для малолетних преступников. Приспособление здания

¹⁸ Циркулярный доклад Новгородского губернского тюремного инспектора С.В. Борщинского в земские и городские управы Новгородской губернии // Государственный архив Новгородской области (далее – ГАНО). Ф. 104. Оп. 2. Д. 443. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 1 об.

на 10–15 человек для временного размещения несовершеннолетних было поручено отделу народного здравия Новгородского губернского исполнительного комитета. Приемник-Распределитель в Новгороде был открыт в 1919 году и располагался на улице Ленинградской в отдельном здании. В сентябре 1925 года Приемник-Распределитель был переведен в Антониев монастырь, в здания бывшего дома Юношества для безработных и беспризорных подростков (который был объединен с колонией для трудновоспитуемых и морально-дефективных детей в бывшем Юрьевом монастыре). Приемник был рассчитан на 40 человек как мужского, так и женского пола, но по обыкновению в нем всегда находилось больше несовершеннолетних правонарушителей²⁰.

В Приемнике-Распределителе содержались дети не только из Новгорода и Новгородской губернии, но и из других губерний республики, таких как Псковская, Петроградская, Череповецкая, Тверская, Самарская, Саратовская, Челябинская и другие. В учреждении ощущалась острая нехватка рабочего персонала. Это сказывалось как на профессиональном уровне сотрудников и невозможности отправлять их на обучение, так и на организации развивающих занятий для содержащихся детей. В связи с этим из Приемника-Распределителя случались частые побеги.

Поведение воспитанников Приемника-Распределителя также ставилось под сомнение и жителями города. Так, в документах Новгородского городского отдела коммунального хозяйства сохранилось заявление гражданина Савельева, который жаловался на то, что воспитанники Приемника-Распределителя, «пользуясь почти полной свободой, разгуливают по окрестностям Приемника, заходят в сарай (который и вызывал беспокойство у писавшего гражданина), зачастую с папиросами в зубах. Зачастую приходится видеть детей с папиросами в зубах, разгуливающими по крыше не только сараев костела, но и по крышам примыкающих к ним зданий»²¹.

Вопрос о создании реформаториума в Новгородской губернии возник в 1925 году. Местом для создания реформаториума было решено сделать бывшее здание исправительного дома в Крестецкого уезда. В объяснительной записке к смете расходов на ремонт здания были названы следующие условия, делавшие данное здание пригодным для создания реформаториума:

1. Отдаленное расположение от городских центров и рынков;
2. Железнодорожное сообщение для переправки осужденных;
3. Возможность полной изоляции помещений.

Предполагалось, что реформаториум будет вмещать порядка 60 человек, включая рабочий персонал, состоящий из заведывающего, завхоза,

²⁰ Материалы о деятельности комиссии по улучшению жизни детей за 1923–1925 гг. // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 205. Л. 19.

²¹ Заявления к застройке домов за 1922–1923 гг. // ГАНО. Ф. Р-249. Оп. 1. Д. 20. Л. 315.

инструктора, воспитателей и надзирателей. В реформаториуме создавался пункт ликвидации неграмотности, кружки, а также сапожная и столярная мастерские²². В августе 1926 года реформаториум для трудновоспитуемых и детей-рецидивистов был открыт, однако уже 8 июля 1927 года решением Президиума Новгородского губернского исполнительного комитета он был ликвидирован²³.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в условиях социально-экономического кризиса, изменения подхода к мере наказания малолетних правонарушителей, проблемы в организации и функционировании системы исправительных учреждений для несовершеннолетних в 1917–1927 годах сводились к нехватке финансирования, квалифицированных кадров, а также к отсутствию четкой иерархичной системы учреждений, их подведомственности и требований к определению несовершеннолетних в такие учреждения.

²² Материалы о деятельности губернской и уездных деткомиссий за 1925 г. // ГАО. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 229. Л. 373.

²³ *Дубоносова А.Э.* Правовая защита несовершеннолетних и профилактика детской и подростковой преступности в первые десятилетия становления советской власти // Записки Филиала РГГУ в г. Великий Новгород. Вып. 8. Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность: Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 3. Великий Новгород, 2010. С. 32.

**SOCIO-POLITICAL INHERITANCE IN THE INDIGENOUS
MOVEMENT OF ECUADOR IN THE TWENTIETH CENTURY,
DEFENSE OF ANCESTRAL TERRITORY AND POLITICAL
THEORETICAL BASIS**

Eduardo Erazo Acosta
(*University Of Nariño, Colombia*)

The following is a historiographical study and also the result of ethnographic field work in research carried out in the last 14 years in indigenous communities of Ecuador-Colombia.

In the political history of Ecuador, currently recognized as a nation of great intercultural and multicultural strength, that is to say, it recognizes the ancestral/indigenous communities first and foremost and to remember thanks to the contribution of social communism, with its theoretical base from the beginning of the twentieth century with its strengthening in Ecuador allowed to strengthen the defense of the rights of indigenous movements and radiated in the countries of the Andean region: Peru, Colombia, Brazil its influence, in the defense of human rights, the defense of territory and the claims in legitimate defense of the rights of ancestral/indigenous peoples.

the importance of social democracy in the strengthening of the indigenous movement, which later in the 1960s and last forty years was consolidated as an indigenous social movement, one of the strongest in Latin America, in its theoretical-political framework has always been social democracy and the contributions are maintained until today in the legitimate defense of indigenous rights.

To highlight how this defense, mobilization implies the rejection of neoliberal and hegemonic policies by the overwhelming capitalist system. Thanks to the impact of the social democratic movement the process of Karl Marx and Rosa Luxemburg is remembered in the deeds of indigenous leaders in Ecuador 1930–1990 as **Dolores Cacuango**, **Transito Amaguaña**, and from 1990 the consolidation of the **Confederation of Indigenous nationalities of Ecuador CONAIE**, and **ECUARUNARI Indigenous Confederation of Peoples of the Kichwa Nationality of Ecuador**, whose theoretical basis is maintained until today, and the representation/consolidation of the indigenous political movement in the process of nationalization is key.

Today the struggle is maintained in the recent turn of the government of Ecuador (hegemonic-exclusive) of president Lenín Moreno (2018) towards right-wing policies, thus the indigenous movement is strong in the struggle for the rights of Mother Nature, the defense of the territory and with it the

defense of the Amazon as an opportunity to defend life as a geostrategic place on a planetary level.

Within the institutional policies of Colombia and Ecuador the mega development is linked to the continuous depredation of nature (*Allpamama in indigenous Kichwa language*) and increase of great extraction of the mining-energetic resources, in this way, more at present in today grandfathers and new indigenous generations with their indigenous epistemologies criticize the development making urgent calls to the humanity to safeguard the life.

The unilateral discourse of homogeneous economic development protected by the government and the large multinational corporations that defend the big mining industry and with it in a chain appears on the stage: the great destruction of nature, the drought of the rivers, the glaciers, the effects on the biological chain.

To date, in the post-conflict period in Colombia, the assassination of indigenous leaders who denounce mega mining in Afro, indigenous and peasant territories has increased, in this sense the central question is worth asking:

Is the persecution of the ethnicity and human rights of social movements, indigenous movements, historically excluded groups true or false in Colombia and Ecuador?

In this way, the importance of the indigenous epistemology of the *Sumak Kawsay* (in *Kichwa* indigenous language) is presented, understood as good living or full life, and that full life implies building the care of mother earth safeguarding interculturality and the future of the species. This ancestral thought is an alternative to development through the recognition of experiences of the axes of: Andean-Amazonian cosmovision/ethnicity, solidarity economies, own right, own health, own education as alternatives with strong spiritual base of respect to mother earth.

As the central axis of our ethnographic research, the juridical, autonomous and ancestral discourse is based on two aspects:

- 1) *Sumak Kawsay* – good living, as ancestral philosophy
- 2) The importance of linking the rights of nature, a subject closely linked to the indigenous philosophy of the *Sumak Kawsay*, already included in articles 70 to 74 of the Constitution of the Republic of Ecuador in 2008. These “Rights of the Mother Nature” are the frequent calls that the original communities of the Global South make from their epistemologies and spirituality’s to safeguard life.

The subject of the conflict will be analyzed for the defense of life and seeds, illicit crops and forest degradation and especially the defense of the land against the massive entry of multinational mining companies that attempt against the Colombian massif, thus affecting the area of birth of water that supplies the entire Andean region and with it several municipalities and cities, essential in the geostrategic area Pan Amazon border Colombia – Ecuador.

The epistemology of the Andean-Amazonian indigenous communities is used as theoretical references, indigenous intellectuals; Orlando Fals Borda, the IAP allows for territorial planning and autonomy, as analysis of the critical social foundations of Emir Sader’s.

INDIGENOUS WOMEN IN COLOMBIA DEFEND THEIR TERRITORY IN THE MIDST OF ENVIRONMENTAL DETERIORATION IN A GLOBAL GEOSTRATEGIC ZONE

Eduardo Erazo Acosta
(*University Of Nariño, Colombia*)

In the framework of climate change, the devastation of the so-called *Allapammama* (mother earth in kichwa language), from the original communities of the Andean region, is urgent and necessary to talk about real figures, scientific research results that account for environmental deterioration and calls like the Landau Committee, or the dissertations in favor of the climate change, as forms of urgent care against the effects on the territory and resilience due to climate change.

From the science there are several calls like the Global researcher climate change, but from the same original communities there are processes of epistemic contribution that urgent to a new care of nature. The analysis of ecology, environmental care and climate change in Latin America is used

In the framework of the post-conflict call in Colombia, peace is presented at the international level as the only reality, without doubt giving rise to a myriad of mega-mining and extractive pro-development factors, affecting even more the conditions of the historically excluded, the original communities located in strategic places, because of the richness in páramos, water, biodiversity continue to be attacked systematically, with threats, forced displacement, assassinations, for questioning the mega-development model that favors the damage to the Allpammama and above all increases the factors of violence and exclusion in the country, not so for the mass media that serve in unison with national and international oligopolic interests.

Women within the indigenous movement play a fundamental role, as they are committed leaders and above all depositaries of the ancestral knowledge of the defense of the Allpammama, their leadership is part of the same episteme of the indigenous communities, on how to understand the mother earth, is taken into account in the organization of life plans and community organization, starting from the recognition of orality, as a factor of transmission of defense of ancestral knowledge, added to the development of the axes of life and community plans: economic, political, educational and environmental, as factors associated with the care of the survival of life and community ontologies.

Ethnographic methodology is used in meeting with native communities, and the foundation in Andean community knowledge, from the works: *Encountering Development: The Making and unmaking of the Third World* by the Colombian Author Arturo Escobar, the academic Bolívar Echeverría

the work *Critical Discourse and modernity* and his work *Das Nichtlebbare zu leben: Kritik der Moderne & Widerstand*.

The urgent call first of all is to exhort the academy, to be linked with greater proactivity in the environment and construction-reconstruction of the defense of indigenous mobilizations and women fighting for the defense of their territory, against femicide, environmental deterioration and annihilation of the millenary culture.

СПИСОК ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРИНИМАЮЩИХ УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ «КЛИО-2019»

Архив Российской академии наук
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы
Белорусский государственный университет (Республика Беларусь)
Библиотека Института Международных Отношений в Женеве (Швейцария)
Библиотека Российской академии наук
Волгоградский государственный университет
Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
Всероссийский Государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова
Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы «Школа № 1861 «Загорье»
Государственный академический университет гуманитарных наук
Государственный архив Российской Федерации
Государственный архив новейшей истории Ульяновской области
Государственный архив современной истории Чувашской Республики
Министерства культуры Чувашии
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» в г. Севастополе
Государственный социально-гуманитарный университет
Дагестанский государственный университет
Института глобализации и социальных движений
Институт российской истории Российской академии наук
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
Казанский национальный исследовательский технологический университет
Казахско-Русский Международный университет в г. Актобе (Республика Казахстан)
Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
Кубанский медицинский институт

Липецкий государственный педагогический университет имени
П.П. Семенова-Тян-Шанского
Липецкий областной колледж искусств имени К.Н. Игумнова
Медицинский университет «Реавиз» (г. Самара)
Минский городской педагогический колледж (Республика Беларусь)
Минский филиал Российского экономического университета имени
Г.В. Плеханова (Республика Беларусь)
Московский государственный областной университет
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Московский педагогический государственный университет
Музей истории города Ярославля
Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Средняя
общеобразовательная школа № 30» (г. Череповец)
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя
общеобразовательная школа № 61» (г. Махачкала)
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя
школа № 4» (г. Ярославль)
Научно-исследовательский институт военной истории Военной акаде-
мии Генерального штаба ВС РФ
Национальная академия наук Азербайджана
Национальный архив Республики Беларусь
Национальный архив Республики Карелия
Национальный исследовательский университет «Высшая школа эконо-
мики»
Национальный литературный музей Республики Башкортостан
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Петербургский институт иудаики
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Российская академия наук
Российская национальная библиотека
Российский государственный архив в г. Самаре
Российский государственный архив Военно-Морского Флота
Российский государственный архив новейшей истории
Российский государственный архив социально-политической истории
Российский государственный гуманитарный университет
Российский университет дружбы народов
Российский университет транспорта
Руанский университет (Франция)
Самарский государственный медицинский университет Министерства
здравоохранения Российской Федерации
Самарский национальный исследовательский университет имени акаде-
мика С.П. Королева
Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Саратовская государственная юридическая академия (филиал в г. Смоленск)

Смоленский государственный университет

Тверской государственный объединенный музей

Тверской государственный университет

Товарищество с ограниченной ответственностью «Корпорация Казань»

Университет Нариньо (Колумбия)

Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Художественный музей Эрнста Неизвестного

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

Центральный государственный архив Московской области

Центр документации новейшей истории Ярославской области

Череповецкий государственный университет

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрахманов Радмил Рамилевич – заведующий выставочным отделом в Национальном литературном музее Республики Башкортостан, *abradmil@yandex.ru*

Аксенова Екатерина Кирилловна – студентка филиала Саратовской государственной юридической академии в г. Смоленске, *nata.dragonfly@yandex.ru*

Алексеенко Елена Вячеславовна – специалист по УМР на кафедре российской политики Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, магистрант, *elenaalekseenko163@yandex.ru*

Алеткина Екатерина Юрьевна – магистрант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *sun_shine1996@mail.ru*

Алмазов Михаил Григорьевич – аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *vnm128@mail.ru*

Анисимов Кирилл Геннадьевич – аспирант НИУ ВШЭ, *anisimov-kirill-13@mail.ru*

Анисимова Наталья Эдуардовна – аспирантка Института Российской истории РАН, *Linley2012@list.ru*

Артемова Софья Владимировна – студентка Факультета архивного дела ИАИ РГГУ и Института Психологии им. Выготского РГГУ, *artemovasofyavl@gmail.com*

Ахрамович Наталья Вадимовна – аспирантка Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, *Natalia.Akhramovitsch@gmail.com*

Барабанова Ксения Сергеевна – старший преподаватель Петербургского института иудаики, к.и.н. *Barabanova13@gmail.com*

Баранова Анна Витальевна – студентка Факультета архивного дела ИАИ РГГУ, *anika1995baranova.com@gmail.com*

Бахарев Анатолий Александрович – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова *baharev-anatoliy@mail.ru*

Бедрицкая Оксана Олеговна – учитель истории и обществознания средней общеобразовательной школы № 61 г. Махачкалы, магистрантка

Исторического факультета Дагестанского государственного университета, *bedrickaya.oksana@gmail.com*

Безугольный Алексей Юрьевич – с.н.с. Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ, к.и.н. *besu111@yandex.ru*

Беляков Глеб Сергеевич – студент МГУ имени М.В. Ломоносова, *beljkoffgleb@mail.ru*

Беспалова Ксения Андреевна – аспирантка Уральского федерального университета имени Б. Ельцина, *v199162@mail.ru*

Бондаренко Владимир Игоревич – доцент кафедры общественных наук и организации здравоохранения Кубанского медицинского института, к.и.н., *bondarenko89@list.ru*

Борейчук Андрей Юрьевич – докторант Казахско-Русского Международного Университета, Казахстан, *6213306@gmail.com*

Борисов Дмитрий Павлович – студент Московского педагогического государственного университета, *p210276p210276@gmail.com*

Бузина Валерия Евгеньевна – магистрантка Государственного социально-гуманитарного университета, *Valeronkina@gmail.com*

Букреева Ольга Николаевна – старший научный сотрудник отдела документоведения ВНИИДАД, аспирантка ИАИ РГГУ, *bukreeva.dou@yandex.ru*

Ванюшина Олеся Викторовна – научный сотрудник Тверского государственного объединенного музея, к.и.н., *vanyushina_olesya@mail.ru*

Виноградова Александра Сергеевна – аспирантка Руанского университета, Франция, к.ф.-м.н., *vinogradova-as@mail.ru*

Волохов Анатолий Андреевич – соискатель МГУ имени М.В. Ломоносова, *anatolii-volohov@mail.ru*

Вуколов Александр Алексеевич – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова *sandrovvukolov@gmail.com*

Галкина Юлия Михайловна – ассистент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени Б.Н. Ельцина, *galkinskaya@gmail.com*

Герасимов Дмитрий Игоревич – магистрант Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *diman_tmb@bk.ru*

Глазырина Тамара Александровна – студентка Уральского федерального университета имени Б.Н. Ельцина, *leditomych@yandex.ru*

Годунов Константин Валерьевич – библиограф Информационно-библиографического отдела Российской национальной библиотеки, к.и.н., *kostyagodunov@yandex.ru*

Голованова Елена Александровна – соискатель кафедры киноведения Всероссийского государственного института кинематографии имени С.А. Герасимова, *golovanova.elenka@gmail.com*

Горохова Мария Евгеньевна – преподаватель, аспирант Кафедры всеобщей истории РГГУ, *marijagorokhova@gmail.com*

Горшенин Александр Владимирович – доцент кафедры гуманитарных дисциплин Медицинского университета «Реавиз» г. Самары, к.и.н., *aleksandr_gorshenin@rambler.ru*

Давыдова Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения Уральского федерального университета имени Б. Ельцина, *Tania.davydova@gmail.com*

Димитриева Анастасия Юрьевна – магистрантка Российского государственного гуманитарного университета, *nastyadim1@gmail.com*

Добровольский Евгений Сергеевич – старший преподаватель кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, учитель истории и обществознания средней общеобразовательной школы № 30 г. Череповца, к.и.н., *jekeedee@mail.ru*

Елисеев Алексей Борисович – директор Минского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Республика Беларусь, к.и.н., *alexcom@mail.ru*

Емельянова Елена Николаевна – доцент Государственного социально-гуманитарного университета, стажер Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, к.и.н., *e.n.emelyanova@mail.ru*

Еремин Владислав Витальевич – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *erlad98@mail.ru*

Ерицян Григор Артурович – студент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, *eri.nune2010@yandex.ru*

Ермаков Вадим Андреевич – доцент Московского государственного областного университета, к.и.н., *fact-476@yandex.ru*

Ертмакова Лина Всеволодовна – заместитель заведующего отделом НСА и информационных технологий Центрального государственного архива Московской области, *Lina.ertmakova@mail.ru*

Ершова Гузель Николаевна – преподаватель Казанского национального исследовательского технологического университета, к.и.н., *ershova104@mail.ru*

Ефимов Андрей Александрович – научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, к.и.н., *aaefimov5@gmail.com*

Железова Наталия Павловна – студентка Российского государственного гуманитарного университета, *natali.zhelezova@bk.ru*

Животова Полина Андреевна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *polina-zhivotova@bk.ru*

Жирова Надежда Сергеевна – соискатель Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, *nadezda1ip@yandex.ru*

Журкина Анастасия Александровна – главный специалист ФКУ РГАНИ, аспирантка Исторического факультета ГАУГН, *nastasjatauron@gmail.com*

Зверева Мария Семеновна – студентка МГУ имени М.В. Ломоносова, *manutaz@mail.ru*

Иванов Александр Михайлович – доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин филиала Саратовской государственной юридической академии в г. Смоленске, к.и.н., *aleks-i-82@yandex.ru*

Иванов Алексей Олегович – заведующий отделом редких книг библиотеки Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, *ivanov_alex1990@mail.ru*

Иванов Вячеслав Александрович – исследователь, к.и.н., *slavik1855@gmail.com*

Иванова Надежда Андреевна – магистрантка Факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, *nadinivanova97@mail.ru*

Иванова Наталия Дмитриевна – старший лаборант Института философии РАН, *ivanovanataliya94@mail.ru*

Иконников Сергей Анатольевич – доцент кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I, к.и.н., *ikonnikovsergey88@mail.ru*

Ильязова Рената Витальевна – главный архивист Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, *rena.ilyazova@mail.ru*

Илюшин Никита Александрович – магистрант Факультета архивного дела ИАИ РГГУ *nikitailushin96@gmail.com*

Казак Олег Геннадьевич – преподаватель Минского городского педагогического колледжа, Республика Беларусь, к.и.н., *olegkazak90@tut.by*

Кальбизаде Эльнур Хашимович – заведующий отделом «Кавказская политика» Института кавказоведения Национальной Академии Наук Азербайджана, к.и.н., *caspiaman@mail.ru*

Каторжевский Павел Николаевич – лаборант, магистрант кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, Республика Беларусь, *katarzheuski@gmail.com*

Кирсанов Роман Геннадиевич – старший научный сотрудник Института российской истории РАН, к.и.н., *romankirsanov@yandex.ru*

Кирсанова Екатерина Геннадьевна – ассистент кафедры российской политики Факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, к.полит.н., *e-kirsanova@mail.ru*

Ковалев Максим Константинович – магистрант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *maxim6972@gmail.com*

Козлова Светлана Юрьевна – ученый секретарь Музея истории города Ярославля, к.и.н., *libushe19@yandex.ru*

Коломиец Виктор Максимович – магистрант Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *nemirow1941@mail.ru*

Косиченко Иван Никитович – аспирант РГГУ, *ivan.kosichenko@gmail.com*

Косован Елена Анатольевна – доцент кафедры стран постсоветского зарубежья, Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, к.и.н., *ekkade@gmail.com*

Кузьмина Ольга Викторовна – ведущий специалист отдела изучения и публикации документов Российского государственного архива в г. Самаре, *olga93kuz@gmail.com*

Кулагин Михаил Сергеевич – студент отделения истории и археологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, *kulagin.mi@mail.ru*

Кулинок Святослав Валентинович – заместитель заведующего отделом публикаций Национального архива Республики Беларусь, к.и.н., *svkulinok@tut.by*

Латышев Артем Валерьевич – научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ, к.и.н., *artfarrus2@yandex.ru*

Лиманова Светлана Андреевна – научный сотрудник Архива РАН, к.и.н. *serovasvetlana@mail.ru*

Логвенков Илья Сергеевич – аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова, *ilya.logvenkov@gmail.com*

Лозинский Борис Ростиславович – научный сотрудник Музея истории города Ярославля

Любомирова Екатерина Сергеевна – аспирантка Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *katya1good@gmail.com*

Максимов Александр Петрович – заведующий сектором использования документов архивного фонда отдела НСА, АИПС и публикаций БУ

«Госархива современной истории Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии, *archive20@cap.ru*

Малов Александр Вадимович – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *malov.pvo@gmail.com*

Манухин Алексей Анатольевич – старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, к.и.н., *warcraftdouble@yandex.ru*

Маркова Варвара Александровна – ведущий архивист отдела использования и публикации документов Национального архива Республики Карелия, *Pustelga4444@gmail.com*

Медеубаев Ерлан Ислямович – профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахско-Русский Международный Университет, Казахстан, к.и.н., *emedebaev@mail.ru*

Минин Александр Сергеевич – ведущий специалист РГАСПИ, *minin.alexz@yandex.ru*

Миринова Ольга Юрьевна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *lvironova@gmail.com*

Миринок Сергей Алексеевич – аспирант факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, *privetsergey95@mail.ru*

Мистрюгов Павел Алексеевич – старший преподаватель кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук Самарского государственного медицинского университета Минздрава России, к.и.н., *Pavel892006@yandex.ru*

Мокрецова Екатерина Николаевна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *galatara@mail.ru*

Небритова Олеся Алексеевна – главный специалист отдела изучения и публикации документов Российского государственного архива в г. Самаре, *lesechka_a@mail.ru*

Нестеров Глеб Эдуардович – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *gleb.nesteroff@yandex.ru*

Новикова Елизавета Ивановна – аспирант Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ *leonsia21@mail.ru*

Овчинников Александр Викторович – доцент Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова, к.и.н. *ovchinnikov 8_831@mail.ru*

Осина Ольга Владимировна – ведущий специалист отдела изучения и подготовки к публикации архивных документов РГАНИ, аспирантка МГОУ, *olgavshenk@rambler.ru*

Петрова Юлия Владимировна – студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *julieespe@gmail.com*

Пименов Олег Владимирович – аспирант Волгоградского государственного университета, *volgskimugyk@mail.ru*

Пищук Матвей Дмитриевич – сотрудник отдела комплектования ведомственных архивов и делопроизводства ГА РФ, магистрант ИАИ РГГУ, *pishuk.mat@yandex.ru*

Плех Олеся Анатольевна – научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, к.и.н., *plekh@mail.ru*

Погорельский Дмитрий Михайлович – студент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, *PogorelskiiDM@spa.msu.ru*

Прохорова Татьяна Александровна – заведующая научно-архивным отделом Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», к.и.н., *grejppfrut@mail.ru*

Пучков Владимир Михайлович – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *v1puchkov@yandex.ru*

Ребров Сергей Александрович – научный сотрудник Центра политических исследований Института глобализации и социальных движений, аспирант кафедры теории и философии политики факультета политологии СПбГУ, *naruto639@mail.ru*

Родионов Иван Игоревич – специалист научной лаборатории, аспирант Смоленского государственного университета, *vanro.rodionov@yandex.ru*

Рыбаков Владислав Александрович – стажер-исследователь Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ, *varybakov@edu.hse.ru*

Рягузова Анна Викторовна – преподаватель общеобразовательных дисциплин Липецкого областного колледжа искусств имени К.Н. Игуменова, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, *ryaguzova.anya@bk.ru*

Савельева Майя Петровна – специалист первой категории РГАСПИ, *mayya-1605@mail.ru*

Савинова Наталья Викторовна – главный археограф ЦГАИПД СПб, к.и.н., *nvs08@bk.ru*

Селиванова Ольга Владимировна – и.о. с.н.с. – рук. группы комплектования личными фондами ученых и их научного описания Архива РАН, к.и.н., *olya84@list.ru*

Слискова Валерия Викторовна – студентка факультета архивного дела РГГУ, *vvaleriess@gmail.com*

Соболев Владимир Андреевич – научный сотрудник Аналитической службы ректората МГУ имени М.В. Ломоносова, к. полит. н., *sobvlad1992@yandex.ru*

Соколов Павел Алексеевич – студент Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, *SokolovPA1998@yandex.ru*

Спартак Сергей Андреевич – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *sspartak@yandex.ru*

Спиваков Никита Андреевич – студент МГУ имени М.В. Ломоносова, *nikitaspivakov@mail.ru*

Стефаненко Александр Юрьевич – аспирант Санкт-Петербургского Института Истории Российской Академии Наук, *stisawesome1@gmail.com*

Стрекалов Илья Николаевич – аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *strek93@mail.ru*

Сулоев Иван Николаевич – старший научный сотрудник отдела хранения и изучения музейных предметов и коллекций Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, к.и.н., *iwedoroga@mail.ru*

Танцеева Анастасия Владимировна – доцент Российского университета транспорта, к.и.н., *tantseeva@mail.ru*

Тарасов Станислав Витальевич – аспирант Тверского государственного университета, *ctas_tarasov@mail.ru*

Терещенков Леонид Евгеньевич – ведущий специалист РГБВМФ, к.и.н., *tereshenkovster@gmail.com*

Тимофеева Мария Андреевна – главный специалист РГАСПИ, *mariya.chekalova.94@mail.ru*

Тумаков Денис Васильевич – старший преподаватель кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета Минздрава России, к.и.н., *denistumakov@yandex.ru*

Тюрина Алена Даниловна – студентка исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *netvoyutkonos@mail.ru*

Фадеев Артем Александрович – магистрант факультета архивного дела ИАИ РГГУ, *fadeev-norton@mail.ru*

Фадеев Лев Андреевич – ведущий научный сотрудник Художественного музея Эрнста Неизвестного, к.и.н., *lev13fadeev@yandex.ru*

Федосеева Ксения Владимировна – соискатель кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *kvfedoseeva@yandex.ru*

Филяева Алина Игоревна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *alinf95@mail.ru*

Фирсанов Данил Юрьевич – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *danilfirsanov1998@gmail.com*

Холопов Сергей Геннадьевич – магистрант РГГУ, *holser07@mail.ru*

Царегородцева Галина Игоревна – преподаватель на кафедре региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, к.и.н., *galina23.11@mail.ru*

Цветков Эдуард Георгиев – учитель истории средней школы № 4 г. Ярославля, соискатель кафедры Всеобщей истории ЯрГУ имени П.Г. Демидова, *egeo84@gmail.com*

Червяков Руслан Юнадиевич – студент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *tcherviakov.ruslan@yandex.ru*

Черемухин Вячеслав Владиславович – учитель истории и обществознания школы №1861 «Загорье» г. Москвы, *cheremuchin_v_v@mail.ru*

Шанина Ольга Николаевна – заведующий отделом информационного обеспечения и публикации документов Центра документации новейшей истории Ярославской области, к.и.н., *o-shanina@mail.ru*

Шувалова Анастасия Николаевна – младший научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук, аспирантка СПбГУ, *nastia_220295@mail.ru*

Якимович Светлана Анатольевна – библиотекарь-архивист Библиотеки Института Международных Отношений в Женеве, Швейцария, *svetlana.yakimovich@graduateinstitute.ch*

Яковлева Инна Алексеевна – магистрант Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, *inna-yakovlevaaa@yandex.ru*

Акоста Эдуардо Эразо – магистрант Университета Нариньо (Колумбия), *rueduardo2000@hotmail.com*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрахманов Р.Р.</i> Демографическая характеристика детского населения Башкирии во время голода 1921–1923 гг.	5
<i>Алексенко Е.В.</i> Иностранная техническая помощь: строительство нового социалистического мира путем привлечения западных технологий	9
<i>Алеткина Е.Ю.</i> Социальная политика производственного объединения «Татнефть» в 1950-х – 1980-х гг.: от проблем к их решениям	13
<i>Алмазов М.Г.</i> Гражданский Совет» при московском генерал-губернаторе в период Декабрьского восстания 1905 г.: состав, функции, значение	17
<i>Анисимов К.Г.</i> «Прогульщики поневоле»: дисциплина труда и социально-бытовые проблемы в Кировской области в конце 1970-х – начале 1980-х гг.	20
<i>Анисимова Н.Э.</i> Повседневная жизнь заводской молодежи Москвы в годы Великой Отечественной войны	23
<i>Артемова С.В.</i> Компаративная букваристика: методологические аспекты (нацистская Германия – Советская Россия)	27
<i>Ахрамович Н.В.</i> Коллективный портрет немецких политических эмигрантов, подготовленных для работы по восстановлению Германии в 1945 году ...	32
<i>Барабанова К.С.</i> Чрезвычайные чиновники против наводнения 1824 г. и холеры в Санкт-Петербурге 1831 г.	35
<i>Баранова А.В.</i> Хрестоматия по археографии» середины 1950-х годов: опыт источниковедческого комментария	39
<i>Бахарев А.А.</i> Проблемы развития Баварской Советской республики	43
<i>Бедрицкая О.О.</i> Деятельность Верховного Совета СССР по преодолению последствий этнополитического конфликта в Абхазии в период перестройки	46

<i>Безугольный А.Ю.</i>	
Национальные формирования РККА и концепция мировой революции в первой половине 1920-х гг.	48
<i>Беляков Г.С.</i>	
«Утопия» Т. Мора как вызов зарождающемуся капитализму в Англии ...	52
<i>Беспалова К.А.</i>	
К вопросу о покушениях на иностранцев, находящихся на службе у большевиков	55
<i>Бондаренко В.И.</i>	
Ликвидация последствий аварии на Чернобыльской АЭС как героико-трагическая страница истории СССР	58
<i>Борисов Д.П.</i>	
Национальный вопрос в программных документах РСДРП (1903–1916).....	62
<i>Бузина В.Е.</i>	
Курс на атеизм: антирелигиозная политика советского государства в период проведения нэпа.	65
<i>Букреева О.Н.</i>	
Вопросы делопроизводства в протоколах органов управления архивной отраслью (1918–1920 гг.)	69
<i>Ванюшина О.В.</i>	
Революция 1905–1907 гг. в провинции (по материалам Тверской губернии)	73
<i>Виноградова А.С.</i>	
«К другому пламени» (1929): самокритика трех «ренегатов» (Панаит Истрати, Виктор Серж, Борис Суварин).....	77
<i>Волохов А.А.</i>	
Проект создания «советского Голливуда»	80
<i>Вуколов А.А.</i>	
Культура и революция: В.Я. Брюсов, Н.А. Бердяев и Д.С. Мережковский о «грядущем»	84
<i>Галкина Ю.М.</i>	
Французский банкир Морис Верстрат в большевистской России (1917–1918).....	88
<i>Герасимов Д.И.</i>	
Проблема заключения пакта о ненападении СССР с Японией в 1931–1932 гг.	92
<i>Глазырина Т.А.</i>	
Два юбилея – две партии: Н.И. Бухарин о роли большевистской партии в победе Октября в 1922 и 1927 гг.	95
<i>Годунов К.В.</i>	
Образы «вождей» революции в празднованиях годовщин Октября (1918–1920 гг.).....	99

<i>Голованова Е.А.</i>	
Новаторские идеи в формате изобразительных средств фильмов режиссеров фабрики «Межрабпом-Русь» и «Межрабпом-фильм».....	102
<i>Горохова М.Е.</i>	
Объединение русских эмигрантских организаций (ОРЭО): задачи и основные направления деятельности.....	106
<i>Горшенин А.В.</i>	
Научная деятельность советского микробиолога, д.м.н., академика АМН СССР Зинаиды Виссарионовны Ермольевой (обзор фондов федеральных архивов).....	110
<i>Давыдова Т.Н.</i>	
Национальная политика Азербайджанской Демократической Республики и практика урегулирования армяно-азербайджанского конфликта в 1918–1920 гг.	114
<i>Димитриева А.Ю.</i>	
Создание и принципы функционирования специальных лагерных судов 1944–1954 гг.: перспективы изучения проблемы.....	118
<i>Добровольский Е.С.</i>	
«Социалистические христиане» в ГДР: трансформация идеологии христианской демократии в 1950-е гг.	120
<i>Елисеев А.Б.</i>	
Белорусские национал-коммунисты: к вопросу об их исторической роли.....	123
<i>Емельянова Е.Н.</i>	
IV конгресс Коминтерна о национально-освободительном движении в Азии.....	127
<i>Еремин В.В.</i>	
«Социология революций» П.А. Сорокина: причины создания и ключевые положения первой теории революций.....	131
<i>Ершиян Г.А.</i>	
Конфликт в Нагорном Карабахе рубежа 1990-х гг.: причины начала и место России в его медиации.....	137
<i>Ермаков В.А.</i>	
Вопрос об отношении коммунистических партий к парламентаризму на II конгрессе Коминтерна 1920 г.....	141
<i>Ертмакова Л.В.</i>	
Проблемы современного состояния информатизации в архивной среде (на примере ЦГАМО).....	143
<i>Ершова Г.Н., Овчинников А.В.</i>	
Особенности интенциональной направленности предвыборных агитационно-пропагандистских документов национальных общественно-политических объединений Республики Татарстан (1988–1995 гг.).....	147
<i>Ефимов А.А.</i>	
Попытка заключения контракта на создание системы уличного городского освещения Гатчины в конце XIX века: несостоявшееся государственно-частное партнерство.....	152

<i>Железова Н.П.</i>	
Школа социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского (1920–1925 гг.): практика воспитания беспризорных	155
<i>Животова П.А.</i>	
Полемика вокруг социально-политического содержания романа И.С. Тургенева «Рудин»	158
<i>Жирова Н.С.</i>	
Попытка индийской националистической партии «Гадар» создать собственную секцию в Коминтерне (1926–1937 гг.)	161
<i>Журкина А.А.</i>	
Мемориализация обломков Берлинской стены как рефлекторная практика	165
<i>Зверева М.С.</i>	
Положение рабочего класса в Англии как основа развития британского суфражизма	168
<i>Иванов А.О.</i>	
О некоторых истоках политики партии большевиков по отношению к крестьянству	171
<i>Иванов В.А.</i>	
Общественно-политические настроения населения УССР в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.	175
<i>Иванов А.М., Аксенова Е.К.</i>	
Создание и деятельность первого оппозиционного движения Коммунистической партии Советского Союза в период перестройки (1985–1991 гг.) на территории Смоленской области	178
<i>Иванова Н.А.</i>	
Ключевые факторы в формировании взглядов Джорджа Ф. Кеннана	183
<i>Иванова Н.Д.</i>	
Архитектурно-революционная реконструкция быта. К решению вопроса о раскрепощении женщин	187
<i>Иконников С.А.</i>	
Распространение радикальных идей в среде приходского духовенства Центрального Черноземья (конец XIX – начало XX века)	190
<i>Ильязова Р.В.</i>	
Идея детской антирелигиозной пропаганды в трудах Н.К. Крупской: опыт реализации в 1918–1941 гг. на территории Симбирского-Ульяновского края	194
<i>Илюшин Н.А.</i>	
Роль творческой интеллигенции в предотвращении проекта «переброски части стока северных рек на юг»	199
<i>Казак О.Г.</i>	
Быт студентов Советской Беларуси 1920-х годов (на примере студентов Минского Белорусского педагогического техникума)	203

<i>Кальбизаде Э.Х.</i> Представитель Кавказа на III конгрессе Коминтерна Ибрагим Абилов и его дипломатическая деятельность	206
<i>Каторжевский П.Н.</i> Коммунистические партии стран Европы «до» и «после» еврокоммунизма	210
<i>Кирсанов Р.Г.</i> Программа «500 дней» как попытка системных преобразований в экономике СССР	213
<i>Кирсанова Е.Г.</i> Социокультурное измерение процессов модернизации в странах Восточной Европы в 80 – 90-х годах.	217
<i>Ковалев М.К.</i> Проблема соотношения марксизма и большевизма. Большевизм как новая идеология.	222
<i>Козлова С.Ю., Лозинский Б.Р.</i> Из города на Неве в город на Волге: эвакуированные ленинградцы в Ярославле и Ярославской области.	226
<i>Козлова С.Ю.</i> «Союз итальянских женщин» и Итальянская коммунистическая партия: конфликт интересов и фактор двойного влияния (1944–1982 гг.)	229
<i>Коломиец В.М.</i> Поставки автомобилей через Иран в СССР по ленд-лизу в 1942–1945 гг.	233
<i>Косиченко И.Н.</i> Начальный этап Войны Каст на Юкатане (1847–1854) по материалам Исторического архива Министерства обороны Мексики	235
<i>Косован Е.А.</i> Коминтерн в топонимии современной Украины в контексте процессов декоммунизации	238
<i>Кузьмина О.В., Небритова О.А.</i> Нефтяная отрасль в северо-восточной части Каспийского моря: история, проблемы, современность.	241
<i>Кулагин М.С.</i> Левая идея в российской провинции в начале XX в. (на материалах Новгородской губернии)	246
<i>Кулинок С.В.</i> Судьба детей-диверсантов, разоблаченных в партизанских формированиях на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (по документам Национального архива Республики Беларусь).	250
<i>Латышев А.В.</i> «Мертвая дорога» глазами самодеятельных туристов конца 1980–1990-х гг.	254

<i>Лиманова С.А.</i>	
«Так сказал красный май»: организация столичных торжеств под лозунгами Коминтерна весной 1919 г.	258
<i>Логвенков И.С.</i>	
Технология ликвидации Съезда народных депутатов СССР (2–5 сентября 1991 г.)	262
<i>Любомирова Е.С.</i>	
Дидактика политического образования в ФРГ в 1945–1969 гг.	265
<i>Максимов А.П.Э</i>	
Воспоминания о революционных событиях 1917 г. в г. Чебоксары, хранящиеся в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики	269
<i>Малов А.В.</i>	
Продовольственный суверенитет как социал-демократический метод борьбы с глобальным агропродовольственным кризисом.	273
<i>Манухин А.А.</i>	
Левые политические силы в Колумбии: взгляд из США (1986–1993 гг.)	276
<i>Маркова В.А.</i>	
Красные финны в Карелии (по материалам национального архива Республики Карелия)	279
<i>Медеубаев Е.И., Борейчук А.Ю.</i>	
Попытки реализации марксистской доктрины в Казахстане в первые годы советской власти (1918–1921 гг.): утопия и реалии	282
<i>Минин А.С.</i>	
Развитие тактики консолидации левых сил на этапах становления Третьего Интернационала	287
<i>Миронова О.Ю.</i>	
Власть и общество в рассказе А.И. Солженицына «Для пользы дела» (1963)	290
<i>Мирошук С.А.</i>	
Британская военная интервенция в России и ее завершение (ноябрь 1918 – июль 1919 г.) (на основе документов, хранящихся в Национальном архиве Соединенного Королевства)	293
<i>Мистрюгов П.А.</i>	
Документы Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации в изучении местных чрезвычайных структур советской власти в Поволжско-Приуральском регионе в 1918–1922 гг. ...	296
<i>Мокрецова Е.Н.</i>	
Джон Рескин: у истоков политического радикализма Британии	300
<i>Нестеров Г.Э.</i>	
Критика теории Т. Мальтуса в произведении Генри Джорджа «Прогресс и бедность»	303

<i>Новикова Е.И.</i>	
Влияние деятельности Коминтерна на методологические подходы польских и чешских историков межвоенного периода (на примере работ Ю. Мархлевского, Зд. Нееды и Я Швермы)	306
<i>Осина О.В.</i>	
Протоколы общих партийных собраний парторганизации Отдела культуры ЦК КПСС как исторический источник	308
<i>Петрова Ю.В.</i>	
«Американизация» коммунистических идей: опыт Коммунистической партии США 1920-х гг.	312
<i>Пименов О.В.</i>	
Карикатуры в России и Германии как средство ведения информационной войны в годы Первой мировой войны	314
<i>Пищук М.Д.</i>	
«Республики не будет». Еврейская АО и ее путь к самостоятельности в 1990–1991 гг.	317
<i>Плех О.А.</i>	
Административно-полицейская реформа 1837 г. в зеркале общественного мнения.	321
<i>Погорельский Д.М.</i>	
С.А. Муромцев и Ф.А. Головин: два подхода к управлению Государственной Думой	325
<i>Прохорова Т.А.</i>	
Познавательный аспект путешествий в Крым в конце XVIII – начале XIX века в системе формирования толерантного общества.	328
<i>Пучков В.М.</i>	
Красный спортивный интернационал: цели, задачи, достижения	332
<i>Ребров С.А.</i>	
Непризнанный марксизм в СССР: археология изучения	335
<i>Родионов И.И.</i>	
Формирование корпуса политинструкторов для работы среди польских военнопленных в 1920 г.	339
<i>Рыбаков В.А.</i>	
Письма граждан на «Радио России» как источник по изучению трансформации российского общества в 1990-е гг.	343
<i>Рягузова А.В.</i>	
Противостояние Индийской революционной ассоциации и представителя Коминтерна М.Н. Роя в Ташкенте в 1920–1921 гг.	347
<i>Савельева М.П.</i>	
Ю.Н. Панков о политических взглядах и государственной деятельности Ф. Миттерана (на основе документов РГАСПИ)	351
<i>Савинова Н.В.</i>	
Ленинградский обком КПСС в условиях трансформации политической системы: 1990 год и попытки самоопределения. От новых источников к пониманию внутренних процессов	357

<i>Селиванова О.В.</i>	
Жизнь в ГУЛАГе и после него (по материалам переписки В.Д. Нефелина с И.Н. и П.А. Бороздиными в Архиве РАН)	361
<i>Слискова В.В.</i>	
Коммунистическая утопия 1920-х гг.: наука в поисках бессмертия.	365
<i>Соболев В.А.</i>	
Исследование социально-политических преобразований в Китае в творчестве Ф.М. Бурацкого	368
<i>Соколов П.А.</i>	
Реализация советских преобразований в системе школьного образования латышского населения Новгородской губернии в 1917–1927 гг.	373
<i>Спартак С.А.</i>	
Представления американцев об экспансии Российской империи на Дальний Восток на примере взглядов Генри Лоджа	377
<i>Стиваков Н.А.</i>	
Ноябрьская революция в Германии как особый тип социальных изменений	380
<i>Стефаненко А.Ю.</i>	
Заведующий Восточным Отделом Коминтерна Г.И. Сафаров о революционном движении в Азии	383
<i>Стрекалов И.Н.</i>	
«Любезный моему сердцу президиум»: Переписка Л.Д. Троцкого с бывшими членами Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г. и его память о Совете (1907–1914 гг.)	386
<i>Сулоев И.Н.</i>	
Автобиографии и биографии из фонда «Документы» Костромского музея-заповедника как источник изучения участников революций 1905–1907 гг. и 1917 г.	390
<i>Танцевова А.В.</i>	
«Коммунизм сметет все границы!»: идеи мировой революции на страницах советских еженедельников в 1920-е годы	394
<i>Тарасов С.В.</i>	
Воздействие национального менталитета и традиций на повседневность военнослужащих Квантунской армии в период советско-японской войны 1945 г.	399
<i>Терещенков Л.Е.</i>	
Лояльность и недовольство курсантов Высшего военно-морского инженерного училища им. Ф.Э. Дзержинского на рубеже 1930–1940-х гг.	403
<i>Тимофеева М.А.</i>	
Дискуссии о сущности негритянского вопроса в США в Коминтерне. ...	406
<i>Тумаков Д.В.</i>	
«Партия обязана вмешиваться в личную жизнь»: проявления сталинизма на периферии (по материалам Ярославской области)	410

<i>Тюрина А.Д.</i> Взгляд СССР на проблему заключения мирного договора с Японией (1949–1951 гг.).....	414
<i>Фадеев А.А.</i> О времени упразднения Судного приказа в первой четверти XVIII в.: историко-ведческие и историографические заметки.....	417
<i>Фадеев Л.А.</i> Тема политических репрессий и взаимодействия личности и власти в творчестве Эрнста Неизвестного	421
<i>Федосеева К.В.</i> Выступления советского историка С.И. Архангельского по вопросам мира и безопасности в 1950-е гг.	424
<i>Филяева А.И.</i> «Языковые войны» в Бельгии.	427
<i>Фирсанов Д.Ю.</i> Анализ внутриэлитной ситуации в Гватемале и Сальвадоре накануне гражданских войн	432
<i>Холопов С.Г.</i> Историографический обзор «Полного свода патрологии» Жак-Поль Миня	435
<i>Царегородцева Г.И.</i> Сквозь призму палестино-израильского конфликта: Египет в ближневосточной политике США 1990-е – 2011 г.	438
<i>Цветков Э.Г.</i> Некапиталистическое развитие Тропической Африки в 1960–1980-е гг.	441
<i>Червяков Р.Ю.</i> О роли идеологических трансформаций в вопросе изучения советской карикуры 1970–1980-х годов.	444
<i>Черемухин В.В.</i> Ректор Киевского университета Св. Владимира Николай Цытович: биография интеллектуала	447
<i>Шанина О.Н.</i> Побратимские связи как опыт взаимодействия государства, общества и личности в условиях холодной войны (на примере г. Ярославля).....	450
<i>Шувалова А.Н.</i> Богадельни в Олонецкой губернии в 1880-е гг. (по материалам газеты «Олонецкие губернские ведомости»).....	453
<i>Якимович С.А.</i> Освещение в публичном пространстве архивных документов из коллекции Бориса Суварина	456

<i>Яковлева И.А.</i>	
Проблемы организации и функционирования учреждений социально-правовой охраны несовершеннолетних на территории Новгородской губернии в 1917–1927 годах (по материалам Государственного архива Новгородской области)	459
<i>Acosta E.E.</i>	
Socio-political inheritance in the indigenous movement of Ecuador in the twentieth century, defense of ancestral territory and political theoretical basis.	462
<i>Acosta E.E.</i>	
Indigenous women in Colombia defend their territory in the midst of environmental deterioration in a global geostrategic zone	464
Список организаций, принимающих участие в конференции «КЛИО-2019»	466
Сведения об авторах	469

Научное издание

**Левые идеологии, движения
и организации в истории**

**Исторические документы и актуальные проблемы археологии,
источниковедения, российской и всеобщей истории
нового и новейшего времени**

Сборник материалов Девятой международной
конференции молодых ученых и специалистов
«Clio-2019»

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 21.03.2018
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,5.
Тираж 200 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)